

Российская Академия Наук

ISSN 0131-6095 (Print)
ISSN 3034-591X (Online)

Русская литература RUSSIAN LITERATURE

3

2026

НАУКА

— 1727 —

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература / RUSSIAN LITERATURE

№ 3

Историко-литературный журнал

2026

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. Б. Плюханова (Италия). К спорам о литературности древнерусской литературы . . .	5
М. Н. Виролайнен. Антологическая лирика А. С. Пушкина первых лет после ссылки (1826–1828)	25

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. М. Ранчин. К вопросу о мотивной структуре «Слова о полку Игореве».	32
Т. Г. Попова. Житие преп. Иоанна Лествичника в редакции Германа Тулупова	40
А. А. Добрицын (Швейцария). Семантические галлицизмы: глупость и ум в «Горе от ума»	49
С. Б. Федотова. Эпиграмма А. С. Пушкина «Лицин<ский> окошел...»	58
А. С. Бодрова. К описанию социолитературного фона «Обыкновенной истории»: И. А. Гончаров и В. Ф. Одоевский	64
О. Л. Фетисенко. «Святые горы» А. Ф. Тютчевой и Ф. И. Тютчева: текстология и биографический контекст	75
Приложение. Письмо А. Ф. Тютчевой к Е. Ф. Тютчевой от 12 августа 1861 года . .	80
И. Н. Сухих. «Миленький маленький Чехов» (А. П. Чехов в дневнике Ф. Ф. Фидлера: факты, мнения, слухи, сплетни).	84
М. М. Павлова. Незданный очерк Федора Сологуба и Анастасии Чеботаревской «Встреча с Распутиным»	91
Послереволюционный быт в переписке А. А. Измайлова и И. И. Ясинского 1918–1920 годов (публикация А. С. Александрова и Т. В. Мисникевич).	112
Из культурной истории русской Флоренции: письма Ольги Ресневич-Синьорелли к Джузеппе Преццоллини и Бориса Яковенко к Эрнесто Кодиньоле (вступительная статья, подготовка текста, комментарии и перевод Джузеппины Ларокка (Италия)) . . .	122
Чжан Бин (КНР), Пань Чэньси (КНР). Пекинский университет и развитие толстоведения в Китае	141
А. С. Пахомова. Сети Михаила Кузмина: сетевой анализ кузминского круга 1920–1930-х годов	150

А. М. Грачева. О Владимире Сосинском, Алексее Ремизове и ООН: история одной рекомендации	164
М. Л. Спивак. «Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...»: текстологические ошибки и курьезы в романе Андрея Белого «Москва» (1926)	174
Н. А. Гуськов. Афанасий Сергеевич Пушкин и его двойники: материалы для комментария к повести К. А. Федина «Наровчатская хроника»	195
Т. О. Пономарева. Роман В. В. Набокова «Подвиг»: историко-биографический контекст	204

ЗАМЕТКИ

Л. А. Трахтенберг. Об одном источнике сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель»	217
Д. В. Зайцев. Рассказ И. А. Бунина «Новая дорога»: из материалов к комментарию	219

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. О. Бурцева. Феномен И. А. Крылова как предмет гуманитарного исследования	223
Т. М. Двинятина. И. А. Бунин — критик и публицист	225
К. А. Кумпан. К изучению поздних институций формальной школы	231
А. Ю. Соловьев, В. В. Филичева. Советские читатели Л. Стерна	235
С. А. Дубровская. Шекспир по-советски: монография о рецепции английского драматурга в России первой половины XX века	241

ХРОНИКА

Е. М. Аксененко. Научная конференция с международным участием «Монастырь. Мир. Русское слово. Памяти игумена Антония (Бочкова)»	243
И. В. Аршинова. Международная научная конференция «Международные связи русской литературы: к 70-летию Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН»	246
С. А. Кибальник. Вторая Международная научная конференция «Русские классики второй половины XIX века: биографические и литературные „пересечения“, критическая рецепция и интертекстуальные связи»	249
С. А. Семячко. Научная конференция в честь юбилея Милены Всеволодовны и Татьяны Всеволодовны Рождественских	253
О. Л. Довгий. Международная научная конференция «Третьи Богомолдовские чтения»	255
Е. Р. Обатнина. XXIX Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома	260
Е. Н. Бузурнюк, М. С. Щавлинский. Научная конференция с международным участием «Русская и европейская классика в XXI веке: текстология, комментирование и издание, в т. ч. цифровое»	265
Summaries	270

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Ж. НИВА, И. А. ПИЛЬЩИКОВ, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ,
Р. Д. ТИМЕНЧИК, Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Л. АНДРЕЕВ, В. А. ВИКТОРОВИЧ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН,
В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора),
Е. Е. ДМИТРИЕВА, Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН,
А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

*Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru, www.pushkinskijdom.ru
ruslit@pran.ru, https://ruslitr.ru*

© Российская академия наук, 2026
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2026

RUSSKAYA LITERATURA / RUSSIAN LITERATURE

№ 3

Historical and Literary Studies

2026

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
M. B. Plyukhanova (<i>Italy</i>). Towards the Debate over the Literariness of Old Russian Literature	5
M. N. Virolainen , A. S. Pushkin's Anthological Lyrics from the First Post-Exile Years (1826–1828)	25
REPORTS AND RELEASES	
A. M. Ranchin . Considering Motif Structure of <i>The Tale of Igor's Campaign</i>	32
T. G. Popova . The Vita of St. John Climacus Revised by German Tulupov.	40
A. A. Dobritsyn (<i>Switzerland</i>). Semantic Gallicisms: Foolishness and Wit in <i>Woe from Wit</i> . .	49
S. B. Fedotova . Pushkin's Epigram, <i>Lishchin</i> <sky> <i>Lost His Life</i>	58
A. S. Bodrova . Notes on Social and Cultural Background of <i>The Same Old Story</i> : I. A. Goncharov and V. F. Odoyevsky.	64
O. L. Fetisenko . «The Holy Mountains» by A. F. Tyutcheva and F. I. Tyutchev: Textual Criticism and Biographical Context	75
Appendix. Letter from A. F. Tyutcheva to E. F. Tyutcheva, August 12, 1861	80
I. N. Sukhikh . «Lovely Little Chekhov» (A. P. Chekhov in F. F. Fidler's Diary: Facts, Opinions, Gossips, Hearsays)	84
M. M. Pavlova . <i>An Encounter with Rasputin</i> : an Unpublished Essay by Fyodor Sologub and Anastasia Chebotarevskaya	91
Postrevolutionary Living Conditions in the A. A. Izmaylov and I. I. Yasinsky Correspondence of 1918–1920 (Published by A. S. Aleksandrov and T. V. Misnikevich)	112
Cultural History of Russian Florence: Letters of Ol'ga Resneevich-Signorelly to Giuseppe Prezzolini and of Boris Yakovenko to Ernesto Codignola (Introduction, Editing, Commentary and Translation by Guiseppina Larocca (<i>Italy</i>))	122
Zhang Bing (<i>China</i>), Pan Chenxi (<i>China</i>). Peking University and the Development of Tolstoy Studies in China	141
A. S. Pakhomova . Mikhail Kuzmin's <i>Sety</i> as Networks: A Network Analysis of Kuzmin's Circle in the 1920s and 1930s	150
A. M. Gracheva . Vladimir Sosinsky, Alexey Remizov and the UN: History of a Recommendation	164

M. L. Spivak. «Clear-Unclear, Obscure, Tangled, Lightweight...» Textual Errors and Oddities in Andrei Bely's Novel <i>Moscow</i> (1926)	174
N. A. Gus'kov. Afanasy S. Pushkin and his Doubles: Data for Commentary on K. Fedin's <i>Narovchat Chronicle</i>	195
T. O. Ponomareva. Nabokov's <i>Glory</i> : Historical and Biographical Context	204

NOTES

L. A. Trakhtenberg. On a Source of M. Ye. Saltykov-Shchedrin's Tale «Kissel»	217
D. V. Zaitsev. I. A. Bunin's Short Story «The New Road»: Commentary Insights.	219

REVIEWS

A. O. Burtseva. I. A. Krylov's Phenomenon in Humanitarian Scholarship	223
T. M. Dvinyatina. I. A. Bunin as Critic and Publicist	225
K. A. Kumpan. Studying the Late-Period Institutions of the Formalist School	231
A. Iu. Solovev, V. V. Filicheva. L. Sterne's Soviet Readership.	235
S. A. Dubrovskaja. Shakespeare in the Soviet Style: A Monograph on the Reception of the English Playwright in Russia in the First Half of the 20 th Century	241

NEWSREEL

E. M. Aksenko. <i>Monastery. Secular World. Russian Word. In Memoriam Hegumen Antoni (Bochkov)</i> Research Conference with International Participation	243
I. V. Arshinova. <i>Transnationality of Russian Literature: Honoring the 70th Anniversary of the Department of International Connections of Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences</i> International Research Conference	246
S. A. Kibalnik. <i>Russian Classical Writers of the Second Half of the 19th Century: «Crossings» in Life and Literature, Critical Reception and Intertextuality</i> Second International Research Conference.	249
S. A. Semiachko. Research Conference in Honor of the Jubilee of Milena and Tatiana Rozhdestvensky	253
O. L. Dovgy. <i>Third Bogomolov Readings</i> International Research Conference	255
E. R. Obatnina. 29 th Academic Readings of the Manuscript Department, Pushkin House.	260
E. N. Buzurniuk, M. S. Shchavinskii. <i>Russian and European Classics in the 21st Century: Textology, Commentary, and Publishing, Including Digital</i> International Research Conference	265
Summaries	270

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

*M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD,
G. NIVAT, I. A. PILSHCHIKOV, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH,
R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

*M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN,
A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII,
A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, V. A. VIKTOROVICH, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

*Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru, www.pushkinskijdom.ru
ruslit@pran.ru, https://ruslitras.ru*

К СПОРАМ О ЛИТЕРАТУРНОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Применение к некоторым словесным памятникам Древней Руси понятия «литература» и встраивание их в историю литературы вызывает разные, часто хорошо аргументированные нарекания (некоторые из них мы здесь рассмотрим). Очевидно вместе с тем, что изъять из истории русской литературы древний период было бы чем-то вроде акта постмодернистской деконструкции.

История русской литературы выстраивается сама и строится историками литературы с включением древних памятников как базовой части. По мере усиления русской литературы в Новое время древний период как бы укрепляется ее возрастающей энергией. Подходя к делу диалектически, можно предположить, что при ослаблении литературы ослабевают и ее древний период, и тогда приходит время деконструкции.

Образ древнерусской литературы не может опираться на привычные критерии литературности. Античная литература с поэтикой и риторикой не была здесь усвоена и, соответственно, литературные нормы не манифестировались. Здесь до XVII века не было ни письменной светской поэзии, ни драмы. Некоторые особенности древнерусской ситуации определены обстоятельствами получения книжной культуры в процессе христианизации и ради нее, отсутствием миссионеров-учителей, которые были бы заинтересованы в передаче на Русь системы образования, наук и литературы. Влияния светской культуры с Запада и из Византии проникали фрагментарно.

Если считать богатую культурную среду, интеллектуальную работу, образованность необходимыми условиями, без которых о литературе не может быть и речи, то о древнерусской литературе придется забыть. Филолог-славист Ф. Томсон известен своими суровыми суждениями о Древней Руси. Приводим их в синтетическом и заостренном пересказе Д. М. Буланина: «В присущей ему резкой манере докладчик огласил свое окончательное и бесповоротное сredo по поводу древнерусского наследия, которое сложилось у него в процессе изучения переводов, обращавшихся на Руси в первые три века после ее крещения. Содержание этого „исповедания веры“ сводится вкратце к следующему: мало того, что фонд древнерусской письменности укладывается без остатка в репертуар библиотеки греческого монастыря (об этом писали и до Томсона). Русская средневековая культура в целом представляла собой предельно обедненный и упрощенный вариант той, что сложилась в среде византийского монашества. Оторванная от античных корней, питавших христианство Востока и Запада, Древняя Русь не дала миру философов и богословов, сопоставимых с Ансельмом Кентерберийским, Пьером Абелем и др. Причина ее духовного убожества кроется не в монгольском нашествии, а в консервативности православной церкви, скованной по рукам

церковнославянским языком, который по самой своей природе создавал препятствия для взаимодействия с другими культурами, в особенности с византийской. Это печальное положение вещей, по Томсону, усугублялось отсутствием людей, знающих греческий язык».¹

Суждения Томсона и его пафос совпадают с четырехсотлетней давности мрачными заключениями иезуитского ученого Петра Скарги, сформулированными им в трактате на польском языке «О единстве Церкви Божией под единым пастырем и о греческом отступлении от этого единства. С предостережением и увещанием к русским народам (do Narodow Ruskich), пребывающим с греками» (1577) во времена идейной борьбы вокруг унии. Скарга считал церковнославянский язык причиной интеллектуальной бедности восточных славян, слабости культуры, невежества и непонимания доктрины. Путь к греческому богословию, к науке оказывался для них закрыт. Церковнославянский язык, по убеждению Скарги, был для «русских народов» не вполне понятен и не способствовал интеллектуальному подъему.²

Не возражая против утверждений о культурных недостатках Руси, подчеркнем, что описываемая ситуация — малая интеллектуальность, слабое присутствие греческих учителей, церковнославянский язык, ценный, литургический и полупонятный, затрудненный, сосуществующий с языком сходным, несколько иным по структуре и понятным — все это благоприятствует той сосредоточенности на построении текста, которую Р. О. Якобсон определял как преобладание поэтической функции сообщения.³ Преобладание эстетической функции не исключает проникновения в смысл и сущность сообщения, это только особый путь к смыслу, при котором увеличивается роль формальных элементов в смыслообразовании. Вспомним, что в репертуар библиотеки монастыря, который Томсон считал единственным достоянием Древней Руси, входили литургические книги с совершенными творениями восточнохристианской гимнографии в несравненных церковнославянских переводах и вершиной всего этого была Псалтирь — высшее проявление религиозной поэзии и основа всей древнерусской культуры.

Добавить к этому такой фактор, как исключительная страсть восточных славян к рассказыванию истории, проявившаяся в обширном летописании с множеством сказаний и, с другой стороны, в многообразных эпических традициях преимущественно устной передачи, и увидим в Древней Руси истоки

¹ Буланин Д. М. Фрэнсис Томсон и его «ключ» к древней славянской переводной литературе // *Slověne*. 2022. Т. 11. № 1. С. 381–382.

² Высказывание Скарги цитируется и анализируется А. Е. Наумовым: *Naumow A. E. Se e come esiste la letteratura slavo-ecclesiastica* // *Studi Slavistici*. 2011. Vol. 8. P. 305–316.

³ Только прикасаемся здесь к сложнейшим темам отношений церковнославянского и древнерусского языков в их историческом развитии и роли церковнославянского как литературного языка Древней Руси и как одной из основ литературного языка Нового времени. Описание проблем и подходов к ним дано в фундаментальной работе Г. Кайперта «Conceptions of Church Slavonic» (рус. пер.: *Кайперт Г. Церковнославянский язык: круг понятий* // *Slověne*. 2017. Т. 6. № 1. С. 8–75). В последние десятилетия бинарная концепция диглоссии — функциональной противопоставленности древнерусского и церковнославянского языков Б. А. Успенского стала вытесняться более гибким, сознательно эклектическим подходом В. М. Живова, который уклонялся от бинарности, описывая разнообразие письменных практик, сложность трансформаций письменного языка. Рассматривая языковую организацию отдельных текстов не как иллюстрацию нормы, а как особенную, — как проявление динамических процессов, Живов открыл новые возможности анализа текста в его построении: *Живов В. М. История языка русской письменности*. М., 2017. Т. 1–2. В представлении о базовой роли церковнославянского языка для древнерусской и новой русской словесной культуры следуем за: *Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре* // *Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык*. М., 1995. С. 162–208. О поэтической функции языка: *Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика* // Якобсон Р. О. Избр. работы. М., 1985. С. 198–223.

той литературоцентричности, которая является неоспоримой особенностью русской культуры Нового времени.

Суждения П. Скарги и Ф. Томсона о культурной слабости Руси здесь нам полезны для того, чтобы подчеркнуть две из целого ряда парадоксальных особенностей русской литературы: первое — наличие богатой культурной почвы, систематической образованности не являются необходимым условием для ее лучших проблесков; второе — произведение должно потенциально содержать в себе качества литературности, но, будучи создано вне литературной культуры, оно становится литературой совсем в другое время и в других условиях, иначе говоря, произведение должно иметь особую организацию, позволяющую в дальнейшем воспринимать его как литературное. Замечательный пример тому и другому — гений протопopa Аввакума.

Более или менее систематически элементы светской культуры, литературные нормы, поэтики и риторики начали проникать в Московскую Русь в XVII веке через посредство украинских и белорусских братских школ и Киево-Могилянской коллегии/академии — центра восточноевропейского образования того времени, ориентированного как на восточное церковное Предание, так и на античных авторов и латынь. XVII век отмечен новыми явлениями, такими как силлабический стих польского типа, стихи «приказной школы» смешанной традиции, «неполезная» литература из Польши, появление в конце века театральных постановок западного типа и многое другое. Парадоксальным образом из ситуации уже более или менее благообразной литературной культуры историки русской литературы, как русские, так и западные, извлекают на свет и помещают в позицию вершинного явления буйного протопopa Аввакума, который вырвал себя из культуры своего времени, проклял ее саму и написал свое основное произведение, *Житие*, в земляной тюрьме за Полярным кругом.

С точки зрения ученого церковного иерарха и духовного писателя того же времени, получившего систематическое образование в Киево-Могилянской коллегии/академии, Димитрия Ростовского — Аввакум был мужик и разбойник. В своем трактате против раскольников «Розыск о раскольниковской брынской вере, о учении их, о делах их, и изъяснение, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодна» Димитрий так, например, писал по поводу рассуждений Аввакума о святой Троице: «О, пребезумный Аввакуме! уне тебе баше в дому твоём дрова на трое топором сеци, неже не своего дела касатися, и умствованием твоим мужичьим Троицкое единосущие на трое пресецати».⁴ Всех «раскольников» XVII — начала XVIII века Димитрий Ростовский представлял как множество простолюдинов, которые впали в смятение, потому что не ведают о правилах толкования священных текстов в четырех смыслах: буквальном, аллегорическом, анагогическом и тропологическом,⁵ не приучены к умственной дисциплине, беспомощны в жалких попытках понять то, что им понять не дано.

Аввакум хорошо знал Писание и Предание и традиции толкований, но толковал псалмы и пророчества по своему усмотрению, не в четырех смыслах, а скорее в трех — анагогическом, историко-эсхатологическом и даже автобиографическом. Он строил тексты в духе своего трагического переживания наступившего времени как последнего — поруганного и погибельного, заражая их энергией борьбы с последними силами зла. Все языковые ресурсы — церковнославянский язык литургии, Писания и Предания, бытовой русский

⁴ Димитрий Ростовский. Розыск о раскольниковской брынской вере, о учении их, о делах их, и изъяснение, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодна. М., 1847. С. 97.

⁵ Там же. С. 366–367.

и общенный — всё одновременно действует в текстах, идеологизировано, организовано для борьбы. При всем том произведения его и прежде всего — лучшее, «Житие», — это осознанная языковая работа, выстраивание стиля, т. е. в структурном плане художественно организованные произведения. Для Аввакума язык — это предмет его любви и внимания, поле его деятельности, где он сталкивает разные слои, внезапно меняет регистры, играет контрастами, строит звуковые фигуры.⁶

Риккардо Пиккио, вообще высоко ценивший восточнославянскую культурную элиту, вставшую на почву классического знания, завершает древнерусский отдел итальянской «Истории русской литературной цивилизации» хвалой «Житию» Аввакума как важнейшему явлению, венчающему древность и открывающему новую литературу: «Удивительность этого повествования заключается в необычном сплаве древних элементов. Если, с одной стороны, верно, что зародыш новой литературной системы технически вырабатывался в придворной элите и в школах, то, с другой стороны, этот стремительный прорыв плотин во имя старых принципов закладывал основы новой константы русской литературы: указывать на высшее, останавливаясь на самых грубо-конкретных проявлениях человеческих бедствий. В Аввакуме мы можем видеть первого представителя русского утопического реализма. В его житии мы находим прототипы, которым суждено было закрепиться: революционер-мученик, наделенный некой сокровенной миссией; русская женщина, спутница святого бунтаря, которая, подобно Анастасии Марковне, с полной простотой принимает Сибирь; и на заднем плане — толпы угнетенных и униженных, в чьих истерзанных и зловонных телах продолжает вновь и вновь повторяться искупительный опыт Спасителя».⁷

Пиккио в этом суждении не связывал себя заботой о внешней хронологической последовательности направлений, влияний и восприятий — уровень, на котором шла работа культурной элиты. «Житие» является перед ним как некая глубинная таинственная сфера, в которой просматриваются константы русской литературы и русской жизни. «Не верно, — пишет Пиккио, — было бы определить его как шедевр, для этого оно слишком вне систем», и применяет к нему определение «*mirabile*» — поразительное, вызывающее восхищение.⁸

До середины XIX века писания Аввакума, как и вся словесность раскола, оставались достоянием последователей старой веры. Аввакума как писателя реально не существовало в русской литературе до начала 1860-х годов, когда вдруг одновременно возникли и возможность публикации, и потребность в ней, и возможность восприятия текста как литературного. Духовная цензура испытала смятение, но не остановила двух публикаций «Жития» протопопа Аввакума, одновременно осуществленных Н. С. Тихонравовым в 1861 году — в составе «Летописей русской литературы и древностей» (вып. 6) — и отдельным изданием у Д. Е. Кожанчикова.⁹ Тихонравов, работавший над составлением канона древнерусской литературы, уже воспринял и представил

⁶ Не привожу здесь известную цитату о любви к языку; см.: Пустозерская проза: Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Дьякон Федор. М., 1989. С. 94.

⁷ *Storia della civiltà letteraria russa* / A cura di M. Colucci, R. Picchio. Torino, 1997. Vol. 1. P. 222. Перевод, по возможности дословный, наш. — М. П.

⁸ Там же.

⁹ Архимандрит Фотий рекомендовал печатать «Житие» среди научных статей, но глава Комитета духовной цензуры архимандрит Макарий (Малиновский) разрешил Кожанчикову отдельное издание. См.: Малышев В. И. История первого издания Жития протопопа Аввакума // Русская литература. 1962. № 2. С. 139–147.

«Житие» как его выдающуюся часть. В 1876 году в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский как об очевидном факте пишет о языке Аввакума как литературной ценности, сопоставимой с языком Гоголя и Пушкина.¹⁰ Аввакум, его стилистическая манера и повествовательные элементы интегрируются в новую литературу. В начале 20-х годов XX века, период подъема русской авангардной литературной теории, «Житие» Аввакума выбирается как основной литературный текст, на материале которого наиболее эффективным образом можно разрабатывать положения и методы новой стилистики.¹¹

Взыскуемая Скаргой и Томсоном культурная ситуация, литература, соответствующая требованиям классической поэтики и риторики, система классических жанров с господством оды и трагедии сложились в России лишь в XVIII веке. В периоды классицизма, при господстве нормативной поэтики, происходит смещение памятников средневековой словесности на периферию или вообще в область забвения. Это характерно как для французского классицизма, так и, в ряде общих установок, для русского. Но, как это неоднократно отмечалось, русский классицизм не только занимается встраиванием в литературную ретроспективу системы античных и новых европейских классицистических образов, но и обращается к своему старому церковнославянскому и древнерусскому наследию как способному выполнить некоторые функции недостающей античности. В русской классицистической поэтике, как и в практике, утверждается как норма употребление элементов церковнославянского — языка древних славянских церковных книг как обеспечивающего высокий стиль в системе трех стилей. Знаменитое предисловие М. В. Ломоносова «О пользе книг церковных» приравнивает славянское литургическое наследию к античному в культурном и литературном значении.¹² Выводятся на первый план такие свойства церковной словесности, как красноречие, красота, приятность — литературные по существу. Церковное красноречие идет от эллинского, но еще более возвышенно, поскольку воспаряет к Богу: «Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианские Церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу».¹³

В «словенских» церковных книгах, по Ломоносову, мы видим «греческое изобилие», умножающее «довольство словенского слова». Правда, признает Ломоносов, словенские литургические переводы не всегда вразумительны, однако они вошли в обычай и сделались приятны и полезны. Подчеркнем здесь, что Ломоносов трактует литургическую поэзию как художественную — «парение усердного пения к Богу»; в литургическом языке, «словенском», —

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май–октябрь. С. 81–82.

¹¹ Работа В. В. Виноградова 1923 года: Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем протопопа Аввакума // Виноградов В. В. Избр. труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 3–41.

¹² О языковой позиции М. В. Ломоносова и культурно-языковой ситуации этого периода см.: Успенский Б. А. М. В. Ломоносов о соотношении церковнославянского, древнерусского и «древнего славянского» языков // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1997. Т. 3. Общее и славянское языкознание. С. 657–666; Picchio R. La Prefazione sull'utilità dei libri ecclesiastici di M. V. Lomonosov come manifesto del patriottismo confessionale russo // Picchio R. Letteratura della Slavia ortodossa. Bari, 1991. P. 521–532; Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

¹³ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: [В 11 т.]. М.; Л., 1952. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. С. 587.

он выделяет те качества, которые вообще считал основными для поэтического слова, — «довольство», изобилие, приятность и неполную вразумительность, т. е. затрудненность.¹⁴

Церковнославянская древняя Псалтирь, которой жила, на которую опиралась вся словесность Руси, теперь выдвигается в позицию образца высокой поэзии. В. К. Тредиаковский — основной теоретик и практик переложения псалмов в новую эпоху.¹⁵ Для него псалмы — образец высокой поэзии вообще — «псалмы не что иное как Оды», в которых «и благородство материи, и богатство украшения, и великолепие слова», «удивительное вознесение к высоте слогом возлетающее». Как отмечает В. М. Живов, восхваляя поэтическую силу псалмов, Тредиаковский цитирует Н. Буало, который тоже отсылает к псалмам Давида в своем предисловии, но если Буало псалмы нужны для обсуждения свойств поэзии Пиндара, то у Тредиаковского они — высший образец.¹⁶

Как борьбу за автохтонные возвышенные сюжеты и даже возвышенную стилистику для этих сюжетов можно интерпретировать полемические выступления Ломоносова с участием иногда и Тредиаковского против историков-немцев в Академии наук, прежде всего академика Г. Ф. Миллера, вокруг «Повести временных лет» и ее позднейших модификаций — «баснословий» — о начале русской земли и русской власти.¹⁷ Историки-немцы занимались критикой исторических источников, в то время как Ломоносов старался выявить в них высокое предание о властителях и героях и очистить их от приносящих известия — от «клевет».

Мы цитируем здесь рассуждения Тредиаковского и Ломоносова о важности языка церковных книг, о возвышенной поэзии псалмов, упоминаем о важности для них старых сюжетов с нашими специальными целями: во-первых, чтобы еще раз подчеркнуть известный факт, что русский классицизм при всем новом повороте культуры не уходит с почвы прошлых традиций, а актуализирует их и вовлекает в конструирование новой литературы, и, во-вторых, мы хотим использовать это освещение литургической словесности как возвышенной и сложной поэзии, чтобы защитить право освещать памятники словесности Древней Руси как литературные.

Напомним, что теория и поэзия Ломоносова стали основой для авангардной концепции художественного языка Ю. Н. Тынянова в его трактате «Проблема стихотворного языка»,¹⁸ через Тынянова, но и непосредственно они оказали влияние на идеи Ю. М. Лотмана о специфике художественного текста.

Вернемся, однако, к критикам древнерусской литературы. Как скептик и критик *историй древнерусской литературы* в 2000 году выступил Ханс Роте, крупнейший филолог, сыгравший фундаментальную роль в больших

¹⁴ Там же. С. 587–588.

¹⁵ Шишкин А. Б. Из неопубликованных поэтических трудов В. К. Тредиаковского (стихотворная «Псалтирь») // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 29–39.

¹⁶ «Рассуждение о оде вообще» Тредиаковского цитируется и интерпретируется в статье В. М. Живова «К предистории одного переложения псалма» (Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 532–555; текст Тредиаковского здесь на с. 542).

¹⁷ В этом аспекте полемические выступления Ломоносова почти не рассмотрены. Публикация их (неполная): «Рассмотрение спорных пунктов между господином профессором Миллером и господином комиссаром Крекшиным...»; «<Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера „Происхождение имени и народа Российского“>» и примыкающие материалы см.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг.

¹⁸ Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

научных проектах по изданию книжного наследия восточных славян. В своей работе «Что такое „древнерусская литература“?» он писал: «Разумеется, нельзя обойти стороной основной факт: древнейшая письменность восточных славян представляет собой обусловленную церковными нуждами литературу практического назначения (*Gebrauchsliteratur*). Однако уже давно видели, где следует искать „художественную литературу“ («*schöne Literatur*»), поэзию древнерусской словесности (*Literatur*): считалось, что она сохранялась в устной народной поэзии (*Volksdichtung*), главным свидетельством которой, в свою очередь, является „Слово о полку Игореве“».¹⁹

Роте утверждал, таким образом, что лишние, неадекватные разговоры о красоте и литературности древнерусской словесности проникли в учебники и исследования вместе с вредным элементом — «Словом о полку Игореве». Если бы это аномальное явление — памятник, не подтвержденный никакими документами, — не распространило бы свое влияние на образ древнерусской словесности, то таких разговоров, по мнению Роте, и не было бы. В отличие от Ломоносова и Тредиаковского, Роте исключает взгляд на религиозную церковную словесность как имеющую отношение к поэзии и красоте. (Как кажется, такой ригоризм характерен больше для ученых протестантского склада, и от него свободны исследователи с католическими или православными корнями.)

Роте противопоставляет *историям древнерусской литературы* от А. С. Орлова и далее «исторически адекватное рассмотрение древнейшего письменного наследия восточных славян», с «тщательной филологией, критическим источниковедением», со сравнительным изучением, исходящим из южнославянских памятников. Соответствующие тенденции он находил в *историях, очерках* восточнославянской словесности русских славистов старой формации — Е. В. Петухова, М. Н. Сперанского, В. М. Истрина. Из новых русских трудов как наиболее ценный для правильного освещения истории письменности восточных славян Роте указал на «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.» (1984).

В *историях древнерусской литературы* советского времени Роте особенно отрицательно относился к рассуждениям о поэтике и об исторической эволюции стилей. Впрочем, он был не вполне тверд в своем ригоризме. Кроме строгого филолога-слависта, отдавшего себя многотрудным изданиям славянских рукописей, в нем жил и чувствительный к красотам древнерусской словесности ученик Дмитрия Чижевского. В начале своего очерка он пишет о его книге по истории древней литературы Киевского периода, определяя ее как «выдающееся и поныне поучительное изложение Чижевского (1948, еще более — 1960), которое для всех нас было своего рода основным сводом».²⁰ Далее, однако, он рассматривает труд Чижевского как примыкающий к направлению, обусловленному структуралистским вниманием к поэтике, идущим от Пражского лингвистического кружка и нашедшим наиболее сильное выражение в трудах Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона. Таким образом, в его перспективе

¹⁹ Rothe H. Was ist «altrussische Literatur»? Wiesbaden, 2000. S. 12. Отметим здесь, кстати, что Роте с некоторой завистью говорит о присутствии в русском языке отдельных понятий — литература, словесность, книжность, которым затруднительно найти аналоги в немецком, так что приходится оперировать дополнительными определениями.

²⁰ «...Die großartige und bis heute lehrreiche Darstellung von Tschizewskij (1948, noch mehr 1960), die für uns alle ein Grundbuch war» (Rothe H. Was ist «altrussische Literatur»? S. 7). Книга Дм. Чижевского 1948 года: *Tschizewskij D. Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert: Kiever Epoche*. Frankfurt a/M., 1948. Под изданием 1960 года автор имеет в виду первый том издания: *Tschizewskij D. Russische Geistesgeschichte*. Hamburg, 1959. Bd 1. Das heilige Rußland. 10. bis 17. Jahrhundert; 1961. Bd 2. Zwischen Ost und West. 18. bis 20. Jahrhundert.

оказываются параллельными и даже совпадающими пути советской поэтики древнерусской литературы (ее, при всем уважении к Д. С. Лихачеву, он считает обусловленной патриотизмом, конъюнктурными причинами, редукцией филологии и славистики ради создания образа оригинальной и богатой древнерусской литературы) и пути эмигрантской структуралистской поэтики.²¹

Для новейшего времени Роте отдавал предпочтение подходу германскому, выработанному Клаусом Зеemanом и его сотрудниками, группировавшими тексты Древней Руси по жанрам с прикладными функциями, со специальным вниманием к особенностям среды, в которой эти функции осуществлялись, то, что называется в немецкой герменевтике *Sitz im Leben*.

В период расцвета школы в 1988 году Зеeman опубликовал статью (восходившую к докладу на совместном немецко-советском симпозиуме 1981 года) с обсуждением и критикой русских историй древнерусской литературы.²² Он указывал как на сильную сторону школы Д. С. Лихачева, близкую к его установкам — внимание к практической функции жанров, к *Sitz im Leben*, но подвергал критике хронологический характер изложения и внимание к памятникам и авторам. В насмешливом эпиграфе к статье история литературы, построенная как последовательность авторов и произведений, следующих друг за другом в хронологическом порядке, сравнивалась с шествием гусей. Оставаясь на почве немецкого языка, Зеeman не воспринимал как значимое противопоставление литературы и книжности, с сочувствием, но как для себя далекой и бесполезной, относился к идее Лихачева о важной позиции в истории древнерусской литературы произведений, которые, пройдя долгий путь рецепции, были усвоены новой литературой. Подход, выработанный Зеemanом, исключал, по существу, идею истории древнерусской литературы, она и не планировалась, перед группой ставилась задача описания жанров и сопоставления их словаря.²³

Критики позволяют яснее разглядеть различные подходы к древнерусским текстам: полярно противопоставлены, с одной стороны, тот, который основывается на реально сохранившихся рукописях, рукописных книгах, книжности, и, с другой стороны, тот, который рассматривает отдельные тексты как особенные, особым образом построенные. Первый рассматривает тексты и традиции, документированные рукописями, как материал, посредством которого можно выявить исторические особенности среды, в которой они воз-

²¹ Полное сближение эмигрантского структурно-эстетического подхода и историй древнерусской литературы советского времени см.: *Rothe H.* Was ist «altrussische Literatur»? S. 26–27.

²² *Seemann K.-D.* Voraussetzungen für eine wissenschaftliche Geschichtsschreibung der altrussischen Literatur // *Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten deutsch-sowjetischen literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22.–28.6.1981* / Hrsg. R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden, 1988.

²³ На симпозиуме 1981 года и в сборнике 1988 года представлять советскую школу исследований древнерусской литературы выпало А. С. Демину. В статье автор старался демонстрировать сближение с немецким жанрово-функциональным подходом и говорил о намерении перейти вместе со своей московской группой от исследования отдельных произведений к работе над блоками текстов, сборниками и кодексами, представляющими тематическое целое. Вторая задача статьи — скорее институциональная, чем индивидуально авторская, и явно внешняя по отношению к немецким интересам — борьба против структурализма и семиотики в литературоведении. Им противопоставлялось изучение художественной образности произведений, рассмотрение литературы как органической части общественной жизни и, при отходе от традиций, — выявление психологических черт автора-художника, обусловивших эти отступления — психологический анализ. См.: *Demin A. S.* Verfahrensgrundsätze einer Fundamentalgeschichte der altrussischen Literatur // *Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten deutsch-sowjetischen literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22. — 28. 6. 1981* / Hrsg. R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden, 1988. S. 137–145.

никали и функционировали. Второй подход, выделяющий художественность текстов, строгому филологу представляется областью фантазии, поскольку в Древней Руси заведомо не было литературной культуры.

Эта альтернатива усложняется еще одним противостоянием: рассмотрение средневековой церковнославянской словесности в едином культурном пространстве *Slavia Orthodoxa* противостоит сосредоточенности на локальных явлениях. Проблематике литературы *Slavia Orthodoxa* посвящена статья А. Е. Наумова,²⁴ понятие литературы в ней используется как синоним письменности (*letteratura* — *scrittura*), в значении — совокупности памятников письменности, письменная культура. Центральная проблема, которая в ней обсуждается, — возможность рассмотрения церковнославянского письменного наследия как единого. Оптика статьи задается славянской филологией и палеославистикой, но автор принимает во внимание и потребности других подходов, ориентирующихся на местные особенности, и не навязывает никаких жестких решений.

Более или менее очевидно, что добиться чистоты метода при необходимости встроиться в какую-либо историческую перспективу, изучать последовательность развития — маловероятно. Самым совершенным, по меркам Томсона, Роте и других критиков, является труд, совмещающий строгость филологического подхода и широту горизонта, охватывающего все славянские культуры, — том «*La Cultura slava*» под редакцией Марио Капальдо в много-томной серии «*Lo spazio letterario del Medioevo*» (2006). Здесь собственно история литературы присутствует только в разделах, посвященных славянским культурам с латинским фундаментом — таким как польская и чешская — *Slavia latina*. Специфика средневекового литературного пространства *Slavia Orthodoxa* специально охарактеризована в теоретической главе, написанной крупным швейцарско-немецким славистом Роландом Марти.²⁵ Как здесь отмечается, описание средневековых периодов в истории национальных литератур южных и восточных славян традиционно страдает отсутствием взгляда, имманентного эпохе. Национальные истории литературы во многом заблуждаются, поскольку оперируют критериями, чуждыми средневековой книжной среде, такими как оригинальность текста или выделение фигуры автора. Марти различает фигуры авторов, некорректно выстроенные в духе Нового времени, иронически прибегая к понятию автографа (которым не оперируют даже самые заблудшие национальные *истории* древних литератур), и средневековое соотнесение текстов с именами авторитетных отцов и учителей.

Условному ошибочному представлению о стабильном авторизованном тексте Марти противопоставляет другую концепцию текста как адекватную применительно к словесности *Slavia Orthodoxa*: текст не является стабильным объектом, это нечто, находящееся в постоянном становлении, в динамике — *ἐνέρῳια*.²⁶ Под динамической эволюцией имеется в виду развитие рукописной

²⁴ Naumow A. E. Se e come esiste la letteratura slavo-ecclesiastica.

²⁵ Marti R. Dal manoscritto alla letteratura: per una testologia del patrimonio scritto slavo, § 1.3: La «letteratura» nella Slavia ortodossa // *Lo spazio letterario del Medioevo*. 3. Le culture circostanti. Vol. 3. Le culture slave / A cura di M. Capaldo. Roma, 2006. P. 671–704.

²⁶ Р. Марти исходит из известного в гуманитарных науках понятия *ἐνέρῳια* — *energeia*, введенного Вильгельмом Гумбольдтом для определения языка как постоянно развивающейся деятельности, противопоставленного пониманию языка как готового продукта: *Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin, 1836. Рус. пер.: *Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества* // Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 37–298.

традиции текста (здесь автор ссылается на текстологию Д. С. Лихачева).²⁷ По ходу динамического развития могут меняться границы текста, его атрибуции и пр. Марти отмечает, что тексты могут проявляться в эпохи более поздние, чем время их предположительного возникновения, которое может остаться никак не документированным. Эти положения находятся в некотором диссонансе с заявленной необходимостью взгляда, имманентного определенной эпохе, поскольку текст проявляет способность развиваться и за ее пределами. Автор незаметно уходит от установок *Sitz im Leben* немецкой школы, переходя к чему-то подобному динамическим моделям текста и культуры в духе Ю. М. Лотмана, по теории которого текст, имеющий усложненную структуру, меняет свои значения, разным образом декодируется на разных этапах развития культуры; художественный текст, в отличие от нехудожественного — это динамический объект.²⁸ Динамизм текста у Марти — материальная судьба его в средневековой рукописной традиции, в то время как у Лотмана, ориентирующегося в первую очередь на художественный текст Нового времени, — на первый план выходит динамика значений и функций, но теории пересекаются: и в той и в другой текст в конечном счете предстает в динамике — как *ἐνέργεια*, — обусловленной не произволом отдельного лица или случайностью отдельного восприятия, а объективными процессами в развитии культуры.

Наиболее свободный от влечения к литературе взгляд историка на памятники Руси находим в монографиях Саймона Франклина, посвященных истории письма.²⁹ Составляя свою *историю*, автор берет на вооружение термин «письменность», или «письмо», с его точки зрения позволяющий наиболее адекватно описать основания и эволюцию ситуации с текстами в Древней Руси. Франклин как бы реализует проект Роте, но вместе с тем две его монографии делают большой шаг в сторону новизны метода, они вписываются в новое направление, рассматривающее письмо как культурную практику, формирующую мышление, память, социальные системы, благодаря чему история письма оказывается пересечением исторических, филологических и прочих подходов. Во второй монографии Франклин вводит новое определение своего объекта — графосфера, созданное, как он отмечает, по модели семиосферы Лотмана. От «семиосферы» автор заимствует пространственную метафору «сферы», идею ее границы, внимание к динамическим процессам внутри «сферы». Обоснованию термина «графосфера» посвящена вступительная глава книги, по видимости скромно отказывающаяся от экскурсов в историю науки, но реально демонстрирующая историческую смену научных и культурных парадигм. В том, что касается наших интересов, ход рассуждений ученого позволяет увидеть преемственность между прежним уклоном в историю книжности и новым господством истории письма и вместе с тем помогает нам в попытках различать положение текста как компонента графосферы — письма-книжности, с одной стороны, и литературы — с другой.

Графосфера укоренена в физическом измерении, она охватывает видимые слова, тексты в их материальной данности. «Ее конкретные компоненты — способы, материалы и технологии видимых слов, благодаря которым

²⁷ *Marti R.* Dal manoscritto alla letteratura... P. 674.

²⁸ Синтетическое изложение идей Лотмана о специфике художественного текста: Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 203–215.

²⁹ *Franklin S.* 1) *Writing, Society and Culture in Early Rus*, с. 950–1300. Cambridge, 2002 (рус. пер.: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: Около 950–1300 гг. СПб., 2010); 2) *The Russian Graphosphere, 1450–1850*. Cambridge, 2019 (рус. пер.: Франклин С. Русская графосфера, 1450–1850. СПб., 2020).

она существует».³⁰ Язык, языки фигурируют как данные в записи или в звуке. Знаковые системы применительно к графосфере суть то, посредством чего представлены слова, т. е. спектр алфавитных или идеограммных конвенций.³¹ Такой подход с упором на видимые слова, тексты в их физической данности — полезный инструмент для социально- и культурно-исторических исследований. Автор сам видит его связь с традициями изучения книжности, но добавляет к книгам, рукописям — надписи, документы. Труднее взойти от графосферы в область идей, смыслов, а также в область языков, знаков, символов, текстов, всего того, что Лотман включал в семиосферу и что подразумевало движение мысли от объектов, данных физически, в сторону интеллектуальных сущностей, в «мыслящие миры», как определял их Ю. М. Лотман.³²

В XX веке графическое или звуковое запечатление оказывалось на периферии научного внимания, направленного на язык как систему образования значений. Ф. де Соссюр развел два уровня — физический звук и психологический образ звука, который уже является частью означающего. Физический звук еще сохранял у него какую-то, хотя и слабую роль в работе языка, поскольку рассматривался как связанный со звуковым образом. Н. С. Трубецкой, создатель фонологии, выделил как основную минимальную единицу, различающую значение — фонему, абстрагированную от конкретных реализаций в звуках. Различения значений, или процессы кодирования (по терминологии, более близкой Франклину) происходят не на уровне физических звуков, а на более абстрактных уровнях деятельности сознания и культуры. Рассуждения о второстепенности конкретных реализаций, физического плана в существовании знака или текста могут иметь место при понимании языка как системы порождения и структурирования значений — в духе XX века, еще больше — при идеалистическом, романтическом подходе к языку как к деятельности по порождению речи и смысла, как к процессу формообразования мысли, идущему в индивидуальном и коллективном сознании — в «духе

³⁰ «Among the many ways of conceptualising the graphosphere, four should be highlighted in particular. In the first place, the graphosphere can be imagined as a whole, as a physical entity or system with properties such as shape, borders, degrees of density and the like. Secondly, the graphosphere has to be analysed in terms of its specific components, the modes and materials and technologies of the visible words from which a graphosphere derives its existence» (*Franklin S. The Russian Graphosphere. P. 1–2*).

³¹ «Inclusiveness, in a survey of a graphosphere's components, extends to their origins (i. e. whether locally made or imported), to the signs by which words are represented (i. e. the range of alphabetic or ideogrammatic conventions), and to the sounds which those signs are supposed to encode (i. e. the languages)» (*Ibid. P. 4*).

³² Идея о семиосфере была впервые сформулирована Ю. М. Лотманом в 1984 году (*Лотман Ю. М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 17. С. 5–23 (Учен. зап. Тартуского ун-та; вып. 641)*). Она развивалась автором в разных направлениях, не принимая формы завершенной концепции, наиболее широко при жизни Лотмана была представлена в теме статей, вышедшем одновременно в Англии и в Америке: *Lotman Yuri M. 1) Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture / Transl. by Ann Shukman, introduction by Umberto Eco. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990; 2) Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. London; New York: I. B. Tauris, 1990. Близкий русский аналог: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. Идея Лотмана о семиосфере, при всей их нечеткости и незавершенности, а может быть, отчасти и благодаря им, имели сильное стимулирующее влияние на исследования в области семиотики, философии и других гуманитарных наук. Саймон Франклин хотя и делает предметом своих исследований мир физически существующих объектов — графосферу, стремится в сторону «мыслящих миров». Он пишет: «The graphosphere is a space, not just an agglomeration of objects. In its spatial emphasis the graphospheric approach is partially analogous to a branch of sociolinguistics concerned with the linguistic landscape. <...> Still more broadly, the graphosphere has affinities with, and owes an obvious lexicographical and conceptual debt to, what the semiotician Iurii Lotman termed the semiosphere» (*Franklin S. The Russian Graphosphere. P. 9*).*

народа», *energeia*, по определению В. фон Гумбольдта. Исследование Франклина — он сам останавливается на этом — осуществляется в новую эпоху, смещающую акценты и меняющую парадигмы, в контексте новых информационных технологий. В этих условиях поднимается роль материальных носителей, системы кодирования порождаются машинами (другое — давнее, XX века — дело, что машины были обучены на базе структурной лингвистики). Сознание и тем более — «дух народа» становятся периферийной областью воздействия кодирующих устройств.

Для графосферы времен рукописных книг реальностью в физическом измерении является текст как список. Каждый новый список, по Франклину, рассматривается как новый продукт. То, что мы пытаемся определить здесь — текст-произведение с качеством литературности, относится к спискам приблизительно так, как фонема относится к своим аллофонам — звукам: фонема существует на уровне, где в языке осуществляется смысловоразличение, различия звуков-аллофонов не функционируют как смысловоразличительные. Текст с качеством литературности существует, вырабатывает свои смыслы и реализует свои значения в реальности сознания, нематериальной культуры, в области традиций, языков культуры, литературных систем. Он сохраняет связь со своими материальными отображениями — списками, динамика версий может отражаться на его смыслообразовании, но может остаться незасвидетельствованной древними списками — в традициях, существовавших преимущественно устно, или вообще соткаться из таинственного для нас небытия.³³

Будучи непрямо и некрепко связанным с обеспечивающей хронологию документов графосферой, древнерусский литературный текст тем не менее не теряет своего исторического измерения. Здесь пришло время обратиться к рассуждениям о древнерусской литературе самого Н. С. Трубецкого, одного из отцов фонологии, вдохновителя Пражского лингвистического кружка и вместе с тем автора работ по церковнославянскому языку и стиху, по метрике фольклорного стиха.

В 1925–1926 и в 1928 годах Трубецкой читал в Венском университете курс по древнерусской литературе. 18 февраля 1926 года он написал письмо своему другу Р. О. Якобсону о задачах и методах курса. В 1973 году Якобсон опубликовал это письмо в послесловии к немецкому изданию этих лекций. Трубецкой определяет свою постановку вопроса как экстравагантную — это применение элементов формального метода с целью установить контакт между «нашими» и древнерусскими эстетическими мерилami: «В этом семестре читал только допетровскую литературу. Против ожиданий вышло недурно. Главное — совершенно не похоже на обычные курсы древнерусской литературы: иногда мне даже жалко, что среди слушателей нет специалистов, которые могли бы оценить экстравагантность моей постановки вопроса. Вы бы вероятно обрадовались, так как формальный метод подпушён в изрядной дозе. Но все-таки настоящим формалистом я себя признать не могу, ибо для меня формальный метод есть только средство для того, чтобы дать почувствовать дух произведения. Наши эстетические мерилa настолько отличаются от древнерусских, что непосредственно эстетически чувствовать древнерусские литературные произведения мы почти не можем (исключение составляют только некоторые южнорусские памятники XII и XIII в., наиболее «европейские» по своему духу). И вот тут на помощь нам приходит формальный метод. Уяснив себе „приемы“ древнерусских писателей и цели этих приемов, мы начинаем

³³ Образ Голубиной книги, которая «выпадала» из тучи, полезен и поучителен для размышлений о древнерусском литературном произведении.

ощущать и самые произведения и постепенно „влезает в душу“ древнерусского читателя, встаем на его точку зрения. В этой области можно сделать массу неожиданных открытий. Эволюция литературы при этом подходе тоже предстает в совершенно новом виде. Очень часто получаются выводы, прямо противоположные выводам прежних историков литературы. Впрочем, — и неудивительно, ибо эти прежние историки литературы совершенно поразительный народ: глухи и слепы до невероятия! Просто читать не умеют... В результате получается, что др. литература как литература вовсе еще не исследована, так что перед филологом открывается совершенно непочатый край. Меня особенно занимал формальный анализ памятников, так сказать, наименее литературных с современной точки зрения, — паломничеств, летописей и проч. Этих памятников, по-моему, до сих пор никто еще не читал: читали каждую отдельную главу или главку этих памятников, но самого памятника в целом, в сущности, не прочли и потому не заметили самого главного — литературной техники построения. В смысле этой техники среди таких русских памятников попадаются положительные шедевры. Таковым я считаю, например, „Хождение Афанасия Никитина за три моря“, о котором хочу непременно написать маленькое исследование». ³⁴

Трубецкой считает анализ формальных сторон, техники построения текстов способным достичь объективных результатов, позволяющих вступить в контакт с создателями текстов и их эпохой, встать на их точку зрения. Во Введении к курсу Трубецкой определяет несколько принципов подхода к древнерусской словесности с учетом ее отличия от культуры Нового времени и сходства с византийской: это, во-первых, осознание неразделенности религиозного и художественного начал — церковное искусство как эманация религии, и, во-вторых, осознание того, что значительная часть словесности — развлекательная, поэтическая и прочее, не заносилась в книги или только окказионально попадала в них, а передавалась преимущественно устно, но является частью древнерусской литературы.

Р. О. Якобсон в своем послесловии к курсу Трубецкого, комментируя письмо, объясняет его тон, резкий по отношению к предшественникам в изучении древнерусской литературы, бурей и натиском «новой пробивающейся литературной методологии, направленной на реформированный художественный вкус с его все расширяющимся временным и пространственным кругозором и со все более тесными связями между пытливыми экспериментами авангарда искусства и науки». ³⁵ Здесь Якобсон, следуя идее Трубецкого, рассматривает метод как устанавливающий контакт между актуальной культурой и изучаемым объектом, но если Трубецкого больше интересовала возможность приближения к «мерилам» прошлой культуры, то для Якобсона существенно влияние актуальной культуры на метод анализа литературных явлений прошлого. В конечном счете у обоих подразумевается взаимодействие между древнерусской словесностью как особенной, удаленной от литературных парадигм Нового времени и этим сильной, и культурой авангарда, дающей мощный толчок к расширению временного и пространственного кругозора.

Отсюда мы можем вернуться к заявленной первоначально идее о динамизме *историй* древнерусской литературы. Они сложным образом связаны с эпохами, в которых формируются. Само их появление и их особенности

³⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 779–780. Исследование о Хождении Афанасия Никитина было написано Н. С. Трубецким. Публикации его указаны в комментарии Р. О. Якобсона к письму Трубецкого: Там же. С. 780.

³⁵ Там же.

зависят от многих факторов, в значительной степени от того, какую роль играет древнерусская словесность в тех литературных и культурных процессах, которые являются референтными для соответствующих *историй*.

Облик древнерусской литературы как феномена, включенного в ретроспективу национальной культуры, в значительной степени определялся в эпоху предромантизма и романтизма, — с появлением рукописей и изданий «Слова о полку Игореве» и сборника «Древних российских стихотворений» Кириши Данилова. Это делалось прежде всего филологическими трудами А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, деятелей Румянцевского кружка собирателей древностей, а также их предшественников в XVIII веке — Н. И. Новикова, Евгения Болховитинова и многих других. Фундаментальна роль в этом процессе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, перенесшего большую часть древнерусского летописания в литературную культуру. Дело выявления значимых для национальной культуры памятников, интегрирования в литературный язык пластов церковнославянского литургического языка, включения в литературу фрагментов и целых традиций прошлой словесности, оформления облика древнерусской литературы, структурирования ее содержания, составления канона произведений — все это продолжалось на протяжении XIX века с разной степенью интенсивности, в разных областях культуры — в науке, в творческой практике, в деятельности любителей старины и пр. Постоянный фактор — влияние на этот процесс идей Гердера и Шеллинга, основополагающих для немецкого романтизма, а в России продолжавших питать литературное творчество и идеологии дольше, чем где бы то ни было. Первый большой курс древнерусской литературы читал и издавал С. П. Шевырев — профессор Московского университета, славянофил-шеллингианец. Его ученик Ф. И. Буслаев, филолог, профессор, создатель школы исследования древнерусской литературы и народной словесности, среди прочих своих трудов подготовил хрестоматию текстов древнерусской литературы для учебных заведений.³⁶ Эта хрестоматия уже содержала ту основную группу произведений, которая образовала канон древнерусской литературы внутри русской культуры второй половины XIX и XX века: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, Летопись Нестора, Житие Феодосия Печерского, Хождение игумена Даниила в Святую землю, Поучение Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Задонщина», послания Ивана Грозного и т. д., имелся раздел «Образцы изустной народной словесности».

В новых формах и с новой интенсивностью процессы освоения и преобразования старых традиций продолжались в литературе и культуре модернизма XX века. Их можно рассматривать как проявления неоромантизма, который обычно считается чертой русского модернизма, но можно вписать, как это делает И. Д. Шевеленко в монографии «*Модернизм как архаизм*», в европейское новое строительство «национальных традиций», идущее с последней четверти XIX века.³⁷ При обоих подходах актуализация архаики сохраняет двойное освещение и двойное значение — обновленная, встроенная в национальную ретроспективу архаика питает национализм и питается им, и вместе с тем питает новое искусство и через него получает новое освещение и новую ценность. Здесь показательным (и самым изученным) является новое откры-

³⁶ Шевырев С. История русской словесности: Лекции Степана Шевырева, ординарного академика и профессора. М., 1858; Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем: Для средних учебных заведений. М., 1870.

³⁷ Шевеленко И. Модернизм как архаизм: Национализм и поиски модернистской эстетики в России. М., 2017.

тие эстетической ценности древнерусской иконописи, включение ее в историю русского искусства и ее взаимодействие с авангардом.³⁸

Строительство истории древнерусской литературы, как и древнерусской иконописи, в Новое время не развивалось автономно от познания древнерусской реальности, не было произвольным наложением новых эстетических парадигм на материал чуждой им древности. В Древней Руси обнаруживаются собственные предпосылки будущих литературных установок. В некоторых случаях можно наблюдать, как словесность сама постепенно с течением времени формирует свой канон, при этом принципы отбора и выдвижения памятников на первый план кажутся довольно беспорядочными, изначальная практическая функция произведения и место его в жанровой системе теряют определенность, а иногда вообще покрываются туманом, из неопределенности иногда появляются фигуры авторов. Успех во времени некоторых древних авторов и памятников отчасти напоминает встречу таланта и фортуны в Новое время — тот сложный комплекс факторов, которыми определяется закрепление и сохранение имен и текстов в новой литературе.

Важнейшее произведение домонгольского периода — летопись Нестора — появляется как начальная часть в ряде больших летописных сводов с конца XIV и в XV веке, в которых таким образом выявляется ее фундаментальное значение для культуры и словесности и Руси, и последующего времени. «Повесть временных лет» описывает начало цивилизации и вместе с тем создает ее, придавая ей высокие формы, компилируя и перестраивая опыты библейские, византийские, устных традиций.

Другое фундаментальное произведение — «Слово о Законе и Благодати» Илариона, митрополита Киевского, было, вероятно, торжественно произнесено в середине XI века, но, впрочем, об этом не сохранилось летописных свидетельств. В ранних летописях об Иларионе почти ничего не сказано. Фигура Илариона проявляется в книжности как-то медленно и постепенно. В XV–XVII веках «Слово» в нескольких редакциях распространилось широко: известно по многим десяткам рукописей. В важной рукописи последней четверти XV века Иларион является уже как писатель: «Слово» предстает здесь солидно, вместе с другими произведениями митрополита — Молитвой и Исповеданием веры, подборка завершена автобиографической справкой.³⁹

Другой образованный, искусный и красноречивый писатель Древней Руси Кирилл Туровский ранним летописям вообще не известен. Молитвы, которые сейчас включены в корпус его сочинений, в ранних богослужебных книгах появились под именем Кирилла мниха, которое могло относиться к разным авторитетным церковным писателям. Известен случай, когда сочинение Кирилла Туровского было обозначено именем Кирилла Иерусалимского.⁴⁰ Проповеди, потом ему усвоенные, могли фигурировать под именем Иоанна Златоуста.⁴¹ Постепенно имя Кирилла стало конкретизироваться в рукописях. Стали приобретать все больший авторитет, выходить на первый план в церковных сборниках его проповеди. В неопределенный период — между XII и XIV веками — начал складываться культ Кирилла епископа Туровского,

³⁸ Тарасов О. Ю. Модерн и древние иконы: От святыни к шедевру. М., 2016; Шевеленко И. Модернизм как архаизм: Национализм и поиски модернистской эстетики в России (глава 5).

³⁹ ГИМ. Син. № 591, последняя треть XV века; см.: Турилов А. А. Иларион // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. Икона — Иннокентий. С. 122–126.

⁴⁰ Ранние рукописи с произведениями Кирилла Туровского см.: Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: Рукописные книги / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 222–226.

⁴¹ Успенский сборник (л. 254 г — 260 г) см. в описании: Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 183.

сформировалось его проложное житие (рукописи XV–XVI веков).⁴² Заслуги его как святого довольно литературные. Проложное слово чествует его как «другого златословесного» — т. е. нового Златоуста, как автора молитв, хвалений, посланий, слов на церковные праздники. В случае с Кириллом Туровским — дело древнерусских книжников было продолжено книжниками Нового и Новейшего времени. Кирилл Туровский стал любимым писателем филологов. Консолидация корпуса сочинений Кирилла Туровского была осуществлена в начале XIX века филологическими трудами К. Калайдовича,⁴³ который, как он писал, исторг «сии памятники дарований из рук времени и забвения». Во второй половине XX века, когда укрепилась методика изучения церковных памятников с литературно-эстетической стороны, И. П. Еремин раскрыл в его сочинениях значительную красоту стиля, это направление имело многих продолжателей. В последние десятилетия выявление в древних рукописях аутентичного корпуса произведений Кирилла Туровского стало одной из важнейших и успешно разрешаемых задач.

Перечисленные произведения представляют основные жанры древнерусской словесности — летописание и гомилетику и, соответственно, поддержаны ее системой. Но древнерусская литература сама выдвинула и памятники, находящиеся вне системы, с неуловимой функцией и непонятным *Sitz im Leben*, таков, например, один из самых интересных — Слово (или Моление) Даниила Заточника. Это, может быть, даже домонгольского времени произведение появилось в рукописях XVI–XVII веков. Имя Заточника лишь единожды упомянуто в летописи в случайном контексте, кто он, когда жил, какими образцами руководствовался — неизвестно и служит предметом размышлений и гипотез. Как бы то ни было — Слово / Моление было вложено в словесность XVI–XVII веков, в XX веке оно заняло центральные позиции в каноне древнерусской литературы и стало использоваться для реконструкции светской или даже «смеховой» струи в культуре Древней Руси.

От киевской древности сохранился цикл — завещание, послание и молитва, — более или менее определенно восходящий к князю Владимиру Мономаху, произведение единственное в своем роде и известное в единственной версии — в рукописи Лаврентьевской летописи. Этот цикл поражает нас высотой и благородством мысли, стройностью композиции, но мы не находим вокруг ни образцов его, ни последующих подражаний, ни отзывов на него современников. Явление тем более загадочное, что произведение киевского князя сохранилось только в составе северо-восточного летописного свода — Лаврентьевской летописи.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов для части этой композиции — для послания Владимира Мономаха князю Олегу — был предложен жанровый контекст — это ряд памятников письменности, сохранившихся в древнерусских источниках, которые так или иначе можно отнести к посланиям или поучениям.⁴⁴ Составитель антологии Н. В. Поньрко учла тут позиции немецкой школы Зеемана (как раз тогда, в начале 1990-х годов, находившейся в расцвете), классификации памятников по жанрам, определяемым прикладными функциями: «Общепризнанный постулат о „функциональном“ характере древнерусской литературы, „деловом“ назначении всех без исключения

⁴² Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — 1-й трети XV в. М., 2009. С. 350–354.

⁴³ Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. Творения Кирилла Епископа Туровского Российского Вития XII века. М.: В тип. Семена Селивановского, 1821.

⁴⁴ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII вв.: Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992.

ее жанров неизбежно расширяет границы „литературного“, поскольку заключает в них, по существу, всю древнерусскую книжность, в той мере, в какой она отражала систему культурных ценностей своего времени». ⁴⁵

Здесь производится попытка синтезировать романтический историко-литературный подход со строгими задачами изучения книжности. Не можем согласиться с утверждением, что границы «литературного» можно свободно расширять, переносить их на любые памятники книжности, не утратив при этом содержания понятия «литературное».

Наиболее характерные тексты в антологии — два послания Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу — о неделе, т. е. о церковных установлениях, касающихся воскресного дня, и о латинянах — о вреде латинской веры. Эти памятники, в отличие от произведения Мономаха, сохранившегося в единственной рукописи, имели некоторое распространение в письменности Древней Руси, вызывали интерес у монастырских книжников. ⁴⁶ Оба сочинения оформлены как ответы церковного наставника на вопрошания князя. В точности неизвестно (и это характерно для истории русской письменности), действительно ли наставник — Феодосий Печерский, игумен важнейшего и древнейшего монастыря Киевской Руси, Киево-Печерского, или другой Феодосий, может быть, даже и грек, тот ли это Изяслав, с которым имел контакты исторический Феодосий Печерский, или другой. ⁴⁷ Как это обычно для подобных памятников Руси — составитель-книжник не пускается в богословские рассуждения, а перелагает простые элементы устава, обличения католиков в основном стандартны — такие же появляются в разных восточно-христианских произведениях против латинян. ⁴⁸ Поставить их в один ряд с произведением Владимира Мономаха — значит, потерять историко-литературную перспективу. Это в лучшем случае памятники культуры, если тут вообще можно говорить о культуре, скорее — документы письма в значении С. Франклина, в то время как Владимир Мономах занимает важное место в ретроспективе русской литературы, цикл, соотнесенный с ним, читается и перечитывается, вошел в литературный язык и в язык поэзии. «В санях сидя, отправляясь путем всяа земли...» — эти слова, которыми Мономах начинает свое завещание — образ приближающейся смерти, — были в XX веке известны русскому культурному слою, Анна Ахматова поставила их эпиграфом к поэме, название которой — тоже от Владимира Мономаха — «Путем всяа земли».

Впрочем, и в послании Феодосия можно найти небольшое движение в сторону словесного искусства. В обличения латинян включен перечень их нечистой пищи: «Занеже неправо веруют и нечисто живут: ядять с псы и съ кошьками, пьють бо свои съчь и ядять жълвы, и дикей кони, и ослы, и удавленину, и мертвчину, и медведину, и бобровину, и хвост бобровый ядять», вариант — «и хвост бобровъ». Список скверных кушаний наращивается рифмованными и аллитерированными наименованиями: «и мертвчину, и медведину, и бобровину», для контраста добавляется мужское окончание после ряда дактилических: «хвост бобров». Не вдаваясь в обсуждение об использовании бобра и его хвоста в пищу именно «латинами», ⁴⁹ отметим только, что

⁴⁵ Там же. С. 4.

⁴⁶ Сохранились в ряде рукописей XV–XVI веков. Рукописи перечислены: Там же. С. 12–14.

⁴⁷ Там же. С. 18–20.

⁴⁸ Традиция таких обвинений изучена: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. Попов сомневался в авторстве Феодосия Печерского и считал рассматриваемое произведение позднейшей компиляцией (Там же. С. 71).

⁴⁹ Возможно, что обычай поедания бобра и хвоста его упоминается здесь не ради чистого гротеска — мясо бобра, кажется, могло считаться пригодным для периодов поста, как рыба.

внедрение в текст периода с рифмовкой и аллитерацией и завершено контрастным мужским окончанием, возможно, свидетельствует о проникновении устной традиции, где существовала словесная игра, контрастные рифмовки, шутки, словесные нарушения правил. Стимулом к такому предположению является некоторая урегулированность текста, которая, впрочем, может быть и случайной, но это не отменяет возможности такой интерпретации.⁵⁰

Н. Д. Понырко, долговременный руководитель Отдела древнерусской литературы в Пушкинском Доме, искала методы двойного подхода или двойного пути — изучение древнерусской литературы с ценностями поэтики и стиля, с одной стороны, и изучение книжности — с другой. Труд, на практике сближавший эти пути — монументальное издание «Библиотека литературы Древней Руси», начатое еще при жизни Д. С. Лихачева, повторявшее, но в значительно расширенном составе, вышедшую в предыдущие десятилетия серию «Памятники литературы Древней Руси». В самом изменении заглавия серии — от Памятников литературы к Библиотеке литературы видно смещение внимания в сторону книжности. Сохранались и представлялись в обычном хронологическом порядке произведения, утвержденные в каноне древнерусской литературы, и добавлялось много памятников, характеризующих книжную культуру. Параллельно стала выходить новая ценная для истории книжности серия — «Книжные центры Древней Руси». В принципе Отдел древнерусской литературы в последние десятилетия посвятил себя в основном текстологии и книжности с отказом от обобщающих трудов по литературе. Освещение древнерусских произведений как литературы — с историей стилей и поэтикой — сохраняется как мемориальное наследие Д. С. Лихачева.

Наконец, «Слово о полку Игореве» — выдающееся произведение, которое украшает собой любую антологию и любой учебник по древней литературе, но не может проникнуть в историю книжности или письма.

Жизнь «Слова о полку Игореве» как таинственного поэтического голоса древности, как стимула поэзии и вместе с тем как национальной гордости началась в эпоху предромантизма, но достигла полной литературной энергии в эпоху модернизма. Во времена петербургской «башни» Вячеслав Иванов говорил о Велимире Хлебникове, что он как будто автор «Слова», чудом доживший до наших дней. Осип Мандельштам в дальнейшем развил эту параллель: «Когда прозвучала живая и образная речь „Слова о полку Игореве“, насквозь светская, мирская и русская в каждом повороте, — началась русская литература. А пока Велимир Хлебников, современный русский писатель, погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в этимологическую ночь, любезную сердцу умного читателя, жива та же самая русская литература, литература „Слова о полку Игореве“».⁵¹ В стихотворении «Зверинец» Хлебников сравнивал «Слово», долго скрытое в неизвестной рукописной книге, со зверями, запертыми в зверинце.

Во многом опираясь на поэзию и судьбу «Слова о полку Игореве», Хлебников и Мандельштам развивали представления о наполненности поэтиче-

⁵⁰ Сошлемся на теоретическое обоснование Ю. М. Лотмана: «Художественное функционирование порождает не текст, „очищенный“ от значений, а, напротив, текст, максимально перегруженный значениями. Как только мы улавливаем некоторую упорядоченность в сфере выражения, мы ей немедленно приписываем определенное содержание или предполагаем наличие здесь еще не известного нам содержания» (Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература». С. 204).

⁵¹ Высказывание Иванова о Хлебникове и «Слове» и параллельное суждение Мандельштама цит. по: Шишкин А. Б. Велимир Хлебников на «Башне» Вяч. Иванова // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 141–167.

ского слова, о способности его сохраняться во времена забвения, «беспамятствовать» и снова являться. Рассуждая именно об этом произведении и от него переходя к поэзии и языку, эллинскому и русскому, Мандельштам заявлял, что настоящее слово, пригодное для поэзии и само рождающее поэзию, обладает «полнотою бытия», что оно «есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие», и что в языке есть «принцип внутренней свободы», защищающий его от произвольного истолкования и прикладного использования.⁵²

Это рассуждение о поэтическом слове-символе и вместе с тем о древнем тексте позволяет нам подвести итоги, вернувшись к наиболее содержательным идеям о древнерусской словесности, здесь упомянутым, и найдя в них общее. Произведения, вошедшие в корпус древнерусской литературы, обладают, кроме исходных функциональных характеристик — и даже помимо них, некоей онтологической сущностью — «плотью». Эта «плоть» — есть, в духе идей Ломоносова и Тредьяковского, накопленный в церковнославянском прежде всего, но и в русском языке, в церковных и других книгах и в устных традициях культурный опыт, усвоенный одаренным древнерусским книжником или сказителем и им творчески выстроенный, преобразованный в словесное произведение. Произведение, так возникшее, обладает потенциальной динамической силой — ἐνέργεια, по Марти, что похоже на «деятельную плоть» Мандельштама; оно способно «разрешиться в событие» в совсем других условиях, чем те, в которых оно было создано, и стать литературным в эпоху господства литературности. Возможный способ взойти к замыслу произведения — это, по Трубецкому, понять, каким образом оно организовано, как выстроено. Но именно на этом пути оказывается необходимо обратиться к древнерусской книжности и традициям словесности, чтобы иметь в виду языковые особенности, реально существовавшие приемы организации, средства построения текстов и понять их значение внутри их эпохи. В отличие от Мандельштама, мы не считаем, что слово-символ или древний текст самой своей сущностью защищены от произвольного истолкования. Отчасти и Трубецкой в 1920-е годы преувеличивал возможности внеисторического структурного анализа применительно к древним текстам. С тех пор, однако, сильно укрепились основания для исторических подходов, вошли в обиход исторические поэтики, такие как свод трудов А. Н. Веселовского, объединенный в том «Историческая поэтика», поэтика средневековой латинской литературы Э. Р. Курциуса и поэтика древнерусской литературы Д. С. Лихачева.⁵³ Вместе с ними укрепилось и осознание того, что восприятие древнего текста в его инаковости — архаичности, в исторических особенностях его поэтики, в его удаленности во времени и не полной понятности является необходимым для его существования и плодотворного функционирования в новую эпоху.

Древнерусская литература открыта для роста и развития, резервы ее — памятники Древней Руси, которые потенциально способны обернуться своей литературной стороной — велики и возрастают в числе по ходу открытий и публикаций. Антология ее лучших и наиболее освоенных произведений, такая, какой она была собрана еще Ф. И. Буслаевым, остается важной. Этот

⁵² Мандельштам О. О природе слова // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. Проза. С. 64–81.

⁵³ Том Веселовского был составлен В. М. Жирмунским, он же — автор предисловия. Жирмунский, таким образом, синтезировал разрозненные работы ученого в целостную теорию: *Веселовский А. Н. Историческая поэтика* / Ред., вступ. статья и прим. В. М. Жирмунского. Л., 1940. Книга Э. Р. Курциуса вышла в 1948 году. Рус. пер.: *Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье*: В 2 т. М., 2020. «Поэтика» Д. С. Лихачева, вышедшая впервые в 1967 году, выдержала ряд изданий, укажем 2-е изд.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. 2-е изд. М.; Л., 1969.

канон сложился в литературную эпоху с сильными критериями литературности, в качестве предыстории новой значительной литературы. Но можно предположить вероятность открытия неизвестных прежде ценностей в огромном повествовательном пространстве русских летописей, хоть и опубликованных, но далеко еще не прочитанных, в расширяющейся области агиографии и в других. Для этого, может быть, нужно наступление другого времени, в котором, при новом подъеме литературы, литературные критерии обновятся и усилятся, как это было в XIX веке и в первой четверти XX. Впрочем, как известно из опытов романтизма и модернизма, расширение древнерусской литературы, усовершенствование приемов ее анализа могут не только сопровождать новый литературный подъем, но и предшествовать ему.

Описание древнерусской литературы должно учитывать и критики, обращенные к историям древнерусской литературы, и помнить, что такие истории создаются как динамические модели — на сплавах времен, древних и актуальных. Критика помогает контролировать и поддерживать связь такой модели с археографически обеспеченной историей восточнославянской книжности, в противном случае древнерусская часть истории литературы угрожает стать фантомной, как поле приложения произвольно выбираемых для дешифровки материала кодов. Вместе с тем история литературы Древней Руси не может быть заменена на кропотливую историю книжности или историю письма, потому что тогда будет потеряна возможность наблюдать, как постепенно формируется и входит в большую литературу, становится ее реальной частью корпус произведений древнерусской словесности. В значительной степени древние памятники стали переходить в ранг литературных уже в процессе настоящего расцвета русской литературы и соответствующей науки, но, имея в виду перспективу литературного развития Нового времени, можно наблюдать, как древность сама постепенно выявляла, устраивала и передавала потомкам свои важнейшие произведения, традиции и предания.

АНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА ПЕРВЫХ ЛЕТ ПОСЛЕ ССЫЛКИ (1826–1828)

Жанровая картина пушкинской лирики до сих пор остается не описанной и не изученной как целое.¹ Данная статья будет посвящена лишь совсем небольшому, но достаточно важному фрагменту этой обширной темы — важно-му потому, что в ряде случаев антологические стихотворения, о которых пойдет речь, имеют либо репутацию внежанровых произведений, либо неточные, как кажется, жанровые определения.

Т. Г. Мальчукова подчеркивала необходимость различать два толкования слова «антологический»: «в духе античной лирики» и «по образцу греческой эпиграммы». Первое «ориентирует на воспроизведение „духа античной эпохи“ и исключает намеренную модернизацию, второе имеет в виду античный жанр». По наблюдениям исследовательницы, «как в теории, так и в практике Пушкина антологические стихотворения — это эпиграммы, в противоположность сатирическим, латинским и новоевропейским, эпиграммы греческого типа, „без соли“».² В настоящей статье понятие «антологический» будет употребляться только во втором значении.

Хорошо известно, что одним из важнейших для Пушкина ориентиров при передаче античных жанровых форм было творчество Андре Шенье. Но, как ни парадоксально, антологическая природа пушкинских поэтических текстов нередко оказывается наименее очевидной как раз в тех случаях, когда он идет вслед за Шенье.

В посмертный сборник произведений французского поэта, составленный Анри де Латушем,³ входили обособленные разделы фрагментов идиллий и фрагментов элегий.⁴ Жанровую форму элегического отрывка (принципиально

¹ Причиной тому — слишком долгое время остававшееся устойчивым убеждение в том, что в рамках зрелого творчества Пушкина осуществился переход к внежанровой лирике. Это убеждение, формировавшееся еще в 1930-е годы, в 1960-е было канонизировано в работе Л. Я. Гинзбург, которая писала о происходившей в начале XIX века смене жанрового мышления стилевым (см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. 2-е изд., доп. С. 24).

² Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики: Исследования и материалы. Межвузовский сб. Петрозаводск, 1990. Т. 1. С. 62, 64. Там же (с. 61) подчеркнуто, что современники Пушкина употребляли то же слово и в совсем ином смысле: ориентируясь на французские антологии — сборники небольших по объему образцовых стихотворений, — они могли называть «опытами анфологии» или «опытами в антологическом роде» собрания поэтических произведений «малого жанра» (см., например: Илличевский А. Д. Опыты в антологическом роде, или Собрание кратких басен и сказок, нравственных мыслей, надписей, мадригалов, эпиграмм, эпитафий и других мелких стихотворений. СПб., 1827; Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, аполлоги и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым. СПб., 1828).

³ Chénier A. Œuvres complètes. Paris, 1819.

⁴ Пушкин не знал, что Латуш поместил в разделе фрагментов ряд не являвшихся таковыми идиллий и элегий Шенье (историю составления сборника см.: Гречаная Е. П. Андрей Шенье — поэт // Шенье А. Сочинения. 1819. М., 1995. С. 417–419 (сер. «Литературные памятники»)).

отличную от жанра фрагмента у немецких романтиков) Пушкин воспринял именно из этого сборника.⁵ Главная особенность вошедших в него фрагментов заключалась в том, что по своей поэтической природе они сближались с антологической лирикой, с древнегреческой эпиграммой.⁶ В хорошо известной Пушкину брошюре С. С. Уварова и К. Н. Батюшкова «О греческой антологии» говорилось: «Под именем Антологии разумею мы собрание мелких стихотворений, включая в сие число надписи и *лирические отрывки*».⁷ Особенность фрагментов Шенье состояла в том, что они могли заключать в античную форму элегическое содержание современной поэзии. Это имело для него программное значение. В поэме «Замысел» («Invention») выражен его знаменитый призыв: «Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques».⁸ Элегический субстрат антологического стихотворения был, таким образом, узаконен творчеством Шенье.

Форму антологизированного элегического отрывка у Пушкина В. Б. Сандомирская подробно проследила в указанной выше статье только до середины 1820-х годов. Однако эта жанровая форма оставалась актуальной для него и во второй половине десятилетия. В 1826 и 1827 годах были написаны два стихотворения, прямо связанные с творчеством Шенье. Одно из них — «Близ мест, где царствует Венеция златая...» (1827) представляет собой довольно точный перевод произведения французского поэта.⁹ В качестве эпиграфа к другому — «Каков я прежде был, таков и ныне я...» (1826) — взята первая строка стихотворения Шенье «Tel j'étais autrefois et tel je suis encore...», а первая пушкинская строка является точным переводом эпиграфа. В этом тексте Пушкин лишь варьирует мотивы, характерные для французского поэта, однако в беловом автографе стихотворение озаглавлено «Отрывок из Андрея Шенье».¹⁰ Заглавие имеет, таким образом, слегка мистифицирующий оттенок, но определение «Отрывок» — точное: стихотворение, из которого взят эпиграф, в посмертном сборнике произведений Шенье помещено в разделе антиклизированных элегических фрагментов.

⁵ См.: Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 69–82. «Своеобразие жанровых ремарок было воспринято Пушкиным как отражение воли автора, как новое выразительное средство, найденное и удачно примененное им, — как элемент его художественного замысла. „Отрывки“, „fragments“ Шенье понимались им как полноценные художественные создания, как особая художественная форма, скрытые возможности которой отвечали его собственным творческим поискам» (Там же. С. 74).

⁶ Об «антологизации» элегии в творчестве Шенье и ее сближении с идиллией и эпиграммой «в духе древних» см.: Пильщиков И. А. Лирика (Ода и кантата, элегия, эпиграмма, сатира, эпистола и героид) // Европейский классицизм: Энциклопедический путеводитель. М., 2024. С. 201–202.

⁷ [Уваров С. С., Батюшков К. Н.]. О греческой антологии. СПб., 1820. С. 1. Курсив мой. — М. В.

⁸ Chénier A. Œuvres complètes. P. 7. В пер. Е. П. Гречаной: «Мысль нашу облечем античными стихами» (Шенье А. Сочинения. 1819. С. 20), буквально: «Вложим новые мысли в античные стихи».

⁹ Речь идет о стихотворении «Près des bords où Venise est reine de la mer...», впервые опубликованном А. де Латушем в 1826 году под редакторским заглавием «Vers inédits d'André Chénier» (Le Mercure du dix-neuvième siècle. 1826. Т. 12. Р. 241). Заглавие пушкинского стихотворения при первой публикации было точным переводом французского заглавия: «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье» (Невский альманах на 1828 год. СПб., 1827. Кн. 4. С. 53). В сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1829. Ч. 2) готовивший издание П. А. Плетнев превратил это заглавие в подзаголовок, помещенный только в оглавлении: «(Близ мест, где царствует Венеция златая). Перевод неизданных стихов Андрея Шенье».

¹⁰ Автограф вошел в состав Цензурной рукописи «Стихотворений Александра Пушкина» 1832 года (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 420. Л. 88). Готовивший издание П. А. Плетнев вычеркнул записанное рукой Пушкина заглавие и перенес его в оглавление в качестве подзаголовка: «(Каков я прежде был). Отрывок из Андрея Шенье».

К жанровой форме антологического отрывка Пушкин обращался еще не раз — в произведениях, которые принято характеризовать либо как элегии, либо как внежанровые стихотворения. Таково, например, «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828), привычно именуемое в исследованиях элегией. Как известно, из 36 стихов черновика в печать не попали последние 20. Неоднократно высказывалось мнение о том, что в составе основного текста стихотворения необходимо печатать его черновое продолжение, без которого утрачивается главное содержание¹¹ (хотя это содержание, где бы оно ни было напечатано, к сожалению, все равно остается достаточно темным). Между тем с исключением черновых недоработанных стихов из стихотворения, которое первоначально писалось как элегия и содержало характерные для нее мотивы, в частности — утраченной (погубленной) юности, из текста ушла и характерная для этого жанра временная ретроспектива, в которой возникают образы прошлого, исчезло конкретное содержание воспоминаний. Отказ от временного разворачивания тесно связан с антологической природой поэтических текстов, с их приближением к характеру древнегреческой эпиграммы. Родившись из надписи, эпиграмма обычно фиксирует лишь нечто статичное, нечто мгновенное или краткосрочное — самая ее краткость способствует этому. О мгновенности впечатлений, сохраненных антологической эпиграммой, говорилось и в знаменитой брошюре Уварова и Батюшкова.¹² Антологическое стихотворение концентрирует и фиксирует момент настоящего, на котором и сосредоточивается пушкинское стихотворение, передавая в первых 16 стихах только само состояние погруженности в воспоминание. Показательно, что Жуковский поместил его в посмертном издании в раздел «Антологические стихотворения».¹³

¹¹ Стихи, не вошедшие в напечатанный Пушкиным текст, были впервые опубликованы П. В. Анненковым (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 197) и затем помещались в примечаниях к собраниям сочинений, пока П. А. Ефремов не напечатал их в основном корпусе, графически отделив от первой части стихотворения (см.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 2. С. 183–184). Эта традиция закрепилась и существовала вплоть до выхода однотомника, подготовленного Б. В. Томашевским (Пушкин А. С. Соч. Л., 1924. С. 47); начиная с этого издания основной текст стихотворения вновь стал печататься в том виде, в каком его опубликовал Пушкин. Историю публикаций см.: Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 184–187. Заявления о том, что две части стихотворения составляют единое целое, не раз звучали и в XIX, и в XX веке. См., например: Чернышевский Н. Г. Сочинения А. С. Пушкина <...>. Издание П. В. Анненкова. СПб., 1855 // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 446; Вересаев В. В. В двух планах. М., 1929. С. 123–125; Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. М., 1959. С. 366–367; Чичерин А. О стиле пушкинской лирики // В мире Пушкина: Сб. статей. М., 1974. С. 312–313.

¹² «Посредством антологии мы становимся современниками греков, мы разделяем их страсти, мы открываем даже следы тех быстрых, мгновенных впечатлений, которые, как следы на песке в развалинах Геркуланума, заставляют нас забывать, что две тысячи лет отделяют нас от древних». И далее об эпиграмме сказано: «Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотою природы или памятниками художества» ([Уваров С. С., Батюшков К. Н.] О греческой антологии. С. 2, 6; курсив мой. — М. В.). Эта особенность антологической лирики не раз подчеркивалась исследователями: «Обозначая стихотворение как „отрывок“, поэт как бы заявлял свое право <...> сосредоточиться на том мгновенном, поразившем его ощущении, исследованием и воссозданием которого становилось его стихотворение. Разработка возможностей, которые увидел Пушкин в „отрывке“ как новой художественной форме, стала для него практическим путем отхода от медитации в лирике и перехода к художественному, пластическому воплощению жизни души и сердца в ее отдельных моментах» (Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов. С. 79); «Антологическая пьеса как бы останавливает» поток времени, «выхватывает из него хрупкую и текучую материя мимолетности, художественно закругляет ее и преподносит миг бытия, точно бы высеченный резцом скульптора, устойчивый и цельный, самодостаточный и суверенный как мир» (Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 103; см. также с. 83, 102).

¹³ См.: Пушкин А. Соч. СПб., 1838. Т. 4. С. 219.

Годом позже произошла точно такая же трансформация замысла стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Оно писалось как элегия с характерным для этого жанра лирическим сюжетом, построенным на мотивах быстротечности времени, бренности бытия, воспоминания об утрате близких. Как и в «Воспоминании», в нем использована Жильберова строфа, обращение к которой русских поэтов традиционно связано с элегической темой воспоминания.¹⁴ Но затем Пушкин отказался от двух последних строк, сократив текст до восьмистишия, временной круг которого ограничен настоящим. Именно требованием замкнуть лирический сюжет в рамки настоящего, отказавшись от подключения к нему прошлого, но сохранив при этом само состояние погруженности в воспоминание, и продиктовано сокращение объема стихотворений «Воспоминание» и «На холмах Грузии...», в результате чего оба они превратились из элегий в антикизированные элегические фрагменты, сохраняющие черты элегической медитации и элегическую строфику.

Стихотворение «На холмах Грузии...» было опубликовано Пушкиным под заглавием «Отрывок»,¹⁵ тоже, конечно, восходящим к «фрагментам» Шенье. В 1830 году под заглавием «Элегический отрывок» было напечатано еще одно, написанное в декабре 1829-го, стихотворение «Поедем. Я готов; куда бы вы, друзья...».¹⁶ Его источником послужило стихотворение Шенье «Partons, la voile est prête, et Byzance m'appelle...» (1786), помещенное в разделе фрагментов элегий в сборнике 1819 года. Пушкинский «Элегический отрывок» также передает переживаемое в настоящем состояние лирического героя. Утрата заглавий «Отрывок из Андрея Шенье», «Отрывок», «Элегический отрывок», спровоцированная издательским решением П. А. Плетнева, привела к тому, что жанровая природа этих произведений на долгое время перестала ощущаться исследователями.

Как и для Шенье, эстетическая ценность произведения была связана для Пушкина с возможностью придать поэтическому высказыванию, способному выразить внутренний мир современного поэта, классическую античную форму. Готовность этой формы вбирать в себя самое разнообразное содержание подтверждалась не только поэтической практикой Шенье, но и материалом античности, о котором в брошюре Батюшкова и Уварова было сказано: «Все предметы художеств, все явления природы, все случаи гражданской жизни могли служить поводом к надписи».¹⁷ В посмертном собрании сочинений Пушкина в тот же раздел «Антологические стихотворения», где было напечатано «Воспоминание», Жуковский поместил программное стихотворение «Поэт» («Пока не требует поэта...»), написанное в 1827 году.¹⁸ Это отчасти соответствовало намерению Пушкина: при подготовке в 1836 году нового издания, которое осталось неосуществленным, «Поэта» он собирался поместить в раздел «Подражания древним».¹⁹ Для современников Пушкина жанровая

¹⁴ См.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 70.

¹⁵ Северные цветы на 1831 год. СПб., 1830. Отдел «Поэзия». С. 56. В «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1832) П. А. Плетнев перенес это заглавие в оглавление, где оно оформлено как подзаголовок: «(На холмах Грузии лежит ночная мгла). *Отрывок*».

¹⁶ Московский вестник. 1830. Ч. 3, № 11. С. 194–195. В «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1832) это заглавие также было перенесено Плетневым в оглавление, где оно превратилось в подзаголовок: «(Поедем, я готов). *Элегический отрывок*».

¹⁷ [Уваров С. С., Батюшков К. Н.]. О греческой антологии. С. 22.

¹⁸ См.: Пушкин А. Соч. СПб., 1838. Т. 4. С. 216–217.

¹⁹ Полстное описание рукописи, которая готовилась Пушкиным для этого издания, см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 2. С. 363–370.

принадлежность стихотворения была вполне очевидной.²⁰ В двух фрагментах, на которые оно разделено, даны два несходных изображения поэта: в обычной жизни и в минуту творческого вдохновения. Оба изображения заключены в рамки настоящего времени, становясь чем-то вроде раз и навсегда данных определений («Таков поэт», как будет формулировать Пушкин позднее²¹), а многоточие в конце последнего стиха придает характер фрагмента целому. Текст действительно обрывается в тот момент, когда можно было бы ожидать описания того, что, собственно, происходит с поэтом в минуты вдохновения — так же, как обрывается «Воспоминание», не сообщив читателю, о чем вспоминает лирический герой. Каждое из двух изображений поэта вполне автономно, что подтверждает пушкинский тезис: житейское и творческое измерение существуют раздельно. Стихотворение лишено примет конкретной эпохи, но полемичность этого тезиса по отношению к убеждениям круга «Московского вестника»,²² согласно которым жизнь и творчество должны существовать в единстве,²³ вводит в антиклизированную форму современное содержание, реализуя эстетическую программу Шенье.

В те же первые годы после ссылки Пушкиным был написан целый ряд стихотворений, еще более непосредственно связанных с жанром античной эпиграммы. Некоторые из них отнесены к этому жанру самим Пушкиным, когда в 1836 году он формировал жанровые разделы упомянутого выше так и не состоявшегося нового издания. Один из разделов он озаглавил «Эпиграммы, надписи и проч.», собрав в нем как острые эпиграммы, так и те, что от вечали определению «надписи». Из интересующих нас поэтических текстов в данный раздел вошли «Золото и булат» (1826–1827), «Наперсник» (1828), «To Dawe, Esqr» (1828), «Ты и вы» (1828). Глядя на эти, заданные самим Пушкиным, образцы жанра, нетрудно выделить и другие относящиеся к нему произведения.

Кроме «Золота и булата», перечисленные стихотворения относятся к двум женщинам, занимавшим внимание Пушкина в 1828 году: к А. А. Олениной и А. Ф. Закревской. Последней, кроме «Наперсника», посвящены «Портрет» (1828) и «Счастлив, кто избран своенравно...» (1828). И. З. Сурат выдвинула предположение, что «Портрет» — это надпись к портрету Закревской работы Дж. Доу.²⁴ Возможно, и так, но несомненно одно: в жанровом отношении стихотворение представляет собой эпиграмму-надпись, оно соотносено с прообразом античной эпиграммы, которой придано современное звучание. Все три надписи, посвященные Закревской, однотипны: в каждой — по два четверостишия четырехстопного ямба, слегка варьируется лишь тип рифмовки. Все три построены либо на антитезе, либо на контрасте: упоение наперсника рассказами страстной женщины — его категорическое нежелание их слушать;

²⁰ Так, С. Е. Раич в статье «Сочинения Александра Пушкина» (опубл. 1839) в качестве примеров антологических стихотворений приводит одно за другим «Нереиду» и «Поэта». См.: Пушкин в прижизненной критике: 1834–1837. СПб., 2008. С. 294.

²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.,] 1948. Т. 5. С. 419 (из рукописи незавершенной поэмы «<Езерский>»), 446 (из черновиков «Медного всадника»).

²² Именно в этом журнале Пушкин напечатал «Поэта» (см.: Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 23. С. 255–256).

²³ См.: Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 69–74 (сер. «Материалы и исследования по истории русской культуры»; вып. 7); о реакции Пушкина на эстетические взгляды, выдвигаемые представителями этого круга, см.: Там же. С. 74–91.

²⁴ См.: Сурат И. З. Заметки о рисунках Пушкина // Сурат И. З. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 420–421. В 1828 году среди рукописей «Полтавы» появился рисунок Пушкина, воспроизводящий этот портрет.

упоеание счастливого любовника — муки наперсника; чинные «жены Севера» — и женщина с «пылающей душой».²⁵

И почти так же построены три стихотворения, связанные с Олениной: «То Dawe, Esq'», «Ты и вы», «Город пышный, город бедный...» (1828). Это двухчастные восьмистишия четырехстопного размера, ямба либо хорея, с вариациями в выборе типа рифмовки. Их формальная общность — не точное воспроизведение одного и того же рисунка, но его легкие вариации. В «То Dawe» и «Городе пышном...» четверостишия соположены по контрасту (недостойный художника арапский профиль поэта — юность и красота Олениной; неприглядность Петербурга («Скука, холод и гранит») — и его притягательность («...здесь порой / Ходит маленькая ножка, / Вьется локон золотой»)).²⁶ В «Ты и вы» переход от одного четверостишия к другому в смысловом отношении совершается более плавно. Вполне очевидно, что близкая к афористичности форма этих кратких поэтических текстов — так же, как стихотворений, вдохновленных Закревской, — связана с античной эпиграммой, разумеется также модернизированной. В каком-то смысле примыкает к этим текстам и написанное в ответ на «Черные очи» (1828) П. А. Вяземского стихотворение «Ее глаза» (1828). Оно значительно длиннее (17 строк), но тоже построено на контрасте (горячая южная красота воспетой Вяземским Александры Росет — нежная северная красота Олениной), причем каждая из двух частей поэтического текста могла бы служить выразительной надписью к одному из женских портретов.

К числу надписей следует отнести еще два стихотворения 1827 года: «Есть роза дивная: она...» и «В степи мирской, печальной и безбрежной...». В первом дано эмблематическое, откровенно ориентированное на античность описание неувядаемой розы любви. Оно тоже состоит из восьми строк — двух четверостиший с перекрестной рифмовкой — и написано четырехстопным ямбом. Второе близко, но не тождественно по форме: это снова восемь строк, снова перекрестная рифмовка, но ямб уже пятистопный, и при сохранении этого размера более длинные строки последовательно чередуются с более короткими. В смысловом отношении, однако, стихотворение «В степи мирской...» состоит из четырех двустиший. В первом дана краткая экспозиция, в трех следующих — аллегорические изображения трех ключей: Юности, Вдохновения и Забвенья. Концовка стихотворения построена как парадоксальный пуант: ключ Забвенья, надо полагать, питающий Летейские воды, оказывается слаще всех. Добавим к перечисленным текстам «Соловья и розу» (1826–1827), помещенного Жуковским в разделе «Антологических стихотворений» рядом с тематически связанным с ним «Поэтом».²⁷ Оно тоже состоит из восьми строк, а использованный в нем ориентальный топос служит метафорой, уподобляющей соловью поэта — его творчество, как и пение соловья, остается безответным. Как и в двух предыдущих случаях, стихотворение становится почти эмблематическим изображением, закрепляющим за поэтом еще одну характеристику, столь же неизменную, как те, что были даны в «Поэте».

Подытожив сказанное, мы получим весьма впечатляющий список антологических стихотворений, написанных в первые два с половиной года после ссылки:

- «Каков я прежде был, таков и ныне я...»;
- «Соловей и роза» («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей...»);

²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. С. 112.

²⁶ Там же. С. 124.

²⁷ См.: Пушкин А. Соч. СПб., 1838. Т. 4. С. 215 (под заглавием «Соловей»).

«Есть роза дивная: она...»;
 «В степи мирской, печальной и безбрежной...»;
 «Поэт» («Пока не требует поэта...»);
 «Близ мест, где царствует Венеция златая...»;
 «To Dawe, Esqr» («Зачем твой дивный карандаш...»);
 «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»);
 «Ты и вы» («Пустое *вы* сердечным *ты*...»);
 «Ее глаза» («Она мила — скажу меж нами...»);
 «Портрет» («С своей пылающей душой...»);
 «Наперсник» («Твоих призваний, жалоб нежных...»);
 «Счастлив, кто избран своенравно...»;
 «Город пышный, город бедный...»;
 «Золото и булат» («„Всё мое“, — сказала злато...»).

Во всех перечисленных поэтических текстах Пушкин вводит в антикизированной форму современное содержание и лирическое Я современного поэта. Как кажется, это дает весьма существенную поправку и к представлению о том, что во второй половине 1820-х годов Пушкин переходит к внежанровой лирике, и к вопросу о классицизме Пушкина, который считал, что к «роду классическому» относятся жанры, известные в античности.²⁸

²⁸ «...К роду классическому <...> должны отнестись те стихотворения, коих *формы* известны были грекам и римлянам, или коих образцы они нам оставили; след<ственно> сюда принадлежат: эпопея, поэма дид<актическая>, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и баснь» (Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 11. С. 36).

К ВОПРОСУ О МОТИВНОЙ СТРУКТУРЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Одной из основных задач в исследованиях «Слова о полку Игореве» является описание и анализ композиции. Л. В. Соколова, посвятившая композиции памятника отдельную обстоятельную работу, заметила по этому поводу: «Вопрос о композиции — ключевой для понимания „Слова о полку Игореве“. Без ясного представления о том, как построено „Слово“, невозможно правильно определить, устным или литературным, эпическим или лиро-эпическим, прозаическим или стихотворным произведением „Слово“ является, в каком жанре и когда оно создано. Выяснение цели создания „Слова“ и определение его главного героя тоже невозможно без предварительного анализа композиции памятника. Наконец, самым непосредственным образом от результатов анализа композиции „Слова“ зависит наше представление об истории его текста».¹ Хотя некоторые частные утверждения в этой декларации представляются спорными,² в целом она, безусловно, справедлива.

Рассматривая работы, полностью или в той или иной степени посвященные композиции «Слова», Соколова уделяет особое внимание книге Б. М. Гаспарова «Поэтика „Слова о полку Игореве“». Ее автор противопоставил свой подход традиционному изучению построения этого произведения: «Различные авторы вычлениют в тексте „Слова“ самое разное число частей, разделов и подразделов — обычно от трех до 15–20. Однако эти разделы выделяются по чисто тематическому принципу и представляют собой не что иное, как последовательные фазы развития основного сюжета, с вставными эпизодами в качестве интерлюдий. Любое расчленение такого типа относится к чисто внешнему содержанию произведения, а не к его собственно поэтической форме. В сущности, такой анализ равнозначен простому пересказу сюжета, только с разделением его на то или иное количество „глав“ и „параграфов“. Число таких „глав“ остается совершенно произвольным, поскольку их выделение не связано с какими-либо признаками, которые были бы релевантны для поэтической формы произведения».³ Свой метод анализа исследователь определил как «подход к художественному тексту с точки зрения имманентных структурных связей и соотношений между его элементами», указав на преимущества такого анализа.⁴ Соколова, справедливо указавшая на допущенную ученым ошибку в описании композиции «Слова» (неправомерность включения сцены солнечного затмения во вступительную, а не в основную часть текста древнерусской «песни»⁵), заметила: «...в исследовании Б. Гаспарова происходит, по нашему мнению, подмена анализа композиции анализом мотивных „фигур“ и различного рода переключек между фрагментами текста».⁶ Действительно, автор «Поэтики

¹ Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 184.

² Так, определение, является «Слово» прозаическим или стихотворным произведением, на наш взгляд, основывается на анализе его ритмико-синтаксических особенностей (прежде всего акцентуации), но не исходит из композиции.

³ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 213–214 (Wiener Slawistischer Almanach. Sb. 12).

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве». С. 188–189.

⁶ Там же. С. 188.

„Слова о полку Игореве“ не дает последовательной разбивки текста произведения на фрагменты. Тем не менее представляется, что такой подход, ни в коей мере не отрицающий важности собственно композиционного анализа,⁷ весьма плодотворен, и он имеет непосредственное отношение к анализу композиции, так как демонстрирует развертывание мотивов в тексте через их повторы, вариации, «различного рода переклички». Мотивный анализ выявляет особенности синтаксиса текста в структурально-семиотическом смысле этого понятия. Предметом исследования оказывается глубинная структура текста, в определенной степени реализующаяся в его композиции. Соотношение мотивной структуры и композиции может быть уподоблено отношениям между глубинными и поверхностными структурами языка в порождающей грамматике Н. Хомского или, отчасти, архитектурической и композиционной формам в бахтинской эстетике.⁸

В исследовании «Слова» Б. М. Гаспаров не дает определения понятию мотива, которым оперирует и здесь, и в работах, посвященных русской литературе Нового времени.⁹ В определенной степени его понимание мотива (собственно, лейтмотива) прояснено в статье «Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова „Мастер и Маргарита“»; «принцип лейтмотивного построения повествования» здесь поясняется так: «Имеется в виду такой принцип, при котором некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами. При этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое „пятно“ — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, — это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами («персонажами» или «событиями»), здесь не существует заданного „алфавита“ — он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру. В итоге любой факт теряет свою отдельность и единство, ибо в любой момент и то и другое может оказаться иллюзорным: отдельные компоненты данного факта будут повторены в других сочетаниях, и он распадется на ряд мотивов и в то же время станет неотделим от других мотивов, первоначально введенных в связи с, казалось бы, совершенно иным фактом».¹⁰

Иными словами, мотивы исследователь понимает прежде всего как повторяющиеся образы. В отличие от него мы определяем мотивы иначе — как повторяющиеся, инвариантные смыслы, своего рода художественные концепты, реализуемые в образах произведения. Это определение значительно более широкое, чем трактовка мотива М. Л. Гаспаровым, характеризующим его как «потенциально каждый глагол»,¹¹ и чем определение И. В. Силантьева, рассматривающего мотив как «повествовательную единицу».¹² Автор настоящей статьи предпочитает, в отличие от Б. М. Гаспарова, употреблять понятие не мотивная, а мотивно-образная структура, так как мотив

⁷ Из многочисленных работ, непосредственно посвященных композиции «Слова», помимо упомянутой выше статьи Соколовой, отметим статьи: Ржига В. Композиция Слова о полку Игореве // *Slavia. Praha*, 1925. Roč. 4. Seš. 1. S. 44–62; Лихачев Д. С. 1) Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // *Русская литература*. 1983. № 4. С. 9–21; 2) Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Там же. 1984. № 3. С. 130–144.

⁸ Ср.: Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 6–71.

⁹ См.: Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994.

¹⁰ Там же. С. 30–31.

¹¹ Гаспаров М. Л. Анализ литературного текста // Гаспаров М. Л. Собр. соч.: В 6 т. М., 2023. Т. 6. Наука и просветительство / Сост. К. М. Поливанов, А. Б. Устинов. С. 735.

¹² Ср. признаки мотива в концепции И. В. Силантьева: «Это а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» (Силантьев И. В. Поэтика мотива. М., 2004. С. 96).

реализуется в определенных художественных образах. В центре внимания при мотивно-образном подходе оказываются повторяющиеся элементы, образы текста; при этом повтор понимается нами достаточно широко: это повторение не только одних и тех же образов, но и образов аналогичной структуры или аналогичных ситуаций, при этом часто и даже обычно с контрастным семантическим наполнением. Так, солнце, скрытое тьмой, в начальной части «Слова», содержащей завязку сюжета, и сияющее солнце в заключительной части — сюжетной развязке — могут интерпретироваться как варианты повторяющегося образа, включающего в себя контрастные мотивы. Общим смысловым элементом, общей «семантемой» образов является *солнце*. Выступление в поход пары князей — Игоря и его брата Всеволода — контрастно повторяется в преследовании Игоря парой ханов — Гзаком и Кончаком, причем оба действия оборачиваются конечной неудачей: русские князья терпят поражение, Гзак и Кончак не достигают Игоря. Сходство в плане выражения, в лексемах при этом не всегда обязательно: важны общие смысловые компоненты, без которых невозможен контраст образов и ситуаций (противопоставлены могут быть только элементы с общими значениями). В случае с Игорем и Всеволодом, с одной стороны, и Гзаком и Кончаком — с другой, это такие признаки, как парность персонажей, сходный социальный статус (князья — ханы), движение (поход — преследование), неудача замысла.

Предлагаемый нами метод позволяет совместить два подхода к тексту «Слова», принадлежащие Б. М. Гаспарову¹³ и Т. М. Николаевой,¹⁴ которые Ф. Н. Двинятин описал как «два способа упорядочить и классифицировать тематику и семантику (лексемы, образы, мотивы) „Слова о полку Игореве“». Т. М. Николаева положила в основу своего подхода выделение важнейших бинарных семантических оппозиций (6 или 7). Б. М. Гаспаров выделяет «мотивы» памятника: повторяющиеся образы, предикаты, символы и микросюжеты».¹⁵

Повторы и переклички образов эпизодов в «Слове» неоднократно отмечались исследователями, однако детально анализировались, как правило, собственно словесные повторы, например повторяющиеся выражения, прежде всего тропеической природы,¹⁶ или рефрены.¹⁷ Между тем принцип повтора и контраста действует в древнерусской «повести» тотально, как ее художественная доминанта, организуя и более «высокие» уровни структуры. В этой связи сохраняет актуальность рекомендация Д. С. Лихачева: «Анализируя художественную ткань произведения, литературовед обязан основываться на презумпции „художественной оправданности“ всех его элементов, презумпции цельности художественного построения произведения. Это, если хотите, методический принцип, из которого должен исходить и фактически всегда исходит исследователь в своем анализе».¹⁸

Обратимся к тексту «Слова». Первый повтор, реализующий антитезу, — упоминания о Бояне во вступлении и в авторском отступлении после первого сообщения о затмении,¹⁹ с одной стороны, и во фрагменте, предшествующем развязке — приезду Игоря в Киев. Первое известие: «Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы».²⁰ Сообщается, что Боян пел песнь «старому Ярославу, храброму Мстиславу

¹³ См.: Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве».

¹⁴ См.: Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997. С. 9–124.

¹⁵ Двинятин Ф. Н. Два подхода к семантической разметке «Слова о полку Игореве» // Литературоведческий журнал. 2025. № 3 (69). С. 18.

¹⁶ См.: Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве». С. 9–21.

¹⁷ См.: Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб., 1997. С. 18–32.

¹⁸ Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве». С. 9.

¹⁹ Гипотезу о «перепутанных страницах» в «Слове», согласно которой два фрагмента, сообщающих о солнечном затмении, должны быть объединены, мы не рассматриваем.

²⁰ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 9 (сер. «Литературные памятники»). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

<...> красному Романови Святъславличю» (с. 9). После эпизода с затмением автор обращается к славному сказителю: «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сия плъкы ущекоталь» — и приводит описание выступления Игоря в поход в Бояновом стиле (с. 11). Поскольку первые два раза имя Бояна упоминается в соседних предложениях, а третий — во фрагменте, отделенном от этих сообщений, то эти упоминания в плане композиции можно охарактеризовать не как тройной, а как двойной повтор.

Ближе к концу и почти в самом конце о Бояне говорится еще дважды: «Тому (Всеславу. — А. Р.) вѣщй Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду <...> суда божия не минути“» (с. 26); «Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти» (с. 30).²¹ Эти две реплики Бояна исполнены минорного смысла в противоположность мажорным Бояновым песням в запеве «Слова», обе связаны с князьями — зачинателями междоусобиц, Всеславом Брячиславичем и Олегом Святославичем. Контраст песен Бояна из вступления и этих двух речений несомненен. Интересно, что в финальной «славе», принадлежащей уже автору, упомянуты тоже три князя, как и в песнях Бояна, но уже не прежних времен («старые»), а нынешние, участники злосчастного похода: «Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: „Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу“» (с. 31). Создается оппозиция Боян — автор: Боян пел о «старых» князьях, молодых воспеваает сам автор «Слова». Боян изрек припевку, исполненную горестного смысла: «Тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы», отнесенную повествователем к судьбе новгород-северского князя: «Руской земли безъ Игоря» (с. 30). Но далее показывается восполнение, преодоление этой разделенности: «Игорь князь въ Руской земли» (с. 30). Таким образом, оппозиция старое (славное, могущественное) — нынешнее (печальное, упадочное) время, намеченная, видимо, еще во вступлении (Боян прославлял князей прошлого — автор рассказывает о тяжелом времени и о неудачном походе) и развитая в основной части («О стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей!» (с. 26); «Ярослави и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вержежи. Уже бо выскочисте изъ дѣдней славы» (с. 25)),²² здесь преодолена, возвеличиваются нынешние князья. Образ Бояна, ассоциировавшийся со славой прежних князей, ближе к финалу начинает соотноситься с горестными событиями той же старины, а образ автора, избравшего своей темой печальные («трудные»²³) события недавнего времени, напротив, теперь соотносится с мотивом славы. Сообщения о Бояне воплощают бинарную оппозицию, реализуемую двумя парами упоминаний: два первых соотносятся со славными делами давно минувших дней, два последующих — с безрадостными.

Другой мотивный ряд воплощен в солярной символике. В начале основной части «Слова» дважды сообщается о солнечном затмении: «Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты» (с. 10); «Тогда вѣступи Игорьъ князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше» (с. 12). В одном из центральных эпизодов «песни» также дважды упомянуто затмение солнца, но уже как метафора, обозначающая в первом случае всех четырех князей — участников похода 1185 года, а во втором — двух старших из них, Игоря и Всеволода: «...чръная туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца» (с. 14); «Темно бо бѣ въ 3 день:

²¹ В первом издании: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти» (Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 44). Гипотезу, согласно которой здесь назван еще один певец — Ходына, мы не рассматриваем.

²² В тексте конъектура Лихачева: Ярославля. См.: Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 15–16. В первом издании: «Ярославе» (Ироическая песнь... С. 34).

²³ Ср. о значении лексемы *трудный*, употребленной в выражении «трудныхъ повѣстий» (с. 9) в «Слове»: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1984. Вып. 6. Т–Я и дополнения. С. 68–70.

два солнца помѣркаста» (с. 19). Поражение представлено как вселенская эсхатологическая катастрофа: «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла» (с. 20). Образы затмившихся солнц контрастируют с единичным упоминанием о сияющем светиле во фрагменте, содержащем развязку: «Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли» (с. 30). Одновременно в «Слове» содержится и бинарная оппозиция, которую составляют два образа сияющего солнца с противоположной семантикой: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! <...> чему, господине, простре горячую свою лучу на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче» (с. 27) из плача Ярославны, ассоциирующееся с мотивами беды и горя, контрастирует с солнцем, светящим на небе, в развязке.

Антитеза затмившееся солнце — светящее солнце и антитеза свет — тьма неоднократно отмечались исследователями «Слова».²⁴ Нас здесь интересует такая особенность, как парность упоминаний о затмении реальном и о затмении метафорическом, которые наделены негативной семантикой, и однократное упоминание о светящем солнце, воплощающем мотивы торжества и радости. При этом если образы солнц с пейоративной семантикой отчетливо разделены на два предметных, хотя и обладающих символическим смыслом, и два метафорических, то в образе с позитивной семантикой номинативное и метафорическое значение как бы совмещены благодаря параллелизму солнце на небе — Игорь в Русской земле. Пока лишь отметим эту особенность, ее интерпретация будет предложена ниже.

Отчасти аналогично построенны оппозиции, которые воплощены в образах рек. Однозначно пейоративной семантикой наделена река Каяла, название которой, очевидно, содержит символическое значение.²⁵ Пейоративная семантика отчетливо проступает в четырех упоминаниях Каялы: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» (с. 17); «Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святѣславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы рѣкы половецкыя» (с. 18); «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла» (с. 20); «омочю бебрянѣ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ» (с. 26).²⁶ Каяле противопоставлен Донец, ассоциирующийся с мотивами оказанной князю Игорю, бежавшему из плена, помощи: «Донецъ рече: „Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселия“» (с. 28–29). Игорь отвечает реке приветственной речью Донцу, «лелѣявшу князя на влънахъ, славшю ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одевавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнию зелену древу; стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ» (с. 29). Мы опять встречаем многократную (правда, не двойную, а четверную) реализацию негативного члена оппозиции (Каялы²⁷) и оди-
нарную — позитивного (Донца). Донцу также противопоставлена река Стугна, в которой почти за сто лет до поражения Игоря утонул спасавшийся от половцев юный князь Ростислав: «Не тако ти, рече, рѣка Стугна; худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к устью, уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпръ темнѣ березѣ

²⁴ См. прежде всего: *Клейн И.* Донец и Стикс (пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции): Сб. науч. статей. М., 1976. С. 64–65; *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 222, 299–300.

²⁵ См.: *Грамматин Н.* Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозою и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального приложения, с историческими и критическими примечаниями, критическими же рассуждениями и родословною. М., 1823. С. 159; *Дмитриев Л. А.* Глагол «каяти» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1953. Т. 9. С. 30–38.

²⁶ Цитата из плача Ярославны; Каяла в нем наделена семантикой реки с мертвой водой; см. об этом: *Соколова Л. В.* Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 38–47.

²⁷ Всего имя *Каяла* встречается в «Слове» (если не принимать во внимание конъектуру Р. О. Якобсона, повторяющего старое мнение Н. С. Тихонравова и заменяющего во втором из упоминаний ее на *ковыль*; см.: *Якобсон Р. О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 106) шесть раз.

плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ» (с. 29).²⁸ Если рассматривать эти упоминания о Каяле как реализацию одного инвариантного концепта 'река осуждения' или 'река смерти, печали, скорби',²⁹ то негативный полюс оппозиции плохая река — хорошая река образуют две реки — Каяла и Стугна. При этом если в повествовании о событиях вплоть до поражения Игоревы войска позитивным смыслом в целом наделялись события прошлого (от времен Ярослава Мудрого и «старого Владимира», которого «нелъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ» (с. 26)), то здесь мотивы торжества и радости отнесены к событию нынешнего времени, к благополучно бежавшему из плена Игорю, а мотив горести, беды — к времени прежнему.

Контрастные мотивы смерти и отдыха/покоя реализованы в «Слове» с помощью образов постели и покрывала (*паполумы*). Негативный полюс оппозиции представлен двумя примерами, в первом из которых лексема *паполума* употреблена в метафорическом значении 'травя, на которую кладут умершего, могильная трава': «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполуму постла за биду Олгову, храбра и млада князя» (с. 15). Святослав Киевский видит во сне собственные похороны: «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чрьною паполумою на кровати тисовѣ» (с. 19). Оба элемента находятся в части текста, предшествующей описанию Игоревы бегства. Позитивный полюс представлен одним элементом. Постель и покрывало в этом фрагменте метафорические, лексема *паполума* здесь, впрочем, отсутствует, однако ей соответствуют покрывала-*мъглы*; и имеется однокоренное слово *стлавшу*: князь Игорь выражает благодарность Донцу, «стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребренныхъ брезѣхъ, одевавшу его теплыми мъглами подъ сѣнию зелену древу» (с. 29). Показательны совпадение лексемы *зелена* и однокоренные лексемы *постла* и *стлавшу* в первом и третьем примерах. В то же время последний фрагмент контрастирует с упоминанием о гибели князя Изяслава Васильковича, который был «на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи» (с. 24). *Кровава трава* противопоставлена *зелене траве*, на которой Донец лелеял Игоря. Отметим место соответствующих образов в композиции древнерусской «песни». Негативный мотив смерти, беды во всех случаях выражен образами, расположенными в тексте до повествования о возвращении главного героя на Русь.

Имеется в «Слове» и антитеза, в которой не два, а три элемента реализуют негативный мотив горя, а четвертый — позитивный мотив радости, ликования, контрастно соотносит три плача (жен русских воинов, Святослава и Ярославны) и песни девушек: «Жены руския въсплакашась, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати“» (с. 17–18); «Тогда великий Святъславъ изрони злато слово с слезами смѣшено» (с. 20); «На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ <...> „Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви <...>“. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи...» (с. 26–27, последнее высказывание повторяется трижды, образуя рефрен плача); «Дѣвици поють на Дунаи, — вьются голоси чрезъ море до Киева» (с. 30). Плач безутешной княгини и радостные песни девушек, словно приветствующих Игоря, объединяет упоминание о Дунае, плач Ярославны и русских жен — слово *аркучи*.³⁰

Оппозиция, построенная по принципу 2 ↔ 1, в которой два элемента отнесены к прошлому, а один — к настоящему, воплощена в образе Святослава Всеволодовича Киевского. Но если обычно в «Слове» до описания бегства Игоря прошлое маркировано положительно, ассоциируется с мотивами побед, торжества, а настоящее — с мотивом беды, то в данном случае ее семантика инвертирована. Дважды сообщается

²⁸ Текст с конъектурой. В первом издании: «ростре на кусту» (Ироическая песнь... С. 42). Также иначе расставлены пунктуационные знаки.

²⁹ См. аргументы в пользу последнего толкования: Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» в «Слове о полку Игореве». С. 36 и след.

³⁰ Впрочем, эта антитеза может быть описана и иначе: как противопоставление двух ситуаций (речи Святослава и плача Ярославны, принадлежащих единичным, названным по имени персонажам) одной (песням девушек) и как контраст двух «хоровых» сцен (плача русских жен и песен девиц).

о славной победе Святослава над половцами, одержанной за год до трагического похода 1185 года: «Тии бо два храбрая Святъславича, Игорьъ и Всеволод — уже лжу убудиста котороу, ту быше успилъ отецъ ихъ — Святъславъ грозный великий киевский грозоу: башеть притрепаль своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣкы и озеры иссуши потоки и болота. А поганого Кобыка изъ луку моря <...> яко вихрь, выторже» (с. 18); «Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря» (с. 18).³¹ Затем же рассказывается о его сне, в котором киевский правитель видит собственные похороны, и приводится его горестная упрекающая речь, обращенная к Игорю и Всеволоду: «А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ» (с. 19), князь «изрони злато слово с слезами смѣшено и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мѣчи цвѣлти, а себѣ славы искати. <...> Се ли створиште моеи сребреней сѣдинѣ?“» (с. 20).

Имеется в «Слове» и бинарная оппозиция, в которой представлены две пары контрастирующих элементов. Это уже упомянутые эпизоды встречи Игоря со Всеволодом и преследования новгород-северского князя двумя половецкими ханами. (Одновременно Гзаку и Кончаку, паре неудачливых преследователей, противопоставлена еще одна пара — удачливые беглецы Игорь и Овлур, но эта антитеза не противопоставляет начальную и близкую к финальной части повествования, так как оба ее элемента содержатся в сюжетном блоке, описывающем бегство Игоря.)

Распределение рассмотренных оппозиций и выражающих их образов и ситуаций в тексте «Слова» подчинено очевидному принципу: почти все элементы с негативной семантикой расположены до плача Ярославны и описания бегства князя Игоря, элементы, содержащие позитивные мотивы, помещены после этого плача. При этом инвариантная для древнерусского памятника оппозиция прошлое — настоящее претерпевает интересную метаморфозу: в части текста, находящейся до плача Игоревой жены, как правило, положительно оценивается прошлое,³² а настоящее — отрицательно, как время раздоров (*княжьего непособия*). В финальной части текста, напротив, позитивную оценку получают нынешние князья — сначала в лице Игоря, а затем также его брата и сына.

В мотивно-образной структуре «Слова» отчетливо прослеживаются, если не превалируют, бинарные оппозиции, в которых один из членов, обычно реализующий негативный мотив, представлен двумя элементами (иногда двумя парами элементов), а член, воплощающий позитивный мотив, — одним. Даже если признать наличие некоторых из них спорным и посчитать проявлением исследовательского субъективизма, в целом присутствие и, главное, особенная значимость таких антитез в «Слове» едва ли могут быть опровергнуты. Сами по себе бинарные оппозиции — неотъемлемая особенность культуры, и они присущи, естественно, едва ли не всем памятникам древнерусской словесности, однако обычно они противопоставляют друг другу отдельные образы, а не парные образы одиночным. Если оппозиции с одиночными или парными контрастными образами хорошо описываются как пример зеркальной сюжетно-композиционной симметрии, во многом определяющей построение «Слова», и не являющиеся чем-то оригинальным,³³ то оппозиции, построенные по модели 2 ↔ 1, глубоко не-

³¹ Сообщение о победе Святослава над Кобыком и сообщение о *славе*, которую *поют* киевскому князю иноземцы, считаем двумя разными элементами, хотя они и соседствуют в тексте: первое принадлежит непосредственно автору «Слова», второе характеризует отношение к Святославу различных народов.

³² Наличие в этой части текста ретроспективного отступления об усобицах, участником и инициатором которых был Игорев дед Олег Святославич-«Гориславич», не отменяет доминантной роли этой оппозиции.

³³ Парность ряда персонажей «Слова» можно было бы объяснить простым диктатом фактов, которые автор всего лишь отражал: поход 1185 года действительно возглавляли два князя, наибольшую активность после поражения Игоря, согласно летописному рассказу (Полн. собр. русских летописей. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 644–651), и на самом деле проявили два половецких хана. Однако и здесь книжник отнюдь не следует действительности рабски: показательно, что Кончак, как свидетельствуют те же летописные данные, не выказал

тривиальны. В «Слове» позитивно окрашенные образы в числовом выражении — единицы, обозначающие цельность, нераздельность. Показательно, что во фрагменте, описывающем возвращение Игоря на Русь, новгород-северский князь представлен единственным героем «Слова»: автор не изображает, как мы могли бы ожидать, ни его свидания с женой, ни его встречи с братом, ни приема беглеца Святославом Киевским. В дополненной автором припевке Бояна «„Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря“» (с. 44) Игорь показан как бы единственным правителем Русской земли, ее *головой*. А в сообщении о приезде «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй <Б>огородици Пирогощей» (с. 31) главный герой предстает словно вступающим на киевский престол: о Святославе, о встрече им двоюродного брата умалчивается; Игорь его как будто замещает. При этом автор умалчивает и о более раннем посещении отчого Новгорода-Северского, и о предшествующей визиту в Киев поездке к Ярославу Всеволодовичу Черниговскому, о чем сообщает Киевская летопись: Игорь «иде во свои Новѣгородѣ и обрадоваша³⁶ емоу. из Новгорода иде ко братоу Ярославоу к Черниговоу <...> Игорь же ѿттоле ѣха ко Киевоу к великому. кнзю Стѣславоу». ³⁴ В плане содержания в концовке основной части и в заключении «Слова» Игорь представлен победителем. В плане выражения этому торжеству соответствует «единодержавие» героя, становящегося в развязке единственным персонажем древнерусской «повести».

Главной кульминационной точкой³⁵ в «Слове» является плач Ярославны — моление,³⁶ обращенное к стихиям и услышанное Богом. Образы с негативной и с позитивной семантикой расположены по обе стороны от этого фрагмента. Повествование о походе Игоря, завершающееся роковой битвой, построено на основе героико-эпического кода, в котором поражение и пленение символически истолкованы как временная смерть; рассказ о возвращении Игоря из плена построен по модели волшебной сказки — как исход из символического царства мертвых, описываемый в соответствии со сказочным мотивом «герой спасается от преследования», шестым вариантом (герой «спасается бегством с *быстрым превращением*») функции XXII в классификации В. Я. Проппа.³⁷ Разительное несоответствие пленения Игоря нормам героико-эпического жанра снимается посредством приравнивания к гибели, а благодаря коду волшебной сказки возвращение князя интерпретируется в «Слове» как воскресение из мертвых и как победа над посрамленными антагонистами-половцами.³⁸

неприязни к Игорю и не напал на его земли; см. об этом: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья: Очерки. М., 2001. С. 19–22. В «Слове» же он вместе с Гзакон сделан антагонистом Игоря.

³⁴ Полн. собр. русских летописей. Т. 2. Стб. 651, л. 227.

³⁵ В. Ф. Ржига, наряду с описанием возвращения Игоря, относит плач к третьему блоку основной части текста «Слова»; см.: Ржига В. Композиция Слова о полку Игореве. С. 56. Соколова также считает плач Ярославны начальным фрагментом третьего раздела повествовательной части произведения; см.: Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве». С. 204. По своей сюжетной функции этот фрагмент является второй (после описания второй битвы с половцами и поражения русичей) кульминацией. Идейная кульминация — «златое слово» Святослава, по отношению к которой симметрично расположены рассказ о битве и моление княгини, включающее в свой состав упоминания о сражении.

³⁶ Плач Ярославны — именно плач и моление, а не заклинание, как довольно часто утверждается. См. об этом: Соколова Л. В. Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны // Текст и традиция: Альманах. СПб., 2020. [Вып.] 8. С. 7–34.

³⁷ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 54.

³⁸ О смене героико-эпического и сказочного кодов в «Слове», благодаря чему поражение и пленение Игоря превращены в конечную победу, см. подробнее: Ранчин А. М. «Слово о полку Игореве»: Путеводитель. СПб., 2019. С. 65–76. Мы развиваем проницательные наблюдения Н. С. Демковой; см.: Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. С. 62–64. Возвращение Игоря, трактуемое как посрамление половцев, как символическая победа, в «Слове» как бы удвоено благодаря упоминанию о возвращении его сына Владимира, также представленном как бегство, причем с «умыканием» девицы — дочери Кончака. Этот мотив тоже соотносится с сюжетом волшебной сказки; см.: Ранчин А. М. «Слово о полку Игореве»: Путеводитель. С. 73.

Предпринятый анализ подтверждает правомерность концепции Б. М. Гаспарова, полагающего, что в «Слове» воплощен мифологический сюжет гибели/воскресения.³⁹ Однако семантику мотивно-образной структуры памятника можно описать и несколько иначе — как поражение/победа. Разумеется, этот принцип организации мотивно-образной структуры не исключает наличия в «Слове» других художественных принципов, в частности организации композиции на основе тернарности, о чем писали Ржига и Соколова.⁴⁰

Наблюдения над мотивно-образной структурой «Слова» позволяют высказать и некоторые соображения о его жанре. В исследованиях памятника достаточно часто встречается утверждение о его принадлежности к героическому эпосу или глубокой связи с героико-эпической традицией.⁴¹ Однако ни обрыв линий Святослава и Ярославны, ни сложная мотивно-образная структура, отличительные для «Слова», не характерны для героического эпоса. Автор использует отдельные элементы этого жанра, но не более того. Утверждение об устной природе памятника также не подтверждается: столь изолированные мотивно-образные цепочки оппозиций фольклору как будто бы неизвестны.

³⁹ См.: Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве».

⁴⁰ См.: Ржига В. Композиция Слова о полку Игореве. С. 56–58; Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве». С. 204–210. Впрочем, правомерность деления текста памятника на строфы, предложенная Ржигой, вызывает сомнения. Но это отдельная тема.

⁴¹ См., например: Дынник В. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» // Старинная русская повесть: статьи и исследования / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941. С. 58–64; Боева Л. О жанре «Слова о полку Игореве» // Старобългарска литература. София, 1987. Кн. 20. С. 112–119; Гогешвили А. А. Старофранцузский героический эпос и «Слово о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Вып. 10. С. 115–134; Лихачев Д. С. 1) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. С. 16–19; 2) Жанр «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 173–181; Робинсон А. Н. 1) «Слово о полку Игореве» и героический эпос средневековья // Вестник АН СССР. 1976. № 4. С. 104–112; 2) Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 314–332; Бахтин М. М. «Слово о полку Игореве» в истории эпопеи // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х гг. / Ред. тома С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. С. 39–41; Филипповский Г. Ю. 1) Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве». 2-е изд., испр. и доп. Ярославль, 2014. С. 163; 2) Современные проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 157–165.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-40-48

© Т. Г. Попова

ЖИТИЕ ПРЕП. ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА В РЕДАКЦИИ ГЕРМАНА ТУЛУПОВА*

Деятельность русского писца первой трети XVII века, иеромонаха Троице-Сергиева монастыря Германа Тулупова привлекает внимание и отечественных, и зарубежных филологов. Известны основные факты биографии этого замечательного книжника, принявшего постриг в 1627 году в преклонном возрасте. Хорошо сохранились переписанные им книги (всего 22, из них 12 — годовой комплект Четых миней).¹ В 30–50-е годы XVII века в Троице-Сергиевом монастыре были созданы два комплекта Четых миней: один — Германом Тулуповым, другой — Иоанном Милутиным и его сыновьями,

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00005-П «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского», <https://rscf.ru/project/22-18-00005/>, БФУ им. И. Канта.

¹ См.: Алексеев В. Н., Турилов А. А. Герман // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 252–253.

и, по справедливой оценке Э. В. Шульгиной, «эти новые после-макарьевские Минеи мало изучены в литературном отношении».² Лакунами в современном научном знании являются исследования текстов конкретных памятников, отредактированных Германом.³ Задача настоящей статьи — дать углубленный филологический анализ редакторской и писцовой деятельности Германа Тулупова на материале Жития преп. Иоанна Лествичника, вошедшего в состав созданной Германом Минеи под 30 марта.⁴

К настоящему времени наука располагает двумя наборными публикациями текста Жития преп. Иоанна Лествичника в редакции Германа Тулупова Трц. 675: печатной⁵ и электронной.⁶ В электронной публикации, выполненной автором этих строк, текст Жития святого по рукописи Германа расположен синоптически с другими славяно-русскими минейными версиями, а именно с текстами: древнеболгарской Супрасльской рукописи,⁷ русской Минеи четьей на март XV века,⁸ русской Минеи четей на март XVI века,⁹ редакции св. Димитрия Ростовского.¹⁰ Кроме того, для сравнения текстов в названном электронном наборном издании привлекались Великие Минеи четьи (Успенский список, мартовский том)¹¹ и старопечатное издание Лествицы.¹²

² Шульгина Э. В. Сравнительная характеристика состава мартовских миней-четьих XVII в. и Макарьевской минеи (Предварительные итоги) // Русская книжность. Вопросы источниковедения и палеографии. Труды Государственного Исторического музея. М., 1998. Вып. 95 / Отв. ред. Т. В. Дианова. С. 16.

³ Из известных нам работ, затрагивающих аспект редакторской деятельности Германа, назовем исследования Жития Александра Ошевенского (см.: *Пигин А. В.* 1) Сочинения о св. Александре Ошевенском в рукописях из монастырей, церквей и личных библиотек Каргополья // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2019. № 2 (179). С. 18–24; 2) Житие Александра Ошевенского в редакции Тулуповской минеи // ТОДРЛ. СПб., 2021. Т. 68. С. 369–401; *Пигин А. В., Юхименко Е. М.* Преподобный Александр Ошевенский: Житие, похвальные слова, молитвы: Исследование и тексты. СПб., 2023) и Сказания о втором обретении главы Иоанна Предтечи (см.: *Кулева Н. А.* Сказание о втором обретении главы Иоанна Предтечи в истории церковнославянской книжности // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2023. Вып. 74. С. 31–40).

⁴ РГБ. Ф. 304/1 (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры). № 675. Л. 139 об. — 147. Далее ссылки на эту рукопись приводятся в тексте сокращенно: Трц. 675; при цитировании указывается только номер листа.

⁵ *Кенанов Д., Гавазова Н.* Небето на безмълвието. Книгата «Лествица» от св. Йоан Синайски и нейният старобългарски превод. Велико Търново, 2013. С. 77–84, 115–123.

⁶ См.: art-of-scala/zhitie-lestvichnika; дата обращения: 30.04.2026.

⁷ Рукопись создана в середине XI века в Восточной Болгарии; Житие Лествичника расположено на лл. 136 об. — 139 об. Часть рукописи с текстом Жития преп. Иоанна Лествичника хранится под № 21 в собрании графов Замойских Национальной библиотеки Польши, в Варшаве. Текст кодекса сверен с текстом наборного издания Д. Бирнбаума на сайте Супрасльской рукописи (<http://suprasliensis.obdurodon.org/pages/supr001r.html>; дата обращения: 30.04.2026). Сомнительные чтения указаны в примечаниях к электронному изданию Минейной версии Жития святого, см.: art-of-scala/zhitie-lestvichnika; дата обращения: 30.04.2026.

⁸ РГБ. Ф. 113 (Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 595. Л. 220 об. — 223.

⁹ РГБ. Ф. 173/1 (Собр. Московской духовной академии). № 92.2. Л. 326–329 об.

¹⁰ См.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четких Минеи святого Димитрия Ростовского. Книга седьмая. Март. М., 2010. С. 567–575 (далее — Жития святых). Мартовской том «Книги житий святых», вышедший при жизни святителя, в 1700 году (РГБ. Музей книги. № 8576), под 30 марта («Житие преп. о. н. Иоанна Лествичника») не имеет текстологических различий с названным изданием. В изложении святителя Димитрия Ростовского объединены Минейная и Основная редакции Жития преп. Иоанна Лествичника, а также патериковые рассказы о святом. Литературоведческий анализ текста редакции св. Димитрия Ростовского, включающий обзор литературы, посвященной «Книге житий святых» (работы М. А. Федотовой, А. А. Крумина и др.), содержится в исследовании: *Дорофеева Л. Г.* Житие прп. Иоанна Лествичника в русских печатных изданиях XVII–XIX веков // Губарева О. В., Дорофеева Л. Г., Попова Т. Г. Лествица в слове и образе. Иконография и агиография «Лествицы» Иоанна Синайского. Калининград, 2024. С. 105–192.

¹¹ ГИМ. Синодальное собр. рукописей. № 992. Л. 837а — 839а (далее — Син. 992). Рукопись цит. по: Die grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij, Uspenskij spisok. 26–31 März / Великие Минеи Четьи митрополита Макария, Успенский список. 26–31 марта / Hrsgb. unter der Leitung von E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko. Freiburg im Breisgau, 2001. S. 1673–1677 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations. T. XLV).

¹² См.: Лествица. М., 1647. Л. 5–11.

Прежде всего заметим, что Герман Тулупов кодексы Лествицы преп. Иоанна Лествичника не создавал. В исследованиях болгарских филологов¹³ ему приписывается рукопись № 37 фундаментального собрания Московской духовной академии («почерк Германа Тулупова»; РГБ. Ф. 173/1).¹⁴ Атрибуция представляется необоснованной и сомнительной. Писец этой рукописи остается неизвестным. Другим кодексом Лествицы, принадлежащим перу Германа Тулупова, Д. Кенанов и Н. Гавазова¹⁵ считают рукопись № 282/302 собрания Соловецкого монастыря (РГБ. Ф. 717);¹⁶ писцом названной рукописи, как установила О. С. Сапожникова, является замечательный русский книжник первой половины XVII века Сергей Шелонин.¹⁷

Не будучи писцом книг Лествицы, Герман Тулупов был знаком с этим памятником ранневизантийской литературы: например, в переписанный им в 1632 году Пролог (РГБ. Главное собр. Троице-Сергиевой-лавы. Ф. 304/1. № 727) вошли такие чтения из Лествицы, как слово о Хоривите (под 2 октября), слово об узком пути (под 20 декабря), слово о Мине (под 5 января).¹⁸

Антиграфа Трц. 675 не существует, потому что Герман Тулупов свои Четыи минеи «не списывал, а составлял».¹⁹ При сравнении текстов Трц. 675 и других вышеназванных источников, сохранивших славяно-русские минейные редакции Жития преп. Иоанна Лествичника, обнаруживается большая полнота редакции Германа Тулупова. При анализе этого текста обозначились три аспекта, за счет которых семантическое пространство Жития преп. Иоанна Лествичника значительно расширено и углублено. Этими направлениями редакторской деятельности Германа являются: включение в текст Минейной редакции ранее неизвестных ей топосов; сопровождение текста известных Минейной редакции топосов толкованиями; введение в текст Минейной редакции ранее не известных ей топосов и их толкований. Рассмотрим названные аспекты работы Германа.

1. Книжник расширил содержание Жития святого за счет введения следующих новых для Минейной редакции топосов и цитат из Священного Писания:²⁰

1.1. Победение тщеславия смиренномудрием: «Смирениѣ же оукрашено воспріемъ. изганае^т израднымъ сѣло рассмотреніемъ со входомъ. самого^{на}го и своевѣрнаго прелестника» (л. 141).²¹

¹³ См.: Кенанов Д., Гавазова Н. Небето на безмълвието. С. 77, 98, 117 (прим. 11); Кенанов Д. Безпристрастиего — път към светостта (търновският превод на второ слово от преп. Иоан Лествичник) // Търновска книжовна школа. Търново и идеята за християнския универсализъм. XII–XV век. София, 2011. С. 44.

¹⁴ См. о рукописи: Popova T. G. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften // Лествица Иоанна Синайского. Каталог славянских рукописей. Köln; Weimar; Wien, 2012. С. 259–260 (кат. № 340).

¹⁵ См.: Кенанов Д., Гавазова Н. Небето на безмълвието. С. 11, 98.

¹⁶ См. о рукописи: Popova T. G. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. С. 261 (кат. № 344).

¹⁷ Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 91, 102, 121–123, 258–260, 282–299, 461, 465, 498–499.

¹⁸ См.: Попова Т. Г., Чистякова М. В. Сказания из Лествицы в древнерусском Прологе // Русская литература. 2017. № 1. С. 97, 99.

¹⁹ Шульгина Э. В. Сравнительная характеристика... С. 16.

²⁰ Под термином «топос», как принято в русской филологической школе вслед за Д. С. Лихачевым, понимается общее место, т. е. устойчивая сюжетная или композиционная конструкция, которая может повторяться в других агнографических текстах: «Топосом может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» (Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агнография: Исследования. Публикации. Полемика / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 61). При определении филологического статуса того или иного фрагмента текста Жития святого (топос, не топос, цитата) в качестве теоретического фундамента предложенного ниже анализа мы ориентировались на методику, предложенную в работе: Ранчин А. М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 21–32.

²¹ Ср.: «Он отсек вольность и гордыню и, восприяв на себя благолепное смиренномудрие, при самом вступлении в иноческую жизнь внимательным рассмотрением отгнал от себя этого обманщика — самоугодие и самоуверенность» (Жития святых. С. 569).

1.2. Уподобление учителя кормчему: «выю преклонивъ. и вѣривъ блгополучно оучтлю, в безбѣднѣ наставленіи. тажкѹ пучинѹ преити сматраа добръ» (л. 141).²²

1.3. Реминисценция на притчу о сеятеле (Мф. 13: 3–23; Мк. 4: 3–20; Лк. 8: 5–15): «како*, идѣже всакъ немѣ сѣаше са, проивленнѣ изрече са» (л. 141 об.).

1.4. Аллюзия на Пс. 74: 5–6: «Мало же сѣло. и в сѣмъ мноу нѣкако величаніа рогъ сламлаи премѹдре» (л. 142).

1.5. Угнетение плоти малоядением, фрагмент включает цитату из Мк. 4: 39: «оумаленіемъ оубо господѹ многими скачющѹу опечалаше. wskѹдѣніемъ вопіа к ней, молчи, обрати са» (л. 142).²³

1.6. Побеждение страстей малым пріятием всех яств: «а еже все ѿ части вкѹшал. мѹченіа силы порабоощаше» (л. 142).

1.7. Побеждение огня страстей пустынножитием, фрагмент включает аллюзию на Ис. 50: 11: «впѹстѣніемъ же и неприближеніемъ личнымъ пламень печи сеа погаси. ико до конца тѹ прочее испелити и оупити совершенѣ» (л. 142).²⁴

1.8. Побеждение страсти гордости: «что осмыа отроковица, оу добраго таинника сего побѣденіе» (л. 143).²⁵

1.9. Чистота святого, фрагмент включает аллюзии на Исх. 31: 1–11, Исх. 36: 1–3, на Новый Завет, на Откр. 21: 10–27: «что же ли оубо вчищеніе крайнее. еже начать оубо послѣшаніа веселеилъ. съверши же нбѣнаго іерѹлима гѣ пришествіемъ своимъ пришеа» (л. 143).²⁶

1.10. Аллюзия на Пс. 144: 19:²⁷ «Бгѹ оубо оугодника своего волю твораше. ико да не двѣа лжѹща покажетъ» (л. 145 об.).²⁸

1.11. Бегство змея: «зміи* ѿбѣже, ранами мѣвленны мѣтвы мѹчимъ. недѹгѹли же бе недѹга себе зра. высоцѣ дивлаше са» (л. 145 об.).²⁹

1.12. Учителство словом святого: «Слово блгѹтію преблженныи сеи w кѣ приходящи* богато подаа, и поученіа истачаа источники независтнѣ и тонцѣ» (л. 145 об.).

К этим топосам примыкают чтения, не являющиеся общими местами для русской агиографии, а характеризующие только Житие преп. Иоанна Лествичника:

1.13. Переход к повествованию о видении святым Ангела: «и како въскорѣ повѣмъ» (л. 144 об.).

1.14. Продолжение ответа Моисея преп. Иоанну: «и абіе видѣхъ камыка оного искорѣшша са (так!), и паа са на землю» (л. 144 об. — 145).

С текстологической точки зрения важными являются фрагменты 1.6 и 1.14. Так, топос фрагмента 1.6 присутствует не во всех византийских версиях текста, а значит, не

²² Ср.: «Подклонив свою выю, он вверился искусному духовному наставнику, желая под его руководством безбедно пройти опасную пучину страстей» (Там же). К слову «наставнику» в издании следует примечание: «То есть авве Мартирию, как видно из последующего за этим сказания неизвестного синайского монаха».

²³ Ср.: «...а малостью вкушаемого смирял госпожу и мать сластолюбивых страстей, то есть объедение, самую скудостью трапезы взывая ей: *Умолкни, перестань* (Мк. 4, 39)» (Там же. С. 571).

²⁴ Ср.: «Пустынножитием же и удалением от сопребывания с людьми преподобный уташал пламень пици плотской, так что наконец он покрылся пеплом и совершенно угас» (Там же).

²⁵ Ср.: «Что же скажу, — продолжает иннок Даниил, — о его победе над гордостью?» (Там же).

²⁶ Ср.: «Что скажу о великой чистоте сердца, начало которой положил этот новый Веселеил послушанием и которую довершил Господь, Царь небесного Иерусалима, посетив его присутствием Своим» (Там же. С. 571–572).

²⁷ Этот фрагмент Жития преп. Иоанна Лествичника стал топосом русской агиографии: он встречается в Пространном житии Сергия Радонежского, в первой версии Жития Герасима Болдинского, в искаженном виде («яко дание Давида глаголюща покажут») в Житии Антония Сийского в редакции царевича Иоанна (приношу сердечную признательность за ценную информацию Е. Л. Алексеевой).

²⁸ Ср.: «Так исполнились слова псалма Давидова: *желание боящихся Его Он исполняет, и молитву их услышит* (Пс. 144, 19)» (Жития святых. С. 573–574).

²⁹ Ср.: «ибо блудный бес отбежал от Исаакія, прогоняемый как бы бичом молитвами святого Иоанна» (Там же. С. 573).

во всех славянских переводах.³⁰ Соответствующее чтение обнаружено нами в издании поздней греческой версии Лествицы: «τὸ δὲ πάντων ἀπὸ μέρους μεταλαβάνειν, τὴν τυραννίδα τῆς κενοδοξίας κατεδουλοῦτο»;³¹ эта версия легла в основу тырновского и сербского переводов, при этом в текстах оригиналов для переводов, возможно, читалось не κενοδοξίας, а *δυνάμεως силы. В двух других раннеславянских переводах (преславском и афонском) этот фрагмент отсутствует, поскольку его нет в ранней греческой версии, ставшей источником для названных переводов. Топос отсутствует и в старопечатном издании Лествицы (1647), однако он имеется в Великих Минеях четьих: «а еже вѣсе ѿ части вкоушаа. мѣна силы порабоуашае» (Син. 992. Л. 837г). Аналогично фрагмент 1.14 из множества версий Жития преп. Иоанна Лествичника сохранился только в Великих Минеях четьих: «и абіе видѣхъ камыка вного сокроушивша сѧ и паѣша сѧ на землю» (Син. 992. Л. 838в). Наличие в Трц. 675 фрагментов 1.6 и 1.14 свидетельствует о том, что в числе источников редакции Германа Тулупова были Великие Минеи четьи.

2. Герман Тулупов углубил смысловой объем ряда фрагментов текста Жития за счет введения толкований в следующие топосы, известные Минейной редакции:

2.1. Рождение и воспитание святого, в толковании цитата Пс. 25: 12: «Иже оубо кто приживи доблаго сего и бжѣтвеннаго. и воспитавии прежде постнаго и страдалнаго его житїа. да сие рекѹ достойни слышанїа градъ земныи. сѣло оухищренѣ и испытаннѣ не могѹ. тоѣ. Здѣ рожденїе и граѣ стго, съкрываетъ писатель. нѣцїи же убо гл҃юѣ мко быти емѹ снѣ ѡнефонтѹ. братѹ же его быти георгїю арселаитѹ. именованомѹ ѿ рожденїа аркадіе. сеи же не премѣни имене. іѡаннѣ бо нарицаше сѧ. Ннѣ же в немже естъ сказѣѣ, и* нетлѣнною пищею сего питаеѣ сирѣѣ вышнїи іер҃лимѣ, мти первороѣныѣ, ихже нога ста на правотѣ. ѡнефонтѣ бѣ въ црїи градѣ вельможѣ богаѣ. дѣти же его послаѣоучити книгаѣ в виритѣ. ихже изметнѹ море в различныѣ страны. и по смотреїю Бж҃ю, доидоша во іер҃лимѣ, ко единомѹ старцѹ. и постригоша сѧ оу негѹ, не познавающе себе, дондеже доиде ѿцѣ ихъ и мти поклонити сѧ во іер҃лимѣ, и тогда познаша сѧ» (л. 139 об. — 140).

2.2. «Внешняя премудрость» и простота святого: «тоѣ. Окрѣгнаа естъ прмѣрость. еллиньскаа внѣшнаа списанїа еже естъ разѹмѣ и оученїе. и мже ѿ лѣтнїѣ прехожденїѣ, и звѣздо zakonїи впаснѣмъ извѣстно вѣдїи. его* ради и окрѹгню прмѣрость глѣтѣ. и сїе все философское киченїе, смиренїемъ истиннымъ побѣдивѣ; лѣствица. А еже чюдїе, мко ѿ вкрѣпнѣ прмѣрости нбѣнїи грѣбости оуча сѧ, еже преславнѣишее. смиренїю бо тѣжде естъ философское киченїе» (л. 141).

2.3. Побеждение страсти тщеславия малоядением, фрагмент включает аллюзию на Пс. 74: 5–6: «Идаше оубѡ все еже непорочнѣ желает сѧ заповѣданїю. тоѣ. Еже всакое прѣставляемое мсти и черпаемое пити бл҃годаренїе Бг҃ѹ естъ. ничтоже бо правила разѹмѹ о семѣ воѣбранаюѣ. вса бо добро сѣло. а еже многихъ и сладащїхъ оукланати сѧ, и расчѹдителнѣ о сихъ имѣти и разѹмнѣ воздержанїе имѣнѣет сѧ. точїю же ѿ иновѣрныхъ подобаетъ освѣнати сѧ; лѣствица. Мало же сѣло. и в сѣмѣ мно нѣкако величанїа ро҃гъ сламлаи премѹдре» (л. 141 об. — 142).

2.4. Побеждение страсти сребролюбия милостыней и ограничениями потребностей, в толковании имеются аллюзии на Еф. 5: 5 и Кол. 3: 5: «тоѣ. Идолское же поклоненїе нарицаеѣ, сребролюбїе. і еже к вѣщемъ прїстрастїе. і еже ѿ сихъ бываемое кѣ страстемъ сосложенїе. его* кромѣ милованїа нищихъ, и требѹющихъ поданїа. и ноужныѣ потребѣ, мали сѣло избѣжаша. лѣствица. Идолскаго же поклоненїа милостїю і оскѹднїемъ нѣжныѣ крѣпкїи крѣпце избѣжа» (л. 142).³³

³⁰ Подробно о византийских и славяно-русских версиях Жития преп. Иоанна Лествичника см.: Попова Т. Г. Житие прп. Иоанна Лествичника в византийской и славяно-русской традициях (лингвотекстологический аспект) // Губарева О. В., Дорофеева Л. Г., Попова Т. Г. Лествица в слове и образе. С. 193–315.

³¹ Τοῦ ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Σιναΐτου Κλίμαξ ὑπὸ Ἀρχιμ. Ἰγνατίου. Ὁρωπὸς Ἀττικῆς: Ἱερὰ Μονὴ Παρακλήτου, 1997. Σ. 19b (далее: Ἰγνατίου).

³² Так в рукописи: испытаннѣ не могѹ (пропущен глагол в форме инфинитива).

³³ Ср.: «Сребролюбия, которое святой апостол Павел называет идолопоклонством (см. Еф. 5, 5), этот доблестный подвижник мужественно избегал, раздавая милостыню и отказывая себе в самом необходимом» (Жития святых. С. 571).

2.5. Побеждение страсти уныния памятью смерти: «то^т. Дѣши всечаснѹю смерть и раслабленіе, оуныніе нарече. е^ж вмѣсто встна, смертію (так!) паматію оуморивъ. дѣшо востави ко всѣмъ бѣоугоднымъ дѣломъ воздвизаа тѣ. лѣствица. дѣши же всечаснѹю смерть и ра^зслабленіе, смертію мко встномъ стрѣча востави» (л. 142–142 об.).

2.6. Побеждение страсти тщеславия уединением и безмолвием: «неисходнымъ же тѣломъ, и неисходнѣшимъ вѣщаніемъ, паоучнославнѹю оумори пѣвицѹ. то^т. Тщеславіе нарицаетъ пѣвицѹ. мко^ж бо пѣвица кровь пїетъ тѣлеснѹю несытнѣ, тако и оно живо^т дѣша бе^з вѣсти твори^т инокѹ. еже есть добродѣтель и разѹмъ. паоукъ же свое тонкое праденіе распростираа мко мрежѹ, немощнаа животнаа оудерживаетъ. аще же крѣпчаише что приразитса, расторгне^т оубѣгаетъ. тако и тщеславіе распростерто, всѣхъ слабоумныхъ оудерживаетъ, крѣпкихъ же в разѹмѣ, не емлетъ. но паче вни расторгъше то, на нбо во^злетаю^т. мкоже крѣпчаишаа животнаа паучина. паоучиновидно же то нарицаетъ, слабости ради и съетѣства» (л. 142 об. — 143).

2.7. Аллюзии на Числ. 20: 12, Втор. 4: 21–22, 32: 52, 34: 4: «то^т. Мѡѡсїи оубо землю вѣтованїа не видѣ. иже есть долнїи їер^ли^м. за еже рѣщи со властію, мко да егда ѡ камене сего дамъ вамъ водѹ, к неразѹмнымъ глѣ ѣильтано^м. сеи же вниде в горнїи їер^ли^м. земля же вѣтованїа есть цр^тво нб^ное. по во^зводномѹ еже исходатаиствѣ^е бестрагїе (так!) и разѹмъ. лѣствица. Единѣмъ точію неподобенъ моисею бывъ, во їер^лимѣ горнїи входомъ. мко^ж внѣ долнаго нѣкакъ не полѹчи» (л. 146 об.).

3. Наконец, Герман Тулунов включает в текст своей редакции и топосы, неизвестные другим спискам Минейной редакции, и толкования к ним:

3.1. Побеждение дерзости странничества: «то^т. Разѹмныа втроковица, дѣшевнаа оустамененїа соѹтъ, еже сѹтъ добродѣтели. ихже странничество, мко^ж двѣ сохранати вѣсть, мко да невидимы бываютъ, но пребывати в домѹ особнѣ, своимъ оустановомъ затворены. добрѹ оубо рече, прес^тателницы быти странничествѹ, мко добродѣтелемъ сохраненіе сѹще. лѣствица. И странничествомъ оубо прес^тателницы разѹмны^х наши^х втроковицѣ. дерзновеніе бесчестное пресѣкъ» (л. 140 об. — 141).³⁴

3.2. Замена «вещественного» мира «невещественным»: «то^т. Оумореніе же пристрастїа се есть. свазанїе нарече^т по истинѣ многоимѣніе. мкоже бо в мирѣ богатствомъ свсзанїи. нѡоудобъ могѹ^т раз^рѣши са (так!). свазани бо сѹтъ житїа сего пленицами. тако и добродѣтели живѹщеи, богатство имѹтъ добродѣтели свазанїе. печалованіе ѡ себе ѡтрасше. лѣствица. оуморенїемъ же пристрастїа. или оубо и прочихъ чювственны^х, невещественнѹю (так!) оузѹ печали ра^зрѣши» (л. 142 об.).³⁵

3.3. Побеждение святым всех страстей с помощью Христа (т. е. смирения), фрагмент содержит аллюзии на Исх. 31: 1–11, 36: 1–3: «без негоже не втребит са діаволъ, и того сличнаа чета. то^т. Осмоу отроковицѹ нарицае^т гордыню. осмаа бо страсть оустави са ѡ оцѣ вѣ всмы помыслѣхъ страстей. побѣжденїе же глѣтъ, крайнее вчищенїе, или бестрастїе, еже ѡ послушанїа и наитїа с^тго дѣха исправлает са. веселеила же того нарицае^т, мкоже бо веселеилъ сѣнь оустрои древнюю терпѣнїемъ, в неже помазанїе цр^мь, и прѣр^чествїа, и про^ча законнаа съвершахѹ са. тако и сеи стѣи дѣшѹ оукрасивъ, и тѣло просвѣтивъ. храмъ с^тмѹ дѣхѹ себе показа краснѣиши» (л. 143–143 об.).³⁶

3.4. Упование на благость и щедрость Бога, фрагмент содержит аллюзию на сочинения Григория Богослова: «и всако блгїи и щедрѣи Бгѣ моленїа нашего не презрїтъ. то^т. Здѣ оубо лѣпо есть рещи по бгословѹ великомѹ григорїю. другѹ вѣрнѹ нѣсть измѣны. ближнїи дрѹгъ в напасти познавает са. и егда скорбенъ совѣщникъ бѹдетъ. дрѹгъ вѣренъ. кровь крѣпокъ. елма и во блгодѣйствии совѣтникъ бывае^т блгѣ, и съдѣивеникъ единовѣще^н. и въ злостраданїи застоупникъ ближнїи, и споборникъ

³⁴ Ср.: «Устранившись мира, он с самого начала возлюбил украшенную смиреніем кротость, как начальницу „мысленных отроковиц“, как учительницу добродетелей» (Жития святых. С. 569). Прим. в издании к слову «отроковиц»: «То есть добрых наклонностей — по изъяснению Илии Критского».

³⁵ Ср.: «Сети и узы всякого пристрастия и всяких чувственных похотей он разрешал, связав себя невещественными узами печали и слез» (Там же. С. 571).

³⁶ Ср.: «ибо без Его присутствия не могут быть низложены диавол и его полчище» (Там же. С. 572).

и сострадалецъ приснѣшии. по истинѣ другъ вѣрнъ нѣсть точно ꙗко соузи* ничтоже» (л. 145–145 об.).

3.5. Обвинения святого в пустословии: «тоѣ. <...> нѣщии же лѣкави члѣцы завистию пострекаеми, и толикъ пользы оудержати хоташе, прѣногѣлива того и бладива нарицахъ. лѣствица. Нѣщии оубо иногда завистию пострѣкаеми, прѣноглаголива того и бладива нарицахъ» (л. 145 об. — 146).

В примерах 2.2, 2.4–2.5, 2.7, 3.1–3.2, 3.5 проявляется яркая особенность редакции Германа Тулупова: толкование предшествует толкуемому тексту. Подобное расположение чтений не встречается ни в одной другой рукописи, входящей в поле нашего зрения. В примере 2.3 толкование помещено в середину фрагмента, разрывая и нарушая смысловое единство топоса «Побеждение страсти тщеславия малоядением»: святой принимал все виды пищи, но в крайне малом количестве.

С текстологической точки зрения значимым является фрагмент 3.4. Топос упования святого на благость и щедрость Бога принадлежит к числу редких в рукописной традиции памятника: он отсутствует почти во всех версиях Жития преп. Иоанна Лествичника, в том числе и в Великих Минеях четьих. Это чтение сохранилось в Основной редакции Жития святого, но только в тех немногих рукописях южнославянской традиции (тырновского и сербского переводов), основой которых стала упомянутая выше поздняя греческая версия, ср.: «καὶ πάντως ὁ ἀγαθὸς καὶ οἰκτίρων Θεὸς τὴν ἱκεσίαν ἡμῶν οὐ παροΐεται» (Iuvatiou. Σ. 22b); «и всѣко благи и щедры Бѣ моленіа нашего не прѣзритъ» (тырновский перевод, цит. по: РНБ. Собр. А. Ф. Гильфердинга. № 48. Л. 5 об.); «и всако блгы и щедры бѣ млѣние наше не прѣзритъ» (сербский перевод, цит. по: РГБ. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 463. Л. 5); «и всако блгѣи и щедры Бѣ моленіа нашего не презрѣтъ» (л. 145). Таким образом выявляется еще один источник редакции Германа Тулупова — это рукопись тырновского перевода Лествицы. Толкование для этого топоса в тырновском переводе отсутствует: оно взято Германом из другого (афонского) перевода, а именно из той версии, которая вошла в старопечатное издание Лествицы; при этом Герман переместил и значительно сократил это толкование.³⁷

Все приведенные выше фрагменты, за исключением 1.6, 1.14 и 3.4, имеются в Основной редакции Жития святого (т. е. в том тексте Жития, который входит в число статей начального конвоя кодексов Лествицы) и отсутствуют в Минеинной редакции (в том тексте Жития, который известен по славяно-русским Четым минеям, начиная с Супрасльской рукописи). Очевидно, что Герман Тулупов использовал для работы и Минеиную, и Основную редакции Жития святого. Так, одним из множества текстологических маркеров, различающих эти две редакции Жития преп. Иоанна Лествичника, является варьирование в топосе «образ жизни святого»: в Основной редакции это — сочинение книг (греч. «δέλτια κατέταττε»), в Минеинной — чтение книг (греческий оригинал перевода остается неизвестным³⁸). Для текста своей Четвѣй минеи Герман

³⁷ Ср.: «толкованіе. Великіи сеи оѣѣ закономъ совершеныя любве, спострадоуа страждущемъ, и смиреніа ради, самого скорбачагѣ приѣмле* млтвѣ споспѣшника. сегѣ ради вскорѣ оуслышанъ бываеѣт, якѣ спострада в напасти друга. Здѣ оубо лѣпшъ есть рещи по бѣословъ великомъ григорію, другѣ вѣрнъ, нѣсть и*мѣны. ближній другѣ, в напасти по*наваеѣт сѣ, и егда скорбемъ совѣщникъ бѣудеѣт. другѣ вѣренъ. кровь крѣпокъ. елма и в бѣгоденствіи, совѣтникъ бываеѣт блгъ, и содѣйственикъ единопѣшенъ, и в злостраданіи застоупникъ ближній, и споборникъ и сострадалецъ приснѣшій, по истинѣ другѣ вѣрнъ, нѣсть точнѣ ꙗко соущихъ ничтоже» (Лествица. Л. 10; стих 11).

³⁸ В наборном издании Супрасльской рукописи Бирнбаума (<http://suprasliensis.obdurodon.org/pages/supr001r.html>; дата обращения: 30.04.2026) греческие параллели приведены по тексту — источнику для Основной редакции (*Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Ed. J. P. Migne. Parisiis, 1860. Т. 88. Col. 596A–608A). В работе У. Федера (*Veder W. R. The Vita of St John Climacus in the Codex Suprasliensis* // Преоткриване: Супрасльски сборник, старобългарски паметник от X век. София, 2012. С. 141–158), содержащей опыт реконструкции первого перевода Жития на древнеболгарский язык, греческие параллели к славянским фрагментам не приведены. Упоминаемый выше топос в Супрасльской рукописи выглядит как: «наиваште же прѣдъ сънѣмъ молитвы творѣше. и кѣнигы почитааше» (л. 137 об.).

Тулупов выбрал вариант Основной редакции: «много же прежде спанѣа молаше сѧ. и книги составлаше» (л. 144).³⁹ В подстрочном научном аппарате к вышеупомянутому электронному изданию Минейной версии Жития святого приведен текст Основной редакции. Наблюдения над разными версиями текстов Жития позволяют сделать вывод о том, что Герман Тулупов переписывал текст одновременно с двух источников, выбирая тот или иной из них для фрагментов создаваемой им редакции по своему усмотрению.

Подобное соединение чтений Основной и Минейной редакций характерно для редакции святителя Димитрия Ростовского, однако редакция Германа Тулупова в сравнении с ней является более полной: из приведенных выше 24 примеров в Житии преп. Иоанна Лествичника в редакции святителя имеются только 11, а именно фрагменты 1.1–1.2, 1.5, 1.7–1.10 и частично фрагменты 2.4, 3.1–3.3.⁴⁰

Как замечено выше, кроме Минейной и Основной редакций, Герман привлекал для своей работы и другие тексты: он составлял свой вариант Жития преп. Иоанна Лествичника, как минимум, из четырех источников. Анализ текстов разных версий показывает, что в качестве главных источников книжник использовал Минейную и Основную версии Жития святого, а в качестве дополнительных — текст Великих Миней четых и текст одной из рукописей тырновского перевода. Кроме примера 3.4, доказательством привлечения Германом рукописи тырновского перевода является наличие в его редакции фрагмента 1.13 («и како въскорѣ повѣмъ»), выполняющего роль «логического мостика» к последующему повествованию. Из всех известных автору этих слов версий Жития преп. Иоанна Лествичника этот «мостик» имеется только в поздней греческой версии («καὶ ὁλωσ, αὐτίκα ἐρῶ»; Ὑναιτίου. Σ. 21b) и в ее двух раннеславянских переводах: тырновском («и како, въскорѣ повѣмъ»; РНБ. Собр. А. Ф. Гильфердинга. № 48. Л. 4 об.) и в сербском («и како абие рекоу»; РГБ. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 463. Л. 4).

Все указанные в п. 2 и 3 толкования имеются в старопечатном издании Лествицы. При сравнении текстов толкований в Трц. 675 с текстом толкований в старопечатном издании Лествицы («Толк») выявились следующие различия: а) лексические варианты: «егда» — «еда» (2.7), «его» — «своа» (2.1), «же» — «оубо» (1.11 и 2.6), «сѣнь» — «стѣнь» (3.3), «оу (негw)» — «w (негw)» (2.1), «мко» — «мкоже» (2.6); б) лексико-словообразовательные варианты: «оудержаваетъ» — «оудерживаетъ» (2.6); в) грамматические варианты: «паучина» — «паучину» (2.6), «расторгне» — «расторгъ» (2.6), а также другие разночтения: «вельможъ» — «велми мужъ» (2.1), «и наитѣа» — «излитѣа» (3.3), «рѣщи со властѣю» — «рещи емоу со властѣю» (2.7), «то нарицаеть» — «то и нарицае» (2.6). При сравнении основных текстов («Сущее») в Трц. 675 и в старопечатном издании Лествицы также обнаруживаются многочисленные разночтения, среди которых лексические варианты («чистѣишемъ» — «чѣтѣишемъ», «ненасытаемо» — «ненасытно» (л. 144) и др.), грамматические варианты («величанѣа» — «величанію» (л. 142), «оустроениа» — «оустроение» (л. 144) и др.), лексикофонетические варианты («добраго» — «доблаго» (л. 143), «приносити» — «преносити» (л. 144) и др.), инверсии («тѣ прочее» — «прочее тоу» (л. 142) и др.) и т. д.⁴¹

Наблюдения над текстами Трц. 675 и старопечатного издания Лествицы приводят к однозначному выводу о том, что Герман Тулупов и Сергей Шелонин использовали разные русские версии толкового Жития преп. Иоанна Лествичника.

Как Герман, так и Сергей не привлекали к своей редакторской работе греческий текст памятника, поэтому в их редакции «перекочевали» ошибочные чтения,

³⁹ Ср.: «Перед сном долго молился и писал книги, — как, например, составил книгу, нареченную „Лествицей“, от которой и сам впоследствии прозван был Лествичником» (Жития святых. С. 572).

⁴⁰ Эти фрагменты приведены выше в подстрочном аппарате к соответствующим примерам.

⁴¹ В скобках указан номер листа Трц. 675; параллели этим чтениям приведены в подстрочном аппарате к электронному критическому изданию Минейной редакции Жития преп. Иоанна Лествичника, см.: art-of-scala/zhitie-lestivchnika; дата обращения: 30.04.2026.

накопившиеся в славяно-русской рукописной традиции за несколько веков переписывания памятника. Эти ошибочные чтения затемняют или искажают смысл текста.⁴² Укажем ошибочные чтения, вошедшие в текст редакции Германа Тулупова. Это: а) пропуск ключевой лексемы контекста: «сѣло оухищенѣ и испытаннѣ не могѣ» (2.1), пропущен инфинитив глаголати (?) или повѣдати (?), греч.: λέγειν; б) написания одной буквы вместо другой: «скорбень» вместо «скорбемъ» (3.4); в) написания одной формы вместо другой: «смертію» («паматію») вместо «смертною» («паматію») (2.5); г) пропуск букв: «бестратіе» вместо «бестрастіе» (2.7); д) пропуск слогов: «раз^арѣши са» вместо «раз^арѣшити са» (3.2); е) недописывания букв: «невещественѣю» вместо «невещественѣю» (3.2). К писцовым ошибкам относятся гапаксы «исокрѣшьша са» (1.14) и «сowбѣщникъ» (3.4); правильными чтениями могут быть формы «искрѣвѣшьша са» и «сowбѣщникъ». Общее количество писцовых ошибок в тексте Жития преп. Иоанна Лествичника составляет 15. К восьми перечисленным примерам, функционирующим в приведенных выше контекстах, можно добавить семь следующих неточностей:⁴³ а) пропуск букв: «лишаемъ» вместо «лишаеми» (л. 144), «пріемлашъ» вместо «пріемлаше» (л. 144 об.); б) пропуск слогов: «невеществомъ» вместо «невещественѣмъ» (л. 140), «болѣзненѣю» вместо «безболѣзненѣю» (л. 140); в) написание одной буквы вместо другой: «схолостика» вместо «схластика» (л. 139 об.), «тысашалѣтенъ» вместо «тысашелѣтенъ» (л. 140 об.), «едицы» вместо «елицы» (л. 146 об.).

В целом, общее количество писцовых ошибок Германа сравнительно невелико: примерно одна ошибка на один лист рукописи (15 ошибок на 16 листах рукописи). При этом только одну из 15 ошибок («тысашалѣтенъ») можно отнести к так называемым «ошибкам слуха», появившимся в книгах, писавшихся под диктовку. Анализ ошибок в Житии Лествичника по Трц. 675 позволяет предполагать, что Герман Тулупов работал в одиночку и что он торопился выполнить свою работу, не создавая чернового варианта текста и не всегда перепроверя написанное. Этой гипотезе корреспондирует наблюдение Э. В. Шульгиной: Герман «был активным и трудолюбивым писцом <...>. Создается впечатление, что он спешил составить и написать как можно больше книг. Возможно, это было обетом, данным при пострижении в монастырь».⁴⁴

В результате проведенного анализа подтвердилось заключение, высказанное авторами «Православной энциклопедии»: «Герман включал в составленный им цикл существовавшие редакции текстов, не подвергая их литературной обработке».⁴⁵

С другой стороны, высказанное там же мнение о том, что «Герман не стремился к полноте отражения литературной традиции в своем труде»,⁴⁶ на материале Жития преп. Иоанна Лествичника нуждается в уточнении. Как показано выше, Герман в своей рукописи соединил четыре разных источника, и все они представляют собой разные литературные традиции: две различные минейные версии, старопечатное издание Лествицы и рукопись тырновского перевода.

Результатом творческой деятельности Германа Тулупова стала новая редакция Жития преп. Иоанна Лествичника, значительно обогатившая русскую рукописную традицию памятника.

⁴² Ошибки в Житии преп. Иоанна Лествичника, вошедшие в старопечатное издание Лествицы, проанализированы в работе: Попова Т. Г. Житие прп. Иоанна Лествичника в византийской и славяно-русской традициях. С. 245–247.

⁴³ В скобках указан номер листа Трц. 675; параллели этим чтениям приведены в подстрочном аппарате к электронному критическому изданию Минейной редакции Жития преп. Иоанна Лествичника, см.: art-of-scala/zhitie-lestvichnika (дата обращения: 19.06.25).

⁴⁴ См.: Шульгина Э. В. Сравнительная характеристика... С. 16–17.

⁴⁵ См.: Алексеев В. Н., Турилов А. А. Герман. С. 253.

⁴⁶ Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-49-58

© А. А. Добрицын (Швейцария)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ: ГЛУПОСТЬ И УМ В «ГОРЕ ОТ УМА»*

В настоящей статье рассматриваются некоторые эфемерные семантические галлицизмы в русской литературе конца XVIII — начала XIX века. При языковых контактах случается, что заимствуются недолговечные второстепенные значения слов или семантические нюансы: имеющиеся в чужом языке значения и смысловые оттенки приклеиваются к соответствующим русским словам и входят в употребление. Но через какое-то время слова теряют эти эфемерные коннотации, в результате содержащие их произведения перестают правильно пониматься. Для адекватного их восприятия необходимо распознавать такие неустойчивые и быстро исчезающие элементы старого языка (как мы распознаем значение «зрелище» у слова «позор» в «Руслане и Людмиле»). Начну с одного малоизвестного примера того, как второстепенное значение было перенесено из французского в русский, — речь идет о слове «дурак» в значении «рогоносец».

Во французском языке по крайней мере с конца XVI и до XIX века слово «*sot*» имело значение «рогоносец», что засвидетельствовано как словоупотреблением, так и словарями: уже в тезаурусе эпитетов де Ла Порта 1571 года «*sot*» и «*cocu*» стоят рядом как синонимы,¹ столетие спустя они были приравнены в явном виде в словаре Фюретьера (1691), где определение начинается так: «*Sot, signifie aussi un cocu, un cornard, le mari d'une femme dissoluë ou infidelle. On dit par injure à un homme, que c'est un sot en trois lettres*».²

В конце XVIII века в некоторых русских текстах это импортированное значение присоединяется к обычному значению слова «дурак». Правда, в «Кратких замысловатых повестях» из кургановского «Писмовника» есть пример неадекватной передачи, объясняемой, возможно, простым непониманием французского каламбура: «83. Некая княгиня, будучи у одного посла, и увидя предорогую картину, весьма расхвалила. Посол в знак любви послал оную к ней. Но она, получа ее, показала своему мужу, который на оную очень пристально смотрел. Что вы скажете, душа моя, молвила она, о сем подарке полученном мною от такого-то посла? Я не имею, друг мой, более на то сказать, отвечал князь, удивляясь сам доброте оной картины, как сие: *или оный посол очень глуп, либо я*».³

В оригинале: «Une jeune princesse avoit vu un très-beau tableau chez un ambassadeur d'Angleterre, & l'avoit fort loué. Cet ambassadeur, qui passoit pour être très-galant,

* This work was funded by the EU's NextGenerationEU instrument through the National Recovery and Resilience Plan of Romania — Pillar III-C9-I8, managed by the Ministry of Research, Innovation and Digitalization, within the project entitled Networks of (Dis)similarities: The Circulation of Western Romance Literatures in Eastern Europe (NETSIM), contract no. 760075/23.05.2023, code CF 292/30.11.2022.

¹ Les épithètes de M. de La Porte Parisien... Paris: chez G. Buon, 1571. F. 69r–69v.

² Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts... La Haye; Rotterdam, 1691. Т. II. P. 715. Близкое определение было дано и в словаре Треву (Dictionnaire Universel François et Latin, Vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. [Nancy], 1738. Т. V. Col. 2103; 1752. Т. VI. Col. 1708), однако оно было вычищено из «исправленного и дополненного» шестого издания этого словаря (Paris, 1771. Т. VII. P. 788), как слишком вульгарное. Пер.: «Дурак означает также рогоносца, рогача, мужа распутной или неверной жены. В качестве оскорбления человеку говорят, что он дурак из трех букв». Здесь и далее, если не оговорено иное, пер. мой. — А. Д.

³ Курганов Н. Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезноразвлекательного / 5-е изд., вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части. СПб., 1793. Ч. 1. С. 157. В последующих изданиях практически без изменений.

se saisit aussi-tôt de cette occasion pour faire sa cour à la princesse, lui envoya le tableau, & la pria instamment de le garder. Elle le montra au prince son mari, qui l'examina avec beaucoup d'attention. Que dites-vous, monsieur, lui dit-elle, de ce présent que monsieur l'ambassadeur m'a fait? „Tout ce que je puis dire là-dessus, Madame, lui répondit-il en admirant la beauté de ce tableau, c'est qu'il faut que cet ambassadeur soit un grand sot, ou que je le sois“.⁴

По-французски в ответе мужа мы видим игру слов: «либо посол (*sot*)-глуп, что подарил тебе такую дорогую картину ни за что, либо было за что дарить, значит я (*sot*)-рогат»; в кургановском же переводе каламбур пропадает.

Однако примерно к этому же времени И. И. Дмитриев нашел возможным употребить в новом «офрануженном» значении слово «дурак», явно рассчитывая, что оно будет понято верно. В сказке «Модная жена» попугай предупреждает любовников о возвращении мужа:

Тогда ж другой пенат, зовомый попугаем,
Три раза вестовой из клетки подал знак,
Вскричавши: «Кто пришел? дурак!»

Несколькими строками ниже автор дает понять, в каком смысле муж назван «дураком»:

Кто мог бы отгадать, чем кончилась тревога?
Муж, в двери выставя расцветшие два рога,
Вошел в диванную и видит, что жена
Вполглаза на него глядит сквозь тонка сна...⁵

Дмитриев, таким образом, вносит каламбурность в свой текст, поскольку в восприятии читателя, знакомого с французским словоупотреблением, актуализируются оба значения: «глупец» и «рогоносец».

Переводы того времени показывают, что второе значение было, в общем, известно. Вот пример правильного перевода (речь идет о человеке, который не решился соблазнить жену того, кто оказал ему важную услугу; за это его чествуют дураком): «Eh, non, Madame; c'est un sot s'il en fut jamais; un sot en trois lettres. Il a donc eu tort, à votre avis, de ne pas faire du mari un sot en quatre lettres?»⁶

Перевод 1799 года: «— Нет, нет, сударыня; дурак во всей силе этого слова! ...*дурак* в шести литерах! — Так, по-вашему, он дурно сделал, что не пожаловал мужа дураком в десяти литерах».⁷ «Дурак в десяти литерах» («рогоносец») — перевод французского «Un sot en quatre lettres», т. е. «сосу».

Не исключено, что намек на французское значение имелся уже в «Бригадире» Фонвизина (д. 5, явл. 1): «Советница. Я боюсь того, чтоб, сведав о нашем пламени, твой отец и *дурак муж* мой не пришли его тушить».

В начале XIX столетия значение «рогоносец» остается употребительным, хотя и не частым. В 1820-х годах оно актуализируется, возможно, в романе «Торжество воспитания. Быль» (публиковался также под названием «Ягуб Скупалов»), автором которого был, видимо, А. К. Бошняк (не исключено и авторство П. П. Свинына): «...весь

⁴ [Lacombe De Prezel H.]. Dictionnaire d'anecdotes, de traits singuliers et caractéristiques, historiettes, bons mots... Paris: La Combe, 1766. P. 649–650. Анекдот фигурировал в разных сборниках; об источниках Курганова см.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998. С. 90–147.

⁵ Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 175 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁶ [Maimieux, J. de]. Le Comte de Saint-Méran, ou les nouveaux égaremens du cœur et de l'esprit. Seconde partie. Londres; Paris: Leroy, 1788. P. 44–45.

⁷ Граф де Сен-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума / Пер. с фр. [П. И. Макарова]. М., 1799. Ч. 2. С. 49.

город знает, что Любосердов волочится за Елизаветой Сергеевной, а дурак муж мамки не мает. Уж тогда разве догадается, как рога выше дверей вырастут...».⁸

Примерно в то же время Кн. П. А. Вяземский перевел эпиграмматическую сказку Ж.-Б. Руссо «La reine inutile», где русский фразеологизм «быть в дураках» соответствует либо «être coci», либо более позднему и «пристойному» варианту «être dupé»:

Несчастный муж! Он, право, жалок мне! Ревнивый бес его вконец доедет; Кто невзначай подступит ли к жене, Он на иглах, дрожит, бледнеет, бредит; Она ль за дверь, он в новых попыхах: Встает, бежит, взор пышет, дыбом волос! Спокойся, брат, услышь рассудка голос, — И без того ты будешь в дураках!⁹	Ce pauvre Epoux me fait grande pitié, Incessamment son Diable le proméne, Au moindre mot que nous dit sa Moitié, Il se tourmente, il sue, il se démène. Fait-elle un pas, le voilà hors d'haleine, Il cherche, il rode, il court deça, delà, Eh! mon Ami, ne pren point tant de peine Tu serois bien Cocu [dupé] sans tout cela.¹⁰
--	--

Здесь оказываются актуализированы оба значения слова «дурак»: «будешь в дураках» можно читать и по-русски («тебя проведут»), и по-французски («будешь рогат»), — по смыслу эпиграммы оба понимания совпадают. У Вяземского вышел идеальный межъязыковой каламбур.

Вернемся теперь к основному значению слова «глупец». Во французской светской культуре того времени оно имело один весьма важный для нас оттенок: *глупцом* называли человека, лишённого остроумия, неспособного участвовать в живой салонной беседе, недостаточно находчивого для быстрого обмена острыми репликами, — молчащего там, где оживлённый разговор требовался просто правилами хорошего тона.¹¹ В русской культуре этот семантический оттенок слова «глупец» тоже встречается.

Это подводит нас к вопросу о лексике и семантике в комедии «Горе от ума», где именно французские коннотации во многом объясняют говорящую фамилию Молчалина и характеристику, которую неоднократно даёт ему Чацкий.

В самом начале пьесы (д. 1, явл. 7) Чацкий оправдывает свою язвительность тем, что он оживлён и потому говорлив, а бывает, что он не в настроении говорить, т. е. он молчалив и тогда «Молчалина глупее»:

Свиданьем с вами оживлен
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, к стати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?¹²

⁸ Отечественные записки. 1821. Ч. 6. С. 187.

⁹ Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Сост., подг. текста и прим. В. Е. Васильева, М. И. Гиллелсона, Н. Г. Захаренко. Л., 1975. С. 277 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁰ Вариант с *Coci* в первой публикации: Les Œuvres De M^r. Rousseau, Rotterdam: Fritsch et Böhm, 1712, Т. I. P. 297; также в: Les Œuvres De M^r. Rousseau. Paris: Ribou, 1716. Т. II. P. 164. Вариант с *dupé* впервые, видимо, в: Œuvres de Jean-Baptiste Rousseau / Nouvelle éd. Bruxelles, 1743. Т. II. P. 167.

¹¹ Например: «Le stupide est un sot qui ne parle point, en cela plus supportable que le sot qui parle» («Глупец — это молчащий дурак, в этом отношении более сносный, чем говорящий дурак») (Dictionnaire Universel François et Latin, Vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Paris, 1771. Т. VII. P. 788). Ср. также в Мольеро-м «Мизантропе» слова Селимены, когда она рисует сатирический портрет Белизы: «En vain, pour attaquer son stupide silence, / De tous les lieux communs vous prenez assistance» («Напрасно, чтобы преодолеть ее глупое молчание, / Вы прибегаете ко всему множеству общих мест», т. е. пытаетесь вызвать ее хоть на самую банальную беседу).

¹² Здесь и далее цитаты из «Горя от ума» (в том числе из ранней редакции) приводятся по изданию: Грибоедов А. С. Соч. в стихах / Вступ. статья В. П. Мещерякова; сост., подг. текста, прим. Д. М. Климовой. Л., 1987 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Мы видим странную для сегодняшнего языка антитезу, когда противопоставлены понятия *говорлив* и *глуп*. Она объясняется тем, что для Чацкого в данном контексте *глуп* — означает «неспособен к салонной беседе», т. е. молчалив, так что на деле мы имеем вполне естественное противопоставление говорливости и молчаливости, — «Молчалина глупее» означает «Молчалина молчаливее». Одновременно, как будет показано ниже, здесь присутствует и противопоставление говорливого остроумия и глупости.

Чацкий допускает, что несмотря на свою глупую молчаливость, Молчалин может достичь успеха (д. 1, явл. 7): «Ведь нынче любят бессловесных». Именно на эту острооту Софья отвечает в сторону: «Не человек, змея!» Что и понятно: прилагательное «бессловесные» (в том числе и субстантивированное) означало обычно бессловесных тварей, т. е. животных, скотов; адекватным французским аналогом было бы слово «bête», значащее «глупец» и «скотина». Каламбур Чацкого не только русский, но и межъязыковой. Так что, когда в 3-м действии (явл. 1) Чацкий аттестует Молчалина глупым:

Молчалин прежде был так *глуп*!..
Жалчайшее создание!
Уж разве поумнел?..

это означает «неостроумен, безответен» и потому *молчалив*.¹³

В результате эволюции языка в некоторых пассажах комедии оказался потерян еще один смысловой оттенок, и весьма важный: французские коннотации первостепенны не только для понимания слов «глуп», «глупость», но и для понимания их антонима — слова «ум».

В эпоху написания и первого распространения комедии смысловые поля русского слова «ум» и французского «esprit» во многом пересекались. И употребление слова «ум» в пьесе, начиная с ее названия, и известные споры современников Грибоедова о том, является ли главный герой пьесы умным человеком, не вполне прозрачны, если не помнить, что семантика французского «esprit» дополняла семантику русского «ума».

О различных смысловых оттенках слов «ум» и «умник» в русской культуре писал О. М. Сомов в статье «Об уме» («Сын отечества», 1822, ч. 82), и одно указанное им значение вполне аналогично французскому «esprit», а именно: «„Как он *умен*! <...>“ — говорят о человеке, у которого что слово, то или каламбур или едкая шутка на счет других». ¹⁴ Сомов не одобряет такое словоупотребление, когда «ум» означает каламбуры или едкие шутки (т. е. остроумие), но важно, что он его фиксирует.

В комедии слово «ум» имеет различные коннотации, в том числе весьма возвышенные (например, «ум, алчущий познаний»), но также и вполне салонные. Выше было показано, как в некоторых текстах Дмитриева, Вяземского и др. актуализировались сразу два значения слова «дурак», причем одно выходило на первый план, второе присутствовало как фон. То же происходит и со словом «ум», среди коннотаций которого у Грибоедова (как и во французской культуре того времени) на первый план зачастую выступает «остроумие».

Во Франции слово «esprit» было весьма многосмысленно, о чем дает понятие статья Вольтера в «Энциклопедии», начинающаяся с утверждения, что «ум — это *изобретательный разум*» (*raison ingénieuse*); важное для определения слово «*ingénieuse*» «изобретательный, находчивый, сообразительный» этимологически отсылает к рито-

¹³ Вообще возникает ощущение, что главное отрицательное свойство, которое главный герой комедии вменяет Молчалину, это глупость. Даже в самом финале, когда Чацкий в последний раз упоминает своего соперника, он называет его именно глупцом: «...и на любовника-глупца...».

¹⁴ Сомов О. Об уме // Сын отечества. 1822. Ч. 82. С. 27. На эту статью уже ссылался А. Л. Слонимский в своем пронзительном анализе «Горя от ума» (Слонимский А. «Горе от ума» и комедия эпохи декабристов (1815–1825) // А. С. Грибоедов, 1795–1829: Сб. статей. М., 1946. С. 39–73).

рическому понятию «ingenium», которое включало и значение «остроумие» (acumen):¹⁵ «Esprit, (*Philos. & Belles-Lettres*) ce mot, en tant qu'il signifie une qualité de l'ame, est un de ces termes vagues, auxquels tous ceux qui les prononcent attachent presque toujours des sens différens. Il exprime autre chose que jugement, génie, goût, talent, pénétration, étendue, grace, finesse; & il doit tenir de tous ces mérites: on pourroit le définir, *raison ingénieuse*».¹⁶ Если принимать во внимание не энциклопедические статьи и не ученые трактаты, а в первую очередь бытовое словоупотребление (которое и влияло на русский язык), легко видеть, что в XVIII — начале XIX века одной из самых частых и весомых коннотаций *esprit* было именно «остроумие», а *homme d'esprit* в первую очередь означало остроумца.¹⁷ Вот эксплицитное свидетельство: «Dans le siècle de Louis XIV, on appliquoit le titre d'homme d'esprit aux plus grands écrivains: avoir de l'esprit ou du génie, sembloit être synonyme. <...> Quel est aujourd'hui l'auteur dramatique qui ne se croiroit pas offensé si on le désignoit tout simplement par l'épithète d'homme d'esprit? Car maintenant nous entendons par l'homme d'esprit celui qui <...> se distingue dans la société par des traits brillans, qui saisit habilement le côté plaisant des choses, sait faire valoir les moindres bagatelles, et donne à tout ce qu'il dit une tournure fine et ingénieuse».¹⁸

Обратимся снова к реплике Чацкого, противопоставляющей говорливость и глупость:

...говорлив, а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее?

«Говорливый» для Чацкого означает «сыпящий остроумиями», умело ведущий светскую беседу, т. е. остроумный; вот эта остроумная говорливость и противопоставляется здесь *глупому* молчанию.

При всей декларируемой нелюбви к галломании, Чацкий наследует старорежимному светскому остроумию. Напомню, что в «Евгении Онегине» остроумие XVIII столетия охарактеризовано в двух строках как устаревшее (и ставшее смешным), но тонкое и умное (гл. VIII, строфа XXIV):

Тут был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший:

¹⁵ Цицерон в «Ораторе» приравнивает остроумие (*acumen*) и *ingenium* (*De Oratore* II, xxxv, 147): «Et sic, cum ad inveniendum in dicendo tria sint: *acumen*, deinde ratio, quam licet, si volumus, appellemus artem, tertium diligentia, non possum equidem non *ingenio* primas concedere» («Итак, ораторская изобретательность включает три <условия>: остроумие, затем рациональное знание (можем назвать его техникой), в третьих, прилежание; не могу, однако, не поставить находчивость на первое место»).

¹⁶ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers... Nouvelle éd. Genève: Pellet, 1777. Т. XIII. Р. 39. Пер.: «Ум, остроумие (*Философия и словесность*) — это слово, в той мере, в какой оно означает *душевное свойство*, есть один из тех туманных терминов, которыми все, что их произносит, приписывают почти всегда разные смыслы. Он выражает не то, что суждение, гений, вкус, талант, проникательность, размах, изящество, тонкость; но он должен содержать в себе нечто от всех этих достоинств; его можно было бы определить как *изобретательный разум*».

¹⁷ К тому времени уже стерлось ученое барочное понимание остроумия как «несогласного согласия либо согласного несогласия (*discors concordia sive concors discordia*)», т. е. различения сходного или сближения различного («сопряжения далековатых идей»). В XVIII столетии остроумие понималось скорее как практическое использование указанного барочного приема, дающее находчивость в беседе, способность быстро находить «далековатые», но «сопряженные» идеи, изумляя собеседника и вызывая его одобрение и восхищение.

¹⁸ Journal de l'Empire [=Journal des Débats]. 1808. Vendredi 17 juin. Р. 4. Пер.: «В век Людовика XIV звание умного человека (*homme d'esprit*) применялось к самым великим писателям: выражения „в нем есть ум“ и „в нем есть гениальность“ казались синонимами. <...> Какой драматический автор не сочтет себя сегодня обиженным, если его назовут всего лишь „умным человеком“ (*homme d'esprit*)? Ибо нынче мы подразумеваем под „умным человеком“ (*homme d'esprit*) того, кто <...> отличается в обществе *блестящими остроумиями*, кто метко схватывает забавную сторону вещей, умеет выгодно подать мельчайшую безделку и придает всему, что говорит, тонкий и изобретательный оборот».

Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

А вот свидетельство, что слово «ум» понималось как «остроумие» (причем злое) и через полтора-два десятилетия после создания грибоедовского шедевра. В своих показаниях (17 июля 1841 года) на следствии по делу о дуэли Н. С. Мартынов говорит: «С самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог он сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом все, чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести. Я показывал ему, как умел, что не намерен служить мишенью для его ума...».¹⁹ Как видим, и здесь под умом разумеются «остроты, колкости, насмешки», т. е. остроумие, переходящее в злословие.

Вернемся к «Горю от ума». Чацкий, в противоположность Молчалину, был всегда «умен» во французском смысле этого слова, т. е. остроумен. Первой это утверждает Лиза (д. 1, явл. 5):

Кто так чувствителен,²⁰ и весел, и *остер*,
Как Александр Андреич Чацкий!

Софья в целом характеризует его как человека, говорящего остро, зло и блестяще (д. 3, явл. 1):

Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж *острота* готова...

По ее мнению, в «колкостях и шутках» Чацкого (т. е. «в колких шутках», — фигура гендиадиса) много желчи и презрения к людям (д. 3, явл. 1):

Заметно, что вы *желчь* на всех излить готовы,
<...>
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так *невоздержну на язык*?
В *презренье к людям так нескрыту*,
Что и смиреннейшему пощады нет!.. Чего?
Случись кому назвать его,
Град *колкостей* и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет?

Софья считает ум Чацкого скорым и блестящим, позволяющим провокативно бранить свет, чтобы привлечь его внимание (т. е., по существу, определяет его ум как светское злословящее остроумие):

Конечно, нет в нем этого *ума*,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который *скор, блестящ* и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал...

Не менее показательны слова Софьи в «Музейном автографе» (д. 1, явл. 5). Когда Лиза говорит о Чацком: «А помнится, он не противен был», Софья отвечает:

¹⁹ Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове: [В 2 кн.]. [Л.,] 1929. Вып. 2. С. 205.

²⁰ То есть он умеет чувствовать, «sait bien sentir».

Не потому ли, что так славно
Зло говорить умеет обо всех?

И затем добавляет:

Спроси его, привязан он к чему?
Окроме шутки, вздора?
Всех в прихоть жертвует *уму*,
Что встреча с ним у нас, то ссора.²¹

«Жертвует уму» — т. е. своему остроумию, причем злему.²² Тогда как Молчалин, по ее суждению, «не таков, / Не оскорбит, враг острых слов...»²³ (т. е. он враг *злого остроумия* и именно этим противоположен Чацкому).

Обратим также внимание на контекст известной строчки «Ум с сердцем не в ладу». Софья обращает к Чацкому иронический вопрос-упрек (д. 1, явл. 7):

Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?

Тот отвечает:

Послушайте, ужли слова мои все *колки*?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так, — *ум* с сердцем не в ладу.

Ясно, что и в этом месте под *умом* имеется в виду остроумие, колкие (т. е. острые) слова. Любопытно, что вошедшее в поговорку выражение «ум с сердцем не в ладу» почти дословно совпадает с восклицанием Лабрюйера: «Quelle mésintelligence entre l'esprit & le cœur!» («Какой разлад между умом и сердцем»).²⁴ Однако реплика Чацкого означает совсем не то, что французская сентенция: Лабрюйер говорит о несоответствии между учениями философов (*esprit*) и их практическим поведением (которое диктуется сердцем — *cœur*), т. е. в этом месте под «*esprit*» моралист понимает не остроумие, а философский разум.

Чацкий начинает острить (не самым удачным образом) с первого же своего появления: нехитрый каламбур «на ногах / у ваших ног» вполне достоин Репетилова, который спародирует сцену в конце комедии, растянувшись при своем появлении уже буквально.

Чацкого с самого обнародования пьесы стали сопоставлять с Альцестом.²⁵ Но в сатирических портретах он сходен не с Альцестом, а с персонажем, в некотором роде антагонистическим ему: с Селименой,²⁶ а из русских драматических персонажей — с графиней Лелевой из «Липецких вод» А. А. Шаховского.²⁷

²¹ Грибоедов А. С. Соч. в стихах. С. 169–170.

²² Здесь ум Чацкого охарактеризован как пристрастие к (злым) шуткам и вздору, т. е. к злым и вздорным шуткам (снова используется фигура гендиадиса).

²³ Там же.

²⁴ *La Bruyère. Les Caracteres de Theophraste / Traduits du grec. Avec les Caracteres ou les Mœurs de ce Siecle. 6e éd. Paris: Michallet, 1691. P. 393.*

²⁵ «Это Мольеров Мизантроп в мелочах и в карикатуре», — писал М. А. Дмитриев в мартовском выпуске «Вестника Европы» (1825. Ч. CXL. № 6. С. 111–115).

²⁶ См., например: *Rohou J., Prost B. Lectures du Misanthrope. Rennes, 2016. P. 20.*

²⁷ Вл. Трубецкой уже обратил внимание, что Чацкий и Селимена сходны в мастерстве словесного сатирического портрета (*Troubetzkoy W. Tchatski ou répétition // Le Misanthrope au théâtre. Ménandre. Molière. Griboïedov / Introd. par D.-H. Pageaux. Mugron: José Fejoo, 1990. P. 279*). По поводу параллели между речевым поведением Чацкого и «русской Селимены» графини Лелевой напомним еще реплику Саши (д. 3, явл. 4), считавшей, что графиня «как книга говорит»

Одна из важных черт Чацкого — его умение создавать экспромтом словесные сатирические портреты, действительно остроумные. Софья не ошибается, видя в старом друге человека, всегда готового острить на счет ближнего, причем острить зло, злословить («*médire*»). Злословие как черта светского остроумца является общим местом французской литературы XVIII века, о чем в связи с комедией Грибоедова уже подробно писал А. Л. Слонимский.²⁸

Злословие допустимо в обществе с общего согласия, когда все играют в эту игру, как в сцене из «Онегина» (гл. VIII, строфа XXIII):

Они смеются. Входят гости.
Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Мелькал без глупого жеманства...

В образцовой салонной беседе злость смягчается, превращаясь в «легкий вздор»; в грибоедовской комедии ситуация иная: в репликах Чацкого рядом с легкостью присутствует и серьезная лирика,²⁹ и высокая социальная сатира (монолог «А судьи кто?»), порою переходящая, правда, в гротескный поток инвектив против маловажных (в частности, вестиментарных) проявлений галломании (монолог «В той комнате незначущая встреча...»). Если что и напоминает в Чацком мольеровского Альцеста, то именно это соединение разных риторических жанров и регистров. *Мизантроп*, несмотря на многие свои высокие речи, остается комическим персонажем, и про Альцеста говорили, что его трагедия — в его комичности. То же можно сказать и о Чацком, который несколько комически навязывает и свое злословие, и свою сатиру в неподходящей для этого компании и ситуации,³⁰ так что неуместность его ума воспринимается обществом как сумасбродность и даже безумие (замечу, что и в «Мизантропе» в отношении Альцеста регулярно звучит слово «*folie*»).

В связи с этим стоит напомнить известное суждение Пушкина, что Чацкий напился «мыслями, остротами и сатирическими замечаниями» Грибоедова, и потому все, что он говорит, — «очень умно», но совершенно неуместно.³¹ Симптоматично, что, говоря об уме, поэт имеет в виду «остроты» и «сатирические замечания», понимая здесь «ум» как «*esprit*». Кроме того, Пушкин, всегда внимательный к светским правилам поведения, не приемлет их нарушения даже со стороны симпатичного ему персонажа. В обществе нельзя было навязывать свое мнение в длинных монологах (вроде упомянутого выше монолога о француженке из Бордо). В подтверждение приведу харак-

(Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 176); ср. слова Фамусова о Чацком: «Говорит, как пишет».

²⁸ Слонимский А. «Горе от ума» и комедия эпохи декабристов (1815–1825). С. 60–61.

²⁹ Небольшой монолог «Ну вот и день прошел, и с ним / Все призраки, весь чад и дым...» (д. 4, явл. 3.)

³⁰ Ср.: «Les Gens d'esprit se trouvent si déplacés dans la compagnie des fats, qu'il arrive souvent aux premiers d'en contracter un air gauche, dont les seconds ne manquent jamais de se prévaloir» — «Умные/остроумные люди оказываются так неуместны в компании фатов, что первые зачастую выглядят неловко, чем вторые не замедляют воспользоваться» ([Bignicourt S.]. *Homme de lettres et l'homme du monde*, Par M. De ****. Berlin, 1774. P. 2).

³¹ «В комедии Горе от ума кто умное действ. <ующее> лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий [и] благородный [молодой человек] и добрый малой, проводивший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напивавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Всё, что говорит он — очень умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непостижительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.,] 1937. Т. 13. Переписка, 1815–1827. С. 137–139). Ср. также мнение П. А. Катенина: «Автор вывел его соп атоге, и, по мнению автора, в Чацком все достоинства и нет порока, но, по мнению моему, он говорит много, бранит все и проповедует некстати» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Вахтину. СПб., 1911. С. 77).

терную инвективу графини де Жанлис, направленную против мадам де Сталь (которая фигурирует под именем Меланиды): «Les amis de Mélanide <...> prétendoient qu'elle avoit dans la conversation de la force et de l'éloquence. Cette singulière admiration ressembloit beaucoup plus à une épigramme qu'à un éloge. <...> dans la conversation il faut, non les talens d'un orateur, mais de la grace et du naturel. Dans la société la plus intime, un entretien agréable est toujours un dialogue vif et serré; l'usage du monde en exclut les longues tirades, et par conséquent l'éloquence; rien n'y doit être approfondi, la variété, la légèreté en font le charme, la force y seroit déplacée, elle n'y paroîtroit que de la pesanteur».³²

Мадам де Жанлис выразила традиционное понимание правил беседы, — ведь уже такой классик, как Лабрюйер, прямо утверждал, что собеседник, навязывающийся там, где его не желают слушать, не умен (и Пушкин совпадает здесь с французским моралистом, возможно, его соображения возникли не без влияния Лабрюйера): «C'est le rôle d'un sot d'être importun: un homme habile sent s'il convient, ou s'il ennuye: il sait disparoître le moment qui precede celui où il seroit de trop quelquepart».³³

Я уже упоминал, что слово «ум» понимается в комедии и в более возвышенном значении, чем «остроумие»; в заключение замечу, что оно употребляется и в более сниженном смысле: об *уме* высказывается Репетилов, и в его знаменитой максиме актуализируется еще один семантический оттенок этого слова, оттенок хитрости: «Да умный человек не может быть не плутом».

Однако комическая сентенция Репетилова отчасти облагорожена тем, что выглядит (а может, и действительно является) цитатой из Генри Болингброка. Английский интриган и мыслитель говорит, что человек больших дарований может поддаться соблазну и начать действовать так, «как если бы не было разницы между пороком и добродетелью, между честным человеком и плутом, кроме разве той, что усматривал один недавно скончавшийся государь, считавший, что умные люди (*hommes d'esprit*) должны быть плутами и что только глупцы (*sots*) — честные люди».³⁴ Приведем английский оригинал и французский перевод: «...that there is no difference between vice and virtue, between a knave and an honest man, but one which a prince, who died not many years ago, asserted, 'that men of great sense were therefore knaves, and men of little sense were therefore honest'».³⁵ Во французском переводе: «...qu'il n'y a d'autre différence

³² Genlis S. F., *comtesse de*. Nouveaux contes moraux et nouvelles historiques. Paris, 1802. Т. III. P. 67–68. Перепечатано в известном альманахе «Les Quatres Saisons du Parnasse, ou Choix de Poésies légères depuis le commencement du XIXe siècle» [red. par Fayolle]. Paris, 1805 (Automne). [Т. III]. P. 148–149. Пер.: «Друзья Меланиды <...> утверждали, что ее разговор обладает силой и красноречием. Это странное восхищение больше отдает эпиграммой, чем похвалой. <...> в беседе нужны не ораторские таланты, а изящество и естественность. В обществе самых близких людей приятный разговор — это живой и сжатый диалог; светский обычай исключает длинные тирады, следовательно, и красноречие; ни во что не следует углубляться, разнообразие и легкость составляют прелесть беседы, сила здесь неуместна, она будет выглядеть всего лишь тяжеловесностью».

³³ La Bruyère. Les Caractères de Théophraste, et la Suite / Traduits du Grec. Avec les Caractères ou Mœurs de ce Siècle. Lyon, 1704. P. 84. Пер.: «Быть навязчивым — роль глупца: искусный человек чувствует, уместен ли он или навеивает скуку, — он умеет исчезнуть за мгновение до того, как окажется в каком-либо отношении лишним».

³⁴ Ср.: «On dit qu'un Ministre moderne, fameux par ses ravages, voulant enseigner à ses fils la manière de se conduire dans le monde, se contenta de leur dire que l'on distinguait des hommes de deux espèces, les fripons et les honnêtes gens; c'est-à-dire, disait-il, les gens d'esprit et les sots: qu'ils n'avaient qu'à choisir la classe à laquelle ils aimaient mieux appartenir» (Holbach P. La morale universelle, ou Les devoirs de l'homme fondés sur sa nature. Tours: Angers, 1792. Т. III. P. 95–96 (n. 1)). Пер.: «Говорят, что один министр нашего времени, известный своими злоупотреблениями, желая преподавать своим сыновьям манеру вести себя в обществе, ограничился утверждением, что люди делятся на два типа: плуты и честные люди, иными словами, сказал он, на умных и дураков, так что его сыновья должны были лишь выбрать, к какому классу они предпочли бы относиться».

³⁵ Bolingbroke H. St. John. Letters, on the Spirit of Patriotism: on the Idea of a Patriot King: and on the State of Parties, At the Accession of King George the First. London: Millar, 1749. P. 16.

entre le vice & la vertu, entre un honnête homme & un fripon, que celle qu'y trouvoit un Prince, mort depuis peu, qui prétendoit que les *hommes d'esprit* devoient être des *fripons*, & qu'il n'y avoit que les sots qui fussent honnêtes gens». ³⁶ В этом сниженном смысле умным вполне может быть назван Молчалин: он ведет себя как умный плут; не будучи *homme d'esprit*, он оказывается *homme subtil*. ³⁷

Уточню на всякий случай: я вовсе не хочу сказать, что в «Горе от ума» слово «ум» употребляется исключительно в значении «остроумие». Но это значение в комедии постоянно присутствует, часто как основное, иногда как коннотация; в том числе и в заглавии; если этого не учитывать, наше понимание грибоедовского текста будет недостаточно полным.

Заимствование недостающих в русском языке значений и семантических оттенков — это (как правило) языковое явление, а не литературное. Оно не столь заметно, как заимствование сюжетных ходов или ярких метафор, из-за чего мимо него легко пройти и, следовательно, не совсем верно понять смысл текста. Поэтому оно заслуживает большего внимания.

³⁶ Bolingbroke H. St. John. Lettres sur l'Esprit de Patriotisme, sur l'idée d'un Roi patriote, Et sur l'Etat des Partis lors de l'Avènement du Roi Georges I. Edimbourg, 1750. P. 9.

³⁷ В связи с плутовством французский язык того времени различал синонимы «fin» и «subtil»: «On peut être fin sans être fripon, on ne peut être fripon sans subtilité» («Можно быть тонким, не будучи плутом, нельзя быть плутом без subtilité / утонченности» — Boiste P. C. V. Dictionnaire universel de la langue française avec le latin et les étymologies... Paris, 1823. P. 642).

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-58-64

© С. Б. Федотова

ЭПИГРАММА А. С. ПУШКИНА «ЛИЩИН<СКИЙ> ОКОЛЕЛ...»

Прежде всего напомним текст эпиграммы, адресат которой до сих пор не был установлен:

Лищин<ский> околел — отечеству беда!
Князь Сергей жив еще — утешьтесь, го<спода>. ¹

Единственная попытка определить, кто скрывается под фамилией «Лищинский», была предпринята в 1996 году Валерием Лившицем, опубликовавшим статью «Тайна пушкинской эпиграммы» в издании с интригующим названием «Шпион: Альманах писательского и журналистского расследования». ² Выдвинутая автором гипотеза о том, что двустушие написано в связи с цензурными притеснениями поэта, а под Лищинским подразумевается Василий Прокофьевич Мещерский (дата его смерти неизвестна), назначенный в 1827 году председателем Московского цензурного комитета, не получила одобрения в пушкиноведении.

В собраниях сочинений Пушкина эпиграмму традиционно относили к 1828 году, поскольку она записана на последнем листе Второго пушкинского альбома ³ вдоль его правого поля и перпендикулярно к тексту «Шотландской песни» («Ворон к ворону летит...»), которая датируется сентябрем этого же года. В Большом академическом со-

¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.,] 1948. Т. 3. С. 144. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

² См.: Лившиц В. Тайна пушкинской эпиграммы // Шпион: Альманах писательского и журналистского расследования. М., 1996. Вып. 8. С. 86–92.

³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 838. Л. 108 об. Далее ссылки на архивные шифры этого фонда и описи приводятся в тексте сокращенно: ПД, с указанием единицы хранения и листа.

брании сочинений Н. В. Измайлов датировал двустиишие «Лицин<ский> околел...» «предположительно сентябрем–декабром» 1828 года (З, 1174). Подготовившая историю заполнения альбома ПД 838 В. Б. Сандомирская считала, что оно появилось «в конце октября — декабре (до 9-го)», когда перебелялось стихотворение «Поэт и толпа» (речь идет об автографе ПД 103)⁴ и на первом его листе было вписано двустиишие «Покойник, автор сухощавый...».⁵ По мнению исследовательницы, обе пушкинские эпиграммы написаны в одно время — осенью 1828 года в Малинниках. Однако характер почерка и цвет чернил эпиграммы «Лицин<ский> околел...» заметно отличаются как от записей в автографе ПД 103, так и от других текстов 1828 года, находящихся в тетради ПД 838. Попытаемся выяснить, когда же могло появиться интересующее нас двустиишие. В решении этого вопроса помогают важнейшие наблюдения В. Б. Сандомирской, которая, анализируя дальнейший ход заполнения тетради, впервые установила, что работу в ней Пушкин продолжил спустя три года — осенью 1831 года в Царском Селе. Речь идет о л. 96–100, занятых набросками «Брадатый староста Авдей...», «Одна стихи ему читала...», черновой строфой для восьмой главы «Евгения Онегина», так и не вошедшей в печатный текст, черновиком повести «На углу маленькой площади...» и списком пушкинских произведений.⁶ При сопоставлении указанных выше текстов с эпиграммой «Лицин<ский> околел...» оказывается, что все эти осенние записи сделаны похожим почерком, но более темными чернилами. Как известно, в Царское Село Пушкин приехал 25 мая 1831 года, чтобы провести лето с молодой женой на даче, снятой у вдовы царского камердинера А. К. Китаевой, но из-за эпидемии холеры задержался здесь до середины октября.⁷ Если же обратиться к пушкинским автографам, относящимся к началу его пребывания в Царском Селе,⁸ но записанным не в этой тетради, а на отдельных листах, то становится очевидным, что цвет чернил, которые поэт использовал для их записи, очень близок к цвету чернил интересующей нас эпиграммы.

Резюмируя вышеизложенное, можно предположить, что двустиишие «Лицин<ский> околел...» появилось в тетради ПД 838 не в 1828 году, как принято было считать, а в 1831 году, в первые месяцы пребывания Пушкина в Царском Селе.

Теперь попытаемся выяснить, что могло стать поводом для появления пушкинской эпиграммы. Известно, что главным событием, за которым Пушкин внимательно следил, находясь в Царском Селе, было Польское восстание, вспыхнувшее 17 (29) ноября 1830 года в Варшаве под лозунгом восстановления независимой Речи Посполитой и окончательно подавленное в начале октября 1831 года. Как справедливо заметил М. Д. Беляев, автор обстоятельной статьи «Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрову», «польское восстание и его судьба были в это время постоянным большим местом у Пушкина, как и у большинства его современников, и малейшее упоминание о поляках тотчас же возвращало к нему его мысль».⁹ Сведения о военных действиях поэт черпал прежде всего из зарубежных газет (французских и гамбургской), из официальных сводок, которые перепечатывались в петербургских газетах

⁴ В этом автографе стихотворение называлось «Ямб».

⁵ Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838) (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 260. 9 декабря 1828 года в Москве Пушкин читал зашедшему к нему в гости М. П. Погодину стихотворение «Поэт и толпа» (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 5 т. СПб., 2024. Т. 2. 1825–1828. С. 457).

⁶ Подробнее см.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838) (История заполнения). С. 264–271.

⁷ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. 1829–1832. С. 353, 416.

⁸ См., например, подготовительные материалы к статье «<О французской революции>» (ПД 310, с пометой: «30 мая 1831 Ц<арское> С<ело>» и ПД 311), заметку «Мнение митроп<олита> Платона о Дм<итрии> Сам<озванце>...» (ПД 175, с датой: «6 июля 1831»), письма к П. В. Нащокину от 11 июня (ПД 1426), около 20 июня (ПД 1428) и от 26 июня (ПД 1429), П. А. Вяземскому от 11 июня (ПД 1427) и 3 июля (ПД 1433), М. П. Погодину от конца июня (ПД 1430), П. А. Осиповой от 29 июня (ПД 554), П. А. Плетневу от 3 июля (ПД 556) и от первой половины июля (не позднее 11-го) (ПД 555) и др.

⁹ Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрову // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрову: 1827–1832. Л., 1927. С. 277 (Труды Пушкинского Дома; вып. 48).

(«Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела»), а также, по его признанию, «из частных писем и <...> от верных людей» (письмо к Вяземскому от 1 июня 1831 года — 14, 169).

Но вернемся к пушкинской эпиграмме. В конце мая и середине июня два известных человека, имевшие непосредственное отношение к польским событиям, скончались от холеры. Один из них — главнокомандующий российской армией Иван Иванович Дибич-Забалканский, который не сдержал данное Николаю I обещание подавить восстание одним ударом, провел неудачную военную кампанию и умер в Польше 29 мая (10 июня) 1831 года. «О смерти Дибича горевать, кажется, нечего, — писал Пушкин П. В. Нащокину 11 июня. — Он уронил Россию во мнении Европы и медленностью успехов в Турции, и неудачами против польских мятежников» (14, 174). Однако вряд ли под фамилией «Лишинский» фигурирует Дибич.

Спустя две недели после смерти Дибича, 15 (27) июня, ушел из жизни великий князь Константин Павлович Романов. Скорее всего, саркастическая пушкинская эпиграмма написана по поводу именно его кончины, — по понятным причинам имя цесаревича в ней не могло быть названо. Для подтверждения этой гипотезы обратимся к некоторым фактам биографии великого князя, которая тесно переплелась с Царством Польским еще задолго до восстания 1830–1831 годов. Константин Павлович, который, как и его отец Павел I, испытывал страсть к военному делу, в 1814 году был назначен Александром I главнокомандующим польской армией и начал заниматься ее реорганизацией.¹⁰ С этого времени Варшава становится постоянным местопребыванием цесаревича. Здесь же в мае 1820 года он женился на дочери польского графа — Иоанне (Жанетте) Грудзинской. В январе 1823 года, ссылаясь на свой морганатический брак, а также на неспособность к государственному управлению, Константин Павлович тайно отрекся от престолонаследия. В 1826 году после коронации Николая I великий князь стал наместником Царства Польского. Как вспоминал Д. В. Давыдов, Константин Павлович, в целом «довольно милостивый к полякам», нередко, осматривая армейские полки, проявлял свой «необузданный нрав» и в «припадках бешеного гнева» мог обрушиться на командиров с ругательствами, сказав им при всех: «Vous n'êtes que des cochons et des misérables, c'est une vraie calamité que de vous avoir sous mon commandement; я вам задам конституцию».¹¹ 17 ноября 1830 года, когда в Варшаве вспыхнуло восстание, заговорщики, намереваясь убить наместника, ворвались в его резиденцию — Бельведерский дворец. Однако великому князю удалось спастись — он и его супруга в сопровождении небольшого отряда покинули Варшаву.¹² Дальнейшие действия Константина Павловича вызвали множество нареканий (конечно, не публичных), как у военных, так и у гражданского общества, следившего за восстанием: вместо того, чтобы подавить мятежников в Варшаве, 20 ноября он принял их представителей (князя Адама Чарторыйского, профессора Виленского университета Иоахима Лелевеля и др.) и «вследствие объяснений с ними, разрешил оставшимся при нем частям польской армии возвратиться в Варшаву. Это снисхождение поддержало и скрепило бунт, дав возможность принять в нем участие всей польской армии, большая часть которой еще выжидала <...> указаний цесаревича. Взамен того депутаты обещали ему, со всеми русскими войсками, свободный проход до границ Царства. Таким образом завершилось начальствование цесаревича в Польше и окончательно утвердилась безрассудная и столь бедственная для самого края революция».¹³ В пушкинском окружении также были недовольны действиями Константина Павловича.

¹⁰ После войны с Наполеоном большая часть Великого герцогства Варшавского в 1815 году отошла к Российской империи.

¹¹ Давыдов Д. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче // Давыдов Д. Военные записки. М., 1982. С. 301. Пер.: «Вы — отъявленные свиньи и негодяи. Истинное несчастье — командовать вами» (фр.).

¹² Официальные сведения о польском мятеже появились только 27 ноября (см.: Русский инвалид. 1830. 27 нояб. № 303).

¹³ Император Николай I в 1830–1831 гг. (Из записок графа А. Х. Бенкендорфа) / Сообщил Н. Шильдер // Русская старина. 1896. № 10. С. 81.

Так, Денис Давыдов, вспоминая о начале восстания, был убежден, что наши войска могли легко подавить мятеж «в самом его зародыше»;¹⁴ в конце декабря 1830 года и до отъезда Давыдова в действующую армию в феврале 1831 года Пушкин часто виделся с ним в Москве, и наверняка они обсуждали польские события.¹⁵

Николай I отправил в Польшу войска под предводительством генерал-фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского, который, как было отмечено выше, допустил ряд ошибок и не пошел в наступление в середине февраля 1831 года после важной победы в сражении при Грохове (13 (25) февраля). Весной в российских войсках начала распространяться эпидемия холеры, от которой Дибич-Забалканский скончался 29 мая под Пултуском. 3 июня Константин Павлович прибыл в Витебск и поселился с супругой во дворце губернатора. Позднее эти события были изложены в «Записках» А. Х. Бенкендорфа: «После <...> сражения под Прагою¹⁶ Константин Павлович стал дуться на Дибича и в одном из припадков своего неудовольствия оставил армию и уехал в Белосток, который, впрочем, должен был вскоре также оставить по случаю вторжения Хлопицкого.¹⁷ Тогда он с супругою своею сперва укрылся в Минске, а потом, при дальнейшем распространении мятежа, переехал <...> в Витебск. Здесь, в раздумье о том, что ему делать, не решаясь отправиться по зову брата в Петербург, чувствуя всю неловкость своего положения, он чувствовал себя самым несчастным человеком. <...> Душевное уныние сообщило его телу восприимчивость к холере. Пострадав лишь несколько часов, он скончался 15-го июня».¹⁸

Официальное извещение Николая I о смерти брата было опубликовано 22 июня,¹⁹ а 26-го Пушкин сообщил П. В. Нащокину: «Тело цесаревича везут; также и Дибичево. <...> О военных движениях не имеем еще никакого известия» (14, 181). О том, как отнеслось общество к новости о смерти Константина Павловича, свидетельствует письмо А. Я. Булгакова к брату от 23 июня, в котором, в частности, говорилось: «Как обдумаешь хорошенько, то, право, чуть не должно ли радоваться скорее смерти, о коей ты мне пишешь, чем скорбеть о ней. Положение покойника в отношении к русским и полякам было ужасно; все ему упрекали».²⁰ Похожие чувства, узнав о смерти Константина

¹⁴ Записки партизана Дениса Давыдова: Воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. 1872. № 7. С. 18; см. также с. 20–21.

¹⁵ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. 1829–1832. С. 291–293, 297–299, 309, 316, 319.

¹⁶ Прага — предместье Варшавы; речь идет о сражении 13 февраля 1831 года.

¹⁷ Иосиф Хлопицкий (1771–1854), избранный в самом начале восстания главнокомандующим и диктатором повстанческих войск, пытался разрешить конфликт с Россией дипломатическим путем. Получив отказ от Николая I, он сложил с себя полномочия, но как генерал участвовал в сражениях польской армии.

¹⁸ Император Николай I в 1830–1831 гг. (Из записок графа А. Х. Бенкендорфа). С. 86–87.

¹⁹ См.: Русский инвалид. 1831. 22 июня. № 157; Северная пчела. 1831. 22 июня. № 137.

²⁰ Русский архив. 1902. Кн. 1. № 1. С. 68. Подобные настроения русского общества были отражены в подготовленном III Отделением «Обозрении происшествий и общественного мнения в 1831 году»: «...событие сие, конечно, опечалило многих по участию, принимаемому верноподданными в чувствах любимого ими государя, но в другом отношении публика рассуждала, что обстоятельство сие благоприятствует беспрепятственным распоряжениям правительства в делах с Польшею» (Россия под надзором: Отчеты III отделения: 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 81). См. также размышления по поводу кончины цесаревича приближенного ко Двору действительного тайного советника и сенатора П. Г. Дивова (запись в его дневнике от 22 июня 1831 года): «Пока великий князь Константин Павлович был жив, казалось трудным и даже совершенно невозможным восстановить прежний порядок, но после его смерти ничто не мешает уничтожить, раз навсегда, дело, созданное для него и им погубленное. Я говорю о восстановлении Польши. <...> Нам неизвестно, какие надежды лелеял великий князь Константин Павлович, отказываясь от русского престола и видя себя на возрождающемся престоле Польши в качестве наместника своего брата Александра, но, обсуждая все его поступки с того момента и вплоть до кончины, мы имеем полное право думать, что он замышлял занять независимое положение. <...> Облеченный самой широкой властью в королевстве Польском, великий князь распространил ее и на прочие губернии, подчиненные его гражданской и военной власти, а именно на губернии Гродненскую, Белостокскую, Виленскую, Минскую, Волынскую и Подольскую. Все русские губернаторы этих провинций были заменены, в то время, лицами польского

Павловича, мог испытывать и Пушкин. Тем более что в июне еще не было ясно, как будут развиваться польские события: новый главнокомандующий — граф-фельдмаршал И. Ф. Паскевич-Эриванский — прибыл в русскую армию только в ночь с 13-го на 14 июня, т. е. накануне кончины цесаревича.

Кроме того, у Пушкина были и личные мотивы для неприязни к великому князю. Его друг В. К. Кюхельбекер после участия в декабристском восстании 1825 года попытался скрыться за границей, отправившись по подложным документам в Варшаву, но 19 января 1826 года был задержан в ее предместье и доставлен к великому князю. Уже на следующий день, 20 января, Константин Павлович сообщал выполнявшему в Петербурге его поручения Ф. П. Опочинину, что, приказав взять с Кюхельбекера «подробный допрос и заковав его в кандалы, отправляет сейчас с фельдъегерем и двумя казаками <...> в С.-Петербург».²¹ В марте 1828 года Пушкин вместе с П. А. Вяземским в связи с ожидаемой войной с Турцией подали прошение о поездке в армию, но получили отказ — возможно, не без участия Константина Павловича. 27 апреля (9 мая) великий князь писал Бенкендорфу: «И неужели вы думаете, что Пушкин и князь Вяземский действительно руководствовались желанием служить Его Величеству как верные подданные, когда они просили позволения следовать за главной императорской квартирой? Нет, не было ничего подобного; они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения с большим успехом и с большим удобством своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров».²² Слухи о вмешательстве цесаревича могли дойти и до Пушкина. К тому же во время русско-турецкой кампании 1828–1829 годов Константин Павлович отказался включить польские соединения в состав русской армии, что вызвало неудовольствие в обществе. Так, А. Д. Блудова вспоминала: «...государь думал отправить часть Польской армии в поход, и мысль эта была также счастлива, как и справедлива <...>. Великий князь Константин Павлович не согласился с этим мнением, хотел удержать, сохранить свою армию; и точно он сохранил ее в целости против себя и России. Помню, что батюшка и все наши друзья находили это большой несчастной ошибкой; но положение великого князя и отношения государя к нему были такие особенные, такие ненормальные, что уступка желанию старшего брата была необходима».²³

Какие-то рассказы о Константине Павловиче Пушкин наверняка слышал от Вяземского, который с 1817 по 1821 год находился на службе в Варшаве. В апреле 1821 года Вяземский попал в опалу, и ему было запрещено возвращаться в Варшаву. В его записной книжке зафиксированы пушкинские слова о Константине Павловиче уже в период Польского восстания. 7 января 1831 года он пишет, что к нему в Остафьево 4-го приезжали Денис Давыдов, Пушкин, Николай Муханов, Николай Трубецкой. Вяземский и Пушкин вспомнили Елизавету Хитрово, которая не раз «говорила о себе: „Как исключительна моя судьба, я еще так молода и дважды вдова“. Мы разговорились с Пушкиным о грусти ее по причине польских дел: она очень любит в великого

происхождения. <...> ему надобно было не увлекаться титулом короля польского и восстановлением Польши, но надлежало все привести в тот вид, в каком были дела до нашествия французов, то есть надобно было сказать пруссакам: „возьмите обратно вашу долю с Варшавой“, а австрийцам: „возьмите все земли, по краковскую демаркационную линию“. Подобная мысль должна была, весьма естественно, придти на ум и во время мятежа 1830 года, когда нам следовало действовать в том же смысле, условившись с Берлином и Вену. Смерть Константина дает вновь возможность выступить с подобными предложениями, хотя и при менее благоприятных обстоятельствах, вследствие неудач Дибича» (Русская старина. 1899. № 12. С. 525–527).

²¹ Там же. 1873. № 4. С. 462. Спустя почти месяц в письме от 16 (28) февраля 1826 года к Опочинину великий князь пренебрежительно назвал Пушкина и Кюхельбекера «известными писаками» (Там же. № 9. С. 394, 395; оригинал по-французски).

²² Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007. С. 736–737, 738 (оригинал по-французски). См. также письмо Константина Павловича к Бенкендорфу от 14 (26) апреля 1828 года (Там же. С. 733–734; оригинал по-французски).

²³ Русский архив. 1875. Кн. 2. № 6. С. 192–193.

князя». „Да, — сказал Пушкин, — и он может сказать: si jeune encore et deux fois veuf — d'un emp<ire> et d'un ro<yaume>“». ²⁴

Итак, все изложенное выше не противоречит тому, что написанная в саркастическом тоне пушкинская эпиграмма — реакция поэта на известие о смерти Константина Павловича. Об этом свидетельствует и ряд фамилий в ее черновике.

Например, не случаен выбор фамилии «Лищинский» — возможно, нарицательного имени, подчеркивающего тесную связь адресата с Польшей. Лещинские — угасший в XVIII веке древний шляхетский род; наиболее известные его представители — польский король-изгнанник Станислав Лещинский (1677–1766) и его дочь, королева Франции, жена Людовика XV, Мария Лещинская (1703–1768). Эта фамилия была также широко распространена среди еврейских семей, проживающих на территории восточной Польши, Белоруссии и Украины.

Сначала первая строчка эпиграммы выглядела так: «Ли<щинский> околел — плачь Ферзен — о нем <?>» (3, 716; последние два слова почти не читаются). По-видимому, здесь имеется в виду Иван Евстафьевич Ферзен (1739–1800), русский военачальник, генерал от инфантерии, который участвовал в Русско-польской войне 1792 года, а затем в подавлении восстания Тадеуша Костюшко в 1794 году, — под его командованием 29 сентября в сражении при Мацеёвице были разбиты главные силы повстанцев, а Костюшко взят в плен. В том же году, 24 октября, Ферзен отличился при знаменитом штурме А. В. Суворовым Праги (предместья Варшавы). Пушкин мог вспомнить о Ферзене, герое предыдущей русско-польской войны, как об антипode Константина Павловича. Есть и другое объяснение. Не исключено, что Пушкин неверно запомнил фамилию камердинера великого князя Ермолая Фриза, спасшего жизнь цесаревичу, когда мятежники ворвались 17 ноября 1830 года в Бельведерский дворец. ²⁵ В конце декабря в газете «Русский инвалид» было напечатано, что Николай I произвел в 7-й класс «камердинера <...> 8-го класса Ермолая Фриза, в награждение отличной службы и особенного усердия, оказанного им *Его Высочеству*». ²⁶

В одном из следующих вариантов эпиграммы появилась фамилия «Потоцкий»: «Лищин<ский> околел — великая беда — / Потоцкий жив еще — утешьтесь го<спода>» (3, 716). Ни один из Потоцких не участвовал в подавлении Польского восстания. Возможно, Пушкин вспомнил о военачальнике эпохи наполеоновских войн Станиславе Станиславовиче Потоцком (1787–1831), представителе польского магнатского рода. Однако граф С. С. Потоцкий уже в 1822 году вышел в отставку (в 1826 году он был пожалован в чин тайного советника и назначен обер-церемониймейстером Высочайшего Двора). ²⁷

Зачеркнув фамилию «Потоцкий», Пушкин вписал над ней «Князь Сергей». Речь могла бы идти о Сергее Павловиче Сумарокове (1793–1875), внучатом племяннике А. П. Сумарокова, герое наполеоновских войн 1812–1814 годов и русско-турецкой войны 1828–1829 годов. В день бородинского сражения, 26 августа 1812 года, состоя в гвардейской артиллерии, Сумароков был ранен осколком гранаты в голову, но остался при своей батарее, с которой и прошел весь путь до окончания войны с Наполеоном. В битве под Бауценом в мае 1813 года он был контужен в бок, но по-прежнему не отказался от участия в дальнейших битвах: в августе сражался под Дрезденом, в октябре —

²⁴ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подг. В. С. Нечаева. М., 1963. С. 211 (сер. «Литературные памятники»). Пер. Е. В. Козловой: «...еще так молод и дважды вдов — потеряв империю и королевство» (фр.).

²⁵ См. примечание Константина Павловича Колзакова к воспоминаниям отца, Павла Андреевича, бывшего в период Польского восстания адъютантом цесаревича: «Великий князь Константин, как известно, был спасен присутствием духа своего камердинера Фризе», который, «бросившись навстречу к великому князю, втиснул его снова в кабинет почти силою и захлопнул за собою дверь, заперев ее изнутри на задвижку; затем повлек его в чуланчик, под крышу, где и помог ему наскоро одеться» (Русская старина. 1873. № 5. С. 601–602, прим. 2).

²⁶ Русский инвалид. 1830. 24 дек. № 327.

²⁷ Вряд ли Пушкин имел в виду Станислава Иосифовича Потоцкого (Stanisław Florian Potocki; 1776–1830), одного из шести польских генералов, убитых повстанцами в первые дни восстания за отказ нарушить присягу Николаю I.

под Лейпцигом, в марте 1814 года штурмовал Париж. Так же героически он проявил себя в войне с турками: получил чин генерал-майора по артиллерии и орден Святого Георгия 4-го класса за битву при Шумле в июне 1828 года, а за отличие под Варной в сентябре был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени и награжден золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью: «За храбрость». 30 декабря 1830 года назначенный командиром артиллерии всего Гвардейского корпуса и одним из доверенных лиц великого князя Михаила Павловича, Сумароков уехал в армию, действовавшую против польских повстанцев. 9 мая 1831 года он участвовал в боях за переправу на реке Нарев, чтобы воспрепятствовать польским войскам обойти русскую гвардию и отрезать ее от остальной части армии. По свидетельству очевидцев, под сильным огнем неприятельской артиллерии он не только отдавал приказания, но и лично устанавливал орудия у переправы и направлял их. Во время боя Сумароков получил тяжелое ранение. Об этом Пушкин мог узнать из рапорта великого князя Михаила Павловича главнокомандующему Дибичу, опубликованного в газете «Русский инвалид» (№ 129–130) от 28 мая 1831 года и в Прибавлении (№ 27) к № 117 «Северной пчелы» от того же числа, где, в частности, говорилось о «необыкновенно метких губительных выстрелах <...> артиллерии, действие коей с величайшим хладнокровием и искусством направлял лично командующий гвардейскою артиллериею храбрый генерал-майор *Сумароков*», получивший ранение «ядром в правую ногу». Однако С. П. Сумароков не имел княжеского титула, хотя его мать, Мария Васильевна, была урожденной княжной Голицыной; начальное образование Сумароков получил в доме отца,²⁸ а его дальнейшим образованием занимался двоюродный дядя — князь Сергей Федорович Голицын (1749–1810).

Скорее всего, под «князем Сергием» имелся в виду петербургский знакомый Пушкина князь Сергей Григорьевич Голицын (1803–1868), по прозвищу «Фирс», с которым поэт сблизился в 1828 году. В чине поручика он участвовал в подавлении Польского восстания и был награжден 14 августа 1831 года орденом Святого Владимира 4-й степени, золотой саблей и чином штабс-капитана.²⁹

Резюмируя все вышеизложенное, можно предположить, что эпиграмма «Лищин-ский» околел...» написана Пушкиным в конце июня, вскоре после известия о смерти великого князя Константина Павловича, т. е. не ранее 22-го, — в период, когда исход войны не был еще очевиден для поэта.

²⁸ С. П. Сумароков родился в семье будущего новгородского губернатора Павла Ивановича Сумарокова (1767–1846) и Марии Васильевны, урожденной княжны Голицыной (1765–1847).

²⁹ С. Г. Голицын — единственный с именем Сергей и княжеским титулом среди известных нам участников подавления Польского восстания 1830–1831 годов.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-64-75

© А. С. Бодрова

К ОПИСАНИЮ СОЦИОЛИТЕРАТУРНОГО ФОНА «ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ»: И. А. ГОНЧАРОВ И В. Ф. ОДОЕВСКИЙ*

Генезис и литературный фон «Обыкновенной истории», романа, принесшего И. А. Гончарову известность и успех, в целом очерчены специалистами по творчеству писателя: это и роман воспитания, и европейская и русская повесть, приобретающая в 1830-е — начале 1840-х годов социальные и психологические обертоны, и театральнo-комедийная традиция с популярным сюжетом «провинциал в столице», а также

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00761, <https://www.rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН.

право- и бытоописательные очерковые жанры середины 1840-х годов (в частности, физиологический очерк), актуализированные натуральной школой. Основные наблюдения были суммированы в разделах комментария к «Обыкновенной истории», написанных В. А. Тунимановым, в первом томе Полного собрания сочинений и писем.¹ Из наиболее значимых работ, расширяющих литературные контексты раннего гончаровского шедевра, по необходимости кратко намеченные в комментарии, нужно назвать монографии Е. А. Краснощековой,² книгу М. В. Отрадина «Проза И. А. Гончарова в литературном контексте»,³ недавние исследования Э. Лоунсбери и И. Клигера.⁴ В целом прослежен (прежде всего А. Г. Гродецкой) и литературно-биографический генезис романа Гончарова, тесно связанного с кружковыми сочинениями, создававшимися в литературном доме Майковых.⁵

Цель предлагаемой статьи — ввести в круг интертекстов «Обыкновенной истории» еще одно достаточно неожиданное произведение, обнаруживающее выразительные сюжетные параллели с первым романом Гончарова. Вне зависимости от того, как его интерпретировать — как источник или как фоновую параллель, это совпадение расширяет контекст «Обыкновенной истории», а также позволяет проблематизировать соотношение между литературными обстоятельствами середины 1830-х годов и критическими дискуссиями второй половины 1840-х годов.

Если судить по заглавию и по каноническому тексту этого произведения, то трудно себе представить что-либо более далекое от «Обыкновенной истории», чем незаконченная утопическая повесть или, по устоявшемуся определению, фантастический роман В. Ф. Одоевского «4338-й год». Между тем, как я попытаюсь показать далее, он имеет целый ряд любопытных сходжений с первым романом Гончарова.

Как и многие романские и философические замыслы Одоевского, этот литературный проект не был реализован в полной мере. Общие контуры впечатляющего плана писателя известны благодаря давним разысканиям П. Н. Сакулина⁶ и последующим работам О. В. Цехновицера.⁷ Как резюмировал свои наблюдения Сакулин, «Одоевскому, по-видимому, хотелось написать историческую *трилогию*: в первой части должна быть изображена эпоха Петра В<еликого>, во второй — „наше время“, т. е. тридцатые годы, а в третьей — Россия через 4000 лет».⁸

Первая — посвященная прошлому — часть не двинулась дальше плана авантюрно-исторического романа, в котором должен был действовать молодой дворянин Иван Зотов, отказывающийся убивать мнимого колдуна графа Брюса и благодаря этому попадающий в милость к Петру,⁹ в то время как две другие части трилогии получили более подробную разработку и дошли до стадии текста, хотя и фрагментарного.

Вторая — современная — часть романа Одоевского представляет собой повесть в письмах, ее герои — восторженный молодой дворянин и литератор Вечеслав,

¹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 698–706.

² Краснощекова Е. А. 1) И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 37–57; 2) Роман воспитания — Bildungsroman — на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб., 2008.

³ Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994. С. 23–63.

⁴ Lounsbury A. «I Do Beg of You, Wait, and Compare!»: Goncharov, Belinsky, and Provincial Taste // Lounsbury A. Life Is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca; London, 2019. P. 100–118; Kliger I. Sovereign Fictions: Poetics and Politics in the Age of Russian Realism. Chicago, 2024. P. 61–68.

⁵ Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. СПб., 2021.

⁶ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель — писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 2. С. 170–202.

⁷ Цехновицер О. В. От редактора // Одоевский В. Ф. 4338-й год. Петербургские письма. М., 1926. С. 3–10; Одоевский В. Ф. Романтические повести / Предисловие, вступ. статья и ред. О. Цехновицера. Л., 1929.

⁸ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Т. 1. Ч. 2. С. 170. Впоследствии Одоевский несколько приблизил время действия третьей части к своей эпохе, заменив «Россию через 4000 лет» на XLIV век нашей эры.

⁹ Об этом см.: Там же. С. 170–171.

отправившийся в Петербург, чтобы вступить на службу, и его московский корреспондент Виктор. Большая часть опубликованного и сохранившегося в рукописи текста — «петербургские письма» Вечеслава, которые, собственно, и будут нас интересовать. Этот фрагмент был напечатан Одоевским в 1835 году в первой книжке энциклопедического журнала «Московский наблюдатель».¹⁰

Наконец, третья — наиболее подробная и наиболее известная — часть рисует футурологические картины XLIV века нашей эры, где основные роли в мире принадлежат России и Китаю, люди передвигаются на гальваностатах и аэростатах, в Петербурге налажено отопление улиц и построены преграды от наводнения, а между домами установлены магнетические телеграфы для дистанционного обмена сообщениями, как в современном Интернете. Эта часть, также написанная в эпистолярной форме, была частично опубликована Одоевским в альманахе В. А. Владиславлева «Утренняя заря» на 1840 год.¹¹ Впоследствии сам Одоевский этих текстов не перепечатывал — по крайней мере, ни одна из частей «Петербургских писем» не вошла в трехтомные «Сочинения князя Одоевского» 1844 года, которые исследователи часто называют итоговыми для его беллетристики.¹²

Открытие романного замысла писателя было осуществлено Сакулиным, описавшим его историю и приведшим в своей известной монографии длинные выдержки как из опубликованных, так и из оставшихся в черновиках фрагментов. Акцент на третью, утопическую часть романа окончательно перенес Цехновицер, подготовивший первое советское издание «4338-го года», в которое «современная» часть не попала вовсе.¹³ В той же редакции Цехновицер опубликовал фантастическую утопию в сборнике «Романтических повестей» Одоевского (1929),¹⁴ впоследствии она перепечатывалась в издании 1959 года под редакцией вдовы Цехновицера Е. Ю. Хин.¹⁵ Таким образом, в научном и читательском обиходе существовал главным образом текст в реконструкции Цехновицера, а фрагмент, помещенный в «Московском наблюдателе», практически выпал из поля зрения исследователей. Между тем эта часть «Петербургских писем» представляет значительный интерес.

Основной сюжет разворачивается в трех письмах Вечеслава, пылкого и образованного молодого человека, увлеченного литературой и пробовавшего свои силы на этом поприще. Герой-протагонист отправляется в Петербург к благодетелю семейства — дядюшке, чтобы наконец вступить в настоящую службу и совершить что-нибудь великое для своего отечества. В письмах другу Виктору, оставшемуся в Москве, Вечеслав с восторгом описывает первые впечатления от Петербурга, его достопримечательностей и жителей, с более сложными чувствами рассказывает о встрече с приземленным и практичным дядей, сразу продемонстрировавшим свое отношение к литературным опытам племянника, и в довольно саркастическом тоне обрисовывает знакомство с начальником и службой, организованное по протекции и при участии дядюшки.

При некоторых очевидных различиях (герой Одоевского едет в Петербург из Москвы, а не из провинции, едет с матерью, а не один, дядюшка Вечеслава на момент их знакомства уже женат) сходство с сюжетными решениями и системой персонажей в «Обыкновенной истории», как кажется, налицо.¹⁶ Здесь и восторженный молодой

¹⁰ Безгласный В. [Одоевский В. Ф.]. Петербургские письма // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 1. С. 55–69.

¹¹ Одоевский В. 4338-й год. Петербургские письма // Утренняя заря, альманах на 1840 год. СПб., 1840. С. 307–352.

¹² Одоевский В. Ф. Соч.: Ч. 1–3. СПб., 1844. Об этом издании см.: Зыкова Г. В., Мещерина Е. Г., Вацуро В. Э. Одоевский Владимир Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 398.

¹³ Одоевский В. Ф. 4338-й год. Петербургские письма. М., 1926. С. 16–54.

¹⁴ Одоевский В. Ф. Романтические повести. С. 346–390.

¹⁵ Одоевский В. Ф. Повести и рассказы / Подг. текста, вступ. статья и прим. Е. Ю. Хин. М., 1959.

¹⁶ Напрашивающаяся параллель с «Обыкновенной историей» была вскользь упомянута Сакулиным: «...задолго до гончаровского Адуева происходит „обыкновенная история“, причем по-

герой — с литературными и служебными амбициями, причем описываемыми в самых возвышенных и пылких выражениях, и его рациональный дядюшка, знающий толк «в карьере и фортуна», и участливая тетюшка (каковой станет для младшего Адуева жена Петра Ивановича Елизавета Александровна), и хлопотливая маменька, и сцены столкновения разных темпераментов племянника и дяди, и разочарование в реальном устройстве службы. К ряду сходств прибавим и эпистолярную форму, к которой не раз прибегает и Гончаров в «Обыкновенной истории», — помимо ситуативно близкого письма Александра Адуева к Пospelову, которое обнаруживает Петр Иванович и передиктовывает его племяннику, укажем на другие довольно многочисленные эго-документы персонажей «Обыкновенной истории»: письма из Грачей — от матери Александра, Марьи Горбатовой и Василия Заезжалова в начале романа, послания Александра дядюшке и тетюшке во второй части и, наконец, важнейший «вещественный знак невещественных отношений» дядюшкиной молодости — любовное письмо Петра Ивановича, которое в финале романа предъясняет ему повзрослевший Александр.

Рассмотрим описание основных сюжетных событий в «Петербургских письмах» Одоевского и в романе Гончарова подробнее.

Вот первое знакомство героев с Петербургом, которое — в обоих случаях — инкорпорируется в историю встречи с дядюшкой.

«Петербургские письма»

«...я был на Невском проспекте; оттуда пробежал на Исакиевскую площадь, чуть было не стал на колени пред величественным монументом Петра исполина; пробежал несколько раз по набережной, оттуда на биржу, взглянул на ряд Коллегий, огромный, стройный, как все брошенное рукою Петра на неводеланную почву России: это зрелище, эти люди с занятыми лицами, с портфелями, эти корабли, пришедшие из всех стран света, слова на всех европейских языках, доходившие до моего слуха, даже запах каменных углей — все это жгло мое воображение...».¹⁷

«Обыкновенная история»

«Александр добрался до Адмиралтейской площади и остолбенел. Он с час простоял перед Медным всадником, но не с горьким упреком в душе, как бедный Евгений, а с восторженной думой. Взглянул на Неву, окружающие ее здания — и глаза его засверкали. Он вдруг застыдился своего пристрастия к тряским мостам, палисадникам, разрушенным заборам. Ему стало и весело и легко. И суматоха, и толпа — все получило в глазах его другое значение. Замелькали опять надежды, подавленные на время грустным впечатлением, новая жизнь отверзала ему объятия и манила к чему-то неизвестному. Сердце его сильно билось» (с. 46).¹⁸

Разумеется, как в наборе локусов, так и в наборе эмоций явственно проступают следы традиционной петербургской топики, формирующегося «петербургского текста»,¹⁹ однако показательно, что оба автора используют этот городской мотив в качестве одной из первых характеристик своих молодых героев.

средником между Вечеславом и бюрократическим миром является также положительный дядюшка» (*Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Т. 1. Ч. 2. С. 177–178), однако это сопоставление не получило ни развития, ни интерпретации.

¹⁷ *Безгласный В.* [Одоевский В. Ф.]. Петербургские письма. С. 60–61.

¹⁸ Здесь и далее «Обыкновенная история» цитируется по первой публикации (*Гончаров И. А.* Обыкновенная история. Роман в двух частях // Современник. 1847. Т. 2. № 3. С. 5–168; № 4. С. 241–412). В последующих переизданиях писатель существенно перерабатывал текст первого романа, а в современных публикациях, включая академическое собрание сочинений, в соответствии с устойчивой текстологической практикой, текст печатается по последнему прижизненному изданию.

¹⁹ Об этом эпизоде «Обыкновенной истории» в связи с «петербургским текстом» и, конкретнее, в сопоставлении с «Медным всадником» см.: *Платт Д. Б.* Обыкновенная история одного читателя «Медного всадника» // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 146–161.

Эпизоды экстатической прогулки по городу (хотя Александр Адуев поначалу отнюдь не так восторженно воспринимает Петербург) непосредственно предшествуют эпизодам знакомства дяди и племянника, в которых сразу проявляется несходство как темпераментов, так и порядка обращения, к которому привык каждый. Герой Одоевского, не дождавшись представления дядюшке и тетушке, устремляется осматривать Петербург, а вернувшись, обнаруживает, что, несмотря на ранний час, родственники о нем уже осведомлялись. Смущенный таким *faux pas*, он бросается извиняться перед тетушкой, а затем и перед дядюшкой, которому стремится выразить многие чувства и благодарности. Однако по реакции дядюшки Вечеслав, к некоторому своему изумлению, замечает совершенно иной тон обращения: «...дядя был изумлен моими извинениями, — верно он не обратил и внимания на мое отсутствие <...> он не дал мне слова сказать о моей благодарности за все его благодеяния, оказанные нашему семейству, и тотчас начал спрашивать, где я учился, как будто матушка двадцать раз не писала ему об этом! <...> Я отвечал как мог, но плохо бы мне было, если бы не помогла тетушка».²⁰

Далее следует эпизод обнаружения литературных талантов и литературных опытов юного героя, построенный на характерном контрасте между той ценностью, которую эти сочинения имеют в глазах пылкого племянника, и тем значением, которое готов видеть в этом опыте дядя.

По своей драматургии эта сцена напоминает сходный разговор Петра Ивановича с Александром, когда тот решается познакомить дядюшку со своими стихами и норовит прочесть «несколько страниц из лекций Ивана Семеныча об искусстве в Греции». Ср.:

«Петербургские письма»

«„А что вы писали?“ — спросил меня дядюшка, — я подумал и, с тайною надеждою изумить и порадовать старика, назвал мою прошлогоднюю повесть <...> назвал, ожидал восклицаний, комплиментов, приготовлялся краснеть и скромничать — что же? „Я не читал эти книги, — отвечал мне дядя равнодушно, — но все равно; это очень хорошо, это набивает руку“. — „Набивает руку! набивает руку!“ — подумал я — и кровь поднялась мне в голову, но уже не от застенчивости. — Как! лучшее мое произведение, писанное от души, обделанное с величайшим тщанием <...> это произведение годится только набивать руку...».²¹

«Обыкновенная история»

«— Я почти нашел тебе место; ты ведь хочешь служить? — сказал он.

— Ах, дядюшка, как я рад!

Он бросился и поцаловал дядю в щеку.

— Нашел-таки случай! — сказал дядя, вытирая щеку, — как это я не остерегся! Ну так слушай же. Скажи, что ты знаешь, к чему чувствуешь себя способным?

— Я знаю богословие, гражданское, уголовное, естественное и народное права, дипломатию, политическую экономию, философию, эстетику, археологию...

— Постой, постой, — *а умеешь ли ты порядочно писать по-русски? Теперь пока это нужнее всего.* <...>

— Что же вы теперь думаете обо мне?..

— *Думаю, что ты порядочно пишешь, правильно, гладко...* <...>

Ну, так ты по-русски писать можешь, — завтра поедем в департамент: я уж говорил о тебе прежнему своему сослуживцу, начальнику отделения; он сказал, что есть вакансия; терять времени нечего. Это что за кипу ты вытащил?» (с. 55–56, 61; курсив мой. — А. Б.).

При этом представления о службе молодых героев и тот стилиевой и эмоциональный регистр, в котором они о ней говорят, также схожи:

²⁰ Безгласный В. [Одоевский В. Ф.]. Петербургские письма. С. 63–64.

²¹ Там же. С. 64.

«Петербургские письма»

«...я хочу служить — и служить в полном смысле этого слова; дорогою на просторе я еще более убедился во всегдашней моей мысли, что служба у нас в России — есть единственный способ быть полезным Отечеству. <...> я *хочу работать* <...> работать бескорыстно и с энтузиазмом... <...> Наконец, вступить за честь нового поколения и на зло старикам доказать, что молодые люди могут быть и дельными и важными людьми».²²

И у Гончарова, и у Одоевского эти восторги, разумеется, описаны на контрасте и с убеждениями обоих дядюшек, и с тем, чем служба оказывается в реальности.

«Петербургские письма»

«...<дядюшка> толковал мне <...> что в службе надобно работать головою, что он завтра же повезет меня к князю Воротынскому, его старинному другу и будущему моему начальнику».²³

«Обыкновенная история»

«Сердце его сильно билось. Он мечтал о благородном труде, о высоких стремлениях ипреважно выступал по Невскому проспекту, считая себя гражданином нового мира... В этих мечтах воротился он домой. <...>

— Меня влекло какое-то неодолимое стремление, жажда благородной деятельности; во мне кипело желание уяснить и осуществить... <...>

— Я постараюсь, дядюшка, приноровиться к современным понятиям. Уже сегодня, глядя на эти громадные здания, на корабли, принесшие нам дары дальних стран, я подумал об успехах современного человечества, я понял волнение этой разумно-деятельной толпы, готов слиться с нею...» (с. 46, 47, 49).

«Обыкновенная история»

«...завтра поедем в департамент: я уж говорил о тебе прежнему своему сослуживцу, начальнику отделения; он сказал, что есть вакансия; терять времени нечего. <...>

Утром Петр Иванович привез племянника в департамент, и, пока сам он говорил с своим приятелем — начальником отделения, Александр знакомился с этим новым для него миром» (с. 61, 67).

Взятые по отдельности, эти эпизоды могли бы показаться элементами сходной сюжетной формулы или реализацией общей топики, однако совпадение комбинации мотивов и последовательности микросюжетных ситуаций позволяет предполагать не только типологическое сходство, но и генетическую связь между «Петербургскими письмами» и «Обыкновенной историей». Однако для этого необходимо удостовериться, что журнальный текст Одоевского, тем более напечатанный под псевдонимом, мог быть известен Гончарову, который в 1835 году только начинал свои литературные опыты.²⁴

Повесть Одоевского была помещена в первом и программном номере журнала «Московский наблюдатель», нового издания московского интеллектуального околоуниверситетского круга,²⁵ с которым Гончаров, студент словесного отделения Московского университета в 1831–1834 годах, был не понаслышке знаком. Важнейший критик

²² Там же. С. 57–59.

²³ Там же. С. 64–65.

²⁴ В 1832 году, еще учась в Московском университете, Гончаров напечатал в «Телескопе» перевод отрывка из романа «Атар-Гюль» (об этом см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 822–827).

²⁵ О «Московском наблюдателе» см., например: Федотова С. Б. «Московский наблюдатель» // Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2008. Вып. 4. С. 572–581. О сотрудничестве Одоевского в журнале см.: Сытина Ю. Н. 1) В. Ф. Одоевский в полемике «Московского наблюдателя» с «торговым» направлением в литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 185–187; 2) Повести В. Ф. Одоевского в журнале «Московский наблюдатель»: к вопросу о роли Провидения, познания и прогресса в мировом историческом процессе // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2015. № 1 (84). С. 51–54.

«Наблюдателя» С. П. Шевырев, автор программной и скандальной статьи «Словесность и торговля», открывавшей номер, был одним из профессоров, о которых Гончаров вспоминал в очерке «В университете»;²⁶ университетское знакомство соединяло Гончарова и с М. П. Погодиным,²⁷ также поместившим в той же книжке «Наблюдателя» «Очерк русской истории». Появление нового московского журнала — на фоне успеха петербургской «Библиотеки для чтения» — было заметным событием для литературы и публики, чему способствовала вскоре развернувшаяся острая полемика, прежде всего вокруг статьи Шевырева и отчасти стихотворения Баратынского «Последний поэт».²⁸

Наряду с этими литературными фактами, которые могли привлечь внимание Гончарова к новому изданию, биографически-бытовые обстоятельства весны 1835 года тоже способствовали интересу будущего писателя к «Петербургским письмам» Одоевского-Безгласного. Весной 1835 года Гончаров наконец сумел распрощаться с родной Симбирской губернией, куда приехал по окончании Московского университета летом 1834-го. В конце апреля — начале мая 1835 года он первый раз в своей жизни отправился — через Москву — в Петербург на настоящую службу. Если судить по позднему очерку «На родине»,²⁹ в котором Гончаров в красках вспоминал весьма щекотливые обстоятельства отставки своего первого начальника — симбирского губернатора А. М. Загряжского,³⁰ можно подумать, что молодому человеку в этот момент было не до литературы. Но учитывая другие его свидетельства (в том же очерке «В университете») и стремительное погружение в литературный быт семьи Майковых по приезду в Петербург, непрекращавшийся интерес молодого Гончарова к литературе несомненен.

Гончаров оказался проездом в Москве в конце апреля — начале мая 1835 года,³¹ когда «Наблюдатель» был относительно недавней новинкой,³² но, разумеется, журнал мог попасться ему на глаза и позже в Петербурге. В контексте личной судьбы Гончарова, совершавшего переезд из Москвы/Симбирска в Петербург для вступления в чиновничью службу, отрывок Безгласного-Одоевского, сосредоточенный ровно на таком же эпизоде в судьбе героя, мог показаться более чем занимательным и так или иначе запомниться.

Из этого предположения не следует, что Гончаров знал или помнил об авторстве Одоевского, с которым впоследствии был довольно коротко знаком и которому не раз слал поклонны и приветы из плавания на фрегате «Паллада».³³ Однако обсуждаемая параллель между «Петербургскими письмами» и «Обыкновенной историей» дополняет отмечавшийся «одоевский» претекст в первом романе Гончарова. М. В. Отрадин и В. И. Сахаров уже обращали внимание на сюжетные пересечения между «Обыкновенной историей» и еще одной повестью Одоевского — «Новый год»,³⁴ опубликован-

²⁶ Гончаров И. А. В университете // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7. С. 211–212, 214, 219.

²⁷ О Погодине Гончаров вспоминал с меньшим теплом, чем о Шевыреве (Там же. С. 215), но тем не менее причислял его к ряду тех профессоров, которые «имели вместе огромное влияние на наше развитие и образование» (Там же).

²⁸ О полемике вокруг «торгового направления» см.: Пушкин в прижизненной критике. Вып. 4 (по указ.).

²⁹ Гончаров И. А. На родине // Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 7. С. 224–315.

³⁰ Подробную реконструкцию этих обстоятельств см.: Гуськов С. Н. Как жандармы Гончарова спасли // Русская литература. 2016. № 4. С. 70–84.

³¹ Точные даты — по перемещениям Загряжского, с которым Гончаров ехал в Петербург, — установлены в статье: Балакин А. Ю. О дате первого приезда И. А. Гончарова в Петербург // Русская литература. 2004. № 3. С. 132–133.

³² Первая книжка «Московского наблюдателя» поступила в продажу 16 марта 1835 года (см.: Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 18).

³³ См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15 (по указ.).

³⁴ Об этом см.: Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. С. 35–36, а также: Сахаров В. И. Комментарии // Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. / Сост. и комм. В. И. Сахарова. М., 1981. Т. 2. С. 347.

ной в первом номере «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» за 1837 год, отличавшемся необычным увеличенным форматом.³⁵ В «Новом годе» можно даже видеть героя, отчасти близкого персонажу «Петербургских писем»: его тоже зовут Вечеслав, поначалу он столь же пылкий и восторженный юноша, но впоследствии герой уступает суете и неписаным «законам» светской жизни. Но если «Новый год» соотносится с «Обыкновенной историей» на уровне общей сюжетной схемы (судьба Александра Адуева) и на уровне истории приятеля Адуева — Пospелова, то в случае с «Петербургскими письмами» 1835 года речь идет о более конкретных и более последовательных совпадениях на уровне развития сюжета и характеристики персонажей.

Отмеченные параллели заставляют задаться вопросом об интерпретации такого рода перекличек, когда речь явным образом не идет о мотивированной интертекстуальной отсылке, требующей для адекватного толкования позднейшего текста опознания конкретного протекста. Вслед за формалистскими и структуралистскими работами В. Б. Шкловского, В. Я. Проппа, А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова в таких синтагматических сюжетных совпадениях можно видеть реализацию общих «приемов сюжетосложения», сцепки мотивов исходя из логики и поэтики выразительности.³⁶ С другой стороны или, может быть, вместе с тем, речь может идти о семантически нагруженной отсылке к определенной жанровой традиции. Но вне зависимости от квалификации таких перекличек в текстах авторов эпохи реализма, их выявление, в том числе среди популярной беллетристики 1820–1840-х годов,³⁷ позволяет точнее и сложнее описывать поэтику и генезис реалистического повествования.³⁸ На примере исследований «Обыкновенной истории», тургеневских повестей 1840–1860-х годов, малой и романной прозы Ф. М. Достоевского, повестей Я. П. Буткова, А. В. Дружинина и др. становится отчетливее видна не только полемичность, но и преемственность новой школы по отношению к тому, что принято называть романтической прозой. Романтический субстрат сохраняет свою значимость для поэтики реализма, но начинает сложным образом сочетаться с реалистическим мимесисом, новыми идеологемами и литературными конвенциями.³⁹

³⁵ Об истории этого номера «Литературных прибавлений...», вскоре перепечатанного в более привычном формате, см.: Бодрова А. С. Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. [Вып.] 5. Ч. 1. С. 86–91.

³⁶ См. в первую очередь: Шкловский В. Б. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Шкловский В. Б. О теории прозы: Сб. статей. М., 1929. С. 24–67; Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избр. работы / Сост. А. К. Жолковский, В. А. Щеглова. М., 2012. С. 15–32, 86–107, 170–206.

³⁷ См. библиографию и синопсисы, собранные в рамках проекта научно-учебной группы НИУ ВШЭ «Русская повесть 1825–1850»: <https://philology.hse.ru/rusnovel/katalog>; дата обращения: 30.04.2026.

³⁸ Отрефлексированное описание исторических и современных подходов к русской реалистической прозе см., например, в важном обобщающем очерке: Вайсман М., Вдовин А., Клигер И., Основат К. Введение. «Реализм» и русская литература XIX века // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование в русском реализме: Сб. статей. М., 2020. С. 5–65.

³⁹ Среди многочисленных работ, демонстрирующих сложную связь реалистического письма с романтической традицией, см., например: Габель М. О. «Три встречи» Тургенева и русская повесть 30–40-х годов XIX века // Русский романтизм: Сб. статей. Л., 1927. С. 115–150; Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. Chicago, 1965; Гражис П. Достоевский и романтизм. Вильнюс, 1979; Манн Ю. В. 1) Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969. С. 246–257; 2) Энтузиазм против скептицизма (На пути к диалогическому конфликту) // Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 265–266; Маркович В. М. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX в. // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52. № 3. С. 27–29; а также статьи Б. Григорян, И. Клигера, К. Каминского и Э. Мартина, В. Соболя, Б. Маслова в сборнике «Русский реализм XIX века». Применительно к творчеству Гончарова, кроме уже названных работ Ю. В. Манна, отошлем в первую очередь к наблюдениям Е. А. Краснощековой (Краснощекова Е. А. Гончаров. Мир творчества. С. 28–34, 47–49, 77–83), М. В. Отрадина (Отрадин М. В. Проза и А. А. Гончарова в литературном контексте. С. 15–21, 31–36, 40–54 и др.), В. И. Сахарова (Сахаров В. И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики: Очерки. М., 2002. С. 111–114); о преломлении романтических тем в «Обрыве» см. в новейшем историко-литературном

В заключение позволю себе еще одно сопоставление между «романтической» эпохой середины 1830-х годов и «положительным» временем второй половины 1840-х.

В диалоге младшего и старшего Адуевых о творчестве и поэзии, разумеется, отмечались отсылки к пушкинскому «Разговору книгопродавца с поэтом» (републикованному в четвертой части «Стихотворений А. Пушкина» 1835 года⁴⁰), а наряду с ними — вероятные отзвуки полемики о «торговой словесности» середины 1830-х годов, в связи с которой упоминается и ключевая для этих журнальных споров статья Шевырева «Словесность и торговля».⁴¹ Как нам представляется, можно говорить о вполне отчетливых образных и мотивных перекличках между сценой из «Обыкновенной истории» и критическим памфлетом Шевырева, который, между прочим, был опубликован в том же первом номере «Московского наблюдателя», что и «Петербургские письма» Одоевского. Ср.:

«Обыкновенная история»

«— Т. е. ты хочешь заняться, кроме службы, еще чем-нибудь — так, что ли, в переводе? Что ж, очень похвально, — чем же, литературой? <...> Уверен ли ты, что у тебя есть талант? <...> Талант — другое дело! можно работать; много хорошего сделаешь, и притом это капитал — стоит твоих ста душ.

— Вы и это измеряете деньгами?

— А чем же прикажешь? чем больше тебя читают, тем больше платят денег.

— А слава, слава? вот истинная награда певца...

— Она устала нянчиться с певцами: слишком много претендентов. <...> есть известность, а славы что-то не слышать, или она придумала другой способ проявляться: кто лучше пишет, тому больше денег, кто хуже — не прогневайся. Зато нынче порядочный писатель и живет порядочно, не мерзнет и не умирает с голода на чердаке, хоть за ним и не бегают по улицам и не указывают на него пальцами, как на шута; поняли, что поэт не небожитель, а человек: так же глядит, ходит, думает и делает глупости, как другие; чего ж тут смотреть?..

— Как другие — что вы, дядюшка! как это можно говорить! Поэт заклеивает особенную печатью: в нем таится присутствие высшей силы...» (с. 63–64; курсив мой. — А. Б.).

«Словесность и торговля»

«...мой взгляд на современную нашу литературу будет ныне совершенно материальный. На журналы я смотрю, как на капиталистов. „Библиотека для чтения“ имеет для меня пять тысяч душ подписчиков. „Северная пчела“, может быть, вдвое. <...> И эти души подписчиков гораздо вернее, чем твои оброчные: за ними никогда наша недоимка; они платят вперед, и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнации. — Вот едет литератор в новых санях: ты думаешь, это сани. Нет, это статья „Библиотеки для чтения“, получившая вид саней, покрытых медвежьей полстью, с богатыми серебрёными когтями. <...> Одним словом: литература наша сыта, дает обеды, живет в чертогах, ходит по коврам, ездит в каретах, в лаковых санях, кутается в медвежью шубу, в бекешь с бобровым воротником, возвышает голос на аукционах Опекунского совета, покупает имения!.. Настал если не золотой, то самый сытный век нашей литературы.

<...> Ты скажешь, что взгляд мой на литературу не есть взгляд критика <...> а взгляд светского человека или статистика, имеющий все невыгоды материальности и односторонности.

<...> Да, друг мой, торговля теперь управляет нашею словесностью — и все подчинилось ее расчетам; все произведения словесного мира расчислены на оборотах торговых; на мысли и на формы наложен курс!.. Умолкло вдохновение наших поэтов. Поэзия одна не покоряется спекуляции. В то счастливое время, когда каждый стих оценен в червонец, стихи нейдут!...»⁴²

комментарии к роману: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 9. Кн. 1. С. 272–305 (раздел «Роман о художнике», написанный Н. В. Калининой).

⁴⁰ Пушкин А. С. Стихотворения. СПб., 1835. Ч. 4. С. 89–100.

⁴¹ См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 762–763 (прим. В. А. Туниманова).

⁴² Шевырев С. П. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Март. Кн. 1. С. 8–9, 10, 19; курсив мой. — А. Б.

Эти совпадения, которые могут служить еще одним косвенным аргументом в пользу знакомства Гончарова с первым номером «Московского наблюдателя», подчеркивают, однако, и весьма существенное различие позиций Шевырева и автора «Обыкновенной истории». Гончаров проблематизирует или даже прямо критикует подчеркнуто романтическое представление Александра о творчестве, которое вполне отвечает установкам Шевырева в «Словесности и торговле». При этом прагматическая точка зрения Петра Ивановича на литературу как на ремесло и источник дохода вовсе не выглядит столь отталкивающей, как это было описано у Шевырева. В подобной трансформации можно видеть отражение более общих социолитературных тенденций 1840-х годов, и в этом отношении примечательна еще одна параллель, лишь кратко намечавшаяся исследователями и комментаторами, — пересечения между статьями Шевырева, «Обыкновенной историей» Гончарова и критическими текстами Некрасова 1840-х годов,⁴³ не исключая и известной его статьи из цикла «Русские второстепенные поэты». Если в более ранних статьях Некрасов вполне следует за аргументацией Шевырева (и всей «антиторговой» критики), то в середине 1840-х годов он отходит от порицания литературной коммерции, усиливая при этом критику романтического представления о поэтическом творчестве.

В статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году (статья первая)» Некрасов, подобно Шевыреву, осуждает стремление «торговой словесности» к заработку любыми средствами и уничижюще подразделяет ее на «литературу *копейчную*», «которая скрывается в непроходимых извилинах толкучих рынков <...> питается скромной данью с покрытого лохмотьями невежества», и «более опрятную, сметливую и осторожную» *«промышленную»* литературу», ориентированную на более состоятельную и чуть более взыскательную публику. И хотя Некрасов описывает противополоственную «торговой словесности» новую литературу, «более плодотворную и жизненную», в возвышенно-риторической манере, достойной младшего Адуева («С великодушным самоотвержением, ради благой и далекой корыстных расчетов цели, одушевленная высокими началами великого преобразователя России, избрала она путь тернистый и трудный, ведущий к достижению вечной и святой истины, к осуществлению на земле идеала...»), уже в этой статье конца 1843 года он выступает против утрированно-романтических установок и форм: «Теперь уже нельзя построить литературной славы на двух-трех более или менее удачных стихотворениях, блестящих снаружи и чуждых внутреннего содержания; теперь уже не расплачемся мы и нарасхват не раскупим ни „Аббадоны“, ни „Эммы“, ни „Блаженства безумия“; не причтем к капитальным произведениям таких произведений, в которых нет ни верного такта действительности, ни зрелых и крепких мыслей, а есть неземная дева, парящая к эфиру мечта, питающаяся вздохами и сентиментальными фразами любовь да детские порыванья к какому-то идеалу, навыворот понимаемому...».⁴⁴

В рецензии на отдельное издание повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845) Некрасов отходит от прежней дихотомии *подлинная, высокая литература vs коммерческая словесность* и полемизирует со сценой из X главы «Тарантаса» под названием «Нечто о словесности», в которой Иван Васильевич излагает взгляды, близкие к установкам Шевырева. Ср. реплики героя Соллогуба: «Теперь словесность — ремесло, как ремесло сапожника или токаря <...> Словесность есть один из тысячи способов добывать себе деньги, и все прекрасные чувства, все глубокие мысли, которыми наполнены теперь книги, можно исчислить на ассигнации и серебро. <...> В наше продажное время поэзия разлагается на акции и восторг берется на откуп. <...> Одна (литература. — А. Б.) даровитая, но усталая, которая показывается в люди редко, смиренно <...>. Другая наша литература, напротив, кричит на всех перекрестках, чтоб только ее приняли за настоящую русскую литературу и не узнали про настоящую. Эта литература

⁴³ О параллелях между обсуждаемой сценой «Обыкновенной истории» и воззрениями на литературу Некрасова и Белинского в 1845–1846 годах см.: *Макеев М. С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2008. С. 72–76.

⁴⁴ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1989. Т. 11. Кн. 1. Критика. Публицистика 1840–1849. С. 134–135, 139, 141. Статья была опубликована в первом номере «Литературной газеты» на 1844 год (№ 1. 1 янв. С. 10–16).

приводит мне всегда на память крикливых сидельцев Апраксина двора, которые чуть не хватают прохожих за горло, чтоб сбыть им свой гнилой товар».⁴⁵ Некрасов в рецензии прямо возражает этой точке зрения, подчеркивая необходимость издательской, т. е. коммерческой деятельности, для литературного признания и статуса: «Нам не совсем нравятся рассуждения о русской литературе, не совсем бедные фразами, которые от частого употребления и применения <...> давно уже сделались общими местами <...> Рассуждения эти состоят в том, что век наш — век развращенный и продажный, что литература сделалась ремеслом, что „в наше продажное время поэзия разлагается на акции и восторг берется на откуп“ (как это отзывается фразой!) и что, наконец, „наши даровитые писатели всегда удалялись и теперь удаляются от ее (то есть литературы) прикосновения“. Какие же это даровитые писатели, которые удаляются от прикосновения нашей литературы? <...> мы не знаем другого прикосновения автора к литературе, как чрез издание своих сочинений...».⁴⁶

Наконец, вполне серьезно и не порицая стремление к литературной «выгоде», Некрасов рассуждает о предпочтении прозы стихам в первой статье цикла «Русские второстепенные поэты», ознаменовавшей поворот к новому осмыслению роли поэзии в литературном поле: «Стихов нет. Немногие об этом жалеют, многие этому радуются, большая часть ничего об этом не думает. Но отчего нет стихов? <...> была эпоха литературного бескорыстия, когда писали „из чести лишь одной“; и даже бывали такие авторы, которые сами платили за честь увидеть свое имя в печати. <...> Теперь эпоха положительная. Каждый литератор естественно хочет извлечь наибольшую выгоду из своего таланта, а при всеобщем равнодушии к стихам и при невозможности много писать стихами, конечно, проза представляет более удобств в этом отношении. <...> И сознавая, что в наше время только поэтический талант, равный пушкинскому, мог бы доставить автору и Славу, и Деньги, он предпочитает распорядиться иначе: поэтическую искру свою разводит он на множество прозаических статей; он пишет повести, рецензии, фельетоны и, получая за них с журналистов хорошие деньги, без сожаления видит, как поэтическая способность его с каждым годом уменьшается...».⁴⁷

Позиция Некрасова в «Русских второстепенных поэтах» кажется идеологически близкой установкам Гончарова в «Обыкновенной истории», который, высмеивая романтическое фразерство и сугубо литературные эмоциональные матрицы в поведении младшего Адуева,⁴⁸ противопоставлял такой «неистовой» лирике подлинную поэзию, связанную в художественном мире Гончарова с Пушкиным и пушкинской традицией⁴⁹ (ср. намеченную Некрасовым и затем подхваченную кругом «Современника» интерпретацию Тютчева как неопределенного поэта пушкинской эпохи прежде всего⁵⁰).

⁴⁵ Соллогуб В. А. Тарантас: Путевые впечатления. СПб., 1845. С. 108, 109, 111.

⁴⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. Кн. 1. С. 200. Рецензия также была опубликована в «Литературной газете» (1845. 12 апр. № 14. С. 245–251). Близость позиции Соллогуба к воззрениям Шевырева в «Словесности и торговле» отмечена в комментарии М. М. Гина при участии Е. Г. Васильевой и Т. С. Царьковой (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. Кн. 1. С. 428).

⁴⁷ Там же. Т. 11. Кн. 2. С. 32–34 (впервые: Современник. 1850. № 1. Отд. VI. С. 42–74).

⁴⁸ Интересны также близкие переключки между «Обыкновенной историей» и критической статьей Некрасова 1847 года, напечатанной в «Современнике» в одном номере со второй частью романа Гончарова. Претензии к «ложному», «заемному» романтизму Некрасов изложил в развернутой рецензии на «Москву» Н. В. Сушкова, «Славу о вещем Олеге» Д. И. Минаева и поэму «Страшный гость» (Современник. 1847. № 4. Отд. III. С. 99–114), в которой описывал образ молодого романтика с узнаваемыми отсылками к характеристикам и судьбе Александра Адуева (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. Кн. 2. С. 7–15; параллели с романом Гончарова отмечены М. М. Гином: Там же. С. 303).

⁴⁹ О роли пушкинских мотивов и реминисценций в «Обыкновенной истории» см.: Денисова Э. И. Пушкинские цитаты и реминисценции в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // Науч. доклады высшей школы. Филологические науки. 1990. № 2. С. 26–36; Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. С. 43–48; Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 701–702 (прим. В. А. Туниманова).

⁵⁰ О специфике литературной репутации и канонизации Тютчева в начале 1850-х годов, вошедшей в статью Некрасова, см.: Осоват А. Л. «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М., 1980. С. 37–39, 53–55, 58.

Так в середине 1840-х годов для разных представителей нового литературного поколения оказались важными не только творческие решения предшествующей, пушкинской, романтической когорты, но и социолитературные коллизии середины 1830-х годов. Проследивая связи между этими поколениями, мы получаем возможность точнее описать трансформацию институтов литературы и поэтики жанров в переходные эпохи.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-75-83

© О. Л. Фетисенко

«СВЯТЫЕ ГОРЫ» А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ И Ф. И. ТЮТЧЕВА: ТЕКСТОЛОГИЯ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

15 сентября 1862 года И. С. Аксаков напечатал в собственной газете «День» стихотворение Ф. И. Тютчева, своего будущего тестя, «Святые горы» («Тихо, мягко, над Украйной...»),¹ пять шестистишных строф преимущественно с женскими рифмами. По мелодике оно напоминает нежную баркаролу. История этого произведения хорошо известна: поэт отредактировал, а точнее полностью переделал (оставив без изменений лишь 5 строк из 30), «оживотворил» стихотворение, написанное его старшей дочерью Анной под впечатлением поездки в Святогорский монастырь в свите императрицы Марии Александровны.² Царская семья пребывала в Святых Горах 9–13 августа 1861 года; Тютчева была воодушевлена всем виденным на юге, в том числе и в Святых Горах, о чем и сообщала отцу.

К сожалению, эти послания не сохранились. Однако публикации еще ждут письма на французском языке о путешествии по югу России, адресованные А. Ф. Тютчевой ее сестре Екатерине и хранящиеся в музее-усадьбе Мураново.³ Одно из них было отправлено прямо из Святых Гор и написано на почтовой бумаге с гравюрой по рисунку Добранадежина «Вид Святогорской общежительной пустыни», на которой Тютчева крестиком пометила дом Потемкиных.⁴ Она уверяла, что чувствует себя в этом живописном и поэтичном месте как в раю, подробно описывала впечатления от природы, церковь, вырубленную в скале, рассказывала о службах в святогорских пещерах, дважды упомянула затворника (имеется в виду ныне прославленный во святых Иоанн Затворник) и неоднократно — сияние луны, которое ее особенно поразило. Как увидим, все эти мотивы нашли отражение в ее стихотворении. Отцу из монастыря она не успела написать и просила Екатерину прочесть письмо ему и другой сестре, Дарье.

Получив сразу несколько писем старшей дочери, Тютчев отвечал 10 октября: «Кое-что в твоих письмах <...> я прочел не без некоторого удовлетворения... авторского самолюбия... Я узнал свою кровь в том предчувствии, какое вызвал в тебе юг России;

¹ День. 1862. 15 сент. № 37. С. 3. См.: Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2003. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873 / Сост. и общ. ред. В. Н. Касаткиной. С. 119–120. До этого, в 1861 году, в «Дне» уже печатались новые стихотворения Тютчева: «Князю Вяземскому» («Теперь не то, что за полгода...»), «При посылке Нового Завета» («Не легкий жребий, не отрадный...»), «Хоть я и свил гнездо в долине...».

² См. об этом: Там же. С. 478 (комм. В. Н. Касаткиной). Монастырь на гористом, с меловыми скалами, правом берегу Северского Донца был основан не позднее XVI века; в начале XVII века он был razoren, а позднее, в 1787 году, упразднен (сохранялся лишь как приходская церковь). Вновь торжественно открыт был в августе 1844-го и возрождался при помощи Т. Б. Потемкиной (ее муж А. М. Потемкин в 1841-м унаследовал эти земли — местечко Святогорск в Изюмском уезде Харьковской губернии). После десятилетий нового разорения (монастырь был закрыт в 1922-м) обитель была возобновлена в 1992 году, а в 2004-м получила статус лавры (Святогорская Успенская лавра). Об истории монастыря см.: Кулжинский Г. И. Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской губернии. 5-е изд. Одесса, 1896.

³ Музей-усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева. Ф. 1. Ед. хр. 306.

⁴ Там же. Л. 42–43 об. Полный текст письма и перевод см. ниже в Приложении.

соприкоснувшись с ним, ты поняла, что там — арена predetermined ей великой будущности, что эта будущность, отбратить которую не смогут все наши усилия, возможна только там... и что, под страхом самых жестоких кар, надо будет решительно и возможно скорей порвать с позорным настоящим, чтобы двинуться навстречу грядущим судьбам...».⁵

Попробуем несколько более углубленно, чем это было сделано в тютчевском Собрании сочинений, обратиться к творческой истории стихотворения с двойным авторством (или, при другом взгляде, двух стихотворений под одним названием⁶), уделив особое внимание первому автору, Тютчевой, поскольку ее вариант, без которого не было бы и стихотворения ее отца, оставался малоизученным. При этом постараемся разобраться, как указано в подзаголовке статьи, и в вопросах текстологии, и в биографическом контексте (главным образом в обстоятельствах, сопровождавших публикацию в аксаковской газете).

Авторская датировка первого стихотворения еще не установлена исследователями. Ведь до сих пор огромный массив писем Тютчевой (в замужестве, с 1865-го, Аксаковой) остается мало освоенным. В опубликованном фрагменте письма Тютчевой к Аксакову от 25 мая 1862 года встречаем упоминание о стихотворении как о чем-то ранее обсуждавшемся, говорится и о стихах отца: «Отец мой не исправил мои стихи, а переделал их совсем. Я вам пришло мои стихи и его, и читайте мои прежде, пожалуйста. Я знаю, какие ошибки в моих стихах, но так как стихи отца очень хороши, то не стоит переделывать мои».⁷

В качестве примечания к этому фрагменту привлекался другой — из недатированного письма Тютчевой к сестре Екатерине, впервые введенный в научный оборот Г. И. Чулковым.⁸ В издании 2003 года этот фрагмент отнесен к маю 1862 года и цитируется более расширенно и в другом переводе: «Посылаю тебе новые стихи, которые я написала о Святых Горах и которые папá переделал на свой манер. Стихи, разумеется, несравненно лучше моих, но он не во всем передал мою мысль, как я ее понимала...».⁹ В подготовленном Чулковым Полном собрании стихотворений Тютчева стихотворение его дочери впервые увидело свет. Здесь же приводилась и приписка Анны Федоровны: «Это немножко неприятно, когда кто-то вашей мыслию делает хорошие стихи, это что-то вроде праведной цензуры. Стихи несравненно лучше, а я все-таки чувствую, что моя мысль не совсем так выражена, как я думала».¹⁰

В третьем томе «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» не сообщено никаких новых подробностей об истории создания тютчевского стихотворения, кроме конкретизации времени его появления: между 11 и 25 мая.¹¹ Произведение Тютчевой, соответственно, было написано ранее.

В шеститомном издании сочинений и писем Тютчева никакие новые источники интересующего нас произведения тоже не были привлечены, и хотя в примечаниях го-

⁵ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 6. С. 13 (пер. с фр.).

⁶ Именно так, как увидим далее, рассматривала их сама Анна Федоровна: «мои стихи», «стихи отца».

⁷ Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Вступ. статья Т. Г. Динесман; публ. К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азодовского, А. Л. Осповата и В. Н. Сажина; комм. Т. Г. Динесман при участии А. Л. Осповата // Лит. наследство. 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 329 (пер. с фр.). В примечании к этому фрагменту ошибочно говорится, что Святогорский монастырь расположен на Днестре (в «Летописи...» Тютчева уже назван Донец, но без уточнения «Северский»).

⁸ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений / Ред. и комм. Г. Чулкова. М., 1934. Т. II. С. 382 (пер. с фр.); Тютчев в письмах и дневниках... С. 330.

⁹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 478 (пер. с фр.). Автограф: Музей-усадьба Мураново. Ф. 1. Ед. хр. 306. Л. 127 об.

¹⁰ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Т. II. С. 383. О стихотворении Тютчевой Чулков писал: «...наивное и беспомощное по форме, но удивительное по цельности лирического чувства» (Там же. С. 384). Оценка формы, думается, слишком строга. В стихотворении есть лишь несколько погрешностей против ритма.

¹¹ Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: В 3 Кн. М., 2012. Кн. 3. 1861–1873 / Сост. Т. Г. Динесман, И. А. Королева, Б. Н. Щедринский. С. 42.

ворится, что стихотворение Тютчева печатается по автографу РГАЛИ,¹² это не совсем так: небольшие неточности изданий 1900-го, 1934-го и всех последующих годов сохранены и здесь (в автографе дважды употреблена архаичная форма «Донцем», в публикациях унифицировано по современной норме — «Донцом»; тире в первой строфе сохранено, а в четвертой не воспроизводилось; тире в последнем стихе четвертой строфы «прочитано» как две точки).

Что касается стихотворения Тютчевой, то здесь неточности более грубые, и они тоже «кочуют» из публикации в публикацию («Под оградой толпой / Освещенные луной...», «И в тиши порой ночной...»).¹³ Приведем тексты, уточненные по автографам (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 1 об. — 2 об.; Ед. хр. 35. Л. 4–5). Первый шифр (ед. хр. 162) отсылает к разлинованной тетради в переплете со стихотворениями Тютчева и вырезками из газет и книг (25 архивных листов), однако на указанных листах перед нами автограф не самого поэта, а его дочери (это белой автограф ее стихотворения). Ее же рукой переписан набело и тютчевский текст (л. 1–1 об.). Все это не отмечено в архивной описи. Во втором случае архивная единица (ед. хр. 35) содержит именно автографы Тютчева на отдельных листах. На л. 4–5 (почтовый лист, сложенный пополам) карандашом записано интересующее нас стихотворение. Подпись в родительном падеже «Ф. И. Тютчева» сделана рукой Тютчевой чернилами. Передавая тексты, сохраняя особенности подлинников, добавим лишь необходимые запятые. В примечаниях к левому столбцу отметим разночтения с двумя автографами Тютчевой, приложенными к ее письму сестре Екатерине: Архив музея-усадьбы Мураново. Ф. 1. Ед. хр. 306. Л. 129–129 об. (МА1) и Л. 130–130 об. (МА2). Подчеркнем: находятся эти два листка в той же архивной единице, что и письмо, посвященное впечатлениям от Святых Гор. Написаны они на абсолютно идентичной бумаге, схожим почерком, в МА2 лишь более торопливым. Почерк в тетради из РГАЛИ значительно отличается от «мурановского», хотя рука Анны Федоровны здесь и узнаваема. Тетрадь явно «моложе», чем письма и приложенные к ним листки со стихотворением, но установить время ее заполнения в настоящий момент едва ли представляется возможным.

А. Ф. Тютчева

Тихо, мягко,¹⁴ ночь Украйны,
Полна прелести и тайны,¹⁵
Над дубравой¹⁶ лежит.
Темно¹⁷ небо так глубоко,
Звезды смотрят¹⁸ так высоко,
И во тьме Донец блестит.

За обительской стеной
Псалмопенье,¹⁹ звон святой²⁰
До заутрени молчат;
Под оградой толпою²¹
Освещенные луною,²²
Богомольцы мирно спят.

Ф. И. Тютчев

Тихо, мягко, над Украйной
Обаятельно тайной
Ночь июльская лежит —
Небо так ушло глубоко,
Звезды светят так высоко,
И Донец во тьме блестит.

Сладкий час успокоенья!
Звон, литии, псалмопенья
Святогорские молчат —
Под обительской стеною,
Озаренные луною,
Богомольцы мирно спят.

¹² Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 477. Здесь же (с. 478) отмечены разночтения с автографом, допущенные при первой публикации.

¹³ См., например: Там же. С. 478–479.

¹⁴ В МА1 запятая отсутствует.

¹⁵ В МА1 и МА2 запятая отсутствует.

¹⁶ В МА1: над дубровой; в МА2: над дубравой.

¹⁷ В МА1 было: Темное; «е» зачеркнуто карандашом. В МА2: Темное.

¹⁸ В МА1 и МА2: светят.

¹⁹ В МА1 и МА2: Псалмопение.

²⁰ В МА1 далее запятая.

²¹ В МА1: Под оградой, толпой. Над последней буквой подписано: (ю?); в МА2: Под оградой, толпою.

²² В МА1 над последней буквой подписано: (ю?); в МА2: луною.

И с крестом там на челе
Белым призраком во тьме²³
Над Донцом²⁴ утес стоит,
И, как дух минувших дней,
Он молитвою своей
Богомольцев сторожит.²⁵

Во скале той священной
Искони²⁶ чернец смиренный
Подвиг веры совершал,
И в духовном созерцанье²⁷
Сколько слез и воздыханий
Перед Богом изливал.

Оттого как дух блаженный²⁸
Величавый и смиренный
Над Донцом²⁹ утес стоит:³⁰
И в тиши поры ночной
Он молитвой вековой
Спящий мир животворит.³¹

И громадою отвесной,
В белизне своей чудесной,
Над Донцем утес стоит,
К небу крест свой возвышая...
И, как стража вековая,
Богомольцев сторожит. —

Говорят, в его утробе,
Затворившись, как во гробе,
Чудный инок обитал,
Много лет в искусе строгом —
Сколько слез он перед Богом,
Сколько веры расточал! —

Оттого, ночной порою,
Силой и поднесь живую,
Над Донцем утес стоит —
И молитв его святыней,
Благодатной и доныне,
Спящий мир животворит. —

Несмотря на то, что многие разночтения хранящихся в Муранове автографов совпадают, вариант МА2 ближе к беловому автографу Тютчевой из РГАЛИ и, по нашему предположению, фиксирует переходную стадию: часть исправлений оказалась отражена в беловом автографе (см., например, прим. 24 и 27). Под автографом МА1 синими чернилами (стихотворение в обоих мурановских вариантах записано черными чернилами) поставлена подпись: А. Ф. Тютчева. Под МА2 в более позднее время (не ранее 1866 года) другой рукой подписано: А. Аксакова, урожд. Тютчева. Остается не вполне ясным, были ли оба варианта посланы Е. Ф. Тютчевой сразу, или второй листок (МА2) просто подложен в папку с письмами Анны Федоровны позднее. Подстановка подписи «Аксакова» могла быть сделана в любое время после замужества, просто при перечитывании стихотворения. Ясно лишь, что мурановские автографы отражают первоначальный вариант текста, в котором было больше шероховатостей. Одна поправка в МА1 сделана позднее, чем правился автограф МА2 (вычеркивание лишней буквы в словах «Темное небо»). Думается, что вся правка карандашом могла делаться по подсказке кого-то из первых читателей, быть может, и самого отца, поскольку правка в последнем стихе («животворит» вместо «благословит») совпадает с его редакцией.

Подчеркнем смысловые отличия двух «версий» текста («дочерней» и «отцовской»), сосредоточившись на том, что подразумевала Тютчева, говоря, что ее мысль выражена «не совсем так», как ей бы хотелось. В. Н. Касаткина (Аношкина) в комментариях к собранию сочинений Тютчева правильно и сжато выделила основной мотив, отличающий «дочерний» текст: «смирение и величие духовного подвига».³² Действительно, в редакции Тютчева исчезли именно эти важные эпитеты: «Величавый и сми-

²³ В МА1 и МА2: во мгле.

²⁴ В МА2: Над Донцом.

²⁵ В МА1: Богомольцев осенит. В МА2 было: Богомольцев осенит; зачеркнуто и подписано карандашом: сторожит.

²⁶ В МА1 и МА2 поставлено ударение.

²⁷ В МА1 и МА2: созерцании.

²⁸ В МА2 было ошибочно начато: смирен<ный>; зачеркнуто, над строкой подписано: блаженный.

²⁹ В МА1 и МА2: Над Донцем.

³⁰ В МА1 нет двоеточия.

³¹ В МА1: Спящий мир благословит. В МА2 было: благословит; зачеркнуто, карандашом подписано: животворит.

³² См.: Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма. Т. 2. С. 479.

ренный», «чернец смиренный», исключен мотив «подвига веры» и отошла на второй план тема молитвы. У Анны Федоровны, напротив, утес сторожит богомольцев «молитвою своею», и это молитва непрерывная — «вековая». Та же исследовательница в более поздней работе обратила внимание на то, что в первоначальной редакции стихотворения присутствует реминисценция из книги А. Н. Муравьева «Святые горы и Оптина пустынь» (СПб., 1852): «белый призрак».³³ К этому же источнику возводит она и присущую тексту Тютчевой тему умиротворения. Последнее менее очевидно, потому что применительно к пустынным обителям подобная характеристика является общим местом. Ясно, что, убрав шероховатости, сделав стихотворение более плавным (отчасти и благодаря увеличению числа женских рифм), Тютчев мог не заметить, что в достаточной мере искажил замысел своей дочери. Ее недовольство почти не скрыто в письме к Аксакову.

Перейдем теперь к обстоятельствам, сопутствующим публикации тютчевского стихотворения. Она не могла состояться сразу после получения Аксаковым рукописи. Летом 1862 года газета «День» находилась под цензурным запрещением, через некоторое время было разрешено временное редактирование Ю. Ф. Самарина (формальное, вести издание на самом деле продолжал Аксаков), и лишь в январе 1863 года издатель официально вернулся к своим редакторским обязанностям.

Обратим внимание на любопытную биографическую деталь. Вскоре после создания и отправки Аксакову стихотворения «Святые горы» Тютчева познакомилась с Надеждой Степановной Соханской (литературный псевдоним Кохановская; 1823–1884), корреспонденткой Аксакова и бывшей сотрудницей журнала «Русская беседа», впервые приехавшей летом 1862 года в Петербург.³⁴ Они не могли не вспоминать Святые Горы, для малороссийской писательницы с юности много значившие³⁵ и дочери поэта тоже полюбившиеся. В повести Кохановской «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова», незадолго до этого изданной Аксаковым в газете «День» (1861), Святогорский монастырь был даже местом действия одной из центральных глав, определяющей перелом в жизни героев. Эта повесть привлекла внимание императрицы, пожелавшей увидеть автора (до этого писательнице была послана драгоценная брошь), и, как известно из письма Кохановской к Аксакову, при аудиенции в присутствии фрейлины Тютчевой говорили они в том числе и «о красоте Св. Гор».³⁶ В 1864 году в той же газете, где было помещено стихотворение «Святые горы», появятся два очерка Кохановской о возрождении монастыря, а в следующем году, еще держа в тайне свою предстоящую свадьбу, Тютчева будет советоваться с писательницей, жившей на хуторе в Изюмском уезде, о покупке имения вблизи живописной обители. Затем к этим обсуждениям присоединится и Аксаков. Но эти планы не сбылись: первое время после свадьбы чета Аксаковых провела в подмосковном Абрамцеве. Мысль о приобретении имения близ монастыря возникала и в 1868 году. Но от этой идеи супруги отказались, не состоялись и обсуждавшиеся с Кохановской поездки в Святые Горы и Славянск, недавно ставший популярным курортом. Тютчева могла только вспоминать об утесах над Донцом.

Вернувшись к событиям 1862 года, отметим, что публикация тютчевского стихотворения в газете «День» состоялась во время пребывания и Тютчевой, и Кохановской

³³ Аношкина В. Н. Истоки украинского мотива в творчестве Ф. И. Тютчева // Литературоведческий журнал. 2009. № 25. С. 213. Следовало бы упомянуть также и о другом сочинении Муравьева, посвященном Святым Горам и дополняющем повествование 1852 года новыми подробностями, — о первой главе его книги «Впечатления Украины и Севастополя» (СПб., 1859. С. 1–13; опубликована анонимно).

³⁴ См.: Фетисенко О. Л. Петербургские страницы жизни и творчества Кохановской (Н. С. Соханской) // Словесность и история. 2023. № 4. С. 141–169. В Приложении к этой статье впервые опубликованы письма Кохановской к Тютчевой за 1862 год.

³⁵ См.: Фетисенко О. Л. Н. С. Соханская (Кохановская) о Святогорском монастыре // Святогорский летописец: Альманах. Свято-Успенская Святогорская лавра, 2021. Вып. 4. С. 154–182. Здесь, среди прочего, приведено и письмо Кохановской к Тютчевой о посещении монастыря в 1864 году.

³⁶ Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 181.

в Москве. Святогорская тема снова могла звучать в их беседах. Рискнем также предположить, что гостя из Слободской Украины говорила о любимой святыне и с самим Тютчевым. Достоверно известно об их встрече за обедом у Анны Федоровны в Петергофе не позднее 17 августа 1862 года.³⁷ Несмотря на то, что все перечисленное произошло уже после появления стихотворения, эпизоды общения с писательницей, воспевавшей Святогорский монастырь в прозе, являются частью семейной истории Тютчевых — Аксаковых и расширяют контекст литературного бытования уникального стихотворения, созданного «в соавторстве» великим поэтом и его дочерью.

Письмо А. Ф. Тютчевой к Е. Ф. Тютчевой печатается по автографу (Музей-усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева. Ф. 1. Ед. хр. 306. Л. 42–43 об.).³⁸ Орфография приближена к современной норме. Тютчева писала, например, «poétique» вместо «роétique» и допускала некоторые грамматические неточности. Слова и фразы, написанные автором по-русски, в переводе выделены курсивом, в связи с этим подчеркнутое автором передано в тексте перевода полужирным (во французском тексте, наоборот — курсивом). Примечания, касающиеся грамматических особенностей автографа, принадлежат В. М. Лурье и Ф. Мушару.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо А. Ф. Тютчевой к Е. Ф. Тютчевой
от 12 августа 1861 года

Le 12 Août Святые Горы

Chère Kitty, je t'écris de ce ravissant endroit où nous sommes depuis trois jours et où je me sens réellement comme en paradis. Je n'aurais pas cru que notre plat et monotone pays pût renferme<r> un site aussi pittoresque et poétique. N<ou>s sommes arrivés le 9 Août au soir. Le soleil venait de se coucher, la lune se levait, et argentait de ses reflets mystérie<u>x les magnifiques (sic!) forêts de chênes qu'il faut traverser avant d'arriver au couvent. Tout à coup au sortir du bois se présente devant nous un immense rocher bleu et éclairé¹ de milles feux qui se reflètent dans les eaux profondes du Donets. Le couvent aussi était illuminé et se détachait admirablement sur le fond obscur des collines boisées. Rien ne peut rendre le charme et la grandeur de cette vue qui change d'aspect à toutes les heures de la journée et de la nuit selon que le soleil et la lune l'éclaire aux différentes heures. C'est un rêve de poésie. De la maison de M<ada>^{me} Potemkine que j'ai marqué d'une petite croix, on a toujours ce panorama enchanteur devant les yeux. Le premier soir toute la contrée fut illuminée de feux de Bengale, on ne peut rien imaginer de plus beau. Le lendemain nous allâmes le matin à la messe au couvent, puis visiter les пещеры, car tout cet énorme rocher est percé intérieurement de voies souterraines qui vont de haut en bas. Au haut du rocher est l'église de St. Nicolas creusée dans le roc et surmontée d'une coupole dorée. C'est tout à² côté <d> une terrasse naturelle d'où la vue sur tout³ le pays est d'un effet grandiose et ravissant. De là les corridors souterrains s'enfoncent dans le roc, par-ci, par-là⁴ des cellules pour les anciens⁵ отшельников (maintenant il n'y a qu'un затворник qui vit là-bas⁶), une l'église (sic!) à St. Jean Baptiste, une à St. Alexis. Les corridors descendent jusqu'au bas de la montagne dans le nouveau couvent, de là nous allâmes⁷ en bateau à скит, enfoncé dans la forêt et entouré d'une орпада naturelle de rochers, de sorte qu'il n'est abordable que du côté de l'eau. Après dîner nous fîmes une promenade

³⁷ В «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» названа дата 15 августа (Кн. 3. С. 47), но ее теперь можно уточнить по письму Соханской от 14 августа, в котором говорится о ее готовящемся приезде в Петергоф «в четверг или пятницу», т. е. 16 или 17 августа (Фетисенко О. Л. Петербургские страницы жизни и творчества Кохановской (Н. С. Соханской). С. 159). О встрече с «известной писательницей» поэт упомянул в письме к жене от 18 августа 1862 года, что и было логично сделать вскоре после самого события. Кохановская же сообщила об этой встрече Аксакову (Семья Аксаковых и Н. С. Соханская. С. 193).

³⁸ Благодарю В. М. Лурье и Ф. Мушару за помощь в подготовке текста и за редактирование перевода.

ravissante à un petit chalet construit sur une montagne à l'endroit où le Prince Potemkine à qui Catrine II avait fait don de cette terre voulait construire sa maison. N<ou>s revînmes par eau par un clair de lune idéal, accompagnés de chants d'églises exécutés par les chantes de M<ada>^{me} Potemkine. Le couvent était de nouveau illuminé et le grand rocher se dessinait en silhouette de feu dans la rivière. En rentrant je m'échappai⁸ pour aller à l'église, je <me> confessai⁹ chez¹⁰ un vieux et excellent moine qui malgré mes scrupules, insista pour que je communie le lendemain, quoique je n'aie pas eu le temps de m'y préparer. Je n'avais eu que l'intention de <me> confesser, ne pouvant faire mes dévotions ce carême, et <à> minuit j'allai¹¹ à matines¹² pour une nuit, quelle nuit! quel¹³ clair de lune! Et en b<a>s j'eus une messe dans une des églises des пещеры près du vieux затворник où je fus toute seule et où j'eus le bonheur de communier. N<ou>s devions repartir à 9 ce jour même, quand au sortir de la messe on m'annonça que n<ou>s restions encore deux jours p<ou>r cause d'indisposition de l'Imp<ératrice> (qui a eu certaines choses avant terme). Juge de mon plaisir. N<ou>s passons nos journées en promenades délicieuses, nos soirées à jouir d'une nuit et d'une vue idéales. Auj<ourd'hui> nous avons encore la messe aux пещеры avec les enfan<t>s et avons parcouru les пещеры du haut en bas.¹⁴ Dans la journée la *chaleur ne permet pas de sortir*. N<ou>s partons demain, les trois jours me resteront comme un des meilleurs souvenirs de ma vie. Comme on jouit d'une belle nature après cette longue et amère privation d'une existence passée à Pétersbourg. Le temps me manque pour te rendre toutes mes impressions. De grâce envoie cette lettre à papa et à Darie, car je n'aurai pas le temps de leur refaire à part toute cette description, et pourtant je tiens à vous faire partager un tant soit peu mes délicieuses impressions. Je t'embrasse. Serge déclare: Я купил это место, Мари может купить Москву, а я купил это место.

Je t'embrasse et Darie et papa et maman.

Anne

Перевод:

Дорогая Китти,¹⁵ я пишу тебе из этого очаровательного места, где мы уже три дня и где я себя поистине чувствую как в раю. Я бы никогда не поверила, что наша плоская и однообразная страна может таить в себе столь живописное и поэтичное место.¹⁶ Мы приехали 9 августа вечером. Солнце только что село, луна восходила и серебрила своими таинственными отблесками великолепные дубовые леса, которые нужно пересечь, прежде чем прибыть в монастырь. Внезапно при выходе из леса¹⁷ перед нами предстала огромная синяя скала, освещенная тысячами огней, отражающимися в глубоких водах Донца. Монастырь тоже был украшен огнями и восхитительно выделялся на темном фоне лесистых холмов. Невозможно передать очарование и величие этого вида, меняющегося каждый час дня или ночи, в зависимости от того, как солнце и луна освещают его в разные часы. Это поэтическая греза. От отмеченного мною крестиком дома г-жи Потемкиной¹⁸ всегда разворачивается перед глазами эта очаровательная панорама. В первый вечер вся местность была украшена бенгальскими огнями, невозможно представить себе ничего прекраснее. На другой день утром мы пошли к обедне в монастыре,¹⁹ чтобы затем посетить *пещеры*, потому что вся эта огромная скала изнутри пронизана подземными ходами, идущими сверху донизу. На вершине скалы находится церковь Св. Николая,²⁰ высеченная в скале и увенчанная позолоченным куполом. Именно со стороны естественной террасы вид на всю местность оказывается таким величественным и восхитительным. Оттуда выкопаны коридоры в глубине скалы, там и тут кельи для древних²¹ *отшельников* (в настоящее время там внизу живет только один *затворник*²²), одна церковь <посвящена> Св. Иоанну Крестителю,²³ одна Св. Алексею.²⁴ Коридоры спускаются к подножию горы в новый монастырь, отсюда мы поплыли на лодке в *скит*,²⁵ расположенный в лесу и окруженный естественной *оградой* скал, так что доступ к нему возможен только со стороны воды. После обеда мы совершили очаровательную прогулку к маленькой хижине, расположенной на горе на том месте, где князь Потемкин, которому Екатерина II подарила эту землю, хотел построить себе дом.²⁶ Мы возвращались при идеальном лунном свете, сопровождаемые церковными песнопениями в исполнении певчих г-жи Потемкиной. Монастырь снова

был освещен, и большая скала выделялась в реке огненным силуэтом. На обратном пути я ускользнула, чтобы пойти в церковь, я исповедовалась у одного старого и преевостного монаха, который, несмотря на мое беспокойство совести, настоял, чтобы я причащалась завтра, хотя у меня не было времени, чтобы к этому подготовиться. Я не смогла исполнить свой <христианский> долг в эту Четыредесятницу, и поэтому я имела намерение только исповедаться, и в полночь я пошла к утрени. Что за ночь! Что за лунный свет! А потом я была у обедни в одной из церквей в *пещерах* у старца *затворника*,²⁷ где я была совсем одна и где имела счастье причаститься. Мы должны были уехать в 9 <часов вечера> того же самого дня, когда при выходе с обедни мне сообщили, что мы остаемся еще на два дня из-за недомогания Императрицы (у которой кое-что случилось раньше срока).²⁸ Судя о моем удовольствии. Дни мы проводим в восхитительных прогулках, а вечерами наслаждаемся идеальными ночью и видом. Сегодня у нас еще одна литургия в *пещерах* с детьми,²⁹ и мы прошли *пещеры* сверху донизу. В течение дня *жара* не позволяет выходить. Завтра мы уезжаем, эти три дня останутся для меня одними из лучших воспоминаний моей жизни. Как наслаждаешься прекрасной природой после долгого и горького лишения ее при петербургском существовании. У меня нет времени передать тебе все мои впечатления. Отправь, умоляю, это письмо папа и Дарье,³⁰ потому что у меня не будет времени заново для них отдельно предпринять все это описание, а все же я хочу немножко поделиться с вами своими приятнейшими впечатлениями. Обнимаю тебя. Серж объявил: *Я купил это место, Мари может купить Москву, а я купил это место.*

Обнимаю тебя и Дарью, и папа, и мама.³¹

¹ В автографе в конце слова ошибочно написана и зачеркнута буква «s».

² В автографе: «C'ts», сокращение от «C'est tous», а не от «C'est tout», чего требовала бы грамматика.

³ В автографе: «tous».

⁴ У автора без дефисов и без запятой.

⁵ Перед этим зачеркнуто: «frères».

⁶ В автографе без дефиса.

⁷ Далее начато и зачеркнуто: «jea».

⁸ В автографе: «je m'échappais», т. е. imparfait («я уклонялась») вместо passé simple («я уклонилась»). В произношении эти формы не различаются.

⁹ В автографе: «je confessais»; та же самая ошибка: imparfait вместо passé simple, а также неверный выбор прямого глагола («я исповедала») вместо возвратного («я исповедовалась»).

¹⁰ Вместо предлога «chez» здесь требовался бы предлог «à». Автор использует русскую синтаксическую конструкцию «исповедоваться у такого-то» вместо французской «исповедоваться такому-то». Возможно, это отчасти связано с религиозными предпочтениями, так как для православных не совсем естественно сказать «исповедуюсь священнику» (а не Богу у священника).

¹¹ В автографе: «j'allais» (imparfait вместо passé simple).

¹² В автографе ошибочно: «mâtines».

¹³ Исправлено, было: «quelle».

¹⁴ В автографе: «embas».

¹⁵ Екатерина Федоровна Тютчева (1835–1882), сестра А. Ф. Тютчевой, фрейлина, писательница, переводчица.

¹⁶ Ср. в книге А. Н. Муравьева: «Не могут довольно насытиться такими видами взоры, от них отвыкшие, после однообразия северных равнин» ([Муравьев А. Н.]. Впечатления Украины и Севастополя. СПб., 1859. С. 3). Писатель характеризовал святогорский пейзаж так: «...отрывок иной лучшей страны, нечаянно брошенный в сию пустыню» (Там же).

¹⁷ То же ощущение «внезапности» открывшегося пейзажа, только не при выходе из леса, а на монастырском берегу, у дверей храма в скале, передано и Муравьевым: «...невольно потрясается сердце, еще исполненное звуками божественных песней, когда внезапно видишь пред собою, при выходе из скалы, самое чудное зрелище: и мирный Донец в его глубокой долине, окованный отовсюду меловыми утесами, и необозримую лесную дебрь, как море зелени...» (Там же).

¹⁸ Татьяна Борисовна Потемкина (урожд. кнж. Голицына; 1797, по др. свед. 1801–1869) — статс-дама, благотворительница; принимала активное участие в восстановлении Святогорского монастыря. В РНБ сохранилось 366 ее писем к настоятелю монастыря, архимандриту Герману (Клице), за 1859–1869 годы. Их публикация была начата О. В. Евдокимовым в третьем (2020) и четвертом (2021) выпусках «Святогорского альманаха». А. Ф. Тютчева отметила крестиком на

гравированном изображении Святых Гор (л. 42) усадьбу Потемкиных. После 1917 года она была разграблена и до наших дней не дошла.

¹⁹ Служба совершалась в нижнем, Успенском, храме, который и во время запустения монастыря продолжал оставаться действующим в качестве приходского. Ср. в письме Н. С. Соханской к П. А. Плетневу от 26 августа 1849 года: «Церковь эта была соборною во времена древнего монастыря; она во имя Успения Божией Матери; очень не велика, каменная; построение ее относят к 1698 г. — простая церковь с иконостасом к самому верху и с вызолоченными серебряными венцами на наместных иконах» (цит. по: *Фетисенко О. Л.* Четыре Лавры: монастырская тема в художественном, публицистическом и эпистолярном наследии Кохановской (Н. С. Соханской) // Два века русской классики. 2019. № 2. С. 104). В 1852–1854 годах собор был перестроен, воздвигнут новый иконостас.

²⁰ Никольская церковь на вершине меловой скалы была построена в XVII веке. «Как хороша эта церковка, как бы приклеенная к горам!» — писала Соханская Плетневу 10 мая 1848 года (цит. по: Там же. С. 99). После возобновления пустыни к храму был пристроен южный придел, создан новый иконостас. Церковь была вновь освящена 16 августа 1851 года епископом Филаретом (Гумилевским), ныне прославленным во святых. В 1922-м храм был razорен, богослужение в нем восстановлено в 1996 году. См.: Архитектурный ансамбль Святогорской Лавры. Святые Горы, 2021. С. 8.

²¹ Перед этим зачеркнуто: «братий».

²² Имеется в виду иеросхимонах Иоанн (в миру Иоанн Крюков, в монашестве Иоанний; 1795–1867). 17 лет (с 1852-го) он подвизался в пещерах меловой скалы Святогорского монастыря; канонизирован в 1995 году как местночтимый святой Украинской Православной церкви Московского патриархата, в 2003-м состоялось общецерковное прославление. См. о нем: Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. М., 1878; *Ковалевский А.* Житие и подвиги Иоанна, затворника Святогорского. Харьков, 1880; Святогорский патерик: В 3 т. Святогорск, 2008. Т. 2. Житие и подвиги преподобного Иоанна Затворника Святогорского.

²³ Храм во имя Рождества св. Иоанна Предтечи расположен на втором ярусе пещер. «Квадратное в плане помещение площадью 42 м² имеет в центре меловой столп с опирающимся на него сводом. <...> Храм относится к начальному времени основания пещерной обители <...>. После возобновления Святогорской Успенской пустыни в 1844 г. храм был восстановлен с устройством иконостаса на средства предводителя Изюмского уездного дворянства Ивана Малиновского (лицейского однокашника Пушкина. — О. Ф.) и освящен в 1848 г. в честь святителя Николая Чудотворца, в 1851 г. переосвящен в честь святого Иоанна Предтечи» (Архитектурный ансамбль Святогорской Лавры. С. 4).

²⁴ Этот храм на первом ярусе пещер был ко времени написания письма самым новым в обители. «Храм устроен в 1860–61 г. трудами святогорских иноков к югу от погребения первого по возобновлении обители настоятеля архимандрита Арсения, почившего 12 октября 1859 г. Освящен архимандритом Германом (Клицей) 10 мая 1861 г. во имя прп. Алексия, человека Божия — небесного покровителя архимандрита Арсения при крещении...» (Там же. С. 5).

²⁵ «Антоние-Феодосиевский скит расположен на небольшой площадке к востоку от Лавры у подножия горы при древнем пещерном храме преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. <...> Храм относится ко времени первоначального основания обители, в XVII–XVIII вв. был разрушен и утерян, обнаружен при возобновлении монастыря в 1844 г. Воссоздан и освящен <...> в 1846 г. свт. Иннокентием (Борисовым), еп. Харьковским. При входе в храм было устроено кладбище с родовыми усыпальницами и отдельными захоронениями ктиторов обители...» (Там же. С. 6).

²⁶ После упразднения монастыря кн. Г. А. Потемкин попросил императрицу пожаловать ему «Святогорскую дачу». См. об этом: *Дедов В. Н.* Святогорский Успенский монастырь в деяниях его настоятелей (по архивным документам XVII — начала XX века) // Святогорский летописец. Вып. 4. С. 93.

²⁷ См. прим. 22 и 23.

²⁸ Имеется в виду преждевременное наступление месячных. Императрица, вероятно, хотела дожидаться окончания цикла, чтобы иметь возможность причаститься в обители или хотя бы приложиться к ее святыням.

²⁹ Имеются в виду воспитанники Аксаковой великая княжна Мария Александровна (1853–1920) и великий князь Сергей Александрович (1857–1905).

³⁰ Дарья Федоровна Тютчева (1834–1903) — сестра А. Ф. Тютчевой, фрейлина.

³¹ Эрнестина Федоровна Тютчева (урожд. бар. фон Пфеефель, в первом браке бар. фон Дернберг; 1810–1894) — вторая жена Тютчева, мачеха Анны, Дарьи и Екатерины Тютчевых.

**«МИЛЕНЬКИЙ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕХОВ»
(А. П. ЧЕХОВ В ДНЕВНИКЕ Ф. Ф. ФИДЛЕРА:
ФАКТЫ, МНЕНИЯ, СЛУХИ, СПЛЕТНИ)***

Федор Федорович Фидлер (1859–1917) — примечательное имя в истории русской культуры. Обычно его называют коллекционером и переводчиком, реже вспоминают о педагогической деятельности (многолетняя работа в петербургских гимназиях была его основным средством заработка). Из дня сегодняшнего можно было бы добавить, что Фидлер был культуртрегером и куратором, организатором многочисленных литературных собраний и встреч. Свою огромную коллекцию он мечтал превратить или передать в музей, однако она рассеялась, исчезла как целое в революционных перипетиях. Главным свидетельством жизни Фидлера оказался дневник. По хранящейся в Пушкинском Доме рукописи и осуществлена публикация К. М. Азадовского.¹

До этой книги информации о контактах и общении Фидлера с Чеховым было немного: четыре коротких письма (фактически — записки) писателя, девять писем Фидлера к нему, несколько книжных инскриптов и запись в альбоме: «Примечание к автографу А. С. Суворина: слово „изречение“ пишется через е, а не через ять. 7.1.1892. Антон Чехов».²

Согласно «Указателю имен», в дневнике Фидлера на 670 страницах имя Чехова встречается 143 раза, т. е. практически на каждой пятой странице, причем это и простые упоминания, и развернутые суждения или эпизоды на две-три страницы.

Пожалуй, это самый обширный биографический источник за последние десятилетия, когда не раз возникали предложения *заткнуть фонтан* и «запретить любую публикацию, чтение, даже упоминание Чехова в следующие 20 лет, чтобы воскресить свежесть восприятия».³

Чеховеды, скорее, приняли к сведению, чем активно используют дневник Фидлера. Пока невыполненным предстает пожелание рецензента: «...благодаря долгожданному русскому переводу дневников, выполненному К. Азадовским, ситуация на исследовательском рынке, будем надеяться, качественно изменится, и „научный оборот“ фидлеровских материалов возрастет в разы».⁴

Между тем чеховский материал дневников нуждается как во внимательном пристальном чтении, так и в критике. При этом он может дать понятие и о том, какими предстают в дневнике другие многочисленные персонажи «из мира литераторов».

Первый парадокс: хотя в дневнике Фидлера много Чехова, но мы мало что узнаем о нем как писателе. Произведения Чехова, как правило, упоминаются собеседниками Фидлера (именно упоминаются, а не хоть как-то характеризуются!) всего десять раз,

* Выражаю искреннюю признательность К. М. Азадовскому, без его многолетних трудов по расшифровке, переводу и комментированию дневника Ф. Ф. Фидлера настоящая работа была бы невозможной.

¹ Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., прим., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. См. также: Азадовский К. М. Новое о Чехове (По материалам «Дневников» Ф. Ф. Фидлера) // Ленинградская панорама. Литературно-критический сборник. СПб., 1988. С. 366–377.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т. М., 1982. Соч. Т. 18. С. 32. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы; тома писем обозначаются литерой «П».

³ Рейфилд Д. Что еще мы сможем сказать о Чехове? // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М., 2007. С. 32.

⁴ Сапожков С. В. Ф. Ф. Фидлер. Из мира литераторов: Характеры и суждения // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 494.

причем некоторые записи демонстрируют удивительное равнодушие автора дневника к Чехову-писателю.

Особенно любопытна запись разговора Фидлера с Вас. И. Немировичем-Данченко, который встречался с Чеховым в Ницце: «„— Пишет ли Чехов что-нибудь?“ — „Да. Своего «Патагонца» он написал, так сказать, в моем присутствии. А знаете, как он пишет? Сидит часами в темной комнате и что-то обдумывает, потом выходит, записывает несколько строк и удаляется обратно“» (19 декабря 1897 года; с. 212).

Замечание о творческой лаборатории Чехова, конечно, колоритно, но что за «Патагонца» он писал? Рассказ «Печенег», о котором, вероятнее всего, идет речь, был напечатан за полтора месяца до этого («Русские ведомости», 1897, № 303, 2 нояб.), но ни Немирович-Данченко, ни Фидлер, кажется, его не читали.

Зато конкретные подробности — участники встреч, рестораны и трактиры, порядок рассадки, меню выпивки и закуски, темы разговоров — Фидлер воспроизводит скрупулезно и дотошно. Если воспользоваться шуткой современного редактора и критика (А. В. Василевского), в дневниках Фидлера отражается не столько литературная жизнь, сколько «интересная литературная ЖЫзнь» — пестрый бытовой сор окружавших Фидлера литераторов.

Однако благодаря Фидлеру чеховская биография дополняется бесспорными фактами. В именном указателе старой «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» (1955), составленной Н. И. Гитович, имя Фидлера отсутствует. В новой, пока неоконченной «Летописи...» зафиксировано девять встреч, причем с перечислением участников, известию о месте, поводах.

«Позавчера у меня собралось литературное общество (более двадцати человек). <...> Чехов переходил, так сказать, из рук в руки» (1 января 1893 года; с. 104).

«Вчера ужинал у Лейнера с Антоном Чеховым, Потапенко и Баранцевичем. Вид у Чехова совсем не чахоточный; подозрительно лишь его постоянное покашливание...» (8 февраля 1895 года; с. 148).

«Вчерашний Обед беллетристов был малоинтересен. Присутствовали: Немирович-Данченко, слева от него — Антон Чехов, дальше — Потапенко, А. С. Суворин, Мордовцев, я, Черниговец-Вишневский, Величко, Мясоедов, Позняк, Сыромятников, Полевой, Авенариус, Лейкин, Седой (Александр Павлович Чехов), Быков и Гнедич. С Чеховым мне не удалось обменяться и десятком слов; завтра он должен срочно ехать в Москву» (13 января 1896 года; с. 172).

Если поговорить и обменяться все-таки удастся, Фидлер замечает некоторые словечки, бытовые детали и даже анекдоты.

«Вместо „ничуть“, „ни следа“ и т. д. Чехов употребляет выражение „ни хера“» (8 февраля 1895 года; с. 149). Вероятно, надо бы добавить: только в своем (мужском) кругу.

«Когда он (Потапенко) находился вместе с Антоном Чеховым в южной России, где звук „и“ произносится как „ы“ («мыло» вместо «мил^о»), Чехов имел обыкновение шутить: „C'est très savon“. («Это очень мыло», т. е. «мил^о»)» (27 марта 1913 года; с. 603).

«Однажды Чехов сказал ему <А. И. Куприну> об Елпатьевском: „Зачем он пишет под этим псевдонимом?“ — „Но ведь это не псевдоним, а его настоящее имя“. — „Нет, его настоящее имя — Нестор Кукольник!“» (8 декабря 1903 года; с. 364).

«В записи от 14 января я забыл привести анекдотическую историю, рассказанную Чеховым: „Типограф Голике сказал, что Полонский просил его привести меня к нему. Вскоре после этого приглашения мы в один прекрасный день отправились к нему. Голике подает служанке свою визитную карточку. Мы входим. Мой спутник счел излишним представлять меня. Садимся. Началась частная беседа, во время которой Полонский постоянно обращается к Голике, меня же полностью игнорирует. Это смутило не только меня, но и самого Голике, и он довольно искусно обратил внимание Полонского на мое присутствие и назвал мое имя. Изумленный Полонский поднимается и говорит: «Так, значит, Вы — Чехов? Скажите! А я-то думал, что Вы — и здесь он посмотрел на визитную карточку — Гуликóв!!!» И долго еще знакомые называли меня: Гуликóв“» (17 января 1893 года; с. 109–110).

Иногда записи Фидлера затрагивают существенные факты чеховской биографии.

В давнем споре *любил или не любил* Чехов Л. А. Авилову, кажется, многое объясняет такой эпизод. «Потапенко дал ему сорок копеек, которые Чехов, улыбнувшись, сунул в карман со словами: „Дают — бери!“ (А произошло вот что: вчера оба были у Лейкина; требовалось проводить домой Авилову, но ни одному из них не хотелось; в конце концов, Чехов согласился; теперь Потапенко вернул ему сорок копеек, которые Чехов дополнительно заплатил извозчику от Николаевской до Эртелева переулка; для Потапенко это был способ ускользнуть от Авиловой, живущей на Николаевской недалеко от его дома. Все добродушно посмеялись над практичностью Чехова)» (11 февраля 1895 года; с. 149). Дело, конечно, не в практичности: писатели явно играют в нее. Но сентиментально-трогательный рассказ Авиловой о «романе моей жизни» в свете такого провожания вызывает дополнительные сомнения.

Через восемнадцать (!) лет, уже после смерти Чехова Фидлер фиксирует иное: «Потапенко — с ним пришла его дочь Туся (курит) — рассказывал за ужином, что Антон Чехов был одно время женихом Лидии Алексеевны Авиловой (это говорил ему сам Чехов). Но „к счастью“ (чеховское выражение) брак не состоялся» (17 марта 1913 года; с. 601–602). Однако это уже не непосредственное свидетельство очевидца, а рассказ через вторые руки (к вопросу об их достоверности мы вернемся чуть позже).

На фоне относительного успеха московской премьеры «Вишневого сада» (17 января 1904 года), которой, однако, сам Чехов был не совсем доволен, представляет большой интерес подробный дневниковый отчет Фидлера о первой постановке во время петербургских гастролей (1 апреля 1904 года), где он обратил особое внимание на поведение М. Горького. «Только что вернулся с премьеры „Вишневого сада“. Актеров вызывали после каждого акта лишь по три-четыре раза, под конец — восемь раз. А когда кончился спектакль, автора стало требовать около тридцати голосов. Между тем все места были заняты. Пьесу, таким образом, встретили прохладно.

Во втором ряду сидел Горький (в своем обычном костюме), рядом с ним — его оруженосец Пятницкий; во время антрактов он ни разу не покинул своего кресла. Публика наблюдала за ним в бинокль, он же сидел, не поворачивая головы. Я тоже наблюдал за ним и заметил, что он ни разу не аплодировал. Лишь с актрисой М. Ф. Андреевой (она играла в спектакле) он обменялся улыбками. <...> — Когда я спросил Трахтенберга, что он думает о пьесе, он тихо ответил: „Если я выскажу свое мнение вслух, меня сочтут варваром в области искусства, но думаю, что девизом этой пьесы могла бы стать гугернантка Шарлотта Ивановна — она вполне подошла бы как устроительница эффеков“» (1 апреля 1904 года; с. 370).⁵

Значительное число записей посвящено литературной репутации Чехова: разнообразным оценкам, сравнению его с современниками и предшественниками. Если принять дневник Фидлера за единственную объективную картину эпохи, можно подумать, что писатели не столько сочиняли, сколько выпивали, злословили и бесконечно выясняли, кто выше кого. Среди собеседников-информантов Фидлера у Чехова, согласно его ранней юмореске «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.», есть *белокурые друзья и рыжие враги* — причем в довольно неожиданных сочетаниях и союзах.

Рыжими оказываются М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, Д. Н. Мамин-Сибиряк и, как ни странно, автор одной из первых аналитических статей о Чехове Д. С. Мережковский.

⁵ Это свидетельство противоречит (по вполне понятной причине) восторженному телеграфному отчету Вл. И. Немировича-Данченко: «Успех в смысле всеобщего восхищения огромный и больше, чем на какой-нибудь из твоих пьес» (см.: *Гитович Н. И.* Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955. С. 800). Первый петербургский спектакль здесь ошибочно, по отправленной на следующий день телеграмме Немировича-Данченко, датируется 2 апреля. Правильная дата дается в Полном собрании сочинений (13, 499). Реакция Горького вполне подтверждается скептическим отзывом в письме «оруженосцу» К. П. Пятницкому (22 октября 1903 года): «Слушал пьесу Чехова — в чтении она не производит впечатления крупной вещи. Нового — ни слова. Всё — настроения, идеи — если можно говорить о них — лица, — все это уже было в его пьесах. Конечно — красиво, и — разумеется — со сцены поевет на публику зеленой тоской. А — о чем тоска — не знаю» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 3. С. 218).

В представлении первого у Чехова оказываются «мазурнические глаза» (5 ноября 1892 года; с. 101), он «большой холоп» (10 августа 1900 года; с. 310), к тому же страшный скупердай. «Альбов рассказывал сегодня, что когда он в первый раз отправился в Полтаву, с ним вместе ехал Чехов. „Он такой скупой: на станциях, где мы ели и пили, ни разу не дал на чай ни одной копейки; мне было стыдно перед официантами“» (5 марта 1900 года; с. 306).

Любопытно, что чеховская скупость и альбовский стыд, о которых он почему-то вспоминает только через восемь (!) лет, не подтверждаются никакими другими источниками. В параллельном чеховском письме-отчете А. С. Суворину (22 ноября 1892 года) нет упоминания ни о знакомом спутнике, ни о еде-питье. Писатель назвал себя скрягой по другому поводу и, кажется, предпочитал сон ночному чревоугодию. «Из Петербурга в последний раз я ехал в спальном вагоне III класса. Сосед курил вонючую сигару, спать пришлось наверху, рядом с полкой, которая всю ночь резала мне бок. У меня были деньги на курьерский поезд, и почему мне пришла охота разыграть из себя скрягу, не могу понять» (П 5, 131).

Иногда Альбов был более снисходителен, отчасти переходя в лагерь белокурых друзей. «Прошлую ночь провел в городе у Альбова. <...> Собираясь лечь спать, он взял том Чехова (лежа в постели, он должен хотя бы полистать книгу) и сказал: „Беру свои слова обратно: он все же большой писатель!“» (20 мая 1906 года; с. 434–435).

Сходными оказываются и колебания Баранцевича. С одной стороны, он представляет Чехова «литературным сыном» (20 декабря 1908 года; с. 509) и в то же время — «родоначальником современных литературных хулиганов». «Так, в присутствии Баранцевича Чехов покровительственно похлопал старика Плещеева по животу и спросил: „Ну, как дела, старче?“ Филиппов согласился с Баранцевичем и рассказал, как высокомерно держал себя однажды Чехов по отношению к старику Суворину. Это было в Москве...» (28 июля 1908 года; с. 497–498).

Но двумя десятилетиями ранее, когда известность Чехова была, пожалуй, меньше, чем его «отца», Баранцевич оказался менее завистливым и более проникательным: «Разговор зашел об Антоне Чехове. „Это у нас самый талантливый писатель, он создаст со временем нечто великое... Я был бы счастлив, если б мне удалось написать такое произведение, как «Степь»! Сколько поэзии в этом повествовании!..“» (18 июля 1889 года; с. 69).

Любопытно, что и здесь рассказ Баранцевича/Филиппова противоречит другим свидетельствам об отношениях Чехова со стариками из «Северного вестника» и «Нового времени», представляя, скорее, не реальные факты, а сплетню, вроде бы подтвержденную «свидетельством очевидца».

Так же колеблется Мережковский, который то из современных писателей «хвалит только Чехова», правда вместе с ним «превозносит» Фофанова (9 октября 1894 года; с. 140), то «считает Альбова гораздо более крупным писателем, чем Антона Чехова» (6 марта 1899 года; с. 254).

Иногда «литературная жЫзнь» представляет/поставляет удивительные дубли/гримасы.

Вот разговор Фидлера с И. И. Ясинским (А. С. Мелкова подозревала его в написании под псевдонимом Фидэль брошюры «Новая книга о Чехове (Ложь в его творчестве)».⁶ «„Каких современных русских романистов ты считаешь наиболее значительными?“ — спросил я, и он, засмеявшись, ответил: „Себя самого, потом Альбова, Короленко и Чехова“» (3 октября 1890 года; с. 75).

А вот рассказ самого Чехова в передаче Бунина: «Однажды он сказал (по своему обыкновению, внезапно):

— Знаете, какая раз была история со мной? И, посмотрев некоторое время в лицо мне через пенсне, принялся хохотать:

— Понимаете, поднимаюсь я как-то по главной лестнице московского Благородного собрания, а у зеркала, спиной ко мне, стоит Южин-Сумбатов, держит за пуговицу

⁶ См.: Мелкова А. С. Под маской Фидэля // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2016. Т. 3. С. 779–788.

Потапенко и настойчиво, даже сквозь зубы, говорит ему: „Да пойми же ты, что ты теперь первый, первый писатель в России!“ — И вдруг видит в зеркале меня, краснеет и скороговоркой прибавляет, указывая на меня через плечо: „И он...“.⁷

На этом фоне особенно отчетливо выступают отзывы *белокурых друзей*, очень далеких друг от друга людей. В. И. Бибилов назовет «шедевром» ту же «Степь» (5 января 1889 года; с. 56). Оказывается, «бредит Чеховым» А. И. Куприн: «Одним-единственным прилагательным он умеет выразить больше, чем мы силимся сказать на пяти страницах. Мы все по сравнению с ним — глупые дети, сосущие мокрую тряпку» (3 января 1904 года; с. 366). По мнению А. Л. Волынского, «такого подлинного писателя, как Чехов, будут читать и через сто лет» (21 апреля 1912 года; с. 579).

Наконец, самый важный (и самый сомнительный) аспект дневников Фидлера, отчасти уже затронутый выше. И несуществующий «Патагонец», и подробности поездки с Альбовым, и «Ну, как дела, старче?» — эпизоды, которые можно мягко назвать слухами или даже сплетнями, — идут здесь в одном ряду с объективными, проверяемыми фактами. В некоторых чувствительных для биографии Чехова случаях они превращаются в очевидное *вранье* (врет, как очевидец!), опровергаемое другими объективными свидетельствами. Причем, как правило, подобные версии возникают *post factum* и получаются Фидлером уже не из вторых, а из третьих рук.

В истории с чеховской женитьбой в дневнике даже выстраивается непредусмотренный, параллельный реальности сюжет.

«Забыл отметить, что позавчера в Союзе слышал чье-то утверждение, будто Антон Чехов женится вскоре на московской драматической актрисе Книппер. День бракосочетания был уже якобы объявлен, но жених заболел» (10 октября 1899 года; с. 287).

«Сегодня встретил Седого (Александра Чехова). Спросил его, действительно ли его брат Антон женится. „Другие его женят вот уже, наверно, в сотый раз; а на самом деле в этом нет ни слова правды!“» (11 октября 1899 года; с. 287).

Пока это просто слухи, вполне безобидные и сразу скорректированные.

Но когда событие свершилось, появляется более пикантная новость, излагая которую Фидлер почти на столетие опережает будущих биографов-расследователей адюльтера неверной чеховской жены. «Позавчера моя жена была у Чюминой, и та рассказала ей о своей близкой знакомой Книппер (жене Чехова). Примерно две недели назад она избавилась здесь от шестинедельного плода. При этом в течение Великого Поста она играла здесь в труппе Станиславского, а еще раньше — в Москве, тогда как ее супруг жил в это время в Ялте» (17 апреля 1902 года; с. 332).

Даже узнав, тоже в Германии, о смерти Чехова, Фидлер не горюет, а удивляется: «Мне вообще совершенно непонятно, как мог он ровно три года назад жениться на этой Книппер. Я помню ее по петербургским гастролям Художественного театра и должен сказать, что она производила на меня очень неблагоприятное впечатление: в ней было что-то холодное и кокетливо злое (разумеется, я не сужу о ней по ее ролям!). Она не была красива или молода, не отличалась особым дарованием и не пользовалась известностью в широких кругах. Чем она очаровала его, который мог ежечасно наслаждаться, по выражению Гейне, „бесплатным любовным счастьем“, — остается для меня полной загадкой. Да и верной ему женой она, конечно, тоже не была (кажется, в одной из этих тетрадей у меня об этом написано)» (4 июля 1904 года; с. 375).

Да, написано. Прочитав нечто подобное о пушкинской жене, Пастернак горестно пошутил: «Бедный Пушкин! Ему следовало бы жениться на Щеголеве и позднейшем пушкиноведении, и все было бы в порядке».⁸

Параллельная история Книппер-Чеховой разворачивается, расползается по логике сплетни-змеи в «Горе от ума». Кульминацией сюжета оказывается разговор с А. А. Измайловым. «Вчера в половине второго пришел Измайлов осмотреть мой „музей“; собирался уйти в четыре, но остался до девяти: столько нашлось для него интересного. Рассказывал: когда стало известно, что Чехов решил жениться на Книппер,

⁷ Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 486.

⁸ Пастернак Б. Л. Люди и положения // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 3. С. 320.

все очень удивились. А когда кто-то из близких к его семье стал его поздравлять, Чехов сказал: „К чему это? Ты же знаешь, что мы уже семь лет живем друг с другом как муж и жена!“» (5 сентября 1905 года; с. 415–415).

Кому стало известно? Когда этот кто-то рассказал столь пряную версию Измайлову? Любопытно, что это «вранье от первого до последнего слова» пересказывает будущий биограф Чехова, который в книге ограничится традиционной (и верной) версией:⁹ Чехов познакомился с О. Л. Книппер не за семь, а за два с половиной года до женитьбы (сентябрь 1898 года). Удивления «всех» тоже быть не могло, ибо венчание (25 мая 1901 года) состоялось практически тайно, в присутствии лишь четырех необходимых свидетелей, даже сестра и другие родственники узнали о нем с опозданием.

Правда, небольшое утешение все-таки есть. Через полтора месяца в разговоре со следующим информатором Фидлер узнает оправдательный мотив: «По отношению к своей жене он (Чехов. — И. С.) вел себя очень деликатно, хотя можно усомниться, действительно ли он ее любил (Немирович-Данченко уверял, что его брат Владимир никогда не состоял с ней в связи)». Именно Вл. И. Немировича-Данченко называли счастливым любовником и отцом несостоявшегося ребенка.

Однако та же запись оканчивается чудовищной подробностью: «Один врач, приятель Федорова, рассказывал ему следующее; он прибыл в Баденвейлер, чтобы лично познакомиться с Чеховым, но тот был уже мертв и находился в морге. Врачу разрешили приподнять покрывало. Он приподнял его и в ужасе отшатнулся: правый глаз Чехова совсем выкатился наружу и был размером с бильярдный шар» (20 октября 1905 года; с. 419–420).

Этот «один врач» (опять рассказчик рассказчику!) появился словно из какого-то романа ужасов.

В дневнике возникает — через восемнадцать лет! — и новая версия поведения Чехова после провала «Чайки». «...Жихарев рассказал,¹⁰ что видел собственными глазами, как оглушительно провалилась премьера „Чайки“. С ним в театре был Мамин. А по окончании представления оба отправились в „Малоярославец“. За соседним столиком сидели старик Суворин и Чехов (ходила легенда, что после спектакля он спешно отправился на Николаевский вокзал и — даже без головного убора — укатил прямо в Москву; значит, было не так!). Его внешний вид не выдавал внутреннего волнения. Он несколько раз подходил к Мамину и шутил с ним. Мамин представил Чехову Жихарева и предложил что-либо ему пожелать. И Чехов процитировал самого себя (кажется, из «Иванова»): „Не женись на актрисе и не женись на еврейке!“... А сам-то? Женился впоследствии на актрисе, которая — еврейка (Книппер)!» (13 апреля 1914 года; с. 634).

Неточность «легенды» здесь только в том, что Чехов уехал («укатил») в Москву не сразу после спектакля, а на следующий день, в двенадцать часов товарно-пассажирским поездом. Все остальное — сидение с Сувориным в «Малоярославце», шутки с Маминым, реплика Жихареву — приходится повторить — «вранье от первого до последнего слова».

Реальные события той ночи легко восстанавливаются по дневнику Суворина: «Сегодня „Чайка“ в Александрийском театре. Пьеса не имела успеха. Публика невнимательная, не слушающая, кашляющая, разговаривающая, скучающая. Я давно не видел такого представления. Чехов был удручен. В первом часу ночи приехала к нам его сестра, спрашивая, где он. Она беспокоилась. Мы послали в театр, к Потапенко, к Левкеевой <...>. Нигде его не было. Он пришел в 2 ч. Я пошел к нему, спрашивая, где вы

⁹ См.: Измайлов А. А. Чехов. Биографический набросок. М., 1916. С. 490. Но на одной странице Измайлов ухитряется допустить две ошибки: венчание состоялось в Москве, а не «в одной из ялтинских церквей», из-под венца «супруги Чеховы» отправились не «за границу», а в Уфимскую губернию. Между тем автор новейшей ценной работы об А. А. Измайлове цитирует Фидлера от 5 сентября 1905 года без всякого комментария, как одно из «важнейших сведений о Чехове от прямых свидетелей его жизни» (см.: Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. СПб., 2025. С. 523).

¹⁰ Жихарев Степан Сергеевич (1861–1930) — врач-невропатолог, близкий знакомый Фидлера. «Жихарев рассказал...» — частая формула в дневнике.

были? „Я ходил по улицам, сидел. Не мог же я плюнуть на это представление... Если я проживу еще 700 лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы. Будет. В этой области мне неудача“. Завтра в 3 ч. хочет ехать» (17 октября 1896 года).¹¹

И все не дает покоя автору дневника О. Л. Книппер: соотечественницу-немку он, ко всему прочему, записывает в еврейки.

Совершенно справедливо утверждение публикатора К. М. Азадовского: «...Дневник Фидлера гарантирует только *аутентичность* (точность воспроизведения), но никак не достоверность (истинность) приведенных в нем „суждений“ и „мнений“» (с. 21). Случай Чехова очевидно показывает, что использовать этот источник без дополнительной проверки просто опасно.¹²

Но как раз Чехов — не подозревая об отраженном в дневнике Фидлера его образе — оставил наиболее лестное суждение об авторе. В самой книге оно присутствует в двух версиях.

«Баранцевич повернулся ко мне: „А знаешь, как назвал тебя Антон Павлович, когда мы возвращались от Лейнера? *Неугасимая лампадка перед лицом русской литературы!*“ — „Правда?“ — Чехов: „Да, это про Вас!“ Баранцевич: „Он это непременно запишет, ведь он ведет...“» (11 февраля 1895 года; с. 150).

Во вступительной статье дается чуть иная версия: «неугасимая лампада перед иконой русской литературы» (с. 23). В частном письме К. М. Азадовский уточнил: слова Чехова «Неугасимая лампадка пред иконой русской литературы» приведены в дневнике по-русски.

Некоторые читатели предполагают в этой роскошной метафоре иронический подтекст. Но сам Фидлер воспринимал ее всерьез, как объективную оценку его трудов. Однако ответной любезности Чехов не дождался.

В день пятидесятилетия писателя, замеченный во всей России, ознаменованный многочисленными публикациями мемуаров, писем, юбилейных сборников и просто статей, Фидлер подводит свой итог:

«Сегодня Чехову исполнилось бы пятьдесят лет. Для меня он всегда был „миленький маленький Чехов“, но нынешняя печать (разумеется, только русская) ставит его даже выше Тургенева и Толстого. О людях такого сорта Баранцевич сказал: „*Что они с ним носят, как дурак с писаной торбой!*!“ Когда я в шутку предложил ему воспеть Чехова стихами в моем альбоме, он ответил: „*Ну нет! Пусть этим занимаются молодые, не помнящие родства*“. — Вчера он должен был читать на каком-то чеховском вечере, но отказался и не пошел: „Я бы там совсем затерялся среди актеров!“» (17 января 1910 года; с. 528).

Есть анекдот про знаменитого хирурга, пришедшего на концерт Шаляпина. Он начал неистово аплодировать сразу после появления артиста на сцене, хотя никогда раньше его не слышал. А на вопрос «почему?» ответил: «При чем тут голос? Смотри, какой скелет!»

Фидлер — негатив этого хирурга. Он судит Чехова по несущественным признакам, не выделяет, а, напротив, заталкивает Чехова в толпу современников. Баранцевич оказывается для него большим авторитетом, чем Толстой, Горький, Бунин, Амфиотров и даже симферопольский педагог Вениамин Альбов, увидевшие самое главное — писателя, которого еще не было не только в русской, но и в мировой литературе.

Фидлер не смог по-настоящему оценить Чехова-писателя. Но и его самого — в итоге — белокурые друзья недооценили тоже.

«Вчера — самый грустный день моего рождения за последние тридцать лет. <...> Итак, я праздновал этот день в больнице, заказав себе для этого „торжества“ три бу-

¹¹ Суворин А. С. Дневник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 256.

¹² Характерный пример. В одной из рецензий на издание дневника вранье и истина помнялись местами: «Любопытен также и следующий факт, касающийся Чехова; оказывается, после скандального провала „Чайки“ в Александринском театре 16 октября 1896 года Чехов нигуда не уезжал, как обычно об этом писали, а его видели в ресторане Палкина на Невском, в обществе знакомых» (Руднев А. Перед иконой русской литературы // Литературная Россия. 2008. № 44).

тылки красного вина. Но поздравить меня явились лишь... <перечисляются шесть посетителей, в том числе С. А. Венгеров, и еще шесть, приславших поздравления, среди которых И. А. Бунин. — И. С.>. — А где ж остальные сто человек, которые этими вечерами и ночами сидели у меня и пили за мое здоровье, и воспевали меня в стихах и прозе?» (5 ноября 1916 года; с. 694–695).

Вопрос оказался риторическим. До следующего дня рождения Фидлер не дожил. Он умер через три с половиной месяца, на другой день после Февральской революции. Остальным, выжившим, на какое-то время стало не до Чехова, не до Фидлера, и вообще не до литературы.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-91-111

© М. М. Павлова

НЕИЗДАННЫЙ ОЧЕРК ФЕДОРА СОЛОГУБА И АНАСТАСИИ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ «ВСТРЕЧА С РАСПУТИНЫМ»*

Мемуарный очерк «Встреча с Распутиным» (1916–1917?), извлеченный из архива Федора Сологуба, хранящегося в Пушкинском Доме, принадлежит к обширному корпусу публицистических текстов писателя, относящихся к годам Первой мировой войны, Февральской революции и большевистского переворота. Весь этот массив, включающий злободневные статьи, путевые очерки, заметки, некрологи, письма в редакцию и т. п., публиковавшиеся главным образом на страницах «Биржевых ведомостей» / «Новых ведомостей» (основная площадка), «Жизни», «Петроградского голоса», «Вечернего звона» и др. (совокупно со статьями неизданными), остается, за малым исключением,¹ не описанным и не собранным.

Между тем этот по большей части актуальный газетный материал, в котором отражены события и атмосфера катастрофической эпохи, позволяет увидеть Сологуба с неожиданного ракурса: не только как мастера смелой политической инвективы в лучших образцах его публицистики (например, в статье «Песочный человек», опубл.: «Петроградский голос», 1917, 14 янв., № 8, с. 1), но и писателя с определенными социально-политическими амбициями, которые реализовывались в совместных с Ан. Н. Чеботаревской общественных начинаниях 1914–1918 годов («Русское общество изучения еврейской жизни» (1914–1915), «Общество „Искусство для всех“» (1915–1917), литературная курия Союза деятелей искусства (1917–1918) и др.).

Наряду с устоявшимся сологубовским имиджем — «кирпич в сюртуке» (шутка, оброненная В. В. Розановым в середине 1890-х годов),² существовал и другой, в полную меру раскрывшийся в 1910-е годы: «Сологуб был, скорее, динамит в сюртуке, — вспоминал Д. В. Философов, полемизируя с Розановым. — А сюртук, крашенный под провинциальные квартирки, лампадку он любил потому, что они охраняли его динамит от опасных внешних толчков».³

* Приношу сердечную признательность Наталье Владимировне Скворцовой за консультацию и ценные библиографические сведения.

¹ Более сорока статей Сологуба 1914–1918 годов составили публикацию: *Сологуб Ф.* Публицистика Первой мировой войны / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы.* М., 2014. С. 16–165.

² *Гиппиус З.* Орывочное (о Сологубе) // *Гиппиус З. Н. Живые лица* / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова. М., 1991. С. 368.

³ *Философов Д. В.* Облики Сологуба // *За свободу* (Варшава). 1927. 11 дек. № 284. С. 2–3; по автографу было напечатано: *Дюррант Д. С.* Из варшавского архива Д. В. Философова // *Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры.* 1998. Т. 2. № 4. С. 284–288.

Д. Бурлюк в мемуаре о Сологубе приводит разговор, состоявшийся между ними зимой 1915 года, на тему — стоит ли художникам участвовать в политике. «Сологуб со мной не согласился, — вспоминал рассказчик, — он не согласился с моим положением, что писателю надо, как и каждому в своем деле, всецело специализироваться, что писателю заниматься политикой „дилетантствуя“ вредно, как для последней, так и для самого творца». В ответ на его рассуждения Сологуб «вспылил», заявив, что нельзя лишать писателя общечеловеческих черт «соболезновать, сострадать, быть эхом и способным откликнуться на мольбу о помощи».⁴

В 1910-е годы литературно-художественный салон Сологубов в их квартире на Разъезжей (д. 31, кв. 4) становится местом политических дебатов, в которых участвуют интеллектуалы леворадикальных взглядов: литераторы, журналисты, ученые, профессоры, думцы, члены будущего Временного правительства. «Последнее такое собрание, — вспоминал П. Рысс, — состоялось накануне революции. Присутствовал „весь Петербург“, т. е. человек сорок политиков и писателей: покойные Н. В. Чайковский, М. М. Винавер, здравствующие М. Горький, Н. Суханов, П. Милюков, Е. Кускова и др. То был последний смотр еще окончательно не разьединенной радикальной интеллигенции».⁵

Газетная продукция Сологуба 1910-х годов, как уже не раз отмечалось, нередко была результатом сотворчества с Чеботаревской. Многие статьи, вышедшие под его именем, были написаны в соавторстве с нею или принадлежат ее перу.⁶ Согласно сведениям библиографической картотеки, составленной Сологубом, автором «Встречи с Распутиным» была Чеботаревская.⁷ Как и во множестве аналогичных случаев, текст, видимо, создавался супругами совместно. Рассказ ведется от имени Сологуба; правка в машинописном автографе сделана его рукой. Чья подпись могла бы стоять под текстом, будь он опубликован, можно только гадать, но в данном случае это не имеет существенного значения.

Фигура Григория Ефимовича Распутина-Новых (1869–1916) — одна из наиболее загадочных и провокативных в российской истории, наиболее изученных и изучаемых по сей день. Выпущенный в 1997 году издательством «Терра» сборник избранных исторических материалов, включающий актуальный с позиции историографии корпус воспоминаний и свидетельств о Распутине, в разные годы издававшихся в России и за рубежом, составил четыре тома (мемуары видных государственных и общественных деятелей, представителей династии Романовых, дворцовых служащих, иностранных дипломатов, военных, непосредственных участников убийства «старца», его поклонниц, писателей, деятелей культуры и др.);⁸ при этом источниковедческая база продолжает пополняться новыми документами и исследованиями.⁹

Первостепенный интерес в этой связи представляет фундаментальный научный труд «Григорий Распутин: pro et contra» (СПб., 2020), подготовленный С. Л. Фирсовым. В антологии предложен стереоскопический взгляд на фигуру Распутина, позволяющий рассмотреть его неоднозначную личность в широком диапазоне оценок и характеристик современников и историков: демиург, хлыст, «святой черт»,¹⁰ дьявол,

⁴ Бурлюк Д. Федор Кузьмич Сологуб // Бурлюк Д. Интересные встречи / Вступ. статья, сост. и комм. Л. А. Селезнева. М., 2005. С. 79, 77; впервые: Голос Родины (Владивосток). 1922. 7 янв. № 717.

⁵ Впервые: Рысс П. Я. За свободу (Варшава). 1927. 14 дек. № 286. С. 2–3. Цит. по: Рысс П. Портреты. Париж, 1928.

⁶ Этой теме посвящена публикация: Павлова М. М. Материалы к библиографии Ан. Н. Чеботаревской. Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии // Федор Сологуб. Разыскания и материалы: Сб. статей и публикаций / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 733–793.

⁷ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 546.

⁸ Научно-популярное издание, предназначенное для широкого круга читателей: Григорий Распутин: Сб. исторических материалов: В 4 т. / Сост. В. Крюков. М., 1997.

⁹ См., например: Гофштеттер И. А. Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории (по личным воспоминаниям). М., 2017.

¹⁰ Концепт, вынесенный в заглавие книги: Иллиодор (Сергей Труфанов). Святой черт. Житие блудного старца Гришки Распутина. М., 1990; впервые: Святой черт (Записки о Распутине) /

бесноватый, эротоман, «сибирский странник»,¹¹ «божий человек», пророк, святой старец, юродивый, мученик. На материале дореволюционной и революционной публицистики, документов, мемуаристики, разысканий исследователей, произведений художественной литературы Фирсов прослеживает, как складывался миф о всемогущем «Друге царей», как он обрастал новыми, подчас невероятными деталями и подробностями, пока этот миф изменялся и интерпретировался современниками, историками, писателями, деятелями культуры в зависимости от принадлежности их к той или иной социальной группе.

Очерк Сологуба и Чеботаревской, казалось бы, ничего существенно нового в осмысление образа Распутина не привносит, он интересен в первую очередь как факт их творческой биографии. Взятый в контексте общественных инициатив супругов в 1910-е годы, этот текст отчетливо характеризует их политические взгляды и общественное лицо и уже по этой причине заслуживает внимания. По афористически-точному заключению А. М. Эткинда (автора научного бестселлера «Хлыст: Секты, литература и революция», 1998), подхваченному многими исследователями распутинианы: «Не так уж интересно, был ли Распутин на самом деле сектантом; был ли он развратен; связан ли был с масонами и так далее. Важнее представить, кто его считал таковым, а кто нет; от чего зависели эти восприятия; и к каким действиям они вели. В мире Распутина история дискурса открывает более глубокую „правду“, чем история фактов».¹²

«Встреча с Распутиным» — эскиз, набросок к портрету, сделанный двумя литераторами, задавшимися вопросом, который имплицитно прочитывается за текстом, а в 1910-е годы волновал все образованное общество: как темный полуграмотный тобольский мужик, с репутацией хлыста, чье имя полоскалось на столбцах газет всех направлений в связи с громкими скандалами из-за его девиантного поведения, стал ключевой политической фигурой при дворе Николая II, «серым кардиналом», влиявшим на состав правительства, получение министерских портфелей, чинов, открытие или закрытие сессий Государственной думы и даже на военные решения Ставки верховного главнокомандующего, причем в критический период российской истории.

Интерес Сологуба к фигуре Распутина не был случайным; как и многие современники, он был вовлечен в общемодернистский дискурс о мистических сектах (по версии А. М. Эткинда, прототипом Георгия Трифодова в «Творимой легенде» послужил Александр Петрович Дубовицкий (1782–1848) — основатель секты «Духовные скопцы» хлыстовского толка).¹³ В 1908 году Сологуб встречался с Павлом Михайловичем Легкобытовым — главой петербургского хлыстовского корабля «Начало века». М. М. Пришвин, организовавший эту встречу (в которой принимали участие также А. Блок и А. Ремизов), 14 ноября записал в своем дневнике: «Вечер у Павла Михайловича. Чан. <...> Чтение Сологуба у хлыстов».¹⁴

Дознание по делу о причастности Распутина к хлыстовской секте возбуждалось Святейшим Синодом дважды, в 1907-м (дело Тобольской консистории) и в 1911 году, но в результате под давлением «сверху» было прекращено за недоказуемостью обвинения. Второй процесс сопровождался шумным скандалом (излагаем обстоятельства конспективно, так как сведения можно найти в многочисленных исторических штудиях и справочниках). Близко знавшие Распутина епископ Гермоген¹⁵ и иеромонах

Бывш. иер. Илиодор (Сергей Труфанов); с предисловием С. П. Мельгунова. М.: Журн. «Голос Минувшего», 1917.

¹¹ См.: Розанов В. В. О «Сибирском Страннике» // Розанов В. В. Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2002. Т. 14. Возрождающийся Египет. Апокалипсическая секта. Малые произведения 1909–1914 годов. С. 418–438 (портрет Распутина на с. 434–438).

¹² Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд. М., 2013. С. 538.

¹³ См.: Эткинд А. Содом и Психея. М., 1996. С. 183–187.

¹⁴ Пришвин М. М. Ранний дневник / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; комм. Я. З. Гришиной; указатель имен Т. Н. Бедняковой. СПб., 2007. С. 184–185.

¹⁵ Гермоген (в миру Долганов (Долганёв) Георгий Ефремович (1858–1918) — епископ Саратовский и Царицынский, во время революции 1905 года выступил как ярый монархист и черносотенец, основал саратовское отделение «Союза русского народа» (его «Патриотическое воззвание» спровоцировало еврейский погром в Саратове); отменил назначенную в кафедральном

Илиодор¹⁶ (оба принадлежали к ультраправому церковному крылу) обвинили его в хлыстовстве и разврате. Гермоген ознакомился с добытыми Илиодором у Распутина письмами к нему императрицы и великих княжон, которые счел предосудительными, после чего вызвал «Гришку» в свои покои на Ярославском синодальном подворье и в присутствии Илиодора запретил ему приближаться к царской семье, приказав покланяться в этом перед иконой. Распутин телеграфировал в Царское Село о том, что Гермоген и Илиодор пытались лишить его жизни (по другой версии — кастрировать).¹⁷ Оба были осуждены Синодом с определением к высылке. В январе–марте 1912 года репортажи о судьбе опальных Гермогена и Илиодора, лишенного иерейского сана, не сходили с полос «Биржевых ведомостей», «Речи» и других газет. Тогда же в руки А. И. Гучкова, председателя III Государственной думы (в 1910–1911 годах), был передан опус Илиодора «Гришка», в котором тот обнародовал письма Александры Федоровны и великих княжон. Гучков размножил текст писем на гектографе и распространил среди оппозиционного думского крыла. Цензура наложила запрет на упоминание в печати имени Распутина.¹⁸ Однако вся эта история подогрела интерес к «Другу» царской семьи.

В очерке Сологуба и Чеботаревской речь идет об эпизоде, относящемся к зиме 1915 года, когда накал страстей и слухов вокруг Распутина, казалось бы, достиг апогея: летом 1914 года на него было совершено покушение, инспирированное Илиодором: по его наущению мещанка Хиония Гусева,¹⁹ приехавшая в Покровское (родное село Распутина в Тобольской губернии), нанесла «дьяволу» смертельный удар кинжалом в живот, после которого он чудом выжил. В конце марта 1915 года грянул скандал в московском «Яре», слухи о котором мгновенно достигли столицы: девиантное поведение «Друга» царской семьи во время учиненного им кутежа (в пьяном виде спускал перед хористками брюки, демонстрируя детородный орган, отзывался о своих отношениях к императрице в оскорбительной для нее форме)²⁰ обсуждали в правительственных кругах и в салонах культурной элиты.

на соборе панихиду по В. Ф. Коммиссаржевской, ходатайствовал перед Синодом об отлучении от церкви целого ряда русских писателей (в их числе Мережковского и Розанова). В январе 1912 года вследствие обличения Распутина был уволен из Синода и возвращен в саратовскую епархию. Подробно о нем см.: Мраморнов А. И. 1) Ермоген // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 654–658; 2) Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006.

¹⁶ Илиодор (в миру Труфанов Сергей Михайлович; 1880–1952) — иеромонах Почаевской Лавры, активист «Союза русского народа», вел агитацию против инородцев, евреев, интеллигенции, призывал к погромам; в 1907 году получил синодальный запрет на литературную деятельность за критику представителей власти, не подчинился, был переведен в Саратов, затем в Царицын; пользовался покровительством Распутина, с которым познакомился в годы обучения в Санкт-Петербургской Духовной академии, и еп. Гермогена. В 1909 году с почестями принимал Распутина в Царицыне; сопровождал его на родину в Покровское, где получил от него письма императрицы Александры Федоровны и вел. княжон; впоследствии обнародовал их в очерке «Гришка», составившем основу его книги «Святой черт» (1917). Участвовал в обличении Распутина еп. Гермогеном; был сослан во Флорищеву пустынь (Владимирская губ.). В 1912 году подал прошение о снятии сана, женился; в январе 1914 года был обвинен св. Синодом в богохульстве, оскорблении его величества и организации преступного сообщества, летом бежал в Швецию. Инициировал покушение на Распутина, совершенное Х. Гусевой летом 1914 года в селе Покровское.

¹⁷ Подробно см.: Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. С. 580.

¹⁸ Тогда же по инициативе Н. В. Родзянко, председателя Государственной думы (с 1912 года), была сформирована «думская» (антираспутинская) комиссия, с участием А. И. Гучкова и Н. П. Шубинского, с целью собрать материалы и подготовить записку по результатам расследования дела о хлыстовстве Распутина. В феврале 1912 года Родзянко представил доклад по итогам работы комиссии царю; ознакомившись с материалами, Николай II положил его «под сукно»; для повторного доклада по процедуре Родзянко приглашен не был. См.: Терещук А. Григорий Распутин. Последний «старец» Империи. СПб., 2006. С. 224–231.

¹⁹ Гусева Хиония (Феония) Кузьминична (1876, по др. сведениям 1881–1919) — последовательница иеромонаха Илиодора; после неудачного покушения на Распутина находилась в психиатрической лечебнице; выпущена в марте 1917 года по распоряжению А. Ф. Керенского.

²⁰ События подробно прокомментированы в документальном исследовании А. Варламова «Григорий Распутин-Новый» (М., 2007. С. 456–479 (гл. 15)), основанном на исторических источ-

События и «пена», поднявшаяся вокруг них, никак не отразились в очерке Сологуба и Чеботаревской, однако в подтексте отголоски общественного напряжения, нараставшего вокруг фигуры царского фаворита, не могли остаться без рефлексии.

Анализируя круг друзей и врагов Распутина, находившихся на разных ступенях социальной лестницы, А. В. Терещук, автор документального жизнеописания «старца», приходит к заключению: «Единственные, кто не входил в круг общения Распутина, так это были представители творческой и научной интеллигенции, которые подчеркнуто дистанцировались от „старца“ <...>. При этом, возможно, срабатывал эффект „собачьего сердца“, и интеллигенция реагировала на Григория Ефимовича сначала как на феномен безусловно забавный и даже в высшей степени любопытный. Лишь с течением времени на сибирского мужика стали смотреть как на хама, причем не абстрактно „грядущего“, а реально вторгшегося в святая святых столичного общества».²¹

При всей справедливости этого вывода следует заметить, что далеко не все представители либеральной творческой интеллигенции дистанцировались от Распутина, публикуемые нами тексты и сопроводительные материалы свидетельствуют о том, что линии пересечения обнаруживаются вполне определенные.

При публикации мемуаров всегда приходится допускать возможную аберрацию памяти мемуариста. В тех же случаях, когда рассказ о событии, сделанный по свежим или относительно недавним впечатлениям, умышленно лишен фактических сведений, его необходимо верифицировать. Точная дата и место (адрес) состоявшейся встречи в очерке не названы, не названы и лица, которые при этом присутствовали и могли бы подтвердить рассказ. Текст очерка напоминает уравнение с тремя неизвестными. Здесь же интересно прояснить каждую деталь: кто, где, когда?

ВСТРЕЧА С РАСПУТИНЫМ²²

Зимой 1915 г. знакомый наш скульптор, лепивший бюст Гр. Распутина, предложил нам «понаблюдать» знаменитого старца во время позирования у него в мастерской. Мы не отказались, так как интересовались тогда в качестве членов основанного нами Русского общества для изучения еврейской жизни отношением Распутина к данному вопросу.

В назначенный день приехали мы в мастерскую. Распутина не было, — он отлучился на некоторое время на именины в великосветский салон. Через полчаса, когда мы сидели, беседуя, вокруг чайного стола, вошел высокий, стройный мужчина в сапогах, в шелковой желтой рубаше, обыкновенное мужицкое лицо, борода взлохмаченная. Единственно, что обращало на себя внимание в его наружности, — взгляд, беспокойный, бегающий, ни на чем подолгу не останавливающийся.

Нас познакомили. Заговорили. Сразу поразило то, что Распутин не выражал ни малейшего интереса ни к присутствующим (на лицо было несколько писателей, редакторов журнала и пр.), ни к содержанию беседы, направленной главным образом на его отношение к национальному вопросу.²³ Отвечал он весьма увертливо, ловко лавируя среди прямо поставленных вопросов, видимо что-то скрывая, чего-то недосказывая, о чем-то желая умолчать. Очевидно, разговоры, так сказать, «интеллектуального» характера совершенно его не интересовали, он тяготился ими или был им прямо враждебен. Оживился он только после нескольких стаканчиков вина, причем стал говорить

никах — архивных документах, показаниях В. Ф. Джунковского (в 1913–1915 годах товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов), А. И. Спиридовича (генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, начальник дворцовой стражи) и др.

²¹ Терещук А. Григорий Распутин. Последний «старец» Империи. С. 247–248.

²² Текст очерка воспроизводится по авторизованной машинописи: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 257; орфография и пунктуация приведены к современной грамматической норме. В квадратных скобках приведены вычеркнутые фрагменты.

²³ См. ниже.

о себе, нелепо и назойливо хвастаясь своими успехами у дам [в частности высшего общества].

Кто-то ласково попенял ему:

— Григорий Ефимович, как же вы так?

— А что же, — отвечал он, — солнце одно, всем светит, а всем хорошо.²⁴

Поглядев на бюст известной красавицы работы того же скульптора,²⁵ он заявил без обиняков:

— Вот она — красавица, а я вовсе не красив, да что толку в ее красоте, — меня и так все любят.

Следовало перечисление всех высокопоставленных лиц.

Выражался он в общем неграмотно, вульгарно, часто прибегая к грубо бранным словам; иногда, впрочем, афоризмы его были не лишены образности и меткости. Так, на вопрос, — долго ли продлится война, — заметил:

— По-божески-то давно бы уж пора перестать, а по-человечески еще все воевать будем, и друг друга перережем, и все конца не будет.²⁶

Мы перевели разговор на интересующий нас вопрос об его отношении к евреям. Он так и не ответил, почему он превратился из ярого антисемита в сторонника еврейского полноправия, — здесь снова увернулся, затушевал ответ.

Наконец, явно наскучив слишком «интеллигентским» препровождением времени, он вышел в соседнюю комнату, где стояло пианино, заставил хозяйку играть русскую, а сам, по собственной инициативе, пошел плясать. Плясал он отлично, очень гибко, нисколько не утомляясь, с каким-то самозабвением и почти детской беспечностью. Две плясавшие с ним по очереди дамы давно утомились, а он продолжал один с разными вывертами и фигурами, и плясал так без передышки не менее часу. Признаться, мы все смотрели на это диковинное зрелище с большим изумлением: как, вот здесь, в этой скромной комнате, один на один, сам с собою, веселится и пляшет Григорий Распутин, с именем которого связывается столько темной силы и загадочного обаяния!

По окончании его пляски мы стали прощаться. Спешили на лекцию покойного Ковалевского. Это очень не понравилось Распутину.

— Зачем уходить, если весело, если я вам понравился? Значит, не понравился, а то бы вы не уходили, — решил он по-своему примитивно этот вопрос и стал усиленно набиваться к нам в гости.

— Пойдем к вам сейчас, отсюда, — твердил он с упрямством капризного, избалованного ребенка.

Моя спутница заявила:

— Сейчас нельзя. Да у нас и нет ничего дома.

Он настаивал.

— Можно сейчас послать ко мне за вином, — говорил он.²⁷

Мы все-таки отклонили это. Он остался обижен и раздражен нашим несогласием. На этом и расстались.

Суммируя свои тогдашние впечатления, мы не могли назвать их интересными. Ничего оригинального, интригующего для нас, людей интеллекта и искусства, не мог представить этот грубый, неопрятный мужик, с потным лицом, с взлохмаченными волосами, с его не то наивным, не то наглым бахвальством, с его абсолютным равнодушием ко всему «умственному» и закономерному, с его самовлюбленностью и высокомерием выскочки, плохо прикрытыми личиною грубоватой простоты и прямоты. Я забыл сказать, что мужчин, по крайней мере присутствующих, он как будто и не заметил,

²⁴ Поговорка Распутина, упоминается многими мемуаристками.

²⁵ Возможно, речь идет о скульптурном портрете Иды Рубинштейн (1910).

²⁶ Характерное высказывание Распутина, отражающее его пацифистские настроения; отмечено многими мемуаристами, см., например: *Симанович А.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 2005. С. 131.

²⁷ Во время войны действовал сухой закон, однако на Распутина он не распространялся, вино (его любимую мадеру) ему поставляли из Царского Села.

обращая внимание исключительно на женщин, опять же безотносительно к их социальному или общественному положению. Был какой-то огромный цинизм в его поведении, в его манере обращения с окружающими. На наших дам он тоже, по-видимому, не произвел шармирующего впечатления. Но легко было представить его себе среди лиц, которых он «эпатирует» своим бахвальством и невежеством. По моему глубокому убеждению, эта среда создала и породила это мрачное явление нашей современности. Видеть его еще раз нам никому не захотелось. Для нас он был исчерпан и ясен с одного раза.

Итак, в экспозиции авторы сообщают, что зимою 1915 года знакомый скульптор, лепивший бюст Распутина, предложил им «понаблюдать» знаменитого «старца» во время позирования у него в мастерской. Они согласились, так как в качестве членов основанного ими «Русского общества для изучения еврейской жизни»²⁸ интересовались отношением Распутина к еврейскому вопросу.

«Русское общество для изучения еврейской жизни» самоорганизовалось в конце 1914 года по инициативе и при непосредственном участии Сологубов совместно с Л. Андреевым и М. Горьким (формально зарегистрировано 28 апреля 1915 года). «В конце 1914 г., — свидетельствовал Сологуб, — у Анс. Н. Чеботаревской по прочтении статьи Л. Андреева²⁹ возникла мысль об издании сборника статей по еврейскому вопросу, и она вместе со мною отправилась к издателю журнала „Отечество“ З. И. Гржебину. Из совещания о сборнике развилась мысль об учреждении общества с целью защиты еврейства. В период организывания общества во главе его был поставлен комитет из трех лиц, к которым были кооптированы еще трое, всего шесть: Л. Андреев, М. Горький, Сологуб, Чеботаревская, Гржебин и С. В. Познер (секретарь). Первые трое образовали редакцию сборника».³⁰

Основная организационная работа Комитета по вопросам деятельности Общества и составу сборника пришлась на первые два месяца 1915 года. В январе–феврале Комитет неоднократно собирался в квартире Сологубов на Разъезжей, где согласовывался текст «Анкеты об евреях»³¹ и вырабатывался проект воззвания «К борьбе с антисемитизмом»,³² слушались актуальные доклады; на многочисленном собрании, состоявшемся

²⁸ Подробно см.: *Соболев А. Л.* Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // *Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева.* М., 2011. С. 327–358; *Кельнер В. Е.* Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. // *Кельнер В. Е.* Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003. С. 97–112.

²⁹ *Андреев Л.* Первая ступень // *Утро России.* 1915. 27 нояб. № 294. С. 2.

³⁰ Цит. по: *Боева Г. Н.* Сологуб, Андреев и Горький в третейском суде: об одном эпизоде из истории создания Русского общества изучения еврейской жизни // *Научные труды по иудаике: материалы XX Международной ежегодной конф. по иудаике.* М., 2013. Т. 2. С. 107.

³¹ Анкета об евреях (открытое письмо к публике трех русских писателей) // *Биржевые ведомости (утр. вып.).* 1915. 3 февр. № 14649. С. 4.

³² 1 марта 1915 года текст воззвания «К борьбе с антисемитизмом» был напечатан сразу несколькими газетами, помимо организаторов (Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба), его подписали Н. Бердяев, И. Бунин, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, Д. Filosoфов и многие другие — всего более двухсот литераторов и общественных деятелей (см., например: *Утро России.* 1915. 1 марта. № 59. С. 5). Ценные сведения о реакции московских газетчиков на публикацию воззвания содержатся в письме Е. Д. Кусковой к Ан. Чеботаревской от 5 марта 1915 года: «Дорогая Анастасия Николаевна! / Вы спрашиваете, что у нас нового; да ничего. Даже война уже не так интересует публику, вечерние газеты мало раскупаются. Но сегодня сонная Москва немного всколыхнулась. Напечатано в 3-х газетах письмо в редакцию со многими подписями. Видела многих евреев. Они плачут, буквально плачут от радости, что не все же против них, что есть кто-то, кто считает и их гражданами... Тяжко было все это выносить. Производит тут это письмо сильнейшее впечатление, хотя газеты поступили постыдно: затолкали письмо на задворки! Мне рассказывали, что инициаторам этого обращения к обществу „Русское Слово“ дало обещание (есть три редактора: <Ф. И.> Благов, <В. М.> Дорошевич, <Н. Ф.> Пономарев) и в час ночи отказались. Здесь все совершенно уверены, что это письмо было ими показано в цензуре и что только после этого достойного акта они отказались... / Не делает, конечно, чести и „Рус<ским> Вед<омостям>“ затолкать

23 февраля, П. Н. Малянтович читал доклад «Русский вопрос о евреях».³³ Хронометраж основных событий представлен в статье А. Л. Соболева.³⁴ Главным результатом деятельности Общества был литературный сборник «Щит» (1915) под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба, выпущенный тремя изданиями. Запланированный выпуск собрания анкет по еврейскому вопросу — представителей науки, литературы, искусства и практической жизни России, так и не вышел.

Почему Сологубы не назвали имя знакомого скульптора, пригласившего их в мастерскую, остается загадкой, так как его имя было на слуху. Автором единственного бюста Распутина, созданного при жизни, с натуры, по заказу царской семьи, был Наум Львович Аронсон (1872–1943) — французский художник российского происхождения.³⁵ В 1900-е годы его работы репродуцировались на страницах столичной печати: в приложении к журналу «Солнце России» — «Современная русская скульптура» (М., 1908) в сопровождении статьи С. Маковского, в журналах «Искусство и печатное дело» (Киев) (1910, июнь–июль, № 6–7); «Огонек» (1913, № 38, 22 сент. (5 окт.); 1914, № 6, 9 (22) февр.; 1915, № 9, 1 (14) марта), «Искры» (1915, № 27, 12 июля) и мн. др. «Это — мощный, гибкий и чуткий талант, — писал Л. Бернштейн о манере скульптора. — Но что составляет, может быть, главную особенность его творчества, это та удивительная гармония формы и выражения, плоти и духа, которая чарует во всех его произведениях и которую он достигает в одинаковой степени реализмом формы-структуры линий и интенсивностью внутренней, духовной жизнью его мраморов».³⁶

Бюст «старца» был закончен к середине лета 1915 года, о чем сообщил еженедельник «Искры» (указ. номер), поместивший фотографию работы и краткий анонс о том, что Распутин готовит книгу «Мои мысли и размышления»,³⁷ а скульптор Аронсон «сделал бюст старца в новой для него роли писателя».³⁸ Тогда же была выпущена открытка с фотографии, сделанной непосредственно в мастерской Аронсона: Распутин рядом с бюстом и художником.³⁹

Начиная с середины 1900-х годов Ан. Чеботаревская регулярно выступала в печати как литературный и театрально-художественный критик, публиковала обзоры и от-

письмо черт знает куда. Говорят, что они оправдываются тем, что после последних распоряжений галицкого *<sic!>* губернатора такие вещи носят безусловно опасный характер. Ну и времечко! / Кроме того, все это показывает, до чего необходимо иметь свой орган, кот<орый> на первый план выдвигал бы те вопросы, кот<орые> сейчас систематически замалчиваются. Необходима, прямо до очевидности необходима другая, совсем новая газета. Молодежь жалуется, что ее оставляют без влияния, что газеты не поднимают больных и важных вопросов жизни, что ей не у кого учиться. / Интересно, отзовутся ли как-нибудь петрог<радские> газеты на это письмо о евреях. Очень хороши были статьи по этому вопросу Фед. Куз. и Андреева. Жаль, что все это приходится уметь на стр<аницах> „Бирже<вых> ведомостей“...» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 146).

³³ Текст доклада опубликован в сборнике «Щит» (СПб., 1915. С. 127–135).

³⁴ Соболев А. Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // *Donum homini universalis*: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. С. 333, 350 (прим. 30).

³⁵ Биографическую справку см.: Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь: В 6 т. / Под ред. О. Э. Вольцбург и др. М., 1970. Т. 1. С. 197; *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. СПб., 1994. С. 38–41; в библиографической справке приведены сведения о более чем тридцати публикациях, посвященных Н. Аронсону в российской периодике 1903–1917 годов. См. также: *Шлеев В.* Парижский скульптор Наум Аронсон и его связи с художественной жизнью России // *Евреи в культуре Русского Зарубежья. 1919–1939* / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Т. 1. С. 421–435.

³⁶ Нива. 1914. № 8. С. 155–157.

³⁷ *Распутин Г. Е.* Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам. Пг., 1915. Ч. 1.

³⁸ Искры. 1915. № 27. 12 июля. С. 215.

³⁹ Оубл.: <https://vombat.su/post/69714-skulptor-naum-aronson-za-rabotoi-nad-byustom-rasputina-sankt-peterburg-rossiiskaya-imperiya-1915-god>; дата обращения: 30.04.2026. В настоящее время бюст Распутина (копия в бронзе) экспонируется в Тель-Авивском музее изобразительных искусств. В 1936 году его приобрел в парижской мастерской Аронсона первый мэр Тель-Авива Меир Дезингов для создававшегося музея еврейского искусства (в комиссию по формированию коллекции входили А. Эйнштейн, М. Шагал и др.).

четы о столичных выставках и ярких событиях из жизни искусства,⁴⁰ имела широкие связи среди петербургских художников (в числе ее корреспондентов — Л. Бакст, И. Я. Гинцбург, Н. К. Калмаков, И. Е. Репин, К. А. Сомов, С. Судейкин и некоторые др.).⁴¹ Несомненно, она слышала об Аронсоне и видела его работы. В 1902 году около 60 скульптур мастера экспонировались на Весенней выставке в залах Императорской Академии художеств, две были приобретены Академией. Широкую известность получил бюст Льва Толстого его работы (1901). Вместе с Б. М. Кустодиевым, Д. Н. Кардовским и др. Аронсон был учредителем Нового общества художников в Петербурге (1904), участвовал в салоне С. Маковского (1909). В первой половине 1900-х годов его работы завоевали европейское признание (скульптурные портреты Бетховена, Моцарта, Вагнера, Берлиоза, Шопена, Данте и др.) и даже мировую известность, как, например, памятник Бетховену, установленный в центре Бонна (1906); среди социально-значимых произведений — проект памятника жертвам 9 января 1905 года, композиция «Великая Россия» (1905), скульптура «Разочарование» (1908), символизирующая время наступившей реакции.⁴²

В конце 1909 года Аронсон был приглашен работать над памятниками Александру II в Петербурге и Киеве. По прибытии в столицу ему вручили предписание немедленно выехать, так как он не имел вида на жительство, в тот же день Аронсон прямо из гостиницы «Европейская» отправился в обратный путь. Событие получило громкий резонанс в прессе,⁴³ 17 декабря газета «Киевские вести» комментировала происшествие: «Приехавшему в Петербург известному скульптору Н. Л. Аронсону предложено было в 24 часа покинуть столицу, как еврею, имеющему право жительства только в черте оседлости. Скульптор Аронсон постоянно проживает в Париже, но работы его хорошо известны и в России. Произведения его нередко выставлялись на русских художественных выставках, между прочим, и петербургских, причем некоторые из них были приобретены для наших лучших художественных хранилищ. <...> Переговоры Н. Л. Аронсона с представителями администрации ни к чему не привели. Не подействовало и объяснение, с какой целью он приехал в Петербург. Просьба его дать ему возможность остаться здесь хоть на два дня, чтобы внимательно ознакомиться с Михайловским сквером (место, где предполагалось установить памятник. — М. П.), была категорически отклонена... Н. Л. Аронсон стал уже собираться в путь. Но совершенно неожиданно <...> вечером того же дня получил извещение, что ему разрешается остаться в Петербурге еще несколько дней. Измученный, однако, всей этой историей, он предпочел, не дожидаясь истечения назначенного срока, уехать обратно в Париж...» и т. д.⁴⁴ Позднее скульптору разрешили жить в России повсеместно, но от участия в конкурсах он уклонялся, в знак протеста против дискриминационного российского законодательства в отношении евреев. В письме, опубликованном 3 июля 1911 года в газете «Одесские новости», Аронсон заявил: «Я убежден, что, будучи евреем, не могу рассчитывать на справедливый художественный суд в России, ни даже на культурное

⁴⁰ Подробно см.: Павлова М. М. Материалы к библиографии Ан. Н. Чеботаревской. Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии. С. 733–793.

⁴¹ См. персоналию (Ан. Н. Чеботаревская) по указателю: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год: Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры XVIII–XX веков в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома. Творческие и библиографические материалы. Указатель / [Отв. ред. Т. С. Царькова, Е. П. Яковлева]. СПб., 2018.

⁴² В 1904 году в Париже А. В. Луначарский привел в мастерскую к Аронсону Ленина, с которого тот изготовил бюст, а впоследствии еще несколько бюстов, один из них в 1927 году скульптор привез в СССР, в настоящее время находится в Центральном музее В. И. Ленина. Подробно см.: Аронсон Л. Портрет из красного мрамора // Работница. 1968. № 4. С. 14–15; Долинский М., Черток С. Ленин в красном мраморе // Москва. 1964. № 4. С. 161–167.

⁴³ См., например: Высылка скульптора Аронсона // Русские ведомости. 1909. 15 дек. № 287. С. 3; За неимением права жительства // Киевские вести. 1909. 17 дек. № 335. С. 2; Беглый скульптор // Киевская мысль. 1909. 17 дек. № 347–348. С. 2.

⁴⁴ Киевские вести. 1909. 17 дек.

отношение к себе. И мне остается только ждать наступления лучших времен на родине. Когда прекратится нынешняя свистопляска черносотенных лжепатриотов, когда правда и справедливость, идеи свободы и прогресса не будут больше преследоваться на родине, тогда я буду рад принести свою скромную лепту и принять участие в общей работе на славу дорогого отечества». ⁴⁵

Выходец из бедной хасидской семьи, Аронсон по окончании рисовальной школы в Вильне не мог продолжать художественное образование в Петербурге или Москве (из-за черты оседлости), воспользоваться предложенной ему протекцией отказался (не захотел принять православие) и в 1891 году без знания языка, без знакомств и средств уехал учиться в Париж, ⁴⁶ а через несколько лет стал одним из авторитетных и востребованных мастеров. Во время его пребывания в Ясной Поляне С. А. Толстая записала в дневнике (14 июня 1901 года): «Живет сейчас скульптор Aronson, бедный еврей, выбившийся в Париже за восемь лет в хорошего талантливую скульптора. Лепит бюст Льва Николаевича и мой, bas-relief — Тани (Т. Л. Сухотиной-Толстой. — М. П.) и все недурно». ⁴⁷ Андрей Седых, осенью 1926 года посетивший парижскую мастерскую Аронсона, в статье для рижской «Сегодня» заметил: «...в этом удивительном артисте сочетались три начала: русская талантливость, еврейский ум и французская школа. Россия должна была сделать из него мануфактурщика; во Франции он стал одним из лучших скульпторов». ⁴⁸

Как и старший его современник, Марк Матвеевич Антокольский (первый скульптор из евреев российского происхождения, получивший международную известность), Аронсон нередко обращался к темам из истории и жизни своего народа: скульптуры «Моисей», «Саломея», «Пророк», «Вечный жид», скульптурная композиция «Киддуш ха-Шем», посвященная жертвам Кишиневского погрома (1904), и др. В упомянутой статье А. Седых рассказывал (со слов мастера): «После Кишиневского погрома Аронсон покинул Россию: но лица людей, искривленные в предсмертном ужасе, долго еще продолжали стоять перед его глазами, и он создал страшную группу, — Пророк, страдающий и гневный, ведущий свой народ вперед по трупам. Когда пришла весть о революции, скульптор разбил эту группу: ему хотелось создать нечто более достойное новой России». ⁴⁹

С творчеством Аронсона, а возможно и с ним лично, Чеботаревская могла познакомиться и ранее: в 1902–1905 годах она слушала лекции в парижской Русской высшей школе общественных наук, где одна из первых блестяще защитила научную работу («История и современное состояние крестьянской поземельной общины в России»), одновременно выполняя обязанности секретаря М. М. Ковалевского ⁵⁰ — ведущего профессора и одного из основателей школы. В Париже она немало времени уделяла изучению современного искусства; ее первая опубликованная статья — искусствоведческая работа «Ваятель жизни» («Журнал для всех», 1904, № 9, с. 545–555) — своего рода путеводитель по творчеству Огюста Родена. Аронсон одно время занимался

⁴⁵ Цит. по: Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л. Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. С. 39.

⁴⁶ См.: Аронсон Н. Л. О себе и современной скульптуре // Искусство и печатное дело. 1910. № 6–7. Июнь–Июль. С. 248–259.

⁴⁷ Л. Н. Толстой и художники: Л. Н. Толстой об искусстве. Письма, дневники, воспоминания. М., 1978. С. 143.

⁴⁸ Седых А. В мастерской Наума Аронсона (От парижского корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1926. 7 нояб. № 252.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — ученый, историк, юрист, социолог, публицист, общественный деятель, редактор-издатель (совместно с И. И. Иванюковым) и ведущий публицист газеты «Страна» (февраль 1906 — январь 1907), близкой партии демократических реформ; академик Императорской академии наук (1914), член I Государственной думы и Государственного совета. Ковалевскому принадлежала инициативная роль в возрождении русского масонства, см.: Серков А. И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М., 2020. Т. 2. С. 179–186; Старцев В. И. М. М. Ковалевский — масон // Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 206–215.

в мастерской Родена, особенно высоко ценил его ранние произведения, о чем рассказывал в биографическом очерке «О себе самом и современном искусстве» (1910): «...гармоническое слияние объективной правды с мечтой художника, — вот, по-моему, желанное *credo* всякого художника. Уверенный в технике, он может отдаться своему впечатлению, и в стройном аккорде сольется его поэтическое мышление с направлением резца. Такая гармония существует в произведениях Родена прежних лет и в них большая нетленная красота...».⁵¹ (Взгляд Аронсона на природу творчества, близкий философии мечты и эстетике «творимой легенды» Сологуба, вероятно, импонирует Чеботаревской, пропагандировавшей художественные идеи супруга.⁵²)

Знакомство Ан. Чеботаревской и скульптора, по-видимому, состоялось при содействии Ковалевского. В 1917 году в интервью парижской газете «Le Temps» Аронсон рассказал, что когда получил предложение из Царского Села «увековечить в мраморе или бронзе черты Распутина», то оказался в затруднительном положении, поскольку никогда не скрывал своих политических взглядов и принадлежал к лагерю, который не питал симпатий к тому, «где Распутин находил своих защитников и последователей». Он посоветовался с другом, который «без колебаний дал ему совет принять заказ: — Вы скульптор, — сказал он, — а этот человек принадлежит истории. Было бы бесконечно прискорбно, если бы потомки не имели интерпретации его черт, которой могли бы доверять».⁵³

По сведениям А. А. Майсурына (приведены без отсылок на источник): «В день, когда он (Аронсон. — М. П.) получил предложение, художник ужинал у известного ученого и либерального деятеля Максима Ковалевского, здесь же присутствовал лидер кадетской партии Павел Миллюков и другие люди того же круга. Ковалевский рассеял сомнения художника о том, может ли он лепить Распутина, напомнив ему, что во времена инквизиции самые прославленные мастера изготавливали портреты инквизиторов. А тут случай дарит Аронсону возможность чутьем художника проникнуть в природу старца и открыть ее тайну всем зрителям».⁵⁴

Знакомство Сологуба с Аронсоном состоялось не позднее чем за полгода до встречи в мастерской. В мае–июне 1914 года супруги совершили турне по городам Европы, побывали в Германии, Франции, Испании, Монако. В Париже 7 (20) мая в рамках программы Русского сезона Сологуб прочел лекцию «Искусство наших дней», а 9 (21) мая Общество русских журналистов в Париже устроило в честь «знаменитого писателя» прием в *café de Madrid*, на котором присутствовали представители русской парижской общественности, в их числе Аронсон (в архиве Сологуба сохранились вырезки из газеты «Одесские новости» с отчетом о событии и фотографией участников).⁵⁵

Мастерская Аронсона как нельзя лучше подходила для исполнения задания писательской четы, делегировавшей себя на встречу с Распутиным от «Русского общества для изучения еврейской жизни». В недавнем прошлом друг ярого антисемита и черносотенца Илиодора, призывавшего к еврейским погромам, Распутин во время войны, что было неожиданно для либеральных кругов, выказал себя защитником евреев и поборником еврейского полноправия. С помощью «старца», имевшего прямой канал связи с Царским Селом, многие евреи получили возможность проживать в столице, молодые люди — продолжить образование, многие избежали отправки на фронт, наказания

⁵¹ Аронсон Н. Л. О себе и современной скульптуре. С. 259.

⁵² См.: Чеботаревская А. «Творимое» творчество (о Федоре Сологубе) // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / Сост. Ан. Чеботаревская. СПб., 1911. С. 79–95; впервые: Золотое руно. 1908. № 11–12. С. 56–62.

⁵³ Mille P. Souvenirs sur Raspoutine. Esquisses d'après nature // Le Temps. 1917. Mai 13. № 20399 (здесь и далее пер. мой. — М. П.).

⁵⁴ Майсурын А. Исторические хроники. Ему позировали Ленин и Распутин (см.: <https://maysuryan.livejournal.com/2584985.html>; дата обращения: 30.04.2026). Источник сведений пока выявить не удалось.

⁵⁵ Одесские новости. 1914. 19 мая (1 июня). № 9357; 21 мая (3 июня). № 9359 (на фото Аронсон во втором ряду рядом с А. В. Луначарским и Л. Н. Вилькиной); см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 12. Л. 73.

и тюремного заключения.⁵⁶ Поскольку в середине 1910-х годов Распутин стал заметной политической фигурой при царском дворе, составителям сборника «Щит» было важно узнать его мнение по поводу еврейского вопроса.

Адрес петербургской мастерской Аронсона, в которой состоялась встреча Сологубов с Распутиным, в очерке не назван; не упомянут он и в интервью скульптора парижской газете «Le Temps»; в справочнике «Весь Петербург» сведения также отсутствуют. Ни один из мемуаристов, кому довелось посещать мастерскую во время работы Аронсона над бюстом Распутина, не зафиксировал его петербургский локус (в их числе, к примеру, Дж. Шелли, английский писатель, приглашенный понаблюдать за Распутиным во время сеанса⁵⁷). Не исключено, что для работы под столь ответственный заказ ему была предоставлена мастерская в Императорской Академии художеств. Высказывалось также предположение, что Аронсон работал непосредственно на квартире Распутина — на Гороховой ул., 64, в которой тот обосновался в 1914 году⁵⁸ (последний и самый известный распутинский адрес, откуда 6 декабря 1916-го в автомобиле Феликса Юсупова он отправился к месту своей гибели). Основанием для этой гипотезы, вероятно, послужила дневниковая запись Елены Францевны Джанумовой,⁵⁹ одной из поклонниц «старца», — 7 декабря 1915 года она зафиксировала атмосферу распутинской приемной: «Какие-то польские беженки, студенты, монашки с котомками и фрейлины императрицы. Салопница и дамы в костюмах Пакена и Дусе.⁶⁰ Тут же сидел знаменитый скульптор Аронсон, лепящий его бюст. Все смешалось в одну толпу, лихорадочно ожидающую очереди».⁶¹ Едва ли мы можем доверять этой записи. Работа скульптора, как известно, требует пространства и к тому же сопряжена с материалом, оставляющим следы, а то и разрушения. Квартира Распутина состояла из пяти комнат, согласно плану: приемная («Ожидальня»), кабинет для просителей, столовая (гостиная), комната его дочерей Матрены и Варвары, спальня («Молельня»); а также людской при кухне, где жили родственницы «старца» — Печеркины, помогавшие по хозяйству. В приемной, по свидетельствам мемуаристов, походившей не то на постоялый, не то на «проходной» двор, с утра до ночи толпились посетители-просители, полицейские охранники и агенты охраны. К тому же, по сообщению еженедельника «Искры», работа над бюстом была завершена к июлю 1915 года.⁶² Наконец, самый ве-

⁵⁶ Эта тема подробно освещается в мемуарной книге Арона Симановича «Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина».

⁵⁷ Шелл (Шелли) Джордж Джерард (Shelley George Gerard; 1891–1980) — британский лингвист, писатель и переводчик (его переводы русских поэтов получили уничижительную оценку в рецензии К. И. Чуковского «Кривда о русской поэзии» — Литература и искусство. 1943. 16 окт. № 42); в годы Первой мировой войны работал в России переводчиком военнопленных; впоследствии стал священником, а затем архиепископом (1952) Старой Римско-католической церкви Великобритании. В 1925 году издал книгу о России (вышла двумя изданиями: The Speckled Domes. Episodes of an Englishman's life in Russia by Gerard Shelley. London: Duckworth; NY: Charles Scribner's sons, 1925 («Крапчатые купола. Эпизоды из жизни англичанина в России»); The Blue Steppes: Adventures among Russian by Gerard Shelley. London: John Hamilton Publishers, [1925] («Синие степи: приключения среди русских»)), в которой рассказывал о встречах с Распутиным в Москве и, в частности, в мастерской Н. Аронсона. См.: The Speckled Domes. P. 35–37.

⁵⁸ Последняя квартира Распутина была подобрана для него и его семьи имп. Александрой Федоровной в доходном доме графини А. Е. де Лесс (1902; архитектор Л. А. Фашевский). Квартира содержалась за счет казны. В настоящее время в ней находится частный мемориальный музей Распутина.

⁵⁹ Елена Францевна Джанумова была замужем за состоятельным московским купцом. См. ее воспоминания «Мои встречи с Распутиным» (М.; Л., 1923); перепеч.: Григорий Распутин: Сб. исторических материалов: В 4 т. Т. 2. С. 245–282.

⁶⁰ Пакен — псевдоним Жанны Мари Шарлотт Беккерс (Jeanne Marie Charlotte Beckers; 1869–1936), первой женщины-кутюрье, открывшей собственный Дом моды в Париже; платья, созданные Пакен, имели большой успех в аристократических кругах. Дусе Жак (Doucet Jacques; 1853–1929) — французский модельер, коллекционер и меценат; торговый дом Дусе принадлежал к домам высокой моды, здесь одевались титулованные особы, актрисы и дамы полусвета.

⁶¹ Григорий Распутин: Сборник исторических материалов: В 4 т. Т. 2. С. 267.

⁶² По не подтвержденным сведениям сотрудников музея Распутина (Гороховая ул., 64) — Аронсон работал в мастерских Александро-Невской лавры.

ский аргумент не в пользу высказанного предположения, содержится в тексте очерка, авторы приводят реплику Распутина: «Можно сейчас послать *ко мне* за вином» (курсив мой. — М. П.).

Маловероятным представляется и сам визит известных своими либеральными взглядами писателей на квартиру к царскому фавориту, хотя совершенно исключить этот факт мы не можем. Е. Д. Кускова в своих воспоминаниях о салоне на Разъезжей приводит рассказ Чеботаревской, который слышала от нее на одном из собраний зимы 1915 года (цитируем фрагмент по ходу авторских рассуждений о политических журнальках 1900–1910-х годов). Приведем его полностью:

Что же делалось на собраниях в салонах? Это были прежде всего центры политической информации. Никакой специальной организацией люди, приходившие на эти вечера, не были связаны. После информации начиналось обсуждение «текущих вопросов», — очередная речь в Государственной Думе, или стачка рабочих, демонстрация, тактика той или другой партии, поведение того или иного члена правительства, — все служило предметом обмена мнений. Очень большая перемена произошла в темах таких собраний до первой революции и во время первой мировой войны. До первой революции на этих собраниях почти никогда не касались личности государя. Бурные речи произносились и споры велись о монархии и республике, как формах правления. И только с 1911–12 г.г. и особенно ближе к февральской революции едва ли не главной темой собраний были события в недрах царской семьи. Причиной этого рокового для монархии интереса к личному поведению высоких особ было появление при дворе проходимца Григория Распутина, болезнь наследника и самой государыни, роль Вырубовой и, главное, вмешательство «Гришки» в назначение министров и других официальных лиц. Сейчас трудно даже себе представить, до какой степени возмущала эта распутинская эпопея общественное мнение. Оргии, которые устраивал Распутин у себя на квартире или у таких высоких своих покровительниц, как графиня Игнатьева,⁶³ служили предметом невероятных сплетен во всех слоях русского общества. <...>

Не знаю почему, Ф. К. Сологуб и Ал. <sic!> Ник., его жена, особенно интересовались всеми этими историями (скандалами с Распутиным. — М. П.). Каменное лицо Ф. К. как-то даже оживилось, когда он изрек: «Да, да! Настал последний час. Дрожит потолок. Вот-вот свалится! И мы, господа, — будем все погребены. Да, да, именно погребены! Распутин послан за грехи. Он, он, именно он прикончит распутство кровавой тайны».

Не всегда можно было понять, что именно бормочет этот бледный человек, на которого нередко покрикивала черноглазая, живая, нервная Ал. <sic!> Николаевна.

— Не пугайте вашими пророчествами! Все образуется! Мы же тут, на страже. Мы...

Тоже трудно было понять, кто же это «мы». В нервном настроении были, однако, не одни Сологубы. Помню одно из собраний именно на их квартире, на Разъезжей ул., когда они только что открыли «салон». Масса народа. Как-то выдвинув вперед свой стул, сидит П. Н. Милюков и спокойно-иронически слушает доклады о распутинских дебошах, о его письмах министрам, начинавшихся с обращения: «милой», «милошенок», «сделай Григорию-старцу одолжение». «Посылаю тебе паренька, пристрой».

— Самое худшее во всей этой истории, — говорит Милюков, — поведение Двора. Ведь, в сущности, Двор — в руках этого негодяя.

⁶³ Мистически настроенная вдова убитого с.-р. партией графа Игнатьева, члена Государственного Совета, — «столпа реакции» после 1905 г. (прим. Е. Д. Кусковой). Игнатьева Софья Сергеевна, графиня (урожд. княжна Мещерская; 1851–1944) — церковный и общественный деятель, благотворительница, вдова киевского и иркутского генерал-губернатора, графа А. П. Игнатьева; хозяйка правого (православно-монархического) салона; противница Распутина, поддерживала еп. Гермогена и иеромонаха Илиодора.

— Вы, что же, жалеете о падении нравов монархии? — иронически спрашивает его Н. Д. Соколов, будущий автор приказа № 1.⁶⁴

— Я ведь монархист, Николай Дмитриевич, — серьезно ответил Павел Ник., — и к гибели монархии могу относиться лишь с ужасом.

Возгорается спор — до чрезвычайности жаркий. Идет с огромным подносом с бутербродами Фед. Кузьмич, и бормочет: «спорить совершенно не о чем: монархия уже погибла. Это же символ, это же символ».

— Вы роняете бутерброды! — кричит Чеботаревская. — Не нам протестовать против гибели мучителей народа. В чем дело? Вся раскрасневшись, она подбежала ко мне и шепчет: «Хотите видеть Распутина? Это страшно интересно... Я у него только что была. Хотите, устрою свидание?»

— Александра <sic!> Николаевна! — говорит подошедший Сологуб. — Зачем вы говорите и соблазняетесь? Не у всех же такое любопытство.

— Вы все — какие-то чистюли... Слушаете сплетни, ничего не хотите видеть своими глазами!

— Что же вы там увидели, на Гороховой,⁶⁵ — спросила я ее. Взволнованно она рассказывает:

— Я ему написала записку, прося о свидании. Ответ получился тотчас же: «приходи». Я пошла. За огромным столом сидело много разных совершенно незнакомых мне людей.

— Иди сюда, черненькая! Чего тебе от меня нужно?

— Я хочу знать, хочу знать воочию, чем вы влияете на людей? Чего вы добиваетесь?

— Ха, ха, ха. Приткая ты. Пойди в ту комнату (он указал на занавес, разделявший две комнаты). Пойдем, сестра. Молитву дам. Узнаешь.

— И взял меня за подбородок, — продолжала Чеботаревская. — Я его ударила по руке. Он захохотал снова и тянул меня к себе. Это было забавно! И я рассмотрела его глаза. Страшные.⁶⁶

В 1910-е годы в великосветских, литературных и политических салонах Распутин был притчей во языцех. Тэффи вспоминала, как однажды ей пришлось обедать у знакомых в большом обществе, где «в столовой, над каминным зеркалом, красовался плакат: „Здесь о Распутине не говорят“», и что такие плакаты она видела в некоторых домах, но это ничуть не мешало присутствовавшим наперебой обсуждать «героя» дня.⁶⁷

В рассказе Чеботаревской, переданном Кусковой, опознаются часто упоминаемые мемуаристами (Тэффи, Джанумовой, Жуковской⁶⁸ и многими другими) сексуализированные приемы обращения «старца» с дамами, его просительницами и почитательницами — «дурами», как называл их Распутин в обиходе, независимо от положения в обществе: поди сюда, «черненькая»; целование, прикосновение, похлопывание по интимным частям тела, приглашение в соседнюю со столовой комнатку, куда во время застолья или приема он отлучался «помолиться» вместе с заинтересовавшей его гостьей.⁶⁹

⁶⁴ Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) — адвокат, участник Февральской революции, в марте 1917 года — секретарь исполкома Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов; один из авторов Приказа № 1, который предписывал передать власть в войсках «солдатским комитетам», что на практике означало роспуск армии и капитуляцию в войне.

⁶⁵ С августа 1914 года Распутин жил по адресу: ул. Гороховая, д. 64 (см. прим. 56).

⁶⁶ Кускова Е. Д. Из прошлого (еще об А. Н. и Ф. К. Сологубах) // Новое русское слово. 1949. 3 марта. № 13461. С. 2–3.

⁶⁷ Тэффи. Распутин // Тэффи. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. С. 371 (подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко).

⁶⁸ Жуковская Вера Александровна (Микулина; 1885–1956) — писательница, автор мемуаров «Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине, 1914–1916 гг.» (Российский архив. М., 1992. Т. 2–3. С. 252–317); познакомилась с Распутиным при содействии А. С. Пругавина — историка старообрядчества и сектантства, автора работы «Старец Григорий Распутин и его поклонницы» (1917); впервые под загл. «Леонтий Егорович и его поклонницы» (М., 1916).

⁶⁹ См., например: Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине, 1914–1916 гг. С. 258–261.

В изложении Чеботаревской рассказ о первой встрече с Распутиным отдает «бродячим сюжетом», она могла повторить слышанное от знакомых, поскольку повсюду в обществе циркулировали слухи о бесперемонном поведении «Гришки» и его бесчисленных связей с великосветскими дамами, фрейлинами императрицы, женщинами из образованного круга, кокетками и проститутками. С другой стороны, исходя из общественного темперамента Анастасии Николаевны («Чеботаревская была женщина духа бурного, воинственного, дерзновенного, что десятки раз доказала в разных столкновениях и стычках по литературно-общественным вопросам и делам» и т. п.),⁷⁰ самоchinный визит на Гороховую ул., 64 представляется более чем вероятным. В очерке об этом эпизоде авторы умалчивают.

Попробуем уточнить дату события и попутно датировку очерка. «По окончании его <Распутина. — М. П.> пляски мы стали прощаться, — сообщают авторы. — Спешили на лекцию покойного Ковалевского». — Следовательно, мемуар был написан не зимой 1915 года, не сразу же после встречи под непосредственным впечатлением от Распутина, а позднее, причем не ранее марта 1916-го. М. М. Ковалевский ушел из жизни 20 февраля 1916 года. Чеботаревская почтила память ученого и учителя очерком «В парижской школе»,⁷¹ в котором вспоминала время, проведенное в Русской высшей школе общественных наук и ближайших соратников Ковалевского — профессоров Ю. С. Гамбарова, Е. В. Де Роберти, Е. В. Аничкова, А. Е. Лосицкого.⁷² Через неделю в той же газете за подписью Сологуба был опубликован некролог «Над свежеею могилою (Памяти М. М. Ковалевского)».⁷³

Ковалевский, застигнутый начавшейся войной на лечении в Карлсбаде, был интернирован австрийцами и только в феврале 1915 года, спустя семь месяцев, в результате давления со стороны общественности и начавшихся переговоров российского Министерства иностранных дел с Веной по обмену пленными, вернулся на родину. Либеральные газеты печатали репортажи о состоянии его здоровья и новости о ходе переговоров. 14 января 1915 года: «В Петербурге получено вечером, 13-го января, известие о том, что член Государственного Совета, знаменитый наш ученый М. М. Ковалевский находится при смерти в Карлсбаде, где он был задержан австрийским правительством в качестве военнопленного».⁷⁴ Члены Государственного Совета обратились к американскому президенту Вудро Вильсону с просьбой «лично похлопотать об освобождении М. М. Ковалевского» (Там же); 29 января: «Сообщают, что вопрос об освобождении проф. М. М. Ковалевского вновь затормозился. <...> Здоровье М. М. Ковалевского без изменений. Единственным его желанием и просьбой, которую он обращает к своим русским друзьям, является просьба перестать ходатайствовать об его освобождении или об улучшении условий его жизни, ибо после каждого такого ходатайства, очевидно, по приказу из Вены, над ними проделывают всякие неприятные штуки, вроде обысков и противных допросов, и положение ухудшается. Он также просит не писать ему, так как письма дальше немецкой полицейской цензуры не идут. Немцы почему-то утверждают, будто бы в лице Ковалевского скрывается важная особа, могущая иметь большое влияние в сферах. М. М. Ковалевский не перестает получать угрожающие письма провокаторского характера. В одном из них прямо говорится, что он будет повешен, если в России не прекратят преследовать немцев».⁷⁵ Наконец,

⁷⁰ Амфитеатров А. В. Жизнь человека неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. И. Рейтблата. М., 2004. Т. 2. С. 398. Впервые: Возрождение (Париж). 1928. 24 янв. № 966. С. 3–4.

⁷¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 25 марта (7 апр.). № 15462. С. 3; то же: Вестник знания. 1916. № 3. С. 220.

⁷² Сохранились рекомендательные письма профессоров парижской школы, данные Чеботаревской по завершении курса, с просьбой предоставить ей, как лучшей выпускнице, литературную работу: письмо Ю. С. Гамбарова к А. С. Трачевскому от 20 мая 1904 года (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 351); письмо М. М. Ковалевского к Ф. Д. Батюшкову также от 20 мая 1904 года (Там же. № 352).

⁷³ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 31 марта (13 апр.). № 15474. С. 3.

⁷⁴ Биржевые ведомости (утр. вып.) 1915. 14 (27) янв. № 14610. С. 3.

⁷⁵ Там же. 29 янв. (11 февр.). № 14640. С. 7.

3 февраля появились сообщения об его освобождении в числе 16 русских пленников, задержанных на разных австрийских курортах в начале войны (по обмену на 10 австрийских консулов и мелких консульских чинов).⁷⁶

В преддверии возвращения Ковалевского на родину 17 февраля «Биржевые ведомости» напечатали очерк о выдающемся российском ученом (на две трети газетной полосы), сопроводив его самыми комплиментарными оценками его научных достижений и общественно-политической деятельности: «В лице возвращающегося сегодня в столицу проф. М. М. Ковалевского враждебная страна возвращает нам одну из нагло присвоенных высоких духовных ценностей России. Имя Ковалевского, „величайшего из Максимов“, как в шутку называют этого, отнюдь не чуждающегося шутки, человека, возникает в памяти всякий раз, как хотят назвать русского, возвысившегося до истинных вершин европеизма. Это имя давно стало рядом с такими именами, как Кони, Боборыкин, Мечников. Воспитавшиеся в идеалах европейского гуманизма и свободы, они сумели соединить самобитность и самоценность русского таланта с выработанным веками типом европейца, чувствующего себя, как дома, среди людей чуждого языка, под иным небом, в обществе, воспитанном веками конституцией. Скептическому к России европейскому миру они сумели показать, какую духовную силу может являть молодая жизненная страна» и т. д.⁷⁷

Ковалевский прибыл в Петроград 19 февраля, на Царскосельском вокзале его встречали члены Государственного совета и Министерства иностранных дел, представители прессы и друзья;⁷⁸ 21 февраля в ресторане «Донон» (наб. Мойки, 24) сотрудники «Вестника Европы» устроили ему торжественный прием. По сообщению газеты, «зал ресторана Донон не мог вместить всех желавших приветствовать вернувшегося из австрийского плена М. М. Ковалевского. Было очень тесно и весьма оживленно. <...> Чествование Ковалевского привлекло представителей самых разных слоев общества. Присутствовали члены Государственного Совета — А. С. Ермолов, Н. С. Таганцев, Д. Д. Гримм, Н. А. Шебеко, члены Государственной Думы — П. Н. Милоков, А. С. Поспелов, Е. П. Ковалевский и др., представители литературы: Федор Сологуб (курсив мой. — М. П.), Ф. Д. Батюшков, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Е. П. Султанова, А. М. Калмыкова; профессора университета, много общественных деятелей».⁷⁹

Первая лекция Ковалевского «О причинах войны» состоялась 27 февраля в Политехническом институте: «Обширная аудитория была переполнена студентами всех отделений института»;⁸⁰ следующая — на тему «Национальный вопрос и империализм» — 7 марта в Александровском зале городской думы («Появление М. М. Ковалевского на эстраде было встречено шумными и продолжительными аплодисментами публики»,⁸¹ через неделю 14 марта Ковалевский выступал в Малом театре с докладом «Война и солидарность ученых», совместно с академиком В. М. Бехтеревым, который прочел лекцию «Война и психоз»⁸² и т. д.

По-видимому, Сологуб и Чеботаревская присутствовали на первой лекции в Политехническом институте, на следующий день в их салоне на Разъезжей состоялся прием, устроенный ими в честь дорогого гостя. В. А. Щеголева,⁸³ в зимние месяцы

⁷⁶ Там же. 3 (16) февр. № 14648. С. 4.

⁷⁷ [В. п.]. М. М. Ковалевский // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 17 февр. (2 марта). № 14676. С. 3.

⁷⁸ [В. п.]. Прибытие М. М. Ковалевского // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 19 февр. (4 марта). № 14680. С. 3.

⁷⁹ Речь. 1915. 26 февр. (11 марта). № 55. С. 4.

⁸⁰ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. № 14698. 28 февр. (13 марта). С. 6.

⁸¹ Там же. 8 (21) марта. № 14714. С. 5.

⁸² Там же. 14 (27) марта. № 14728. С. 5.

⁸³ Щеголева Валентина Андреевна (урожд. Богуславская; 1878–1931) — актриса; жена историка П. Е. Щеголева, входила в близкое окружение Сологуба и Ан. Чеботаревской; см.: Блок и В. А. Щеголева / Сообщение Е. Ю. Литвин и А. С. Гречишкина // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 852–854; *Лавров А. В.* Дневники В. А. Щеголевой в собрании М. С. Лесмана // Русская литература. 2021. № 4. С. 161–162, 163, 164; Переписка Ф. Сологуба и П. Е. Щеголева / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. Л. Соболева // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 62–111.

1915 года постоянно посещавшая журфику писательской четы, 27 февраля записала в своем дневнике: «Завтра иду к Сологуб<ам>, будут у них 2 Максима: Горький и Ковалевский»; 28 февраля (о приеме): «Читали стихи вечером у Сол<огуба> перед почтенной аудиторией. Все милые седобородые люди, такие мудрые и тихие. Ковалевский М. М., Зелинский,⁸⁴ Гамбаров,⁸⁵ проф<ессор>а, Кальманович⁸⁶ <...> — необычное общество в салоне Настиона <Чеботаревской>. И еще Горький тоже тихий, самый тихий. <...> Очарователен Мак. М. Ковалевский. Блестящий оратор, остроумный, веселый, он изумительно, с такой живостью и обаятельным юмором отвечал на приветствия, легко, красиво, что всех пленил. Фед<ор> Кузьм<ич> завяз в длинной речи, видимо, волновался. Я в первый раз видела его таким неуверенным, но и сугубо милым и любезным к почтенным гостям. Пили за здоровье и процвет<ание> евреев, Франции, Польши и Армении. А про Россию не вспомнили, и вышло так, что русский народ во всем виноват, всем нужно бороться, всем нужно отстаивать свои права и якобы теперь и есть самый удобный момент предъявить свои требования правительству. И как длинно и нескладно, и запутано-безнадежно и неумело выплыл Ф<едор> К<узьмич> на углу политическом челне в опасное плавание, насоветовав М. М-у К<овалевскому> воспитывать министров, жутко было слушать, но ничего, с потерями, но выплыл, весь мокрый».⁸⁷

Свидетельство Щеголевой можно считать косвенным подтверждением даты встречи Сологубов с Распутиным: их визит в мастерскую Аронсона, по-видимому, состоялся за день до устроенного ими приема в честь Ковалевского. Вызывает, однако, удивление, что о таком неординарном событии в салоне не говорили (а, казалось бы, гостям и членам «Русского общества для изучения еврейской жизни» было бы интересно услышать «отчет» супругов о встрече с одиозным «старцем»). Или же Щеголева по какой-то причине их рассказ не зафиксировала.

В то же время нельзя не обратить внимания на следующую запись в ее дневнике (датировка публикаторов), в которую, впрочем, вкралась очевидная путаница: «<После 9 апреля.> Приехал Г. И. <Чулков>. У Вас. Вас. Розанова был обед, на котором присутствовали Е. П. Иванов, Тэ<ф>фи, Сологуб и Распутин. Было сильно выпито. Распутин плясал. Г<еоргий> Ив<анович> <Чулков> сказал: Расп<утин> имеет страшный успех у женщ<ин>, ибо он видит у них одну плоть и прямо и резко говорит им об этом, это их пугает и действует опьяняюще».⁸⁸ Розанов, проявлявший чрезвычайный интерес к Распутину как феномену,⁸⁹ ни при каких обстоятельствах не мог пригласить его к себе на обед: во-первых, из-за болезни жены,⁹⁰ к тому же, как было

⁸⁴ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) — филолог-классик, переводчик, культуролог, общественный деятель, профессор Санкт-Петербургского и Варшавского университетов.

⁸⁵ Гамбаров Юрий Степанович (1850–1926) — правовед, ученый-цивилист (специалист по гражданскому праву); ближайший соратник Ковалевского; профессор и один из основателей парижской Русской школы общественных наук.

⁸⁶ Кальманович Самуил Еремеевич (1858–1939) — присяжный поверенный, в 1912–1916 годах — присяжный стряпчий при Санкт-Петербургском коммерческом суде; общественный деятель, с 1911 года член комитета Общества распространения просвещения между евреями в России.

⁸⁷ Дневник В. А. Щеголевой за 1915 г. / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. А. Дровалевой, О. А. Симоновой // Codex manuscriptus. М., 2023. Вып. 3. Документальная история русской литературы первой половины XX века. С. 218.

⁸⁸ Там же. С. 219–220.

⁸⁹ В апреле 1917 года Розанов писал П. П. Перцову: «„Гришка“ и вообще мистериальная личность, вполне чувствовавший себя, хотя, конечно, вполне не сознававший о себе ничего, исторически не сознававший. Это я думаю не „соблазнившийся святой“ Православия, а форменно языческий: святой, „точь-в-точь“, и я безумно жалею, что не свел с ним (для любопытства) дружбы» (Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918): В 2 т. / Вступ. статья Е. И. Гончаровой; сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2023. Т. 2. С. 579).

⁹⁰ В 1910 году жена Розанова — Варвара Дмитриевна (урожд. Руднева, в первом браке Бутиягина; 1864–1923) перенесла тяжелый инсульт, от которого так и не оправилась, см.: Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918). Т. 2. С. 320.

известно, отличавшейся строго христианским и даже пуританским душевным строем; во-вторых, из-за своей падчерицы А. М. Бутягиной, которая ушла из дома, пополнив круг последователей Распутина.⁹¹

В действительности, 9 апреля 1915 года Тэффи, Розанов, А. А. Измайлов и А. Каменский в группе представителей прессы (соответственно: от «Русского слова», «Нового времени» и «Биржевых ведомостей») были приглашены на встречу с Распутиным, организованную И. Ф. Манасевичем-Мануйловым⁹² в квартире А. Ф. Филиппова,⁹³ друга и последователя «старца». Через три дня, как вспоминала Тэффи, «встреча» у Филиппова имела продолжение в том же составе; спустя еще несколько дней состоялся третий, заключительный ужин с «Гришей» (место события участники в своих мемуарах не назвали).⁹⁴ На одну из этих встреч Розанов пригласил Е. П. Иванова. В «Мимолетном» под датой 17 апреля 1915 года есть запись: «Гриша — гениальный мужик. Я сел за ужином по левую руку его, сказав Жене (Евгений Павлович, „Рыженький Иванов“ нашей семьи), сесть по левую руку мою, чтобы и он мог наблюдать. <...> — Гриша, танцуй, воскликнули ему все».⁹⁵ Пляска Распутина весьма эффектно и натуралистично описана в очерке Тэффи («...бросался в пляс с отчаянием и с воплем, как в горящий дом за забытым сокровищем. Я потом видела этот пляс его сатанинский...»; «Вскочил так быстро, что опрокинул стул. Сорвался с места, будто позвал его кто, и отбежав от стола (комната была большая), вдруг заскакал, заплясал, согнул колено углом вперед, бородашкой трясет, и все кругом, кругом... Лицо растерянное, напряженное, не в такт скачет, будто не своей волей, иступленно, остановиться не может...» и т. д.).⁹⁶

Измайлов также записал воспоминания об этом ужине с Распутиным, его очерк был напечатан в «Петроградском листке» 21 декабря 1916 года, спустя четыре дня после убийства царского «Друга». Обещанное продолжение очерка в газете не появилось из-за цензурного запрещения, 23 декабря Измайлов записал в своем дневнике: «3-й и 4-й циркуляр отбили охоту у всех дерзить, и теперь газеты выходят без Распутина. <...> Напеч<атал> свою статью о Распутине и 2-ю не посмел».⁹⁷

Измайлов вспоминал: «Я видел Распутина три вечера, далеко уходящие в ночь, приблизительно в одно время, приблизительно в одинаковой компании, — исключительной, капризной, экзотической и моментами кошмарной. Звонок в телефон — „хотите провести вечер с Распутиным?“ — Как не хотеть? Некогда внук спросит: „Ты жил в те удивительные времена, что же это был за человек?“ И я поехал. Странная,

⁹¹ Там же. Т. 2. С. 122.

⁹² Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869/1871–1918) — журналист, авантюрист, агент Охранного отделения, чиновник особых поручений при председателе совета министров Б. В. Штюрмере (1916); в августе 1916 года был арестован по обвинению в вымогательстве, уволен со службы; в феврале 1917 года приговорен к заключению с лишением всех прав, после Февральской революции освобожден, расстрелян при переходе границы с Финляндией.

⁹³ Филиппов Алексей Фролович (1869–1936; по др. сведениям 1950-е) — журналист, сотрудник газеты «Русское слово», владелец журнала «Русское обозрение» (Москва), редактор газеты «Черноморское побережье» (Новороссийск, 1910–1911) и политического еженедельника «Дым отечества» (1912–1914); банкир, занимался шантажом банковских компаний, входил в близкое окружение Г. Распутина; автор воспоминаний о Г. Гапоне (Филиппов А. Странички минувшего. СПб., 1913); в советское время сотрудник разведки. См. о нем: Медоваров М. В. Национал-монархист, национал-демократ, национал-большевик Алексей Фролович Филиппов. СПб., 2021. В период газетной травли Распутина выступал в его защиту, см. его статью «Распутствующие» (Дым Отечества. 1913. 20 июня. № 25. С. 7–8); перепеч.: Григорий Распутин: pro et contra. Антология / Сост., вступ. статья, краткие биографические справки упоминаемых в антологии лиц С. Л. Фирсова. СПб., 2020. С. 200–202 (сер. «Русский путь»).

⁹⁴ В очерке Тэффи сообщается, что это был дом некоего «С.». Судя по всему, имеется в виду Георгий Петрович Сазонов (1857 — после 1917) — русский статистик, журналист, издатель, редактор газеты «Россия» и журнала «Экономист России», входил в ближайшее окружение Распутина.

⁹⁵ Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Ломоносова. М., 2011. С. 84.

⁹⁶ Тэффи. Распутин. С. 385.

⁹⁷ Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. СПб., 2025. С. 561.

неприятная для меня атмосфера дома, где так и чувствуется — „делают дела“. <...> И странно-пестрая компания, в которой бы ни за что ни оказался ни в каком ином случае! Три или четыре заправила кинематографических фирм. Представитель большого издательского дела с весьма своеобразным отливом. Артист виднейшего театра с гитарой и анекдотами. Четыре красивые дамы, — все балзаковского возраста. Три писателя — В. В. Розанов, Н. А. Тэффи, А. П. Каменский. Несколько человек без речей — скромные, не то с большой застенчивостью, не то с большого похмелья фигуры» и т. д.⁹⁸

Заметим, что ни Измайлов, ни Тэффи присутствие Сологуба / Сологубов на вечерах с Распутиным не подтверждают, если только умолчание не было продиктовано конспиративной тайной, которая оговаривалась приглашающей стороной.⁹⁹ Более вероятно, что В. А. Щеголева в своей дневниковой записи («<После 9 апреля>») соединила разные свидетельства, дошедшие до нее в чем-то изложении: 1) рассказ Сологубов о визите в мастерскую Аронсона и 2) об ужине с Распутиным Розанова, Тэффи, Измайлова и Каменского.¹⁰⁰

После встречи литераторов со «старцем» полиция произвела обыск на квартире Филиппова. «На другой день, — вспоминала Тэффи, — пришел ко мне Измайлов, страшно расстроенный. — Случилась ужасная гадость. Вот прочтите. — Дает газету. В газете сообщалось о том, что Распутин стал часто бывать в кругу литераторов, где за бутылкой вина рассказывает разные забавные анекдоты о чрезвычайно высоких особах. — Это еще не все, — прибавил Измайлов. — Сегодня был у меня Ф. и говорил, что его неожиданно вызвали в охранку и допрашивали, кто именно из литераторов у него обедал и что именно Распутин рассказывал. Грозил высылкой из Петербурга. Но что противнее и удивительнее всего, так это то, что на столе у допрашивавшего его охранника Ф. ясно видел тот самый листок — который собственной рукой написал Маныч <Манасевич-Мануйлов>».¹⁰¹

В «Выписке из данных наружного наблюдения Гр. Распутина за время с 1-го января 1915 г. по 10 февраля 1916 г.», опубликованной в «Красном архиве», имеется запись от 9 апреля (имена участников собрания в ней не названы, поскольку филеры фиксировали только сведения о внешнем наблюдении — на улице): «Распутин в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет „Деньги“ и „Биржевой

⁹⁸ Измайлов А. Три вечера (Из недавних воспоминаний) // Петроградский листок. 1916. 21 дек. (3 янв.). № 351. С. 2. Благодаря А. С. Александрова за предоставленные сведения.

⁹⁹ Тэффи. Распутин. С. 368–371.

¹⁰⁰ По впечатлениям вечера с Распутиным на квартире Филиппова А. Каменский написал пьесу «Завтра», премьера которой должна была состояться в театре Л. Б. Яворской в декабре 1915 года (анонс.: Обзорение театров. 1915. 20–21 дек. № 2967–2968. С. 27), однако постановка была запрещена за «чрезмерный эротизм» (см.: Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург. Начало XVIII века — Октябрь 1917 года. Обзорение-путеводитель. СПб., 1994. С. 243). Цензурный экземпляр (литографированное издание, под загл.: «Может быть, завтра»); Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. № 39635. 77 стр. По сведениям Э. Радзинского, пьеса была запрещена в день премьеры по распоряжению министра внутренних дел С. П. Белецкого (см.: Радзинский Э. Распутин: Жизнь и смерть. М., 2000. С. 347–348). Книга Радзинского — беллетризованное остросюжетное изложение биографии Распутина. Она основана на документах, отложившихся из обширного комплекса материалов «Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств», созданной Временным правительством (основной корпус материалов хранится в Государственном архиве Российской Федерации). Автор получил эти документы («То Дело») в дар от М. Л. Ростроповича, который приобрел их на аукционе «Сотбис». См. рецензию Г. З. Иоффе на это издание: Отечественная история. 2002. № 3. С. 182–185; перепеч.: Григорий Распутин: pro et contra. Антология. С. 708–717.

¹⁰¹ Радзинский Э. Распутин: Жизнь и смерть. С. 390. В данном случае подразумевается прохождением из ближайшего круга Распутина и агент охранки Манасевич-Мануйлов (см. прим. 90), а не Петр Дмитриевич Маныч (?–1916) — богемный литератор и скандалист из «свиты» Куприна.

День“, и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра».¹⁰² Показания Филиппова (с именами участников встречи) опубликованы в книге Э. Радзинского.¹⁰³

Распутин находился под усиленным наблюдением полиции и охранного отделения (кличка: «Тёмный»), а с июля 1914 года после покушения на него Гусевой царского «Друга» не только охраняли, но и отслеживали. Примечательно в этой связи, что в опубликованных отчетах агентов охраны за весь указанный срок (чуть более года) ни разу не встречается имя Аронсона, хотя в первую половину 1915-го, в период работы над бюстом, Распутин посещал скульптора многократно («период почти ежедневного общения в течение ста пятидесяти дней»¹⁰⁴); к тому же Аронсон, тяготившийся его обществом, нередко приглашал на сеансы гостей, в том числе иностранцев, — понаблюдать за «мужиком». Казус охраны можно объяснить лишь неполнотой сохранившихся отчетов.¹⁰⁵

К примеру, в апреле 1915 года в мастерской побывал Дж. Шелли (во время поездки в Россию он встречался с Распутиным не один раз). Впоследствии Шелли рассказал об этом визите в своем травелогe, сказав при этом имя мастера (Arendsen) и назвав его датским скульптором. О работах Аронсона он отозвался восторженно, о нем самом и его отношении к Распутину — по-английски сдержанно: был утомлен, выглядел уставшим от Григория, враждебен к нему и недоброжелателен, смотрел на него с презрением, оскорблял; будто бы он нарочито громко спросил Шелли: «Voulez vous serrer la main se cochon-la?» («Вы пожмете руку этой свинье?»), имея в виду Распутина, не знавшего французского. — „С удовольствием!“ — ответил я, к его удивлению».¹⁰⁶ (Далее рассказчик рисует фантасный, «под глянec», богатырский образ русского крестьянина — в духе каданса «Сибирского странника» Розанова.)

Судя по описанию Шелли, Аронсон тяготился этим заказом (что подтверждается и предысторией начинания). Распутин вызывал у него, «европейца», отвращение, как и у Тэффи («...скакал козлом, страшный, нижняя челюсть отвисла, скулы обтянулись, пряди волос мотаются, хлещут по впалым орбитам глаз»¹⁰⁷). В интервью корреспонденту «Le Temps» Аронсон как будто бы с некоторым удовольствием или даже злорадством подчеркивал деструктивные, антиэстетические черты его облика: «...чего вы не видите на фотографии или на бюсте, — продолжал Аронсон, — так это цвета лица — цвета лица пьяницы, закоренелого алкоголика, землистого-серого, ужасающего. <...> Факт остается фактом: он умывался во время еды, потому что ел руками. Не было ничего на свете грязнее и отвратительнее этого зрелища, и все же его дамы никогда не переставали смотреть на него с обожанием» и т. п.¹⁰⁸

Изложенные нами факты подводят к заключению, что никакими прямыми свидетельствами, подтверждающими документальную основу очерка «Встреча с Распутиным», мы не располагаем, за исключением отдельных деталей (косвенных) — упоминаний о «Русском обществе для изучения еврейской жизни» и о знакомстве с Ковалевским. Авторская датировка события (зима 1915 года) как будто бы исключает позднейшие (к примеру, апрельские). Но ведь между событием и его фиксацией про-

¹⁰² Красный архив: исторический журнал. 1924. Т. 5. С. 274.

¹⁰³ Радзинский Э. Распутин: Жизнь и смерть. С. 344–346. Радзинский основывается на протоколе допросов Филиппова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 года о его отношениях с Распутиным. Подлинник этого дела находится в личном пользовании Радзинского (см. прим. 100), вне прямого доступа для профессиональных историков (Медоваров М. В. Национал-монархист, национал-демократ, национал-большевик Алексей Фролович Филиппов. С. 11).

¹⁰⁴ Mille P. Souvenirs sur Rasputine.

¹⁰⁵ Как сообщается в редакционной преамбуле к публикации, материал составлен не из сырых донесений агентов, а представляет собой сводку донесений, обработанных отделением полиции (Красный архив: исторический журнал. 1924. Т. 5. С. 271).

¹⁰⁶ The Speckled Domes. Episodes of an Englishman's life in Russia by Gerard Shelley. P. 36.

¹⁰⁷ Тэффи. Распутин. С. 385.

¹⁰⁸ Mille P. Souvenirs sur Rasputine.

шло не менее года, а то и больше, неточность, допущенная рассказчиками, может быть оправдана аберрацией памяти. По возвращении из австрийского плена Ковалевский читал публичные лекции еженедельно — и в марте, и в апреле, как сообщали газеты, а следовательно, за авторской ремаркой «Спешили на лекцию покойного Ковалевского» в реальности могла стоять и другая дата (не зимняя). Отдельными деталями текст Сологуба и Чеботаревской перекликается с воспоминаниями Тэффи и Измайлова, в результате может создаться впечатление (как и по записи В. А. Щеголевой), будто бы речь идет все о той же встрече литераторов, состоявшейся в один из апрельских дней 1915 года, ср.: «...поразило то, что Распутин не выражал ни малейшего интереса ни к присутствующим (на лицо было несколько писателей, редакторов журнала и пр.), ни к содержанию беседы» (курсив мой. — М. П.).

И тем не менее в очерке Сологуба и Чеботаревской речь идет о другом событии — о встрече с Распутиным в мастерской Аронсона. Не называя дату (и адрес), об их визите, буквально вскользь, одной фразой, упоминает Е. П. Семенов (единственное известное нам свидетельство¹⁰⁹) в предисловии к мемуарной книге А. А. Волкова «Около царской семьи» (1928): «Когда по инициативе некоторых друзей я, в 1915 г., допрашивал Распутина в мастерской известного скульптора Н. Л. Аронсона (лепившего его бюст), в присутствии Сологуба, его жены — А. Чеботаревской, самого Аронсона; редактора „Солнца России“ А. Э. Когана и др. <....>» и т. д.¹¹⁰

Рассказ выдержан в несколько отстраненной, корректной «исследовательской» интонации, свойственной публицистическим текстам Сологуба, — без резких выпадов, которых можно было бы ожидать от экспансивной Чеботаревской и которыми сильно заряжены, например, воспоминания Тэффи, не скрывавшей раздражения, брезгливости и отвращения к объекту всеобщего внимания.

Отметка об отправке текста в повременную печать, обычно выставляемая Сологубом на карточках авторской библиографии, в данном случае отсутствует. Возможно, супруги предполагали доработать или дополнить мемуар другими эпизодами, но и в таком виде он вполне подходил для публикации в газете, объем очерка соответствует среднему размеру сологубовской статьи для «Биржевых ведомостей», «Петроградского голоса» или «Жизни» — полторы-две колонки. При иных цензурных условиях он мог бы стать эффектным дополнением к воспоминаниям Измайлова, тем более что с редактором «Биржевых ведомостей» и «Петроградского листка» Сологуба связывали многолетние деловые и дружеские отношения.¹¹¹ Однако в предреволюционные годы даже такой, в сущности, невинный текст, как «Встреча с Распутиным», мог прозвучать серьезным политическим высказыванием, каковым он по сути и был для своего времени и каковым открывается в контексте авторского замысла и истории создания.

¹⁰⁹ Сообщено А. Л. Соболевым.

¹¹⁰ Цит. по: Волков А. А. Около царской семьи / Предисловия вел. кн. Марии Павловны и Е. П. Семенова. Париж, 1928. С. 9. Семенов Евгений Петрович (наст. имя Соломон Моисеевич Коган; 1861–1944; псевд. С. Княжнин) — журналист леворадикального направления (печатался в «Речи», «Русском слове», «Дне», «Общем деле» и др.); народоволец; многие годы провел в политической эмиграции во Франции; сотрудник «Mercure de France». В 1905 году выпустил книгу о еврейских погромах в России, с предисловием А. Франса. Упоминается: Коган Александр Эдуардович (1878–1949) — журналист, редактор-издатель иллюстрированного еженедельника «Солнце России».

¹¹¹ См.: Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 194–293. Примечательно, что, по сообщению «Петроградского листка» 25 апреля 1917 года (уже при новых условиях, Временное правительство ликвидировало «Главное управление по делам печати», отменив цензуру) в зале Петровского училища состоялся доклад Рюрика Ивнева «Распутин — неудавшийся „дядя Влас“»: «Беседа после доклада, под председательством Ф. К. Сологуба, разгорелась надолго, и администрации зала пришлось усиленными звонками и тушениями приглашать публику уйти от Распутина» (Петроградский листок. 1917. 26 апр. (9 мая). № 101. С. 2).

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-112-122

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ БЫТ В ПЕРЕПИСКЕ А. А. ИЗМАЙЛОВА И И. И. ЯСИНСКОГО 1918–1920 ГОДОВ

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. С. АЛЕКСАНДРОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)

История деловых и дружеских отношений А. А. Измайлова и И. И. Ясинского в самых различных аспектах уже становилась предметом наших исследований.¹ В настоящей публикации представлена переписка литераторов 1918–1920 годов, продолживших общение после Октября 1917 года, несмотря на диаметрально противоположные позиции по отношению к новой власти. Прерванная преждевременным уходом Измайлова из жизни, данная переписка является ярким свидетельством преодоления не только тягот, обрушившихся на русскую интеллигенцию, но и, в первую очередь, противоречий, разделивших общество на два непримиримых лагеря.

После октябрьских событий литературная деятельность Измайлова и Ясинского в значительной степени протекала параллельно. В своих мемуарах «Роман моей жизни» Ясинский отметил, что Измайлов крайне скептически отнесся к возможности говорить о появлении достойных литературных явлений в условиях новой реальности, и привел свои возражения, высказанные в личной беседе с ним: «Тогда я сказал, что отчего же не говорить; разве сразу началась и развилась та блестящая литература, которая ознаменовала собою наш так называемый буржуазный период, или, точнее, дворянско-мещанский; от Тредиаковского до Пушкина и от Пушкина до Тургенева, Толстого и Достоевского какой огромный шаг на протяжении всего 100 лет и каким обществом был сделан: грубым, темным, рабовладельческим».² Ясинский начал активно сотрудничать во вновь появившихся советских периодических изданиях («Красный огонек», «Пламя», «Грядущее»), литературных объединениях и организациях, в первую очередь Пролеткульте и Госиздате, писал предисловия к сборникам пролетарских поэтов, выступал с лекциями. Измайлов продолжил издание газеты «Петроградский голос» (последний номер вышел 3 августа 1918 года) и публиковался в ряде независимых изданий («Вечерний час» («Новый вечерний час»), «Вестник литературы» — вел рубрику «Что делается в литературе», «Наш путь»».³

Однако в отзывах Измайлова и Ясинского о тех или иных авторах и их публикациях, а также в общей оценке литературной ситуации, при всем различии идеологических установок, прослеживаются и точки пересечения, свидетельствующие о стремлении к объективной критической оценке тех или иных произведений и просвещению «читающей публики». Не случайно в заметке «От издателя», опубликованной в первом номере журнала «Красный огонек», в котором Ясинский, наряду с А. Альперовичем, состоял редактором, было отмечено: «Мы умышленно отгораживаемся от так называемой желтой политики. Журнал наш — исключительно журнал литературы и искусства. <...> отдавая должную дань литературным заслугам наших прославленных

¹ См.: Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского: (1915–1916 гг.) / Подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: Формы взаимодействия и методология анализа: Коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021. С. 375–400; Мисникевич Т. В., Александров А. С. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: Эпистолярный диалог // Русская литература. 2023. № 2. С. 157–168; Между двух революций: 1917 год в переписке А. А. Измайлова и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова и Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2024. № 4. С. 188–201; Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. СПб., 2025. С. 311–330 и по указателю.

² Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникевич; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 540.

³ Подробнее об этом см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. (по указ.).

писателей и поэтов, мы не будем все-таки гнаться за именами, а будем печатать только такие литературные произведения, которые представляют безусловный интерес для читателя».⁴ В редакционной статье в первом номере журнала «Вестник литературы» декларировалось: «Литературное безвременье, переживаемое нами, вследствие необычайной дороговизны бумаги и печатания и отсутствия периодических изданий, помещавших библиографические сведения, ставит в затруднительное положение читающую публику. <...> С настоящего выпуска нашего „Вестника“, преобразованного в „Вестник литературы“, мы будем помещать, кроме обычных сообщений, и литературный материал, и сведения о литературных новинках».⁵

В частности, непредвзятая оценка «литературных новинок», вызванных к жизни октябрьским переворотом, присутствует в отзывах Измайлова и Ясинского на сборник стихотворений Василия Князева «Красное евангелие: Свиток 1-й» (Пг., 1918). Так, Измайлов, критикуя его «выспренние стихи» и определяя их как «догматику „красного сердца“», «опыт по заказу», не отказывает «и в таланте, и в страстной и горячей заpalчивости» его стихотворениям «в жанре Беранже».⁶ Ясинский же, всячески приветствуя идеологические установки автора, не без иронии отмечает «необыкновенную продуктивность автора „Красного евангелия“ и др<угих> красных сборников, при неизменной односторонности его неиссякаемого вдохновения».⁷ Не лишена объективности и рецензия Измайлова на второе издание сборника стихотворений И. Ионова «Алое поле» (Пг., 1918): «Что симпатично в песнях И. Ионова сравнительно с песнями большинства пролетарских поэтов, — это отсутствие нарочитости в его небольшой книжечке, — нарочитой сердитости, нарочитых „жалких воспоминаний“ из быта пролетария, нарочитой восторженности, нарочитых слов, красных, как пасхальное яйцо. Ионов уже познал святую тайну простых слов, чуждых театральной преувеличенности, и инстинкт отталкивает его от того фальцета, которым поют многие стихотворцы, отнюдь не одаренные высоким тенором».⁸

В отличие от многих современников, подвергших Ясинского ostrакизму после публичного признания им власти большевиков, Измайлов не исключил писателя из круга литературных деятелей, значимых для сохранения и поддержки российской культуры. В обзоре «Что делается в литературе», который он вел в журнале «Вестник литературы», сетуя на тяжелое положение литераторов и литературы в целом («Литература временно упразднена»), Измайлов упомянул Ясинского в ряду писателей, «остающихся на берегах Невы».⁹ Подобное ровное, лишенное каких-либо негативных оценок отношение к Ясинскому, человеческий и писательский облик которого неизменно был под прицелом жесткой критики, складывалось у Измайлова на протяжении многих лет; критик видел в Ясинском прежде всего «чистого художника», в своей книге «Литературный Олимп» он отметил: «После Лескова никто не вкушал так болезненно терний писательства и огорчений писательского одиночества. Он выстоял против ожесточеннейших критических походов. Временами против него составлялись как бы немые заговоры молчания. И как у Лескова, с которым в нем есть вообще много общего, — и по темпераменту чистого художника, и по задору шестивий против течений, и по превосходному мастерству сюжетной выдумки, и по редкому ощущению стиля, — бурные нападения и злое замалчивание шли совершенно независимо от падений и вспыхиваний этого таланта, ровно горящего на протяжении всей жизни».¹⁰ Вполне закономерно

⁴ Красный огонек. 1918. Февраль. № 1. С. 32.

⁵ Вестник литературы. 1919. Январь–февраль. № 1–2. С. 1.

⁶ Там же. Март. № 3. С. 9.

⁷ Пламя. 1920. Март. № 4. С. 15.

⁸ Вестник литературы. 1919. Март. № 3. С. 10. Ср. также рецензии Измайлова и Ясинского на сборник Н. Клюева «Медный кит» (Пг., 1918) (Вестник литературы. 1919. № 5. С. 8; Пламя. 1920. Март. № 4. С. 15).

⁹ Вестник литературы. 1919. Январь–февраль. № 1–2. С. 8.

¹⁰ Измайлов А. А. Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев: Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911. С. 399. Подробнее о восприятии Измайловым личности и творчества Ясинского см.:

горькое впечатление Измайлова от вечера в честь 50-летия литературной деятельности Ясинского, зафиксированное в его дневнике: «За юбилеем в нем прославляли коммунара. Почти ничто не говорилось о его прошлой деятельности писателя. О нем говорили люди, решительно его не знавшие. <...> С каким горьким сарказмом должно быть воспринял эту похвалу человек, который действительно был близок к Салтыкову, которого Гончаров ставил в образец писательского мастерства, хотел видеть Тургенев, приезжая в Россию на минуту! Плачевнее всего был момент, когда кто-то косноязычный, неумный, стесняющийся стал оплакивать его старые ноги, которые должны и теперь бегать по лекциям, чтобы заработать хлеб. Точно сидит здесь не этот холеный Гончаровым и Салтыковым маститый писатель, а старый разбитый богадел, которого все забыли».¹¹

В свою очередь Ясинский отдал должное Измайлову в посвященной ему главе «Романа моей жизни»; именно эта глава отличается объективностью оценок, проникновенным тоном и меньшей «переверсткой» фактов; Ясинский сумел точно подметить основные черты облика Измайлова: «Он был истинный петербуржец, ему нравилось возвращаться в литературных кругах <...> Вся моя семья искренно любила его. Он умел подходить к людям с дружелюбным расположением, с дружеским советом, с участливыми расспросами об их радостях или горе и всегда сочувствовал им непритворно, у него был такой склад души».¹²

По-видимому, взаимное уважение, а также давние коллегиальные связи, в первую очередь многолетнее сотрудничество в газете «Биржевые ведомости», позволили Измайлову и Ясинскому сохранить добрые отношения и морально поддерживать друг друга. Содержание их пореволюционной переписки преимущественно определили бытовые и жизненные обстоятельства (нехватка продуктов, отсутствие транспорта, безденежье, поиск заработка, служебные обязанности, потеря близких), в меньшей степени — литературные деятельность и творческие планы.

В состав настоящей публикации включено 3 письма Ясинского к Измайлову и 9 писем Измайлова к Ясинскому. Письма печатаются по автографам, хранящимся в личных фондах Измайлова (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 2. № 392) и Ясинского (РНБ. Ф. 901. № 752; ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 310). Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными нормами.

1

Ясинский — Измайлову

<5 сентября 1918 года>

Дорогой друг Александр Алексеевич, был очень огорчен тогда <нрзб.>, когда Вы были с Брусяниным.¹ И буду счастлив Вашим посещениям всегда. Дома я только с утра, в особенности теперь, когда нет моей несравненной Клавдии, друга и товарища.² Не мог поздравить Вас с «ангелом»,³ п <отому> что дорожил минутой для Клавдии. Не обижайтесь.

Жму Вашу руку, Ясинский.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 392. Л. 85. Датируется по почтовому штемпелю. На почтовой карточке, выпущенной к 100-летию А. С. Пушкина. Адресовано: «Здесь. 17 Линия Вас. Острова. Дом 70. Александру Алексеевичу Измайлову».

¹ Брусянин Василий Васильевич (1867–1919) — прозаик и журналист, сотрудник газеты «Петроградский голос».

² Клавдия Ивановна Степанова (1879–1918), гражданская жена Ясинского, была активным помощником в его литературных делах, в частности, она состояла редактором-издателем журнала «Живописец»; в книге воспоминаний «Роман моей жизни» Ясинский писал о Степановой: «Она обладала литературной грамотностью в лучшем смысле этого слова и вела, кроме того, се-

Пильд Л. Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 24–27.

¹¹ ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 7. № 33. Л. 35. Полный текст записи см.: Александров А. С. Измайлов — критик и журналист. С. 328–330.

¹² Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 536.

кретарское дело, заведовала конторой моих журналов и сотрудничала в них, делая всегда толковые выдержки из литературных новинок. <...> Ей был обязан я, что, прекратив „Ежемесячные сочинения“, основал „Беседу“. Точно так же по ее почину был основан журнал „Провинция“» (Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 548). После Октября 1917 года Степанова служила делопроизводителем в Наркомтруде, а в дальнейшем в Пролеткульте; Ясинский вспоминал: «Служба моя в Пролеткульте не требовала от меня утреннего пребывания в редакции. Что же касается Клавдии Ивановны, то она должна была являться ровно в 10 часов. <...> Наша домашняя экономика поэтому обменялась своими функциями в некоторой степени: жена уезжала с Черной речки в Пролеткульт, а я спешил сделать кое-какую черную домашнюю работу, в уверенности к тому же, что после 5 часов мы вернемся, прихватив с собою какого-нибудь товарища...» (Там же. С. 707).

³ День ангела Измайлов праздновал 30 августа в день перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург. Именины критика были не только событием его личной жизни, но заметным явлением в литературной повседневности Петербурга. В разные годы эти торжества посещали известные беллетристы, журналисты.

2

Измайлов — Ясинскому

21/IX 1918 г<ода>

Дорогой Иероним Иеронимович,

Если бы Вы ничего не имели против того, чтобы со мною повидаться, и если это Вам позволяет время, — я очень был бы рад к Вам приехать, в день и час, Вами назначенный (лишь бы не поздно выбраться обратно, при нынешнем бездорожье). Очень жалел, что в тот заезд к Вам не застал Вас.

Искренне Ваш

А. Изм<айлов>

Печатается по: РНБ. Ф. 901. № 752. Л. 27. На редакционном бланке газеты «Петроградский листок».

3

Ясинский — Измайлову

<25 сентября 1918 года>

Дорогой Александр Алексеевич,

Клавденька скончалась. Вы не читаете красных газет и не были на ее похоронах.¹ Горе неслыханное, только теперь познал я горечь горя. Вас рад видеть всегда. Бываю по утрам до 1 часа дома. Одиночество и ужас. Крепко жму Вашу дружескую руку. (А Вы когда бываете у себя?)

Иер. Ясинский.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 155. Оп. 3. № 392. Л. 87. Датируется по почтовому штемпелю: 25.9.1918. Открытка с видом: «Львов. Театр», издательство «Арт», Львов, 1914. Адресована: «Здесь. 17 линия, Вас<ильевский> Остр<ов> 70. Александру Алексеевичу Измайлову».

¹ К. И. Степанова скоропостижно скончалась в ночь на 21 сентября 1918 года от «испанки»; объявление о ее смерти и похоронах было опубликовано в «Красной газете» (1918. 22 сент. № 200. С. 4), некролог — в «Красном огоньке» (1918. № 13. С. 16); см. также: Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 709–711.

4

Измайлов — Ясинскому

<26 сентября 1918 года>

Дорогой Иероним Иеронимович,

Сочувствую от души Вашему великому горю. Грустно, что не мог по незнанию ни отдать последнего долга почившей, ни позвать Вашу руку в час такого несчастья.

Читаю «Коммуну»,¹ — и то бывает, что № ускользнет: и моя жизнь совершенно разорена, живу без прислуги, голодаю без преувеличений, ищу забвения, а жизнь докучает еще не поконченными дрязгами недавней кабалы.²

По полнедели сижу дома. Буду счастлив Вас видеть (лучше бы с предварением в телефон 132-24).

Изредка снимаюсь с утра (не буду в понедельник). Теперь, кажется, придется выезжать вечерами, — буду читать перед кинемосеансами.³

Позвольте навестить Вас завтра, в пятницу, т. е. для Вас — сегодня, 27-го, утром — до 1.

Душевно Ваш
А. Измайлов

26, четв<ерг>.

Печатается по: РНБ. Ф. 901. № 752. Л. 56–56 об. На редакционном бланке газеты «Петроградский голос».

¹ Имеется в виду газета «Северная коммуна» (Известия Исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов Северной области и Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов); объявление о смерти К. И. Степановой в ней не публиковалось.

² Речь идет о газете «Петроградский голос». После закрытия в августе 1918 года у издания остались долги перед авторами, Измайлов вынужден был списываться с многочисленными сотрудниками, извиняться и объяснять положение дел. См., например, письмо к П. П. Гнедичу от 21 августа 1918 года: «Превратности судьбы нашей газеты — в самом процессе. Если в дело входит компаньон, — всё войдет в норму на этих днях, и последует окончательная с вами расплата. Если судьба не состоится, — будет совершена ликвидация дела, и мною специально заявлено издательству о необходимости полного погашения долга Вам. Во всяком случае я Вас уведомил о наших делах» (ИРЛИ. Ф. 73. № 260. Л. 13–13 об.).

³ В архиве критика сохранился список лекций (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 7. № 49), которые он читал в 1918–1919 годах. Измайлов выступал в кинотеатрах «Прогресс», «Форум», «Мысль», «Луна-Парк», «Муза», «Гранд-Палас», «Россия», «Рампа», «Маяк», «Сплendid-Палас» и др. Ленты, которые он предварял лекциями, представляли собой мелодрамы, «окультистские драмы» и экранизации художественных произведений, среди них фильмы: «Перстень зла», «Живой труп», «Война и мир», «Рабы любви», «Дворянское гнездо», «Когда мы мертвые», «Барышня и хулиган», «Отверженные», «Иван Грозный», «Черное и белое», «Драма на охоте» и др. (см. подробнее: Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. С. 597–598). См. об этом также в воспоминаниях В. Ф. Боцяновского: «Все мы, лекторы, были непрофессиональными профессорами. Тут выступали покойный теперь критик и беллетрист А. А. Измайлов, блестящий оратор, известный писатель А. Р. Кугель, Н. Г. Шебуев, Н. Д. Носков, профессор Д. М. Позднеев, М. П. Кленский и другие. Больше все журналисты и литераторы. <...> Известный в свое время критик А. А. Измайлов как-то даже подслушал относительно себя описательное название: „который из Форума“ ... ударение на „у“, „Форум“ — это кино на Васильевском острове, где он читал. Здесь было два кино: „Форум“ и „Прогресс“, — причем туземцы в первом названии делали ударение на „у“, а во втором — на „о“... Я даже собирался написать рассказ „Который из Форума“» (Боцяновский В. Ф. Голоса эпохи: Статьи и воспоминания / Науч. ред., сост., вступ. статья А. С. Александрова. СПб., 2023. С. 252).

5

Измайлов — Ясинскому

18/XI <1918>

Дорогой Иероним Иеронимович,

В. И. Немир<ович>-Д<анченко>¹ очень просит Вас в эту среду, в 3 часа, посетить его (Николаевская, 41).² И я бы с Вами там был счастлив увидеться.

Крепко обнимаю.

Ваш А. Изм<айлов>.

Печатается по: РНБ. Ф. 901. № 752. Л. 28. На почтовой карточке. Датируется по почтовому штемпелю: 18.11.18. Адресовано: Здесь, Черная речка, Головинская ул., 9. Иерониму Иеронимовичу Ясинскому.

¹ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) — прозаик, путешественник и журналист.

² Ныне ул. Марата. Доходный дом, арх. А. С. Лыткин, литератор проживал здесь с 1905 по 1920 год. Измайлов писал о послереволюционной судьбе квартиры Немировича-Данченко: «На дверях квартиры Вас. И. Немировича-Данченко на Николаевской надпись — „домовая контора“. Там, где висели фотографии Мадрида и Кадикса, — ряды стульев, на которых по вечерам обсуждаются вопросы о местном кооперативе, компроде и карточках. Сам он потеснился, но от его столовой веет прежним теплом и радушием...» (Измайлов А. Что делается в литературе // Вестник литературы. 1919. Январь–февраль. № 1–2. С. 8).

6

Ясинский — Измайлову

17 июня 1919.

Дорогой и милый Александр Алексеевич, Вы и не подозреваете, как обрадовало меня Ваше чудесное письмо.¹ Я даже заплакал. Со времени смерти Клавушки² я, впрочем, часто плачу: горе мое горит, да и старость слезлива. Не правда, будто старики черствы. Скорее моя молодость была черства. От Коринфского³ я тоже получил хорошие строки. Ах, славный Александр Алексеевич, как хочется Вас! Да, да, приезжайте 28 июня. Это придется в субботу — ту.⁴ По субботам рано кончаются занятия, я же и вовсе не пойду.⁵ Переночуйте у меня. Авось голодны не будете. Хороший друг! Не забудьте. А не захотите ночевать — пароходы есть — до 11 часов, от Летнего Сада и до Приморского вокзала.⁶ Целую Вас! Иер. Ясинский.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 392. Л. 86. На открытке с видом Firenze. Piazza del Duomo.

¹ Упомянутое письмо не обнаружено.

² См. прим. 1 к п. 2.

³ Коринфский Аполлон Аполлонович (1868–1937) — поэт, журналист, прозаик и переводчик; сотрудник массовых периодических изданий. Письма, о которых идет речь, см.: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 361.

⁴ Именины Ясинского (преподобного Иеронима Блаженного, Стридонского, 28 июня) в 1919 году приходились на субботу.

⁵ Ясинский преподавал в Училище командного состава флота, бывшем Морском корпусе, расформированном в 1918 году; в его здании открылись Курсы командного состава флота, которые в 1919 году были реорганизованы в Училище командного состава флота. В «Книге воспоминаний» и в автобиографиях 1923 и 1929 годов он отмечал: «...2 с половиной года тоже преподавал историю русской литературы и историю революционных движений в России в Комсофлоте (бывшем Морском корпусе)»; «...а по субботам, в течение трех лет, читал в Комсофлоте при Морской академии курс русской литературы в связи с историей революционного движения»; «...был штатным преподавателем в Комсофлоте, при Военно-морской академии» (Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 713; Т. 2. С. 172, 177).

⁶ Подразумевается пристань в Новой Деревне недалеко от железнодорожного Приморского вокзала (Приморский пр., 15, здание ныне утрачено), куда прибывали пароходики от Летнего сада. Пристань находилась недалеко от места проживания Ясинского.

7

Измайлов — Ясинскому

<20-е числа июня 1919 года>

Милый Иероним Иеронимович,

Перспектива именинного дня у Вас — обольстительна. Но утро ночевки — воскресенье, день бестрамвайный. Идти домой при нынешней истощенности — боюсь, взять у Вас два дня — невозможно.

Не позволите ли, ввиду этого, побывать у Вас вместо субботы, 28, в пятницу, 27-го. Я приехал бы с последним трамваем (6), воспользовался Вашим гостеприимством

ночью, поздравил бы Вас в день именин и утром уехал бы, — с Вами, если и Вы поехали бы на службу, или один, если бы Вы в этот день предпочли остаться дома.¹

Позвольте сделать так, если это не рушит каких-либо Ваших планов. Вечер с Вами, без спешки, без необходимости торопиться домой и ловить трамвай — полон для меня прелести. Если не будет Вашего отказа, я пойму Ваше молчание, как согласие, и непременно приеду к Вам, захватив укруп хлеба.

Душевно Ваш
А. И.

Печатается по.: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 310. Л. 1–1 об. Датируется по содержанию.

¹ См. запись в дневнике Измайлова от 30 июня 1919 года: «Ночевка у Ясин<ского> на день его именин» (Дневник А. А. Измайлова // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 7. № 51. Л. 757).

8

Измайлов — Ясинскому

12 Сент<ября> / 30 VIII <1919>

Не было главного моего именинного подарка нынче 30-го, — не было Иеронима Иеронимовича. Не мог соорудить пирога, — в особенности столь великолепного, какой был на Черной Речке,¹ но с кануна радостью был озабочен и покормил бы Вас не без сытости до утра субботы. Строил план — вытащить Вам с полок все Ваши книги и попросить Вас о каждой мне рассказать, как Додэ о своих романах.² Вам это было бы, м<ожет> б<ыть>, не докучно, а мне на всю жизнь памятный вечер. Крепко виню себя, что так был уверен в Вашем посещении, что не сделал Вам и напоминания. Если дело было в этом, — я сам жестоко наказал себя.

Днем заняли друзья, а вот сейчас, вечером, чувствую себя одиноким и разочарованным. Все это последнее время болен. Болезнь моя страшная. Ее можно назвать отдышкой воспоминаний. С утра лезет все, что ушло, и сегодня в особенности с утра обступили меня ушедшие, начиная с сестры,³ вспомнились их ласки, внимание ко всякому пустяку моей жизни, именинные цветы, пироги, калачи. У Вас тоже есть такое мучительное воспоминание, и моя болезнь, вероятно, Вам очень понятна. Все это время вообще живем, как запрещенный поп, — служить заказано, другого и не умею и не хочу, ибо вкусил благодати. Прислал к именинам письмо Рышков из провинц<иальной> глубины, — тоже унылые ноты.⁴ Тоже вычеркнутые годы. Тоже поп за штатом.

Надо делать себе хоть искусственные праздники в этой тьме будней, без дров, без хлеба, без сапог, без трамвая. Один из таких будет для меня встреча с Вами, дорогой и милый Иероним Иеронимович, — если не откажетесь, — по плану, о каком я мечтаю, — около Ваших книг.

Крепко Вас обнимаю.
Ваш А. Изм<айлов>.

Печатается по.: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 310. Л. 9–10 об.

¹ Имеется в виду собственный дом Ясинского, расположенный по адресу: Головинская ул., 9 (в настоящее время — Лисичанская ул., Санкт-Петербург), в котором писатель проживал с 1894 по 1919 год. В своих мемуарах Ясинский вспоминал о послереволюционном визите Измайлова: «Я пригласил его к себе. В моем распоряжении еще была Черная речка. Жена моя померла, и я жил один. <...> Он провел у меня около двух дней, удивлялся, какой пирог я лично состряпал для милого гостя, и разговоры наши сосредоточивались исключительно на литературных фактах недавнего прошлого» (Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 539).

² Подразумевается сборник мемуарных очерков французского романиста и драматурга Альфонса Додэ (1840–1897) «Воспоминания литератора» (1888), в которых автор повествует об истории написания своих книг.

³ Речь идет о старшей сестре — Параскеве Алексеевне Измайловой (1859–1919), смерть которой критик зафиксировал в дневнике: «1919 г. 30 янв<аря> по стар<ому> стилю (11-го) скончалась Пашенька» (Дневник А. А. Измайлова // ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 7. № 51. Л. 753).

⁴ Рышков Виктор Александрович (1862–1924) — журналист, прозаик, редактировал совместно с Измайловым журнал «Родная нива» в 1904 году. Подробнее об этом см.: Прозорова Н. А. История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива» (по материалам архива В. А. Рышкова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 268–310. Упомянутое письмо Рышкова Измайлову не сохранилось.

9

Измайлов — Ясинскому

12/I <1920 года>

Дорогой Иероним Иеронимович,

Ваше письмо залетело ко мне, как улыбка или поцелуй, — вчера так с Вашим письмом. Я постоянно думаю о Вас, видеть Вас потребность. Очень хочу использовать Ваши пребывания на Невском,¹ и думаю, что это удастся, несмотря на чудовищный порядок-беспорядок с трамваями. Каждое утро я должен быть на службе — на Можайской,² каждый вечер — на лекции в кинематографе, на Острове.³ Полпути, а порой и весь путь — мучительным способом апостолов. А ноги едва идут, — систематическое недоедание двух лет дает себя чувствовать.

Недавно ездил на 10 дней в провинцию. Ел. Был сыт. Но был мучим мыслью, что не могу ничего захватить с собою к любимым, ни себе. В 30-ти верстах от ст<анции> Струги Белые (за Лугой) все есть, все сыто. Впечатления густые и интересные.⁴ Не хотелось бы умирать, — жизнь так изумительно интересна, в душе сложено столько, что она — воистину, как беременная. Но все меньше и меньше веры в то, что удастся переплыть этот океан бедствий. Все кругом валится. Сегодня зарыл в могилу племянника, ушедшего вслед за сестрой.⁵

Итак, очень хочу прийти к Вам, дорогой Иероним Иеронимович. Случай может представиться скорее, чем я сам думаю, но волной может и отнестись.

Андерсон⁶ г<ово>рил со мной по телефону о «Пламени».⁷ И это заманчиво и усиливает желание Вас видеть.

Не близятся ли к печати Ваши «Tristia» — песни и печали о Клавдии Ивановне?⁸ Мне доселе мерещится почти запомнившееся — «и шепотом прибавила: „в цветах“...».⁹ Крепко Вас обнимаю.

Ваш душой А. Изм.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 310. Л. 7–8.

¹ То есть в редакции журнала «Пламя», которая располагалась по адресу: Проспект 25 октября (Невский пр.), д. 28.

² Речь идет о службе в Центральном продовольственном бюро Всероссийского железнодорожного союза, куда Измайлова пригласил Борис Николаевич Демчинский (1877–1942), до революции — чиновник особых поручений Главного управления землеустройства и земледелия, автор ряда научных трудов и художественных произведений. В годы революции Демчинский совместно с инженером Ф. И. Поручиковым выступил с предложением об устройстве поезда для сушки картофеля (согласно их расчетам, перевозка картофеля в сушеном виде давала экономию подвижного состава на три четверти). В задачи Измайлова входила работа с разного рода технической документацией.

³ 6 апреля 1920 года Измайлов перечислял в письме Лазареву-Грузинскому свой распорядок дня зимой 1919–1920 года: «Апатично и устало иду утром на службу в Технич<еское> бюро по сушке картофеля. Потом перебегаю на лекцию в Театр<альную> студию матросов (служу уже месяц, но пока пайка нет, — в будущем чаю). В 8 в кинемо новая лекция. После нее иногда богословские лекции (первый век христ<ианст>ва) на курсах богословских. Тогда, наконец, плетусь домой, — в 9, в 10. Так было, с нек<оторыми> изменен<иями>, и всю зиму. Тяжело. Через силу шучу, что некогда случится так, что на богословских курсах я прочту о Шерлоке Холмсе, в кинемо — о катакомбах, в Морведе — о сушеном картофеле. То, что подготавливаться приходится по самым пестрым линиям, это даже утешает, ибо отвлекает» (РГБ. Ф. 82. Карт. 27. № 15 а. Л. 21–21 об.).

⁴ Струги Белые — поселок в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии (с 1919 года Струги Красные). Из записной книжки Измайлова следует, что в 20-х числах декабря 1919 года он был на новогодних праздниках в деревеньке Записенье Псковской губернии. Здесь на память А. П. Павловой, «простой девушке», дочери крестьян, критик написал стихотворение (23 декабря

1919 года), передающее его настроение этого времени (подробнее об этом см.: Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. С. 610–611).

⁵ См. прим. 3 к п. 8. Речь идет о смерти племянника Жени, умер 9 января, похороны состоялись 12 января (см. запись в дневнике: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 7. № 51. Л. 775).

⁶ По-видимому, подразумевается Владимир Максимилианович Андерсон (1880–1931) — историк и библиограф, после Октября 1917 года — правительственный комиссар Публичной библиотеки, руководитель подготовки каталога «Вольная русская печать».

⁷ Ежедельный научно-литературный и художественно-иллюстрированный журнал «Пламя» выходил с 1918 года изначально под редакцией А. В. Луначарского. С декабря 1919-го (с № 70) издавался «при обновленном составе сотрудников» с новым подзаголовком: «Литературно-политический и художественный журнал, издаваемый Петербургским Советом рабочих и красноармейских депутатов», редактор — И. И. Ионов. Ясинский принимал деятельное участие в журнале.

⁸ Имеется в виду сборник стихотворений Ясинского «Книга любви и скорби: Стихотворения, 1897–1918» (СПб: 17-я Государственная типография, 1919), посвященный К. И. Степановой. Согласно Книжной летописи, книга вышла с 17 марта по 30 апреля 1919 года (см.: Книжная летопись. 1919. № 14–16. С. 8).

⁹ Возможно, имеется в виду стихотворение «Тебе молюсь» (Ясинский И. И. Книга любви и скорби: Стихотворения, 1897–1918. СПб., 1919. С. 55) или «Шепот тени» (Там же. С. 58).

10

Измайлов — Ясинскому

25/VI <1920 года>

Дорогой Иероним Иеронимович,

Уже не первый раз намеренно выхожу из дома ранее, чтобы зайти к Вам, но всякий раз — и сегодня! — суета сбитой жизни, выжиданья пайков и всякие осложнения лишают меня этой возможности. Сегодня, встретясь с Бонди,¹ обещал ему даже передать Вам его привет, и — в результате опять едва поспел вовремя и на обязательную службу.

Приветствую Вас с подходящим днем Вашего Ангела. Душой хотел бы поздравить Вас в этот день лично и пожелать счастья. Ваш именинный день в прошлом году помнится как праздник, среди почти сплошного мрака. В моем быте произошла нек<ото>рая перемена. Я оставил службу у Демчинского² и взял лекторство и инспекторство в театр<альной> Школе Ге при Морведе.³ Занят четыре вечера в неделю (до ночи), имею паек, — с этого момента увидел свет, и если бы теперь когда-ниб<удь> Вы заглянули ко мне, я мог бы Вас досыта полакомить блинами, кои на очаге научился делать в совершенстве. До 4 часов я почти всегда дома. Вечером в 8 ч<асов> (и смежные часы) каждодневно читаю очередную лекцию в кинематографе Форум на острове.⁴ Телефон мой мертв. Очень часто мне мечтается о том, что Вы неожиданно окажетесь на острове и порадуете меня нечаянною радостью Вашего посещения. Я совершенно один. У меня можно переночевать когда угодно. Не сказать, как был бы рад Вам. По «Пламению» вижу, что у Вас бездна работы. Только в этом и спасение по нынешним тяжким дням. Я вынужденно живу тоже горячею умств<енною> жизнью, разрывался между лекциями литературы русской и иностранной, картинами кинемо и т. д. Собственно для своей литер<атурной> работы места не остается. Усталость большая, но все же мне теперь много легче, чем прежде, когда не только утра, а целые дни сгорали без смысла.

Жалко, что все мои службы далеко от Невского, и при всем желании мне очень трудно побывать у Вас. А в именинный день *буду всячески стараться* заглянуть к Вам хоть ненадолго (на Невском).

Крепко целую Вас.
Ваш А. Измайлов.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 310. Л. 5–6.

¹ Бонди Владимир Александрович (1870–1934) — литератор, коллега Измайлова и Ясинского по «Биржевым ведомостям», редактор журнала «Огонек».

² См. прим. 2 к п. 9.

³ Речь идет о Театральной школе, организованной Григорием Григорьевичем Ге (1868–1942) при Морском ведомстве. Об этом также сохранились сведения в воспоминаниях Ясинского: «— А я тоже, знаете, читаю лекции, — горестно сказал он мне, — на артистических курсах, имеющих отношение к Морведу. Мне оказал эту большую услугу Григорий Григорьевич Ге, а с некоторых пор я выступаю на Васильевском острове с объяснением картин в кинематографе. Времени отнимает немного, минут семь, но каждый раз приходится дожидаться от одной перемены до другой; и, как попугай, одно и то же читаешь четырнадцать раз, целую неделю, что очень утомляет» (Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 539).

⁴ Речь идет о кинотеатре «Форум», располагавшемся по адресу: Васильевский остров, 7-я линия, д. 34; под этим названием проработал до 50-х годов XX века. См. также прим. 3 к п. 4.

11

Измайлов — Ясинскому

Дорогой Иероним Иеронимович,

В былые годы, ранее, чем стать бывшим человеком, к<ото>рый уже не может ругаться ни за какие свои замыслы, я, конечно, жил в вере, что когда-ниб<удь> мне удастся написать о Вас книгу. Так складывалось многое и в архивах души, и в архивах памяти. Цело все это и посейчас, но уже нет ни в чем никаких уверенностей, — ниже в том, буду ли жив в середине зимы.

С большой радостью поэтому получил Ваше письмо, — ценный материал для предложенной работы. Я-то превосходно помню августовскую отповедь Вашу, за два месяца до переворота, с небольшой Вашей программой. Это Ваш патент на искренность. Если Вам не необходимо, — я бы очень был благодарен за позволение сохранить письмо у себя. Если нет, — я немедленно возвращу его Вам, сняв, с Вашего позволения, копию.¹

Некрасова я уже всего проштудировал и рецензию пришлю невдолге.² Не заказывайте ее другому.

Душевно Вам преданный А. Измайлов.

13/VII-1920

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 310. Л. 2–3.

¹ По-видимому, речь идет о письме-исповеди Ясинского «О большевиках, о сверхчеловеке и жабах», написанном в конце 1917-го — начале 1918 года, но, вероятно, в то время не отосланном Измайлову, в котором, в частности, упоминается развернутый ответ Ясинского на анкету «Русские люди о революции», инициированную редакцией «Петроградского листка» (1917. 27 авг. № 206. С. 2). Письмо сохранилось в архиве Измайлова (см.: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 392. Л. 91–92). Подробнее об этом см.: Между двух революций: 1917 год в переписке А. А. Измайлова и И. И. Ясинского. С. 189–192, 196–201.

² Измайлов имеет в виду рецензию на книгу: Некрасов Н. Стихотворения. Изд. испр. и доп. / Под ред. К. Чуковского; биогр. очерк В. Евгеньева-Максимова. Пг., 1920. 571 с. Отклик Измайлова см.: А. Изм. [Измайлов А.]. Муза мести и печали // Пламя. 1920. № 17/18. С. 22–24.

12

Измайлов — Ясинскому

Душевно Вас благодарю, дорогой Иероним Иеронимович. Так дорого и Ваше внимание, и ласковость, и так необычно-радостно увидеть свою строку после трех лет поста!¹

Непреренно приду к Вам. Но мало рассчитываю на ночевку. Я приобрел тяжелую и подлую болезнь сердца. Ложная груди<ая> жаба² на почве невроза. Вероятно, Вы знаете, что это такое. Человека душит при движении, как если бы кто схватил его за грудь и горло. Огневая боль. Вчера — ровно 2 месяца, как она меня не покидает. А ходить необходимо. Иду и останавливаюсь после 100 шагов, а самому холодно. Проклятие!

Рад, что Вы не один. Душевный мой привет Зинаиде Алекс.³ И крепкое рукопожатие за верную Вам дружбу. Сугубо хочу быть у Вас.

О Черныш<евском>.⁴ Мне предложили написать драму для солдат. Я это сделал и прочно сидел в нем целый месяц. Мое юношеское очарование им трудно из меня выбить. Писал я, связанный разными условными требованиями, но о нем можно и надо когда-нибудь<удь> написать настоящую драму (какой момент хотя бы его намерение оттолкнуть от себя искусственно жену, ч<то>б<ы> развязать ей руки, при смертельной любви к ней!). Но как жалка и ужасна О<льга> Сократовна на закате, в богадельне, сварливая, одинокая, вопящая...

Крепко Вас целую. Будьте здоровы. Еще раз — благодарю и за гостеприимство в «Пл<амени>», и за память, и за присыл.

Ваш душой А. И.
3/ХП <1920 года>

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 310. Л. 3–4.

¹ Измайлов имеет в виду свою рецензию на книгу стихотворений Некрасова, опубликованную в журнале «Пламя». См. прим. 2 к п. 11.

² Стенокардия.

³ По-видимому, речь идет о давней поклоннице Ясинского, сблизившейся с ним после смерти супруги писателя (ее письма сохранились в архиве Ясинского: РНБ. Ф. 901. № 1509; ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. № 208, 802).

⁴ Точное название: «Жизнь Чернышевского (За свободу народа)». Драма в трех действиях. Не опубликована. Автограф — РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. № 1282. О работе над пьесой сохранились сведения в воспоминаниях В. Ф. Боцяновского: «— Приходите, — говорил он, — прочту вам новую свою пьесу о Чернышевском, а за это лепешками вас угощу. <...> А<лександр> А<лексеевич> извлек из стола довольно объемистую рукопись. — Вот, — сказал он. — Это — мой „Чернышевский“. Драматургия была у А<лександра> А<лексеевича> совершенно на особом положении. Он ставил ее вне своей текущей обычной работы и не раз говорил, что пишет свои пьесы „для себя“, не торопясь, долго вынашивая и не подгоняя их ни к каким срокам. Не признававший модернизма, реалист и бытовик, он пьесы писал просто, без всяких „трюков“, по-чеховски. Так им написан „Чернышевский“ (пьеса эта шла в Саратове уже после его смерти)» (Боцяновский В. Ф. Голоса эпохи. С. 212).

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-122-140

ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФЛОРЕНЦИИ: ПИСЬМА ОЛЬГИ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ К ДЖУЗЕППЕ ПРЕЦЦОЛИНИ И БОРИСА ЯКОВЕНКО К ЭРНЕСТО КОДИНЬОЛЕ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА, КОММЕНТАРИИ И ПЕРЕВОД
© ДЖУЗЕППИНЫ ЛАРОККА (ИТАЛИЯ))

1910–1920-е годы представляют собой особенно оживленный период в развитии русско-итальянских литературных и культурных связей, чему в значительной мере способствовали русские эмигранты, прибывшие в Италию.¹ Как известно, одной из

* Выражаю свою благодарность Томмазо Кодиньоле, Эмилио Джентиле и Джузеппине Вольпичелли за разрешение ознакомиться с работами Эрнесто и Марии Кодиньолы и Джузеппе Преццоллини, а также за разрешение на публикацию материалов, представленных в данной статье.

¹ Среди многочисленных работ по теме назовем наиболее важные на русском языке: Талай М. 1) Православная церковь Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции: историко-художественный путеводитель. Флоренция, 2000; 2) Организации русских эмигрантов во Флоренции (1917–1949) // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке = Emigrazione russa in Italia nel XX secolo. С. 32–39; Рущици Д. Русские художники и писатели в статьях и воспоминаниях Арденго Соффичи // «Персонажи в поисках автора».

наиболее активных общин была русская община в Тоскане, в частности во Флоренции. Тоскана и особенно Флоренция в 1910-е годы были своего рода центром притяжения издательских проектов. Благодаря группе «La Voce» («Голос») появляется первый перевод Чехова на итальянский язык, выполненный Арденго Соффичи (1879–1964) и Сергеем Ястребцовым (1881–1958).² С этой же группой сотрудничает и переводчица Достоевского Ева Кюн-Амендола (1880–1961).³ В кружках и литературных салонах издатели, критики и писатели вели оживленные дискуссии о русской литературе, спорили об иерархии авторов и текстов, которые будут предложены итальянской публике: Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов входят в число самых обсуждаемых литераторов и определяют образ России, который, однако, трансформируется в зависимости от эволюции оценок переводчиков или редакционного кружка. 1920-е годы имеют особое значение, поскольку с учреждением первой кафедры славянской филологии в Падуанском университете в 1920–1921 годах начинается история итальянской славистики. Благодаря таким специалистам, как Этторе Ло Гатто, Джованни Мавер, Ренато Поджоли, появляются профессиональные переводы русской литературы на итальянский язык, причем сделанные с подлинников, а не с французских переводов-посредников, как это часто бывало в XIX веке.⁴ В распространении и изучении русской литературы и культуры первостепенную роль сыграли именно эмигранты — не только упомянутые Сергей Ястребцов и Ева Кюн-Амендола, но также Ринальдо Кюфферле (1903–1955), Раиса Олькеницкая-Нальди (1886–1978), Нина Романовская (1861?–1951), Осип Абрамович Блиндерман (Фелин) (1882–?), а также Ольга Ивановна Ресневич-Синьорелли и Борис Валентинович Яковенко, о которых пойдет речь в данной статье.

С 1930-х годов центры распространения русской культуры постепенно перемещаются в Турин и Милан, где возникают такие издательские предприятия, как «Slavia», а позднее и «Einaudi»,⁵ и именно с этими городами будут связаны новые значимые деятели итальянской культуры в межвоенный период.

Жизнь русских в Италии XX века. М., 2011. С. 99–115; *Гардзонио С.* 1) Флоренция в творчестве русских поэтов-эмигрантов в Италии: некоторые штрихи к теме // Там же. С. 136–150; 2) Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову / Публ. и прим. С. Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 3. С. 58–79; 3) Евгений Ананьин — русский революционер и исследователь итальянской культуры // *Res Philologica* II. Филологические исследования. СПб., 2001. С. 73–81; *Нивьер А.* Харкевич Адриан Ксенофонович // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. М., 2006. С. 232–233; *Васильева М. А.* Семья Левицких и Харкевичей в истории русской диаспоры во Флоренции: по архивам Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940) = *Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi* (1900–1940). Salerno, 2015. С. 31–49 (coll. «Europa orientalis»; vol. 23); *Паклин Н.* Русские в Италии. М., 1990; *Леонтьев Я. В., Гардзонио С.* Из истории русской колонии в Риме (1912–1917) // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страда. М., 2005. С. 151–202; *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. Исследования и материалы. М., 2011. Кн. 1. С. 121–160; *Саббатини М.* Евгений Ананьин и Пьеро Гобетти: письма о России (1924–1925 гг.) // «Беспокойные музы»: К истории русско-итальянских отношений XVIII–XX вв. = *Le muse inquietanti. Per una storia dei rapporti russo-italiani nei secoli XVIII–XX*. Salerno, 2011. С. 343–359 (coll. «Europa orientalis»; vol. 14/2); *Комолова Н. П.* Профессор Флорентийского университета Н. П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5. С. 157–165; *Клементьев А. К.* Николай Петрович Оттокар (Русский исследователь политического устройства Средневековой Европы) // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3. С. 97–104; *Шруба М.* О несостоявшихся сотрудниках «Современных записок»: случай Е. А. Ананьина // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940). С. 215–224.

² Подробнее об этом см.: *Ларокка Дж.* Слово искусству (и не только). Русские корреспонденты Арденго Соффичи // *Emigrantica*. М., 2024. Вып. 1. С. 671–694.

³ См. о ней: *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии... С. 40–42; *Сульпассо Б.* Кюн-Амендола Ева Оскарвна // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / Ред.-сост. А. д'Амелия, Д. Рицци. М., 2019. С. 389–391.

⁴ См. об этом: *Sulpasso B.* Boris Pasternak and Renato Poggioli // Новое о Пастернаках. Материалы конференции 2015 года в Станфорде / Под ред. Л. Флейшмана. М., 2017. С. 513–520.

⁵ Об истории «Slavia» и «Einaudi» см.: *Cazzola P.* La casa editrice «Slavia» di Torino, antesignana delle traduzioni letterarie di classici russi negli anni Venti-Trenta // *La traduzione letteraria*

Выстраивание отношений с итальянскими интеллектуалами и издателями было важной задачей для русских эмигрантов как в культурном, так и в практическом отношении. Им были необходимы помощь и содействие в публикации переводов и организации изданий. Русские в Италии, и в том числе в Тоскане, контактировали с такими писателями, издателями и мыслителями, как Джованни Папини, Джованни Джентиле, Арденго Соффичи, а также с Джузеппе Преццолини (1882–1982), одним из редакторов журнала «La Voce», и с педагогом Эрнесто Кодиньолой (1885–1965), ключевой фигурой для журналов «Levana» и «Civiltà Moderna» и издательств «Vallecchi» и «La Nuova Italia».

В настоящей работе мы вводим в научный оборот неопубликованные материалы двух корреспондентов этих итальянских культурных деятелей: Ольги Ресневич, которая отправила Преццолини три письма в сентябре–октябре 1918 года, и Бориса Яковенко, который вел активную переписку с Кодиньолой в течение 1921–1931 годов; для публикации мы выбрали два его письма 1922 года.

Письма Ольги Ресневич к Джузеппе Преццолини

Джузеппе Преццолини сблизился с русскими эмигрантами благодаря Джованни Амендоле и его жене Еве Кюн — ближайшим друзьям поэта Юргиса Балтрушайтиса (1873–1944), которого Ева перевела на итальянский язык.⁶ Затем именно ей было поручено выполнить перевод Достоевского для издательства «La Voce». Выбор Достоевского не был случайным, поскольку в 1910-е годы дискуссия об общественной роли итальянского интеллектуала развивалась также через обращение к классической зарубежной литературе, включая русскую, новый канон которой складывался в то время.

В дискуссиях вокруг Достоевского Преццолини занял весьма оригинальную позицию. Откликаясь на вышедший в Мюнхене сборник статей Достоевского («*Politischen Schriften*», 1912), Преццолини написал статью «*Dostoevski politico*» («Достоевский как политик», 1 августа 1912 года),⁷ в которой обличал итальянский провинциализм и сетовал на необходимость более близкого знакомства с Достоевским, чтобы усвоить особенности историко-культурного контекста, а не слепо следовать французским тенденциям. Таким образом, Преццолини выступил против интерпретации Достоевского, предложенной Э. М. де Вогюз в известной книге «*Russien roman*» («*Le roman russe*», 1886), в которой был сделан акцент на биографии писателя в ущерб художественным особенностям его текстов и которая сыграла решающую роль в ранней рецепции Достоевского в Европе.⁸ Полемика с Вогюз, однако, не сделала Преццолини поклонником Достоевского. Значительная часть статьи итальянского критика была посвящена славянофильству писателя, а его литературному творчеству давались весьма суровые характеристики. Конечно, Достоевский изобразил мир униженных и оскорбленных, но, помимо этого, как пишет Преццолини, «все остальное — <...> не стоит внимания».⁹ В дневниковой записи 1912 года, сделанной в те самые дни, когда он намеревался написать статью о Достоевском, Преццолини отмечал в нем «черты мелочности и злобы» («*lati di piccolezza e malignità*»),¹⁰ которых, например, не находил в Достоевском Папини, и его раздражали славянофильство и монархизм писателя.¹¹

dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo. Milano, 1979; *Бокале П.* Русистика в Италии // *Этнопсихоллингвистика*. 2021. № 4 (7). С. 20, 21; Le edizioni Einaudi negli anni 1933–2003. Torino, 2013.

⁶ Baltrušaitis Ju. La scala terrestre. Versi. Firenze, 1912. См. об этом также: Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии... С. 40, 41.

⁷ Prezzolini G. Dostoevski politico // *La Voce*. 1912. № 31. P. 864–865.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 864.

¹⁰ Запись от 14 марта 1912 года (Prezzolini G. Diario. 1900–1941. Milano, 1978. P. 128).

¹¹ Ibid.

Оригинальные суждения Преццолини высказывал и о Толстом, которому он посвятил вступительную статью, предпосланную сокращенному переводу «Войны и мира». Перевод был опубликован в 1916 году Итальянской Федерацией народных библиотек в Милане.¹² В статье Преццолини подчеркивал важность «толстовского реализма», высоко оценивая обрисовку персонажей и описание их внутреннего мира. Преццолини писал: «Толстой более велик и достоин восхищения, обладая силой, которая потрясает и впечатляет нас, в эффектном, очень тонком, глубоком, очень реальном изображении духовного развития своих персонажей».¹³ Таким образом, в споре о Толстом и Достоевском, типичном для Италии тех лет, да и не только для Италии, по мнению Преццолини, побеждал Толстой.

Среди многочисленных бумаг русских эмигрантов, адресованных Преццолини, сохранилось множество открыток, писем, телеграмм от писателей, ученых, литературоведов, политиков, переводчиков, философов: Николая Бердяева, Марка Слонима, Евы Кюн-Амендолы, Николая Оттокара, Анатолия Луначарского, Михаила Ростовцева, Григория Алексинского, Сергея Ястребцова (Сержа Фера), Андреи Каффи, Анны Кулишевой, а также Ольги Ресневич. Материалы охватывают период с 1910 по 1957 год и ярко демонстрируют, что Преццолини, наряду с Папини и Соффичи, был одним из важнейших участников «La Voce», к которым постоянно обращались русские интеллектуалы. При этом отношение Преццолини к России прошло различные фазы: от жаркого энтузиазма в 1910-е годы до решительного и сурового осуждения сталинского режима в 1930-е годы.

До середины 1910-х годов Преццолини и его жена Долорес¹⁴ были гостями Анджело Синьорелли и Ольги Ресневич в Риме, где образовался известный литературный салон. С тех пор Ресневич установила с Преццолини уважительные и доверительные отношения, о чем свидетельствует, в частности, дневниковая запись Преццолини от 18 марта 1917 года: «Снова встретил госпожу Синьорелли. Завтракал с ней — простая и любезная. Чем лучше узнаю эту пару, тем больше она мне нравится, тем более „цивилизованной“ она мне кажется — в моем понимании этого слова».¹⁵ Это впечатление итальянский писатель сохранит и впоследствии, о чем свидетельствует его статья об Ольге Ресневич, написанная в первую годовщину ее смерти.¹⁶

Роль Ольги Ресневич-Синьорелли (1883–1973) была ключевой не только для русской эмиграции в Италии, но и для итальянского интеллектуального и культурного пространства. Уроженка Латвии, она уехала в Берн, а потом в Италию, где в 1904 году поступила на медицинский факультет Университета Сиены;¹⁷ затем Ресневич переехала в Рим, где в 1908 году завершила свое образование и долго жила со своим супругом Анджело Синьорелли.¹⁸ Именно в доме Синьорелли сформировался литературный

¹² [Prezzolini G.]. Prefazione // Tolstoi L. Guerra e pace / A cura di G. Prezzolini. Milano, [1916]. P. 7–15. Об этой публикации см.: *De Michelis C.* «Guerra e pace» di Giuseppe Prezzolini // *Sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte.* Milano, 2012. P. 204–212.

¹³ «Tolstoj è più grande e ammirevole, d'una potenza che ci scuote e ci impressiona, nella rappresentazione efficace, finissima, profonda, realissima dello svolgimento spirituale dei suoi personaggi...» ([Prezzolini G.], Prefazione. P. 13).

¹⁴ Cp.: *Rizzi D.* Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento // *Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e il suo tempo / A cura di D. Rizzi, E. Garetto.* Salerno, 2010. Vol. II. P. 30 (coll. «Europa orientalis»; vol. 11/2).

¹⁵ «Ritrovata la signora Signorelli. A colazione con lei, semplice e cortese. Più conosco questa coppia e più mi piace, più mi pare „civile“ nel senso mio» (*Prezzolini G.* Diario. 1900–1941. P. 255).

¹⁶ *Prezzolini G.* Un cuore grande così. Testimonianze su Olga Signorelli // *La fiera letteraria.* 1974. 25 agosto. P. 6.

¹⁷ См.: *Archivio Università di Siena (Архив Сиенского Университета).* XII C a 4 Registro delle matricole della Facoltà di Medicina e Chirurgia dal n. 611 al n. 824.

¹⁸ Биографии и деятельности Ольги Ресневич посвящена обширная литература. См., например: *Рицци Д., д'Амелия А., Гаретто Э., Кумпан К.* От редакции // *Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: Переписка = Archivio russo-italiano IX. Ol'ga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa: corrispondenze / A cura di E. Garetto,*

салон, ставший одним из значимых центров европейской культуры того времени, где встречались такие ее ключевые фигуры, как актер Эдвард Гордон Крэг, актер Генри Фёрст, актер и балетный танцор Аурель Миллосс, знаменитая актриса Элеонора Дузе, художник Джорджо де Кирико и известный поэт Филиппо Томмазо Маринетти.¹⁹

В годы Первой мировой войны и в послевоенный период Ольга Ресневич сыграла важную роль в оказании помощи русским эмигрантам в Италии — поэтам, писателям, ученым и художникам. Среди тех, кому она помогала, следует упомянуть Вячеслава Иванова, Нину Берберову, Наталью Гончарову, Михаила Ларионова, Павла Муратова, Нину Петровскую, Сергея Дягилева и Раису Гуревич.²⁰ Ее богатейшая переписка с писателями, переводчиками, философами и художниками всего мира свидетельствует о масштабе личности, способной на «своего рода очистительное опьянение в соединении природы» с «опытом прожитого» (*cose vissute*),²¹ как отмечал русский эмигрант Андреа Каффи (1887–1955).

В 1910-е годы она установила тесные связи с кругом журнала «La Voce», а также с писателями Джованни Папини и Джузеппе Преццолини. Обширная переписка с Папини, относящаяся к 1917–1953 годам, свидетельствует об интенсивной переводческой деятельности Ресневич, которая была связана с наследием таких авторов, как Достоевский и Чехов.²² В отличие от писем к Папини, писем к Преццолини сохранилось всего три. Хронология найденных материалов ограничивается несколькими днями осени 1918 года, когда Ресневич работала над переводом чеховской «Степи», опубликованной в 1920 году издательством «Vallecchi», а Преццолини находился на фронте, куда он был отправлен 11 сентября 1918 года и где оставался до конца войны.

Хотя эти документы немногочисленны и кратки, в них виден человек, всегда внимательный к окружающим, который, однако, не упускает возможности обратить взгляд адресата на любимую им русскую литературу. Если с Папини Ресневич ведет ожесточенные споры о Достоевском и о переводе «Бесов», вышедшем благодаря поддержке писателя в 1928 году,²³ то в случае с Преццолини предметом обсуждения оказывается Чехов. Из письма к Папини от 24 июня 1918 года следует, что Ресневич одновременно с Достоевским начала переводить Чехова, в произведениях которого она находила «проблеск света» по сравнению с глубокой и мрачной поэтикой Достоевского.²⁴ Она приступила к переводу первого текста — повести «Степь» («La steppa»), и 8 июля 1918 года сообщила Папини о начале работы, которой предстояло затянуться надолго, в том числе потому, что ей было необходимо связаться с Преццолини, тогдашним директором издательства «Società Anonima Editrice La Voce» и издателем Чехова.²⁵ «Нуж-

A. d'Amelia, K. Kumpan, D. Rizzi. Salerno, 2012. Vol. 1. P. 9–22 (coll. «Europa orientalis»; vol. 19/1); *Гаретто Э.* 1) Переписка Ольги Ресневич и Вяч. Иванова // Vol. 19/1. Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция. Переписка / Сост. Э. Гаретто, А. д'Амелия, К. Кумпан, Д. Рицци. Salerno, 2012. С. 457–495; 2) Письма Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова к Ольге Ресневич-Синьорелли / Публ. Э. Гаретто // Минувшее. Paris, 1988. Вып. 5. С. 165–182; 3) *Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevič Signorelli* // Europa Orientalis. 1991. № 10. P. 383–428; 4) Из архива Ольги Синьорелли // Russian Literature. 2005. Vol. LVIII. P. 75–83.

¹⁹ См. об этом: Рицци Д., д'Амелия, Гаретто Э., Кумпан К. От редакции. P. 13, 14.

²⁰ Ibid. P. 16.

²¹ Из письма Андреа Каффи к Ольге Ресневич от 30 июля 1929 года (см.: Rizzi D. «L'amicizia non è una vana parola». Lettere di Andrea Caffi a Olga Signorelli // Русско-итальянский архив V. Русские в Италии = Archivio russo-italiano V. Russi in Italia / A cura di A. d'Amelia, C. Diddi. Salerno, 2009. P. 384 (coll. «Europa orientalis»; vol. 9).

²² *L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli* / Introduzione e note di R. Vassena // Русско-итальянский архив VI = Archivio russo-italiano VI. T. 2. P. 129–300.

²³ Книга была напечатана в 1928 году под названием «Ossessi». Об издательской истории текста см.: Vassena R. *L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli*... P. 135; Rizzi D. *Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento*... P. 63, 64, 65.

²⁴ Cp.: Ibid. P. 64.

²⁵ См. об этом: Larocca G. 1) *L'aquila bicipite e il tenero iris. Tracce russe a Firenze nel primo Novecento (1899–1939)*. Pisa, 2018. P. 115–125 («Двуглавый орел и нежный ирис. Русские следы во Флоренции в начале XX века (1899–1939)»); 2) *Emigrazione e diffusione della cultura russa*

но быть итальянцами, чтобы понять „I Promessi Sposi“, — сказали Вы (Папини. — Дж. Л.) мне однажды. Надо быть русским, чтобы любить Чехова. А я перевела „Степь“». ²⁶ Лето было плодотворным, и в августовской римской жаре Ольга продолжала переводить, хотя и не всегда была собой довольна: «Я работаю, но не могу сказать, что собой довольна. Время бежит слишком быстро, жизнь тоже, и я не доделываю ни малейшей части того, что хотела бы». ²⁷ В процессе сложного и длительного переводческого труда она ищет редактора для своих произведений. ²⁸

Ресневич продолжала свою работу и делилась с Папини и с Преццолини тем, что она делает. Чем больше она переводила, тем больше вникала в чеховскую экзистенциальную поэтику и отмечала, что понять писателя можно только в том случае, если обладаешь тем же умением конструировать «стилизованную красоту слова»: «Для Чехова надо хорошо постараться. Суть его искусства — стилизованная красота слова. Тот, кто к нему прикасается, должен иметь в себе то же самое». Впрочем, Чехов позволял ей выйти за пределы поэтики и оказаться в мире утешения (см. письмо от 2 октября 1918 года). Для Ресневич Чехов — воплощение типа русского человека, уходящего корнями в предыдущее поколение, способного диагностировать индивидуальное недомогание, но все же позволяющего активизировать энергию для его преодоления. Вот почему чтение Чехова становится источником утешения в период международного напряжения, в эпоху войн и разрухи, которые захлестывали Россию и требовали осмысления. Только «читая Чехова, можно понять сегодняшнюю Россию», ²⁹ — писала Ольга Ресневич Папини. Ее чуткость к истории впоследствии отзовется в заботе о судьбе Италии, находившейся в неопределенной политической ситуации. В письме к Преццолини от 2 октября 1918 года Ресневич сообщала: «Мне кажется, что та чудесная страна, какой является Италия, заслуживает чего-то большего, чем вечная доля Золушки, которая только работает, не принимая участие в празднике». ³⁰ Здесь же она жаловалась на постоянное терзание души, на какую-то несчастную гегельянскую совесть, неизменно направляющую человека на поиски другого счастья, черту, общую для русских и итальянцев: «В этом есть определенное сходство между нами и нами, которое касается самокритики, жажды абсолюта, неудовлетворенности тем, что делаешь, недовольства достигнутым, которое всегда так далеко от того, о чем мечтаешь, и признания вслух этой неудовлетворенности. Другие, напротив, обладают способностью извлекать из относительного нечто, имеющее вид абсолютного». ³¹ Преццолини разделял этот дискомфорт, беспокоился о судьбе Италии и с фронта с горькой покорностью писал, что у него нет ответа на вопрос о «нравственном будущем нашей страны». ³²

Письмо Ресневич к Преццолини от 2 октября 1918 года содержит глубокое размышление о войне и о том, насколько сильно та обнажает сущность человеческого существования. ³³ Ольга смотрит на военные годы и с какой-то толстовской тоской надеется, что благодаря крестьянскому взгляду, «тому соприкосновению с простым», интеллигенция, «те, кто творит и будет творить», сможет проснуться и построить новое

a Firenze: scritture e traduzioni // Migrazioni ed esili nel Novecento. Prospettive tra ispanistica e russistica. Pisa, 2022. P. 75–83. Сп.: Marcucci G. Čechov in Italia. La duchessa d'Andria e altre traduzioni (1905–1936). Macerata, 2022. P. 49–53.

²⁶ «„Bisogna essere italiani per capire i *Promessi sposi*“ Lei mi disse una volta. Bisogna essere russi per amare Cecov. Ed io ho tradotto la *Steppa*» (Lettere di Giovanni Papini a Olga Signorelli... P. 236).

²⁷ «Io lavoro, ma non posso dire che sia troppo contenta di me. Il tempo corre troppo velocemente, la vita anche, e non concludo la minima parte di quel che vorrei» (Ibid. P. 239).

²⁸ См., например, письмо Ольги Ресневич к Преццолини от 21 сентября 1918 года (Marcucci G. Čechov in Italia. P. 50).

²⁹ Lettere di Giovanni Papini a Olga Signorelli... P. 234.

³⁰ См. п. 2 в настоящей публикации.

³¹ Там же.

³² См.: Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento... P. 49.

³³ См. п. 2 в настоящей публикации.

общество. Позицию Ресневич отличает идеализм, та человеческая и интеллектуальная сила, которая никогда не покидала ее.³⁴

Ниже публикуются по автографам три письма Ольги Ресневич к Джузеппе Преццолини (Biblioteca Cantonale di Lugano. Archivio Giuseppe Prezzolini. Fasc. Resnevich, Olga). Мы воспроизводим орфографию и пунктуацию оригиналов, сохраняя стилистические особенности, в том числе в случаях транслитерации имен собственных. Незначительные ошибки в тексте обозначены пометой <sic!>. Подчеркивания переданы курсивом, двойные подчеркивания — полужирным курсивом. Письма сопровождаются переводом на русский язык.

1

Merano, 25 settembre
1918

Caro Prezzolini, in fretta due righe per dirLe il piacere che ho avuto della sua lettera, piena di tanta gioia-fattiva, e per la conferma della sua amicizia che ormai avevo compresa.

Ho lavorato qui discretamente, e avevo riposto tutte le mie carte 3–4 giorni fa coll'intenzione solo di godere e di fissare negli occhi e nell'anima quest'infinita bellezza autunnale quest'aria cristallina, sottile immobile, quasi inesistente, che da il risalto all'essenziale delle cose e toglie le barriere ai suoni. Ma da due giorni un vento violento sembra di sconvolgere il cielo e la terra. Giungono notizie di una malattia nuova che s'estende.

Stanotte, sotto l'urlare del vento ho riflettuto molto, ed ho pensato a quell'analogia di ciò che accade nel mondo degli uomini e nell'invisibile misterioso mondo dell'aria. Tra due ore parto per Roma, perché tutto d'un tratto mi sento come un soldato che ha scordato il suo dovere.

Le riscrivero. Per Cecow bisogna trovare bene. L'essenziale della sua arte è una stilizzata bellezza di parola. Chi lo tocca — bisogna che anche abbia in se lo stesso. Spero di vedere a Roma presto la sua signora. A Roma, assieme con Angelo rileggeremo la sua lettera. Sua affettuosa amica stretta di mano da

Olga Resnevich

I <фамилия нрзб.> lo <la> salutano tanto

Перевод:

Мерано, 25 сентября
1918

Дорогой Преццолини, спешу написать Вам несколько строчек, чтобы выразить удовольствие, которое доставило мне Ваше наполненное радостью письмо, и чтобы ответить взаимностью на Вашу дружбу, которую я уже так хорошо почувствовала.

Я работала более или менее хорошо, а 3–4 дня назад отложила все свои бумаги с единственным намерением насладиться и запечатлеть в своих глазах и душе эту бесконечную осеннюю красоту, этот кристальный воздух, тонкую, почти эфемерную неподвижность, которая придает значимость самым необходимым вещам и устраняет преграды для звуков. Но вот уже два дня неистовый ветер, кажется, нарушает покой неба и земли. Поступают сообщения о распространении новой болезни.¹

Прошлой ночью, под завывание ветра, я много думала и размышляла над аналогией между тем, что происходит в мире людей и в невидимом таинственном мире воздуха. Через два часа я уезжаю в Рим, потому что вдруг почувствовала себя солдатом, забывшим свой долг.

³⁴ Там же.

Я Вам снова напишу. Чехова необходимо правильно понимать. Суть его искусства — стилизованная красота речи. Тот, кто прикасается к ней, должен также обладать ею. Надеюсь скоро увидеть Вашу супругу в Риме. В Риме вместе с Анджело мы перечитаем Ваше письмо. Сердечное рукопожатие от

Ольги Ресневич

От <фамилия нрзб.> искренние поклоны

¹ Вероятно, речь идет о так называемом испанском гриппе (или «испанке»), который распространился в Италии в 1918–1919 годах. См. об этом подробнее: *Tognotti E. La «Spagnola» in Italia. Storia dell'influenza che fece temere la fine del mondo (1918–19)*. 2 ed. Milano, 2015.

2

Merano 2 ottobre 1918

Caro Prezzolini, sono qui di nuovo da due giorni e partiremo per Roma definitivamente venerdì <sic!>. E in questi giorni dove gli avvenimenti precipitano — si sente maggiormente il desiderio di stare lì dove le notizie giungono più <sic!> rapidamente. E i serbi sono pazzi di gioia (e lo saranno anche di orgoglio). E il fronte Balcanico assume quell'importanza che noi vedevamo già <sic!> in principio e diventa quella chiave finale che si presumeva. Bisognerebbe essere felici di gioia, ma non so perché mi si stringe il cuore. Mi sembra che quel meraviglioso paese che è l'Italia meriterebbe qualche cosa di più <sic!> dell'eterna parte di Cenerentola, che fatica senza prendere parte alla festa. Vi è una certa analogia fra voi e noi in ciò, che riguarda l'autocritica, la sete dell'assoluto, la scontentezza di ciò che si fa, la scontentezza della realtà raggiunta sempre tanto lontana da quella sognata, e la confessione ad alta voce di quella scontentezza. Gli altri invece hanno l'abilità di estrarre dal relativo un qualche cosa, che ha l'aspetto di assoluto. E se non si avrà chiaroveggenza, si farà apparire <sic!> in un momento decisivo come l'attuale, un paese pronto, capace e generoso come egoista e meschino, preoccupato dei soli suoi interessi. E la mancanza di azione in questo momento, dove ancora si temeva rinforzi tedeschi in Bulgaria, mi è stata già <sic!> presentata come conseguenza naturale della politica di Sonnino, politica reale, malgrado le «concessioni» e promesse in senso contrario. E queste voci corrono come il vento, perché vi è nel mondo gente giovine, attiva come le api, piena di se <sic!>, senza sentimentalismi né scrupoli. E vi sono agenti in America in Europa e dappertutto. E d'altronde, anche la fede in se <sic!> spinta ad assoluto, è una fede. E la voracità del bottino e degli onori è grande, e si è sempre felici di spingere fuori qualche concorrente, tanto più <sic!> se questo è attivo, capace, meritevole. Qui era per vari giorni la famiglia del capo della missione militare francese e veniva qualche volta anche lui, era simpatico e intelligente e si è discusso molto.

Io vengo in questo paese da 9 anni, e torno qui come in casa mia dove mi amano e attendono, e ho veri e propri amici fra questi contadini. Discorro volentieri con loro e mi commuove come li vedo trasformare. Hanno visto, vissuto, riflettuto. Torneranno alla vita normale, portando nuovi elementi di un *se stesso* rinnovato e rivelato. Uno di quelli che *sa*, un fante del 91, che prese parte a Col di Lana, e che torna ora con gioia per entrare negli arditi «per vendicare i due fratelli morti» mi parlava della vita e della morte come un filosofo. E sono contenta che lo sentiva qualcheduno, che ha meno occasione di me per conoscere la vostra magnifica gente. E come parlava del suo capitano, che era stato più <sic!> padre che superiore! Vestito da soldato, solo, avrebbe esplorato sempre tutto lui, e quando diceva — su, ragazzi, oggi tocca a noi, — allora si sarebbe andati con lo slancio anche verso morte certa.

E un altro diceva «in trincea l'anima diventa più <sic!> dolce». E bella è nuova perfino quella maniera in quale dicono. E penso come farà <sic!> bene quel contatto coi semplici

a quelli che creano e creeranno. Se hanno occhi e orecchi daranno certamente qualche cosa di vivo, perché <sic!> la lunghezza della guerra, la costrizione di una vita comune a lungo, contribuiranno per aiutare a dimenticare qualche formula imparata, o artificiosamente costruita. La vita è sempre nuova, e sempre bella e ogni uomo è un nuovo mondo e un nuova enigma! E Soffici già <sic!> riconosce qualche cosa di simile nel suo Kobilek. — Le donne hanno fatto miracoli riuscendo <sic!> coltivare da sole i campi. Sono più invecchiate, più <sic!> stanche, ma non si lamentano. Le difficoltà <sic!> della vita sono molte «l'influenza» per quanto non molto grave è diffusa <sic!>, ma il contegno è mirabile. L'armistizio bulgaro è commentato con gioia.

Le ultime due giornate furono magnifiche, e dopo il temporale sembrava che la natura vivesse con intensità maggiore in quell'atmosfera speciale di stanca nostalgia. Da ieri piove e una grigia densa nebbia avvolge e rende monotona la campagna. Mi consolo pensando, e leggendo Cecow. E mi sembra oggi di essere bimba e di vivere molti anni indietro in quella realtà uniforme e povera, che spingeva lo spirito verso meraviglie immaginarie. Cecow ha vissuto e descritto quella realtà <sic!>. Perciò egli è nostro, solo nostro e ci è caro come un pezzo della nostra giovinezza. Egli ha notata e rilevata l'assenza della volontà di vivere non solo del russo, ma perfino della natura russa, dei fiumi e dei prati. È l'ultimo dei classici, diretto discendente di Puskin e di Gogol, pari a loro come artista è „uccisione delle speranze umane“, o meglio — delle speranze loro. Dopo di lui Bielij e Ivanow, annunziatori del caos, che sarà <sic!> un principio o una fine!

Cecow, — una giornata grigia, un'infanzia povera, non ha uccisi <sic!> noi, che eravamo giovani, ma ci ha spinti per il mondo.

E mi duole di lasciare Merano colle sue giornate grigie seguite da notti tanto nere, animate da un tenero canto del vento.

Spero che Angelo le avrà scritto da Roma. Voi che lassù fate e soffrite con gioia dove te almeno sapere che lo sentiamo.

Con amichevole stretta di mano Olga Resnevic

Перевод:

Мерано 2 октября 1918 года

Дорогой Преццолини, вот уже два дня, как я здесь, и в пятницу мы окончательно уезжаем в Рим. В эти дни, когда события стремительно развиваются, все больше чувствуешь желание быть там, куда новости приходят быстрее всего. А сербы сходят с ума от радости (и будут сходить с ума от гордости). И балканский фронт приобретает то значение, которое мы видели в самом начале, и становится тем последним ключом, о котором мы думали. Надо бы радоваться от счастья, но не знаю, почему у меня сжимается сердце. Мне кажется, что прекрасная страна, которой является Италия, заслуживает чего-то большего, чем вечная роль Золушки, которая только работает, не принимая участия в празднике. В этом есть определенное сходство между вами и нами, которое касается самокритики, жажды абсолюта, неудовлетворенности тем, что делаешь, недовольства достигнутым, которое всегда так далеко от того, о чем мечтаешь, и признания вслух этой неудовлетворенности. Другие, напротив, обладают способностью извлекать из относительного нечто, имеющее вид абсолютного. И если обладать даром ясновидения, то в такой решающий момент, как сейчас, готовая, способная и щедрая страна покажется эгоистичной и мелочной, озабоченной лишь собственными интересами. И отсутствие действий в то время, когда боимся немецкого усиления в Болгарии, уже представилось мне как естественное следствие политики Соннино,¹ настоящей политики, несмотря на «уступки» и обещания обратного. И эти слухи ходят как ветер, потому что в мире есть молодые люди, активные, как пчелы, самонадеянные, лишенные сентиментальности и угрызений совести. И есть агенты в Америке, в Европе и везде. А с другой стороны, вера в себя, доведенная до абсолюта, — это тоже вера. И жажда наград и почестей велика, и всегда приятно вытеснить какого-нибудь конкурента, тем более если этот конкурент активный, способный, достойный. Семья

главы французской военной миссии была здесь несколько дней, и он сам тоже иногда приезжал, он был мил и умен, и мы много говорили.

Я приезжаю в эту деревню уже девять лет и возвращаюсь сюда, как к себе домой, где меня любят и ждут, и у меня есть настоящие друзья среди этих крестьян. Я с удовольствием общаюсь с ними, и меня трогает то, как они преображаются. Они видели, жили, размышляли. Они вернутся к нормальной жизни, принеся с собой новые элементы обновленного и раскрытого «я». Один из тех, кто знает, пехотинец 91-го года, который участвовал в битве при Коль ди Лана² и который теперь с радостью возвращается, чтобы присоединиться к «ардити»,³ желая отомстить за двух своих погибших братьев, говорил со мной о жизни и смерти как философ. И я рада, что кто-то, у кого меньше возможностей, чем у меня, познакомиться с Вашим потрясающим народом, услышал это. А как он говорил о своем капитане, который был ему скорее отцом, чем начальником! Одетый как солдат, в одиночестве, все сам исследовал, и когда он говорил — давайте, ребята, сегодня наша очередь, — то они бы с радостью пошли за ним даже на верную смерть.

А другой говорил: «В окопах душа становится слаще». И прекрасна и нова даже сама манера их речи, которой они говорят. И я думаю, как полезно это соприкосновение с простым для тех, кто творит и будет творить. Если у них есть глаза и уши, они обязательно создадут что-то живое, потому что долгая война, бесконечные ограничения совместной жизни помогут забыть заученные или искусственно сочиненные формулировки. Жизнь всегда нова, всегда прекрасна, и каждый человек — это новый мир и новая загадка! И Соффичи уже различает нечто подобное в своем Кобилеке.⁴ — Женщины совершили чудо, получив возможность самим возделывать поля. Они постарели, устали, но не жалуются. Трудностей в жизни много, «грипп», хотя и не очень серьезный, широко распространен, но поведение достойно восхищения. Болгарское перемирие радостно одобряется. Последние два дня были великолепны, а после грозы казалось, что природа еще сильнее погружается в особую атмосферу усталой ностальгии. Со вчерашнего дня идет дождь, и густой серый туман окутывает деревню, делая ее однообразной. Утешаю себя мыслями и чтением Чехова. И сегодня мне кажется, что я ребенок и что я живу как много лет назад в той однородной и бедной действительности, которая устремляла дух к воображаемым чудесам. Чехов жил и описывал эту реальность. Поэтому он наш, только наш, и он так же дорог нам, как кусочек нашей юности. Он замечал и указывал на отсутствие воли к жизни не только у русского человека, но и у русской природы, рек и лугов. Он — последний потомок классиков, прямой наследник Пушкина и Гоголя, равный им как художник, он — «убийца человеческих надежд», точнее — их надежд. После него — Белый и Иванов, вестники хаоса, который будет началом или концом!

Чехов — серый день, унылое детство, которое не убило нас, молодых, но погнало по свету. И мне больно покидать Мериано с его серыми днями, сменяющимися такими черными ночами, оживленными нежной песней ветра.

Надеюсь, Анджелио написал Вам из Рима. Вы, живущие там и страдающие с радостью, должны хотя бы знать, что мы это чувствуем.

С дружеским рукопожатием, Ольга Ресневич

¹ Сидней Костантино Соннино (1847–1922) был политическим деятелем так называемой партии исторических правых. С 1914 по 1919 год — министр иностранных дел.

² Битва в Col di Lana, в горах на территории современного Венето, продолжалась с июня 1915-го до октября 1917 года и завершилась окончательной победой итальянских войск.

³ «Ардити» («смелчаки») были первыми солдатами специального назначения («Reparti d'Assalto») пехотного подразделения Королевской итальянской армии, созданного во время Первой мировой войны в 1915–1918 годах.

⁴ «Kobilek. Giornale di battaglia» («Кобилек. Дневник сражения») — дневник художника Арденго Соффичи в период его пребывания на горе Кобилек (современная Словения) в качестве лейтенанта 128-го пехотного полка второй армии генерала Капелло. В тексте, написанном в 1918 году, когда Соффичи находился в больнице, повествуется о действиях его батальона в августе 1917 года. Битва на горе Кобилек завершилась победой итальянских войск, но судьба конфликта вскоре

изменилась из-за поражения под Капоретто. Дневник Соффичи был опубликован издательством «La Voce» в 1918 году, но с некоторыми цензурными изъятиями. Через год флорентийское издательство «Vallecchi» перепечатало текст, но только в 1928 году выпустило полное издание без купюр. Подробнее об этом см.: *Bellini D.* «Kobilek» di Soffici: dalla guerra-gioco alla narrazione di una comunità // *Annali d'Italianistica*. 2015. Vol. 33. The Great War and The Modernist Imagination in Italy. P. 151–167.

3

Caro amico, cari tutti che avete creduto e fatto e che ora siete testimoni di ciò che sembra un sogno inverosimile eppure sempre sognato e atteso. Ciò che avviene sembra una irrealtà — al di là di ogni aspettativa. La vita precorre ogni immaginazione, le grandi cose precipitano, l'anima e mente tace e il cuore è con Lei, con voi tutti.

Cordialmente,

Olga Resnevic

domenica

3 ottobre 1918

<Приписка Анджело Синьорелли:>

Caro amico vedo oggi più chiaro ciò che ci resta da compiere.

Con affezione tuo

Angelo Signorelli

Перевод:

Дорогой друг, дорогие все, кто верил и делал и кто сейчас является свидетелем того, что кажется несбыточной мечтой, но о чем всегда мечтали и чего ждали. Происходящее кажется чудом — за пределами всех ожиданий. Жизнь предвосхищает все фантазии, великие свершения ускоряются, душа и разум умолкают, и сердце остается с Вами, со всеми вами.

С уважением,

Ольга Ресневич

Воскресенье

3 октября 1918 года.

<Приписка Анджело Синьорелли:>

Дорогой друг, сегодня я все яснее вижу то, что нам еще предстоит совершить.

С любовью Ваш

Анджело Синьорелли

Из писем Бориса Яковенко к Эрнесто Кодиньоле

К числу русских эмигрантов, выстроивших устойчивые и плодотворные связи с культурно-издательским миром Флоренции, принадлежал философ и мыслитель Борис Яковенко (1884–1949), один из наиболее влиятельных представителей русской эмиграции 1920-х годов. Вынужденный после 1905 года покинуть Россию для продолжения обучения, Яковенко прожил в Европе большую часть своей жизни, возвращаясь на родину лишь в период с 1911 по 1913 год.³⁵ Однако и в эти годы его деятельность продолжала носить интернациональный характер. В частности, он сотрудничал с од-

³⁵ См. об этом: *Рицци Д.* Яковенко Борис Валентинович // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019. С. 758–761; *Renna C.* Boris Jakovenko e la cultura filosofica europea: una ricostruzione biografica // eSamizdat. 2004. Vol. 2. № 3. P. 98.

ним из первых международных издательских проектов — неокантианским журналом «Логос», в русской редакции которого был одним из наиболее активных и преданных сотрудников.³⁶

Обратившись к философии после первоначального интереса к естественным наукам, Яковенко окончательно сформировался как мыслитель во Франции и Германии, где посещал курсы в Сорбонне, а также в университетах Гейдельберга и Фрайбурга. Впоследствии он прожил более десяти лет в Италии (1910–1911; 1913–1924) и почти двадцать пять лет в Чехословакии (1925–1949). Он выступал не только как редактор, но и как основатель ряда итальянских («La Russia», «La Russia Nuova», «La Russia Democratica»), чехословацких («Ruch filosofický», «Internationale Bibliothek für Philosophie») и немецких («Der Russische Gedanke») журналов. Яковенко также находился в тесном и продолжительном сотрудничестве с издательством «Мусагет», которое выпускало в 1910–1913 годах русскую версию международного философско-культурологического сборника «Логос». В одном из писем к Э. К. Метнеру, руководителю «Мусагета», Яковенко настаивал на необходимости публикации труда Бенедетто Кроче «Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика», мотивируя это отсутствием в отечественной интеллектуальной среде специалистов по эстетике.³⁷

По приезде в Италию Яковенко сразу же вступил в контакт с группой «La Voce», с которой его, вероятно, свел Джованни Амендоле.³⁸ В 1923 году он опубликовал русский перевод «Трагической ежедневности» («Il tragico quotidiano», 1906) Джованни Папини вместе с Юргисом Балтрушайтисом и Р. Да-Ромой.³⁹ Яковенко был также связан с Преццолини рядом совместных издательских проектов, среди которых — многотомная иллюстрированная «История русской революции» («Storia della rivoluzione russa»), подготовленная к печати, но так и не опубликованная. При посредничестве публициста, литератора и переводчика Одоардо Кампа (1879–1965) Яковенко издал на итальянском языке свой главный труд — «Русские философы» («Filosofi russi», Флоренция, 1927; дата на титуле: 1925), ставший единственным реализованным проектом из числа тех, которые он предлагал издательству «La Voce».⁴⁰

Вполне вероятно, что именно благодаря флорентийскому сообществу русский философ познакомился с педагогом и мыслителем Эрнесто Кодиньолой (1885–1965), с которым обменивался письмами в конце 1910-х — начале 1920-х годов, когда последний сотрудничал в издательстве Атилио Валлекки.⁴¹ Интерес Кодиньолы, не знавшего русского языка, к русской культуре — прежде всего к русской истории и философии — был обусловлен тем, что он был учеником философа, мыслителя и сенатора Джованни Джентиле, а также тем, что в начале 1920-х годов вступил в контакт с Иваном Евгеньевичем Степановым (1889–1960) — русским историком-эмигрантом, близким

³⁶ О плодотворном сотрудничестве Яковенко с журналом «Логос» см.: Ермичев А. А. О неокантианстве Б. В. Яковенко и его месте в русской философии // Яковенко Б. В. Мошь философии / Сост., пер., вступ. статья, комм. А. А. Ермичева. СПб., 2000. С. 5–43; Панкова Т. Ю. Б. В. Яковенко и журнал «Логос» // Кантовский сборник. 2013. № 1. С. 73–77; Рицци Д. Яковенко Борис Валентинович. С. 759.

³⁷ См.: Степанова Л. Б. В. Яковенко как переводчик: к истории первого русского издания «Эстетики» Кроче // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 320; см. также: Безродный М. В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 385.

³⁸ Рицци Д. Яковенко Борис Валентинович. С. 759. Согласно интерпретации Ренны, Яковенко был введен в круг «La Voce» поэтом и переводчиком Юргисом Балтрушайтисом (Renna C. Boris Jakovenko e la cultura filosofica europea: una ricostruzione biografica. P. 101).

³⁹ Папини Дж. Трагическая ежедневность / Пер. с ит. Ю. Балтрушайтиса, Р. Да-Рома и Б. Яковенко; под ред. А. Л. Волинского, предисловие Б. Яковенко. Берлин, 1923.

⁴⁰ См. об этом: Renna C. Boris Jakovenko e la cultura filosofica europea: una ricostruzione biografica. P. 101.

⁴¹ Brogioni L. Attilio Vallecchi e la sua casa editrice // Brogioni L. Le edizioni Vallecchi. Catalogo 1919–1947. Milano, 2008. P. 18. Кодиньола также был редактором серий «Il pensiero moderno», «La nostra scuola», «Uomini e idee», «Collana storica», «Classici antichi» и «Classici moderni».

соратником Яковенко.⁴² Степанов сотрудничал с журналом «Levana» (1922–1929), издававшимся под редакцией Кодиньола, и, что особенно важно, при содействии последнего опубликовал в издательстве «Vallecchi» свою монографию на итальянском языке «История России от истоков и до наших дней» («Storia della Russia. Dalle origini ai giorni nostri», 1923).⁴³ В этот период Кодиньола способствовал распространению трудов по русской истории, философии и литературе, уделяя особое внимание таким авторам, как Достоевский, Тургенев, Толстой, Островский, Короленко и Чехов. Материалы Яковенко, адресованные итальянскому культурному посреднику, — открытки, письма и переводы — охватывают период между 1921 и 1935 годами. Однако из первых писем становится ясно, что их отношения начались еще раньше, вероятно, между 1919 и 1920 годами, когда Кодиньола начал сотрудничать с издательством Валлекки.

Письма Яковенко к нему свидетельствуют о разных стадиях работы над многочисленными переводами, которыми занимался философ-эмигрант. В издательстве Валлекки были опубликованы такие авторы, как Островский,⁴⁴ Короленко,⁴⁵ Толстой⁴⁶ и Чехов.⁴⁷ Однако другие редакционные проекты так и не осуществились ни в издательстве Валлекки, ни у других издателей. В письмах Яковенко есть свидетельства о сделанных им переводах «Сорочинской ярмарки», «Майской ночи, или Утопленницы», «Страшной мести» Гоголя,⁴⁸ «Братьев Карамазовых» Достоевского; сохранились рукописи целого ряда неопубликованных переводов — например, пьес Тургенева «Провинциалка» и «Нахлебник».⁴⁹

Тексты, которые Яковенко удалось опубликовать у Валлекки благодаря активной поддержке Кодиньола, имеют важное значение, так как они представляли в обновленном виде уже переведенных, но еще не слишком известных в Италии авторов, таких как Чехов и Короленко. В 1911 году появился первый итальянский перевод Чехова: это была антология его рассказов («Racconti») под редакцией Арденго Соффичи и Сергея Ястребцова,⁵⁰ на титульном листе было обозначено, что перевод выполнялся с русского оригинала. Однако, как показывает переписка, Соффичи и Ястребцов использовали французский язык в качестве языка-посредника для первого перевода «Трех сестер» 1913 года,⁵¹ произведения, переведенного в 1925 году Яковенко — на этот раз уже с русского языка — для Валлекки.⁵² Не случайно это событие было отмечено по

⁴² Вместе они были редакторами периодических изданий «La Russia» (позже «La Russia Nuova»). См.: *Гардзонио С., Сульпасо Б.* Осколки русской Италии... С. 20–25, 119; *Гардзонио С.* К изучению русского зарубежья в Италии: Материалы к истории «La Russia» и «La Russia nuova» // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. Essays in Honor of W. Zalewski.* Stanford, 1999. P. 80–86 (Stanford Slavic Studies; vol. 20).

⁴³ См. об этом: *Ларокка Дж.* Эрнесто Кодиньола и русские в Италии. К истории отношений // *Русская эмиграция в Италии: издания, журналы, архивы (1900–1940).* С. 279–282, 304–306.

⁴⁴ *Ostrovskij A.* La tempesta. Dramma in cinque atti / Trad. e introduzione di B. Jakovenko. Firenze, 1925.

⁴⁵ *Korolenko W.* Il vecchio campanaro / Trad. di B. Jakovenko. Firenze, 1926.

⁴⁶ *Tolstoi L. N.* La potenza delle tenebre ovvero Anche se l'uccello s'impiglia con la sola unghia sarà perduto. Dramma in cinque atti / Trad. direttamente dal russo da B. Jakovenko. Firenze, 1925; ср. более позднее издание: *Tolstoi L. N.* Il cadavere vivente. Dramma in sei atti / Trad. di B. Jakovenko. Firenze, 1943.

⁴⁷ *Cecov A.* Il giardino dei ciliegi. Commedia in quattro atti / Trad. dal russo con introduzione di C. Grabher. Firenze, 1924.

⁴⁸ Об этих трех повестях он сообщал в письмах от 3 и 7 декабря 1923 года: Centro Archivistico Scuola Normale Superiore, Pisa. Archivio Ernesto e Anna Maria Codignola (далее CA SNS AEAMC). Fasc. Jakovenko, Boris.

⁴⁹ См. об этом: *Ларокка Дж.* Борис Яковенко — переводчик драматургии Тургенева (По архивным материалам) (Часть I) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. СПб., 2024. Вып. 5. С. 135–158.

⁵⁰ *Cecof A.* Racconti / Trad. it. di A. Soffici, S. Jastrebeff. Firenze, 1911.

⁵¹ *Soffici A.* Anton Cecof // *Cecof A.* Le tre sorelle. Dramma / Trad. direttamente dal russo da S. Jastrebof e A. Soffici. Lanciano, 1913.

⁵² *Grabher C.* [Рец. на:] A. Cèkov, Le tre sorelle. Dramma in 4 atti. Trad. e introd. di B. Jakovenko. Vallecchi, Firenze, 1925, L. 3 // Leonardo. Rassegna mensile di coltura. Anno 1. 1925. № 12. P. 277.

крайней мере в двух различных рецензиях того времени: первая рецензия — литературоведа и философа Адриано Тилгера (1887–1941), который, сравнивая новый перевод с текстом Соффичи и Ястребцова, предпочел версию Яковенко,⁵³ и вторая — переводчика чеховского театра 1920-х годов Карло Грабэра, который показал, что версия Яковенко лучше, чем Соффичи и Ястребцова.⁵⁴

«Старый звонарь» Короленко, выпущенный издательством Валлекки в 1926 году в переводе Яковенко, уже выходил по-итальянски в миланском издательстве «Sonzogno» (1903), но заслуга Валлекки заключалась в том, что перевод был сделан непосредственно с русского языка. Вместе с Короленко в своем каталоге Валлекки также предлагал некоторых ключевых авторов второй половины XIX века с особым вниманием к реалистической поэтике. Этот процесс стал реакцией на изменения в русском литературном каноне, в котором Чехов, Короленко, а также Тургенев, Островский и Толстой, несомненно, играли ключевую роль.

Как уже было сказано выше, с 1910-х годов возникает живой интерес к Чехову. Издательство «La Voce» под руководством Преццолини представляет русского писателя на итальянском языке, хотя некоторые переводы уже были к тому моменту изданы. После Соффичи и Ястребцова Преццолини привлек к переводам Ольгу Ресневич, а в 1920-е годы, по крайней мере, два других издателя, связанные с группой Преццолини, интересовались Чеховым, а именно Валлекки и Карабба.

В этот процесс — на фоне интереса итальянского издательского сообщества к русской литературе — Яковенко включается немедленно и с большой активностью, о чем свидетельствуют его письма Кодиньоле. С 1921 года он работает над переводом некоторых чеховских произведений, таких как, например, вышеупомянутые «Три сестры», а в 1929 году он переводит «Степь», опубликованную «Караббой». Версия Яковенко конкурирует со «Степью» в переводе Ресневич (1920), вышедшем в издательстве «La Voce». Однако судьба Яковенко как переводчика Чехова сложилась в дальнейшем неудачно: уже в начале 1920-х годов Кодиньола вел переписку с другим известным переводчиком Чехова в Италии, Карло Грабэром. В 1923 году Грабэр перевел «Иванова»⁵⁵ для «Валлекки» и в письме Кодиньоле от 8 декабря 1923 года сообщил, что у него готов к печати «Вишневый сад», очевидно запланированный на ближайшее время, «один из шедевров великого русского писателя».⁵⁶ Пьеса была опубликована в «Валлекки» в 1924 году.⁵⁷ Именно тогда Грабэр отнял у Яковенко роль главного переводчика Чехова: большая часть чеховской драматургии доступна итальянскому читателю в его версиях.

Наряду с Чеховым Яковенко уделял особое внимание другому русскому писателю, который был ему особенно дорог, — Достоевскому. Письма, которые мы печатаем ниже, как раз касаются переводов Достоевского. По мнению Яковенко, они должны быть предложены публике как из-за духовного значения автора, так и из-за неадекватности имеющихся на итальянском рынке переводов. Ссылаясь на опубликованные издательством «Treves» переводы «Идиота» (1887) и «Братьев Карамазовых» (1902),⁵⁸ он говорит о «позорной» («infame»)⁵⁹ работе и жалуется, что в переводе «Братьев Карамазовых»

⁵³ Tilgher A. [Рец. на:] Anton Cekov. *Le tre sorelle*. Dramma in quattro atti. Traduzione e introduzione di B. Iakovenko («Classici moderni»). Firenze, Vallecchi // L'Italia che scrive. Anno V. 1925. № 8. P. 101.

⁵⁴ Grabher C. [Рец. на:] A. Cèkov, *Le tre sorelle*. Dramma in 4 atti.

⁵⁵ Ср. следующие неизданные документы: почтовые карточки Грабэра к Кодиньоле из Милана от 17 и 21 января 1924 года; письмо Грабэра к Кодиньоле из Милана от 2 февраля 1924 года (CA SNS AEAMC. Carteggio. Fasc. Grabher, Carlo).

⁵⁶ Почтовая карточка Грабэра к Кодиньоле из Милана от 8 декабря 1923 года (Ibid.).

⁵⁷ Cecov A. *Il giardino dei ciliegi*: commedia in quattro atti / Trad. dal russo con introduzione di Carlo Grabher. Firenze, 1924. Среди последующих переводов Чехова, осуществленных Грабэром и опубликованных Валлекки, необходимо упомянуть следующие: Cecov A. 1) *Lavori drammatici in un atto*. Teatro completo. Vol. 1 / Trad. dal russo con introduzione di C. Grabher. Firenze, 1928; 2) *Liescij. Il gabbiano. Zio Vania*. Teatro completo. Vol. 2 / Trad. dal russo di C. Grabher. Firenze, 1929.

⁵⁸ *Dostojewski F. I fratelli Karamazoff*. Romanzo. Milano, 1902. Vol. 1–2.

⁵⁹ См. ниже п. 2 Бориса Яковенко.

не только наблюдается резкое сокращение текста и пропущены целые главы, но и имеются серьезные ошибки.⁶⁰ Учитывая возрастающую роль Достоевского в формирующемся в Италии каноне русской литературы,⁶¹ Яковенко начинает переводить «Записки из подполья», роман, по его словам, «еще не переведенный на итальянский язык»,⁶² опубликованный в его переводе издательством «Карабба» в 1924 году. Повесть свидетельствует и о возрастающем интересе Яковенко к Достоевскому.

Однако, несмотря на многочисленные предложения Яковенко Кодиньоле, включая «Неточку Незванову»,⁶³ «Идиота», «Подростка», только два текста оказались переведены полностью: «Записки из подполья» и «Двойник», который вышел в издательстве «Карабба» в 1926 году. Яковенко предлагал Кодиньоле перевести на итальянский язык и полное собрание сочинений Достоевского,⁶⁴ что согласуется с необходимостью переводить русских классиков, уже заявленной Джованни Папини в 1917 году, когда в письме к Ольге Ресневич он заявлял о важности новых и обновленных переводов «великих русских писателей»: «Совершенно необходимо делать переводы великих русских писателей, пока же моя программа такова: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тютчев, Толстой. Посмотрим. Обширные биографии (чтобы их полюбили) и переводы (непереведенных)».⁶⁵ С точки зрения Яковенко, перевод Достоевского также был первоочередным делом, ведь в 1922 году, ровно через год после столетия со дня рождения Достоевского, он настоятельно предупреждал Кодиньолу, что если не он, то этот амбициозный проект, без сомнения, завершит кто-то другой.⁶⁶

Яковенко долго не отступал и на протяжении многих лет настаивал на публикации переводов Достоевского,⁶⁷ но очевидно, что у Кодиньоле возникли другие приоритеты, а кроме того, он не всегда оставался удовлетворен работой русского философа. Хотя ответные письма Яковенко не найдены, многие документы русского эмигранта свидетельствуют о разочаровании Кодиньоле текстами Яковенко, который переводил огромное количество произведений не только с русского, но и с немецкого. Постоянные неточности раздражали Кодиньолу, который в 1921 году угрожал не платить за плохо выполненную работу,⁶⁸ а в 1925 году предупреждал, что вернет переводы, если Яковенко не выполнит его указаний.⁶⁹

Яковенко, безусловно, поддерживали некоторые итальянские коллеги, помогавшие ему с языком и дававшие советы, но окончательный результат не удовлетворил Кодиньолу. Одним из таких помощников Яковенко был Вальтер Нава, которого он

⁶⁰ Там же.

⁶¹ О реценции Достоевского в Италии см.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste 1869–1945*. Udine, 1998; *Алоэ С. 1) Некоторые заметки о приеме Достоевского в Италии во времена Муссолини // Язык и текст. 2021. Т. 8. № 1. С. 57–68; 2) Достоевский в итальянской критике // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2013. Т. 20. С. 3–24; 3) *Dostoevskiana in Italia (1945–2012) // Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore*. Napoli, 2012. P. 19–41, 485–525.*

⁶² См. ниже п. 1 Бориса Яковенко.

⁶³ Письма Яковенко к Кодиньоле из Рима от 24 мая 1924 года и от 3 августа 1924 года; письмо Яковенко к Кодиньоле из Monteverde, via Giovanni Pantaleo от 1 сентября 1924 года; письмо Яковенко к Кодиньоле 5 сентября 1924 года без указания места (CA SNS AEAMC. Carteggio. Fasc. Jakovenko, Boris).

⁶⁴ См. ниже п. 2 Бориса Яковенко.

⁶⁵ «Bisogna assolutamente fare i Grandi Russi, per ora il mio programma è: Pusckine, Gogol, Dostoevskij, Tiutcev, Tolstoi. Poi vedremo. Biografie ampie (per farli amare) e traduzioni (di quelle non tradotte)» (Lettere di Giovanni Papini a Olga Signorelli... P. 211, 212).

⁶⁶ См. об этом письмо Бориса Яковенко к Эрнесто Кодиньоле от 25 октября 1922 года из Рима (CA SNS AEAMC. Carteggio. Fasc. Jakovenko, Boris).

⁶⁷ См. об этом письмо из Рима от 17 октября 1924 года (CA SNS AEAMC. Carteggio. Fasc. Jakovenko, Boris).

⁶⁸ Письмо Яковенко к Кодиньоле от 10 сентября 1921 года, присланное из Рима (*Larocca G. L'aquila bicipite e il tenero iris*. P. 180).

⁶⁹ Письмо Яковенко к Кодиньоле от 17 апреля 1925 года, присланное из Мариенбада (ныне Марианске-Лазне, Marianske Lázne) (CA SNS AEAMC. Carteggio. Fascicolo Jakovenko, Boris).

упоминал в предисловии к некоторым своим переводам и сочинениям,⁷⁰ а о других на данный момент нет никаких свидетельств. Однако Кодиньоле не нравилась поспешность Яковенко, который, все время пытаясь свести концы с концами, предлагал также статьи и научные исследования, нужные для его академической карьеры. Он просил Кодиньолу издать антологию русских мыслителей, первую монографию по истории русской философии «Русские философы: история» (1925–1927).⁷¹

Яковенко делал все возможное, писал, переводил, пытался утвердиться на итальянской культурной сцене 1920–1930-х годов, но так и не нашел своего места. Опыт итальянских журналов, редактором и основателем которых он был («La Russia», «La Russia Nuova», «La Russia Democratica»), заставил его осознать трудности взаимодействия с итальянской политикой и культурой. Кодиньола, как и Папини (по крайней мере, до начала 1920-х годов), был прекрасным собеседником как в интеллектуальном, так и в человеческом смысле, но обстоятельства, в которых Яковенко работал (бедность, постоянные переезды), по его собственному признанию, были ненадежными и сложными.

В 1924 году Яковенко фактически покинул Италию и эмигрировал в Чехословакию. Он продолжал писать Кодиньоле, но уже в другой исторический момент, когда сам Кодиньола готовился к сотрудничеству с «Nuova Italia», редакционным проектом, отличным от предыдущего, в котором Яковенко займет очень скромное место.⁷² Несомненно, их богатая переписка свидетельствует об активной переводческой деятельности Яковенко, которая, если бы она была доведена до конца, безусловно, сделала бы его одним из главных популяризаторов русской литературы в Италии. В этом случае многие известные авторы стали бы неотъемлемой частью иностранного литературного канона.

Публикуемые ниже по автографам два письма Бориса Яковенко Эрнесто Кодиньоле, хранящиеся в Архивном центре Высшей Нормальной Школы в Пизе, представляют эпизод, связанный с интересом Яковенко к творчеству Достоевского. Они тематически продолжают более ранние письма 1921–1922 годов, которые уже были опубликованы мною ранее.⁷³

При публикации документов соблюдаются орфография и оригинальный синтаксис корреспондента. Подчеркивания выделены курсивом, двойные подчеркивания — полужирным курсивом.

1

16 ott<obre> 1922, Roma, (44) Monteverde
Via Fra Pantaleo, 5
Villa Langa
Boris Jakovenko

Caro professore,

Finalmente ho riuscito a strapparmi un po' di tempo per dare l'ultima occhiata alla traduzione delle favole che oggi stesso Le spedisco come manoscritto raccomandato.

⁷⁰ См. предисловие к переводу «Записок из подполья»: *Dostoevski T. Memorie dal sottosuo-*lo. Lanciano, P. 11.

⁷¹ Письмо к Бенедетто Кроче от 14 апреля 1921 года, в котором он предлагал составить историю России, сборник исследований, написанных русскими интеллектуалами в Италии, русскую энциклопедию, историю русской философии XIX века, исследования преимущественно немецкого идеализма XIX века. Некоторые из этих работ он смог впоследствии опубликовать в Праге. См.: *Jakovenko B.* 1) *Geschichte des Hegelianismus in Russland.* 1820–1850. I. Prag, 1937. 2-е изд.: 1940. 2) *Über die Hegelische Philosophie, I–III.* Prag, 1941–1943. Сп.: *Renna C.* 1) *Lettere di Boris V. Jakovenko a Benedetto Croce (1912–1930)* // *Russica Romana.* 2006. Vol. XIII. P. 180; 2) *Boris Jakovenko e la cultura filosofica europea: una ricostruzione biografica.* P. 99.

⁷² Недаром он перевел: *Slivitskij A. M. Le avventure di un orsacchiotto* / Trad. di B. e M. Jakovenko; illustrazioni di C. Sarri. Firenze, 1931.

⁷³ *Larocca G. L'aquila bicipite e il tenero iris.* P. 179–183.

Intanto sono già abbastanza dentro sia della traduzione delle legende, sia del compilare l'Antologia.

Mia partenza in Germania, la ho dovuto rinviare un po', e così non mi muoverò certamente prima della fine del mese.

Ho trovato un romanzo di Dostoevski non tradotto ancora in italiano. Domani spero di aver tempo per far confronto tra il testo originale dei „Fratelli Karamazov“ e la traduzione italiana; allora scriverò dettagliatamente in proposito.

Ho potuto mettere in giro solo una delle due cambiali che Lei mi aveva date. L'altra non ho riuscito fino ad ora ad utilizzare. Le sarei infinitamente grato se potrebbe mandarmi *ora* quelle *duecento lire* che mi promise di mandare verso la fine del mese corrente. Mi dibatto in questo momento nuovamente nelle *difficoltà enormi* ed ho bisogno *urgente* del suo aiuto. Anzi (mi mandale *per telegrafo* (a mie spese, naturalmente). <sic!>

Prima di partire, La vedrò o qui a Roma, o a Pisa. Le stringo la mano

Suo Boris Jakovenko

P. S. Mandami le 10 pagine di Korolenko con le Sue correzioni. Sarò meglio se le vedrò presto.

Перевод:

16 окт<ября> 1922, Рим, (44) Монтеверде

Виа Фра Панталео, 5

Вилла Ланга

Борис Яковенко

Дорогой профессор,

Наконец-то мне удалось выкроить немного времени, чтобы окончательно просмотреть перевод басен, которые я посылаю Вам сегодня заказным письмом.¹

Тем временем я уже довольно глубоко погрузился как в перевод легенд, так и в составление Антологии.

Мой отъезд в Германию мне пришлось ненадолго отложить, и поэтому я, конечно, не перееду раньше конца месяца.

Я нашел роман Достоевского, который еще не был переведен на итальянский язык.² Завтра у меня, надеюсь, будет время сравнить оригинальный текст «Братьев Карамазовых» с итальянским переводом; тогда я напишу о нем подробно.

Из двух векселей, которые Вы мне дали, я смог использовать только один, другой — пока не удалось. Я был бы Вам бесконечно благодарен, если бы Вы прислали мне *двести лир*, которые Вы обещали выслать мне в конце этого месяца. Сейчас я снова испытываю *огромные трудности*, и мне срочно нужна ваша <sic!> помощь. Будет даже лучше, если вы <sic!> пришлете мне их *по телеграфу* (разумеется, за мой счет).

Перед отъездом я увижу вас <sic!> либо здесь, в Риме, либо в Пизе. Жму Вашу руку

Ваш Борис Яковенко

P. S. Пришлите мне 10 страниц Короленько с Вашими исправлениями.³ Будет лучше, если я увижу их в ближайшее время.

¹ Не удалось уточнить, какие басни Яковенко имеет в виду. В разных письмах второй половины 1922 года Яковенко часто упоминает эти тексты, помимо антологии рассказов Короленько 1926 года (*Korolenko W. Il vecchio sampanaro / Trad. di B. Jakovenko. A. Vallecchi. Firenze, 1926*). См. также выше, прим. 45.

² Речь идет о романе «Братья Карамазовы», перевод которого был опубликован издательством «Тревес» в 1901 году. Были изданы другие версии: одна в 1914 году (*Dostoevsky F. I precoci / Trad. di D. Cinti. Milano: Sonzogno, 1914*), а другая в 1915 году (*Dostoevsky F. I ragazzi: romanzo / Trad. a cura di E. Kuhn Amendola. Milano: Studio editoriale lombardo, 1915*), но, учиты-

вая число страниц, упомянутое Яковенко, ясно, что он имеет в виду перевод, изданный «Тревисом». См. п. 2 от 22 октября 1922 года.

³ Вероятно, речь идет о первых переводах рассказов для антологии «Il vecchio campanaro» («Старый звонарь») Короленко, опубликованной в 1926 году издательством «Валлекки» в серии «Fontana viva. Opere scelte per l'infanzia e l'adolescenza» («Живой источник. Избранные произведения для детей и юношества»). В том были включены рассказы «Старый звонарь» (1885), «В ночь под светлый праздник» (1885), «Сон Макара» (1883) и «В дурном обществе» (1885).

2

22 ott<obre> 1922. Roma (44) Monteverde, via Fra Pantaleo 5, villa Langa

<Надпись сверху: «La cambiale, se non la riuscirò scontare nei prossimi giorni, la Le rimanderò senz'altro perché Lei la sconta? In questo momento ho ancora la speranza di scontarla qui.

La prego di rispondermi al più presto possibile circa la traduzione di Dostoevski. Mi *urge* di sapere se mi toccherà di farlo, o no»>.

Caro Codignola,

ho finalmente potuto confrontare la traduzione italiana dei «Fratelli Karamazov» di Dostoevski con l'originale. L'assicuro che una cosa più infame di questo genere non mi è mai capitata di vedere. Basta dire che non è stato tradotto che *meno di metà* del testo originale che in russo comprende 815 pag. con circa 2 milioni di caratteri, e nella traduzione invece 669 pag. con solo 1 milione circa di caratteri (si noti che la traduzione italiana dev'essere sempre un po' più ampia di quella russa). Ci sono di capitoli intieramente saltati, come quello VI° o X°, il primo dei quali è forse il più importante di tutto il romanzo. Sfogliando, non ho trovato *nemmeno una* frase tradotta con sufficiente precisione. Ho subito incontrati anche degli errori. Non è quasi una traduzione, ma una pessima ed affrettata versione, un vero tradimento!

Quindi, secondo quanto abbiamo parlato con Lei, la traduzione delle *Opere complete* di Dostoevski potrebbe essere cominciata benissimo con una autentica ed onesta traduzione bene annotata della più importante sua creazione, per essere seguita poi dalla traduzione dell'«Idiota» pubblicato da Treves una traduzione altrettanto pessima. Le propongo, in conclusione, il seguente progetto pratico. Farò la traduzione dei «Fratelli Karamazov» entro i cinque mesi prossimi e la traduzione dell'«Idiota» nei cinque mesi dopo. Saranno presso a poco 140 fogli della grandezza di quelli della sua biblioteca. Alla fine di ogni mese (cominciando col novembre) sarà fatta la resa del lavoro fatto. Le[i] mi corrisponderà, pagandomi mensilmente 400 lire fino all'esaurimento della somma spettantemi. Però sarei dell'opinione che la traduzione di Dostoevski autentica ed annotata ed introdotta bene (per non dire esemplare), dovrebbe essere ricompensata un po' di più di quelle altre. Crederci giusto di essere pagato con 60 lire al foglio, per lo meno. Veda Le se questo può andare. Accettate queste condizioni, Lei avrebbe ricevuto tutto il lavoro in 10 mesi e mi avrebbe pagato l'onorario complessivo, invece, in 21 mese <sic!>.

Lunedì prossimo Le manderò tre illustrazioni fatte dal mio amico come modelli, perché le giudichi. Sono fatte: una a penna, l'altra ad acquerelli e la terza a <одно слово пропущено>. Lei deve sempre decidere qual esemplare bisogna scegliere. Il disegnatore vorrebbe <sic!> avere 10 copie per se di ciascuno dei Suoi disegni, e vorrebbe anche ritirare gli originali dopo che avranno servito, impegnandosi formalmente di non pubblicarli più. Vorrebbe <sic!> anche con le edizioni seguenti avere qualche altra cosa oltre 20 lire stabilite. Dopo aver esaminati questi disegni, anche se li accetterà, prego di rimandarmeli perché servono al disegnatore, per gli altri. Tra questi disegni, quello ad acquerello e quello a penna riguardano le favole; il terzo, la novella di Gogol «La notte di maggio». Saluti cordiali Suo B. Jakovenko

Перевод:

22 окт <ября> 1922 года. Рим (44) Монтеверде, виа Фра Панталео 5, вилла Ланга

<Надпись сверху: «Если мне не удастся обналичить вексель в ближайшие несколько дней, мне, конечно, отослать его Вам обратно, чтобы Вы смогли его обналичить? В данный момент я все еще надеюсь, что мне удастся обналичить его здесь.

Пожалуйста, ответьте мне как можно скорее о переводе Достоевского. Мне не терпится узнать, придется ли мне сесть за него или нет»>.

Дорогой Кодиньола,

Я наконец-то смог сравнить итальянский перевод «Братьев Карамазовых» Достоевского с оригиналом. Уверяю Вас, что ничего более позорного в этом роде и мне никогда видеть не приходилось. Достаточно сказать, что переведено лишь *менее половины* оригинального текста, который включает 815 стр. на русском языке и примерно 2 миллиона знаков, а в переводе 669 стр. и всего около 1 миллиона знаков (обратите внимание, что итальянский перевод всегда должен быть немного объемнее, чем русский текст). Есть полностью пропущенные главы, такие как VI или X, первая из которых, пожалуй, самая важная во всем романе. Пролистывая книгу, я не нашел *ни одной фразы*, переведенной с достаточной точностью. Я также сразу столкнулся с некоторыми ошибками. Вряд ли это перевод, это скорее плохо и торопливо сделанное переложение, настоящее предательство!

Итак, в соответствии с тем, что мы с Вами обсуждали, перевод «Полного собрания сочинений» Достоевского вполне мог бы начаться с полного и точного, хорошо комментированного перевода его самого главного творения, а затем можно было бы поместить перевод «Идиота». Опубликованный Тревесом перевод также очень плох. В заключение я предлагаю реализовать на практике следующий проект. В течение следующих пяти месяцев я сделаю перевод «Братьев Карамазовых», а потом в течение еще пяти — перевод «Идиота». Это будет примерно 140 листов, размером с те, что есть в Вашей библиотеке. В конце каждого месяца (начиная с ноября) будет производиться отправка выполненной работы. Вы будете выплачивать мне 400 лир ежемесячно, пока не будет исчерпана причитающаяся мне сумма. Однако я считаю, что настоящий и хорошо комментированный (чтобы не сказать образцовый) перевод Достоевского должен быть вознагражден несколько больше, чем другие. Я бы считал справедливым вознаграждение в 60 лир за лист, как минимум. Посмотрите сами, устроит ли это Вас. Принимая эти условия, Вы получили бы всю работу через 10 месяцев, а гонорар выплачивали бы в течение 21-го месяца. В следующий понедельник я пришлю Вам три иллюстрации, сделанные моим другом в качестве образцов, чтобы Вы могли оценить их.¹ Они выполнены: одна — пером, другая — акварелью, третья — <одно слово пропущено>. Вам самому придется решить, какую из них выбрать. Художник хотел бы получить 10 копий каждого из рисунков для себя, а также забрать оригиналы после их использования, официально обязавшись не публиковать их снова. Он также хотел бы получить нечто сверх условленных 20 лир со следующих изданий. Посмотрите эти рисунки, и даже если Вы согласитесь их напечатать, пожалуйста, пришлите их мне обратно, так как они нужны художнику для дальнейшей работы. Из этих рисунков два, акварельный и выполненный пером, относятся к басням; третий — к повести Гоголя «Майская ночь».

С наилучшими пожеланиями, Ваш Б. Яковенко

¹ Вероятно, речь идет о художнике и иллюстраторе Эрвардо Фиораванти (Ervarado Fioravanti, 1912–1996), который сотрудничал с Яковенко в издании перевода «Сна Макара» («Il sogno di Makario») 1935 года (Regio Istituto d'arte, Roma), выполнив несколько литографий.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-141-150

© Чжан Бин (КНР), © Пань Чэньси (КНР)

ПЕКИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И РАЗВИТИЕ ТОЛСТОВЕДЕНИЯ В КИТАЕ*

Пекинский университет был основан в 1898 году и первоначально носил название Императорский столичный университет. Там были открыты курсы английской, французской, русской, немецкой, японской и других литератур. В 1872 году В. А. П. Мартин (William Alexander Parsons Martin, 1827–1916), впоследствии первый президент Императорского столичного университета, в первом номере редактируемого и издаваемого им «Пекинского научного журнала» опубликовал «Русскую басню», переведенную им с английского языка. Эта басня стала самым ранним в Китае эпизодом знакомства с русской литературой. По сюжету она перекликается с басней Эзопа «Путники и Медведь» и другими подобными произведениями. В «Русской басне» говорится: «На севере России, где много высоких гор и густых лесов, водятся крупные медведи, часто нападающие на людей».¹ Описание пейзажа придает этой басне ярко выраженный русский колорит. Ввиду «общепризнанной исторической правомерности сосуществования множества текстов, передаваемых разными путями или подвергшихся переработке»,² данная басня, несомненно, считается произведением русской литературы. По содержанию она близка к той басне, которую Толстой, переработав черновой вариант под названием «Два приятеля», впоследствии озаглавил «Два товарища».³ С большой вероятностью переведенная Мартином «Русская басня» восходит к переводу с русского на английский язык, например, к сборнику «Русские народные сказки». И хотя имеющиеся материалы не позволяют однозначно подтвердить связь этой басни с басней Л. Н. Толстого, считается, что именно это впервые сблизило Пекинский университет с Толстым.

Лян Цичао, один из главных представителей «Движения за реформы 1898 года», подготовил проект «Устава Столичного университета» — первого в новой истории Китая государственного высшего учебного заведения, — и руководил делами Переводческого бюро при Императорском столичном университете. В 1902 году в первом номере журнала «Синьминь цунбао» он опубликовал статью «О влиянии академического знания на судьбы мира», которая стала первой в Китае публикацией, содержащей оценку творчества Толстого. В том же году в первом номере основанного Лян Цичао журнала «Новый роман» был напечатан портрет Толстого, что ознаменовало собой и первое появление изображения писателя в Китае.

В 1912 году Императорский столичный университет был переименован в Пекинский университет, а в 1920 году там был создан факультет русской литературы. Первые годы существования Китайской Республики и период «Движения 4 мая» стали начальным этапом китайского толстоведения. Многие из тех, кто в то время преподавал или учился в Пекинском университете, внесли свой вклад в осмысление творчества и взглядов писателя. Например, Чэнь Дусю, занимавший с 1917 года должность профессора, в ряде своих статей дал высокую оценку творчеству Толстого. Он поставил

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного общественного научного фонда КНР в рамках научного проекта «Исследование истории дисциплины „толстоведение“ в Китае» (№ 19AWW005).

¹ Мартин В. А. П. Русская басня // Собрание документов по новой истории Китая. Сер. 3. Вып. 32. Избранные статьи из «Пекинского научного журнала» / Отв. ред. Шэнь Юньлун. Тайбэй, 1987. С. 43. (丁睦良. 俄人寓言 // 近代中国史料丛刊三编第三十二辑: 中西闻见录选编 / 沈云龙主编, 台北: 文海出版社, 1987, 第43页.)

² Чэнь Цзяньхуа. От «Русской басни» к басням Крылова // Китайская сравнительная литература. 1996. № 1. С. 93. (陈建华. 从《俄人寓言》到克雷洛夫寓言——谈谈中国早期的俄国文学译介 // 中国比较文学, 1996年第1期, 第93页.)

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 2006. Т. 21. С. 659.

Толстого в один ряд с Э. Золя и Г. Ибсеном как трех величайших писателей мира. Созданная Чжоу Цзожэнь — литератором, переводчиком, выдающимся представителем «Движения за новую культуру», профессором Пекинского университета — новая литература испытала глубокое влияние художественно-эстетических взглядов Толстого. Ли Дачжао, занимавший с 1918 года должность заведующего библиотекой Пекинского университета, а также являвшийся профессором на факультетах истории, политологии и др., перевел в этот период около десяти статей, посвященных известным русским писателям, в том числе и Толстому. Его литературные взгляды того времени, стремление к реализму и «спасению людей и мира» отмечены влиянием творчества писателя. В разгар «Движения 4 мая» Мао Дунь, познакомившийся с произведениями русских классиков в последние годы подготовительных курсов Пекинского университета, опубликовал две значимые статьи — «Л. Толстой и современная Россия» и «Л. Толстой как писатель».⁴ Цзян Мэнлинь,⁵ будущий ректор Университета, в 1919 году в журнале «Новое образование» опубликовал статью «Мировоззрение Л. Толстого», в которой представил философию жизни автора, его стремление исследовать, «что такое настоящая жизнь», и упомянул позднюю работу Толстого «Путь жизни». В 1919 году первая полная «Биография Л. Толстого»,⁶ написанная Ш. Саролеа, была переведена Чжан Банмин и Чжэн Ианхэ на китайский язык и опубликована в «Газете Пекинского университета». Она привлекла внимание Цай Юаньпэя, занимавшего в то время должность ректора, который назвал произведения Толстого «автобиографическими по своей природе», а главных героев — «воплощениями самих себя».⁷

Лю Баньнун, получив во Франции в 1925 году ученую степень доктора литературоведения и вернувшись после этого на родину, занял должность профессора на факультете китайского языка и литературы Пекинского университета. Он отметил, что в творчестве Лу Синя нашли отражение учения Толстого и Ницше. Лю Баньнун считал Толстого первым из двух главных духовных источников мысли Лу Синя. Его глубокое уважение к Толстому выражено с предельной ясностью. Одним из двух китайцев, состоявших в прямом общении с Толстым, был Гу Хунмин, который был профессором английского языка в Университете. В 1906 году Гу Хунмин направил Толстому свои труды на английском языке — «Ныне, цари, разумеите! Моральные причины русско-японской войны» («Et nunc, reges, intelligete. The moral causes of the Russo-Japanese War») и «Бумаги вице-короля Йемена» («Papers from a viceroy's Jamen»). Они вызвали глубокий отклик у писателя. В том же году Толстой опубликовал в ответ открытое письмо, озаглавленное «Письмо к китайцу». Уже из указанных примеров видно, что китайское толстоведение имело очень тесную связь с Пекинским университетом еще на раннем этапе своего развития.

В 1951 году в Пекинском университете был создан новый факультет русского языка и литературы под руководством профессора Цао Цзинхуа. В первый период своего существования он занимался изучением советской литературы и русских классиков, в том числе и Толстого. В конце 1950-х годов на факультете была организована исследовательская группа, которой были подготовлены статьи «Ленин о Л. Толстом» и «О „Воскресении“», опубликованные в «Вестнике Пекинского университета». Эти работы посвящены 50-летию со дня смерти Толстого и связаны с академическим обсуждением его мировоззрения и творческих методов, продолжением его литературного наследия, критикой ревизионизма и «теории человеческой сущности». В статье «Ленин о Л. Тол-

⁴ См.: Мао Дунь. 1) Л. Толстой и современная Россия // Студенческий журнал (学生杂志). 1919. Т. 6. № 4–6; 2) Л. Толстой как писатель // «Текущие события» (时事新报). 1919. 18 дек. (Раздел «Академическая лампа» (学灯)).

⁵ Цзян Мэнлинь (1886–1964) в 1919, 1920 и 1923 годах исполнял обязанности ректора Пекинского университета, а впоследствии занимал должность ректора в Чжэцзянском и Пекинском университетах.

⁶ «Биография Л. Толстого» была опубликована шанхайским издательством «Тайдун ту шуцзюй» в 1920 году.

⁷ См.: «Заметки Цай Юаньпэя о книгах» (蔡元培书话) издательства «Чжэцзян жэньминь чубаньшэ» (1998).

стом» рассматривается вклад Ленина в марксистскую эстетику, история создания и публикации семи ленинских работ о Толстом, а также анализ ленинского подхода к мировоззрению Толстого и его слабым сторонам. Авторы высоко оценили ленинские положения, подчеркнув, что учение Ленина раскрыло сложность и противоречивость мысли и творчества Толстого: «Рассматривая Толстого, Ленин всегда исходил из единства Толстого-художника и Толстого-мыслителя. Ленин указал: „Вот эта быстрая, тяжёлая, острая ломка всех старых „устоев“ старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя“. Мировоззрение Толстого полно противоречий, и все эти противоречия чрезвычайно отчетливо проявились в его творчестве».⁸ В статье «О „Воскресении“», которая также опирается на ленинскую теорию искусства, подчеркивается, что роман «Воскресение» «демонстрирует как сильные, так и слабые стороны критического реализма».⁹ Статья состоит из трех частей: исторический контекст появления романа «Воскресение», его идейная ценность и недостатки, художественные достоинства и упущения. В этих статьях заметно влияние политических движений эпохи, тем не менее они считаются лучшими исследованиями того периода.

Таким образом, факультет русского языка и литературы Пекинского университета, где проходили подготовку множество выдающихся ученых-русистов, уже более 100 лет является важным центром преподавания и исследования русского языка и литературы в Китае. Толстоведение при Пекинском университете принесло плодотворные результаты и стимулировало развитие дальнейших исследований в Китае. За ограниченностью объема наша статья в основном знакомит читателей с созданием и развитием дисциплины «толстоведение» в Пекинском университете.

Значимые исследования творчества Л. Н. Толстого

Развернувшаяся с конца 1970-х годов политика реформ и открытости привела к новому этапу развития отечественного толстоведения, во главе которого оказались ученые Пекинского университета. Статьи Сюй Чжифана о рассказе «После бала»,¹⁰ Ли Минбиня о «Войне и мире»,¹¹ Чжан Цюхуа об «Анне Карениной»,¹² опубликованные в конце 1970-х — начале 1980-х годов, а также статья Жэнь Гуансюаня о психоаналитической плоскости произведений Толстого¹³ — свидетельствуют о том, что в исследованиях Толстого при Пекинском университете уделялось большое внимание глубокому изучению художественных особенностей произведений писателя и их интерпретации. Например, Сюй Чжифан считала, что уникальность рассказа «После бала» проявляется «в использовании психологизма, в описаниях сцен и даже в использовании отдельных

⁸ Группа по изучению Льва Толстого при факультете русского языка Пекинского университета. Ленин о Л. Толстом // Вестник Пекинского университета. Сер. Гуманитарные науки. 1960. № 2. С. 37. (Без названия группы. Толстой и Ленин // Пекинский университет (гуманитарные науки), 1960, № 2, с. 37.). (Первый вариант этой статьи был опубликован под псевдонимом Су Вэнькэ в газете «Пекин жибао» 24 апреля 1960 года.)

⁹ Группа по изучению Льва Толстого при факультете русского языка Пекинского университета. О «Воскресении» // Вестник Пекинского университета. Сер. Гуманитарные науки. 1961. № 3. С. 57. (Без названия группы. Толстой и Ленин // Пекинский университет (гуманитарные науки), 1961, № 3, с. 57.).

¹⁰ Сюй Чжифан. Художественные особенности рассказа Л. Н. Толстого «После бала» // Исследование зарубежной литературы. 1979. № 2. С. 43–47. (徐稚芳. 托尔斯泰的短篇小说《舞会之后》的艺术特色 // 外国文学研究, 1979年第2期, 第43–47页.)

¹¹ Ли Минбинь. Художественные достижения «Войны и мира» // Зарубежная литература. 1981. № 1. С. 22, 34–39. (李明滨. 《战争与和平》的艺术成就 // 国外文学, 1981年第1期, 第22+34–39页.)

¹² Чжан Цюхуа. Чтение «Анны Карениной» // Зарубежная литература. 1981. № 1. С. 26–33. (张秋华. 读《安娜·卡列尼娜》 // 国外文学, 1981年第1期, 第26–33页.)

¹³ Жэнь Гуансюань. О типах психологического анализа и их особенностях — сравнение методов у Толстого, Тургенева и Чехова // Зарубежная литература. 1988. № 3. С. 24–39. (任光宣. 论心理分析类型及其特征——托尔斯泰、屠格涅夫、契诃夫的心理分析方法之比较 // 国外文学, 1988年第3期, 第24–39页.)

слов и предложений». ¹⁴ Впоследствии она опубликовала также работу «Образ Катюши Масловой в „Воскресении“». ¹⁵

В это же время профессор Ли Минбинь стал одним из выдающихся представителей толстоведения в Пекинском университете — и даже во всем Китае. Его статья «О „Воскресении“» сопровождала публикацию романа в переводе Жу Лонга (1979). Исследователь подготовил обширный комментарий к произведению, объединив анализ контекста творчества Толстого, художественной структуры романа и его характерных черт. Эта статья стала первым исследованием «Воскресения», опубликованным в Китае в период реформ и открытости. В том же году Ли Минбинь проанализировал Анну Каренину как типичный образ поворотного периода российской истории в статье под заголовком «Является ли Анна „сторонницей превосходства любви“? — А также о пагубной тенденции в преподавании и критике зарубежной литературы», опубликованной в журнале «Исследования зарубежной литературы». Ученый указал, что «объективная историческая оценка произведений не должна становиться жертвой пролетарских утилитарных требований идеологического воспитания», а также отметил, что «долгое время при оценке работ склонялись к прагматизму, исходя из текущей ситуации или потребностей», что приводило к абсолютизации и одностороннему осуждению образа Анны Карениной. ¹⁶ В ранний период реформ и открытости эта статья вызвала сомнения со стороны научного сообщества — и это имело большое значение для здорового развития толстоведения.

В ноябре 1980 года в Шанхае прошел симпозиум, приуроченный к 70-летию со дня смерти Толстого. Пекинский университет придал большое значение этому событию, и на конференции по толстоведению были представлены доклады трех профессоров — Чжан Цюхуа, Сюй Чжифан и Ли Минбиня. В 1981 году эти три доклада были опубликованы в журнале «Иностранная литература», а в 1983 году вошли в сборник докладов конференции. Эти публикации подтвердили высокий уровень толстоведения в Пекинском университете. В статье Ли Минбиня «Художественные достижения „Войны и мира“» дана всесторонняя эстетическая интерпретация романа с точки зрения жанра, замысла сюжета, глубины описания быта и яркости персонажей. Ли Минбинь утверждал, что роман является «сокровищницей художественного творчества». ¹⁷ Данная статья является одним из «наиболее репрезентативных» исследований по толстоведению при Пекинском университете в начале 1980-х годов. ¹⁸

В 1990-е годы отечественные ученые стали придавать большое значение изучению взаимосвязи русской литературы и религии. Религия — особое культурное явление, неразрывно связанное с русской литературой. В 1995 году Жэнь Гуансюань опубликовал монографию «Киевская Русь — русская литература девятнадцатого века: литература и религия». В книге подчеркнута их взаимосвязь, а также аргументирован процесс роста и упадка влияния религии на литературу. Также в 1993 году вышла другая значимая работа — книга Чжа Сяояня «Ветер с севера — русская советская литература и Китай», в которой в отдельной главе рассматриваются отношения между Толстым и Китаем. В 1995 году «Воскресение» в сокращенном варианте Чжан Бина вошло в сборник «Рассказы классиков русской литературы».

¹⁴ Чжан Янь, Чжао Гуйлянь. Исследование иностранной литературы за 60 лет периода Нового Китая // Исследования зарубежной художественной литературы. Пекин, 2015. Т. I. Ч. II. С. 52. (章燕, 赵桂莲: 新中国60年外国文学研究·第一卷下·外国小说研究, 北京: 北京大学出版社, 2015, 第52页。)

¹⁵ Сюй Чжифан. Образ Катюши Масловой в «Воскресении» // Зарубежная литература. 1981. № 1. С. 40–46. (徐桂芳. 《复活》中的卡秋莎·玛丝洛娃的形象 // 国外文学, 1981年第1期, 第40–46页。)

¹⁶ Ли Минбинь. Является ли Анна «сторонницей превосходства любви»? — А также о пагубной тенденции в преподавании и критике зарубежной литературы // Исследование зарубежной литературы. 1979. № 3. С. 84–85. (李明滨. 安娜是„爱情至上主义“者吗——兼谈外国文学教学和评论中一种不良倾向 // 外国文学研究, 1979年第3期, 第84–85页。)

¹⁷ Ли Минбинь. Художественные достижения «Войны и мира» // Зарубежная литература. 1981. № 1. С. 22. (李明滨. 《战争与和平》的艺术成就 // 国外文学, 1981年第1期, 第22页。)

¹⁸ Ло Пэн. Исследования иностранной литературы за 30 лет реформ и открытости. Обзор литературы (часть 2). Пекин, 2018. Т. II. С. 34. (罗芾: 改革开放30年的外国文学研究·第二卷·文献综述(下), 北京: 北京大学出版社, 2018, 第34页。)

В начале нового века толстоведение при Пекинском университете продолжило плодотворно развиваться. В 2001 году Ли Минбинь в монографии «Л. Толстой и его творчество» систематически проанализировал творческий путь Толстого, осветив особенности социального, исторического и литературного контекста. В работе представлен подробный анализ ключевых произведений писателя, что открывает китайским читателям широкие идейные и культурные горизонты для их понимания. В следующем году на Тайване исследователь издал монографию «Л. Толстой: душа русской литературы». Эта работа раскрывает общественно-исторические изменения в России в период жизни и творчества Толстого и детально развивает предыдущее исследование автора. По мнению Ли Минбиня, Толстой объединяет в своем творчестве судьбу отдельного человека со сложными социальными трансформациями, погружаясь в глубину духовной диалектики, что является «наиболее отчетливым реализмом».¹⁹

В 2002 году профессор Чжао Гуйлянь опубликовала монографию «Жизнь есть любовь: „Война и мир“», в которой размышляла о «настоящей причине, по которой Л. Толстой пошел в народ». Монография основана на глубоком понимании автором духовно-культурного контекста и национального менталитета России. В ней проводится тщательный анализ многозначности понятия «мир», охватывающего такие смысловые аспекты, как община, посюсторонний и светский мир, коллектив и народ, а также лад и покой. Автор утверждает, что ключевой ценностью русской культуры является, в определенном смысле, дух любви-мира, обретаемый в общине под руководством сердца. Также исследовательница подчеркнула важность издания «Войны и мира» 1866 года, по ее мнению, не отредактированное писателем издание 1867–1869 годов было «первым полным изданием». В работе проводится сравнение первого и существующего изданий, а также переводятся примечания автора, что имеет большое значение для понимания изменений в идеологии Толстого и изучения текстологии его произведений.²⁰

В 2007 году Ли Минбинь опубликовал книгу «Л. Толстой и усадьба Ясная Поляна». В Ясной Поляне Толстой родился, вырос, создал множество своих произведений, — и там же был похоронен. В книге рассказывается о взрослении писателя в усадебной среде и сопровождавшей его культурной атмосфере, о том, как писатель воспринимал свой родной дом и как использовал его в качестве материала для творчества. «В своих произведениях он неоднократно упоминал эту усадьбу, описывал связанных с ней людей и события, отражая через нее российскую действительность в целом».²¹ Это особое исследование творчества Толстого с абсолютно уникальной перспективы русской усадебной культуры.

4–6 июня 2010 года в Далиньском университете иностранных языков прошел Все-китайский академический семинар, посвященный 100-летию со дня смерти Толстого. Семинар способствовал не только систематизации исторического развития толстоведения, но и развитию самой дисциплины. В июле того же года в этом университете был основан исследовательский центр Толстого, который стал первым учреждением в Китае, занимающимся переводом и анализом произведений писателя. Создание центра имеет эпохальное значение в истории изучения русского языка и культуры и знаменует собой начало профессиональных исследований творчества Толстого в Китае. Ли Минбинь внес огромный вклад в создание и развитие центра. Он был приглашен в качестве одного из консультантов. Центром были намечены три основных направления работы: 1) создание группы специалистов для сбора новых материалов по русскому толстоведению, включая новое издание 100-томного Полного собрания сочинений Толстого, анализа новых отечественных работ и компиляции данных для исследований по ПСС; 2) редактирование и издание серии книг по толстоведению, российскому литературоведению и культурологии; 3) проведение лекций и тематических исследований для

¹⁹ Ли Минбинь. Л. Толстой: душа русской литературы. Тайбэй, 2002. С. 245. (李明滨: 俄罗斯文学的灵魂: 托尔斯泰, 台北: 牧村图书有限公司, 2002, 第245页。)

²⁰ Чжао Гуйлянь. Жизнь есть любовь: «Война и мир». Куньмин, 2002. С. 127, 215. (赵桂莲: 生命是爱: 《战争与和平》, 昆明: 云南人民出版社, 2002, 第127、215页。)

²¹ Ли Минбинь. Л. Толстой и усадьба Ясная Поляна. Цзинань, 2007. С. 6, 7. (李明滨: 托尔斯泰与雅斯纳亚·波良纳庄园, 济南: 山东友谊出版社, 2007, 第6、7页。)

студентов и аспирантов по специальности «Русская литература» с целью подготовки молодых талантов для дальнейших исследований в Китае. Центром в разное время был сделан перевод и публикация таких рукописей, как «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. А. Кузминской и «Мои воспоминания» И. Л. Толстого.

Ли Минбинь занимается преподаванием и исследованием русской литературы, страноведения и истории китайско-русских литературных обменов уже на протяжении длительного времени. Его исследования по толстоведению отличаются глубоким пониманием материала и широким академическим видением. Они проводятся на фоне активного обмена и взаимного обучения двух культур в ходе развития мировой цивилизации, что придает им особую значимость. Ли Минбинь считает, что Толстой всегда играл важную роль в истории культурного обмена между Китаем и Россией. Сам Толстой лично занимался переводом и знакомил своих соотечественников с китайской конфуцианской и даосской культурой, что является редкостью среди великих писателей мира. Исследования Ли Минбиня в этой области сосредоточены на следующих аспектах: 1) объяснение влияния мыслителей, таких как Конфуций, Мэн-цзы и Лао-цзы, на Толстого; 2) редактирование, перевод и интерпретация Толстым китайской классики («Великое учение», «Беседы и суждения», «Мэн-цзы», «Дао дэ цзин»); 3) анализ исторического значения литературной дружбы между Толстым и Гу Хунмином.

Ученый отмечает: «Понимание и принятие великим русским писателем Львом Толстым сути китайской литературы и культуры является, по крайней мере, самым выдающимся и, возможно, уникальным во всем мире».²² Толстой активно изучал и переводил цитаты из «Дао дэ цзин», а также писал о китайской философии и культуре. В своем сборнике «Мысли мудрых людей на каждый день», дневниках и записях он цитировал множество китайских пословиц, афоризмов, изречений Лао-цзы и притч Конфуция.²³ Статьи Толстого, посвященные творчеству Конфуция и его «Великому учению» («Да сюэ»), касались таких важных понятий, как управление государством, соблюдение семейного порядка, самосовершенствование, праведность, искренность, расширение знаний и понимание сущности вещей.²⁴ Ли Минбинь считает, что учение Толстого о «непротивлении злу насилием» имеет что-то общее с философией бездействия Лао-цзы.²⁵ Ли Минбинь и Гу Хунмин, можно сказать, дважды земляки: во-первых, Гу Хунмин был профессором Пекинского университета, а во-вторых, предки Гу Хунмина жили в Тунъане провинции Фуцзянь, где родился Ли Минбинь. Все это побудило исследователя глубже изучить отношения между Толстым и Гу Хунмином. По его мнению, период их дружбы имел исключительную ценность. В 2015 году Ли Минбинь и Чжа Сяоянь в соавторстве опубликовали книгу «История китайских и зарубежных литературных обменов: Китайско-русский том». В этой работе также было подчеркнuto понимание и глубокий интерес Толстого к Китаю, его контакты с китайскими литераторами, ссылки на Толстого китайских писателей и подражание ему.

В одной из глав книги «Исследования иностранной литературы за 30 лет реформ и открытости» (Т. II. Обзор литературы. Ч. 2) есть научная статья «Л. Толстой и исследования его произведений», написанная в соавторстве Чжа Сяоянем, Пэн Чжэнем и У Шилэем. В ней обсуждаются работы о творчестве Толстого за последние 30 лет. Авторы выделяют три периода толстоведения в Китае: становление (80-е годы XX века), этап развития (90-е годы XX века) и этап зрелости (первое десятилетие XXI века). В статье отмечается, что в 1980-е годы фундамент китайского толстоведения состави-

²² Ли Минбинь. История распространения китайской литературы в России. Пекин, 2011. С. 29. (李明滨: 中国文学俄罗斯传播史, 北京: 学苑出版社, 2011, 第29页。)

²³ Ли Минбинь. Энциклопедия китайской культуры. Том по истории культурных обменов с зарубежными странами. Шанхай, 1998. Т. 10. Хроника культурных обменов Китая с Россией / СССР. С. 120. (李明滨: 中华文化通志·中外文化交流典 (第10典: 中国与俄苏文化交流志), 上海: 上海人民出版社, 1998, 第120页。)

²⁴ Ли Минбинь. История культурного обмена между Китаем и Россией. Введение в культурные взаимодействия Китая и России / Отв. ред. Хэ Фанчуань. Пекин, 2020. С. 53. (李明滨: 中外文化交流史·中国俄国文化交流概论, 何芳川主编, 北京: 国际文化出版文化公司, 2020, 第53页。)

²⁵ Ли Минбинь. Китайская литература в России. Пекин, 2012. С. 25. (李明滨: 中国文化在俄罗斯, 北京: 中国国际广播出版社, 2012, 第25页。)

ли как результаты отечественных исследователей первой половины XX века, так и современные советские научные источники. В 1990-е годы в толстоведение внедряются новые научные парадигмы, что приводит к появлению целого ряда академических трудов. В первое десятилетие XXI века на основе плодотворного накопления предшествующих результатов толстоведения происходит всестороннее углубление исследований в данной области. Что касается истории перевода и восприятия, то в статье кратко рассматривается хронология перевода произведений Толстого и связанных с ним научных работ в Китае, а также освещается ситуация с переводом и публикацией в КНР русских исследований о Толстом после начала политики реформ и открытости. Рассматривая общую ситуацию через 30 лет после проведения реформ, ученые делают вывод: «Китайское толстоведение постепенно формирует целостную дискурсивную систему, основанную на собственном культурном контексте и литературной традиции».²⁶

В 2016 году Чжао Гуйлянь посвятила свою работу «Смерть. Жизнь. Освобождение?: Три ключевых слова в творчестве и жизни Льва Толстого» исследованию духа традиционной русской культуры. В статье указывается, что Толстой, подобно Достоевскому, упорно искал и возвращался к вере. Однако Христос в понимании Толстого — это великий мудрец и праведник, а не Сын Человеческий, каким его видел Достоевский, тот, кто излучает бессмертную и благодатную силу. Чжао Гуйлянь выделила ключевые моменты в творчестве Толстого и предложила широкую религиозную и культурную перспективу для интерпретации его литературных произведений. В 2020 году исследовательница провела подробный и глубокий анализ «Анны Карениной» в работе под названием «Любовь как мотылек, летящий на огонь, и трагедия судьбы». Помимо рассмотрения идеологии Толстого, Чжао Гуйлянь также написала целый раздел «Исследование романов Льва Толстого» в книге «Исследования иностранной литературы за 60 лет периода Нового Китая», где представила обширный обзор результатов изучения романов Толстого в Китае за этот период. Она пришла к выводу, что большинство китайских толстоведов раннего периода анализировали художественные и религиозные мысли Толстого достаточно изолированно, и только в 90-е годы начали объединять образы художника и мыслителя в единое целое.²⁷ Обобщая результаты анализа романов Толстого в Китае за последние 60 лет, исследовательница указала и на недостатки, связанные с застоявшимся диалектическим подходом и повторяемостью внутри исследований. Чжао Гуйлянь в этой работе призвала к осознанию глубоких ценностей православия и русской духовной культуры, чтобы преодолеть поверхностное и одностороннее понимание творчества Толстого.

Перевод, составление учебных материалов и подготовка специалистов

С момента начала периода реформ и открытости Пекинский университет достиг значительных результатов в области толстоведения, отражающихся в исследованиях, переводах, подготовке учебных материалов и обучении специалистов.

Перевод

В изучении творчества Толстого Пекинский университет всегда придерживался традиции, заложенной профессором Цао Цзинхуа: «Надежный метод заключается в том, чтобы идти по пути сочетания перевода и исследования и исследовать все, что

²⁶ Ло Пэн. Исследования иностранной литературы за 30 лет реформ и открытости. Обзор литературы (часть 2). Пекин, 2018. Т. II. С. 32, 33, 38–39, 41. (罗芃: 改革开放30年的外国文学研究·第二卷·文献综述(下), 北京: 北京大学出版社, 2018, 第32、33、38–39、41页。)

²⁷ См.: Чжан Янь, Чжао Гуйлянь. Исследования иностранной литературы за 60 лет периода Нового Китая. Пекин, 2015. Т. I. Ч. II: Исследования зарубежной художественной литературы. С. 50. (章燕, 赵桂莲: 新中国60年外国文学研究·第一卷下·外国小说研究, 北京: 北京大学出版社, 2015, 第50页。)

переводится, или, другими словами, переводить все, что исследуется».²⁸ Перевод занимает важное место в изучении творчества Толстого при Пекинском университете. Факультет русского языка и литературы, отличающийся своей направленностью на художественный перевод, выпустил плеяду выдающихся литературных переводчиков. Профессор Цао Цзинхуа, основатель и первый декан факультета, был всемирно известным литературным переводчиком. В 1956 году он организовал и провел в Пекинском университете первую в Китае академическую конференцию, посвященную вопросам перевода, — «Всекитайский симпозиум переводчиков русской и советской литературы».

Профессор Пекинского университета Цзан Чжунлунь, известный литературный переводчик и теоретик литературного перевода, удостоенный почетного звания «Заслуженный переводчик» Всекитайской ассоциации переводчиков, перевел рассказы «Крейцера соната», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергий», «Холстомер», «Метель» и «Три смерти». Его перевод отличается «точным восприятием содержания, духа и стиля оригинального произведения, а также отражает глубину и богатство китайского языка, что придает ему большую эстетическую ценность».²⁹

Профессор Цяо Чжэньсюй, который читал курс русско-китайского перевода в Пекинском университете, посвятил себя переводческой деятельности, уделяя значительное внимание переводу русской классической литературы, и особенно романов Толстого. В 2002 году издательством «Народная литература» был опубликован перевод «Войны и мира» (юношеское издание). В 2003–2004 годах перевод «Воскресения» был опубликован Чжэцзянским издательством литературы и искусства и Пекинским издательством литературы и искусства Шиюэ. В 2012 году он был доработан и опубликован Лицзянским издательством. В 2013 году в том же издательстве вышел перевод «Войны и мира» (3 тома), а в 2015 году перевод «Анны Карениной» (2 тома) был опубликован Пекинским детским издательством и включен в серию «Мировая литературная классика». Переводы Цяо Чжэньсюй заслужили любовь и восхищение читателей благодаря его красноречию и таланту.

Учебные пособия

Учебные пособия играют важную роль в передаче знаний и методов изучения творчества Толстого. Факультет русского языка и литературы Пекинского университета достиг значительных результатов в создании учебных материалов по толстоведению, особенно в области учебников по истории русской литературы. В 1980-х годах была опубликована «История русской литературы» под редакцией Цао Цзинхуа, которая была признана «первой относительно полной и систематической общей историей русской и советской литературы, написанной китайскими учеными».³⁰ За этот выдающийся учебник для высших учебных заведений профессор Цао Цзинхуа был награжден Национальной премией высшей степени. Учебник отличается четкой системой изложения, автор выделяет ключевые пункты, искусно сочетает историческую теорию с анализом каждого писателя и его произведений, стремясь выявить их место и влияние в истории литературы».³¹ Книга полностью отражает долгую и глубокую традицию факультета русского языка и литературы Пекинского университета, которая за-

²⁸ Юэ Фэнлинь. Память о Наставнике, выстоявшем в бурях времени // Юбилейный сборник к 110-летию со дня рождения Цао Цзинхуа / Отв. ред. Чжа Сюань. Пекин, 2009. С. 59. (岳凤麟. 风雨沧桑忆师翁 // 曹靖华诞辰110周年纪念文集 / 查晓燕主编, 北京: 红旗出版社, 2009, 第59页.)

²⁹ Ли Минбинь. Цзан Чжунлунь: Переводчик, чуждый тщеславия и карьерных устремлений. См.: <http://www.Chinawriter.com.cn/n1/2016/0704/c404094-28523360.html>; дата обращения: 16.12.2025. (李明滨: 臧仲伦: 不求闻达的翻译家 // <http://www.Chinawriter.com.cn/n1/2016/0704/c404094-28523360.html>; 访问日期: 2025年12月16日.)

³⁰ Юэ Фэнлинь. Память о Наставнике, выстоявшем в бурях времени. С. 64. (岳凤麟. 风雨沧桑忆师翁 // 曹靖华诞辰110周年纪念文集 / 查晓燕主编, 北京: 红旗出版社, 2009, 第64页.)

³¹ Ван Цзечжи. Авторитетный труд в области изучения истории русской литературы в Китае — рецензия на «Историю русской литературы» под редакцией господина Цао Цзинхуа // Русское искусство. 2008. № 4. С. 73. (汪介之. 我国俄罗斯文学史研究的一部权威性著作——评曹靖华先生主编的《俄国文学史》// 俄罗斯文艺, 2008年第4期, 第73页.)

ключается в изучении произведений писателей в контексте исторического процесса русской литературы и общего развития мировой литературы. В учебнике есть глава, посвященная биографии и творчеству Толстого, а также подробный анализ «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения».

В соответствующей части «Истории русской литературы», написанной Ли Минбинем, романы Толстого рассматриваются и интерпретируются с учетом общественного, исторического и культурного контекста. «Краткая история русской литературы» под редакцией Жэнь Гуансюаня не только знакомит студентов с жизнью и творчеством Толстого, но также акцентирует внимание на анализе романа «Воскресение». В 2022 году Жэнь Гуансюань руководил изданием цифровых учебников, а Чжао Гуйлянь провела тематическую лекцию, уделив особое внимание «Анне Карениной» и «Войне и миру». «Шестнадцать лекций о русской литературе» Ли Юйчжэня сфокусированы на трактовке «Войны и мира» на основе уникального анализа исторических материалов. Помимо этого стоит упомянуть и то, что Пэн Кэсюнь редактировал «Историю европейской литературы: европейская литература 19-го века» (Т. II), Ли Минбинь редактировал «Краткую историю мировой литературы», а Жэнь Гуансюань был соавтором русской версии «Истории русской литературы» и «Хрестоматии русской литературной классики» (Ч. 1). Во всех этих книгах работы, посвященные Толстому, занимали важное место. Эти учебники направлены на более глубокое изучение творчества писателя и раскрытие особенностей его художественного мышления. Они имеют большое значение для понимания места Толстого в общем процессе литературного развития.

Подготовка специалистов

Пекинский университет достиг значительных результатов в подготовке специалистов по толстоведению, включая разработку учебных курсов, написание дипломных работ и других аспектов образования. В 1980-х годах Ли Минбинь создал курс по толстоведению для старшекурсников и аспирантов, где студенты получали всесторонние и систематические знания о произведениях Толстого, его идейно-художественных воззрениях и поощрялись к исследованию его творчества.

Достижения Пекинского университета в подготовке будущих толстоведов нашли свое отражение в дипломах бакалавров, магистров и докторов наук. У Юньбин защитил диссертацию под названием «Исследование проблем женщины в романах Льва Толстого», которая стала первой докторской диссертацией о Толстом на факультете русского языка и литературы. У Юньбин также опубликовал ряд статей, посвященных признанию произведений Толстого в Китае и межкультурному диалогу. В статье «Лев Толстой в контексте „Движения за новую культуру“» исследователь связывает движение с активизацией переводов и особой популярностью творчества Толстого. В этот период у китайцев были разные ожидания от Толстого: эстетические впечатления уступали место оценочным суждениям, большее внимание уделялось Толстому-мыслителю, чем Толстому-художнику.³²

В докторской диссертации Цзинь Мэйлин «Праведность и святость: творчество и религиозные поиски Л. Толстого» была предпринята попытка интерпретировать произведения писателя с учетом основных категорий христианской доктрины, таких как «праведность» и «святость». Цель исследования состояла в прояснении эволюции его религиозных исканий. Автор проанализировала внутреннюю связь мировоззрения Толстого с его творчеством и раскрыла понимание писателем смысла человеческого существования и представления об идеальной религии.

Е Фанфан, специалист в области литературного перевода, начал свою работу на ниве толстоведения с исследования перевода романа «Воскресение» и проанализировал неправильное толкование слов «любовь» и «душа» в трех китайских переводах через призму культурно-литературных систем Китая и России. На основе своей магистерской

³² У Юньбин. Лев Толстой в контексте «Движения за новую культуру» // Русское искусство. 2012. № 2. С. 148–153. (吴允兵. „五四“新文化运动背景下的列夫·托尔斯泰 // 俄罗斯文艺, 2012年第2期, 第148–153页.)

диссертации Е Фанфан опубликовал статью «От „Воскресения“ до „Тюрьмы сердца“: современный художественный перевод и тематические вариации в романе — Исследование первого китайского перевода „Воскресения“ Льва Толстого». В ней указывается, что текстовые изменения в самом раннем китайском переводе «Воскресения» отражали определенные ожидания переводчика от социальной функции романа.³³

Ли Минбинь руководил подготовкой магистерских диссертаций Чжан Мэйчунь на тему «О творчестве позднего Толстого» и Су Боли на тему «Феномен Толстого: анализ духовной личности Толстого и ее влияние на творчество». Под руководством Лин Цзяньхоу Янь Цзин защитила магистерскую диссертацию на тему «Аскетизм и вакханалия: о тотальном отрицании Шекспира Л. Н. Толстым». Цзинь Мэйлин защитила магистерскую диссертацию «О второстепенных персонажах в „Анне Карениной“».

В дипломных работах бакалавров также рассматриваются толстоведческие темы. Например, в работах Люо Сяохэна «Взгляд Льва Толстого на жизнь в романе „Война и мир“» (2014) и Лян Симины «От литературного текста к кинокартине — анализ образа Наташи Ростовской из романа „Война и мир“ Льва Толстого» (2022).

Толстоведение при Пекинском университете продемонстрировало высокий уровень исследования жизни и творчества писателя. На начальном этапе развития дисциплины акцент был сделан на социальной идеологии, однако с течением времени он сместился на оценку эстетической ценности творчества Толстого. Содержание исследований также расширилось и теперь включает интерпретацию и перевод текстов произведений, а также глубокий культурный обмен между Китаем и Россией в области толстоведения. Пекинский университет активно занимается изучением переводов произведений Толстого, преподаванием, составлением учебников и подготовкой талантливых специалистов. Это непрерывно обогащает поле толстоведения в Китае, принося плодотворные результаты и расширяя возможности для дальнейших исследований.

³³ Е Фанфан. От «Воскресения» до «Тюрьмы сердца»: современный художественный перевод и тематические вариации в романе — Исследование первого китайского перевода «Воскресения» Льва Толстого // Исследования по иностранным языкам. 2021. № 5. С. 96. (叶芳芳. 从《复活》到《心狱》: 近代文学翻译与小说主题异变——列夫·托尔斯泰《复活》首部汉译本研究 // 外语研究, 2021年第5期, 第96页.)

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-150-164

© А. С. Пахомова

СЕТИ МИХАИЛА КУЗМИНА: СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ КУЗМИНСКОГО КРУГА 1920–1930-х ГОДОВ*

Творческое взаимодействие как историко-культурная проблема

На протяжении своей более чем тридцатилетней литературной карьеры (с 1904 по 1936 год) М. А. Кузмин принимал участие в разных литературных сообществах и активно создавал собственные. Его творческий путь пролегал через знаковые литератур-

* Эта статья стала возможной благодаря поддержке многих людей. Я признательна А. Ю. Балакину и К. Ю. Лаппо-Данилевскому за внимание к первому варианту этого исследования и ценные комментарии, которые помогли его улучшить. Неоценимую помощь в работе с цифровыми инструментами оказал Б. В. Орехов. Также выражаю искреннюю благодарность Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора ИРЛИ РАН, на семинаре которой был представлен промежуточный вариант работы, и Е. И. Вожик лично.

ные объединения первой трети XX века. «Башня» Вяч. Иванова и его «вечера Гафиза», первый и второй «Цеха поэтов», кабаре «Подвал Бродячей собаки» и «Летучая мышь», театры «Привал комедиантов», «Музыкальная комедия» и Большой драматический, круг журналов «Весы» и «Аполлон», альманаха «Стрелец», периодического издания «Жизнь искусства» и издательства «Academia» — лишь отдельные крупные проекты, к которым имел отношение писатель.

На протяжении многих лет вхождение в разного рода кружки и союзы составляло важную часть его литературной стратегии.¹ Кузмин не только участвовал в создании литературных групп, но и нередко сплавивал вокруг себя друзей и знакомых: таковы его проекты «кружок гимназистов» (1907), группа «Марсельские матросы» (1917), объединение эмоционалистов (1921–1923). Также он содействовал созданию Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов (1924). Во второй половине 1920-х годов, когда кружковая деятельность постепенно сходила на нет под влиянием нарождающегося контроля в сфере культуры, центром консолидации деятелей искусства стала квартира Кузмина.

Более полутора десятилетий две комнаты в коммунальной квартире в доме 17 на ул. Рылеева (бывшей Спасской) были центром притяжения писателей, поэтов, режиссеров, композиторов и просто светских людей. По установленному обычаю гости приходили в пять часов вечера, пили чай, говорили об искусстве, читали свои произведения и слушали чтение других или исполнение Кузминым его музыки. Вот так вспоминал о таких вечерах в начале 1930-х годов будущий известный искусствовед и прозаик Вс. Н. Петров, впервые оказавшийся в квартире писателя весной 1933-го: «На круглый обеденный стол ставили самовар. Жизнь шла открыто. Каждый день от пяти до семи приходили гости. Они являлись без приглашения и могли приводить с собой своих знакомых. Михаил Алексеевич сидел за самоваром и разливал чай. <...> После чая Михаил Алексеевич садился к роялю и играл, чаще всего Моцарта или Дебюсси, а изредка что-нибудь пел вполголоса. При этом от гостей не требовалось молитвенного молчания; они продолжали громко разговаривать под музыку».²

В это сообщество, объединенное обеденным столом и самоваром, в разные годы входили А. Д. и С. Э. Радловы, К. К. Вагинов, А. И. Введенский, Б. К. Лившиц, Л. Л. Раков, Д. И. Митрохин и многие другие.³ Частота упоминания этих людей рядом с Кузминым привела к возникновению понятия «круг Кузмина»,⁴ которое нередко используется как объяснительная модель для локализации того или иного писателя в литературном поле 1920–1930-х годов. Так, можно встретить выражения: «Кузмин <...> вводит его (А. Н. Егунова. — А. П.) в свой круг»,⁵ «круг позднего Михаила Кузмина»,⁶ «ценные воспоминания о Кузмине и его круге».⁷

Вместе с тем само понятие «круг» скорее ставит перед исследователем новые вопросы, чем дает ответы на существующие. Говоря о круге того или иного автора, можно

¹ См. об этом: Пахомова А. С. Непрошенный пришелец: Михаил Кузмин. От Серебряного века к неофициальной культуре. М., 2025. С. 124–129.

² Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине // Петров В. Н. Турдейская Манон Леско: История одной любви; Воспоминания. СПб., 2016. С. 130.

³ См. в мемуарах Н. К. Чуковского: «Приходил Михаил Кузмин и приводил свою постоянную свиту — Анну Радлову, Юркуна, художницу Арбенину, пианиста Ореста Тизенгаузена» (Чуковский Н. К. Салон Наппельбаумов // Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 104).

⁴ См. об этом: Пахомова А. С. Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века // Литературный факт. 2024. № 2 (23). С. 239–262.

⁵ Бреслер Д., Константинова К. Андрей Егунов в 1920–1930-е годы // Николев А. По ту сторону Тулы / Вступ. статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; комм. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М., 2022. С. 139.

⁶ Петров Вс. Н. Философские рассказы (1939–1946) / Публ. М. Э. Маликовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 750.

⁷ Всеволод Петров и колесо ленинградской культуры: Каталог выставки / Сост., вступ. статья И. И. Галеева. М., 2018. С. 26.

выделить две закономерности употребления этого слова. Во-первых, к нему нередко прибегают для описания литературного пространства:⁸ оно помогает при символической разметке, относя того или иного автора к влиянию символического центра. Во-вторых, это понятие используется для экспликации такого влияния. Что, в свою очередь, приводит к более общему вопросу творческого взаимодействия.

Под «творческим влиянием» обыкновенно подразумевается воздействие идейной, поэтической и литературной систем одного автора на другого или общность творческих установок, разделяемая несколькими писателями; бытует представление о большем вкладе в этот процесс старшего и опытного автора.⁹ Биография значимого в литературном процессе писателя часто описывается либо как движение от воздействия старшего современника к освобождению от влияния на позднем этапе творчества (в соответствии с чем приумножается и литературная ценность сочинений),¹⁰ либо как раннее преодоление влияния авторитета.¹¹

На деле процесс взаимодействия устроен сложнее и обусловлен как доминирующей в ту или иную эпоху моделью содружества, так и личным отношением участников среды к природе литературной группы. В период оживления идеи литературного ученичества и иных форм иерархизированной кооперации (1910–1920-е) Кузмин считал личное обучение лишь вспомогательным элементом литературного процесса. Согласно его взглядам, писатель мог (если не должен был) пройти «школу» мэтра на начальном этапе своего пути, чтобы, вооружившись приобретенными приемами, развиваться в индивидуальном направлении. Впервые выдвинув подобные идеи в статье «Раздумья и недоумения Петра Отшельника» (1914), в последующие годы Кузмин неуклонно им следовал. Вопрос о творческом влиянии приобретал для автора программный смысл: собирая вокруг себя молодых поэтов и целые поэтические группировки, писатель декларативно отказывался от признания факта собственного влияния на них. Так, в предисловии к сборнику стихотворений М. Бамдаса «Предрассветный ветер» (1917) Кузмин в первую очередь выделял «свой тон» молодого поэта: «...книга его литературна лишь настолько, чтобы ее можно было назвать книгой. Почти

⁸ Мы сознательно не используем термин «литературное поле», чтобы избежать ассоциации с классическим подходом П. Бурдьё и сопутствующими ему коннотациями: экономическими и властными отношениями, а также иерархизацией. Литературное пространство в нашем понимании — совокупность практик и связей, которые формируют современную объекту описания литературную среду.

⁹ Теория литературного влияния одновременно и хорошо разработана в историко-литературных и компаративистских исследованиях: достаточно назвать имена А. Н. Веселовского, А. Н. Пыпина, Н. К. Пиксанова, А. Л. Бема, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского и др. — и до сих пор остается скорее в области фонового знания филолога, принимающегося за поиск поэтических и идейных пересечений в произведениях разных авторов.

¹⁰ См. о поэтах «школы Гумилева»: «Где его ученики? Бездарный выучка не помогла, а одаренные разбрелись по своим дорогам» (*Мочульский К.* О литературной критике // *Звено*. 1923. 12 нояб. № 41). См. также разные модели ученичества на примере Брюсова в: *Орлова М. В.* Валерий Брюсов и его ученики. «Дело» Надежды Львовой // *Литературный факт*. 2022. № 2 (24). С. 199–229.

¹¹ См. воспоминания Н. К. Чуковского о Вагинове: «Он (Вагинов. — А. П.) никогда не защищал никаких групповых взглядов, никому не подражал, ни под чьим влиянием не находился и писал стихи так, как будто рядом с ним не было ни Гумилева, ни Блока, ни Ахматовой, ни Маяковского, ни Мандельштама, ни Хлебникова, ни Ходасевича, ни Кузмина, ни Тихонова» (*Чуковский Н. К.* Константин Вагинов // *Чуковский Н. К.* Литературные воспоминания. С. 186). Отсутствие влияния мэтра или выход из-под него можно назвать важной частью литературного образа и мифа писателя, см. высказывание В. Познера об Анне Ахматовой: «Анна Ахматова — первый русский поэт, на чьих произведениях нет никакого отпечатка символизма. Гумилев испытывал влияние Брюсова, Городецкий — Вячеслава Иванова, Ахматова — возвращается к классической традиции» (*Pozner V.* Panorama de La Littérature Russe Contemporaine. Paris, 1929. P. 253–259; цит. по: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой (к вопросу о технических проблемах комментирования) // *Лесная школа. Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикиркко) Ленинградской области*, 2010. С. 155).

minimum».¹² Те же идеи Кузмин повторит в статье (1922), написанной им в защиту поэзии Радловой, где отказ от «влияния» распространится на отказ от литературных форм в целом: «Мы подходим к основному истоку всякого искусства, чисто женскому началу сибиллинства, Дельфийской девы — пророчицы, вещуньи. Это начало потом подвергается влиянию других духовных наших сил — воли, темперамента, порыва или гармонизации, но ядро необходимое — таково. Без него всякое мастерство — простая побрякушка и „литература“. <...> Сначала возрасти сумму восприятий и ясно-видения — потом ищи средства изобразительности. „Литература“ не есть искусство. Рифмачество не есть поэзия».¹³

Любое (прежде всего собственное) влияние на молодых поэтов для Кузмина было негативным и нежелательным фактором. Поэтому он неоднократно критически высказывался о поэтических «школах» («Результаты всяких школ должны быть техническими; неудобство, почти невозможность идеалистических оснований литературных школ»¹⁴) и утверждал, что идеальная среда для искусства — это свободное общение: «Школа всегда итог, вывод из произведений одинаково видевшего поколения, но никогда не предпосылка к творчеству, потому смею уверить футуристов и особенно акмеистов, что заботы о теоризации и программные выступления могут оказать услугу чему угодно, но не искусству, не творчеству. И если многие из этих поэтов идут вперед, то это во всяком случае несмотря на школу, а отнюдь не благодаря ей. Если же это просто кружок любящих и ценящих друг друга людей, тогда вполне понятно их преуспеяние, потому что где же и расцветать искусству, как не в атмосфере дружбы и любви?»¹⁵ «Атмосфера дружбы и любви», о которой пишет Кузмин, предполагает меньшую степень литературного влияния и давления авторитета мэтра, чем школа. При этом существование кузминского круга как факта литературного быта несомненно,¹⁶ а влияние Кузмина эксплицировано как явно, так и дискурсивно (о чем пойдет речь ниже).

Выявление подобного противоречия приводит к мысли о необходимости уточнить сложившиеся взгляды на прагматику литературных объединений. Прежде всего, необходимо ответить на вопрос, считаем ли мы любой случай писательской кооперации литературным явлением: предполагается ли обязательное наличие в литературном кругу единой поэтики или общих творческих установок, обязательны ли творческие контакты между участниками этого круга — наконец, становятся ли произведения мэтра внутри этого круга образцом, усваиваемым всеми его членами?

Если в случае «Марсельских матросов»¹⁷ мы можем говорить о прямом литературном влиянии Кузмина на молодых поэтов, то уже для эмоционалистов оно не так очевидно: для поэтики столь разных авторов, как молодой Вагинов или Радлова, сложно найти общий знаменатель.¹⁸ Также едва ли возможно однозначно выделить «кузминский субстрат» в поэтике Введенского (и обэриутов в целом), С. Е. Нельдихена, а также учесть в этом влиянии более ранние прецеденты эксплицированного «ученичества»,

¹² Кузмин М. Предисловие <к сборнику стихов М. Бамдаса «Предрассветный ветер»> // Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 т. М., 2000. Т. 3. Эссеистика. Критика / Сост., подг. текстов и комм. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. С. 487.

¹³ Кузмин М. Крылатый гость, гербарий и экзамены // Там же. С. 620–621.

¹⁴ Кузмин М. Как я читал доклад в «Бродячей собаке» // Там же. С. 390.

¹⁵ Кузмин М. Раздумья и недоумения Петра Отшельника // Там же. С. 361.

¹⁶ См. одно из воспоминаний Ахматовой (1940): «В его (Кузмина. — А. П.) салоне царила Анна Дмитриевна. А я до сих пор узнаю безошибочно людей из салона Кузмина — мне довольно одной фразы» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. 5-е изд., испр. и доп. М., 1997. Т. 1. С. 175).

¹⁷ См. об этом: Пахомова А. Куда плыли «Марсельские матросы» в 1917 году? // Литературный факт. 2021. № 19. С. 181–199.

¹⁸ Именно эта особенность в ряду прочих стала причиной для объявления эстетики эмоционалистов «программной непрограммностью»: Лавров А. В., Тименчик Р. Д. «Милые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избр. произведения / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л., 1990. С. 12.

такие как Хлебников¹⁹ и Ахматова.²⁰ Разумеется, влияние обнаружить возможно (как возможно обнаружить все, если поставить перед собой нужную цель), но думается, что в таком случае оно выступает как категория, наличие которой необходимо для объединения писателей в круг, который в свою очередь используется для обоснования взаимовлияний внутри него. Так круг превращается из факта литературного быта в концептуальную метафору исследования сообщества.

Рассматривая писательское сообщество как пространство в первую очередь литературного влияния или взаимовлияния, не впадают ли исследователи в соблазн «принудительной интертекстуальности», когда нахождение нескольких писателей в одном помещении или в одном альманахе выступает обязательным условием их творческих переключек, а появление нескольких авторов, объединенных общими установками, принимается за тенденцию в литературе? О последнем см. пронизательное наблюдение М. Э. Маликовой: «...великолепное художественное наследие Андрея Егунова (Николева), сохранившийся в воспоминаниях легендарный образ переводчика Ивана Алексеевича Лихачева, дневник вдовы Юрия Юркуна Ольги Гильдебрандт-Арбениной, а также тексты Вс. Петрова — „Турдейская Манон Леско“ и „Калиостро“ <...> давали, казалось, надежду на то, что если в „тайниках“ обнаружатся произведения тех, кто в ранней молодости испытал личное влияние Кузмина и Хармса и кому удалось пережить последующие страшные годы и писать „в стол“, то откроется, возможно, другая, сформированная влиянием Кузмина и чинарей, „советская“ литература. Надежду эту, в общем, не оправдали...».²¹ Очевидно, что объединяющие связи в литературном пространстве сложнее, чем простая идея влияния или подчинения авторитету.

Б. Уокер предлагает использовать для описания интеллигентского литературного кружка XIX–XX веков термин «коммунитас», введенный антропологом В. Тернером в работах 1960-х годов для различения двух состояний любой социальной общности: «Первая — модель общества как структурной, дифференцированной и зачастую иерархической системы политико-право-экономических положений с множеством типов оценок, разделяющих людей по признаку „больше“ или „меньше“. Вторая — различимая лишь в лиминальный период — модель общества как неструктурного или рудиментарно структурного и сравнительно недифференцированного *comitatus* общины или даже общности равных личностей, подчиняющихся верховной власти ритуальных старейшин».²²

По мнению Уокера, именно духом «коммунитас» характеризовался типичный литературный круг, сложившийся на рубеже веков в противостоянии строгой иерархии, насаждаемой властными институциями.²³ Экстраполированная на литературный материал динамика состояний социума кажется продуктивной для описания литературного пространства, в котором всегда протекают два процесса. С одной стороны, литературные кружки, группы и объединения существуют как отдельные примеры стабильной кооперации. С другой — параллельно развивается более аморфное и континуальное образование: сообщество друзей, единомышленников, случайных знакомых, которые непрерывно общаются, участвуют в совместных проектах, издают книги, посвящают

¹⁹ Хлебников посвятил Кузмину стихотворение «Вам», а в одном из писем к матери писал: «Я подмастерье и мой учитель — Кузмин» (*Парнис А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 158*).

²⁰ См. сохраненное в мемуарах Г. В. Адамовича свидетельство: «Помню надпись, сделанную Ахматовой уже после революции на „Подорожнике“, или, может быть, на „Anno Domini“ <...> „Михайлу Алексеевичу, моему чудесному учителю“» (*Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М., 1991. С. 66*).

²¹ *Петров Вс. Н. Философские рассказы. С. 750–751.*

²² *Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура / Пер. В. А. Бейлиса // Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисловия В. А. Бейлис. М., 1983. С. 170 (сер. «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).*

²³ *Уокер Б. Максимилиан Волошин и русский литературный кружок: Культура и выживание в эпоху революции / Пер. с англ. И. Буровой. СПб., 2022. С. 28–29.*

друг другу стихотворения и т. д. Это взаимодействие редко можно уловить, не имея следов (например, посвящений, писем или зафиксированных в мемуарах фактов встреч), однако именно оно во многом формирует и закрепляет определенную культурную среду. Обращение ко второму, неинституционализированному, процессу позволяет проблематизировать модель литературного поля как сферы взаимодействия мотивированных акторов²⁴ и как пространства влияния писателей друг на друга. Мы предполагаем, что писательский круг в целом и круг Кузмина в частности можно описать как пример второго типа структуризации литературного пространства.

При этом творческое влияние следует заменить идеей другой связи. Отталкиваясь от концепции «литературного быта» и «литературного факта» Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова, мы предлагаем обратить внимание на первичный образец такого факта — социальную интеракцию, т. е. личный (прямой или косвенный) контакт. Коммуникация двух участников литературного процесса устанавливает связь, которая потенциально может быть творческой, однако может и остаться исключительно в социальном пространстве и не вылиться в прямое взаимодействие созданных этими людьми текстов. Расширение материала снимает вопрос о литературном влиянии, однако ставит под сомнение сам факт существования круга — получается, что любой, даже случайный, контакт будет означать принадлежность вступивших в него к одному сообществу. Последнее абсурдно: в кузминский круг, очевидно, не входили дворники и управдомы, хотя для самого Кузмина взаимодействие с последним можно назвать фактом литературного быта.²⁵

Следовательно, задача исследователя — зафиксировать момент, когда личные отношения и контакты переходят в творческий союз любого рода, и описать явление, которое возникает на стыке личных и творческих связей. Здесь стоит выдвинуть несколько гипотез. Первое — мы предполагаем, что внутри творческого круга формируются не только общие смыслы и тексты, но в первую очередь общие практики, которые усваиваются и передаются дискурсивно, определяя бытование как самого круга, так и отдельных его участников.²⁶ Второе — итоговые границы круга очертить невозможно, однако реалистично выделить его ядро и ближайшую периферию, объединяющей силой которых будет разделение общих практик или творческих установок (но не обязательно — общие тексты или общий творческий инструментарий). Третье — что частота контактов как между непосредственным ядром круга и его другими членами, так и между разными членами будет тем более интенсивной, чем более плотным было реальное общение (и потенциальное взаимовлияние).

Представляя пространство литературы как пространство социальных контактов, мы усложняем его и увеличиваем число фактов, которые могут быть вписаны в творческую историю произведений и в биографии авторов.

Круг Михаила Кузмина: как измерить степень общения?

Круг Кузмина, сложившийся к началу 1920-х годов, охватывал почти весь литературный и артистический Петроград/Ленинград — театры, издательства, редакции

²⁴ См. наиболее распространенную модель «поля» П. Бурдьё (*Бурдьё П. Поле литературы* / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87) и его же идею «практической логики» действий в этом поле (*Бурдьё П. Практический смысл* / Пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесловие Н. А. Шматко. СПб.; М., 2001. С. 214–218).

²⁵ Согласно воспоминаниям Вс. Н. Петрова, управдом нередко прощал Кузмину и Юркуну задержки квартплаты, закрывал глаза на многочисленные «собрания» в их коммунальной квартире и даже утверждал, что когда-нибудь на доме № 17–19 по улице Рылеева повесят памятную доску со словами «Здесь жили Кузмин и Юркун, и управдом их не притеснял» (*Петров В. Н. Каллио: Воспоминания и размышления о М. А. Кузmine*. С. 128–129).

²⁶ Говоря о дискурсивных практиках, мы используем этот термин для описания фонового, неэксплицированного знания, следуя подходу, заложенному в работах И. Гоффмана («Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience», 1974). О современных подходах в исследовании теории практик см.: *Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик*. СПб., 2008.

газет и журналов. Представление о насыщенности поля вокруг Кузмина дает запись из его дневника от 9 октября 1923 года, в которой автор суммирует свои проекты за несколько месяцев: «„Ж<изнь> искусства“, „Красная <газета>“, Б<ольшой> Д<ра<матический> театр, Т<еатр> юн<ого> зрит<еля>, переводы оперетт, „Всем<ирная> литер<атура>“, всякие „Дома“. Где я могу считать себя своим? „Academia“, „Петрополь“ и т. д. Не говоря о своей музыке. Книги, о которых говорили, да и то ругая: „Ал<ександрийские> песни“, „Крылья“, „Сети“, „Куранты“ — все первые. Что писали в 1920–21 году? Волосы становятся дыбом. „Мир ис<кусства>“, „Аполлон“, „Д<ом> Интермеди“, „Привал“ — разве по-настоящему я был там? Везде intrus. Так и в знакомствах. А частные предприятия? „Часы“, „Абракас“? „Петерб<ургские> вечера“? Жалости подобно. Все какая-то фикция». ²⁷

Сохранившийся дневник Кузмина охватывает почти 30 лет. ²⁸ При этом период с 1920-го по 1929 год дошел до исследователей с минимальными лакунами. Прагматика дневника менялась с течением времени, однако главное постоянно оставалось в фокусе Кузмина — социальные контакты. Писатель тщательно фиксировал тех людей, с кем встречался или только планировал встретиться, о ком думал или кому писал в тот или иной день. Не будет преувеличением сказать, что дневник Кузмина — это в первую очередь дневник встреч, которые (в отличие от влияния) поддаются измерению. Среднее количество встреч Кузмина в день — 3–4, дней без встреч за промежутки с 1924-го по 1931 год наберется не более десятка. Следовательно, каждый год наш герой переживал около тысячи встреч с разными людьми, и по меньшей мере часть из них отразилась в дневнике. Приведем случайную запись: «Встали рано. Мамаша отправилась за дровами. Мы подождали и пошли в Д<ом> Л<итераторов>. Там сидит Гумилев с мешком, потом Сторицын и Ховин. Из собраний, и Союза, и редакции ничего не получилось. М<арии> Ф<едоровне> подносят адрес; по-моему, новые щипцы нужно было бы поднести. Зашли к Гайдебурову. Там репетируют. Интонации Канкаровича все-таки слышны. Предложили связать сценар<но> „Дух<овные> стихи“. Зашли к нам Папаригопуло с братом. Их сегодня выпустили. Милы и радостны, конечно. Вечером пошли к Мозж<ухины>. Они немного печальны, но любез<ны> по-прежнему; была Оленька и Целибеев. Занимались музыкой. Еда у нас плоховата. Неужели замиряются?» ²⁹ Из этой записи мы можем выделить несколько сред, в которые был вхож Кузмин. Во-первых, его ближний круг, который объединял не названного здесь Юр. И. Юркуна и его мать («мамашу») В. К. Амбразевич, а также братьев С. В. и Б. В. Папаригопуло. Во-вторых, общество, группирующееся вокруг Дома литераторов — одной из организаций писательской взаимопомощи начала 1920-х годов: Н. С. Гумилев, критик П. И. Сторицын, критик и издатель В. Р. Ховин, а также М. Ф. Андреева, заместитель наркома просвещения и организатор культурной жизни в Петрограде после революции. В-третьих, это Передвижной театр П. П. Гайдебурова, с которым Кузмин активно сотрудничал: косвенно упомянутый композитор А. И. Канкарович работал над музыкой к постановке «Комедии об Алексее человеке Божьем» (премьера состоялась 4 ноября 1920 года). В-четвертых, это камерный кружок в доме певца А. И. Мозжухина и его жены К. А. Мозжухиной, где Кузмин также встретился с артисткой О. А. Глебовой-Судейкиной («Оленькой»), известной божемному Петрограду и впоследствии прославленной в «Поэме без героя» Ахматовой, и почти неизвестным М. И. (инициалы устанавливаются предположительно) Целибеевым. Дневниковая за-

²⁷ Кузмин М. Дневник 1917–1924: В 2 кн. / Под общ. ред. А. С. Пахомовой; подг. текста, комм. А. С. Пахомовой, К. В. Яковлевой, Н. А. Богомоллова, С. В. Шумихина; вступ. статья А. С. Пахомовой. СПб., 2024. Кн. 2. С. 207.

²⁸ Первые известные записи датируются августом 1905-го (дневник за более ранние годы не сохранился), последние — декабрем 1934-го. Наиболее значительные лакуны охватывают периоды с октября 1915-го по октябрь 1917-го, с июля 1919-го по февраль 1920-го, с июня 1929-го по сентябрь 1931-го, с января 1932-го по май 1934-го, с января 1935-го до конца жизни автора. Об истории создания и хранения дневника см.: Шумихин С. В. Дневник Михаила Кузмина: Архивная предистория // Михаил Кузмин и русская культура XX века. С. 139–145.

²⁹ Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 1. С. 236.

пись раскрывает, насколько сложной была созданная Кузминым социальная сеть и насколько разнообразные акторы ее составляли: как крупные литературные и театральные деятели, так и обыватели.

Существование дневника позволяет, хотя и с известной долей условности, реконструировать контакты Кузмина 1920–1930-х годов. Мы рассматриваем сложившееся вокруг писателя сообщество как сеть, используя методику сетевого анализа, уже неоднократно успешно примененную для описания литературного пространства. Так, в работах И. В. Кукулина и М. Л. Майофис рассматриваются социальные сети, структурирующее поле литературы второй половины XX века.³⁰ В прецедентной для нашего исследования работе Б. В. Орехова, П. Ф. Успенского и В. В. Файнберга цифровые методы применены для анализа сети, отраженной в «Камер-фурьерском журнале» В. Ф. Ходасевича.³¹

Подготовка и обработка данных

Материал дневника чрезвычайно обширен, связи сложны и непостоянны, а число персоналий приближается к 2500, что усложняет их обработку. Подготовка данных проходила в два этапа. На первом мы выделили все социальные контакты, которые Кузмин зафиксировал в дневнике 1921–1927 годов.³² Мы отмечали факт контакта тогда, когда была упомянута любая коммуникация, прямая или косвенная (например, через полученное письмо); если во время общения присутствовало несколько людей, связь между ними также учитывалась. Для определения персоналий мы пользовались именным указателем, составленным к последней на настоящий момент публикации дневника Кузмина.³³

Вторым этапом обработки данных стало ручное разделение контактов, которые происходили в союзах писателей, театрах, редакциях, на литературных вечерах или домашних собраниях не в доме Кузмина, от личных встреч. В этом помогала повторяющаяся структура дневниковой записи, где время посещения нередко было выделено в особое предложение, а также на типовые фразы, которые Кузмин использовал для описания личных контактов: «чай пил у нас», «у нас был», «приходил к нам». При построении сети мы исключили из нее Кузмина, а также Юр. Юркуна и О. Н. Гильдебрандт-Арбенину как неизменных участников взаимодействия. Для преобразования данных в формат таблиц мы использовали программу «Easy Linavis», для визуализации сетей и выявления необходимых метрик мы пользовались программой «Gephi».

Здесь необходимо сделать ряд важных оговорок относительно метода и материала. Прежде всего мы отдаем отчет в неполной объективности кузминских записей. Помимо очевидной трансляции одной точки зрения, можно выделить ряд других обстоятельств, которые усложняют документальный статус дневника: он не всегда велся

³⁰ Кукулин И. Продисциплинарные и антидисциплинарные сети в позднесоветском сообществе // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 136–173; Кукулин И. В., Майофис М. Л. Анализ социальных сетей в исторической социологии культуры (на материале советской детской литературы 1954–1957 годов). М., 2017. Препринт (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2981561; дата обращения: 30.04.2026).

³¹ Орехов Б. В., Успенский П. Ф., Файнберг В. В. Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу» В. Ф. Ходасевича // Русская литература. 2018. № 3. С. 19–53.

³² За нижнюю границу взято время возвращения Кузмина в литературный процесс после паузы 1919–1920 годов, когда писатель сосредоточился в основном на работе для театра. В 1921-м оживляется его литературная деятельность: выходят сборники «Нездешние вечера», «Эхо», пьеса «Вторник Мэри», нотное издание «Александрийских песен». За верхнюю границу взят последний год, от которого сохранился полный дневник: дневник 1928-го, хотя и существует, расшифрован не полностью по причине порчи текста; дневники 1929-го и 1931 годов сохранились частично; дневник 1934-го прагматически отличается от прочих дневников Кузмина — это дневник-рефлексия, сочетающий записи о проведенных днях с пространными мемуарными вставками. Для подготовки данных были использованы записи 1925–1927 годов, в настоящий момент готовящиеся к печати.

³³ Кузмин М. Дневник 1917–1924.

регулярно и нередко заполнялся задним числом; Кузмин мог не фиксировать встречи или путать события; порой сложно определить, состоялся ли контакт на самом деле; несколько персоналий скрыты за прозвищами, не поддающимися идентификации. Однако все это касается лишь малой части событий и персоналий. В ходе комментирования дневников 1917–1927 годов мы пришли к выводу, что Кузмин тщательно вел свои записи и редко ошибался в именах и фактах, что подтверждают сохранившиеся документы тех лет и хроника культурной жизни. Дневник Кузмина — уникальный по объему и насыщенности текст, во многом прецедентный для эпохи. Принимая во внимание все за и против, мы считаем, что количественный анализ дневника в этом случае возможен, хотя признаем его очевидную неполноту. Последующие обнаружения и анализ других аналогичных документов помогут дополнить и скорректировать наши данные. Наконец, третье предупреждение: в настоящем анализе мы сосредоточимся лишь на тех сюжетах и тенденциях, которые связаны с личным кругом Кузмина, оставляя за скобками широкий историко-культурный контекст Ленинграда 1920–1930-х годов.

Объем источника (за 7 лет приблизительно: 2555 записей, 3,8 встреч каждый день, около 2300 уникальных персоналий) делает проблематичным ручной анализ данных. Моделирование сети позволяет использовать инструменты, недоступные при чтении: например, кластеризацию и определение сильных связей. Полученные при построении и моделировании сети результаты позволяют визуализировать сеть контактов, сложившуюся вокруг Кузмина в середине 1920-х годов, и выявить ряд тенденций.

Круг Кузмина: динамика личных связей

Основным объектом анализа стал граф — модель социальной сети, выстроенной в личном кругу Кузмина. Вершины графа (узлы) обозначают отдельные персоналии, ребра — отношения между ними (одно ребро — один социальный контакт). Метрики графа рассчитываются автоматически и являются уникальными в каждом случае.

Важным показателем для нас стала плотность сети — соотношение связей, реализованных внутри сообщества, ко всем возможным. Этот параметр демонстрирует, что мы имеем дело с реально существующей группой, а не собранием отдельных персоналий и случайных контактов.

Начиная с 1923 года (см. табл. 1) контакты в среде Кузмина становятся более интенсивными. Число участников сети (узлов) растет: в 1923-м личный круг увеличивается почти в три раза по сравнению с 1921-м, однако затем до 1927-го остается почти неизменным. При этом показатель плотности сети довольно высокий, что говорит о связанности этой группы. Можно сделать первый вывод: круг Кузмина — не собрание отдельных людей и слабо взаимодействующих групп, внутри этого сообщества происходило интенсивное общение на протяжении многих лет. Таким образом, «круг Кузмина» нельзя считать только исследовательским конструктором.

Табл. 1. Личные контакты Кузмина 1918, 1921–1927 годов

год	узлы	ребра	плотность
1921	35	74	0,119
1922	72	210	0,082
1923	92	330	0,077
1924	78	245	0,082
1925	85	281	0,079
1926	75	236	0,085
1927	78	223	0,073

Чтобы описать качество среды, мы используем несколько других метрик. Параметр суммарной мощности (Degree) обозначает общее количество связей узла: чем он

больше, тем чаще этот узел вступал в контакты внутри сети. Эта метрика позволяет выделить десять наиболее активных посетителей кузминского круга (см. табл. 2).

Табл. 2. Десять наиболее активных участников внутреннего кузминского круга

1921	1922	1923	1924
Милашевский В. А. Папаригопуло Б. В. Бамдас М. М. Божерянов А. И. Бернштейн И. И. Радлова А. Д. Сторицын П. И. Папаригопуло С. В. Мухин С. А. Фролов А. А.	Фролов А. А. Дмитриев В. В. Сторицын П. И. Папаригопуло Б. В. Радлова А. Д. Скрыдлов А. Н. Милашевский В. А. Вагинов К. К. Тизенгаузен О. Д. Кубланов Н.	Милашевский В. А. Дмитриев В. В. Скрыдлов А. Н. Сторицын П. И. Фролов А. А. Папаригопуло Б. В. Хохлов К. П. Вагинов К. К. Соколов К. А. Кельсон З. С.	Раков Л. Л. Введенский А. И. Дмитриев В. В. Фролов А. А. Папаригопуло Б. В. Милашевский В. А. Митрохин Д. И. Радлова А. Д. Сторицын П. И. Вагинов К. К.

1925	1926	1927
Введенский А. И. Раков Л. Л. Сторицын П. И. Митрохин Д. И. Ельшин В. А. Папаригопуло Б. В. Покровский В. П. Русинов Г. П. <?> ³⁴ Дмитриев В. В. Радлов С. Э.	Раков Л. Л. Введенский А. И. Сторицын П. И. Данилов А. Лившиц Б. К. Мейсельман А. Д. Ельшин В. А. Хармс Д. И. Вагинов К. К. Кубланов Н.	Раков Л. Л. Введенский А. И. Фроман М. А. Сторицын П. И. Дмитриев В. В. Ельшин В. А. Митрохин Д. И. Данилов А. Кузнецов Е. М. Черемшанова О. А.

Результаты выявляют еще одну тенденцию. До 1923 года включительно ядро кузминского круга составляли участники объединения эмоционалистов: художники В. А. Милашевский и В. В. Дмитриев, прозаик Б. В. Папаригопуло, поэтесса А. Д. Радлова, К. К. Вагинов, а также хроникер объединения П. И. Сторицын. С угасанием деятельности эмоционалистов круг Кузмина нуждался в обновлении. Оно начинается в 1922-м, когда в кругу появляется Вагинов, далее, в 1923-м, — Раков, а в 1924-м — Введенский, и затем до 1927-го круг не претерпевает значительных изменений.

Табл. 3. Десять самых активных посетителей дома Кузмина с 1924-го по 1929 год (на основании параметра Degree)

1. Раков Л. Л. (1904–1970)
2. Введенский А. И. (1904–1941)
3. Сторицын П. И. (1880–1942)
4. Дмитриев В. В. (1900–1948)
5. Митрохин Д. И. (1883–1973)
6. Вагинов К. К. (1899–1934)
7. Лившиц Б. К. (1886–1938)
8. Радлова А. Д. (1891–1949)
9. Папаригопуло Б. В. (1899–1951)
10. Егунов А. Н. (1895–1968)

Постепенно место знакомцев 1910-х годов (Митрохина и Лившица) занимают поэты, родившиеся на рубеже веков (см. табл. 3), а место поэтов и писателей, близких к Кузмину по творческим установкам (Радлова, Папаригопуло), или откровенных эпигонов

³⁴ Отождествление Русинова из дневников Кузмина с начинающим литератором и журналистом Г. П. Русиновым, сведения о котором в основном сосредоточены на второй половине 1900-х — начале 1910-х годов, предположительно. См. комментарий Г. А. Морева: *Кузмин М. Дневник 1934 года* / Сост., подг. текста и комм. Г. А. Морева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2011. С. 302.

(Кубланов, Бамдас) — авторы, разрабатывающие оригинальную эстетику (Введенский, Вагинов, Егунов). Изменения среды совпадают с динамикой творчества Кузмина: еще с начала 1920-х он развивает оригинальную эстетику, синтезируя экспрессионистические новации с собственной герметичной поэтикой. Со второй половины 1920-х писатель, теряя доступ к печати, экспериментирует с поэтикой монтажа, абсурдом и одновременно — с отсылками к дореволюционной культуре, формируя художественное пространство, существующее вне официального литературного процесса. Знаком этой перемены станет сборник «Форель разбивает лед» (1929), порывающий не только с поэтикой Кузмина 1910-х годов, но и с языком «Парабол» (1922).

Интимный круг Кузмина не был исключительно литературным, хотя контакты в этой сфере были значительными. Кроме писателей, поэтов и издателей его личный круг составляли семья Покровских, дом мецената В. А. Ельшина (мужа поэтессы О. А. Черемшановой), журналисты Русинов и Кузнецов, критик Сторицын — все эти персоналии усложняют структуру круга, связывая дом Кузмина с нелитературными пространствами.

Еще одно наблюдение, которое можно сделать из проведенного анализа, — особый способ кластеризации. К 1927 году в личном кругу Кузмина начинают выделяться подгруппы (так называемые кластеры, их позволяет выявить метрика Модулярности (Modularity)). Две оформившиеся в ряду прочих группы (см. рис. 1) в целом соответствуют двум большим сообществам: бывшему объединению эмоционалистов, с самого начала тесно связанному с домом Радловых, и близкому к нему дому Ельшиных — и кругу более молодых людей, группирующихся вокруг Введенского и Хармса. Любопытно положение Вагинова: начинавший в том числе как эмоционалист, к середине 1920-х годов он присоединяется к будущим обэриутам, с которыми в 1928-м выступит вместе на вечере «Три левых часа», войдя в «Манифест ОБЭРИУ». Границу между этими двумя сообществами стоит проложить скорее в эстетической, чем в поколенческой плоскости: поэтесса Черемшанова, по возрасту — ровесница Введенского и Хармса, следует в своем творчестве более умеренной поэтической традиции (как и Михаил Фроман), примыкая к группе бывших эмоционалистов. Дом Кузмина становится площадкой не только для поддержания традиции модернистской поэтики, но и для оформления принципиально новых творческих тенденций, причем эти процессы протекают одновременно.

Модель литературной кооперации, связанная с авторитетной фигурой и окружающими ее учениками, в этот период претерпевает изменения: прямого влияния Кузмина Введенский, Хармс и Вагинов в текстах тех лет не испытывают, хотя эпигоны Кузмина по-прежнему входят в его круг (Раков, Мейсельман). К сожалению, нельзя определенно говорить о характере творчества многих писателей из кузминского круга в те годы, поскольку мы располагаем очень малым количеством их произведений или не располагаем текстами вообще (например, поэзией Радловой рубежа 1930-х годов, текстами самого Кузмина, упоминаемыми в мемуарах Ракова ранними рассказами и др.). Однако справедливо полагать, что помимо смыслов, закреплённых в текстах, существуют еще и смыслы, транслируемые в личном общении.

По воспоминаниям Петрова, «Вагинов, Хармс и Введенский приходили читать Кузмину и слушать его советы. Представители поэтического авангарда тех лет, особенно самого крайнего левого фланга, подчеркнуто выделяли Кузмина из среды поэтов старшего поколения и, кажется, только с ним одним и считались».³⁵ В 1924–1925 годах Введенский посещает дом Кузмина едва ли не ежедневно, однако не только не выносит оттуда влияния мэтра, но и со временем сам становится точкой притяжения этого сообщества (в суммарных данных за 1924–1927 годы Раков и Введенский — два узла с наибольшим параметром центральности (Betweenness Centrality), т. е. через них проходит основной поток информации в этой сети). Самым значительным следствием такой кластеризации станет выделение ОБЭРИУ. Этот факт, безусловно, нельзя ставить в заслугу только среде Кузмина, однако выскажем предположение, что последний имел важное значение в образовании этой группы.

³⁵ Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузmine. С. 150.

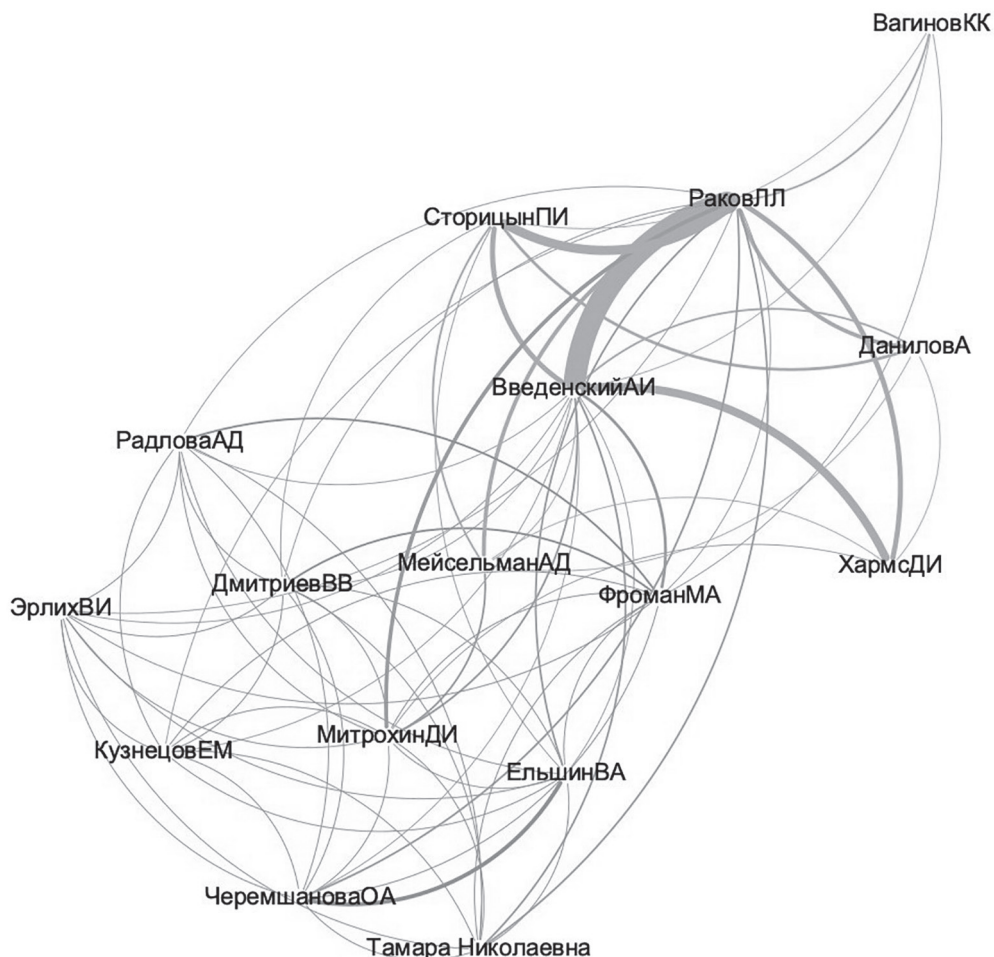

Рис. 1. Кластеры в кругу Кузмина, 1927 год (визуализация фрагмента сети)

Общность в доме Кузмина, оформившись к началу 1920-х годов, начинает существовать по своим законам, образуя кластеры и точки сгущения. При этом группа людей, встречающихся в коммунальной квартире на улице Рылеева, не осознает себя как таковую, не предпринимает попыток организационного оформления; даже само слово «круг» в самоописании этой среды не возникает.³⁶ В начале 1924 года в дневнике Кузмина появляется запись: «Хорошо бы альманахи затеять, и вечера, и вообще что-нибудь»³⁷ — последнее свидетельство его замыслов как организатора литературной жизни. Развития эти идеи не получили. Тем не менее литература внутри этого круга

³⁶ См. редкое упоминание о «теснейшем круге домашних» (запись от 8 ноября 1926 года; здесь и далее дневники Кузмина 1925–1927 годов цит. по материалам, подготовленным Н. А. Богомоловым и К. В. Яковлевой) и, в более ранней записи, характерное кузминское словоупотребление «скит»: «Что-то много было народа, хотя Кубланова и не было. Фролов, Дмитриев, Вагинов, О. Н., Корнилий, Радловы (оба) и еще Яковлева из Петрозаводска. Весь, как называют, „Кузминский или Радловский скит“» (запись от 28 октября 1922 года; Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 2. С. 82).

³⁷ Запись от 22 января 1924 года (Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 2. С. 239).

продолжала существовать в форматах устного чтения³⁸ и рукописей — прообраза сам-издата. Так, Кузмин неоднократно фиксирует в дневнике переписку своих произведений: «Приходил Хармс переписывать стихи для альманаха» (7 февраля 1927 года), «Стал переписывать „Прогулки [Гуля]“» (16 июля 1927 года), «...как огорчится он, что я не только посвят<ил> их, но и переписал для А<нны> Дм<итриевны>» (9 августа 1927 года) и т. д. Свидетельством широкого хождения рукописей и машинописей внутри кузминского круга стала их рассеянность внутри небольшой общности: копия последнего сборника Вагинова «Звукоподобие» находится в архиве Петрова,³⁹ пьеса Кузмина «Смерть Нерона» — в собрании филолога и редактора В. Н. Орлова,⁴⁰ стихотворение «Переселенцы» сохранила память И. А. Лихачева⁴¹ и т. д. М. Э. Маликова относит к практике «самиздата» прозу Петрова «Философские рассказы», инспирированные общением с кругом Кузмина, прежде всего с Хармсом.⁴²

Также внутри кузминского круга возникает особый код, сплачивающий его. Во-первых, негласные договоренности: «Каждый день от пяти до семи приходили гости. Они являлись без приглашения и могли приводить с собой своих знакомых». ⁴³ Среда в доме Кузмина была самовоспроизводящейся: в данных посещениях личного круга за 1925 год есть 14 персоналий, чья суммарная мощность измеряется двузначными числами (что свидетельствует о высокой степени вовлечения в эту среду), и 12 разовых посетителей. То есть не каждый человек, попадавший в дом Кузмина, посещал его снова. Во-вторых, система имен и посвящений: неоднократно в дневнике автор называет Сторицына «Калигари» (по внешнему сходству с героем фильма Р. Вине, 1920), получают домашние прозвища Юркун, Дмитриев, Петров,⁴⁴ характерны длящиеся игры-мистификации (Лев Раков — Эдгар Гуль, герой фильма «Доктор Мабузе, игрок» (реж. Ф. Ланг, 1922)). Эту же роль играет система посвящений текстов тех лет: «Новый Гуль» Кузмин посвящает Л. Р<акову>, «Лесенку» и «Северный веер» — Юркуну, «Форель разбивает лед» — Радловой, «Для августа» — С. В. Демьянову, «Лазарь» — К. П. Покровскому и т. д. Произведения Кузмина символически скрепляют этот круг, выявляя и демонстрируя личные отношения в нем.

Итак, мы можем говорить о возникновении в доме Кузмина определенной общности, которая характеризуется следующими особенностями: стабильным числом участников, выделяемым ядром (люди с наиболее «сильными» связями постоянны на небольших отрезках времени), внутренней дифференциацией, общими практиками и текстами, хождением рукописей.

Складывание кузминского круга в середине 1920-х и его закрепление на рубеже 1920–1930-х годов обусловлено изменившимися условиями — как культурными, так и социальными. В первую очередь в эти годы заметно меняется литературное пространство: с середины 1920-х сокращается число литературных объединений и неформальных собраний; пресекаются частные публикации альманахов или сборников («Форель разбивает лед» выходит в «Издательстве писателей в Ленинграде» — одном из последних кооперативных издательских проектов), уменьшается возможность пу-

³⁸ См.: «Поздно вечером Кузнецов с какими-то мрачными вещами насчет Гвоздева и Адриана. Лев<ушка> не явился, а пришел Мейсельман. Мирно сидели, играли в карты. Я даже читал дневник (дневник Кузмина, запись от 7 ноября 1926 года). Причем читались не только художественные произведения, но и дневники и даже научные доклады. О последнем см. воспоминание: Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине. С. 170–171.

³⁹ См. об этом: Там же. С. 177–180.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 2833 (В. Н. Орлов). Оп. 1. Ед. хр. 422. Л. 14–90.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 809 (В. Н. Петров). Оп. 1. № 90.

⁴² «Сборники „Философских рассказов“ (всего 97 текстов разного объема) принадлежат к книгоиздательской практике „самиздата“, ориентированного не на распространение, а на домашний „салон“, т. е. крайне узкий круг близких знакомых. <...> Обложки книг оформлены рисунками и акварелями знакомых Вс. Петрову художников Т. Н. Глебовой, П. И. Басманова, Е. К. Лившиц, В. В. Стерлигова...» (Петров В. Н. Философские рассказы. С. 752–753 и след.).

⁴³ Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине. С. 130.

⁴⁴ «Ю. Юркун — конюх. <...> В. Дмитриев — новобранец («Мамка, утри Нос!»). Митрохин — Пелагея («Какóво?»). Петров — Дон Педро большая шляпа» (список приведен в воспоминаниях Гильдебрандт-Арбениной: Гильдебрандт О. М. А. Кузмин // Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 148).

бличных выступлений (последнее известное выступление Кузмина состоялось в ГИИИ в 1928 году). С момента выхода постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 года), объявившего курс на построение новой, пролетарской и крестьянской, литературы, количество неидеологизированных литературных предприятий уменьшается — пока им не положат конец постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» (23 апреля 1932 года) и образование Союза советских писателей. Сокращение возможностей для публичной реализации тех деятелей культуры и искусства, которые осознавали себя наследниками дореволюционной эстетики, вызвало закономерную реакцию: их сообщества не исчезли, но переместились в неформальное пространство, не улавливаемое властными институтами. Такие центры возникали в доме Кузмина, квартире Ф. Сологуба (где проходили вечера «Ассоциации неоклассиков») и др. Существовали также промежуточные образования, например, «Мастерская по изучению поэтики» А. В. Туганова — частная инициатива внутри официально зарегистрированного Союза поэтов.

После неудачи объединения эмоционалистов, которое прекратило существование в 1923-м, и выхода в 1924-м поэтической книги «Новый Гуль» Кузмин постепенно начал исчезать из печати. За пять лет, с 1924-го по 1929-й, было опубликовано лишь десять его стихотворений и ни одного прозаического произведения. Однако его внутренний, самый близкий круг оставался относительно стабильным, как бы оскотеневая внутри сложной социальной системы. Хотя число внешних контактов Кузмина в период с 1921-го по 1927 год растет (с 172 персоналий в 1921 году до 295 в 1927-м; за первые шесть месяцев 1929 года во «внешний» круг Кузмина вошло 223 человека), его личный круг очевидно тяготеет к замкнутости. Предполагаем, что именно в цельности и тщательно оберегаемых границах этого круга был залог его долгого существования.

Американский социолог Р. К. Мертон писал, что любая социальная система проявляется в виде наблюдаемых последствий, способствующих ее адаптации. Наряду с закономерными и ожидаемыми последствиями существуют еще и так называемые «непреднамеренные последствия», которые возникают как непредусмотренные или неожиданные результаты социального действия, осмысленного поведения акторов, могущие иметь влияние на судьбу не только отдельного человека, но и на культуру в целом.⁴⁵ А. Мика предлагает рассматривать как такие непредвиденные последствия работы системы в том числе социальные институты.⁴⁶ В неформальных объединениях раннесоветской культуры мы наблюдаем как раз такие «непредвиденные последствия» работы советской социальной системы в целом. Появление неформальных кругов общения отчасти компенсировало лакуны в иерархизированной и оторванной от индивида структуре идеологии,⁴⁷ создавая альтернативное творческое пространство.

Круг Кузмина стал ответом на вызовы социальной системы первых советских лет, когда любые общества воспринимались как потенциальная угроза, а участие в них, даже гипотетическое, в 1930-х годах послужило основанием для реальных уголовных преследований.⁴⁸ Однако, запрещая одни кружки и объединения, власти не могли

⁴⁵ См.: Мертон Р. К. 1) Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева и др. М., 2006. С. 144–150; 2) Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / Пер. с англ. В. Кузьмина // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17. См. также критический обзор концепций, основанных на теории «непреднамеренных последствий»: Латынов И. Непреднамеренные последствия преднамеренных действий: почему неравенство остается стабильным? // Russian Sociological Review. 2024. Vol. 23. № 3. Р. 72–93.

⁴⁶ Mica A. Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible. London; New York, 2018. P. 19–42.

⁴⁷ Как показывает исследование неформальных сетей позднесоветского общества, проведенное И. В. Кукулиным, функционирование таких сетей «имело не просто антидисциплинарный характер — оно способствовало формированию альтернативных моделей социальности» (Кукулин И. Продисциплинарные и антидисциплинарные сети в позднесоветском обществе. С. 158). Мы считаем, что зарождение этой модели допустимо относить к раннесоветскому периоду.

⁴⁸ См. об этом: Вахтина П. Л., Громова Н. А., Позднякова Т. С. Дело Бронникова «...о контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов» № 249-32. М., 2019.

справиться с другими, как не могли повлиять на укорененную в культуре модель группового существования литературы, «салона» с символическим центром. Вероятно поэтому именно Кузмин стал одним из центров литературного Ленинграда — для него и его круга неиерархизированная модель объединения, скрепленная харизмой мэтра, была наиболее естественной и развивалась еще с конца 1900-х. На рубеже 1920–1930-х годов именно такая модель творческой группы, неструктурированная и связанная скорее личной дружбой, чем общностью творческих взглядов, оказалась одним из безопасных способов кооперации.

Как мы писали ранее, кузминский круг почти не оставил художественных текстов. Однако источниковедческая проблема до известной степени снимается тем, что художественные произведения составляли далеко не первостепенную задачу существования этого круга. Его консолидация происходит на дискурсивном уровне, который улавливается скорее при помощи «уликовой парадигмы»: в него входят общие представления о домашности литературного круга, не охваченного официальными институциями, о письме «в стол» (как пишут Петров, Егунов, Раков), о важности личных дневников и общем возвращении к модернистской эстетике, обогащенной общеевропейскими новациями (экспрессионизм, дадаизм, абсурдизм). Впоследствии по «кузминским» линиям будет продолжено существование домашней литературной культуры в Ленинграде: пережившие репрессии и войну И. А. Лихачев, Вс. Н. Петров, А. Н. Егунов, Л. Л. Раков станут центрами уже их личных сообществ;⁴⁹ важную роль в становлении представлений о петербургской культуре сыграет память об обэриутах, также связанных с домом Кузмина.

Подводя итог, мы предлагаем рассматривать круг Кузмина как самостоятельное образование 1920–1930-х годов, уникальную модель литературной социальности, в исследуемый период активизированную процессом идеологизации общества. При этом, предвосхищая возможные вопросы, мы не говорим об уникальности кузминского круга как системы, как не утверждаем, что только за столом Кузмина происходило формирование альтернативной культурной модели. Кейс Кузмина привлекателен именно своей измеримостью — наличие дневника, охватывающего несколько десятилетий, позволяет нам реконструировать этот круг и тем самым восстановить невидимую часть культурной жизни Ленинграда этого времени.

⁴⁹ Об этом см.: Пахомова А. С. Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века. С. 239–262.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-164-173

© А. М. Грачева

О ВЛАДИМИРЕ СОСИНСКОМ, АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ И ООН: ИСТОРИЯ ОДНОЙ РЕКОМЕНДАЦИИ

Литератор и журналист Владимир Бронислав Рейнгольд¹ Брониславович Сосинский-Семихат (1900–1987) так обозначил хронологические рамки своих взаимоотношений с Алексеем Михайловичем Ремизовым в посвященном ему эссе «Домовой на рю Буало»: «1923–1957 — нашей дружбе около 35-ти лет».²

¹ Многосоставное имя способствовало вариативности использования его частей (Бронислав/Владимир) в разных сферах жизни Сосинского. «Владимир Сосинский» — подпись под большинством художественных и публицистических текстов писателя. В личных посланиях он чаще всего подписывался: «Бронислав». См. также официальное отчество его сыновей: Сергей и Андрей Брониславовичи Сосинские.

² Сосинский В. Рассказы и публицистика / Вступ. статья С. Б. Сосинского, сост. и прим. А. Б. Сосинского. М., 2002. С. 152.

Владимир Сосинский — молодой эмигрант, интересующийся литературой и сочиняющий стихи, — узнал имя Ремизова еще в самом начале своей жизни за рубежом — в Стамбуле. Личное знакомство состоялось в Берлине в 1923 году, а сближение и впоследствии многолетняя дружба — уже в Париже, куда Ремизов переехал в ноябре того же года, а Сосинский перебрался в 1924-м. Переходу их контактов на качественно новый, более близкий уровень способствовала состоявшаяся в 1929 году женитьба литератора на Ариадне Викторовне Черновой (1908–1974). Вместе со своими сводными сестрами-близнецами Натальей (1903–1992) и Ольгой (1903–1974), жена Сосинского была неотъемлемой частью сплоченной семьи, главой которой являлась их мать — давняя знакомая Ремизова, журналистка и писательница Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова (1881–1964).³ В 1920-е годы «клан» расширился за счет мужей ее дочерей — трех товарищей, подружившихся еще в Стамбуле и уже там пробовавших свои силы на литературном поприще: Вадима Леонидовича Андреева (1902–1976), Даниила Георгиевича Резникова (1905–1970) и В. Б. Сосинского. Внук Ольги Елисеевны А. Д. Резников так вспоминал о взаимоотношениях своих близких с писателем и его женой в 1930-е годы: «Ремизовы каждого члена нашей семьи любят по-своему. <...> Ольга и Наташа Черновы — близнецы, и третья, младшая сестра — Ариадна, прозванная А<лексеем> М<ихайловичем> Аукой. Их Ремизовы называют „ангелами“ — они же Чернушки. Они еще молодые, веселые, очень умные, образованные, романтичные. Они увлечены литературой, общаются с писателями и поэтами из русской эмиграции. Со многими из них они познакомились у Ремизовых. Ольга и Наташа художницы, но трудная эмигрантская материальная жизнь им не позволила заниматься живописью. Они работают рисовальщицами у Ланвена в Париже. Им за эту работу платят гроши. <...> Мужья трех сестер: Даниил (Резников), Вадим (Андреев) и Володя (Сосинский) — это три друга, которые женились на трех сестрах. Все молодые, им сегодня, до Второй мировой войны, приблизительно 35 лет. Старше всех мать девочек — Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова, прозванная (конечно же, А<лексеем> М<ихайловичем>) Лисевной. Ее все любят за беспечность, страстный характер и щедрость. О<льга> Е<лисеевна> всегда хочет кому-то помочь, кого-то приютить, что-нибудь подарить, несмотря на свои материальные трудности».⁴

На протяжении десятилетий, вплоть до смерти Ремизова в 1957 году, члены разросшегося семейства Колбасиной-Черновой составляли «ядро» его ближнего «круга»; были людьми, которые оказывали литератору и его супруге дружескую, а в тяжелые годы немецкой оккупации Парижа и материальную помощь; входили в число тех, кто в послевоенное время всесторонне поддерживал овдовевшего писателя.

Перепробовавший много занятий Сосинский в начале 1930-х годов стал секретарем редакции и директором типографии журнала «Воля России». По мере своих возможностей он способствовал публикации там произведений Ремизова. Во время Второй мировой войны Сосинский пошел на фронт в составе 4-го Маршевого полка иностранцев-добровольцев, был взят в плен, сидел в немецком концентрационном лагере, затем участвовал в движении Сопротивления, за что был награжден французским военным крестом и шестью медалями. В посвященной отцу биографической статье Сергей Брониславович Сосинский писал: «В 1947 году, вместе с другими русскими эмигрантами — участниками движения сопротивления в Европе, по указу Верховного Совета, Владимир и Ариадна Сосинские получили советское гражданство; правда, их советские паспорта вида на жительство в Советском Союзе, к счастью, не имели. В этом же году Сосинский был принят на работу в секретариат Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, где проработал до 1960 года редактором стенографических отчетов

³ Подробнее о взаимоотношениях А. М. Ремизова и семьи О. Е. Колбасиной-Черновой см.: Эссе Н. В. Резниковой «Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957)» / Вступ. статья, публ. текста и комм. А. М. Грачевой // *Studia Litterarum*. 2025. Т. 10. № 3. С. 514–539.

⁴ Резников А. Д. Ранние детские воспоминания // Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста, сопроводит. статья, аннот. имен. указатель А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 224–225.

на русском языке Генеральной ассамблеи, Совета безопасности и других органов ООН. Семья Сосинских попала из пострадавшей от войны Франции в Соединенные Штаты <...> Сосинский почти ничего не написал с 1947 по 1960 год. Он лишь продолжал свою обширную переписку с родственниками и знакомыми в разных странах мира».⁵

В годы пребывания в США Сосинский и его жена регулярно обменивались письмами и с Ремизовым. Литератор присылал им свои книги, которые начали выходить после войны, в том числе благодаря усилиям и помощи оставшихся в Париже других членов «клана» О. Е. Колбасиной-Черновой — Н. В. и Д. Г. Резниковых, стоявших у истоков эфемерного издательства «Оплешник». В нем за счет автора публиковались последние ремизовские произведения. В письмах Ремизов делился с давними друзьями творческими планами, размышлениями о современном состоянии и дальнейших перспективах развития русской литературы. Свояк Сосинского — В. Л. Андреев, в те годы также находившийся в США и работавший в ООН, так характеризовал главный идейно-эстетический концепт, составлявший основу литературного *credo* писателя: «Парадоксальность литературного творчества Ремизова за границей заключалась в том, что он был „самым русским“ из всех писателей, оказавшихся за рубежом. <...> В Ремизове было глубоко заложено сознание своей литературной миссии — писателя, открывшего некую тайну русского языка, необходимость посвятить в эту тайну читателей и сознание того, что он — свидетель великих событий, о которых необходимо рассказать так, как он один может это сделать. Сознание исключительности в Ремизове было велико, но оно никогда не вело его к желанию руководить или поучать <...> „Поиски природного лада живой речи“, возврат к языку XVII века, еще не засоренному западным словесным нашествием, непривычность для современного уха ремизовской прозы воздвигали между стилистом и читателем стену. От Ремизова с самого начала его заграничной жизни отворачивались, его не понимали».⁶

Исследование литературной практики писателя позволяет доказательно опровергнуть высказанный Андреевым тезис о нежелании Ремизова пропагандировать свою «теорию русского лада». Наоборот, в течение многих лет он утверждал ее на страницах своих произведений, в публицистических статьях и эссе, в беседах и посланиях к литературным ученикам.⁷

На рубеже 1940–1950-х годов начался новый виток борьбы Ремизова за признание его «теории русского лада». Надо отметить, что тогда ее отдельные положения, касающиеся значения и истории русского языка, парадоксальным образом совпали с некоторыми постулатами материалов развернувшейся в Советском Союзе «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 года⁸ и с ее последующими «отголосками» в трудах советских языковедов, в частности В. В. Виноградова.

Сосинский был в курсе ремизовских взглядов на развитие русского литературного языка. Он также знал, что писатель по мере возможностей следил и за новейшими научными спорами по этой проблеме в СССР, и за их отзвуками в научных трудах и литературных статьях представителей русской эмиграции. На такую осведомленность Сосинского указывает, в частности, его содержательное письмо к Ремизову, датированное 18 июня 1952 года. Оно свидетельствует не только о знании, но и о поддержке литератором идейной позиции старшего собрата по перу. В этом же послании содержалась неординарная просьба:

⁵ Сосинский С. Б. Жизненный путь В. Б. Сосинского // Сосинский В. Рассказы и публицистика. С. 13.

⁶ Андреев В. Возвращение в жизнь // Андреев В. История одного путешествия. Повести. М., 1974. С. 298–299.

⁷ Подробнее об этом см.: Грачева А. М. «Теория русского лада» Алексея Ремизова. Генезис. Практика. Рефлексы. СПб., 2023. С. 30–50.

⁸ См. об этом, например: Никандров А. В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 46–70.

«Дорогой Алексей Михайлович,

Всегда радуюсь, когда встречаю в современной литературе либо влияние Вашего стиля, либо Ваших языковедческих идей. В „Известиях АН СССР“ (Том X, вып. 2, апрель 1951, т. е. после статей И. В. Сталина по языкознанию) напечатана очень интересная статья акад<емика> В. В. Виноградова „Синтаксические воззрения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языкознания“. В ней В. Виноградов ругает Н. И. Греча за отход от ломоносовских традиций: „основные положения «Практической русской грамматики» Греча идут прямо от французов и немцев, далеки от живой народной речи“ (это же отмечал в свое время Ф. И. Буслаев). „Этой космополитической «универсальной» грамматике в тот период противостояла синтаксическая концепция А. Х. Востокова“, ⁹ которая — увы — оставалась в стороне от главных линий развития русской синтаксической науки и повлияла лишь на А. А. Шахматова и некоторых др<угих>... Как видите, наша берет.

Писали ли Вы, дорогой Алексей Михайлович, когда-нибудь рекомендательные письма? Грамоты — это я знаю, а вот канцелярские письма? Наша Организация может обратиться к Вам с просьбой высказаться о Б. Сосинском. Я в настоящее время — редактор стенографических отчетов (речей, произнесенных по-русски), и потому — среди прочего — скажите свое мнение о моих знаниях и опыте в этой области. Ответить Вы можете по-русски — тут понимают по-всякому.

Аука скучает без Парижа. Дети растут. Все в порядке.

Любящий Вас Б. Сосинский». ¹⁰

Надо отметить, что в наследии А. М. Ремизова крайне редко встречаются тексты, которые можно отнести к жанру рекомендательного письма, касающегося сферы его профессиональной компетенции. Подобному факту способствовали два обстоятельства. Во-первых, за исключением отдельных случаев, Ремизов не входил в число тех всесильных литературных авторитетов, которые могли реально способствовать публикации творений начинающих писателей, чаще всего обращавшихся к мэтрам с просьбой о рекомендации. В связи с этим сохранившиеся послания к нему такого рода единичны. Во-вторых, он весьма добросовестно относился к выполнению подобной миссии, придирчиво оценивая и литературные способности искателя протекции в целом, и художественную ценность предлагаемого для издания конкретного опуса. Зачастую Ремизов, не желая давать незаслуженный положительный отзыв или оскорбить человека невысокой оценкой его творения, избирал тактику умолчания. На этом фоне любопытным, но вполне объяснимым исключением из подобной практики является проведенная писателем в 1950 году хвалебная по тону эпистолярная «пиар-кампания» в поддержку книги, ¹¹ созданной его последней литературной ученицей Н. В. Кодрянской при непосредственном участии самого мэтра.

И вот в 1952 году Ремизов должен был дать Сосинскому рекомендацию, которая подтвердила бы его квалификацию как профессионального переводчика и как достойного человека, по заслугам занимающего соответствующую должность в секретариате ООН. Надо также помнить о том, что рекомендуемый был многолетним другом писателя, тем, кто в свое время неоднократно помогал коллеге в деле издания его произведений.

В связи с этим неслучайно, что в тот же день Ремизов подготовил следующее рекомендательное письмо:

⁹ В письме Сосинского приведены неточные цитаты из статьи: Виноградов В. В. Синтаксические воззрения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языкознания (К 120-летию со времени издания «Русской грамматики» А. Х. Востокова) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1951. Т. 10. Вып. 2. С. 117.

¹⁰ Сосинский В. Б. (Б. Б.). Письмо А. М. Ремизову. 18 июня 1952 г. Машинопись. Подпись — автограф. На бланке «Unated nations» // ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 4. Ед. хр. 239. Л. 1. Курсивом переданы фразы в цитатах, напечатанные вразрядку.

¹¹ Кодрянская Н. Сказки / Предисловие А. Ремизова. Париж, 1950.

«Бронислава СОСИНСКОГО знаю 25 лет.

В 1939-м году добровольцем угнали его на войну, попался в плен, пленником терпел до освобождения и только в 1944 мы снова встретились.

До войны Сосинский помогал мне в моих работах. Более образцового секретаря не умею кого назвать, а корплю я над буквой считай полвека: смётка, точность и дотошный, быстро и легко без проволочки, я не повторял, задавая урок, — разжёвка в делах последнее дело, и никогда не оборву: „не так“.

Чем я ему за его труд платил? Да моей работой: мое словесное — его страсть, стало быть, никакой и самой благородной валютой не покрывается.

Конечно, можно выпотрошиться зараз и за день перевернуться, а у меня на годы глаз — проверка: сколько поворотов!

О Сосинском я говорю: в моих глазах рыцарь — человек с открытым сердцем к человеку, к его породе и его вере.

Вот мой сказ и ответ.

Алексей Ремизов

18 июня 1952

Париж». ¹²

Как видим, ремизовский отзыв прежде всего содержал информацию о биографии Сосинского. В нем, в частности, было упомянуто о таком основополагающем в то время факте, как участие рекомендуемого лица в прошедшей войне на стороне победившей коалиции. В начале 1950-х годов это в значительной степени служило ключевым положением для утверждения о том, что данный человек достоин работать в ООН. Далее Ремизов характеризовал своего протеже со стороны профессиональных навыков, аттестовав его как высококвалифицированного литературного секретаря, способного не только понимать, но и улучшать тот исходный материал, с которым он имел дело. Наконец, писатель высоко оценил личностные качества Сосинского. В итоге Ремизов, используя редкую для себя документально-художественную форму, начисто избежав канцеляризма, к которому тяготел канон документов такого рода, и сохранив свой неповторимый стиль, создал оригинальное и в то же время классическое рекомендательное письмо, в котором присутствовали три базовые составляющие этого жанра: информативные сведения о биографии представляемого лица, а также характеристики его профессиональных и человеческих качеств.

Получив ремизовскую рекомендацию, Сосинский откликнулся на нее следующим благодарственным и одновременно шуточным письмом, присовокупив к нему копии ремизовского текста и его перевода на английский язык:

«Дорогой Алексей Михайлович,

Большое-большое спасибо за чудный отзыв обо мне, который всполюшил все наши отделы переводчиков: после месяца коллективной работы был создан точный перевод, который при сем прилагаю для Вашего юбилейного альбома. Обещаю, кроме того, сделать рисунок для того же альбома — скорее графическое воплощение моих идей о Ремизове.

Получили мы и книгу „Мелюзину“, ¹³ которая, по-моему, с типографской стороны вполне удалась. Получили и журнал на трех языках, который еще не усвоили (ни на одном из трех).

На днях уезжаем всем семейством в Итаку (Лисевна знает) и посмотрим на Ниагару — может, и в Торонто, если пустят; через три недели вернемся во Флоринг. При случае, перепису Вам на „Р“ ¹⁴ из литературной энциклопедии, — я тоже не читал.

¹² Ремизов А. М. <Рекомендация В. Б. Сосинскому для поступления на работу в секретариат ООН>. 18 июня 1952. Машинописная копия. Подпись Ремизова — автограф рукой В. Б. Сосинского // ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 753. Л. 1. На л. 2 — перевод рекомендации на английский язык. См. также машинописный экземпляр отзыва: Рекомендация А. М. Ремизова В. Б. Сосинскому для поступления на работу в секретариат ООН. 18 июня 1952 г. // РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1.

¹³ Ремизов А. Мелюзина. Брунцвиг. Париж, 1952.

¹⁴ Речь идет о словарной статье: Михайловский Б. Ремизов Алексей Михайлович // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1935. Т. 9. Стлб. 606–609.

Получили ли мои газеты?

Аука Вам напишет более вразумительно.

Любящий Вас Б<ронислав>». ¹⁵

Как видим, в случае с Сосинским Ремизов результативно задействовал свой авторитет «живого классика» русской литературы и сумел помочь другу и коллеге.

Их контакты и переписка продолжались вплоть до ухода из жизни «домового» с улицы Буало. После его кончины Сосинский принимал деятельное участие в оставшихся безуспешными многократных попытках Н. В. Резниковой, последнего литературного секретаря и помощницы Ремизова, добиться издания произведений писателя в СССР. В дальнейшем он продал хранившиеся у него наборные рукописи последних ремизовских неопубликованных крупных произведений в РГАЛИ.

После смерти самого Сосинского ряд эпистолярных и художественно-мемуарных текстов, связанных с именем Ремизова, остался в его архиве (в настоящее время одна часть материалов находится в РГАЛИ (Ф. 2505), а другая — у потомков литератора). Некоторые из них были опубликованы его сыновьями. К такого рода текстам относится, в частности, эссе «Домовой на рю Буало» (1981), ¹⁶ входящее в неизданный целиком сборник очерков и зарисовок мемуарного жанра «Конурка» (1972–1984).

Своеобразный финал истории об Организации объединенных наций, Ремизове и соискателе его рекомендации можно обнаружить в тексте романа Сосинского «ООН, Восток и Запад» (1971–1975). Рукопись этого произведения находится в частном архиве и до настоящего времени полностью так и не увидела свет. Отрывок из нее под названием «А. Я. Вышинский в ООН» ¹⁷ напечатан в подготовленной А. Б. и С. Б. Сосинскими книге избранных рассказов и публицистики их отца и сопровождается следующим комментарием составителей: «Роман „ООН, Восток и Запад“ писался в Москве с 1971 по 1975 г. и не предназначался для публикации в застойное советское время. Отрывок (составленный из нескольких глав книги первой части романа) печатается с небольшими сокращениями и редакционными исправлениями по машинописному тексту из архива В. Б.». ¹⁸

Насколько можно предположить по опубликованным частям, роман «ООН, Восток и Запад» представляет собой, по сути, беллетризованные воспоминания главного героя — Владимира Григорьевича Устирсына (alter ego Владимира Брониславовича Сосинского) о его впечатлениях и встречах в период работы в Секретариате ООН в качестве редактора стенографических отчетов и протоколов заседаний. Напечатанные отрывки и отдельные главки не позволяют судить о художественной структуре и содержании этого произведения в целом. К сожалению, недостаточно профессиональная подготовка издания избранных сочинений Сосинского особенно ярко проявилась в интересующей нас публикации, чье сухое название — «А. Я. Вышинский в ООН», вероятнее всего, дано не автором, а составителями. Как следует из приведенного выше комментария, этот текст смонтирован из отрывков нескольких глав романа, к тому же носит на себе черты «редакционных исправлений». Его отдельные составляющие разделены знаком «звездочка» и повествуют о встречах Устирсына с Андреем Януарьевичем Вышинским (1884–1954), советским государственным деятелем, юристом, дипломатом, с 1949 года — министром иностранных дел СССР, с 1953-го — первым заместителем министра и постоянным представителем СССР при ООН, яркой и во многом одиозной фигурой сталинского периода русской истории. ¹⁹

¹⁵ Сосинский В. Б. Письмо А. М. Ремизову. Машинопись. Подпись — автограф // ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 753. Л. 3. Здесь же, на л. 4 — Конверт. Дата по штемпелю: 24 июля 1952 года. Отправитель: «V. B. Sossinsky / UN Room 1516». Получатель: «Monsieur A. Remizov / 7, rue Boileau / Paris (16^e) / France».

¹⁶ Сосинский В. Домовой на рю Буало / Публ. и предисловие А. Сосинского // Родина. 1991. № 8. С. 83–86. Републ.: Сосинский В. Рассказы и публицистика. С. 147–156.

¹⁷ Сосинский В. А. Я. Вышинский в ООН. Отрывок из повести (sic!) «Организация Объединенных Наций» // Сосинский В. Рассказы и публицистика. С. 301–323.

¹⁸ Там же. С. 428.

¹⁹ Там же. С. 301–323.

Этот отрывок из романа состоит в основном из расположенных в хронологическом порядке сюжетных миниатюр-воспоминаний о реальных встречах Устирсына (Сосинского) с Вышинским. Данные части повествования написаны в легком, чуть ироничном «журналистском» стиле, который характерен для большинства опубликованных текстов Сосинского, относящихся к жанру мемуарной эссеистики.

Эти миниатюры являются «обрамляющей рамкой» для расположенного в центре рассматриваемого отрывка из романа развернутого автономного текста — фантазматического сна Устирсына о Вышинском. В контексте нашей темы данная вставная миниатюра представляет особый интерес, поскольку она создана с ориентацией на жанровые и стилевые особенности прозы Алексея Ремизова и, в частности, в подражание ремизовским текстам в жанре «сон».

Проводя сравнение между этой миниатюрой Сосинского и типологически родственными произведениями его старшего собрата по перу, надо учитывать, что источником ремизовских снов 1940–1950-х годов как художественных текстов всегда были *реальные* сновидения, регулярно фиксировавшиеся писателем непосредственно после ночного видения сна на страницах его «Дневника мыслей». ²⁰

Авторитетный сомнолог А. А. Налчаджян отмечал: «...интереснейшим, универсальным и характерным механизмом сновидной психической активности является *превращение большинства мыслей в зрительные образы*. Причем в этих образах очень трудно показать те части речи, которые выражают связи между мыслями (так как, поскольку, потому что, следовательно и т. п.). Вот почему в явном содержании сновидения представлены образы объектов (существительных) и действий (глаголов), а на связи между ними только в некоторой степени намечается. С этой целью используется, например, способ деления сновидения на несколько частей и другие приемы. <...> Явное содержание сновидения состоит из столькох частей или сцен, сколько основных тем и мыслей имеется в скрытом его содержании. Вот почему форма, структура сновидения тоже полна смысла и требует истолкования». ²¹

Сравнение зафиксированных в дневнике снов Ремизова и созданных на их основе художественных текстов показало, что при трансформации в структуре последних полностью сохранился тип сюжетной конструкции реальных сновидений, который представлял собой дискретный ряд автономных сюжетных мотивов, лишь скрыто ассоциативно соединенных друг с другом.

Главным различием между ремизовскими сновидческими записями и его художественными текстами в жанре сна было то, что в последних зачастую происходила замена имен реально увиденных ночью лиц на имена более известных читателю деятелей русской и мировой культуры или тех еще живущих знакомых автора, кто толерантно относился к своему появлению в его текстах. Прием подобной «номинативной трансформации» исходного документального источника стал применяться писателем после случаев обид некоторых еще здравствующих героев ремизовских реальных ночных видений на факт их включения в число персонажей опубликованных литературных снов. К примеру, об одном из подобных прецедентов вспоминала, не называя имени, З. А. Шаховская: «Кто-то из „известных“, сказав ему строго: „И помните, чтобы я не появлялся в смешном виде в ваших снах!“ — никогда в них действительно не появлялся, чем, впрочем, и не вошел для потомства в ремизовский эпос». ²²

Обратимся теперь к анализу входящего в роман «ООН, Восток и Запад» сна Устирсына. В системе метафорических образов, формирующих идейно-художественную структуру этой вставной миниатюры, базовым является образ стоежального нью-йоркского небоскреба Empire State Building. В тексте Сосинского он предстает как

²⁰ См.: Ремизов А. М. Дневник мыслей: 1943–1957 / Вступ. статья А. М. Грачевой; подг. текста, комм. А. М. Грачевой, О. А. Линдеберг, А. С. Урюпиной, Л. В. Хачатурян. СПб., 2013–2025. Т. 1–6.

²¹ Налчаджян А. А. Ночная жизнь: личность в своих сновидениях. СПб., 2004. С. 43.

²² Шаховская З. Отражения // Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 128.

метафора некоей трансцендентной пространственно-временной оси XX века. Каждый его этаж — это отдельный хронологический слой, от начала столетия до современности — 1950-х годов, и далее, до еще не наступившего будущего. Все эпизоды-звенья сна как бы нанизываются на единую рамочную основу — метасюжет о нахождении Устирсына и Вышинского внутри Empire State Building и их поездке в лифте, кабина которого совершает бесконечный спуск сверху вниз — от современности к прошлому, и далее, через пространственный скачок, — к будущему. Автор-повествователь отмечает: «Опускаясь в лифте — во сне редко торжествует логика и порядок, — Устирсын на эмалированной табличке просчитал по меньшей мере 100 этажей: это что же — тюремная больница Мертвого дома с семью повешенными помещалась на сотом этаже Empire State Building? Чепуха какая-то! Как и все дальнейшее в этом мучительном сне».²³

Первое сюжетное звено повествования — рассказ о самом верхнем этаже небоскреба (современности), где расположена некая фантазмагорическая тюремная больница, пациентами которой являются полномочные представители разных стран в ООН. В ней оказываются и Вышинский, и его Вергилий — Устирсын.

Подобно Ремизову, Сосинский наделяет персонажей своего сна именами реальных людей. Так, в первом микросюжете о посещении больницы автор называет подлинные фамилии тех людей, о ком уже упоминалось ранее, в «реалистических» эпизодах романа; с кем встречался или с кем конфликтовал Вышинский. Не имея перед собой полного текста Сосинского, можно только предполагать, что последовательность отрывков, составивших текст «А. Я. Вышинский в ООН», соответствует их расположению в произведении. Тогда логично, что читатель сна уже подробно осведомлен об инцидентах, ранее происходивших с дипломатами — пациентами больницы, случаях, о которых лишь упоминается в тексте сна. Отображая это медицинское учреждение, Сосинский отсылает читателя к образу тюремной больницы из «Записок из Мертвого дома» Достоевского. У последнего образ Мертвого дома имеет значение символа противоречивого реального мира, который находится за пределами тюрьмы. У Сосинского его фантазмагорическая тюремная больница, как и Мертвый дом Достоевского, — это тоже образ-метафора современного мира. Его обитатели наконец-то собрались вместе и создали ООН, чтобы установить гармонию права и закона в отношениях между странами и чтобы преодолеть последствия только что пережитой Второй мировой войны. Но в контексте системы образов-метафор сна очевидно, что ООН оказалась лишь общей тюремной больницей, наполненной пациентами-арестантами, принудительно соединенными вместе и бесконечно ссорящимися друг с другом. Расположение этого учреждения на верхнем этаже Empire State Building символизирует современное состояние человеческого сообщества, по-прежнему раздираемого постоянными конфликтами. Мотив всеобщего отчуждения и осуждения приобретает экзистенциальный смысл. Два посетителя больницы (Устирсын и его спутник — Вышинский) уподобляются автором двум персонажам «Божественной комедии», спускающимся по кругам Inferno. Герои садятся в лифт, и далее начинается их бесконечный путь вниз, к недавним временам текущего XX века.

Второй эпизод сна Сосинского происходит на 50-м этаже. В середине 100-этажного небоскреба в кабине лифта оказывается блоковая Незнакомка. Писатель включил в текст обширную цитату из стихотворения поэта. В контексте образов-символов сновидения Незнакомка — это воплощение той мировой гармонии, о которой мечтают, но которая лишь на мгновения является в реальности.

Далее следует эпизод, состоящий из диалога двух главных героев. В нем содержится прямое указание Сосинского на того писателя, поэтике которого он подражает в своей миниатюре. Продолжающий спускаться в фантастическом лифте Вышинский спрашивает у своего спутника:

²³ Сосинский В. А. Я. Вышинский в ООН. Отрывок из повести «Организация Объединенных Наций». С. 317.

«— Товарищ Устирсын! Откуда у вас такая странная фамилия? За всю мою долготлетнюю практику прокурора я не упомяну ни одного подсудимого с такой фамилией. Вы уроженец какой губернии?

— Это весьма просто, Андрей Януарьевич, — проще, чем вы думаете. Сейчас вам скажу. По-русски в XVIII столетии устрицы назывались *устирсы*. Таким образом, если расшифровать мою фамилию, я — сын устирсы, Устирсын. Сын амебы — что ли? Изыскание это принадлежит Алексею Ремизову. Он же в свое время указал мне на очень крепко скроенный эпитаф к одному из романов Вальтера Скотта, взятый им из манускрипта XV века:²⁴ „Я мир, как устрицу, мечом своим открою“...».²⁵

В следующем эпизоде сна в кабину входят мужчины в одежде заключенных.

«— Кто эти двое? — спросил Устирсын Вышинского. <...>

— Вы этих мерзавцев не узнаете? Да ведь это же Бухарин и Радек. Насчет троцкиста Радека не скажу, но Бухарин должен был быть давно расстрелян — не понимаю, как они могли оказаться здесь!.. Ой, помогите мне, товарищ Устирсын, мне очень плохо <...> Я ведь, наконец, понял, — и вам первому это говорю — в чем была ошибка всей моей жизни. <...> я пытался теоретически доказать справедливость возведения беззакония в закон!»²⁶

После появления в лифте двух жертв политических процессов 1930-х годов, на которых Вышинский выступал в роли государственного обвинителя, бывший прокурор начинает уменьшаться в размерах. И в этот момент Незнакомка исчезает из лифта. Подобным художественным жестом Сосинский показывает, что в современности нет места чаемой гармонии.

Финал сна Устирсына — это трансформация и полное исчезновение некогда всемогущего прокурора: «Тело Вышинского с безжизненно повисшими ногами, которое Устирсын <...> крепко держал в руках, медленно, на его глазах уменьшалось, *как бы таяло*. <...> Что-то стекало на пол, покрывая красной краской двух копошившихся на полу полосатых зков. Те отряхивались от этой жидкости, как собаки под струей воды... Руки Устирсына явно пустели и, наконец, они вовсе опустели. Лишь на одной ладони белела какая-то пилуля, которая тоже расплывалась и таяла. А на полу вместо Бухарина и Радека белели две такие же пилули...

— Господа! — закричал Устирсын, огорошенный выскакивая из лифта, — Вышинский отравлен! <...> Это все так невероятно, так загадочно! Может, это убийство министра Советского Союза. На помощь! Полицию!»²⁷

Возможно, литературные истоки концовки сна Устирсына — таяние-смерть темного деятеля сталинской эпохи — восходят к популярному клише американской массовой культуры — аналогичной смерти от воды Злой Ведьмы Запада из детской книги Л. Френка Баума «Удивительный Волшебник из страны Оз» (1900). Примечательно, что в тексте сна не указано, на каком этаже (в каком году) происходит исчезновение Вышинского, в фантазмагорических трансформациях слившегося со своими жертвами, и совершается выход героя-визионера из фантазийного лифта, продолжающего двигаться по шкале времени/пространства. Это — будущее. При этом в метафорической системе образов сна не имело значения то, что автору известна дата реальной смерти Вышинского — 1954 год. Для него была важна не смерть конкретного персонажа, а будущая победа над той силой зла, чьим воплощением был его антигерой.

Сновидение Устирсына — это отражение в образах-метафорах реального опыта работы Сосинского в ООН, когда писатель воочию наблюдал, как единение победивших сминилось их новым противостоянием и наступлением холодной войны. В основе идейной концепции его сна лежала мысль о невозможности достижения в современ-

²⁴ Мистификация Сосинского. На самом деле в текст включена цитата из комедии В. Шекспира «Виндзорские насмешницы».

²⁵ Сосинский В. А. Я. Вышинский в ООН. Отрывок из повести «Организация Объединенных Наций». С. 317–318.

²⁶ Там же. С. 318.

²⁷ Там же. С. 316–319.

ности мировой гармонии, надежда на которую мелькнула после победы 1945 года, что во сне нашло отражение в символическом образе блоковской Незнакомки. Образ Вышинского имел ясно прочитываемый аллегорический подтекст. Этот персонаж сна был как бы воплощением того тоталитарного государства, которое он в реальности представлял в ООН. На примере фигуры Вышинского автор показывал, что такой человек с прошлым активного организатора политических репрессий, доказывавшего «справедливость возведения беззакония в закон», и то тоталитарное государство, которое было персонифицировано в этом антигерое, не могут быть составляющими того мира, в котором пребывает Незнакомка (мировая гармония). Финал сна скрывал в себе надежду на неизбежность победы над злом. Таким образом, общая семантическая направленность произведения имела четко выраженный политически ангажированный, присущий жанру *roman à thèse* характер.

Анализ сна Устирсына показал, что при создании своего текста Сосинский ориентировался на традиции русской литературы XIX века, продолжал сно-творческую линию И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Литературные сны этих писателей были результатом их творческой фантазии. Как правило, они имели последовательно развивающийся сюжет, соответствующий фабуле произведения. Чаще всего подобные тексты выполняли *дидактическую* задачу изложить философские размышления или социально-политическое *credo* автора, которые скрывались за легко дешифруемыми аллегорическими образами.

В сне Устирсына Сосинский попытался соединить присущие дидактическому сну последовательный сюжет и идейную заданность с использованием поэтики жанра литературного сна Ремизова. На первый взгляд, он использовал ремизовский прием построения целостной художественной структуры произведения из ряда автономных сюжетных мотивов.

Однако в ремизовской сно-форме ключевую роль играло сознание автора-повествователя, которым объединялись иногда совершенно разноплановые эпизоды сна. Писатель создавал свой художественный текст на основе записанного им ранее сюжета *реального* сна и принципиально не пытался как-то упорядочить абсурдную логику источника, которая была основана на череде документально зафиксированных ночных образов, рожденных авторским подсознанием.

У Сосинского же все эпизоды литературного сна, при их внешней алогичности, в итоге выстроены в единый *фабульный сюжет*, имеющий дидактическую направленность, которая нарочито подчеркнута в финале исчезновением-смертью Вышинского. Таким образом, в отличие от старшего собрата по перу, писатель лишь *имитировал* абсурдность своего текста и дискретность составляющих его эпизодов.

Вспоминая о Ремизове, Сосинский неоднократно подчеркивал главное качество его творчества: «Авангардное искусство нашего века — проза, живопись, музыка, танец — принял Ремизова как своего, как желанного и любимого соратника. <...> Искусство Алексея Ремизова — одно из самых передовых нашего века, самое авангардное».²⁸ Надо отметить, что сам Сосинский не был мастером авангарда и создавал свои произведения в традициях русского реализма XX века, лишь аккумулировавшего в себе отдельные новации модернизма. Однако когда он писал роман «ООН, Восток и Запад», то давняя память о полученной некогда рекомендации парадоксальным образом отзывалась в тексте произведения появлением оригинальной вставной миниатюры — сна, в котором неявно отразились черты поэтики Алексея Ремизова и прозвучало его имя.

²⁸ Цит. по: Сосинский В. Домовой на рю Буало // Сосинский В. Рассказы и публицистика. С. 154–155.

**«НЕПОНЯТЕН-ПОНЯТЕН, НЕВНЯТЕН, ЗАПУТАН, ЛЕГОК...»:
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ И КУРЬЕЗЫ
В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» (1926)**

Роман «Москва» — последний художественный замысел Андрея Белого, синтезирующий как его духовные откровения, так и поиски в области формы. В 1926 году издательство «Круг» выпустило первый том — в двух частях, получивших самостоятельные заглавия: «Московский чудак» и «Москва под ударом».¹ Затем издательство «Никитинские субботники» дважды (в 1927-м и в 1928 году) его перепечатало.² Вторым том «Москвы» (роман «Маски») вышел в 1932 году в ГИХЛе.³

В рамках данной статьи будет рассматриваться только первый том «Москвы», его первое, авторизованное издание 1926 года.

Сопоставляя «Москву» с самым прославленным своим романом, с «Петербургом», Белый в письме к Иванову-Разумнику от 27 сентября 1925 года пояснял: «Вы спрашиваете меня, ну — как „Москва“; доволен ли я ею? Скажу — „доволен“, ибо, по-моему, написал то, что хотел написать <...>. Почему-то „Москва“ мне ближе. Я, независимо от того, удалась она или нет, — „люблю“ ее; вероятно потому, что ее никто не полюбит; она — или *уже* не современна, или *еще* не современна; во всяком случае кричаще, до неприличия, до скандала расходится в стиле, в трактовке образов, в проведении тем с тем, что пишется и печатается теперь...».⁴

Белый, по обыкновению, напророчил. Роман подвергался критике, прежде всего из-за насыщенности неологизмами, окказионализмами, архаической, диалектной и прочей малоупотребимой лексикой,⁵ восходящей, как правило, к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля,⁶ а также из-за специфического синтаксиса (ритмизированная проза, непривычная разбивка на строки — почти лесенкой).

После смерти Белого о переиздании «Москвы» и речи не шло, но и постсоветская судьба романа оказалась весьма печальной. Если «характеризовать разницу между „Москвой“ и „Петербургом“»⁷ в плане эдиционном, то сравнение будет не в пользу

¹ Белый А. 1) Московский чудак. Первая часть романа «Москва». М., 1926; 2) Москва под ударом. Вторая часть романа «Москва». М., 1926. Чуть раньше, в 1925 году две первые главы первого тома издатель опубликовал в альманахе «Круг»: Белый А. 1) Москва. Часть I. Глава первая // Альманах «Круг». М.; Л., 1925. Кн. 4. С. 19–73; 2) Москва. Часть I. Глава вторая // Там же. Кн. 5. С. 27–91. Для книжного издания они потом были сокращены.

² Белый А. 1) Московский чудак. Первая часть романа «Москва». М., 1927; 2) Москва под ударом. Вторая часть романа «Москва». М., 1927; 3) Москва. Часть первая. М., 1928; 4) Москва. Часть вторая. М., 1928. Никакие изменения в текст не вносились. Однако в издании 1928 года были изменены заглавия, что может считаться последней авторской волей (впоследствии никем не выполненной). См. об этом: Спивак М. Л. Роман Андрея Белого «Москва» (1926): между авторским замыслом и издательской практикой // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 2. С. 154–175.

³ Белый А. Маски. М.; Л., 1932.

⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 332.

⁵ Показательна в этом плане реакция И. А. Бунина: «„Москва под ударом“ Белого: / — За сквером просером пылел тротуар... / — Там алашали... / — Пхамкал и пхымкал... / — Протух в мерзи... / — Рукач и глупач... / И так написана вся книга. / — — — — / Да, не оглядываясь назад — превратись в соляной столп! Не засматривайся в прошлое!» (Бунин И. А. Дневники 1885–1953 гг. / Предисловие, подг. текста и прим. Т. М. Двинягиной, О. А. Коростелева, С. Н. Морозова // Лит. наследство. 2022. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 Кн. Кн. 2. С. 327 (запись за 12 августа 1941 года).

⁶ См.: Кожевникова Н. А. 1) Язык Андрея Белого. М., 1992; 2) Роман А. Белого «Москва» и Словарь В. И. Даля // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 14–39.

⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 332.

«Москвы». «Петербург» дважды выпускался в серии «Литературные памятники».⁸ У «Москвы» же за сто лет не было не только издания уровня «Петербурга», но и вообще ни одного издания, претендующего на научное.

Разошедшееся тиражом 300 тысяч экземпляров издание «Москвы» в «Советской России» (1989; публикация С. И. Тиминой) — механическая перепечатка прижизненных изданий 1926 и 1932 годов с сохранением всех их многочисленных ошибок и опечаток и — как всегда бывает в таких случаях — с добавлением множества новых ошибок и опечаток.⁹ Перепечатками являются и издания, подготовленные в «Приокском книжном издательстве» Н. И. Осьмаковой (Тула, 1989) и в «Художественной литературе» С. И. и В. М. Пискуновыми (М., 1990; только «Москва под ударом»), хотя они перепечатаны более тщательно, чем издание С. И. Тиминой, и снабжены хоть и кратким, но комментарием.¹⁰

Безусловно, издание «Круга» 1926 года по многим критериям должно претендовать на роль «основного текста»: и потому что прижизненное, и потому что Белым просмотренное, правленное на всех этапах предпечатной подготовки. Однако оно оказалось весьма далеким от идеального. Печатание такого сложного произведения требовало высокого уровня эдиции, которому практика 1920-х годов не отвечала. Сегодня его некритическое воспроизведение, мягко говоря, малопродуктивно: книга не была внимательно вычитана, и в нее попало большое число весьма существенных ошибок и «странностей», делающих текст непонятным, порой курьезным, а порой и просто бессмысленным.

Вина за эти огрехи во многом лежит на сотрудниках издательства «Круг», но в большинстве «невнятиц» (любимое слово Белого) и бессмыслиц виновен все же сам писатель. Здесь, однако, надо учитывать те обстоятельства, при которых роман создавался и готовился к печати.¹¹

Белый, стесненный взятыми на себя перед издательством обязательствами, работал в дикой спешке, на пределе своих сил, в том числе и физических. Начал он писать «Москву» в октябре 1924 года, закончил уже в сентябре 1925 года. При этом рукопись сдавалась в «Круг» частями — по главам, а под конец и кусками глав. Одновременно со сдачей рукописи шло ремингтонирование текста — тоже частями. И так же, частями, делался набор. Белый был вовлечен во все стадии издательского процесса — смотрел и правил машинопись, смотрел и правил корректурные листы. Но в этом хаосе одновременно нахлынувших срочных дел приоритет отдавался, естественно, написанию романа, его завершению, «отработке» художественной формы, а не вычитке.¹² К тому

⁸ *Белый А. Петербург* / Изд. подг. Л. К. Долгополов; прим. С. С. Гречишкина, Л. К. Долгополова, А. В. Лаврова. Л., 1981 (сер. «Литературные памятники»); 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004.

⁹ *Белый А. Москва: Москва под ударом. Московский чудак. Маски* / Публ. С. И. Тиминой. М.: Советская Россия, 1989. В этом издании можно, к примеру, прочитать, что по Москве «шел кривоногий **самец**; и за ним — вуалеточка черная» (здесь и далее выделение текста полужирным шрифтом мое. — М. С.). Но только не «самец» это был (слово совсем не из лексикона символистов), а «**сумец**», гусар Сумского гусарского (легкоконного) полка, одного из старейших и самых прославленных формирований Российской армии. Конверты, в которых отсылались «признания в любви, обещающие свидания, воспоминания о ласках», описаны как «**темно-лиловые**», хотя они — «**томно-лиловые**». И совсем шокирует внешность В. Я. Брюсова: «Уже всех пересек **заостренной бородавкою** Брюсов; и — замер один у стола, постаментом фигуры явив монумент своей собственной жизни: автобиографию». Белый, конечно, Брюсова недолюбливал и иронизировал над его попой величия, но все же в откровенной клевете замечен не был. В романе дается узнаваемый портрет, хорошо известный по иконографии Брюсова — с «**заостренной бородавкою**», а вовсе не с бородавкой (Там же. С. 92, 135, 207).

¹⁰ *Белый А.* 1) Петербург. Москва: В 2 т. / Подг. текста и прим. к «Москве» Н. И. Осьмаковой. Тула, 1989; 2) Москва под ударом / Подг. текста и прим. С. И. Пискуновой и В. М. Пискунова // Белый А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 444–622.

¹¹ См.: *Спивак М. Л.* Издательская история романа Андрея Белого «Москва» и литературная «кухня» 1920-х годов // Русская литература. 2025. № 2. С. 44–95.

¹² См., например, описание хода работ в сентябрьском письме 1925 года Белого к Д. К. Богомилскому, отвечавшему в «Круге» за производственный процесс: «Дорогой и глубокоуважаемый

же, как известно, авторы вообще плохо вычитывают свои творения, и Белый здесь не стал исключением.

Скорее всего, невероятно трудна, даже, может быть, непосильна была работа с текстом Белого и для редакторов «Круга».

Обвинять автора и редакторов книги, вышедшей сто лет назад, в том, что они чего-то недосмотрели, — дело неблагодарное и неблагодарное. Однако нельзя не констатировать, что недосмотр был, и потому текст издания 1926 года нуждается в проверке на соответствие авторскому замыслу, в своего рода верификации. Вместо этого он механически тиражируется (как названными выше изданиями, так и последующими — в них даже перестали указывать имена публикаторов¹³).

Эта статья посвящена критическому анализу первого издания «Москвы», ранее никем не производившемся. Имеется в виду «критика текста» романа в том «узком смысле», в котором ее понимал Б. В. Томашевский: «Реальные результаты критики текста — устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно».¹⁴

«Установление ошибок» производилось путем сопоставления печатного текста с автографом (РГАЛИ), сохранившимися главами авторизованной машинописи и многими уцелевшими корректурными листами (ОР ИМЛИ РАН).¹⁵ Немалую роль в этом процессе играл и простой здравый смысл: некоторые пассажи в книге вызывают непосредственное читательское недоумение.

Конечно, далеко не все, что вызывает в прозе Белого недоумение, может быть однозначно квалифицировано как ошибка и, к сожалению, не любая, даже документированная ошибка этого писателя может быть легко исправлена.¹⁶ Тем не менее выявление комплекса проблемных точек представляется задачей, имеющей практическое значение и для читателей романа, и для его исследователей. Это своего рода предупреждение об опасностях, грозящих при работе с текстом, указание на те места, где авторский замысел затемнен или искажен.

Спектр обнаруженных в романе погрешностей широк и соответствует всему тому хрестоматийному набору, который очерчен в работах классиков отечественной текстологии.¹⁷ В рамках статьи будут рассмотрены лишь некоторые, на наш взгляд, показательные, типичные примеры ошибок. Они часто маскируются под подлинное слово автора и потому, по остроумному определению А. Л. Гришунина, «обладают повышенным качеством коварства».¹⁸

Давид Кириллович, / Я передаю в „Круг“ отработанные для печати (отдельной книгой) первую (51 страница) и третью (123 страницы) главы романа „Москва“. Вторая глава находится в „Круге“ в гранках, за которыми я еду. Четвертая (и последняя) глава первого тома „Москвы“ находится в следующем положении: страниц 60 — в ремингтоне, а 30–40 страниц еще в отработке <...>; и так гоню работу: просиживаю ночи без сна; ведь за лето я отработал уже более 150 страниц трудной для меня художественной формы <...>. Когда мне сдать 4-ую главу? Когда вся она отработается, или — по половинкам (т. е. около 60 страниц; и — 40 страниц); первую половинку сдам, как только получу из ремингтона; а вторую, как только допишу (не позднее 2–3 недель)» (А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого к Д. К. Богомильскому / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 340).

¹³ См. позднейшие перепечатки: М.: Терра, 2004 (Собр. соч. Андрея Белого. Т. 3–4); М.: Вече, 2020; М.: АСТ, 2022.

¹⁴ Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. М., 1959. С. 162.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 32; ОР ИМЛИ РАН. Ф. 11. Оп. 1. № 44 (машинопись первой части — «Московский чудак»), 47 (машинопись второй части — «Москва под ударом»), 45, 46, 49 (корректурные листы, оттиски первой и второй глав первой части).

¹⁶ Так, вряд ли подлежат восстановлению сокращения, кажущиеся нам неоправданными, и вряд ли допустимы исправления, сбивающие ритм фразы — ведь роман написан ритмизированной прозой.

¹⁷ Томашевский Б. В. Писатель и книга; Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964; Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии // Редактор и книга. Сб. статей. М., 1962. Вып. 3. С. 41–98.

¹⁸ Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 101.

Самая значительная группа ошибок — результат редакторского невмешательства в текст, следствие невнимательной вычитки: опечатки, встречающиеся на всех стадиях издательского процесса, случайные «ляпы» автографа, попавшие в печать, и т. п. Очень условно назовем их ошибками редакторскими (1). Строго говоря, вообще все ошибки должны быть признаны результатом поспешной и невнимательной редактуры. Однако для удобства изложения кажется возможным также выделить в разные группы (или подгруппы) ошибки пишущей машинки (2) и ошибки авторской правки (3).

1. «Кто его разберет?»: редактура «Круга»

Редактура романа сотрудниками издательства «Круг» была, можно сказать, ненавязчивой. Редактор минимально вмешивался в текст Белого,¹⁹ что можно объяснить деликатностью, уважением к авторской воле, но также и тем, что он просто не справился с языком романа и решил оставить все написанное под персональную ответственность автора, сформулировав свою собственную позицию словами из «Москвы под ударом»: «кто его разберет?»²⁰

Так, на вечере в Обществе свободной эстетики поэт-декадент Июличев «стал с улыбкою в каменной позе, оправивши **дымчато-голубованные** волосы с просизью».²¹ «Дымчато-голубованные» можно было бы воспринять как изысканный неологизм, но, как говорится в автографе несколькими абзацами ниже, тот же персонаж уходит из залы, «оправивши **дымчато-голубоватые** волосы».²² Видимо, спросить у Белого, какой цвет имелся в виду, редакторы не решились, а потому поэт-декадент стал носителем волос не просто необычного цвета, а уж совсем небывалого...

Но в романе действительно много «небывалых», редких, незнакомых читателю (да и редактору) слов, словоформ и словообразований, а потому не бросаются в глаза ошибки в их написании, если, конечно, не присматриваться и не задаваться вопросами.

«Трах, — **бутеженило** стуло...» (МЧ-1926, с. 205) — так выглядит в издании 1926 года начало ссоры профессора Коробкина с женой. А так описывается времяпрепровождение загадочной Лизаши, дочери злодея Мандро: «Весь день пробродила Лизаша походкой своей лунатической; и — **разжемалась**; с киськой играла <...>; меж всеми предметами комнат твердела кремнистая ночь...».²³

Оба слова — «бутеженило» и «разжемалась» — вошли в «Словарь неологизмов из романа А. Белого „Москва“, составленный Яной Кандовой.²⁴ Последнее слово в тульском издании 1989 года даже попытались прокомментировать: «Разжемалась — слово отсутствует в словарях; вероятно, свертывалась в жемок — комок, клубок».²⁵ Отсутствует это слово в словарях просто потому, что напечатано с ошибкой. Согласно автографу, Лизаша не «разжемалась», а всего лишь «разжеманилась», что не требует пояснений. То же относится и к действию, которое производило в гостиной Коробкиных «стуло»: оно не «бутеженило», а «бутетенило». Казалось бы, не велика разница, но

¹⁹ Не вполне понятен механизм подготовки (вычитки) книг в издательстве «Круг». Возможно, это делал один человек, а возможно, несколько; возможно, над книгой работал не редактор, а корректор или корректоры. Редактор в данном случае — условное наименование.

²⁰ *Белый А.* Москва под ударом. М.: Круг, 1926. С. 179. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: МПУ-1926, с указанием номера страницы.

²¹ *Белый А.* Московский чудак. М.: Круг, 1926. С. 185. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: МЧ-1926, с указанием номера страницы.

²² Этот фрагмент в окончательный текст романа не вошел.

²³ МЧ-1926. С. 238.

²⁴ Словарь не профессиональный, а любительский; его составила бакинская славистка, писательница Яна Кандова (Ярулина; 1978–2009), и рассматривать его следует скорее как предварительный опыт такого словаря. См.: <https://newlit.ru/~kandova/5219.html>; дата обращения: 30.04.2026.

²⁵ *Белый А.* Петербург. Москва. Т. 1. С. 731.

она есть. Слово «бутеженить» — не неологизм, а бессмыслица. А «бутетенить» — тоже не неологизм, но имеет смысл: его Белый мог взять из Словаря Даля, где оно синонимично «бубетенить» («трезвонить; бить, колотить, сечь»). И еще — из «Псовой охоты» (1846) Н. А. Некрасова: «Мы-ста тебя взбутетением дубьем, / Вместе с горластым твоим холуем!»²⁶

Подобных искажений Белый стремился не допускать. Так, он опасался, что в процессе издательской правки изменят найденное им определение тумана в предложении, открывающем вторую главу: «Так октябрь пробежал в ноябри, чтоб туман — ледяной, **морковатый**, ноябрьский — стоял по утрам; и простуда повесилась: мор горловой» (МЧ-1926, с. 71).

В этой связи в «Замечаниях корректорам» он специально подчеркивал: «„**морковатый**“, а не „**мокрватый**“ (от слова «морок», а не от слова «мокрота»)». ²⁷ В случаях же с бренчащим стулом и поведением Лизаши недоглядел, как недоглядели и редактор с корректором.

Однако не всегда проблема связана с раритетной лексикой. Эффект нелепицы могут производить и самые простые, общеупотребительные слова, достаточно и в них не заметить лишней, пропущенной или неверно вставленной буквы.

Вот Мандро приглашает на ужин Митю Коробкина, влюбленного в его дочь, и старается напоить юного гостя:

«...Тянулся к серебряному холодильнику он: за бутылкой вина; и Митюше фужер наливал — до краев: золотистой струею.

Тянулся с фужером <...>:

— Так чокнемся?

Он развивал откровенность».

А затем в книге происходит странное: «Они **чмокнулись**» (МЧ-1926, с. 126).

Да, Мандро действительно планировал сблизиться с Митей, используя дочь как приманку, чтобы выведывать у него подробности жизни отца-математика, но все же не до такой степени сблизиться, чтобы закреплять близость поцелуем. Не на брудершafft же пил отец Лизаши с ее сверстником-гимназистом! Но в замысле Белого ничего подобного и не было. После призыва Мандро к Мите чокнуться — «они **чокнулись**», вполне невинно, теми фужерами, что держали в руках, а вовсе не «чмокнулись».

Аналогичное недоумение вызывает в книге и сцена в поезде, когда переодетый старцем Мандро ловит Коробкина на станции Хмарь, пытается втереться в доверие и напроситься на ночлег, чтобы в доме силой выведать тайну математического открытия. Вместе палач и его будущая жертва едут в Москву в вагоне третьего класса, переполненном людьми, грязном и кишашим блохами: «Они сели кой-как; и друг с другом потискались» (МПУ-1926, с. 200).

Если следовать автографу, то они потискались не «друг с другом», а «друг о друга», т. е. потерялись, почесались из-за атакующих блох...

«Они сели кой-как; и друг о друга потискались:

— Блохи!

Профессор вдруг стал почесулей...».

Подобные, на первый взгляд, микроскопические ошибки (на уровне буквы, слога, предлога) в своей совокупности приводят к серьезным семантическим сдвигам, добавляют в роман — и без того экспериментальный — дополнительный, не запланированный автором слой абсурдизма.

Так, например, описана в книге борьба профессора Коробкина с летающими насекомыми: он «бурно возливать выказывал у подоконников: **хлопотуном озабоченных мух защемляя** и бегая пальцами за длинноногой караморой» (МПУ-1926, с. 98). У мух, как мы видим, действительно была серьезная причина озаботиться спасением собственных жизней, но Белый-романист все же до погружения в психологию мухи не

²⁶ Благодарю А. Л. Соболева за указание на эту цитату.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1607. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 8.

дошел, а ограничился лишь внутренним миром главного героя. В автографе «хлопотуном озабоченным» возится, «защемляя мух», профессор Коробкин.

Аналогичных примеров множество.

Так, рассказывается о слухах, которые циркулируют по Москве: будто бы в одном из домов «китайский князь, двадцать пять лет подавившийся костью, является здесь по ночам: подавиться...» (МЧ-1926, с. 48). Когда с князем случилось это несчастье? В двадцать пять лет или двадцать пять лет назад? Верно второе, но слово «назад» пропущено, временные связи нарушаются.

Его наследница «китайская княжна» становится во главе русского отделения Армии спасения и пытается вернуть к праведной жизни карлика Яшу, пьяницу и сифилитика. Про их отношения недоброжелательно «гутурили сплетницы» и на улице распевали стишки:

«На улице нашей
Живет карлик Яша.
Гуляет с одною
Китайской княжною.
Ей под-нос не курит
Да с нею амурит» (МЧ-1926, с. 216).

Вроде бы требовать логики и связности от такого рода стишков не следует. Но все же неясно, почему погрязший в пороках, совсем опустившийся карлик Яша бережет мужеподобную, грозную княжну от табачного дыма. А он и не бережет. Согласно Белому, он ведет себя прямо противоположно тому, как напечатано в книге. Последние строки должны звучать так:

«Ей под-нос **накурит**
Да с нею амурит».

Также весьма странным кажется поведение мерзкого мещанина, «проживателя» Грибикова, когда Мандро приходит к нему узнать про то, как живет карлик Яша: «И с пожесклым лицом Эдуард Эдуардович шел в эту дверь; затворил ее; Грибиков заколтыхался к столу; и двуглазку надевши на нос, продолжал себе что-то **подшоптывать**, тихо мурлыча, как будто его не касается вовсе прибытие Мандро...» (МПУ-1926, с. 9).

Здесь не вполне понятно, зачем надевать на нос очки («двуглазку»), чтобы продолжать «что-то подшоптывать», и как можно «что-то подшоптывать», одновременно «тихо мурча». Если следовать тексту Белого, то вопросов не возникнет. Грибиков не шептал себе что-то под нос, а чинил свою ветхую одежду: «продолжал себе что-то **подшоптывать**», для этого и очки надел. Кстати, это занятие Грибикова Белый подает в романе как его характерологическую черту, константу образа: «...в подтяжках, в кофейного цвета испатанных старых штанах и в расшлепанных туфлях; подсчитывал он и **подшоптывал** днями» (МЧ-1926, с. 10); «Ему уж лет двадцать как нечего делать: **подшоптывать**, или ведро выносить, да процент проживать надоело...» (МЧ-1926, с. 216).

Аналогичным образом незамеченная мелкая ошибка превращает сцену общения самодовольного профессора Задопьятова с учениками, и так данную иронически, в сцену абсурдистско-комическую: «Задопьятова перехватили студенты; и он гарцевал головой, **на которой** опухшие пальцы, зажавши пенснэ, рисовали весьма увлекательную параболу...» (МЧ-1926, с. 65).

Белый хотел показать пафосную жестикуляцию героя: Задопьятов потряхивал «головой, **над которой**» рисовал пальцами «параболу в воздухе; и на параболе этой пытался он взвить Ганимеда-студента, как вещей Зевесов орел». А вышло, что он чесал голову на глазах у студентов...

Еще более забавно выглядит сцена прихода карлика Яши в дом Мандро. Точнее, в самой сцене ничего забавного нет, она весьма драматична: карлик хочет разоблачить

Мандро в глазах Лизаши, а Мандро хочет объяснить дочери, что этому не надо верить. Но вот говорят они с Лизашей совершенно одинаковыми голосами, простуженными:

«Карлик молчал и сопатил.

— Я — знаю, я — знаю, — возился Мандро, оступаясь **простуженным голосом**, руки себе потирая и поэю всей декламируя: — Э... Ничего... После я объясню: прекурьюзно, — не правда ли?

Карлик надул свисловатые щеки; и высипнул пискло: **простуженным голосом**:

— Очень жалею вас, барышня, я... При таких обстоятельствах встретились. Но — ничего не поделаешь... Бог вам послал... <...> Не отца, а — обманщика» (МПУ-1926, с. 145).

Как такое может быть? Оба одновременно простыли, у обоих болит горло? Это ошибка, описка, недоработка Белого, повтор в автографе. Но редактор не обратил на эту странность внимания, и теперь уже не узнать, кто из героев был болен. Хотя, как кажется, «высипнуть пискло», как карлик, «простуженным голосом» гораздо естественнее, чем, как Мандро, «оступиться простуженным голосом».

Ошибки, ведущие к искажению смысла, а порой и к насмешке над смыслом, затрагивают самые ключевые сцены романа, затемняют и размывают духовное послание автора.

Смутные, неоформленные мечты Лизаши о том, чтобы вырваться из мрачного настоящего в лучший мир, в «царство свободы», описаны в книге следующим образом: «...сознанием вывернуться из мандровской квартиры умела <...>; Москва — склад тюков, свалень грузов; и — кто их протащит? Да время. Не вытащит ли оно всех их — в „туда“; и не бегают ли она в мыслях в далекое время, когда разорвется и „м“, чтобы сплавиться в „Мы“?» (МЧ-1926, с. 230).

Преобразование «м» в «Мы» похоже если не на мычание, то на какое-то бессмысленное артикуляционное упражнение. И это не случайно, потому что, если следовать автографу, никакого «м» в грезах Лизаши нет, а есть «я», то самосознающее «я», исследование которого Белый занимался с эпохи символизма и которому посвятил свои основные работы антропософского периода: Лизаша мечтает о том времени, «когда разорвется и „я“, чтобы сплавиться в „Мы“». А если так, то Белый не жонглирует буквами и звуками, а наделяет героиню собственными чаяниями грядущей утопии: «...наше „я“, или самость <...> — в „мы“, в „коллективе“, в духовной „Коммуне“, которой единство — Христос, или „Я“ собственно; прежде чем „Я“ не почувствует своей связи с „мы“, с многими, „Я“ не есть „Я“: „Я“ — безыстинно в нас, в нас беспутно, безжизненно: Жизнь, Путь и Истина еще не „Я“, а Коллегия: „Мы“; в этих „Мы“, в коллектив, распадается ветхое „я“, чтоб восстать в своем будущем облике Импульса Жизни...».²⁸

* * *

С описанием драматических отношений и переживаний Лизаши и ее отца Эдуарда Мандро связана и самая масштабная, шокирующая ошибка в издании 1926 года: один достаточно большой фрагмент текста «заблудился», попал не в то место, не в ту подглаву книги.

В подглаве 18 второй главы «Москвы под ударом» подробно рассказывается про «злодейские» вкусы Мандро: он любил драму Брюсова «Земля», потому что «там рисовалось прекрасно, как орден душеителей постановляет гоняться по комнатам: петлю на шею накидывать», а также очерки Бальмонта о «Майях», «тракующие про культуру жрецов; про убийства и пытки». От «звуков имен мексиканских» его «„я“ — усыплялося». Далее следует описание внутреннего мира, «я» Мандро: «„Я“, вообще говоря, представлялось дырою ему, заплетенной сияющей паутиною светского блеска, уменьем одеться, уменьем расклабиться; при приближенье к „дыре“ можно было уви-

²⁸ Белый А. Собр. соч. М., 2020. Т. 17. Несобранное. Кн. 2 / Сост. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада; подг. текста, комм. А. В. Лаврова. С. 243 (статья «Лев Толстой и культура сознания» — 1919).

дети весьма интересное зрелище: быстро выскакивал черный тарантул; и — схватывал „муху“, спасаясь обратно в дыру; такой мухой Лизаша была; такой мухой был и профессор Коробкин с открытием; что тут прикажете делать!»

А затем — фрагмент, который мог бы вызвать вопросы:

«Ее заварызгал своей атмосферой.

Припомнились эти последние дни, как он пробовал с нею жесточить: держаться салонным фасоном; как с видом таким проходил, англизируя позы свои, точно он предлагал ей аферу, блеснея нагофренной бакой, блазня ее взорами; с ней на софе все пытался раскинуться, позы варьируя; и — шли жары от него: он геенной своей обдавал; или, делая вид, что — в вассальной зависимости, щупал взором ее: азиат! Даже, даже, — пытался дурить; и игривой „аукою“ неся за нею: „ау“ да „ау“!

Передернулась: вид дуралеев еще отвратительней в нем, чем тиранов: дикарское что-то!

Недавно в щелочок смотрела она: его белые зубы — не зубы; он их вынимал перед сном; можно прямо сказать: рот снимал; и все то, что от рта оставалось, — было зияющей пагилью.

„Богушка“ кончился: с мига, когда неизвестный нахал оборвал его в тот незапамятный вечер в „Свободной Эстетике“, громко назвавши „Мандрашкой“ и вспомнив про „Киверцы“; Киверцы — что же такое? Там бегал „мандрашкой“? Значит: все лгал; значит „все“ — очень просто; открылось значение взглядов, улыбок и поз; уж не „богушка“, а — „фон-Мандро“, начиненный „мандрашиной“: гадостью всякой; слинял его лик; не дурманым казался — дуркманым, дураным; вгоняли друг друга в угар, — очень разный; вгоняла его в угар похоти; он же ее — в угар злости: она с любопытством разглядывать стала все то, что доселе таилось пред нею под — „папочкой“, „богушкой“.

Прятался просто „мужчина“.

„Мужчина“ — не нравился.

Вспомнила все обстоятельства, как он вглодался в нее, изглодав ее душу, и как начиналось ввергание в пропасть ее — оттого, что хотела тащить его к солнцу; он — нес, точно кот, ее — мыш — в невыдирные чащи свои; и душа изошла синеедом; „ед“ — он, фон-Мандро!

Почему?

Просто — синяя он борода; семь немеющих жен — семь убитых им женщин: восьмая — была... его... дочерью!

Произошло нечто вроде того, что бывает, когда мы глядим на кусок зачерневшего неба, каймющего месяц; ведь кажется: чернь эта — что-то; ну, — облако.

Чернь — „ничего“!

Так мгновенный разрыв небосвода, как свода „чего-то“, в „ничто“, разрывает в сознании — сознание со всем представлением о „я“, об истории; тут посещает узнание: смерть есть не то, что придет; смерть есть то, что извечно объемлет при жизни; сознание жизни, катящейся в смерти, — безумие, — жизнь выявляется анахронизмом, а самое „я“, как плева атмосферы, здесь рвется в ничто».

Фрагмент завершается возвращением к актуальной повестке и к паучьей теме, заданной ранее: «Торфендорф и агенты германского штаба, — какой это вздор: паутиночки!» (МПУ-1926, с. 138–140).

На первый взгляд, все вроде выглядит логично: развивается тема Лизаши и углубляется характеристика «я». Но так все выглядит, если не вчитываться. Со второго абзаца возникают, мягко говоря, «странности»: во внутреннем монологе Мандро вдруг появляются глаголы и местоимения в женском роде («передернулась», «вспомнила», «смотрела»), да и весь рассказ вдруг оказывается рассказом от лица женщины, дочери, Лизаши: «...она с любопытством разглядывать стала все то, что доселе таилось пред нею под — „папочкой“, „богушкой“»; «он — нес, точно кот, ее — мыш». Сначала хотелось объяснить эту «странность» сложностью структуры романа («кто его разберет?») или, на худой конец, незаконченной правкой Белого. Но ларчик, как выяснилось, просто открывался.

Подозрительный фрагмент занимал целиком машинописную страницу. Очевидно, при каком-то просмотре или переносе стопки машинописных листов эта страница выпала, а затем была вставлена редактором не в то место: страница 41 оказалась после страницы 43. В таком виде, с переставленной страницей, роман и отправился в набор. Если же вернуть выпавшую страницу туда, где ей полагалось быть (не 18-я, а 17-я подглава), то все вопросы снимутся автоматически, ведь переставленный фрагмент раскрывает переживания и страхи не Мандро, а Лизаши: «Тут засмеялась она в черноваки ночные, которые множились, — громче, все громче, все громче, — пока из растерянных глазок не брызнули слезки: он салом обмазал ее!» (МПУ-1926, с. 135).

Далее должен был следовать текст выпавшей страницы машинописи («Ее завазыгал своей атмосферой»). А затем — фраза, подводящая итог рассказу: «Так случилось с Лизашей».

* * *

На фоне подобных недосмотров уже совсем мелочью может показаться постоянный разнобой в написании слов. Сломанная рука профессора Коробкина называется то «култышкой», то «култушкой», художник-супрематист характеризуется как «ледащий», а гость-японец — как «лядаций»; «мохры» в книге соседствуют с «махрами», «коротыш» с «каратышом», «брехунцы» с «брекунцами», «Кащей» с «Ющеєм». А фамилия основателя российской фармацевтической промышленности, открывшего множество аптек и магазинов, продававших в том числе и очень нужный Анне Павловне Задопьятовой «пипифакс», вообще дается в трех вариантах: «Келлер», «Келер», «Кёллер» (на немецком он Friedrich Karl Köhler). В большинстве подобных случаев непоследовательность в написании слов допущена Белым. Из автографа она перешла в машинопись, а затем в результате недосмотра — в книгу.

Точно так же редакторским вниманием обойдены имена и фамилии персонажей. Служанка Дарьюшка, активно действующая во всех сценах, происходящих в доме Коробкина (и, значит, многократно называемая по имени), вдруг становится Марфушкой, меньшевик Клевезаль — Клеветалем, карьерист Благолепов, «недавно еще только ректор, теперь — попечитель» учебного округа, предстает как Благосветлов.²⁹

Гораздо более интересный, сложный и проблемный случай — разночтение топонимическое, связанное с определением места жительства доктора Доннера, самого демонического персонажа «Москвы». По своей функции в романе он — «мироправитель», который «проткнет земной шарик войной мировой», а внешне — скромный, почтенный ученый-буддолог, ведущий жизнь обычного немецкого бюргера: «Потребности „мироправителя“ были скромны: так, — занятия в „*Университет's библиотеке*“, прогулка по „*Энглише Гартен*“; обед (рыбий «зүппе», печеное яблоко); послеобеденный сон...» (МПУ-1926, с. 151).

При первом представлении Доннера указывается, что он жил в Мюнхене, «в скромной квартирочке на **Кирхенштрассе**», и оттуда, «явно у всех на глазах с „*Кирхенштрассе*“ <...> вертел судьбой мира, не прячась, не превозносясь» (МПУ-1926, с. 150, 151). Оттуда же он «проткнет» Мандро своим темным импульсом, подчинит его себе, «завербует».

Периодически Мандро будет охватывать желание сбежать из России в Германию, к Доннеру. Сначала оно формулируется таким образом: «Ему захотелось в Мюнхен; припомнилася **Кирхенштрассе**, каштановый сад, серожелтая виллочка с новенькою черепитчатой крышей» (МПУ-1926, с. 160).

²⁹ Марфушкой звали служанку Лихутиных в пьесе Белого по роману «Петербург». В роман она попала, видимо, по инерции. Но если с отождествлением Марфушки с Дарьюшкой и Клевезалем с Клеветалем проблем при чтении не возникает, то в случае с попечителем Московского учебного округа проблема есть. Не сразу можно понять, что Благолепов и Благосветлов — одно и то же лицо (ср. МЧ-1926, с. 33, 45).

А затем, к удивлению читателя, адрес Доннера меняется, по ходу действия Кирхенштрассе превращается в Барерштрассе: «...вспомнился — Мюнхен; вела Барерштрассе на площадь цветущую, где — обелиск, где и домик, запрятанный в зелени; здесь жил известный ученый и автор „Problem des Buddhismus“ <...>. Айда, — за границу!» (МПУ-1926, с. 178).

Кирхенштрассе упоминается в романе несколько раз. Барерштрассе — всего один. Казалось бы, все просто: Белый один раз допустил опisku, и при последующих публикациях «Москвы» ее надо исправить (как в случае с Дарьюшкой и Марфушкой). Однако есть нюансы, усложняющие выбор.

Оба топонима реальны, обе улицы есть на карте Мюнхена. Кирхенштрассе (Kirchenstrasse) находится в районе Ау-Хайдхаузен (Au-Haidhausen), на восточной стороне реки Изар (Isar). Барерштрассе (Barerstrasse) — в самом центре города, рядом с Новой и Старой Пинакотеками. Реальны и все те места, которые указаны в романе как находящиеся рядом с домом Доннера. И все они — в самой непосредственной близости от Барерштрассе, но никак не Кирхенштрассе.

«Университет's библиотек» — библиотека Мюнхенского университета, стоит напротив центрального здания университета (Людвигштрассе), в 10 минутах от Барерштрассе. В пешей доступности от Барерштрассе и Английский сад (Englischer Garten), городской парк, разбитый в 1792 году ландшафтным архитектором Фридрихом Людвигом Шкелем. «На площадь цветущую, где — обелиск», тоже ведет Барерштрассе. Упомянутый обелиск, 29-метровый, бронзовый, был установлен в 1833 году по проекту архитектора Лео фон Кленце на площади Каролиненплац в память о 30 тысячах баварских солдат, павших в России во время похода Наполеона 1812 года.

Неизвестно, бывал ли Белый когда-либо на Кирхенштрассе, но вот район Барерштрассе он знал очень хорошо, так как в 1906 году во время своей поездки в Мюнхен два месяца (октябрь и ноябрь) жил на Барерштрассе, снимал квартиру в доме 53. Проголкам по старому Мюнхену посвящены яркие страницы мемуаров «Между двух революций», где, в частности, отмечены все те места, которые фигурируют в романе: «С Барерштрассе шагаю к зеленым газонам огромного здания Академии <...>. Вправо от Зигес-Тор — чистая и широчайшая улица; то Людвигштрассе; <...> коли пойдешь от ворот, то направо — университет, где сердца прошибал своей лекцией Шеллинг и где читал в мое время эстетику Липпс <...>. Перед университетом подброшенной пылью играет немой, белоснежный фонтан; а напротив стоит благородное здание; то — библиотека, меж нею и чопорным иезуитским колледжем <...> — узкий проход в обвисяющий золотом Английский парк; там — безлюдно, свободно, тенисто и густо: аллеи, поляны, газоны, беседки, висящие мостики, купы каштанов, дубов, вязов; и чащи, и заросли, переходящие в лес, там за лесом увидишь: играют снегами Тирольские Альпы <...>. Сворачиваю; и — пронырами улиц бегу к плац-газону с подрезанной и перечесанной травкой; кольцом окружают веранды обвитых цветами отелей; а посредине газона стоит — обелиск <...>. Возвращаюсь прямехонько на Барерштрассе, свой круг описав: мимо новой Пинакотеки; вот — старая Пинакотека (живу от нее на расстоянии трех лишь домов)...».³⁰

Не трудно заметить, что Белый пустил доктора Доннера по тому же маршруту, по которому в 1906 году гулял сам: Барерштрассе — Людвигштрассе — «Университет's библиотек» — «Энглише Гартен» — обелиск на Каролиненплац — Барерштрассе. Так что Барерштрассе в романе появляется совершенно закономерно. Напротив того, Кирхенштрассе выглядит в этом контексте совершенно нелепо: от Кирхенштрассе пешком не дойти ни до Английского сада, ни до Университета, ни до обелиска на Каролиненплац. Да и зачем? В том районе своих парков и прогулочных мест достаточно. Кирхенштрассе — топографическая оплошность Белого, и видна она, как кажется, невооруженным глазом не только мюнхенцу, но и любому туристу, купившему самую простую карту Мюнхена и самый популярный путеводитель по городу.

³⁰ Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 100.

* * *

Большинство указанных выше погрешностей — результат редакторского невмешательства в текст. Однако было бы несправедливо сказать, что редакторы не вмешивались в текст вообще. Они вмешивались. Так, например, привели к нормативному авторское написание в таких словах, как «варешки», «подчерк», «корридор», «троттуар», «канапэ» и пр. Правда, часто правка проводилась непоследовательно: «канапе» исправили, а «пенснэ» и «эссэ» нет; «коридор» исправили, а «галлопировать» оставили в авторском написании, беловскую «юпку» исправили на «юбку», но осталась «юпочка».

Хуже, что при редакторском вмешательстве порой принимались сомнительные или вовсе неверные решения, делающие текст малопонятным или бессмысленным.

К примеру, в сцене ссоры профессор Коробкин и его жена Василиса Сергеевна обмениваются такими оскорбительными репликами-выкриками:

«Погодите, — вскипался профессор руками враспашку.

Профессорша вякала:

— Не бороною ведется хозяйство.

— Не косами. <...>

— Головастик!

— **Касатка!**» (МЧ-1926, с. 94)

Но ведь касатка — это ласточка... Получается, что в ответ на оскорбление «головастик» профессор Коробкин назвал жену кротко и ласково птичкой? Вовсе нет, он назвал жену хищным, «зубатым китом», косаткой. Именно так, «**косатка**», Белый и написал (автограф, машинопись), но в гранки внесли правку, переворачивающую смысл происходящего.

Или — другой пример.

В печатном тексте оказался следующий пассаж: «...**под грохот** пролеток рыка́л оглушительней лбастым булыжником в этом квартале...» (МПУ-1926, с. 58).

Кто рыкал? Непонятно. А дело в том, что при вычитке приставку «под» восприняли как предлог и отделили интервалом от далее идущего слова. У Белого «подгрохот» — это существительное в именительном падеже, с приставкой, пишется слитно; в предложении выполняет функцию подлежащего. Должно быть: «...**подгрохот** пролеток рыка́л оглушительней лбастым булыжником в этом квартале...».

Неверное прочтение здесь тем более досадно, что в романе данное слово встречается. Один раз — просто в том же самом контексте, становясь лейтмотивом: «...дроботала пролетка подгрохотом, — лбастым булыжником» (МЧ-1926, с. 213).³¹

Есть, впрочем, и более сложные, неоднозначные случаи. Так, математик Коробкин, убежденный в том, что «вселенная катится к ясности, к мере, к числу» (МЧ-1926, с. 38), пытается объяснить профессору Задопатову, историку литературы, структуру мироздания с помощью геометрических терминов «асимптота» и «гипербола». В автографе название прямой линии, к которой кривая линия (в данном случае — гипербола), простираясь в бесконечность, все более и более приближается, но никогда с ней не совпадает (ось координат), Белый пишет с ошибкой, и не просто с ошибкой, а с добавлением лишнего слога. У него в автографе вместо «асимптота» (от греч. *asymptotos*) — ассимптомата:

«Воздух взвертывал зонтиком.

— **Ассимптомáта** — черта! <...> Приближающаяся к гиперболе. <...> И — несопадающая... Меж обеими — грань: грань миров; мира нашего и... и... — искал выражения, — гиперболического... А вот ваши науки, — напал неожиданно, — вы поглядите-ка трезво, — гиперболы!

С твяканьем вырвнул слово „гиперболы“ <...>

— Они — не науки-с!

<...>

³¹ Также: «Иван же Иваныч с подгрохотом встал...» (МПУ-1926, с. 46).

— А действительность — **ассимптомáта!**»³²

В таком же своеобразном написании используется это слово и в «Истории становления самосознающей души».³³

В издании 1926 года ошибку Белого решили исправить, хотя многие другие его авторские, совсем ошибочные написания не трогали (например, оставили «стокато» вместо «стаккато», от итал. «staccato»; «вертипижистый» — вместо «вертепижистый», от «вертеп»). Но исправили тоже неверно: в книге напечатано «ассимптота», с двумя «с», что опять-таки ошибка. При этом, приведя слово хоть и в примерное, но все же соответствие с нормой правописания, редактор разрушил ритмическую структуру фразы, которая Белому была более дорога, чем орфографическая норма. Давая указания для наборщиков романа, Белый подчеркивал, что пишет, «подчиняя текст размеру», а «для размера» принципиально количество слогов в слове: «скорей», «видней» — или «скорее», «виднее»; «Иван Иванович» — или «Иван Иванович»: «Принцип здесь не формальный, а музыкальный: принцип произношения автором; набирать так, как стоит; коли „Сергевна“ — „Сергевна“, а коль „Сергеевна“, то „Сергеевна“». «Ибо нарушать ритм, — утверждал и убеждал Белый, — значит калечить роман».³⁴ Замена «ассимптоматы» на «ассимптоту» как раз этому «наказу» писателя и противоречит: нарушает ритм и калечит романную сцену. Думается, что без этого вмешательства в текст можно было обойтись.

* * *

Впрочем, за один совет редактора надо поблагодарить.

Один из отрицательных героев «Москвы» — уродливый (горбоносый), нечистый на руку делец по фамилии Кавалеввер; он осуществляет связи Мандро с заграничными фирмами; он — заказчик его главного преступления. Национальная принадлежность Кавалеввера не вызывает сомнений. Первоначально Белый дал ему имя Соломон и такое же отчество — Соломонович. Как Соломон Соломонович персонаж фигурирует и в автографе, и в машинописи, и в журнальных гранках. Однако против такого именования вдруг резко выступил сотрудник «Круга», оставив в гранках негодующую запись: «У евреев не бывает <подчеркнуто красным карандашом три раза. — М. С.>, чтобы отец и сын имели одно и то же имя <подчеркнуто красным один раз. — М. С.>. ДШ».³⁵

Удалось установить, что «ДШ» — Давид Абрамович Штейнбок (1883–1938, расстрелян); он отвечал в «Круге» за «корректирование» изданий перед сдачей в печать, затем заведовал корректорской в газете «Комсомольская правда».³⁶ Белый его справедливому указанию последовал (редчайший случай) и везде переправил Соломона Соломоновича на Соломона Самуиловича, приведя таким образом имя героя в соответствие с правдой жизни.³⁷

³² Ср.: МПУ-1926, с. 113.

³³ Лит. наследство. 2020. Т. 112. Кн. 2. Белый А. История становления самосознающей души: В 2 т. / Подг. изд. М. П. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь. Т. 2. С. 735 (раздел «„Синтезирующая часть“». Из непереработанной рукописи).

³⁴ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение четвертое: Переписка А. Белого с советскими издателями и писателями в 1920–1930 / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып. 15. С. 355–356 (письмо к заведующему набором романа «Маски» от 24 ноября 1930 года). В том же письме Белый указывает, что, «печатаю роман „Москва“ (первый том)», он «делал те же указания».

³⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 11. Это единственное замечание в корректурных листах.

³⁶ См. электронный ресурс «Открытый список» (база данных жертв политических репрессий в СССР): <https://ru.openlist.wiki/> (поиск по фамилии); дата обращения: 30.04.2026.

³⁷ В еврейской традиции допустимо называть сына именем отца, если отец к моменту рождения сына умер.

2. Пишущая машинка как фактор текстологии

В издании «Москвы» 1926 года есть весьма любопытная группа ошибок, источником которых является машинопись.

Процесс подготовки романа к печати в «Круге» был совершенно традиционный, самый обычный. Рукопись, изрядно правленную, частями отдавали машинистке. Машинопись, опять-таки частями, возвращалась к Белому на досмотр, затем шла в издательство и в типографию. В случае с романом «Москва» специфическим было качество машинописи — ужасное.

К самой ремингтонистке нет претензий: она прекрасно читала почерк Белого и тщательно разбиралась в его густой и многослойной правке. Конечно, у нее случались опечатки, но весьма редко. Беда подкарауливала с неожиданной стороны: плохой оказалась не ремингтонистка, а ее пишущая машинка — видимо, старая, с изношенным механизмом, стертыми литерами и атрофией ряда функций. Буквы «и», «н», «п» пропечатались лишь двумя вертикальными палочками, буквы «с» и «е» — только полукружием: они практически не отличались друг от друга. У буквы «б» плохо просматривалась верхняя часть, у «и краткой» — та самая «кратка» (дужка сверху, диакритический знак). Точка с запятой тоже пропечаталась не полностью: хвостик запятой стерся, а потому точка с запятой стала выглядеть в машинописи двоеточием. И в довершение: совсем не работали в той машинке клавиши, отбивавшие восклицательный знак, вопросительный знак и тире (или этих клавиш просто не было). На бумаге этих знаков препинания вовсе не оказалось. Что уж тут говорить про букву «ё» и ударения, которыми изобилдовал автограф. Все это надо было восстанавливать вручную, но, забегаая вперед, отметим: надо было бы...

Такой ремингтон мог бы испугать любого автора, а для Белого, постоянно подчеркивающего лексическое и стилистическое своеобразие своего романа, это должно было быть убийственно. История умалчивает, какова была непосредственная эмоциональная реакция Белого на полученный дефектный ремингтон, но ее можно предположить. Тем не менее он смиренно стал приводить текст в пригодный для набора вид. Однако не на все хватило сил и терпения. К тому же писатель спешил и, естественно, не сверял машинопись своего романа со своим же автографом.

Внимание Белого при вычитке машинописи было прежде всего сконцентрировано на том, чтобы внятно прописать (обвести) непропечатавшиеся буквы. Почти каждое слово нуждалось в графическом прояснении. Строго говоря, это было не столько вычитывание текста, сколько его угадывание и вспоминание. Для автора романа это задача не очень сложная, но тяжелая: чисто механическая, муторная (листы машинописи просто испещрены пометами). Однако в ряде случаев и с ней не получилось справиться.

Так, Белый не заметил и тем самым фактически санкционировал искажение смысла в сцене первого появления в романе карлика Яши. Сначала дается общее описание героя: «Просто совсем отвратительный карлик: по росту — ребенок двенадцати лет; а по виду — протухший старик (хотя было ему, вероятней всего, лет за тридцать); но видно, что — пакостник...».

А затем — то впечатление, которое карлик Яша производил. В книге оно формулируется следующим образом: «...эдакой гнуса не сыщешь; пожалуй, — в фантазии. Но она видится лишь на полотнах угрюмого Брейгеля» (МЧ-1926, с. 71).

В принципе, понятно, что карлик пугающе уродлив. Но само описание его уродства кажется очень уж косноязычным. Неясно, зачем здесь союз «но» и почему жуткие образы какой-то фантазии противопоставлены образам с полотен Брейгеля. На самом деле никакого противопоставления не было, как не было в автографе и в авторском замысле никакого союза «но». А была дефектная пишущая машинка, которая отбивала буквы «н» и «п» так, что различить их было трудно. Вместо бессмысленного союза «но» в автографе стояла фамилия американского писателя-романтика, мастера ужасов Эдгара По... При этом Эдгар По и Брейгель друг другу не противопоставлялись, а друг друга дополняли: карлик был похож и на персонажей, родившихся в фантазии

Эдгара По, и на персонажей Брейгеля: «...эдакой гнуса не сыщешь; пожалуй, — в фантазии По она водится, да на полотнах угрюмого Брейгеля».

Очевидно, что замещение символически значимой фамилии бессмысленным предложением привело к существенному обеднению высказывания. Ведь сравнивая карлика Яшу с персонажами Эдгара По, Белый отсылал и к общей атмосфере его творчества, и, скорее всего, к конкретным произведениям: карлик-калека, жестоко отмстивший за обиды королю и придворным, — главный герой рассказа «Гоп-Фрог» (1849); урод ростом «не более двух футов», оказавшийся одновременно гениальным изобретателем и преступником (убийцей своих кредиторов), — главный герой рассказа «Беспримерное приключение некоего Ганса Пфооля» (1835).³⁸

Другой аналогичный пример наглядно показывает стадии обесмысливания текста. Так, в книге читаем, что на светском приеме светская львица «мадам Эвихкайтен плескалась платьем в тени тонконогой козеточки, приподымавшей зеленое ложе, как юбочку нежная барышня: в книксене» (МЧ-1926, с. 131). В альманахе «Круг» версия слегка иная: «Мадам Эвихкайтен плескалась в сером в тени тонконогой козеточки...».³⁹ А в автографе — третья версия, самая простая, разумная, осмысленная: «Мадам Эвихкайтен плескалась веером в мягкой тени тонконогой козеточки...».

Причина путаницы — опять-таки плохая пишущая машинка. На этот раз неотличимы друг от друга оказались буквы «е» и «с». Сначала первое «е» в слове «веером» приняли за «с», а «в» отделили от лже-прилагательного интервалом, превратив в предлог: получилось «в сером». Ну а затем попытались как-то исправить положение, заменить бессмысленное «в сером» на что-то чуть более внятное.

В обоих приведенных случаях автор не посчитал нужным свериться с автографом, а память подвела.

* * *

Тотальная правка непропечатанных букв явно отвлекла внимание Белого от пунктуации, которая также весьма существенно пострадала. А в утрате авторской пунктуации таилась серьезная угроза авторскому замыслу. Раскрывая особенности своей прозы, Белый подчеркивал, что она «интонационна», что в ней «проработано каждое слово» и «каждый знак препинания — не зря»; учил, что его «*надо декламировать, а не читать*», произносить «внутренне слово за словом, соблюдая показанные автором паузы».⁴⁰ Интонационность же, как писал Белый еще в начале 1920-х, достигается как раз знаками препинания: «Мы прекрасно знаем, как меняется интонация хотя бы в знаках препинания; два представления „Ночь“ и „темно“ могут быть связаны по-разному знаками: 1) „Ночь. Темно“ (жест спокойного рассказа). 2) „Ночь... Темно...“ (отрывистый, беспокойный темп). 3) „Ночь: темно“ (здесь второе понятие вытекает из первого: *так как* ночь, то — темно) — и т. д. Проследившая жизнь знаков, мы видим индивидуализм у писателей: „точка“ есть знак прозы Пушкина, „точка с запятой“ — Толстого; „двоеточие“ — мой знак...».⁴¹

Заявление Белого «двоеточие» — мой знак» применительно к «Москве» выглядит насмешкой, почти издевкой. Двоеточий в издании 1926 года — явный перебор. И не потому, что так захотел отметить свою «интонационность» автор. Просто из-за плохого качества пишущей машинки в напечатанном на ней тексте точка с запятой

³⁸ См.: По Э. Собр. соч. / В пер. с англ. К. Д. Бальмонта: В 5 т. М.: Скорпион, 1901. Т. 1. С. 122–134; 1912. Т. 4. С. 1–63.

³⁹ Белый А. Москва. Часть I. Глава вторая // Альманах «Круг». Кн. 5. С. 75.

⁴⁰ См. опубликованную Т. В. Анчуговой программу «Вечера Андрея Белого» в Политехническом музее 11 февраля 1933 года в кн.: Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988. С. 683–685.

⁴¹ Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, подг. текста, сост., прим. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.; М., 2006. Т. 2. С. 62 (сер. «Новая библиотека поэта») («Будем искать мелодии», предисловие к сб. «После разлуки» — 1922).

мимикрировала под двоеточие. И большая часть этих мнимых двоеточий попала в книгу, разрушая ритм и строй фразы, превращая последовательное в причинно-следственное.

Приведем несколько примеров, оформив их для наглядности в таблицу:

Машинопись, книга	Автограф
Наконец, он (профессор Коробкин. — М. С.) поднялся : пузырь гуттаперчевый сняли : исчезла сиделка; с неделю еще замыкался — в задущине: в желтом своем кабинете; здесь спал; и — досуг коротал; и — обедал , тогда обнаружилось — делать-то нечего : трудно читать; и нельзя вычислять: жилобой поднимался в виске : голова становилась чаном бродильным (МЧ-1926, с. 89).	Наконец, он <профессор Коробкин. — М. С.> поднялся ; пузырь гуттаперчевый сняли ; исчезла сиделка; с неделю еще замыкался — в задущине: в желтом своем кабинете; здесь спал; и — досуг коротал; и — обедал ; тогда обнаружилось — делать-то нечего ; трудно читать; и нельзя вычислять: жилобой поднимался в виске ; голова становилась чаном бродильным.
С раздувшимся брюхом, с отшибленной лапою Томочку-песика раз принесли: раздавила пролетка; <...> перевязали огромными тряпками : он, перевязанный, молча дрожал, закосясь окровавленным взглядом : профессор весь вечер над ним просидел на карачках: — Что, брат, — тебе трудно? А ночью бродил по ковру : утром пес приказал долго жить... (МЧ-1926, с. 96)	С раздувшимся брюхом, с отшибленной лапою Томочку-песика раз принесли: раздавила пролетка; <...> перевязали огромными тряпками ; он, перевязанный, молча дрожал, закосясь окровавленным взглядом ; профессор весь вечер над ним просидел на карачках: — Что, брат, — тебе трудно? А ночью бродил по ковру ; утром пес приказал долго жить...
Сел на ногу : расширились ноздри; втянулись губы : и — рот стал безгубым: полоска какая-то! (МЧ-1926, с. 145)	Сел на ногу ; расширились ноздри; втянулись губы ; и — рот стал безгубым: полоска какая-то!
Фон-Мандро обнаруживал очень кипучую деятельность. Посещал заседания акционерной компании; здесь председательствовал : Соломон Самуилович Кавалевер, просматривал счетные книги... (МЧ-1926, с. 238)	Фон-Мандро обнаруживал очень кипучую деятельность. Посещал заседания акционерной компании; здесь председательствовал ; Соломон Самуилович Кавалевер просматривал счетные книги...

Если следовать синтаксису книги, то получится, что у директора Веденяпинской гимназии «расширились ноздри», потому что он «сел на ногу»; Томочка-песик дрожал, потому что его «перевязали огромными тряпками», и умер, потому что профессор Коробкин «бродил по ковру»... В последнем же примере из таблицы от того, какой поставлен знак препинания, зависит смысл фразы, почти как в хрестоматийном случае с «Казнить нельзя помиловать»: если двоеточие, то председатель акционерной компании — Кавалевер, а если точка с запятой — то Мандро.

* * *

Не меньшим ударом по «интонационности» романа стало отсутствие в машинописи знаков вопроса и восклицания. Для текста, рассчитанного на декламацию, они жизненно необходимы. Белый проставлял их в машинописи в спешке, когда не отвлекался на другое, иными словами — проставлял иногда, далеко не всегда. Проредив эмоционально окрашенные знаки, он как бы приглушил звучание романа. Более того, он проставил знаки совсем не так, как они стояли в автографе, фактически переозвучив, пе-

реинтонировав роман: там, где в автографе был восклицательный знак, в машинописи могла появиться точка или знак вопроса; там, где в автографе была точка, в машинописи ставился знак восклицательный. При сопоставлении книги (или машинописи) с автографом можно увидеть все возможные вариации таких подмен и замен.

Вот лишь несколько:

Машинопись, книга	Автограф
...И образ был — „ <i>старец</i> “: ацтек, мексиканец, атлант, — кто его разберет! (МПУ-1926, с. 179)	...И образ был — „ <i>старец</i> “: ацтек, мексиканец, атлант, — кто его разберет?
...Тянулся к серебряному холодильнику он: за бутылкой вина; и Митюше фужер наливал — до краев: золотистой струею. Тянулся с фужером <...>: — Так чокнемся! (МЧ-1926, с. 126)	...Тянулся к серебряному холодильнику он: за бутылкой вина; и Митюше фужер наливал — до краев: золотистой струею. Тянулся с фужером <...>: — Так чокнемся?
И говорили друг другу: — Смотрите-ка! — Снег. — И ведь — нет: дождичек! (МЧ-1926, с. 71)	И говорили друг другу: — Смотрите-ка! — Снег! — И ведь — нет: дождичек.
Небо — на́двое треснуло красным зигзагом; и тотчас, как пушечный выстрел, гром, молния — вместе! (МПУ-1926, с. 212)	Небо — на́двое треснуло красным зигзагом; и тотчас, как пушечный выстрел, гром, молния — вместе.
...Вызрело математическое открытие, допускающее применение к сфере механики; <...> применение это когда-нибудь перевернет всю науку, меняя предел скоростей — до... до... скорости — черт подери — светового луча (МЧ-1926, с. 54–55).	...Вызрело математическое открытие, допускающее применение к сфере механики; <...> применение это когда-нибудь перевернет всю науку, меняя предел скоростей — до... до... скорости — черт подери — светового луча!
Его волновало не то, что прощен; волновало, что кто-то в прощенном — рожден (МЧ-1926, с. 151).	Его волновало не то, что прощен; волновало, что кто-то в прощенном — рожден!
Но из камеры желтого дома, — из камер, стены которой обиты мешками, в которой воссело „ <i>оно</i> “ в своем сером халате, со связанными рукавами, — „ <i>оно</i> “ станет молнией — с востока на запад: вернется огнем поедающим; некуда будет укрыться от этого дикого взгляда; и некуда будет убрать с глаз долой: стены тюрем — вселенных — падут! И возникнет все новое (МПУ-1926, с. 246).	Но из камеры желтого дома, — из камер, стены которой обиты мешками, в которой воссело „ <i>оно</i> “ в своем сером халате, со связанными рукавами, — „ <i>оно</i> “ станет молнией — с востока на запад: вернется огнем поедающим; некуда будет укрыться от этого дикого взгляда; и некуда будет убрать с глаз долой: стены тюрем — вселенных — падут. И возникнет все новое!
Выголодал себе нищую жизнь; ну — и что ж оставалось? Дворынничать! (МПУ-1926, с. 175)	Выголодал себе нищую жизнь; ну — и что ж оставалось? Дворынничать?

В ночь дождик прошел; и оплаканный встал тротуар; начиналась людская давяльня; и перы, и пихи; везде — людогоны; везде — людозовы. Москва! Да, — она! (МПУ-1926, с. 246)	В ночь дождик прошел; и оплаканный встал тротуар; начиналась людская давяльня; и перы, и пихи; везде — людогоны; везде — людозовы. Москва? Да, — она!
---	--

Как расценивать эту переозвучку? В обоих вариантах — проявленная, закреплённая на письме авторская воля. Но когда авторская воля проявилась сильнее — тогда, когда автор наборматывал и сам записывал текст романа, или когда вносил правку в машинопись? В обоих вариантах можно найти логику, и в обоих — есть явные просчеты и нелепицы. И вряд ли у этого вопроса есть однозначно правильный ответ.

Как бы то ни было, но в случае с романом «Москва» плохая пишущая машинка стала важным фактором текстологии, породила серьезные, а порой и неразрешимые текстологические проблемы.

3. «И так гоню работу...»: ошибки авторской правки

Как уже отмечалось, Белый работал над романом из последних сил, одновременно дописывал и вычитывал разные части книги.⁴² Без учета этого контекста (спешка, усталость) трудно понять, чем руководствовался писатель, внося некоторые поправки в текст. А вносились они, повторим, на всех стадиях предпечатной подготовки. Такая правка — очевидная последняя творческая воля автора. Но в ряде случаев Белый вносит в текст столь, мягко говоря, странные изменения, что впору увидеть в них не авторскую волю, а ее дискредитацию, и даже вспомнить, что некогда молодой В. А. Пяст и его друзья, увидев переработанные Белым стихи, «собирались учредить „Общество Защиты Творений Андрея Белого от жестокого его с ними обращения“».⁴³

Рассмотрим несколько примеров издательства Белого над собственным творением. Наиболее ошарашивающий пример — трансформация нелестной характеристики, данной профессором Коробкиным профессору Задопатову.

В автографе она выглядела таким образом:

«Иван же Иваныч подумал:

— Совсем **краснорылый дурак**».

Затем, в машинописи, видимо замучившись поправлять плохо пропечатавшиеся буквы или отвлекшись на совсем посторонние мысли, Белый зачем-то вставил в середину слова букву «к», и дурак с красной рожей превратился в дурака с красными крыльями... Именно так, добросовестно следуя указанию Белого, и напечатали в альманахе «Круг»:

«Иван же Иваныч подумал:

— Совсем **краснокрылый дурак**».⁴⁴

Готовя текст для книги, Белый, наверное, немало удивился результатам собственной правки и от греха подальше вообще вычеркнул определение, оставив просто «дурак».

«Иван Иваныч подумал:

— **Дурак**» (МЧ-1926, с. 64).

Но это история со счастливым в итоге концом. Большая же часть «странных» поправок была учтена и дошла до страниц книжного издания 1926 года.

Вот как, например, сбежавший от преследования полиции большевик Переулкин мечтательно рассуждает с приятелем о радостях тихой, мирной жизни: «...слышалось: — Сад... Садоводство... **Сады!**» (МПУ-1926, с. 180).

⁴² См. прим. 11.

⁴³ Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Р. Д. Тиенчика. М., 1997. С. 110.

⁴⁴ Белый А. Москва. Часть I. Глава первая // Альманах «Круг». Кн. 4. С. 66.

Казалось бы, все понятно, просто герой очень увлекся разведением растений. Но в автографе и в машинописи третье слово в этом ряду — не «сады», а «садки», приспособления для содержания пойманной рыбы! И это логично, естественно, потому что ранее этот Переулкин занимался ловлей рыбы и «в минуту свободную о живорыбном садке размышлял» (МПУ-1926, с. 169). Букву «к» Белый сам убрал в машинописи: может быть, не разобрался и в спешке подумал, что «садки» — уменьшительно-ласкательное от «садов»?

Точно так же, лишь забывчивостью, усталостью и спешкой можно объяснить перестановку часов в столовой профессора Коробкина. Эти часы модели «скелетон», с открытым механизмом, который часто защищался стеклянным колпаком, — важная, «лейтмотивная» деталь интерьера. Они вводятся в самом начале романа: «...били часы под сквозным полушарием **на алебастровом столбике**; а канарейка, метаясь в клеточке, над листолапою пальмою трелила...» (МЧ-1926, с. 27).

Те же часы появляются в финале — квартира разгромлена, повсюду следы борьбы, пятна крови, а часы стоят на том же месте: «...видели там **алебастровый столбик**, часы под стеклянным, сквозным полушарием, стулья, буфет; было странно, что стул перевернут...» (МПУ-1926, с. 241).

И они же отсчитывают время в середине произведения.

Так в автографе: «Пропели часы под стеклянным сквозным полушарием **на алебастровом столбике**».

Но в книге оказывается иначе — часы переместились со столбика на столик: «Пропели часы под стеклянным сквозным полушарием **на алебастровом столике**» (МЧ-1926, с. 93).

Почему часы переместились? Да потому, что Белый в машинописи зачем-то вычеркнул некстати попавшую ему под горячую руку букву «б». Так столбик трансформировался в столик.

Жертвой злополучной авторской правки часы стали еще раз. В начале романа в издании 1926 года говорится, что «**били** часы под сквозным полушарием на алебастровом столбике; а канарейка, метаясь в клеточке, над листолапою пальмою трелила...» (МЧ-1926, с. 27). Затем же звук, издаваемый часами, меняется: «**Пропели** часы под стеклянным сквозным полушарием...». Так часы бьют или поют? В принципе, могло быть и то и другое, но здесь не тот случай. В первом примере в автографе часы также не «били», а «пели». Но машинистка допустила ошибку, напечатав совсем несуразное: «пили чай». Белый стал исправлять машинопись по памяти (которая его опять подвела), заменил «чай» на «часы» (верно) и «пили» на «били» (неверно). В пользу того, что здесь должно быть «пели часы», и то, что далее часы также «пропели <...> под стеклянным сквозным полушарием», и то, что канарейке «трелить» под пение часов естественнее, чем под их бой.

Один случай в этом ряду стоит несколько особняком и курьезом лишь кажется.

В описании давки на вокзальном перроне весьма настораживают действия одной энергичной бабы:

«Картузы и кули поднялись; выпирались; чертиха какая-то, видно, торговка, уже **колотила бетоном кого-то в загривок**:

— Да, ну, — не задерживай: черт!» (МПУ-1926, с. 204)

«Бетоном», т. е. искусственным строительным материалом, подобным камню? Или «бидоном», сосудом, емкостью для молока? Если торговка колотила по голове стоящего впереди мужика бидоном, то это значит, что она очень грубо старалась протолкнуться к выходу. А если колотила по голове куском бетона, то так и до смертоубийства недалеко. Кажется, что «бетон» — это одна из многих описок или опечаток. Однако все не так просто. В автографе романа — «колотила **бэтоном**». Но сверху над словом мелко и робко вписано напрашивающееся — «бидоном». Возможно, «бидоном» вписано не самим Белым, а, например, его будущей женой Клавдией Николаевной Васильевой (с 1931 года Бугаевой), пытавшейся деликатно подсказать правильное написание. Внимательная машинистка точно последовала правке и напечатала согласно норме:

«колотила **бидоном**». Но обойти «авторскую волю» Белого таким образом не удалось. В машинописи он отследил изменение и вернул текст к первоначальному варианту: зачеркнул «бидоном» и вписал «бетоном»... Что это? Ошибка? Курьез? В данном случае, видимо, нет. Судя по всему, Белый воспроизводит в романе орфоэпический вариант просторечия, бытовавший в народном говоре и Москвы, и Петербурга.⁴⁵ Чем-то он ему очень полюбился...

* * *

Наиболее существенный — и по объему, и по значимости — слой вносимой Белым правки был нацелен на сокращение текста. Не вполне понятно, почему это сокращение производилось — по собственному ли желанию или по настоянию издательства. Хочется думать, что верно последнее предположение.⁴⁶ Как бы то ни было, но сокращал Белый, как правило, не подглавы или какие-то цельные фрагменты текста, а слова, предложения, части синтаксических конструкций. Результат подобной операции (ее можно назвать стяжением) наглядно виден при сравнении двух первых глав в их журнальном варианте (альманах «Круг») и варианте книжном, сокращенном: внятное часто становится невнятным, понятное — непонятным, а иногда и просто абсурдным. Одна из причин этого — опять-таки спешка. Правка часто не доводилась до конца, разрушала согласование между словами, порождала нелепицу.

Так, — читаем в книге — профессор Коробкин «ненавидел и **привкусы слов: революция**; он полагал, что толчок есть невнятица» (МЧ-1926, с. 38). Почему множественное число («привкусы слов»), если далее идет лишь один пример того, что он ненавидел? А потому, что первоначально, в альманахе «Круг», ненавидимых «слов» было больше: *«революция, мистицизм, пессимизм»*.⁴⁷ Перечислительный ряд Белый вычеркнул, а заменить множественное число на единственное позабыл. Вроде бы очевидная ошибка, но исправить ее сложно — замена множественного числа на единственное приведет к нарушению ритмического строя фразы, а ритмом Белый, как уже отмечалось ранее, особенно дорожил.

Или — другой пример.

Белый рисует красивую панораму города, в которую «затесалось» нечто постороннее:

«Москва!

Разбросалась высокими, малыми, средними, **златоголавыми, иль бесколонными витоглавыми** церковками очень разных эпох...» (МЧ-1926, с. 17).

Как может быть в одном ряду что-то златоголавое, бесколонное и витоглавое? Никак не может, потому что «бесколонное» — из другого перечислительного ряда, относящегося не к куполам церквей, а к церковным колокольням. В альманахе «Круг» (и в автографе) было:

«Москва!

Разбросалась она развысокими, малыми, средними, **бесколонными и колончатыми колоколенками** над сияющими златоголавыми, одноглавыми, пятиглавыми, витоглавыми церковками елизаветинской, александровской и прочих эпох...».⁴⁸

В результате сокращения эпитет, характеризующий высоту колокольни, мимикрировал под характеристики церквей, «колончатые колоколенки» были удалены,

⁴⁵ Фиксации этого варианта произношения в словарях найти не удалось, но опираюсь на ряд устных свидетельств, в том числе Н. А. Богомоловой (Москва), А. В. Лаврова (Петербург).

⁴⁶ В ряде важных вопросов издательство «Круг» оказывало на Белого давление. Так, например, он вынужден был согласиться на разделение первого тома романа «Москва» на две части и дать каждой части свое заглавие («Московский чудак» и «Москва под ударом»). В результате этого было утрачено общее заглавие первого тома — «Иван Иванович Коробкин». См.: Спивак М. Л. Роман Андрея Белого «Москва» (1926): между авторским замыслом и издательской практикой // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 2. С. 154–175.

⁴⁷ Белый А. Москва. Часть I. Глава первая // Альманах «Круг». Кн. 4. С. 45.

⁴⁸ Там же. С. 27.

а «бесколонные» — остались, как кажется, тоже по чистой забывчивости. Думается, что авторский замысел предполагал, что Москва «разбросалась высокими, малыми, средними, **золотоглавыми иль витоглавыми** церковками очень разных эпох».

Несколько иной случай — описание аудитории, в которой профессор Коробкин готовится читать лекцию. В «Круге» (и в автографе) аудитория выглядит так: «**Стулья, крытые кучами тел:** косовороток, тужурок, рубах; тут обсиживали подоконники, кафедру и стояли у стен и в проходе; вот маленький стол на качающемся деревянном **помосте, усиженном кучею тел;** вот — доска, вот и мела кусочек; и мокрая тряпка».⁴⁹

Можно предположить, что Белому не понравился повтор (дважды в одном абзаце «кучи тел»), и он решил от него избавиться. Но что-то пошло не так, и вместо трех слов («усиженном кучею тел») он вычеркнул лишь одно, последнее. В результате получилось нечто весьма похабное: «...вот маленький стол на качающемся деревянном **помосте, усиженном кучами**» (МЧ-1926, с. 65).

* * *

В качестве одного из типичных примеров невнятицы, порожденной неудачным сокращением, рассмотрим сцену отвратительной ссоры Задопятова с женой Анной Павловной, обнаружившей, что муж уже давно изменяет ей с Василисой Сергеевной Коробкиной:

«Косма ее, желтоседа, упала, вилась, ей на плечи. <...>

— Я читала, как ваши мизинчики лижут, как лезлой головкою роются в старом мотальнике...

— Друг мой!

Но желтоседа, **вторая змея — развила:**

— **Вам еще сладостей, старый лизало!** <...>

Смирно смигнул и себе на плечо посмотрел, будто сам убедиться хотел он, **какой такой „Фока“**; и тут, невнарок, — у себя на плече рассмотрел женский волос, не желтозеленый, а — черный <...>.

Представьте же: съерзнул он с кресла — коленом в ковер, головой ей в колени: об-лапить ей ноги и „старым мотальником“ **пол шаркать над толстой ногою...**» (МЧ-1926, с. 194–196).

Итак, Анна Павловна упрекает мужа в измене, буквально изничтожает его, а тот трепещет и пытается загладить вину. Общий смысл сцены вроде бы ясен, но детали кажутся хаотичными, бессвязными. Однако, если вставить в текст вычеркнутые из него куски, сравнить книжный текст (сокращенный) с текстом автографа, то некоторая причинно-следственная связь обнаружится. Только она пропала после произведенных Белым вычеркиваний.

Так, например, совсем непонятно появление в этом пассаже какого-то Фоки. Не доумевает вместе с читателем по этому поводу и сам Задопятов («какой такой „Фока“»). В комментариях к тульскому изданию 1989 года попытались эту загадку разгадать и Фоку идентифицировать: «Фока — персонаж басни И. А. Крылова „Демьянова уха“».⁵⁰ Но при чем здесь крыловский Фока, гость Демьяна, несчастная жертва его хлебосольства? Решительно не при чем. Беловский Фока из романа «Москва» — жертва сокращения текста. Белый вычеркнул фразу Анны Павловны, предвещающую недоуменную реакцию Задопятова:

«Явно казалось ей, — грязь на нем липла:

— **Сам — Фока: а тоже вот — око!**

Смирно смигнул и себе на плечо посмотрел, будто сам убедиться хотел он, **какой такой „Фока“ ...**».

⁴⁹ Там же. С. 67.

⁵⁰ Белый А. Петербург. Москва. Т. 1. С. 728.

Сама присказка на народный лад («Взяло Фоку сзади и сбоку», «Денис, ступай на низ; а ты, Фока, гляди с бока», «Фока как сорока Якова — затвердил одно про всякого»; и пр.) не очень понятна, как, впрочем, не очень понятны вообще народные присказки с именами собственными, но очевиден — в исполнении Анны Павловны — насмешливый, уничижительный характер реплики.

А почему вдруг у Анны Павловны «желтоседа, вторая змея — развилась». Где же первая? Ее вычеркнули. Первоначально было: «Косма ее, желтоседа, змея, из нашлапки упала, вийсь, ей на плечи».

Также вычеркнута оказалась реплика Задопятова, в ответ на которую Анна Павловна буквально взрывается: «Вам еще сладостей, старый лизало!» В книге Задопятов говорит «Друг мой!» и останавливается, а в автографе продолжает: «Друг мой, мне не сладко!» Это «мне не сладко» и подхватывает супруга изменщика, обвиняя его в тяге к сладострастию.

И наконец, в финале сцены Задопятов падает перед женой на колени, чтобы головой («старым мотальником») «пол шаркать над толстой ногою». Но разве можно шаркать пол над чем-то, в частности, над ногою? Первоначально было более внятно: Задопятов «сързнул» с кресла, чтобы «*„старым мотальником“* пол подтирать; *косоплечил над толстой ногою*».

Такого рода сокращения (а их в романе — не счесть) требуют отдельного, специального анализа, отдельной, специальной статьи. Ведь, с одной стороны, это очевидная, как и в случае с «переозвучкой» романа, авторская воля, а с другой — авторская воля, саму себя дискредитирующая.

* * *

«Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...» — строка из стихотворения Осипа Мандельштама памяти Андрея Белого «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (1934). Она не случайно взята в заглавие статьи. Белого действительно и не без основания считали писателем непонятым, невнятным, запутанным. После выхода первого тома романа «Москва», а потом второго тома («Маски») эта репутация еще более упрочилась. Белый такие упреки воспринимал болезненно и всячески пытался доказать их неправомерность. По словам очевидца, во время публичного выступления писателя в Политехническом музее (11 февраля 1933 года)⁵¹ на сцене висел плакат «Почему я так непонятен?». ⁵² А само выступление было почти целиком посвящено разъяснению этой непонятности. Белый говорил, в частности, о том, что ему нужен такой читатель, который обучился литературной грамоте так, как обучаются грамоте политической.⁵³ Однако, требуя правильного читателя, Белый не оговорил в этом выступлении, что его произведениям нужен и правильный, высококвалифицированный издатель. Количество ошибок, пропущенных в книгах «Круга», чрезмерно велико (в статье приведена лишь их малая часть). Они серьезно затемняют смысл произведения, искажают авторский замысел. Хочется надеяться, что выявление корпуса ошибок, а затем, возможно, и текстологически выверенная публикация романа «Москва» сделают многое из того, что сейчас кажется непонятым, — по крайней мере, более ясным, а то, что воспринимается как невнятное и запутанное — чуть более внятным и легким для восприятия.

⁵¹ Андрей Белый: Проблемы творчества. С. 683–685.

⁵² Воспоминания Е. И. Касимовой были записаны в 1990 году Д. Г. Санниковым, сыном поэта Г. А. Санникова. См. в кн.: *Белый А., Санников Г. Переписка 1928–1933* / Сост., предисловие и комм. Д. Г. Санникова. М., 2009. С. 230.

⁵³ Спивак М. Л. Последнее публичное выступление Андрея Белого (1933): тактика самоописания // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 9. С. 138–162.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-195-203

© Н. А. Гуськов

**АФАНАСИЙ СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И ЕГО ДВОЙНИКИ:
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ
К ПОВЕСТИ К. А. ФЕДИНА «НАРОВЧАТСКАЯ ХРОНИКА»**

Сто лет назад вышла в свет «Наровчатская хроника» К. А. Федина, многократно переизданная (впрочем, без подробного комментария, как и все сочинения ее автора), но мало известная в наши дни даже филологам. У современников же, советских и эмигрантских критиков всех направлений и особенно писателей, нередко противоположных по вкусам и убеждениям, она имела заметный успех.¹ Это заставляет пересмотреть настойчивое сведение исследователями ее смысла к эффектным очеркам быта, которыми изобилует проза 1920-х годов. Всеобщее признание «Наровчатской хроники» объяснимо наличием многоуровневого подтекста, который позволял любым читателям находить в ней то, что отвечало их интересам, и до известной степени оправданно трактовать ее по-своему.

События происходят в 1919 году в Наровчате, который, однако, не соответствует реальному городку Пензенской губернии. Название это, по словам рассказчика (2, 127) и по воспоминаниям автора (2, 512), выбрано как условное обозначение истинного места действия. Сказовое повествование ведется от лица Игнатия, юного монастырского послушника. Рассказанное им можно воспринимать на нескольких уровнях: во-первых, как зарисовки провинциального быта революционной эпохи; во-вторых, как символическое изображение судеб страны на примере «сборного» города, воплощающего в традициях отечественной прозы сущностные черты национальной жизни; в-третьих, как повесть с ключом, где в условное пространство спроецированы важнейшие обстоятельства литературной и общественной ситуации 1920-х годов.

Повествователь подан одновременно с иронией и сочувствием. Несовпадение его с автором и частичное их сближение остраивает изображаемый материал и точки зрения на него, порождая подтексты и множественность интерпретаций. В тоне рассказа ощущается роковая значимость происходящего как для города, который для наивного хроникера тождествен вселенной, так и лично для субъекта речи, который при всех несходствах с автором выступает его психологическим двойником. «Наровчатская хроника» создавалась в условиях тяжелого мировоззренческого и творческого кризиса: порывая с прошлым, Федин уничтожил почти все дневники и уподоблял себя и своих близких персонажу новой повести М. М. Зощенко «Страшная ночь», который в бесильном отчаянии среди ночи бьет в набат.² Аналогичные переломные моменты судьбы писателя, по его неоднократным признаниям, приходились на год приближения к революционному преобразованию родного Поволжья — 1919-й (время действия «Наровчатской хроники») — и на 1921-й, когда в Петрограде ради чистого литературного творчества Федин отказался от общественной деятельности, вышел из партии. Вероятно, в его повести есть гротескные, неоднозначно окрашенные аллюзии на общеизвестные или лично значимые для автора факты трех переломных, кризисных лет его жизни. Описываемая же рассказчиком наровчатская элита (интеллектуальная: духовенство, журналисты; политическая: советская администрация) — не только индивидуальные представители социальных и психологических типов, но и собирательные фигуры, отсылающие к нескольким прототипам, сыгравшим важную роль в судьбе писателя.

¹ См., например: *Федин К. А. Собр. соч.*: В 12 т. М., 1982–1986. Т. 10. С. 300, 305 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы); Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX в. М., 2016. Кн. 1. С. 384, 395.

² Восторженную характеристику и трагическую интерпретацию повести см. в письмах Федина Зощенко от 10 февраля (Там же. С. 341) и Горькому от 19 февраля 1925 года (10, 298).

Далее речь пойдет о персонаже, который, не участвуя в действии, фактом своего существования сильно влияет на окружающих, прежде всего — на мировоззрение и поступки рассказчика. Афанасий Сергеевич Пушкин, родом из крестьян, окончил городское четырехклассное училище, прибыл в Наровчат в зрелом возрасте, но слышет одной из главных местных достопримечательностей. «Кто хоть плохо вспоминает портрет поэта Пушкина, тот не может не содрогнуться при взгляде на его наровчатское повторение! — сообщает рассказчик, — <...> этот человек еженедельно по воскресным дням, в сумерки, когда Главная улица Наровчата кишит гуляющими, <...> пронесится стремительно из одного конца улицы в другой, идя по мостовой вблизи тротуара, наклонясь верхней частью корпуса значительно вперед и заложив руки за спину. <...> Взгляд его черных глаз горит, черты благородного лица исполнены твердости, поступь как бы надземна, вся фигура его замечательна! Одет он в этот час совершенно так же, как одевался поэт Александр Сергеевич — в шинели николаевской моды, с крылатою накидкой до пояса, в твердой высокой шляпе. Проходит он всего один раз мимо гуляющей публики в трепещущей от быстроты движений черной крылатке, развеваемой иногда ветром, и всем своим образом напоминает прославленного поэта, если позволено так выразиться, — прямо мистично. И тогда навстречу ему и следом за ним из сотен, а может быть и тысяч уст, несется слово:

— Пушкин, Пушкин, Пушкин!» (2, 129–130).

О непосредственном прототипе героя сообщил сам автор: «Афанасий Сергеевич Пушкин действительно скончался, впрочем, естественной смертью и несколько раньше, чем в моей „Наровчатской хронике“. Это может подтвердить Алексей Н. Толстой, встречавший его на Волге примерно в те же годы, когда, в саратовском пассаже, я впервые увидел ожившую пушкинскую шинель и высокий цилиндр» (2, 512), т. е. на рубеже XIX и XX веков. Толстой сам намеревался описать волжского двойника Пушкина и сожалел, что Федин его опередил. Однако персонаж «Наровчатской хроники» не просто анекдотический анахронизм, но и переосмысление детского воспоминания. Во-первых, это представитель культурно значимого типа городского сумасшедшего, юродивого, чудака в новом — светском, интеллектуализированном и романтизированном — варианте при сохранении традиционных карнавальных функций: подобный герой — воплощение и выразитель духовных ценностей общества, которое его одновременно почитает и поносит. Во-вторых, образ Афанасия Сергеевича и вне архетипического контекста — символическое обобщение реальных фактов. К началу XX века известность Пушкина в массовой городской среде сделалась уже столь велика, что по-волжский его двойник был аномалией занятой, но не исключительной: в нескольких городах России существовали подобные двойники поэта, которых тоже следует приписать к прототипам персонажа «Наровчатской хроники».

«Нынче таких двойников не видно, а лет 15 тому назад в Петербурге их было двое, — сообщал в 1912 году неизвестный журналист. — Один из них был сыном пристава столичной полиции Х-о.³ Если бы не очень высокий рост, то сходство с тем Пушкиным, которого мы знаем по портрету Кипренского, было бы поразительное. Всякий раз, как этот молодой человек гулял по Невскому, прохожие тыкали на него пальцами и говорили:

— Пушкин! Какое удивительное сходство!

Другой двойник великого поэта служил... официантом в одном из увеселительных уголков. Завсегдатаи ресторана иначе не называли его, как „Пушкин“. Сходство, действительно, было громадное, но этому двойнику недоставало интеллигентности в лице...».⁴ О третьем двойнике через несколько дней рассказал московский фельетонист: «В летнее время его можно было видеть или сидящим в кофейной Филиппова, или фланирующим по Тверскому бульвару. И оттого, что он ходил в широкополой шляпе и плаще с капюшоном, — получалась полная иллюзия, что по бульвару гуляет

³ Возможно, речь идет о приставе 2-й Спасской части действительном статском советнике Николае Ивановиче Хоменко (1838–1906). Кто из его сыновей был похож на Пушкина, установить не удалось.

⁴ Петербургская газета. 1912. 29 янв. № 28. С. 14 (разд. «Эскизы и кроки»).

сам Пушкин <...> Случалось, что Денисюк присаживался на скамейке у самого памятника. И тогда вы могли видеть двух Пушкиных». ⁵ Далее сообщается, что Денисюк — литератор, «и даже больше — „кабинетный работник“». Им выпущено несколько литературно-критических работ». ⁶ Кроме того, он несколько лет был официальным редактором «курсовой» газеты кавказских Минеральных Вод и уже давно не появляется на Тверском бульваре. Вероятно, имеется в виду Николай Федорович Денисюк (1864–1917), плодовитый составитель научно-популярных и публицистических книг на разные темы. ⁷ Во время публикации фельетона Федин учился в московском коммерческом институте и мог сам если не видеть Денисюка, то слышать или читать о нем, как и о других подобных фигурах. Они могли освежить воспоминание о сильном впечатлении детства — о волжском Пушкине.

Особенного внимания московский двойник поэта заслуживает еще и потому, что выведен другими видными писателями — М. А. Осоргиным в рассказе «Человек, похожий на Пушкина» (1931) и А. М. Ремизовым в мемуарной книге «Подстриженными глазами» (1951). С последним накануне его эмиграции (1921) Федин часто общался, но шла ли речь о двойнике Пушкина, неизвестно. В 1920-е годы, следя за творчеством друг друга, писатели обменивались новыми книгами, и Ремизов, и не слишком близкий автору «Наровчатской хроники» Осоргин могли о ней знать. Он называет двойника Пушкина Александром Терентьевичем Телятиным, Ремизов — Денисюком: «...я думал, ослышался <...>: и даже не Денисов, а Денисюк. Но имя и отчество пушкинские <...> И оттого в моих глазах он и Денисюк, а оставался Пушкин». ⁸ В первом случае фамилия подчеркивает смирение героя, во втором вносит гротескный комизм. Поселены они в удаленных друг от друга частях Москвы: Телятин в Мерзляковском, ремизовский Денисюк — в Шелапутинском переулке. Однако при свободе обращения с фактами и заметной доле вымысла в обоих случаях чувствуется установка на истинность изображаемого; обилие же общих деталей свидетельствует о том, что речь идет об одном лице. Время встречи с ним автобиографического повествователя отнесено к концу 1890-х годов, и происходит она в том же знакомом месте, что и в фельетоне Мечи: «Если жилали в Москве, то, может быть, встречали на Тверском бульваре фигуру в черном плаще, высоком и широком воротнике, пышном галстуке, а шляпа почти всегда в руках. Смуглое лицо, бакены, кудрявая голова, задумчивость — такое сходство с Пушкиным, вернее, со статуей на памятнике Пушкина, что даже как-то неловко. Появлялся со стороны Никитских ворот, держа в одной руке шляпу и книгу, а в другой толстую палку, медленно проходил весь бульвар и садился против памятника»; ⁹ «На Страстной монастырь глядя, памятник Пушкина: Пушкин в крылатке стоит со шляпой, и внизу подпись <...>. И тут же, около памятника, смотрите, он самый, живой с баками и в крылатке, как с памятника, только без подписи. Да и к чему: в каждом из нас <...> — ему подпись...». ¹⁰ Если не считать сопоставления с монументом, оба приведенные описания близки не только между собою, но и с цитированным фрагментом «Наровчатской хроники». В трех текстах двойник поэта живет двойной жизнью. Это мелкий чиновник, занимающийся примитивной работой: Денисюк — шебуевский контрощик, наровчатский Пушкин «писал накладные на железнодорожные грузы. Всю жизнь Афанасий Сергеевич отличался аккуратностью по службе, занимаясь в маленьком чуланчике с окошечком, рядом со станционным весовщиком. В служебное время <...> для постороннего глаза невидим» (2, 128). Служба Телятина «была в том, что целый день он заполнял пустые места на цветных бланках. У него был преотличный почерк. <...> Бланки он заполнял без ропота и без гримас, даже отчасти любуясь

⁵ Меча. Двойники Пушкина // Московская газета. 1912. 6 (19) февр. № 172. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ См., например: Денисюк Н. Ф. 1) Что дало электричество миру? М., 1902; 2) Начала политической экономики. М., 1907; 3) Граф Алексей Константинович Толстой: его время, жизнь и сочинения. М., 1907.

⁸ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 248.

⁹ Осоргин М. А. Чудо на озере. Paris, 1931. С. 173.

¹⁰ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 243.

на свою отчетливую работу; но если кто-нибудь к нему обращался, особенно из заходящих по делам посетителей, то он медленно поднимал от бумаги черно-карие глаза, смотрел устало и отвечал снисходительно».¹¹ Три персонажа напоминают гоголевского Акакия Акакиевича (Телятин даже образцовым почерком), в рассказах о них есть и аналогия так называемому гуманному месту «Шинели». Облик великого поэта не противоречит роли «маленького» человека, отсылая к концепции Ф. М. Достоевского, который полагал, что в личности Пушкина смирение совмещается с гордостью и преобладает над нею.¹² Повествователь «Наровчатской хроники» прямо упоминает о своей пристрастии к творчеству Достоевского (2, 123).

В часы досуга герой преображается: облачившись в наряд николаевской эпохи, он демонстрирует себя публике — бескорыстно, не проявляя надменности, тщеславия, полностью погрузившись в себя, принимая как должное и восторги, и глумление: «...он нисколько не рисовался. Он <...> чувствовал, что в его судьбе есть странность и что иначе поступать нельзя, как, например, неплохо зарывать свой талант или уклоняться от исполнения общественного долга. Иногда и погода была плоха, и не совсем здоровилось, — а он все-таки шел на бульвар отбыть положенное время, полчаса или весь час. Был и тут добросовестен и аккуратен, как на службе в акцизном ведомстве. Сначала его смущало внимание прохожих, особенно у самого памятника, где легче проверить сходство. Затем он привык <...>. Но никогда он не старался сам каким-нибудь жестом привлечь на себя внимание. Посидев — шел домой в прежней задумчивости».¹³ Правда, ход истории наложил отпечаток на героя Осоргина: в период голода и разрухи повествователь «столкнулся с человеком странного вида, толстогубым, с полуседыми редкими кудрявыми баками, в легкой, вызеленевшей крылатке — это по зимнему-то морозу! <...> в каких-то необычных глубоких калошах с меховой оторочкой многолетней давности. <...> сгорбленный под кулем какого-то зерна. <...> Теперь о сходстве, конечно, смешно было говорить, — а все-таки что-то осталось, вероятно, в глазах или в странности одежды».¹⁴ Наровчатского Пушкина не остановили и бытовые трудности революционной эпохи: «Гуляний на Главной улице за последние два года совсем не стало, вид ее уныл и пустынен, юношество рассеяно по республике войною и прочими бедствиями <...> Но несмотря на упадок городской жизни, как бы не замечая его, Афанасий Сергеевич Пушкин, все так же чудесно похожий на славного своего двойника, продолжает совершать по воскресным дням мечтательные прогулки на Главной улице» (2, 130).

В рассматриваемых текстах пушкинский портрет сакрализован и противопоставлен мещанской пошлости, жестокости, равнодушию как олицетворение возвышенного и прекрасного, призрак находящегося под угрозой исчезновения или уже почти утраченных духовных ценностей. Сентиментально, но и не без иронии поданный маленький человек выступает подвижником и мучеником идеи прекрасного, жертвой толпы и общественной системы. Это Акакий Акакиевич, но одухотворенный: он сознает и принимает как удел свою миссию (не посрамить и прославить пушкинский облик, ставший национальным символом), он наделен, помимо наивного смирения, романтической избранностью и таинственностью. Интуитивное ощущение величия этой миссии дарит ему счастье как душевное просветление: «Какой сказочный образ — и большего добродушия и упоенности своим историческим обличем едва ли в ком еще встретите — подлинно, Пушкин был самый счастливый на Москве...».¹⁵ Внешняя раздвоенность и внутренняя гармония пушкинского двойника смущает, озадачивает даже симпатизирующего рассказчика: «Явится на землю — Пушкин, какие товарищи и какой разговор! Как мощи, что и смотреть-то не полагается, воображай и жди чудес»;¹⁶ «Не фигляр, не актер, не заносчивый человек, а как бы человек, отмеченный перстом судь-

¹¹ Осоргин М. А. Чудо на озере. С. 173–174.

¹² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 136–149.

¹³ Осоргин М. А. Чудо на озере. С. 175.

¹⁴ Там же. С. 180.

¹⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 244.

¹⁶ Там же. С. 245.

бы и несший свою участь безропотно, достойно и вполне скромно». ¹⁷ Еще меньше понимания встречает необычный герой у остальных окружающих.

Впрочем, Осоргин все противоречия разрешил идиллически. Герой его рассказа разделял людей «на замечавших и ничего не замечавших. Первые были образованными и порядочными людьми, а вторые — бессмысленная чернь, чуждая поэзии». ¹⁸ Телятин окружен лишь доброжелательными представителями первой категории: «Служивцы звали его, конечно, Пушкиным или просто поэтом; но в общем любили, не смеялись над ним, так как он был хороший человек <...> Жена <...> была добрейшей женщиной, только <...> непомерно толста, ума же среднего. Александра Терентьевича она очень любила и вышла за него именно потому, что он похож на Пушкина, а Пушкина она все-таки читала <...> Когда он уходил, жена думала: „Вот он сидит там, и все на него смотрят“. И на сердце ее становилось легко и приятно». ¹⁹ Именно жена служит герою опорой во время революционных невзгод. Двойнику Пушкина, таким образом, доступно и дружеское участие, и семейное счастье, которыми обычно обделены маленькие чиновники в литературе. Устрашились содеянного и искренне раскаялись даже шутники, решившие подразнить Телятина и напоившие его до утраты поэтического облика: «То ли он не привык пить, то ли мы оглушили его беспардонной болтовней. Голова его склонилась, волосы спутались, галстук сбился набок, — и совсем он не был теперь похож на собственный памятник. <...> На завтра мы, посовещавшись, чино и благородно явились на квартиру нового знакомого извиняться». ²⁰

Хотя Денисюк — фигура эпизодическая, а наровчатский Пушкин — одна из центральных в повести, оба вовлечены в острый конфликт поэта и толпы, неизбежность и неразрешимость которого Ремизов прямо поясняет: «В человеческой природе — едва ли у зверей встречается — есть непреодолимое желание тронуть единственное и непохожее. <...> Особенно дались баки и шляпа; крылатке спускали». ²¹ Ср. в повести Федина:

«— Пушкин, Пушкин, Пушкин!

Одни произносят это имя насмешливо, другие с озорством, третьи даже восторженно. <...> Афанасий Сергеевич мчится своей дорогой, не обращая ни на что внимания. Стучалось, что какой-нибудь сослуживец Афанасия Сергеевича по конторе товарной станции, из желания поиздеваться над своим товарищем, закричит ему вдогонку: „Афоня, пойдем, раздадим пару пива!“ — или что-нибудь подобное. Но Афанасий Сергеевич уже исчез в конце Главной улицы» (2, 130).

Враждебная среда в обоих текстах воплощена в лице антагониста, описанного столь же неоднозначно, как и сам двойник поэта. Денисюку противопоставлен Денис Девилин, «почвенная» натура, в которой уживаются черты книжника-правдоискателя и разбойника-конеборца. Отсюда противоречивость его чувств и поступков, не менее загадочная, чем поведение его жертвы. Наровчатского Пушкина преследует бездарный и самовлюбленный, но тоже по-своему наивный, искренне одержимый революционной идеей пролетарский стихотворец с характерным псевдонимом Антип Грустный.

Конфликт достигает кульминации в эпизодах, восходящих к «гуманному месту» «Шинели». На купеческой свадьбе, куда по-соседски приглашен Денисюк, его заставляют читать «Гавриилиаду»: «Пушкин казался таким маленьким и воздушным обок с грузными стоеросовыми разбойниками <...> Составлялась жгучая смесь: цыганское „с перыцем — ядыды“. И это колдовское предназначалось для Пушкина <...>

Пушкин пил с выбором, а смесь безрелигиозно отставлял.

И это движение принято было за обидное. Начинали задирать. Как обычно: баки и шляпа. Пушкин за столом был без шляпы, но это все равно <...>.

¹⁷ Осоргин М. А. Чудо на озере. С. 176.

¹⁸ Там же. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 174–175.

²⁰ Там же. С. 178–179.

²¹ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. С. 244.

И я подумал: „а что если Пушкин поддастся и начнет читать?“ <...> — его перебьют и — загогочут. И эта мысль задушила меня».²² Когда же, к умилению рассказчика, тот прочел «Гонимы внешними лучами...», толпа стала глумиться над покорным чудачком: «С Пушкина стащили его пушкинский сюртук. В одной рубашке с помятой пристегнутой манишкой, а все-таки не ошибешься, Пушкин. Над ним Денис, лопоча: „Саша, не сопротивляйся!“ — без лязга и без шора работал безопасной бритвой <...>. Одной пушкинской баки, как не бывало, гладко, а другая половинкой загибалась, вроде испанская. Пушкин — закрыл глаза — посмертная маска, не сопротивлялся.

А когда на другой день я спрошу, как это могло случиться, ответ Дениса:

„Так сделалось“.²³

Наровчатский хроникер сообщает, как при случайной встрече на улице Грустный, «зарывав малопонятное, начал трясти Афанасия Сергеевича так сильно, что у того запрыгала шляпа. <...> И вдруг я заметил на глазах несчастного две крупных, готовых упасть слезы. Он как бы отсутствовал из действительности, созерцающая нечто несказанно печальное и только телом своим отзываясь на тряску, которой подвергал его иступленный Антип. Сердце мое сжалось» (2, 132). Сентиментальный эффект закреплен в рассказе о посещении комнаты Пушкина: «Чувство, какое я испытал <...>, не могу назвать иначе, как умилением, хотя многие из бывших со мною горожан смеялись. <...> Я покинул опустевшее жилище с такой грустью, как если бы бросил на произвол сироту» (2, 142). Мотив слез беззащитного существа — аллюзия не только на «Шинель», но и на сентенцию из «Братьев Карамазовых» о несовместимости гармонии со слезинкой замученного ребенка.²⁴

Оба обидчика двойников Пушкина одержимы инстинктивной жадой ополшить, уподобив себе, возвышенное, исключительное. Репутации Грустного опасна даже память о великом предшественнике, но он глуп, поэтому, хотя его поступки осознанны, они дискредитируют не столько его, сколько идеологию, которой он руководствуется, и власть, которая ему покровительствует. У героев же Ремизова жестокий порыв сочетается с подсознательным благоговением перед поэтическим гением, с затаенной чувствительностью. Разрешение конфликта поэтому различно: судьба Денисюка остается неизвестной, надругательство над пушкинским обликом — лишь один из примеров к рассуждениям о законах жизни. У Федина городские власти, по доносу Грустного, запретили Пушкину совершать его шествия, и тот исчез. В его комнате нашли любовно подобранную коллекцию портретов поэта и целую библиотеку по пушкинистике, а труп выловили в реке: «С головы Афанасия Сергеевича, вымоченные и распрямленные водою, спускались желтоватые пряди волос, и знаменитые бакенбарды были совершенно рыжи и нисколько не курчавы. Подумать только, что этот человек всю жизнь красил волосы...» (2, 150). Эта деталь принципиально отличает наровчатского Пушкина от двойников, описанных Осоргиным и Ремизовым, от природы наделенных внешностью поэта и потому — вопреки своему общественному положению и культурному уровню — интуитивно выступающих носителями пушкинского слова, воплощением его славы. Афанасий Сергеевич всегда безмолвен, но оказывается подлинным жизнестроителем: сознательно изучив литературу о великом однофамильце и воскрешая, казалось бы, лишь его образ, герой внутренне отождествился с ним.

Выявляя прототипы Афанасия Сергеевича, следует учесть и взаимоотношения Федина с писателями, которых современники уподобляли Пушкину. Неизвестно, был ли к 1925 году Федин лично знаком с П. Г. Антокольским, который, если верить «Повести о Сонечке» М. И. Цветаевой, казался «очень похож на Пушкина: маленький, юркий, курчавый, с бачками, даже мальчишки в Пушкине зовут его: Пушкин».²⁵ Зато

²² Там же. С. 249–251. В 1910-х годах, позднее попоек, описанных Осоргиным и Ремизовым, Денисюк проповедовал трезвость: *Денисюк Н. Ф.* Злое горе Руси и русского народа (Пьянство в России). СПб., 1913.

²³ *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. С. 251–252. А. М. Грачева усматривает здесь аллюзии (в том числе на уровне языковой игры) на дуэль Пушкина (Там же. С. 600).

²⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 223.

²⁵ *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 294.

регулярным было общение, хотя и не очень близкое, с жившим тогда в Ленинграде О. Э. Мандельштамом: «Обликом он в те годы был отдаленно похож на Пушкина, — вспоминал Н. К. Чуковский, — и знал это. Вскоре после его приезда в Доме искусств был маскарад, и он явился на него, загримированный Пушкиным — в сером цилиндре, с наклеенными бачками».²⁶ Однако, при многочисленных перекличках судеб великих поэтов и своеобразном творческом их диалоге,²⁷ наровчатский Пушкин может быть связан с Мандельштамом лишь отчасти, ведь для последнего период написания повести принадлежит к внешне довольно благополучным.

«Юрий Николаевич Тынянов, — свидетельствует цитированный мемуарист, — в молодости был очень похож на Пушкина, — больше, чем Мандельштам <...> не только кудрями, <...> баками, которые он вскоре сбрил, <...> маленькой легкой стройной своей фигуркой, <...> подвижностью, темпераментностью, веселостью, остроумием, не только умением так верно подделывать пушкинскую подпись, что и специалисту нелегко было отличить ее от подлинной, но и гораздо более глубокими свойствами натуры, ума, склонностей, интересов».²⁸ Чуковскому вторит сам Федин: «Если бы я писал портрет Юрия Тынянова, я начал бы с того момента, когда увидел в Доме литераторов, в Петрограде, молодого человека, весьма похожего на Пушкина. Он не боялся подчеркнуть это внешнее сходство небольшими отращенными бачками. <...>. Он даже в личной своей манере стал похож на людей первой четверти прошлого века, как мы их себе представляем, — афористической речью, усмешкой, то нежным вниманием к человеку, то резким эпиграммным отзывом» (9, 155, 157). Тынянов как прозаик всегда встречал поддержку со стороны Федина, который грозно «пошел на Н. А. Брыкина, утверждавшего — это было на собрании в Ленклублите <...> в начале тридцатых годов, — что Толстой и Тынянов не случайно, а с заранее обдуманном намерением уходят от современности в историю, подозрительно бойкотируя политическую жизнь страны».²⁹ Однако в эстетике ОПОЯЗа Федин многое отвергал, хотя с нею тесно связаны ранние его эксперименты. Сочувствуя, как и другие «серапионовы братья», вниманию к проблемам стиля и композиции, поискам законов искусства, писатель и на серапионовских собраниях, с первого их посещения, и в статьях тех лет³⁰ резко осуждал отрицание индивидуальных, психологических, интуитивных аспектов творческого процесса, сведение его к оперированию литературными приемами. Писатель, напротив, утверждал, что без таланта, вдохновения в романтическом их понимании владение формой бесплодно. В свою очередь формалисты оценивали прозу Федина двойственно, порицая за преобладание в ней традиционного над новаторским, например, в докладах Тынянова и Л. Я. Гинзбург о «Городах и годах» в Институте истории искусств 24 февраля 1925 года, т. е. в период завершения работы над «Наровчатской хроникой».³¹ Не исключено отражение в ней этой полемики в виде иронических намеков на внешний характер пушкинского ореола Тынянова, а также попыток его единомышленников примерить маски «литературных личностей» (так, В. Б. Шкловского, ссылаясь на И. Е. Репина, уподобляли Лермонтову³²), теории ОПОЯЗа в целом.

«В конце двадцатых годов среди студентов Института истории искусств в Ленинграде <...> ходила карикатура — пушкинские кудри, пушкинские курчавые баки, а лица нет, и подпись: „Ю. Н. Тынянов“».³³ В шарже младоформалистов их учитель предстает безликим (лишенным зеркала души) Пушкиным. Таков и наровчатский чиновник: он досконально изучил литературу о Пушкине, скопировал его внешность, но

²⁶ Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 149.

²⁷ Подробнее см.: Сураг И. З. Мандельштам и Пушкин. М., 2009.

²⁸ Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. С. 318–319.

²⁹ Каверин В. А. Эпilog. М., 2006. С. 260.

³⁰ См., например, статьи «Мелок на шубе» (9, 289–293) и «Фельетон о языке и критике» (Звезда. 1929. № 9. С. 143–155).

³¹ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 469. См. также: Там же. С. 135, 161; Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 288–290, 336; 514.

³² Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2013. Т. 11. С. 192.

³³ Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. С. 318.

лишен сущности своего двойника — способности к вдохновенному творчеству, бесплоден и безмолвен. Пушкинское в нем — лишь эффектный, но искусственный облик, поэтому он обречен на гонения и гибель не как гений, но как нежизнеспособный курьез; он пародиен, в тыняновском понимании термина,³⁴ так как являет собою форму, чья функция сместилась в другой культурный ряд, приведя к смысловому взрыву. Об ответных пародиях вспоминал Каверин: «...Юрий уже в начале тридцатых годов изображал Федина, сдернув со стола салфетку, ловко подкинув ее под локоть и склонившись в угодливо-лакейской позе <...> Федин пользовался всеобщим уважением, и Юрий <...> разделял это чувство».³⁵ Возможно, личные намеки в повести Федина служат одной из психологических предпосылок возраставшей тыняновской агрессии против него, необоснованной, с точки зрения современников, позабывших пародии былых лет. Так, К. И. Чуковский записал в 1934 году: «Тынянов обнаружил много сосредоточенной и неожиданной ненависти к Федину. „Федин... защищает Зоценку!! Федин покровительствует Зоценке!! Распухшая бездарность!“ и т. д. С такой же неожиданной злобой говорил он об О. Мандельштаме и о Б. Пастернаке...».³⁶

Ирония, однако, сочетается в «Наровчатской хронике» с симпатией и уважением к герою, который чужд корысти и тщеславия, но не удовлетворен уделом обывателя. Не обладая для самореализации гениальностью однофамильца, даже внешним сходством с ним, Афанасий Сергеевич наивно посвятил жизнь посильному приобщению к судьбе великого человека, обрел служение в том, чтобы, внешне слившись с поэтом, напомнить своим обликом добрые мысли, которые тот пробуждал лирой. Неповинность этого чудака, идеалиста-подвижника, жертвы среды и власти, безразличных к духовным ценностям, очевидна; судьба его вызывает сострадание, вновь поднимая один из «проклятых» вопросов русской литературы — об обреченности «маленького» человека, протест против которой прямо заявлен Фединым в эпистолярном споре с Горьким в 1925–1926 годах (10, 307–319). Обращение к участи маленького человека, чей образ введен в нашу словесность Пушкиным, при мысли о двойниках поэта закономерно. По словам Н. К. Чуковского, для Тынянова, как и для Пушкина, «в русской истории самыми важными были трагические отношения между русской государственностью и человеческой личностью. <...> Как же относился Тынянов к Медному всаднику? Да так же, как Пушкин. Как к мощному властелину судьбы, полному великих дум, от скаканья которого не убежишь никуда и никогда. Как же относился Тынянов к Евгению? <...> Он, как и Пушкин, сам был Евгением».³⁷ Ср. у Мандельштама: «Самолюбивый, скромный пешеход — / Чудак Евгений — бедности стыдится, / Бензин вдыхает и судьбу клянет!»³⁸

Особое место среди прототипов героя «Наровчатской хроники» занимает А. А. Блок, которого многие современники соотносили с Пушкиным после речи на вечере памяти последнего. Сближение основывалось не на внешнем сходстве, а на жизненной позиции поэтов, ставших воплощением творческой свободы, гуманистических идеалов, противостоящих хаосу революционной повседневности. Федин не был знаком с Блоком, но «когда видел его, останавливался, смотрел ему вслед: как ровен был он, как прям был его взор, как целен образ. <...> Для него искусство было вечной битвой, в которой он всякое мгновение готов был положить свою душу» (9, 43, 45). На мировоззрение молодого писателя, судя по дневникам и воспоминаниям, повлияли услышанные в переломные моменты жизни доклады Блока «Крушение гуманизма» (16 ноября 1919 года) и «О назначении поэта» (13 февраля 1921 года). Обращение к ним во время очередного душевного кризиса закономерно. Вероятно, именно речь Блока подсказала автору преобразовать детское воспоминание о двойнике поэта в сюжетную линию повести: «Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением <...>; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триум-

³⁴ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 198–226, 284–309.

³⁵ Каверин В. А. Эпilog. С. 263.

³⁶ Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 12. С. 537. Последняя фраза выявляет именно личный, а не идеологический характер этих выпадов.

³⁷ Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. С. 318, 320.

³⁸ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 64.

фальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его — внутреннее — культура, — это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже бога». ³⁹ Именно такой смысл обретает еженедельное появление на наровчатских улицах двойника поэта. Ему противостоят «те, которые не желают понять, хотя им должно многое понять, ибо и они служат культуре», ⁴⁰ именуемые Блоком вослед Пушкину «чернь»: «Чернь требует от поэта служения тому же, чему служит она: служения внешнему миру; она требует от него „пользы“ <...>. Со своей точки зрения, чернь в своих требованиях права. <...> она никогда не сумеет воспользоваться плодами того несколько большего, чем сметение сора с улиц, дела, которое требуется от поэта. <...> она инстинктивно чувствует, что это дело <...> ведет к ее ущербу». ⁴¹ Так, упреки Афанасию Сергеевичу Антипа Грустного, собирательного пролетарского поэта, не лишены оснований: «Меня на музыку будут переключивать! Моими словами Великий народ выскажет свои думы и заветные мечты! А ты <...> за всю жизнь ни одного стихика не написал, ничтожность. Как же ты в праве трепать по улицам облик знаменитости Пушкина?» (2, 132). Объем статьи не позволяет рассмотреть конкретные прототипы Грустного, но неприязнь к нему рассказчика и автора отсылает к разрыву Федина с Пролеткультом в 1921 году и особенно к конфликту с В. В. Князевым, недавним эпигоном символизма, который превратился не просто в «красного звоняра»-агитатора, но в яростного гонителя всего, связанного с культурной традицией. В утренних выпусках «Красной газеты» в манере Антипа Грустного он откликнулся 6 февраля 1921 года стихами «Маскарад на помойке» за подписью Браунинг № 217475 на праздник в Школе ритмического танца, где 11 января присутствовали Блок и Мандельштам (не в костюме ли Пушкина?), а 17 февраля 1924-го рецензией «Тарзан от критикан» на книгу К. И. Чуковского о Блоке, объявив преступным умиление критика причастностью поэта к традиции и неприязнью к пошлости «черни».

Иначе оценил двойника Пушкина Симфориан Беспольный, единственный, кто, по почтительным словам рассказчика, способен был бы изобразить быт Наровчата. Этот бывший священник, издатель газеты, который мыслит независимо, не боится в лицо критиковать местных комиссаров, сетует: «Целый город людей, и ни единой живой души! Куда ни глянь — все рыла. Может, один человек, один-единственный на весь Наровчат, да и тому нет места, затравили. <...> Единственный человек в Наровчате — Пушкин. <...> Единственный в Наровчате человек с воображением, человек, а не рыло» (2, 138). Блоковский подтекст этих слов выявляет запись разговора с Горьким, одним из главных прототипов Беспольного (обоснование этой гипотезы требует особого исследования), 20 марта 1920 года. О сотрудниках «Всемирной литературы» он, по словам Федина, «отзывается хорошо. Особенно об Александре Блоке: „Человек“. Сказал это, выпрямился, сделал широкий жест рукой от головы до ног. Вышло красиво и верно: у Блока внешность именно „человека“». ⁴²

Наровчатского хроникера страшит гибель двойника Пушкина и последовавшая за нею смерть тоскующего Симфориана от жидкости неизвестного происхождения. Федин, соперничая жизнестроительству Блока («Он преследует меня. Единственное, что он сделал — себя»; 12, 48), ни в 1920-х годах, ни позднее тоже не был готов стать жертвой исторического возмездия — участи, избранной автором трилогии «вочеловечения» и уважающим его Горьким, вскоре после смерти поэта покинувшим Россию. Предоставив рассказчику повести возможность после катастроф, крушения идеалов найти выход, автор выражал, наряду с отчаянием от сложившейся в России культурной ситуации, надежду на преодоление и своего душевного кризиса.

Продолжение комментария, предпринятого в этой статье, может содействовать углублению интерпретации каждого из выделенных выше уровней подтекста «Наровчатской хроники», как выясняется, не вполне понятой за истекший век.

³⁹ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 160.

⁴⁰ Там же. С. 162.

⁴¹ Там же. С. 164–165.

⁴² Федин К. А. Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / Публ. Н. К. Фединой и В. В. Перхина; комм. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4. С. 145.

РОМАН В. В. НАБΟКОВА «ПОДВИГ»: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В октябре 1932 года, после публикации романа «Подвиг», Набоков писал жене из Парижа: «Париж уже полон разговоров обо мне <...>. Меня находят „англичанином“, „добротным“. Говорят, что путешествую всегда с tub’ом, по соответствию с Мартыном, что ли». ¹

Как видим, автобиографичность фигуры героя романа Мартына Эдельвейса не вызывала сомнений у современников Набокова, не вызывает сомнений и сейчас. Более того, по словам И. В. Гессена, редактора газеты «Руль», знавшего его с детства, «нет, пожалуй, ни одного романа у Сирина, в котором я не узнавал бы автобиографических черт, какой-нибудь детали знакомого лица, той или другой частности окружавшей его обстановки <...>, и это представляется характернейшей особенностью творчества его. Такие вкрапления служат ему как бы базой, лучше сказать — островком, который дает возможность отгородиться, сохранить себя». ²

Начало 1920-х годов, когда Набоков формировался как писатель, было для русской эмиграции временем твердой надежды на возвращение, и это — главная тема ранних рассказов и стихотворений Набокова, причем речь идет именно о вооруженном возвращении, как, например, в стихотворении «Песня» 1923 года:

Верь: вернутся на родину все,
вера ясная, крепкая: с севера
лыжи неслышные, с юга
ночная фелюга... ³

Набоков не принимал участия в Гражданской войне, но в начале 1920-х годов практически весь его круг литературного общения в Берлине состоял из участников этой войны. Так, все, кроме Набокова, члены литературного объединения «Братство круглого стола» (1922–1923) были ветеранами, служившими в Добровольческой армии: И. С. Лукаш, Сергей Горный (А. А. Оцуп), С. А. Соколов, Л. И. Страховский (Чацкий), В. Е. Татионов, В. А. Амфитеатров, Г. П. Струве, В. Л. Корвин-Пиотровский. А самый старший по возрасту в этом кружке Соколов (литературный псевдоним — Сергей Кречетов), поэт-символист, в прошлом издатель, основавший в Берлине новое издательство «Медный всадник» (в котором печатался и Набоков), вскоре стал еще и создателем вооруженной антибольшевистской организации «Братство русской правды». ⁴

Герои не только стихотворений Набокова, но и многих рассказов 1920-х годов, — воины, ветераны Гражданской войны. К ним относится и главный герой романа «Машенька» (1926) Лев Ганин. Как мы узнаем к середине произведения, Ганин — не настоящая его фамилия, он живет по подложному паспорту, храня в своей комнате браунинг. В недавнем прошлом он был участником неких вооруженных отрядов, борющихся

¹ Набоков В. В. Письма к Вере. М., 2018. С. 206. Tub (англ.) — здесь: складная портативная резиновая ванна (упоминаемая в «Подвиге» и позже в автобиографии «Другие берега»).

² Гессен И. В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 100.

³ Набоков В. В. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. М. Э. Маликовой. СПб., 2002. С. 276.

⁴ Подробно об этом см.: Будницкий О. В. Братство Русской Правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 114–143; Базанов П. Н. Братство Русской Правды: самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. См. также: Николаева-Тандиль Е. О. «Братское Сердце» или полвека на чердаке: уникальная история архива Братства // Историческая экспертиза. 2024. № 4. С. 156–173 (статья об архиве члена организации Андрея Балашова, полного тезки Андрея Балашова, одноклассника Набокова и его соавтора по поэтическому сборнику «Два пути»).

с властью большевиков с территории Польши (судя по географии этой борьбы, вполне вероятно, что речь идет о «Братстве русской правды», о котором Набоков, хорошо знакомый с его основателем, не мог не знать).

Но годы, последовавшие за публикацией «Машеньки», стали эпохой, когда надежды на возвращение в Россию с оружием в руках постепенно угасли. Хотя 1927-й был годом активности диверсионных групп, с середины 1920-х русская эмиграция узнавала о проникновении советских агентств практически во все военные организации русского зарубежья; с этого времени и до середины 1930-х годов продолжался их разгром.⁵ Самыми известными из жертв провокаций в эти годы стали политики и писатели Б. С. Савинков и В. В. Шульгин. При этом если Савинков был немедленно после перехода границы в 1924 году арестован и вскоре погиб в заключении, то Шульгин вернулся из СССР и опубликовал в 1927 году книгу о своем путешествии «Три столицы», после чего и он, и его читатели узнали о том, что все его путешествие проходило под контролем советских спецслужб.

В то же время надежды на внутренние политические перемены в России также не оправдались. В этих условиях 18 ноября 1927 года, в дни десятилетней годовщины большевистского переворота, Набоков публикует в газете «Руль» статью «Юбилей». Статья звучит как манифест, в котором Набоков прощается с Россией, отказываясь от борьбы за физическое возвращение и провозглашая целью сохранение русской культуры в изгнании: «Десять лет верности празднуем мы. Мы верны России не только так, как бываешь верен воспоминанию, не только любим ее, как любишь убежавшее детство, улетевшую юность <...> Мы волна России, вышедшей из берегов, мы разлились по всему миру, — но наши скитания не всегда бывают унылы, и мужественная тоска по родине не всегда мешает нам насладиться чужой страной <...> И заодно мы празднуем десять лет свободы. <...> Наше рассеянное государство, наша кочующая держава этой свободой сильна <...> Не станем же пенять на изгнание. Повторим в эти дни слова того древнего воина, о котором пишет Плутарх: „Ночью, в пустынных полях, далеке от Рима, я раскинул шатер, и мой шатер был мне Римом“». ⁶

Через три года, в 1930-м, Набоков начинает работу над романом «Подвиг», события которого происходят в 1918–1924 годах. В 1931-м роман был опубликован в четырех книжках журнала «Современные записки», а позже в том же году вышел отдельным изданием.

Сам автор на протяжении лет давал противоположные оценки романа: в письме к своему другу, американскому писателю Э. Уилсону от 1943 года он крайне резко отзывается о «Подвиге». Эта нередко цитируемая характеристика из частного письма становится более понятной, если обратить внимание на те слова из письма Уилсона, ответом на которые она стала: «Я прочел все пушкинские поэмы. Меня разочаровала патриотическая „Полтава“, хотя я вижу, что это хорошо написано».⁷ На это Набоков отвечает: «„Полтава“ в творчестве Пушкина занимает такое же место, как „Подвиг“ в моем».⁸ Учитывая, что одной из сквозных тем переписки двух писателей было их разное понимание истории России и советской идеологии, можно предположить, что резкая оценка Набокова вызвана не литературным качеством романа, а именно его идейной направленностью.

Роман «Подвиг» был переведен на английский язык сыном писателя Д. В. Набоковым и опубликован в 1971 году под названием «Glory». Как известно, все переводы,

⁵ То, что Набоков следил за этими событиями, подтверждается, в частности, тем, что в 1943 году он напишет по-английски исторически точный рассказ «Помощник режиссера» о похищении советскими агентами генерала Е. К. Миллера в 1937 году; см.: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы: Биография. СПб., 2010. С. 74.

⁶ *Набоков В. В.* Собр. соч. русского периода. В 5 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 646–647 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы). Ср. в «Подвиге»: «Представь себе, голубка, этих римлян, которые вдалеке от родины устраиваются на чужой земле, — и заметь: хорошо, удобно, по-барски» (3, 223).

⁷ *Набоков В. В., Уилсон Э.* Дорогой Пончик. Дорогой Володя. Переписка. 1940–1971. М., 2013. С. 136.

⁸ Там же.

выполненные Дмитрием Набоковым при жизни отца, были сделаны при его активном участии, т. е. их можно рассматривать как работу В. В. Набокова. Это особенно верно в отношении «Подвига», о котором писатель говорит в предисловии к американскому изданию: «Мой сын в течение трех лет время от времени писал черновик перевода, после чего я три месяца готовил чистовик».⁹ Хотя в этом же предисловии автор утверждает, что «настоящий перевод скрупулезно верен оригиналу», но, как мы увидим, он выполнен с некоторыми изменениями в тексте, как и все набоковские автопереводы. Кроме того, в предисловии к английской версии Набоков иначе оценивает свою работу сорокалетней давности: «Мартын — это добрейший, честнейший и самый трогательный из всех моих юношей. <...> Мартына можно еще в какой-то степени считать моим дальним родственником (он симпатичнее меня, но и гораздо наивнее, чем я когда-либо был)».¹⁰

В предисловии писатель также предостерегает читателей от того, чтобы «алчно листать автобиографию „Speak, Memory“ в поисках повторяющихся предметов или родственных пейзажей».¹¹ Мы последуем его совету и будем привлекать другие биографические источники.

В набоковедении «Подвигу» посвящено меньше работ, чем другим крупным романам, однако в самых важных из них подробно исследованы пласты литературных и фольклорных аллюзий, которыми насыщен роман, — это работы А. Долинина, Н. Букс, Б. В. Аверина, М. Шраера, П. Тамми, Э. Хайбер, Л. Токер.¹²

Действительно, «Подвиг» повторяет и временную, и пространственную канву жизни Набокова: детство в Петербурге, жизнь в Крыму во время Гражданской войны, эмиграция, учеба в Кембридже, жизнь в Берлине, любовь к русской девушке (внешний облик Сони Зилановой напоминает облик Светланы Зиверт, невесты Набокова в 1922–1923 годах). Кроме того, автор биографии Набокова Б. Бойд установил прототипы второстепенных персонажей романа — товарищей Мартына по университету Вадима и Тедди. Что же касается особенно важной для романа фигуры Дарвина, то Набоков сам дал ответ на вопрос о его прототипе: в 1971 году он подарил экземпляр романа в английском переводе своему другу университетских лет Петру Мрозовскому, с дарственной надписью: «Петру Мрозовскому, который был одним из ингредиентов Дарвина».¹³ В набоковедении изучены и другие возможные прототипы персонажей романа, в частности фигура писателя Бубнова, в котором авторы исследований видят и черты Бунина, и черты А. Н. Толстого.¹⁴ В то же время, если верить Э. Филду, первому

⁹ Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Подвиг» («Glory») / Пер. М. Маликовой // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. Т. 1. С. 73.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Tammi P. Glory // Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V. E. Alexandrov. New York, 1994; Nicol Ch. Martin, Darwin, Malory and Pushkin: The Anglo-Russian Culture of Glory // Nabokov's World / Eds. J. Grayson, A. McMillin, P. Meyer. Basingstoke; New York, 2002. Vol. 1. The Shape of Nabokov's World; Аверин Б. В. Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003; Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб., 2019; Dolinin A. On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's Podvig // Slavica Revalensia. 2020. Vol. VII. P. 37–52; Умгоф Г. «Я иду по дорож' один»: Из заметок о текстологии романа В. Набокова-Сирина «Подвиг» / «Glory» // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 1. С. 81–91; Букс Н. Владимир Набоков. Русские романы. М., 2019; Шраер М. Д. 1) Бунин и Набоков. Ученичество — мастерство — соперничество. 1917–1977. М., 2023; 2) Интерлюдия вторая: о концовке набоковского «Подвига» // Шраер М. Д. Набоков: темы и вариации. СПб., 2000.

¹³ Мрозовски-Шоу Л., Пономарева Т. По следам Дарвина // Набоковский сборник: Материалы научной программы «Набоковские чтения» Музея В. В. Набокова. СПб., 2015. С. 266.

¹⁴ Ефимов М. В. О позолоченном ключе и золотом ключике (Владимир Набоков и Алексей Н. Толстой) // Набоковский сборник. 2011. № 1. С. 29–42; Толстая Е. Д. Два мэтра: Алексей Толстой в прозе Набокова // Толстая Е. Д. Игра в классики. Русская проза XIX–XX веков. М., 2017. С. 470–490; Шраер М. Д. Бунинский бубен: Отголоски учителя в четвертом романе Набокова // Новый мир. 2019. № 4. С. 165–172.

биографу Набокова, то «ингредиентом» Бубнова был писатель Иван Лукаш, один из ближайших друзей Набокова в 1920-е годы.¹⁵

Повествование (исключая ретроспекцию) начинается с пребывания Мартына Эдельвейса с матерью в Крыму. Историческое время в романе указано точно: весна 1918 года. В это же время в Петербурге умирает «при неясных обстоятельствах» (очевидно, связанных с последствиями революционного насилия) отец Мартына, доктор Эдельвейс. Действительно, семья Набоковых весной 1918 года живет в Крыму, в июне того же года отец писателя В. Д. Набоков совершает опасную поездку в Киев, и оттуда делает попытку «пробраться в Петербург».¹⁶ Если бы ему это удалось, то он, скорее всего, как и отец Мартына, погиб бы «при неясных обстоятельствах», и отзвук этого семейного волнения мы видим в романе. Вспомним также, что В. Д. Набоков, согласно автобиографии его сына, сумел пережить большевистскую власть в Крыму, скрывая свое политическое прошлое и выдавая себя за врача, «доктора Набокова».

Казалось бы, перед нами почти автобиографический текст, если бы не одна важная деталь, которая, насколько нам известно, не привлекала внимания исследователей, — возраст героя «Подвига». О возрасте Мартына мы узнаем в начале романа, в третьей главе, из слов его матери: «„Если бы тебе было не пятнадцать, а двадцать лет, — вечером того дня говорила Софья Дмитриевна, — если бы гимназию ты уже кончил,¹⁷ и если б меня уже не было на свете, ты бы, конечно, мог, ты, пожалуй, был бы обязан...“ Она задумалась посреди слов, представив себе какую-то степь, каких-то всадников в папах и стараясь издали узнать среди них Мартына» (3, 103). Весной 1918 года Мартыну всего 15 лет, а вскоре исполнится 16, как мы узнаем из дальнейшего текста романа. То есть мы можем заключить, что Мартын Эдельвейс родился поздней весной 1902 года.

При этом В. В. Набокову, родившемуся в апреле 1899 года, весной 1918-го исполнилось 19 лет, следовательно, герой младше автора ровно на три года. Эта разница в возрасте, и сама по себе значимая для подростка, в условиях Гражданской войны полностью меняла положение человека в истории.

То, что этот сдвиг в возрасте героя нельзя считать случайным, подтверждает английская версия романа. В ней Набоков полностью исключает из текста процитированный нами диалог Мартына с матерью, но включает в текст 30-й главы, ближе к финалу, точную дату рождения Мартына, которой нет в русском оригинале. Она полностью верифицирует вывод о том, что герой романа родился весной 1902-го: «...в середине апреля 1923 года, в свой двадцать первый день рождения, он объявил дяде Генриху, что уезжает в Берлин...».¹⁸

Почему Набоков делает своего героя 15-летним подростком, а не 18-летним юношей, каким был он сам в тот год? И почему мать Мартына представляет своего сына именно 20-летним? Для ответа необходимо вспомнить, в каких исторических обстоятельствах происходят события крымских глав романа. Семья Набоковых приехала в «еще жилой» Крым в ноябре 1917 года и пережила революционный террор «первых большевиков» (как их впоследствии называли жители полуострова) и германское правление. В ноябре 1918 года, после революции в Германии, Крым был занят Добровольческой армией, а В. Д. Набоков стал министром юстиции в правительстве Крыма.

Сохранились неоконченные воспоминания В. Д. Набокова о его службе министром юстиции в Крыму. Зимой 1918–1919 года, по настоянию руководства Добровольческой армии, правительство объявило о мобилизации жителей Крыма 1897 и 1898 годов рождения. Как вспоминал В. Д. Набоков, «вместе с тем предполагено

¹⁵ Field A. Nabokov: His Life in Part. London, 1977. P. 164.

¹⁶ Набоков В. Д. Временное правительство и большевистский переворот // Набоков В. Д. До и после Временного правительства / Сост., биографический очерк и прим. Т. О. Пономаревой. СПб., 2015. С. 364.

¹⁷ Набоков окончил Тенишевское училище (соответствовало уровню гимназии) в 1917 году.

¹⁸ Nabokov V. Glory. New York, 1971. С. 131 (перевод мой. — Т. П.).

было приступить к образованию добровольческих частей в Крыму путем последовательно принудительного призыва ряда годов. Такие призывы могли бы иметь успех только при наличии ряда условий, совершенно отсутствовавших в Крыму. Население в своей массе не испытывало ни малейшего желания идти драться с большевиками. Оно более всего хотело, чтобы его оставили в покое и дали ему возможным заниматься своим привычным делом».¹⁹ Таким образом, армия осталась преимущественно добровольческой, однако, если бы Набоков был на год старше, то он, сын министра, известного тогда в Крыму человека, вряд ли мог бы легко избежать призыва — в этом случае он, говоря словами матери Мартына, «был бы обязан».

Однако молодые люди 1899 года рождения не подлежали призыву, и для 19-летнего Набокова Гражданская война оставалась вопросом личного выбора. И он сделал свой выбор: остался поэтом, не став воином. Через много лет, уже будучи известным американским писателем, он все же считает необходимым объяснить это решение в своей автобиографии и объясняет его именно тем, что окружающие события уже тогда стали для него предметом искусства: «Разглядываньем мучительных миниатюр, мелким шрифтом, двойным светом я безнадежно испортил себе внутреннее зрение. Совершенно так же я истратился, когда в 1918 году мечтал, что к зиме, когда покончу с энтомологическими прогулками, поступлю в Деникинскую армию и доберусь до Тамириного хуторка; но зима прошла — и я все еще собирался, а в марте Крым стал крошиться под напором красных, и началась эвакуация» (5, 299).

Но герой «Подвига» — не поэт, его неспособность к художественному творчеству подчеркивается в тексте романа. Таким образом, автору нужно было найти другое объяснение неучастия своего героя в Гражданской войне. И он просто изменил возраст Мартына, сделав его младше себя на три года.

Выбор, сделанный Набковым в 1918 году, был тем более значим, что ближайший друг детства и юности Набокова, его двоюродный брат Георгий (Юрий) Рауш, будучи старше всего на полтора года, воевал с большевиками и погиб в Крыму в феврале 1919-го.²⁰ Его фигура будет появляться в текстах Набокова многократно, во всех версиях его автобиографии, а также он станет адресатом обеих, русской и английской, версий стихотворения «Послание к Кн. Качурину» (1947), включенного автором в оба последних поэтических сборника: «Стихи и шахматные задачи» (1971) и «Стихи» (1979).²¹ Заметим, что описание гибели Юрия в «Других берегах» практически полностью повторяет фрагмент из «Подвига», где также в бою с большевиками погибает безымянный офицер, муж Нелли, сестры Сони Зилановой. «...Неллин муж летел на вражеский пулемет, близился, близился и вдруг ненароком проскочил за черту, в еще звеневшую отзвуком земной жизни область, где нет ни пулеметов, ни конных атак» (3, 170).

У Мартына выбора не было, он опоздал на войну по возрасту, но все его дальнейшие поступки определяются стремлением к такому подвигу, который может заменить этот «недостаток» его биографии. При этом сам Набоков заменил тот же «недостаток» своей биографии тем, что, как поэт, «оправдал все свое поколение», по известному выражению Н. Берберовой.

Однако вне ближайшего семейного и литературного окружения Набоков, как и все эмигранты схожей биографии, мог сталкиваться с осуждением своего неучастия в войне со стороны воевавших. Это подтверждает одно из писем его троюродного брата С. И. Мамонтова, воевавшего в Добровольческой армии, будущего автора мемуарной

¹⁹ Набоков В. Д. Крым в 1918/19 гг. / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 235, 250. В. Д. Набоков не уточняет, какой именно возраст подлежал призыву, но публикатор приводит фрагменты из других источников, которые это проясняют.

²⁰ Параллель между Юрием Раушем и героем «Подвига» первым провел Д. Бартон Джонсон. См.: Barton Johnson D. Vladimir Nabokov and Captain Mayne Reid // Cynos. 1993. Vol. 10. № 1. Nabokov: Autobiography, Biography and Fiction. <http://epi-revel.univ-cotedazur.fr/publication/item/477>; дата обращения: 25.04.2026.

²¹ Подробнее о этом: Пономарева Т. О. Об адресате стихотворения В. Набокова «К Кн. С. М. Качурину» // «...И не кончается строка»: Сб. в честь М. Н. Виролайнена. СПб., 2024. С. 189.

книги «Походы и кони», к их общей свойственнице: «Однажды мы с матерью посетили их (Набоковых. — Т. П.) в Берлине. Отец Владимира был очень приятным человеком. Он сказал моей матери: „Зинаида,²² ты должна гордиться собой; двое твоих сыновей сражались против большевиков... А двое моих только болтали, и мне стыдно за них».²³ У нас есть основания сомневаться в том, что в действительности были сказаны именно эти слова, так как автор письма пересказывает события 60-летней давности; интересное в этом воспоминании то, что он, ветеран Гражданской войны, продолжает делить людей своего поколения на воевавших и невоевавших.

Итак, бегство Мартына с матерью в 1919 году из Крыма поначалу повторяет маршрут Набоковых, хотя их эвакуация проходила в менее благополучных условиях: В. Д. Набоков с семьей не получил разрешения сесть на английский корабль, с большим трудом ему с семьей удалось в последний момент попасть на греческое торговое судно, и, по воспоминаниям сестры Набокова Елены, «из еды у них было только печенье для собаки»²⁴ (при том что саму собаку, Бокса Второго, знакомого читателям по «Другим берегам», взять на борт им не разрешили). И если Мартын с матерью поселяются в доме его дяди в Швейцарии, то Набоковым в 1919 году ехать было некуда — дядя Набокова В. И. Рукавишников, живший в своем доме на юго-западе Франции, неожиданно умер в 1916 году, завещав свой дом другу.²⁵

В 17 лет, осенью того же года, Мартын начинает учебу в Кембридже и знакомится с Соней Зилановой, которая «кончала в Лондоне среднюю школу, куда неожиданно перешла из пятого класса Стоюнинской гимназии».²⁶ В Кембридже соседом Мартына оказывается Дарвин, писатель и ветеран Первой мировой войны (старше Мартына на шесть лет, так как он, «прервав университетское учение, ушел восемнадцати лет на войну» и провел «три года в окопах».)²⁷

Все первые английские главы романа происходят на историческом фоне одного из решающих событий Гражданской войны: наступления Северо-Западной армии под командованием генерала Н. И. Юденича на Петроград. Во время этого наступления 15–16 октября 1919 года были ненадолго освобождены от большевиков родные для Набокова места: усадьбы Выра, Батово, а также имение Рождествено, которое он унаследовал после смерти дяди В. И. Рукавишникова в ноябре 1916 года. Эти события коснулись его семьи и напрямую: при наступлении был на несколько дней освобожден город Гатчина к югу от Петербурга, откуда смогла выехать жившая там бабушка Набокова Мария Фердинандовна Набокова (урожд. Корф). Вот как пишет об этом тетка Набокова Надежда Вонлярьская в своих воспоминаниях: «Летом 1919 года Белая Русская армия подошла к Гатчине, и я договорилась о том, что Маму вывезут из страны. В начале августа войска заняли город на два часа, и Мама уехала с моей горничной Христиной, которая заботилась о ней».²⁸ М. Ф. Набокова добралась до Лондона и жила вместе

²² Зинаида Константиновна Рукавишникова (по мужу Мамонтова), двоюродная сестра Е. И. Набоковой.

²³ С. И. Мамонтов. Письмо к Ж. Рукавишникову, ноябрь 1983 года. Частный архив. Перевод с фр. мой. — Т. П.

²⁴ Набоковы: жена и сестра / Предисловие, сост. и прим. Т. Пономаревой. СПб., 2025. С. 22.

²⁵ Судя по письмам В. Д. Набокова к сыну, семья в 1920 году обращалась к наследнику Рукавишникова графу Ф. Мастаи-Феретти с некими просьбами или предложениями относительно этого дома. См.: Набоковский вестник. СПб., 1999. Вып. 3. С. 165 (публ. Г. Б. Глушанок).

²⁶ Эта деталь точно повторяет обстоятельства жизни сестры Набокова Ольги, перешедшей в лондонскую школу после пятого класса петербургской гимназии Стоюниной. См.: Сикорская Е. Автобиография // Набоковы. Жена и сестра. С. 22.

²⁷ По свидетельству дочери, Петр Мрозовский, послуживший отчасти прототипом Дарвина, пытался попасть на Первую мировую войну, живя в Англии, однако ему было отказано, так как он не был подданным Великобритании. См.: Мрозовски-Шоу Л., Пономарева Т. По следам Дарвина. С. 266.

²⁸ Wonlar-Larsky N. The Russia that I loved. London, 1937. P. 189 (перевод мой. — Т. П.). Мемуаристка допускает ошибку относительно месяца, в котором произошли описываемые события. Этот же эпизод Набоков включил в свою автобиографию.

с сыном и его семьей в Лондоне, а позже в Берлине, т. е. о событиях осени 1919 года под Петербургом Набоков знал из «первых рук».

Кроме того, один из членов Северо-Западного правительства, принимавший участие в наступлении на Петербург, автор воспоминаний об этих событиях, опубликованных в Берлине в 1923 году,²⁹ Василий Леопольдович Горн (1875–1938), в эмиграции живший в Праге, входил в дружеский круг семьи Набоковых. Его имя встречается и в письмах Набокова к жене, и в письмах к матери. Интересно, что Горн упоминается в письме к жене из Праги от 22 мая 1930 года: «Вчера было у нас к ужину много гостей, Панина и Астров, чета Горн...».³⁰ При этом, согласно Б. Бойду, Набоков начал писать «Подвиг» именно в мае 1930 года.³¹

Наступление Северо-Западной армии продолжалось всего один месяц и закончилось поражением, но, пока оно длилось, возвращение в Петербург многим русским беженцам казалось реальным. Эти дни вспоминал в своей автобиографической повести «Купол Св. Исаакия Далматского» лично знакомый с Набоковым А. И. Куприн, живший тогда в Гатчине. По его словам, весть о том, что армия подошла близко к Петербургу и можно увидеть купол Исаакиевского собора, «обежала всю Гатчину, как электрический ток. Весь день я только и слышал о куполе св. Исаакия. Какое счастье дает надежда. Ее называют крылатой, и правда, от нее расширяется сердце и душа стремится высь, в синее, холодное, осеннее небо. Свобода! Какое чудесное и влекущее слово! <...> Быстротечные, краткие дни упоительных надежд!»³²

В те же дни В. Д. Набоков из Берлина писал сыну в Кембридж: «...Каждый день надеемся получить какие-нибудь окончательные вести из Петербурга — и пока ничего...».³³

Мартын же с начала октября 1919 года погружается в студенческую жизнь, однако вскоре слышит от Сони: «А я думала, ты у Юденича». И то же при следующей встрече: «Соня была молчалива, чем-то недовольна, говорила, что ей холодно. Глядя через каменные перила на рябую речку, на матово-зеленые берега и серые башни, она прищурилась и осведомилась у Мартына, собирается ли он ехать к Юденичу. Мартын удивленно ответил, что нет» (3, 146). То есть, с точки зрения Сони, даже в 17-летнем возрасте Мартын должен, как воин, защищать родину. Ее отец, политик и журналист Михаил Зиланов, не обвиняя Мартына прямо, так отзывается о его учебе: «Баклуши бьете. Там ведь главное — спорт» (3, 155). Очевидно, что набоковскому герою еще чаще пришлось бы отвечать на вопросы о неучастии в войне, если бы он был на три года старше.

По приезде в Лондон «Мартыну же досталась на этот раз одна из верхних спален в квартире Зилановых, так как Нелли была в Ревеле, а ее муж шел на Петербург» (3, 153). Но уже к 9 ноября 1919 года, когда Мартын отмечает день ангела, Северо-Западная армия давно отошла от Петербурга, уцелевшие офицеры через европейские страны перебирались на последние фронты Гражданской войны: на север в Архангельск или на юг в Крым. И в октябре 1920 года, во время визита к Зилановым после летних каникул в Швейцарии, герой слышит от Сони: «„Вы, вероятно, не знаете о нашем несчастье“, — сказала Соня и как-то сердито рассказала, что на прошлой неделе, в один и тот же день, пришло известие, что Нелли умерла от родов в Бриндизи, а муж ее убит в Крыму. „Ах, он поехал от Юденича к Врангелю“, — беспомощно сказал Мартын и с редкой ясностью представил себе этого Неллиного мужа, которого видел всего раз, и самое Нелли, казавшуюся ему тогда скучной, пресной, а теперь почему-то умершей в Бриндизи» (3, 161).

И здесь историческое время указано точно: октябрь 1920 года был последним месяцем Гражданской войны в европейской части России. «Беспомощность» Мартына

²⁹ Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923.

³⁰ Набоков В. В. Письма к Вере. С. 181.

³¹ Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы: Биография. СПб., 2001. С. 413.

³² Куприн А. И. Купол св. Исаакия Далматского / Вступ. статья П. Пильского. Рига, 1928. С. 45.

³³ Набоковский вестник. Вып. 3. С. 165.

при получении известий о гибели мужа Нелли свидетельствует о том, что его собственное «опоздание» на войну становится все более значимым для героя (которому в октябре 1920 года уже 18 лет). И именно с окончанием исторической Гражданской войны в романном времени начинается личная война Мартына, его подготовка к подвигу.

Летом 1921 года, вернувшись в Швейцарию, Мартын «представлял себе в живописной мечте, как возвращается к Соне после боев в Крыму <...> Но теперь было поздно, бои в Крыму давно кончились <...> „Спыхватился, нечего сказать“, — мрачно журил себя Мартын и вновь, и вновь, с нестерпимым сознанием чего-то упущенного, вообразил георгиевскую ленточку, легкую рану в левое плечо...» (3, 170). С этого времени и до сентября 1924 года опоздавший на войну Мартын физически и психологически готовится к своему подвигу. Как мы помним, окончательное решение о нелегальном переходе советской границы он принимает летом 1924-го, после того как в письме делает предложение Соне и получает твердый отказ. Его план — перейти пешком, по лесу, латвийско-советскую границу, провести на советской территории хотя бы сутки и тем же путем вернуться. В октябре он садится в Берлине в поезд до Риги и исчезает. По словам Дарвина: «Тут есть что-то странное. Спокойно сидел в Кембридже, пока была у них гражданская война, а теперь хочет получить пулю в лоб за шпионаж» (3, 245). И если Дарвин это только допускает, то Соня и ее семья твердо уверены в том, что Мартын будет убит.

Насколько осуществимым в 1924 году был план Мартына и был ли Мартын обречен на гибель? В 1920-х годах нелегальные переходы советской границы не были редкими, но, как правило, это были члены антибольшевистских организаций, подобные Юрию Тимофеевичу Грузинову, «воину» из «Подвига». ³⁴

Но мы знаем о нелегальных переходах границы в это время и теми эмигрантами, которые, как и Мартын, не были связаны с вооруженными организациями. Самый известный из них и самый лично близкий к Набокову — князь Павел Дмитриевич Долгоруков (1866–1927), в прошлом один из основателей конституционно-демократической партии, соратник В. Д. Набокова. В первый раз Долгоруков перешел границу СССР в июле 1924 года, с территории Польши, пройдя пешком через польский городок Острог до советского городка Кривина (в «Подвиге» же планируемый путь Мартына также лежит через городки с говорящими названиями: Режицу и Пыталово или, в английской версии, вымышленные «Карнагор» и «Тортуровку».) Вот как он сам объяснял свое решение перейти советскую границу: «Конечно, и здесь все патриоты, любящие Россию и мечтающие в нее вернуться. Но мечтают и ноют импотентно, как три сестры, „в Москву, в Москву!“». Как те, вместо того чтобы скопить денег и на вакансиях взять билет и съездить в Москву, только ныли и никогда в Москву не попали, так и нам не попасть при таком пассивном патриотизме в Москву, при отсутствии действенного, жертвенного патриотизма». ³⁵ В Кривине Долгоруков не был узан (успешно выдавал себя за простого верующего человека из народа) и был выслан обратно в Польшу после недели заключения в местной тюрьме. ³⁶

Теперь вспомним, что переход польской границы упоминается в одном из очевидных претекстов «Подвига» — безымянном рассказе Набокова, рукопись которого была обнаружена Г. Барабтарло в набоковском архивном собрании Публичной библиотеки Нью-Йорка. Рассказ был опубликован им в 2020 году под названием «Человек остановился...», по начальным словам рукописи. ³⁷ Датировка рукописи, сделанная рукой

³⁴ Отметим, что Грузинов носит то же имя, что и Юрий Рауш.

³⁵ Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 244.

³⁶ Как он пишет в своих путевых отчетах, для изменения внешности и придания себе облика старика из народа он при подготовке перехода купил «все старое, потрепанное, — длинный кафтан, очки...» (Там же. С. 249). Ср. в «Подвиге»: «Юрий Тимофеевич открывает черный, из двух частей, футляр и нацепляет для чтения очки, — очень почему-то простые очки, в металлической оправе, какие под стать было бы носить пожилому рабочему» (3, 244); «Вдруг он (Мартын) вообразил, как будет в Риге или в Режице покупать простые, грубые вещи — картуз, полушубок, сапоги» (3, 230).

³⁷ См.: <https://www.pravilamag.ru/letters/6730-nabokov/>; дата обращения: 30.04.2026.

Набокова, указывает на 1925 год. Безымянный герой, русский эмигрант, нелегально переходит советскую границу в облике человека из народа, богомольца, который якобы направляется в местный скит. Он пешком доходит до своего бывшего дома, причем его описание отсылает к набоковскому дому в Выре: герой видит «крыльцо дома, рѣзбу надъ окнами, ослѣпительную лужу подъ водосточной трубой»,³⁸ а в доме теперь находится школа (так было и в вырском доме). Сторож школы сообщает герою: «Хозяева-то теперь за границей, добавили онъ равнодушно. — Лѣтъ восемь, что-ли, а то и всѣ десять. А убили-бы ихъ безпремѣнно, коли тогда не удрали». В финале рассказа герой, «съ едва замѣтной улыбочкой оглянувшись вокругъ, пошелъ дальше, твердо шлепая по теплой мягкой корѣ дороги, въ голубое марево лѣтняго дня, обратно, къ дальней польской границѣ». Как мы помним, именно так, «пешочком», а по возможности, и с «улыбочкой», легко общаясь с незнакомыми встречными людьми, надеялся идти через границу и Мартын.

В 1926 году Долгоруков вновь нелегально перешел границу, добрался до Харькова, где был арестован и впоследствии расстрелян в июне 1927-го, в числе заложников после убийства в Варшаве советского посла Войкова.³⁹

В 1924 году отчет Павла Долгорукова о его первом походе в СССР публиковался в газете «Руль», т. е. там же, где постоянно в эти годы печатался Набоков. В 1926 году краткие сообщения о его судьбе так же появлялись на страницах «Руля» и в других ведущих газетах русского зарубежья: парижских «Последних новостях» и «Возрождении», при этом русская зарубежная общественность надеялась, что он будет освобожден и сможет вернуться во Францию. Известие о его гибели стало трагической неожиданностью.⁴⁰

Брат Павла, кн. Петр Дмитриевич Долгоруков, в своих воспоминаниях подтверждает, что и в первом, и во втором походе Павел не имел определенных целей и планов, но «он считал необходимым кому-нибудь из старшего поколения показать другим пример труда, *подвига* и жертвенности, нужных для активной работы по спасению России».⁴¹ Петр Долгоруков также приводит фрагменты из многочисленных писем и некрологов, опубликованных после гибели брата: «Он совершил свой *подвиг* с каким-то нечеловеческим забвением своей личности. Ни возвеличения, ни ложной скромности: для него его *подвиг* какое-то очередное дело»;⁴² «Приходилось слышать мнение, что и поездка Павла Дмитриевича в Россию, и жертва жизнью — бесполезны. Разве может быть бесполезен пример высокой любви к отчизне, *подвиг* благородства и отважности?»⁴³

Слово «подвиг» использует в своем письме к Павлу Долгорукову, написанном в 1924 году, после первого его нелегального похода в СССР, и Соломон Крым, также бывший кадет-парламентарий, давний друг и Набоковых, и Долгоруковых: «Прочитал первую часть Ваших статей в „Руле“ и не могу удержаться, чтобы не передать Вам всего моего восхищения и уважения перед Вашим *подвигом*. Это не революционный порыв, а то, что нам всем так не хватает: *подвижничества*».⁴⁴

Как мы видим, современники Долгорукова рассматривали его поступок именно в этическом, почти религиозном, но не в утилитарном политическом смысле. Именно поэтому его «подвиг» не казался им бессмысленным. Вспомним также, что в романе слово «подвиг» в отношении поступка Мартына первым использует именно Михаил

³⁸ Рассказ опубликован Г. Барабтарло в оригинальной орфографии.

³⁹ На этот раз он переходил в СССР через Бессарабию, и это, возможно, отразилось в романе: «Это тем более было удачно, что, вернись Мартын в Швейцарию на месяц позже, он бы Грузинова не застал: Грузинов был бы уже в Бессарабии» (3, 224).

⁴⁰ Долгоруков П. Д. Великая разлука. С. 433. См. также: Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

⁴¹ Долгоруков П. Д. Великая разлука. С. 415–416; курсив мой. — Т. П.

⁴² Там же. С. 444 (из письма А. В. Гольштейн; курсив мой. — Т. П.).

⁴³ Там же. С. 457 (из некролога за подписью А. Баулера; газета «Возрождение», 9 июня 1928 года; курсив мой. — Т. П.).

⁴⁴ Там же. С. 393; курсив мой. — Т. П.

Платонович Зиланов, человек тех же убеждений, что и авторы цитируемых некрологов: «Я никак не могу понять, как молодой человек, довольно далекий от русских вопросов, скорее, знаете, иностранной складки, мог оказаться способен на... на подвиг, если хотите» (3, 248).

«Подвиг и жертвенность» объединяют поступки Долгорукова и набоковского героя. В романе жертвенность поступка Мартына усилена еще и тем, что он, в отличие от Долгорукова, самого Набокова и большинства русских беженцев, мог поехать в Советскую Россию легально и почти безопасно, так как к этому времени он стал швейцарским гражданином, о чем говорит ему Дарвин при последней встрече: «А если ты просто хочешь посетить страну твоих отцов — хотя твой отец был швейцарец, не правда ли? — но если ты так хочешь ее посетить, не проще ли взять визу и переехать границу в поезде? Не хочешь? Ты полагаешь, может быть, что швейцарцу после того убийства в женевском кафе не дадут визы? Изволь, — я достану тебе британский паспорт» (3, 245). Этот диалог также исторически точен: после убийства в 1923 году в кафе (но не в Женеве, а в Лозанне) советского посла В. Воровского, совершенного М. Конради, русским офицером швейцарского происхождения, СССР надолго разорвал дипломатические отношения со Швейцарией.⁴⁵

Из эмигрантов, нелегально переходивших советскую границу в 1920-х годах и лично знакомых Набокову, необходимо также упомянуть Б. Вильде (литературный псевдоним — Борис Дикой, 1908–1942), писателя и ученого, будущего героя французского Сопротивления, который совершил переход эстонско-советской границы в октябре 1927 года. Подобно первому переходу Долгорукова, переход Вильде закончился благополучно — он вернулся в Эстонию, проведя несколько месяцев в заключении. С 1930 года Вильде жил в Берлине, и, по воспоминаниям Е. Каннак, хотя и не был постоянным членом берлинского «Клуба поэтов», часто приходил на заседания этого клуба,⁴⁶ одним из активных членов которого был Набоков. Как полагает А. Данилевский, автор исследования о повести Вильде «Возобновленная тоска», они, скорее всего, лично познакомились в мае 1931 года, после чего Вильде начал свою повесть публиковать в газете «Руль».⁴⁷ В повести «Возобновленная тоска» герой нелегально переходит эстонско-советскую границу, благополучно возвращается, но при следующем походе погибает. Как убедительно показывает Данилевский в подробном разборе повести Вильде, она написана как ответ на журнальную публикацию первых глав «Подвига».⁴⁸ При этом, согласно биографии Набокова, «Подвиг» был закончен вчерне уже 23 октября 1930 года,⁴⁹ т. е. вопрос о том, мог ли опыт Вильде (о котором Набоков мог знать после личного или случившегося раньше заочного знакомства) повлиять на его работу над «Подвигом», представляется более сложным.

Современные Набокову оценки подобных поступков подтверждают, на наш взгляд, вывод о том, что Мартыном руководит не только юношеское желание испытать себя, но и осознанное стремление к подвигу мученика.⁵⁰

А. Долинин и Г. Утгоф в комментариях к роману, говоря об одном из словарных значений «подвига» как «пути», отмечают, что «многозначность слова, послужившего

⁴⁵ В английской версии Набоков исправляет историческую неточность, допущенную в русском оригинале, и заменяет «женевское кафе» на «швейцарское кафе»: *Nabokov V. Glory*. С. 200.

⁴⁶ Каннак Е. Берлинский «Кружок поэтов» (1928–1933) // Русский альманах / Под ред. З. Шаховской, Р. Герра, Е. Терновского. Париж, 1981. С. 363–366. Цит. по: Бабинов А. Прочтение Набокова. СПб., 2019. С. 448.

⁴⁷ Данилевский А. В. Набоков-Сирий в «Возобновленной тоске» Бориса Дикого // Альманах «Тредиаковский». <https://poezia.ru/tre diakovsky/57>; дата обращения: 01.03.2026.

⁴⁸ Добавим к этому, что изображение семьи Рукавишниковых в повести Вильде повторяет личные нападки на Набокова и его семью со стороны Георгия Иванова в его рецензии на творчество Набокова в первом номере «Чисел» за 1930 год. После переезда в Париж, в 1932-м, Вильде становится одним из авторов этого журнала.

⁴⁹ Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. С. 416.

⁵⁰ Этот вывод сделан А. Долининым на основе дермонтовских аллюзий в романе. См.: Dolinin A. On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's *Podvig*. P. 49.

роману заглавием, задает в нем две основные темы: тему героического (включающую в себя мотив обретения смелости) и тему путешествия (с ее главной составляющей — мотивом «пути»)» (3, 716). В другой статье Долинин также выделяет в тексте романа ключевые слова: «тропа», «тропинка» (они используются в книге более 15 раз).⁵¹ Многие исследователи также отмечали связь названия романа с понятием рыцарского подвига (которое также включает в себя мотив пути) в средневековой французской и английской литературах. На это указывают многие детали романа: и любовь маленького Мартына к легендам о короле Артуре, и изучение им средневековой литературы в Кембридже, т. е. действия Мартына продолжают традицию подвига ради привлечения внимания «прекрасной дамы».

При этом выбор Набоковым варианта названия романа по-английски расширяет его возможные прочтения. Писатель для перевода выбирает слово, которое ни в одном англо-русском словаре не переводится как «подвиг». Слово 'glory' по-английски входит в словосочетание «сила и слава» в главной молитве христианства: «Yours is the kingdom, power, and glory forever» (Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки). Этот выбор названия уводит читателя от рыцарского подвига к другому подвигу — самопожертвованию христианского мученика. Как пишет Набоков в предисловии к американскому изданию романа, «...стоит однажды почувствовать в „exploit“ глагол „использовать“ — и нет больше „подвига“, бесполезного славного деяния. Поэтому автор выбрал окольный перевод „glory“ («слава»), менее буквальный, но гораздо более полно передающий смысл оригинального заглавия, со всеми его естественными ассоциациями, раскинувшими ветви под бронзовым солнцем.⁵² Здесь есть <...> слава лучезарного мученика».⁵³

Можно ли идти дальше и, основываясь на английском переводе названия, рассматривать проблематику романа, обращаясь к истории христианства? Видимо, можно, так как Мартын Эдельвейс — один из немногих конфессионально «определенных» героев Набокова. Так, из эпизода драки с Дарвином мы узнаем, что Мартын носит нательный крестик: «Он снял через голову крест, загреб в ладонь цепочку, и эту горсточку текучего золота сунул в карман» (3, 187). Выясняется также, что Мартын, что выглядит неожиданным для молодого человека его биографии, читает или читал в более раннем возрасте Евангелие, причем с интересом, не в рамках гимназического курса Закона Божия: «Так же, как в Новом Завете Мартын любил набрести на „зеленую траву“, на „кубовый хитон“,⁵⁴ он в литературе искал не общего смысла, а неожиданных, озаренных прогалин, где можно было вытянуться до хруста в суставах и упоенно замереть» (3, 143). В связи с этим посмотрим внимательно на имя героя «Подвига»: почему он получил редкое в России имя Мартын, тем более в просторечном варианте написания? Имя, не принятое среди образованных сословий, с которым, как с именем пушкинской героини, «неразлучно воспоминанье старины иль девичьей»? Был ли он назван в честь кого-то из швейцарских предков, которые, очевидно, принадлежали к римско-католической церкви — это можно заключить из того, что дядя Генрих Эдельвейс живет около Лозанны, в франкоязычной Швейцарии, и приглашает в гости мест-

⁵¹ Долинин А. А. Клио смеется последней. Набоков в споре с историзмом // Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. С. 248.

⁵² Здесь «бронзовое солнце», вероятно, связано с художественным убранством христианских церквей, и православных, и католических, где часто изображение солнца (из бронзы или позолоченного дерева) находится над изображениями святых, в том числе мучеников. Сравним этот зрительный образ с описанием прощания с отцом Набокова, чью героическую смерть современники также часто называли подвигом, в «Других берегах»: «...как те внушительных размеров небожители, которые, в непринужденных позах, в ризах, поражающих обилием и силой складок, парят на церковных сводах в звездах, между тем как внизу одна от другой загораются в смертных руках восковые свечи, образуя рой огней в мреении ладана, и иерей читает о покое и памяти, и лоснящиеся траурные лилии застыт лицо того, кто лежит там, среди плывущих огней, в еще не закрытом гробу» (Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 2004. Т. 5. С. 155).

⁵³ Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Подвиг». С. 73.

⁵⁴ Как показал в своих работах Долинин, это словосочетание является ложной цитатой.

ного аббата.⁵⁵ Так как в Российской империи регистрация новорожденных проводилась исключительно в приходах различных конфессий, выбор имени не мог быть полностью произвольным. Если отец Мартына был католиком, а мать — православной,⁵⁶ то в такой семье вполне естественно было выбрать имя одного из тех святых, которые почитаются и в западном, и в восточном христианстве.

Эти святые — Св. Мартин Исповедник (почитается в православии 14 апреля по ст. ст.), и Св. Мартин Турский (почитается в западном христианстве 11 ноября). Таким образом, если Мартын родился в апреле, то, по православной традиции, его день ангела должен был быть 14 апреля, в день Мартина Исповедника или, по народному календарю, Мартына-лисогона. Однако из романа мы знаем, что он отмечает свой день ангела 9 ноября, т. е. близко к началу празднования дня Св. Мартина в западнохристианской традиции. Это противоречие объяснимо, если Мартын был назван так по желанию отца-швейцарца или в честь швейцарского предка, и день ангела в его семье привычно связывали с западноевропейским, ноябрьским днем Св. Мартина. Тогда его фраза в письме матери — «В этот день <...> гусь ступает на лед, а лиса меняет нору» (3, 151) — является контаминацией (возможно, шуточной) двух разных дней Св. Мартина, восточного и западного. Как отмечали Долинин и Утгоф, это также контаминация двух народных примет, которые предвосхищают финал романа (3, 742): Мартын «меняет нору», т. е. уходит в смертельную «Зоорландию», а в ноябре, когда Дарвин приезжает в Швейцарию, неожиданно наступает оттепель после первых морозов, в соответствии с приметой.

Отчасти контаминацией представляется и отсылка к обоим святым. Жизнь «всеннего» святого, Мартина Исповедника (ум. в 655), была связана с Крымом, куда он был сослан из Константинополя и вскоре умер от тяжелых условий жизни. Память о нем в Крыму всегда сохранялась, и в годы жизни там Набоковых действовал средневековый скальный храм Св. Мартина Исповедника рядом с Херсонесом.⁵⁷ С другой стороны, Св. Мартин Турский (ум. в 397) известен тем, что, будучи римским офицером, вышел безоружным к армии врага и тем добился победы, убедив противника отказаться от сражения.⁵⁸

Что же касается литературных источников имени героя «Подвига», то О. Ронен первым предположил связь набоковского текста с романом советского писателя В. М. Бахметьева «Преступление Мартына» (1928).⁵⁹ Этот роман, как считает Ронен, мог стать известным Набокову из рецензии на него В. Б. Шкловского под названием «Преступление эпигона», входившей в сборник 1929 года «Литература факта».⁶⁰

В центре романа — фигура убежденного большевика, красноармейца Мартына Баймакова, который совершает, с его точки зрения, преступление, не выполнив один из приказов командования, и впоследствии ищет смерти в бою как искупления своей вины. В рецензии Шкловский подчеркивает вторичность романа Бахметьева по отношению к роману Дж. Конрада «Лорд Джим»: тема обоих романов — готовность или неготовность их героев к подвигу и «искупление проявленного героем малодушия последующим подвигом». Как полагает Ронен, «в „Подвиге“ Сирин показал, как преодолеть цитату из английской литературной традиции, на сюжетном материале, тематически мотивированном англо-русским воспитанием героя и реальным соприкосновением

⁵⁵ Таким же образом другой герой Набокова — Себастьян (Севастьян) Найт — получает редкое в России среди дворянского сословия имя, которое также говорит о его смешанном этническом происхождении.

⁵⁶ Так же мать Набокова, предпочитавшая английские молитвы и сказки, оставалась православной, и в быту семьи соблюдались православные традиции. См. об этом в автобиографии Елены Сикорской: Набоковы: жена и сестра. С. 15–26.

⁵⁷ См.: Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 44. С. 156–167.

⁵⁸ См., например: Our patron saint: Saint Martin of Tours (<https://www.stmartin.edu/news-and-stories/stories/our-patron-saint-saint-martin-tours/>; дата обращения: 30.04.2026).

⁵⁹ Ронен О. Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину» // Звезда. 1999. № 4. С. 164–172.

⁶⁰ Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000.

двух культур. В новом Мартыне не пришлось „выдумывать англичанина“, а „большое полотно“ с героем — „живым человеком“, преодолевающим страшные нравственные травмы, нанесенные революцией, и свой ужас перед адом „Зoorландии“, оказалось, несмотря на теоретические сомнения Шкловского, не только традиционным, но и новаторским с точки зрения сюжетной структуры и стиля». ⁶¹

Долинин и Утгоф в комментариях к роману также упоминают (3, 717) еще один вероятный источник — рассказ Е. И. Замятина «Пещера» (1921, экранизирован в СССР в 1928 году), где главного героя зовут Мартин Мартинович, а действие происходит зимой 1919–1920 года в голодном и холодном Петербурге. Отметим, что жизнь своих героев Замятин уподобляет пещерной жизни охотников за мамонтами, что перекликается с «Зoorландией» в романе Набокова. Также в письме к жене от 1 мая 1937 года Набоков сообщает, что побывал на вечере памяти недавно умершего Замятина: «Вечер был наряден, многолюден и чуточку „мимо“, — как, впрочем, сам Замятин был „мимо“. Я прочитал по-французски „Пещеру“ (вполне приличный перевод)...». ⁶² Из этих слов можно заключить, что ранее Набоков уже читал этот рассказ в оригинале.

Говоря о других литературных Мартынах, невозможно не упомянуть еще одного — мифического швейцарца «Мартына Задеку», «автора» любимого сонника Татьяны Лариной. Набоков заинтересовался первоисточником этого текста много позже, в годы работы над переводом и комментариями к «Евгению Онегину», где он дает описание швейцарской брошюры и приводит сведения о ее вымышленном авторе. ⁶³ Однако, хотя швейцарский первоисточник вряд ли был доступен Набокову во время работы над «Подвигом», ⁶⁴ но русские переложения, авторы которых использовали это имя, были известны, и в их названиях обычно упоминалось предполагаемое швейцарское происхождение «Мартына Задеки». ⁶⁵ А так как Мартын Эдельвейс, как и многие герои Набокова, ⁶⁶ одарен способностью видеть проблески будущего и наяву, и во сне (тропинка в лесу на картине, висевшей в его детской спальне, сон о будущем знакомстве с Юрием Грузиновым), то нельзя полностью исключать, что «Мартын Задека», мифический швейцарский толкователь снов, живший, как и Мартын, в альпийском лесу, мог быть одним из второстепенных источников ономастики романа «Подвиг», финальный эпизод которого также происходит в швейцарском лесу.

В. В. Набокова принято считать писателем, полностью погруженным в собственный внутренний мир, не зависящий от внешних исторических событий (созданию этого образа способствовали высказывания самого Набокова в его многочисленных интервью 1960-х и 1970-х годов). Однако роман «Подвиг», на наш взгляд, более других опровергает это представление, так как в романе историческая Гражданская война и события, за ней последовавшие, направляют героя по его пути.

⁶¹ Ронен О. Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину». С. 172.

⁶² Набоков В. В. Письма к Вере. С. 340.

⁶³ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 411.

⁶⁴ В письме от 29 марта 1960 года Набоков через свою жену благодарит сестру Елену за помощь в нахождении швейцарского оригинала (Набоковы: жена и сестра. С. 185).

⁶⁵ Об этом см.: Искрин М. Г. Кто такой Мартын Задека? // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2. С. 169–176.

⁶⁶ Это тем более вероятно, что Набоков всегда интересовался природой снов, а в 1964 году начал записывать свои сны. См.: Я/сновидения Набокова / Сост., публ. и комм. Г. Барабтарло. СПб., 2021.

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ СКАЗКИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «КИСЕЛЬ»

В недавнее время появилось несколько работ, посвященных источникам сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина, в том числе в литературе второй половины XVIII — первых десятилетий XIX века.¹ Однако сказка «Кисель» (1885) остается в этом отношении малоизученной. В общих работах о сказках Салтыкова-Щедрина она рассматривается в основном в аспекте идейного содержания.² С. А. Макашин указывает на возможную связь ее сюжета с пословицей «Мужик простой — кисель густой», а также с книгой М. И. Венюкова «Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878 гг.» (1878–1880), где автор с возмущением цитирует слова английского писателя Митчелля, назвавшего народ России «кисельным».³ Эта пословица — единственный источник, отмеченный комментаторами авторитетных изданий «Сказок».⁴ М. А. Алякринская расши-

ряет круг фольклорных соответствий и приводит параллели из других произведений Щедрина.⁵ Между тем еще один источник сказки может быть обнаружен в русской поэзии.

Представляется, что этот источник — стихотворение В. А. Жуковского «Овсяный кисель» (перевод идиллии И. П. Гёбеля «Das Haber-mus»).⁶ В оригинале стихотворение опубликовано в 1803 году, перевод Жуковского выполнен в 1816-м и издан в 1817-м.

Сходство названий и общность предмета изображения — важные, но не главные свидетельства этой связи. Важнее первые два предложения сказки: «Сварила кухарка кисель и на стол поставила. Скушали кисель господа, сказали спасибо, а детушки пальчики облизали».⁷ Они близки последним фразам стихотворения Жуковского: «...родная / <...> сварила кисель, чтоб детушкам кушать; / Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: „спасибо“».⁸ («Стол» у Жуковского тоже упоминается, но не в конце текста, а в начале первой строки: «Дети, овсяный

¹ Зыкова Г. В. Салтыков-Щедрин и Крылов // Русская словесность. 1996. № 5. С. 24–26; Пронин В. А. Баллада Шиллера «Порука» как объект пародии // Гетевские чтения. 2004–2006 / Отв. ред. Г. В. Якушева. М., 2007. С. 68–73; Николаева С. Ю. О литературном генезисе «сказочной трилогии» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Тенденции развития современной отечественной филологии: Материалы науч.-практ. конф. к 65-летию проф. В. В. Волкова (Тверь, 17 октября 2019 г.) / Сост. И. В. Гладилина. Тверь, 2019. С. 164–175; Строганова Е. Н. О сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик» // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 6–13.

² Бухштаб Б. Я. Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958. С. 15–16; Трофимов И. Т. Сказки Салтыкова-Щедрина: Пособие для учителей. М., 1964. С. 34; Базанова В. И. «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1966. С. 45; Бушмин А. С. Сказки Салтыкова-Щедрина: Монография. 2-е изд. Л., 1976. С. 145–146.

³ Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889: Биография. М., 1989. С. 374–375.

⁴ Баскаков В. Н., Бушмин А. С. 1) Примечания // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. / Гл. ред. С. А. Макашин. М., 1974. Т. 16. Кн. 1. Сказки. 1869–1886. Пестрые пись-

ма. 1884–1886. С. 469; 2) Примечания // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки / Отв. ред. С. А. Макашин. Л., 1988. С. 267 (сер. «Литературные памятники»); Дмитриенко С. Ф. Комментарии // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. СПб., 2012. С. 390.

⁵ Алякринская М. А. К жанровой интерпретации сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель» // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2023. Т. 22. № 9. С. 78–80.

⁶ См. о нем: Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм / Отв. ред. К. Н. Григорьян. Л., 1978. С. 124–128; Вилицкий И. Ю. Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя» // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 119–151; Айзикова И. Примечания // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Гл. ред. А. С. Янушкевич. М., 2000. Т. 2. Стихотворения 1815–1852 гг. / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. С. 452–457.

⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 16. Кн. 1. С. 176.

⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 36.

кисель на столе...»⁹) Обращает на себя внимание сходство жестов детей и особенно само слово *детишки*, тем более что их образ не мотивируется дальнейшим сюжетом сказки: ниже по тексту в ней это слово не употребляется и речь о детях не идет.

Для предположения о знакомстве Салтыкова с идиллией Жуковского есть веские основания. В XIX веке «Овсяный кисель» — текст не просто широко известный, но в буквальном смысле слова хрестоматийный. В базе данных «Хрестоматии Российской Империи с 1805 по 1912 гг.» отмечено включение этого произведения в десять различных изданий этого типа.¹⁰ Самая ранняя из них — «Русская стихотворная хрестоматия» В. А. Золотова, вышедшая в 1829 году, когда Салтыков еще не начал учиться читать.¹¹ Входило оно и в широко распространенные хрестоматии А. Д. Галахова. Таким образом, не исключено, что с этим произведением будущий писатель познакомился уже в детстве. А к 1885 году, когда была создана сказка, уже подросли дети Салтыкова (его сын родился в 1872-м, дочь — в 1873 году¹²), так что теперь изучать стихи Жуковского могли уже и они. Широкая известность этого стихотворения позволяет допустить, что сатирик мог не просто вспомнить его, но и рассчитывать на опознание цитаты, пусть и трансформированной, читателями-современниками.

Других цитат из стихотворения Жуковского, помимо приведенного фрагмента, в сказке нет. Нет сюжетных совпадений: сказка начинается с того места, где идиллия заканчивается. Однако эта цитата выполняет функцию ключа, давая установку на дальнейшее восприятие текста. Его образность и идея проясняются при сопоставлении с произведением Жуковского. Разумеется, смысл сказки противоположен идее идиллии. Переосмысление образца идет по пути пародии.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Вдовин А., Лейбов Р., Казакова Е. Хрестоматии Российской Империи с 1805 по 1912 гг. // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. [СПб.], 2021. <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2021.9-B003&version=1.0>; дата обращения: 26.11.2025. См.: Вдовин А. В., Лейбов Р. Г. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века // Acta Slavica Estonica. IV. Тр. по русской и славянской филологии. Литературоведение. IX / Отв. ред. А. В. Вдовин, Р. Г. Лейбов. Т. 4. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и литературный канон XIX века. Тарту, 2013. С. 7–34.

¹¹ Салтыков-Щедрин М. Е. [Автобиографическая] записка 1878 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 17. Пошехонская старина. 1887–1889. Забытые слова. 1889. Автобиография. 1858–1889. С. 468.

¹² Петров Г. В. Салтыков // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 468.

Кисель у Щедрина олицетворяется, наделяется словами. Само по себе олицетворение неживого предмета в жанре сказки обычно. Но Щедрин подчеркивает неестественность этого олицетворения, доводя ее до степени обнажения приема: «Кисель был до того разымчив и мягок, что никакого неудобства не чувствовал оттого, что его ели» — и ниже: «...право, киселю все равно, в каком ранге особа его ест. Лишь бы ели».¹³ Олицетворение пищи есть и в стихотворении Жуковского: там олицетворяется овес. Присутствует здесь и прямая речь от лица овса — зерна и затем «былиночки». В последней из ее реплик, предвещающей жатву: «Полно; / Время мое миновалось; зачем мне одной оставаться / В поле пустом меж картофелем, пухлою репой и свеклой?»¹⁴ — звучит идея смиренного принятия судьбы, исключительно важная для Жуковского, — идея, которую Щедрин в репликах киселя пародирует.

Главное же, что в сказке отражается (и, конечно, реинтерпретируется) главная мысль стихотворения «Овсяный кисель». Эта мысль выражена в том слове, которым Жуковский заканчивает идиллию, — «Спасибо». Путь зерна — метонимия труда, о котором, переводя Гебеля, рассказывает Жуковский, — завершается благодарностью. В этой благодарности заключено приятие существующего миропорядка как всеобщей связи и согласованности природы и общества, основанное на убеждении в его справедливости. Миропорядок этот, как в традиционной культуре, к которой восходит разработанный Гебелем сюжет, основан на природном цикле с присущими ему повторяемостью и непрерывностью.¹⁵ Сюжет «Овсяного киселя» не имеет хронологической привязки, поскольку разворачивается в циклическом времени: земля дает человеку плоды всегда — сейчас, как и прежде.

Тема сказки Салтыкова-Щедрина противоположна. Сказка говорит о неблагодарности, которая разрушает порядок в обществе и разрывает цикл природы. Для «господ» «спасибо» не более чем слово; как видно из их дальнейшего поведения, оно теряет для них свой подлинный смысл, благодарности они не знают. В сказке, в отличие от идиллии, кисель варит не мать детям, а кухарка господам; это не случайная подробность: Жуковский говорит о единстве семьи и природы, а Салтыков — о подневольном труде.

Что бы ни означал в сказке образ киселя: народ, крестьянство¹⁶ или природные богатства

¹³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 16. Кн. 1. С. 176.

¹⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 36.

¹⁵ См.: Поплавская И. А. Текст «времени года» и художественная философия «весеннего чувства» в творчестве В. А. Жуковского // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 388. С. 21.

¹⁶ Баскаков В. Н., Бушмин А. С. Примечания // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 16.

России,¹⁷ — ясно, что «господа» и «свины», аллегорически обозначающие, как отмечают исследователи, дворянство и буржуазию, пользуясь благами, которых сами не создавали, презируют их. Не сознавая их ценности, эти люди распоряжаются дарами своего народа и страны хищнически и потому в конечном счете их исчерпывают.

«Овсяный кисель» закрепляется в хрестоматиях неслучайно. Выраженная в нем идея целесообразности и неизменности существующего порядка отвечает провозглашаемому самодержавным государством консервативному

Кн. 1. С. 469; Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. С. 374.

¹⁷ Алякринская М. А. К жанровой интерпретации сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель». С. 80–81.

идеалу. Соотнесенность порядка социального и природного, по существу далеко не очевидная, остается в подтексте.

Можно предположить, что использование стихотворения в педагогической функции безразлично для понимания сказки. Пародически продолжая сюжет Гебеля — Жуковского, Салтыков-Щедрин изобличает лицемерие тех, кто призывает под видом сохранения естественной гармонии мира оберегать сложившиеся общественные установления, на деле от нее далекие. Но сам идеал гармонии при этом сомнению не подвергается. Объектом сатиры становится не идеал, а действительность, и становится постольку, поскольку идеалу она не соответствует. Писатель направляет сатиру на господствующие социальные слои потому, что они вместо сохранения естественного порядка его разрушают.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-219-222

© Д. В. Зайцев

РАССКАЗ И. А. БУНИНА «НОВАЯ ДОРОГА»: ИЗ МАТЕРИАЛОВ К КОММЕНТАРИЮ*

Рассказ «Новая дорога» относится к раннему прозаическому периоду творчества И. А. Бунина и принадлежит к немногочисленному у писателя типу рассказов-травелогов («На Донце» (1894), «По Днепру» (1895), «Казацким ходом» (1898) и др.). «Новая дорога» редко привлекала внимание исследователей, и можно сказать, что этот рассказ никогда не становился предметом отдельного серьезного обсуждения. Однако сегодня в рамках начавшейся в ИМЛИ РАН работы по подготовке Полного собрания сочинений классика обозначилась необходимость пристального чтения ранней прозы Бунина. В свете этой работы анализ содержания, истории создания и бытования «Новой дороги» может быть важен и полезен не только для комментирования ранней прозы писателя, но и для уяснения констант его художественного мира.

Рассказ был опубликован в 4-м номере журнала «Жизнь» за 1901 год. Вероятно, Бунин начал работу над ним в конце февраля — начале марта 1901 года, поскольку в феврале он общался с редактором журнала В. А. Поссе, что готовит для «Жизни» несколько рассказов: «Дорогой Владимир Александрович! Чрезвычайно прошу Вас простить меня <...> Завтра pošлю Вам пока очень небольшую вещичку — страницы на 4 (рассказик), а затем очень вскоре pošлю еще штучки две. Пожалуйста, если можно, пустите эту вещичку в марте».¹

Отправляя рукопись «Новой дороги» в «Жизнь», Бунин писал: «Посылаю Вам еще очерк («Новая дорога»). Будут еще два, родственные (только родственные, но в другой манере и с фабулой) этому, так что я подумываю даже: не дать ли общее заглавие? Но не придумал хорошего. „В лесу“ — плохо. Правда? Словом, об этом нужно подумать. Что Вы скажете? Следующие будут: „Сосны“ и „Белая смерть“. Очень жду от Вас ответа относительно всего этого. Очень прошу Вас напечатать и „Туман“ и это (то есть «Новую дорогу») в апреле».²

27 марта 1901 года Бунин писал брату: «Милый и дорогой Юричка! <...> Пишу мало, т. е. лучше сказать, написал мало конченного, а так кое-что скребу и читаю. Послал крохотный рассказик „Поздней ночью“ в альманах Скорпионов — „Северные цветы“. Послал в „Жизнь“ два

готовка цифровых научных комментированных изданий» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.).

Автор благодарит Г. Н. Воронцову за ценные замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

¹ Бунин И. А. Письма 1885–1904 / Под ред. О. Н. Михайлова. М., 2003. С. 359.

² Бунин И. А. Неизвестные письма дореволюционного периода (1897–1901) // Москва. 2015. № 1. С. 216–217.

* Статья опубликована в рамках проекта «Русская и европейская классика в XXI веке: под-

рассказа — один («Туман», страницы 4 печатных), другой на 1/2 листа — «Новая дорога».³ Позже также добавлял: «Из „Жизни“ Поссе пишет, что очерки будут в апреле и „безумно“ хвалит».⁴ Как и планировалось, рассказы «Туман» и «Новая дорога» были опубликованы в апрельской книжке журнала «Жизнь».

Всего рассказ публиковался 7 раз, и в процессе работы Бунин последовательно сокращал его. В частности, при подготовке текста для «Нивского» издания писатель исключил фрагмент из финала: «Какой стране принадлежу я, — думается мне, — я, русский интеллигент-пролетарий, одинокого скитающийся по родным краям?»⁵ Во многом именно этот пассаж привлек внимание современной критики: «Имел ли Бунин право на это звание или он самовольно присвоил его себе? <...> И как не близко соприкасается он иногда своими настроениями с писателями, представляющими наш интеллигентный пролетариат, но корнями своими он упирается в иную среду, которая и определяет его писательскую физиономию. <...> Но суть в том, что интеллигент-пролетарий, вопрошая о „стране“, ищет ее потому, что еще не нашел ее, а Бунин — потому, что уже потерял ее».⁶

³ Бунин И. А. Письма 1885–1904. С. 367–368.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ Бунин И. А. Новая дорога // Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1902. Т. 1. С. 23.

⁶ Кранихфельд В. П. Литературные отклики. И. А. Бунин // Современный мир. 1912. № 11. С. 343. См. также другие характерные реплики: «...тоскливое чувство беспомощности, охватывающее поэта, под впечатлением родной, забытой Богом и людьми, глуши; бесильные порывы и бесплодные мечты и жалобы российского интеллигента <...>». Давно уж этот минорный тон стал чем-то обязательным у множества и довольно крупных, и мелких представителей литературы, и выбиться они из него никак не могут» (Чешихин-Ветринский В. Е. Журнальные заметки // Нижегородский листок. 1901. 27 мая. № 141. С. 2); «Основные черты, характеризующие пессимизм, которым проникнуты современные рыцари печального образа — идеологи интеллигентного пролетариата по отношению к эмпирической действительности, имеются налицо. И в растерянности перед процессом реальной жизни, и в страхе перед нею, и в тоске одиночества исповедуется интеллигент-пролетарий. Имеется также признание в наличии эгоцентрических мотивов. Наконец, указывается на культ эстетического начала. Если прибавить к этому, что наш интеллигентный пролетарий одарен — как мы увидим ниже — большою склонностью к идеализму, то мы получим полную схему миросозерцания, типичного для определенной общественной группы <...>». И. Бунин — цитата принадлежит его перу — вышел

Споры об «интеллигенте-пролетарии» и то, в котором Бунин пишет о нем, составляют существенную часть истории бытования ранних вариантов текста. То, что Бунин при подготовке Полного собрания сочинений 1915 года снимает это обозначение, только подчеркивает остроту подобных дискуссий. Наиболее точное и локализованное в эпохе понимание этого слова, вероятно, марксовское: пролетарий — тот, кто живет исключительно продажей собственного труда. По всей видимости, таким образом писатель мог мыслить самого себя, а в исключении этого фрагмента можно видеть освобождение текста от народнических штампов, собственных ранним произведениям Бунина. Как бы то ни было, внимание критики к этой очень современной реалии Российской империи — и шире: Европы — конца XIX — начала XX века, на наш взгляд, неслучайно.

В целом рассказ обращает на себя внимание обилием новых явлений жизни: телеграфы и телеграфисты, активно строящиеся железные дороги и т. д. В словосочетании «новая дорога» слово «новая» имеет дополнительный смысл, который сегодня, кажется, совершенно не чувствуется. И поскольку в этом травелогическом герою открываются просторы быстро меняющейся страны и намечается контраст (или взаимодополнение) столицы и провинции, то «новая дорога» становится и дорогой в новое пространство в хронотопе этого рассказа. Бунинский

из „лесной глуши“, из недр „помещичьей Руси“. Но потеря органической связи с „родными гнездами“ не означает для него полного разрыва с последними <...> они рисуются ему в довольно замачивых красках; он исполнен чувства меланхолической грусти по отживающей „старине“» (Шулятиков В. М. Восстановление разрушенной эстетики (о современных идеалистических течениях в русской литературе) // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904. С. 639–640); «Он (Бунин. — Д. З.) не принадлежит к тем довольным и сытым буржуазно-писателям, которые ничем не волнуются и никогда не хандрят, особенно после того, как они овладели искусством пера и, сделав из него свое ремесло, накапливают материальные блага и увеличивают свое благополучие, бесконечно плодя строки и печатные листы... В Бунине всегда живет святое недовольство, потому что он остается на всю жизнь интеллигентом-пролетарием, вечно скитающимся и всегда ищущим правды и красоты. Но беда его в том, что он никогда ничего не находит и не имеет что предложить тем многим, которые по праву ищут, в свою очередь, именно у него, как и у других братьев-писателей. Все несчастье в том, что он до конца остается беспомощным и бессильным чем-либо помочь „исполинской лесной стране“» (Геккер Н. Л. Литературные письма. И. А. Бунин (По поводу исполнившего 25-летия литературной деятельности) // Сибирь. 1912. 25 нояб. № 266. С. 3).

рассказ вообще мог бы стать удачным материалом для изучения риторики знания конца XIX века.⁷

Конкретных реалий, которые, как кажется, имеют под собой биографическое подкрепление, в рассказе немало: названия городов и станций, указания на близлежащие к ним места, подробности перемещений героя. Даже сам Бунин в одном из писем Поссе называл этот рассказ очерком. Как правило, очерк предполагает отражение хотя бы минимального количества реальных обстоятельств. Что мы видим в рассказе? В первой же строке героя упрекают в том, что он уезжает из Петербурга, когда «добрые люди только съезжаются»⁸ (поскольку действие рассказа происходит зимой, возможно, люди съезжаются на праздники). После ночи в пути «внезапное прикосновение чьей-то руки извещает перед утром о пересадке».⁹ В следующем поезде герой проезжает станцию Белый Бор: «После Белого Бора через две станции — уездный город, по имени которого и называются эти леса, смешанное чернолесье и красноелесье. Проходит еще час, полтора — и вдаль, из-за леса, показываются главы и кресты монастыря, которым далеко известен этот город».¹⁰

Во-первых, на территории бывшей Новгородской губернии до сих пор существует деревня Белый Бор, однако никакая железнодорожная станция не носила такого названия. В данном случае можно предположить, что Бунин знал это название и оно явилось для него творческим импульсом. Может ли вообще речь идти о Новгородской губернии? Сомнительно, поскольку по сюжету герой садится поздним вечером на поезд в Петербурге, и первая часть рассказа заканчивается следующими словами: «В полудремоте попадаю в вагон-микст, тесный, с квадратными окнами, и тотчас же снова крепко засыпаю. И к утру уже оказываюсь далеко от Петербурга. И начинается настоящий русский зимний путь, один из тех, о которых совсем забыли в Петербурге...»¹¹ Герой проехал по крайней мере 10 часов. Уже в середине XIX века поезда в Российской империи ходили со скоростью 45 км/ч, значит, за ночь он проехал около 450 км. Великий Новгород же находится на расстоянии 150 км от Петербурга. В целом, станций с компонентом Бор могло быть очень много по всей России XIX — начала XX века.¹²

Во-вторых, герой проезжает на поезде город и монастырь, «которым далеко известен этот город». Прежде всего на память приходит За-

донский монастырь, и дорога тогда могла быть Орловско-Грязской, или Тихвинский монастырь, а дорога — Петербург–Вологда. Однако единственная дорога, построенная в близком к моменту написания рассказа временном промежутке, — дорога Москва–Брянск (1899). На то, что это западная часть России, указывает, в частности, тип лесов: «...новая дорога идет как завоеватель, решивший во что бы то ни стало расчистить лесные чащи, скрывающие жизнь в своей вековой тишине. И долгий свисток, который дает поезд, проходя перед городом по мосту над лесной речкой, как бы извещает обитателей этих мест об этом шествии».¹³ С одной стороны, леса очень густые, с другой — «смешанное чернолесье и красноелесье». Сосновый бор, перемежающийся лиственными деревьями, особенно характеризует территории к западу от Москвы.

Такого рода лесной заповедник существует в Боровске. Правда, в Боровске нет железнодорожного вокзала, хотя для пространства художественного произведения это не так важно. Если указывать на Боровск, то сразу вспоминается Пафнутьев-Боровский монастырь, действительно известный на всю Россию: там погибла боярыня Морозова, содержался протопоп Аввакум. Но тут же мы встречаем указание, что на обитель собирали монашеники, а Пафнутьев-Боровский монастырь — мужской. При мужских монастырях могли жить келейницы, кроме того, Боровск — это столица староверов. Также Бунин пишет, что леса называются по имени этого города. Называют ли лес боровским? Может быть, поскольку существует боровский заповедник. Однако единственные леса, которые называются по названию города, — брянские леса.

Как видно по письмам, Бунин задумывал рассказ «Новая дорога» как часть небольшого путевого цикла, куда входили бы рассказы «Туман» и «Сосны». В последнем действии происходит в бору, в который повествователь регулярно приезжает, и лес будто бы предстает самостоятельным действующим лицом этого рассказа: «„Чем не сказочный бор?“ — думаю я, прислушиваясь к шуму леса за окнами и к высоким жалобным нотам ветра, налетающего вместе с снежными вихрями на крышу. И мне представляется путник, который кружится в наших дебрях и чувствует, что не найти ему теперь выхода веками».¹⁴ Неслучайно Бунин раздумывал назвать этот цикл «В лесу».

Сегодня нам неизвестно подобное путешествие Бунина. Вполне возможно, что это могла быть поездка писателя в Полтаву, поскольку дорога Москва–Брянск стала составной частью железной дороги в Малороссию, а в Полтаве Бунин жил наездами все 1890-е годы. Как бы то ни было, — путешествовал писатель по этому пути или нет, — рассказ подталкивает на такое «биографическое» чтение. Без сомнений, «Новая дорога» представляет собой сложное

⁷ Например, см.: Смола К. Текст Чехова и риторика знания его времени // Новое литературное обозрение. 2018. № 4. С. 204–218.

⁸ Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. Т. 2. С. 188.

⁹ Там же. С. 190.

¹⁰ Там же. С. 192.

¹¹ Там же. С. 190.

¹² Например, автору известна станция Борк Харьковской губернии.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ Там же. С. 196.

соединение вымышленных событий, опирающихся на реальные впечатления. На это обращала внимание и критика: «...дано хорошее изображение разных мелочей во время движения поезда <...> и все это заставляет читателя переживать все, что делалось на глазах автора»;¹⁵ «Не ищите также в этих рассказах особых и отдельно обработанных типов: они выплывают очень часто на поверхности тех же интимных проникновений, чувствований, воспоминаний и проч.; они дополняют бытовые и психологические наброски и вырастают на канве настроения, как узоры и орнаменты, составляя нередко цветы, которые украсили бы сами по себе любое произведение».¹⁶

Именно это характерное сочетание путевых наблюдений (близких к киносценарию) и внутреннего лиризма, обусловленного взглядом героя, позволяло критике квалифицировать рассказ как «новый реализм»: «Лирический элемент нового реализма особенно сильно подчеркнут в рассказе И. Бунина „Новая дорога“ («Жизнь», апрель). Передавать содержание этого лирического „стихотворения в прозе“ невозможно <...>. Ограничимся только указанием на „Новую дорогу“ как на яркий образец своеобразной художественной техники, которой руководствуются современные реалисты, работая, например, над описаниями внутренней вагона третьего класса или станционных

платформ».¹⁷ «Новый реализм», наиболее отчетливо заявленный в первой половине 1910-х годов В. Л. Львовым-Рогачевским в связи с обсуждением взаимосвязей Бунина и акмеистов,¹⁸ станет чрезвычайно важной вехой в критическом осмыслении творчества писателя.

О соотношении вымысла и реальности, творчества и истории, например, в романе «Жизнь Арсеньева», «единственной темой которого является *спор с историей*»,¹⁹ сегодня много и подробно пишут.²⁰ Однако генеалогия этого «спора» до сих пор не определена и остается принципиально важной лакуной в буниноведении. На материале «Новой дороги» хорошо видно, что уже в раннем творчестве Бунин эксплуатирует (квази)биографические стратегии построения художественного мира, которые в существенной степени и осложняют комментирование этого рассказа.

¹⁷ Шулятиков В. М. Критические этюды. О новейшем реализме // Курьер. 1901. 28 мая. № 145. С. 3.

¹⁸ См.: Львов-Рогачевский В. Символисты и адамисты // День. 1913. 23 фев. № 74. С. 3.

¹⁹ Долгополов Л. К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века. Л., 1985. С. 281.

²⁰ Например, см.: Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева»: Проблемы научного издания // И. А. Бунин и его время: Контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021. С. 617–624 (сер. «Академический Бунин»; [вып.] 3).

¹⁵ [Б. п.]. Периодические издания // Русская мысль. 1901. № 6. С. 195 (3-я паг.).

¹⁶ Геккер Н. Л. «Настроение» в прозе // Одесские новости. 1902. 11 июня. № 5657. С. 2.

ФЕНОМЕН И. А. КРЫЛОВА КАК ПРЕДМЕТ ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Книга Е. Э. Ляминой и Н. В. Самивер «Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца», вышедшая в 2024 году в издательстве «Новое литературное обозрение», предлагает широкий и достаточно новый взгляд на биографию и культовый статус И. А. Крылова, прослеживая феномен его популярности от прижизненного ее конструирования до обстоятельств установки памятника П. К. Клодта в Летнем саду и «ранней рецепции» этого монумента.

Монография велика по объему (760 с.) и снабжена большим иллюстративным материалом, что тем более уместно, так как в исследовании речь идет не просто о статусе Крылова, но и о его поведении (не обязательно лишь литературном), о визуальных аспектах конструирования его «феномена». Состав охваченных в книге текстов, откликов, коллизий, моделей публичного поведения, форм исторической памяти, практик коммеморации выглядит исчерпывающим. Исследовательницы при этом, хотя и реконструируют подробно жизненные сценарии Крылова, сохраняют противоречивость фигуры баснописца (и именно эта противоречивость актуализирует его универсальный культовый статус). Уже подзаголовок дает понять, что исследование задумано не просто как восстановление упущенных, полузабытых или превратно истолкованных фактов, а как история превращения «баснописца Крылова» в «феномен Крылова». Книга, таким образом, дает повод для разговора о том, как рассматривать привычные фигуры за пределами привычных рамок, и, что немаловажно, о самой проблеме «что, зачем и почему мы знаем и помним о писателе?»

Обращение к фигуре Крылова, как это описано во Введении, связано с тем, что «на фоне методологических прорывов в гуманитарных науках» «Крылов как будто стал невидимкой» (с. 10–11), несмотря на свой статус классика. Исследовательницы видят в этом своеобразное «слепое пятно», лакуну, которая нуждается в заполнении, хотя не по той лишь причине, что баснописец оказался «следующим в очереди»,

а потому, что «Крылов до самой смерти и первое время после оставался очень значимой фигурой литературного и еще более — общественного поля» (с. 12). Крылов, действительно, и сейчас оказывается своего рода «памятником самому себе», и порой неясно, какие исследовательские вопросы могут быть поставлены на таком материале. Вместе с тем важно, что уже во Введении тема книги помещается в широкий контекст разговора о писательской репутации в XIX веке, таким образом, в фокусе внимания находится не только сам по себе Крылов, но и те механизмы литературного (и шире) сообщества, к которым он имел прямое отношение.

Тем не менее в книге с самого начала ясно обозначена ее основная интенция: «...сделать Крылова видимым» (с. 33). Вполне вероятно, что эта тенденция к переосмыслению «живого Крылова», его биографии, поведения, репутации и посмертной меморации и побуждает исследовательниц изредка использовать анахронизмы в терминологическом аппарате: мем, бренд, «завирусился» и т. д., и т. п. Впрочем, выглядят эти анахронизмы в заданном контексте вполне уместно. Нельзя сказать, что текст полностью избавлен от стилизованных шероховатостей, однако не перегруженный терминами и витиеватыми конструкциями язык представляется его несомненным достоинством.

Методологически книгу можно было бы поместить в рамки исследования литературной репутации, с одной стороны, и практик исторической коммеморации, с другой. Впрочем, как в любом большом труде, здесь можно найти черты и иных подходов, как, например, анализ семиотики поведения и т. п.

Книга, не считая Введения и «Вместо заключения», состоит из шести глав. Первая («Картежник, баснописец, классик») — и вторая по объему после шестой — посвящена, собственно, реконструированию биографии Крылова, его становления как «русского баснописца». Исследовательницы достаточно подробно разбирают и интерпретируют доступные нам источники, в том числе пытаются заполнить существующие лакуны, очерчивают отношения Крылова с его современниками (С. С. Уваровым, И. И. Дмитриевым, Н. И. Гречем и проч.). Учитывая объем главы, едва ли справедливо

* Лямина Е., Самивер Н. Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 760 с., ил.

требовать еще больших уточнений, однако в некоторых случаях у читателя все же могут возникнуть вопросы. Так, например, была ли практика помещения на титульный лист всех своих регалий, как это сделал Дмитриев (с. 109–110), «статистическим выбросом»? Судя по трактовке, приведенной в книге, это было сделано как будто бы в попытке удержаться за свой статус «главного баснописца», будучи потесненным Крыловым, и представляло собой вполне конкретное высказывание, но было ли такое высказывание уникальным? Также вопросы может вызвать проведенная в сноске аналогия между прижизненной канонизацией Крылова и прижизненной канонизацией советских писателей в 1930-е годы и упоминание о том, что Крылов занял в советском пантеоне классиков «место не менее почетное, чем то, которое принадлежало ему в дореволюционной культуре» (с. 134). Это, безусловно, так, однако такое положение Крылова в советском литературном каноне вполне ожидаемо: если для дореволюционного, как убедительно показывают исследовательницы, Крылов был символом «русскости», то для советского он быстро стал удобен и по происхождению, и по характеру литературной продукции (чтобы затем вновь занять нишу «русского баснописца»).

Тем не менее понятен контекст, в котором появляется эта сноска. Исследовательницы уже в первой главе, несмотря на ее внешнюю фактологичность, начинают смещать фокус в сторону апроприации Крылова государством.

«Огосударствление» баснописца затронуто подробно во второй главе «Grossvater. Крыловский юбилей и его контексты» (речь идет о праздновании пятидесятилетия литературной деятельности). Авторы рассматривают преемственность подобных торжеств, характеризуют праздничную культуру Петербурга, прослеживают политический контекст события и, наконец, рассказывают, как и почему Крылов стал «дедушкой». Особенно любопытно здесь история с перехватом инициативы празднования. По замечанию исследовательниц, «главную роль в формировании этого замысла сыграл, по-видимому, Греч» (с. 198). Имеется в виду замысел юбилея именно профессиональной деятельности. Последующий «второй перехват инициативы», приведший к отстранению Греча и не в последнюю очередь связанный с соперничеством между Уваровым и А. Х. Бенкендорфом, и закрепил окончательно официозную окраску праздника.

Вторая глава книги, таким образом, закрепляет «внешнюю» писательскую траекторию Крылова. В этом отношении проблематика «огосударствления литературы», превращения баснописца в «живой феномен», соотнесена с проблематикой профессионализации литературного сообщества. В целом, профессиональная консолидация писателей в первой трети XIX века — тема, как отмечают Лямина и Самовер, малоизученная. Поэтому попытка рассмотреть проявления этого процесса через фигуру Крылова выглядит особенно интересно. Как будет

видно в последующих главах, Крылов становится «национальным достоянием» не только для «официальной народности», но и в литературной среде (обратим здесь внимание, что на с. 352 М. Е. Лобанов, один из первых биографов Крылова, назван его Эккерманом, что, конечно, отсылает к статусу Гёте как «главного немецкого поэта»). Еще во Введении исследовательницы предлагают трактовать «борьбу за Крылова» как борьбу режимов публичности (с. 30). И хотя переносить на российскую историю теорию публичной сферы Ю. Хабермаса всегда следует с осторожностью, в этом случае выбор терминологии вполне обоснован.

Тем не менее разговор о функционировании упомянутых режимов публичности актуализируется и в третьей главе, которая сосредоточена на том, как сам Крылов конструировал свое поведение и каким образом оно закреплялось в публичном пространстве. Об этом заявлено уже в ее названии — «Прагматика фарса».

Эта глава, возможно, наиболее интересна для читателя, который не занимается Крыловым профессионально. По сути, она представляет собой историю, типологию и, как пишут сами исследовательницы, деконструкцию фарсового поведения баснописца, которое определяется в книге следующим образом: «...театрализованный эпизод — как реальный, так и вымышленный, существующий в виде автобиографического рассказа, — созданный в расчете не только на синопсичный эффект (вовсе не обязательно комический), но и на запоминание и дальнейшую трансляцию зрителями и слушателями» (с. 274–275). В этом определении прослеживается связь с упомянутой выше оптикой публичности, иными словами, фарсовое поведение подразумевает не просто наличие зрителей, но и последующее закрепление в культурной памяти. В книге оно осмысливается как конструирование собственной репутации — в первую очередь писательской, но, видимо, и в целом общественной. Соответственно, согласно концепции рецензируемого издания, это поведение нуждается в периодизации на основании описанных в первых главах писательской и социальной траекторий Крылова. Поэтому авторы предлагают следующие «отрезки»: «период клиентуры», «конструирование образа баснописца», «стабилизация этого образа», «огосударствление», «предсмертные высказывания и распоряжения» (с. 279). Впрочем, как видно из последующих подглав, периодизация, а следовательно, и типология, может быть и более дробной. Эта глава книги, на первый взгляд, имеет дело с феноменом «исторического анекдота», однако описываемые истории последовательно включены в контекст литературного поведения и литературной репутации. Таким образом формируется концептуальная рамка, с одной стороны, позволяющая увидеть стабильность в поведении Крылова, с другой, обнаружить грань между допустимым (засвидетельствовано) и недопустимым (известно только как анекдот), с третьей — рассмотреть поведение как высказывание, подчас

одновременно поддерживающее репутацию и иронизирующее над нею. В отношении последнего показательно, что исследователи-цы отдельно упоминают труды Ю. М. Лотмана, посвященные семиотике поведения, и тем самым апеллируют к безусловному авторитету.

В главе последовательно изложено, как Крылов сам поучаствовал в формировании крыловского мифа, сам затеял игру, которая до сих пор может запутывать читателя. Отдельное внимание, конечно, уделяется расхожему мифу о том, что баснописец умер от обжорства, который, пусть и легко опровергается документально, чрезвычайно стабилен и иногда даже пересказывается в средней школе. Вместе с тем эта фарсовая публичность описана в книге не только как автомифотворчество, но и как утверждение своего положения в социально-политическом плане. Так, например, некоторые фарсы Крылова иллюстрируют его отношение к цензуре и иронии над собственным «официозным» статусом.

В четвертой главе «Как Петербург хоронил баснописца Крылова» рассматривается затверждение «идеологизированного уваровского конструкта» (с. 415). Речь в ней идет о подготовке похорон, нестандартности самого процесса для прощания с частным лицом, выборе надгробия и т. д. Похороны Крылова, по мысли исследовательниц, стали затем ориентиром для писательских похорон вообще. Эта глава короче остальных по объему, однако она демонстрирует, как Крылов окончательно стал «официальным символом народности» (с. 489). В пятой же главе «Чей дедушка?» описывается борьба за Крылова, возникшая между уваровским и антиуваровским лагерями. Обращение к «отстаиванию права на Крылова» становится в том числе поводом поговорить о понятии «народность», которое использовалось практически всеми, но для всех имело разные смыслы (например, авторы отдельно упоминают, как его понимал Н. А. Некрасов). История этого поня-

тия заставляет вернуться к предыдущим главам, где речь шла в том числе о становлении репутации Крылова как «национального» баснописца. Говоря о конструировании репутации и коммеморации писателя, даже вне контекста уваровского официоза невозможно не упомянуть, что он по сей день остается универсальной фигурой в формировавшейся уже при его жизни национальной литературной традиции. Отдельно в книге сказано об издании басен Крылова Д. В. Григоровичем и Н. А. Некрасовым для детей. В связи с этим кажется любопытным, что под словом «дедушка» по отношению к Крылову сейчас в первую очередь подразумевается именно тот смысл, который смоделирован в приведенной иллюстрации (с. 565): у бюста «дедушки» сидят маленькие дети — его предполагаемая аудитория.

Самая объемная шестая глава «Крыловский монумент» посвящена подробному рассмотрению коммеморативного проекта, сформировавшегося вокруг памятника в Летнем саду. Исследовательницы особое внимание уделяют положению памятника в городском пространстве, «новой концептуализации» (с. 701) Летнего сада в николаевскую эпоху и тому «политическому мифу о России», в который и встраивался монумент, помещенный именно там. Отдельно рассматривается то, как памятник стал «детским», окончательно закрепив за Крыловым реноме дидактического автора, и первые отклики на него.

Книга «Иван Крылов — Superstar» подчеркивает константность и универсальность крыловского феномена. Она, безусловно, заполняет важные лакуны, как исторические, так и концептуальные. Вместе с тем она оставляет место для дальнейшего рассуждения о том, как формируется наша историческая память, насколько мы самостоятельны в ее конструировании и, наконец, куда нам двигаться как исследователям, когда вся событийная канва уже прояснена.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-225-230

© Т. М. Двигина

И. А. БУНИН — КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ*

Со времени нашего последнего обзора изданий, посвященных И. А. Бунину,¹ прошло

* Бунин И. А. Критика и публицистика 1911–1953 годов / Отв. ред. А. В. Бакунцев; сост. А. В. Бакунцев, С. Н. Морозов, О. А. Коростелев; предисловие, подг. текста и комм. А. В. Бакунцева, С. Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1144 с.; ил.

¹ Двигина Т. М. Предъюбилейное: бунинана последних лет // Русская литература. 2019. № 3. С. 252–256.

пять лет. За это время вышли две тысячеюстраничные книги посвященного Бунину 110-го тома «Литературного наследства»² с публикациями прежде неизвестных частей творческого

² И. А. Бунин. Новые исследования и материалы: В 4 Кн. М., 2019. Кн. 1 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов (Лит. наследство. Т. 100, кн. 1); 2022. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. Т. М. Двигина, Е. Р. Пономарев (Лит. наследство. Т. 100, кн. 2).

наследия (ранние стихотворения, поздние рассказы, наброски и статьи, записные книжки, дневники и автобиографические записи) и эпистолярия (в том числе переписка с женой В. Н. Муромцевой-Буниной с 1906 по 1947 год), несколько томов открывшейся в 2019 году серии «Академический Бунин»³ и двухтомная биография писателя, охватывающая обе половины его жизни (в России и в эмиграции) и построенная во многом на материалах его личного архива.⁴ Все они, как и многочисленные статьи в научной периодике прошедших лет и регулярная работа Бунинской группы Института мировой литературы РАН, образуют серьезный задел для планируемого в ИМЛИ издания первого научного Полного собрания сочинений и писем Бунина.

В этом ряду изданий-спутников будущего Полного собрания стоит и новое издание Бунина «Критика и публицистика 1911–1953 годов», подготовленное прежде всего С. Н. Морозовым и А. В. Бакунцевым и посвященное светлой памяти О. А. Коростелева, зачинщика и застрельщика многих буниноведческих начинаний, продолжающихся и после его ухода из жизни в 2020 году.

С точки зрения состава издания в «Критике и публицистике 1911–1953 годов» впервые и наиболее полно на сегодняшний день⁵ собраны статьи, заметки, рецензии, речи, автобиографические заметки, историко-биографические и мемуарные очерки Бунина, предисло-

вия к его собственным книгам и книгам других авторов, ответы на анкеты, личные и коллективные письма в редакции газет и журналов и т. д. Таким образом, название книги подразумевает не только собственно критико-публицистические тексты писателя, но и значительную часть его эссеистики и мемуарных произведений. Составители сообщают, что в течение последних двадцати с лишним лет только в периодической русской и иностранной печати было выявлено свыше 130 неизвестных ранее текстов, а также более 60 автографов и авторизованных машинописей — в российских и зарубежных архивах (с. 8).⁶ В настоящий сборник вошло 238 текстов, их выбор определен задачей показать Бунина-публициста в его зрелые годы и, соответственно, хронологически-ми рамками издания (с. 9).

Из ранее малоизвестных текстов Бунина особенно выделяются те, которые впервые были напечатаны на французском языке в парижских газетах (с. 597). Это четыре ответа на вопросы анкет и «<Обращение к Ромену Роллану>» (1928).⁷ Отметим среди них тексты, впервые печатающиеся на русском языке: «<Ответ на анкету „Литературное влияние Франции на зарубежье“>» (1924), «<Ответ на анкету „Воззвание русских писателей из Совдепии“>» (1927) и др. — для настоящего издания выполнены их обратные переводы с французского, а в комментариях называются и перепечатки в других изданиях, и сохраненные Буниным вырезки с публикациями, и обстоятельства появления анкет, и круг ответивших на них писателей (с. 941, 945–946).⁸

³ См.: Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М., 2019 («Академический Бунин»; вып. 1); Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М., 2019 («Академический Бунин»; вып. 2); И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов; ред. А. В. Бакунцев, Е. Р. Пономарев. М., 2021 («Академический Бунин»; вып. 3); Раннее творчество И. А. Бунина (1883–1902 гг.): Поэтика, текстология, комментарий / Отв. ред. С. Н. Морозов; ред. А. В. Бакунцев, Т. М. Двинятина, Е. Р. Пономарев. М., 2024 («Академический Бунин»; вып. 4).

⁴ Двинятина Т. М. Иван Бунин: Биографический пункт: В 2 т. СПб., 2020 («Жизнеописание»).

⁵ Предыдущие опыты публикации нехудожественных текстов Бунина — в 84-м томе «Литературного наследства» (1973), бунинском сборнике «Публицистика 1918–1953 гг.» (М., 1998) и ряде публикаций (см. их перечень на с. 7) — сохраняют свою научную ценность, однако помещенные там тексты к настоящему времени должны перепроверяться с точки зрения соответствия и первоисточникам, и вызвавшим их конкретным поводам, и жанровой принадлежности.

⁶ К большому сожалению, скорее всего, утрачено несколько текстов Бунина, представление о которых мы сейчас можем составить только по косвенным свидетельствам. Из таких текстов назовем три, на наш взгляд, главных: текст лекции «Великий дурман», дважды прочитанной в сентябре 1919 года в Новороссийском университете в Одессе после прихода туда денкинских войск, — об опыте и последствиях двух лет русской революции; текст лекции «Граф Алексей Константинович Толстой: Старая и современная поэзия», прочитанной в Сорбонне 24 января 1923 года — с изложением основ близкой Бунину эстетики и смысла художественного творчества вообще (см. фрагменты из дневника В. Н. Буниной и писем к Бунину А. В. Карташева и К. И. Зайцева в комментарии, с. 702–703); «Слово о Пушкине», произнесенное Буниным на заседании Союза русских дворян в Париже 31 января 1937 года.

⁷ Написано Буниным и К. Д. Бальмонтом после приветствия Р. Роллана советских властей по случаю 10-летия Октябрьской революции.

⁸ С другой стороны, для всех текстов Бунина, которые после их публикации на русском были напечатаны в переводах на другие языки, в комментариях тоже даются соответствующие

Вместе с тем, вопреки читательскому ожиданию, в рецензируемый том не вошли «Оканные дни», в жанровой природе которых документалистика борется с преобразующим ее элементом художественности и далеко не всегда одерживает над ним верх (объяснение такому решению составители дают в преамбуле к научному комментарию, с. 594–595), и интервью, записанные со слов Бунина. Но все прочие тексты, собранные в книге и более отвечающие представлениям о публицистике, отражают все ту же цельную и страстную натуру писателя, который и в своих нехудожественных произведениях сохранял глубоко индивидуальный, бескомпромиссный и бесстрашный взгляд на историю и действительность.

В предисловии к изданию, помимо прочего, дается обзор эстетических взглядов Бунина — от юношеских лет к зрелой критике. Обращается особое внимание на то, что получивший, главным образом, домашнее образование Бунин уже в ранних статьях формулирует самостоятельную позицию, не сливающуюся ни с теорией «чистого искусства», ни с позитивистским взглядом на нее (что само по себе тоже требует уточнения как «внешних» понятий, так и «внутренней» оригинальности). Главным художественным критерием 17-летний Бунин называет «известный идеал, в сравнении с которым определялось бы то или иное значение предметов как прекрасных».⁹ В чем состоит, однако, «известность» этого идеала (так и не получившего в системе взглядов Бунина теоретического развития), не говорит ни он сам, ни составляющие за него его систему взглядов публикаторы, и это полностью отражает расплывчатость бунинских воззрений: к тому же сравнение с идеалом — это, в любом случае, инструмент оценки, но не она сама. Наиболее точной в изложении Бунина характеристикой данного направления мысли стали слова из его статьи «Недостатки современной поэзии» (1888): «Поэт должен быть отзывчив на всякое движение души, на всякое проявление нравственного и умственного мира, он должен жить одной душой с людьми и с природой» (с. 11), — в которых уже звучит определение «одной (единой) души», важное для будущего художественного творчества Бунина, но почти потерянное в его критическом наследии. Попутно отметим, что в развитии этого умонастроения значительная

указания. Например, «Несколько слов английскому писателю» (1920) — и тут же две вырезки с самой статьёй и две с ее французским переводом (с. 646); обращение «К писателям мира» (1927) — и его перепечатка в газете «L'Avenir» (с. 751); очерк «Горький» (1936) — и снова две вырезки с публикациями французского перевода (с. 888), и далее десятки других подобных случаев.

⁹ См.: с. 10; Бунин И. А. Наброски: Несколько слов к вопросу об искусстве // Родина. СПб., 1888. 7 фев. № 6. Стб. 87.

роль принадлежала Е. А. Баратынскому, которого авторы предисловия поместили, увы, на последнее место юношеских пристрастий Бунина (не только за С. Я. Надсоном и Л. Н. Толстым, но и за Н. Д. Телешовым и Д. Н. Маминым-Сибиряком, см. с. 11). А также что «<з>аядным, страстным театралом» Бунин не стал ни в юности (с. 12), ни позже, его восприятие театра строилось на отношении к тем из близких, кто участвовал в театральной жизни: будь то В. В. Пашенко в Орле, А. Н. Цакни в Одессе (где Бунин, помимо того, часто бывал в опере), или спектакли МХТ по пьесам Чехова в Москве и в Ялте (при том что к драматургии Чехова он относился сугубо отрицательно).

Описание бунинской эстетики, сложившейся к 1910-м годам и разделившейся на «положительный» и «отрицательный» аспекты» (с. 12), только намечено, системное изложение его взглядов еще только предстоит, и рецензируемый том дает для этого обширный материал, как раз открываясь статьями и заметками последнего десятилетия Бунина в России. С начала Первой мировой войны начинают доминировать общественно-политические темы. Переживший до этого увлечения народничеством и толстовством, разделявший либерально-прогрессистские взгляды своего круга до 1917 года¹⁰ и умеренно-консервативные настроения в эмиграции, со страниц этой книги Бунин является прежде всего как страстный свидетель и обличитель разверзшегося над Россией революционного краха. 5 (18) марта 1919 года В. Н. Муромцева записывает в дневнике размышления Бунина о русской истории и предках («Он все говорил, что была русская история, было русское государство, а теперь нет его» и т. д.) и добавляет: «Он сидел в своем желтом халате и шалочке, воротник сильно отставал, и я вдруг увидела, что он похож на боярина».¹¹ Можно заметить, что Бунин портретируется не как безвестный «боярин», а прямо как Иван Грозный с картины В. М. Васнецова (1897).

Структура книги глубоко продумана и подробна. Основную часть составляют разделы: «Статьи. Очерки. Заметки», «Отзывы для Академии наук. Рецензии», «Речи», «Автобиографические заметки. Мемуарные очерки», «Предисловия», «Ответы на вопросы анкет», «Письма в редакции газет и журналов», «Коллективные письма, воззвания», а также «Неоконченное. Неопубликованное» и «Dubia». Синтетичность бунинского письма часто противится однозначному соотношению с тем или иным жанром (не говоря об их часто смешанном мемуарном ли, аналитическом или памфлетном ха-

¹⁰ Их подробная дефиниция и не требовалась, как нет ее, например, и в ответе Бунина на анкету по делу М.-М. Бейлиса, которые он начинает с того, что «двух мнений о нем в той среде, к которой я принадлежу, не может быть» (с. 497).

¹¹ См. с. 15.

рактуре), но подчас жесткое прикрепление того или иного текста к конкретному «гнезду» неизбежно и полезно с точки зрения понимания общей жанрово-хронологической системы наследия писателя и его представления в будущем Полном собрании его сочинений.¹²

Подготовка текстов Бунина проведена с очевидным расчетом на будущее ПСС, в котором критико-публицистический сегмент будет иметь свою специфику (с. 598–599). Она определяется, во-первых, тем, что Бунин не просто стилистически правил,¹³ но подчас и перерабатывал свои тексты, а затем печатал их как новые, и тогда в издание включались не только последние, но и предыдущие варианты текста как самостоятельные единицы. Таковы, например, мемуарные очерки о А. П. Чехове и А. И. Куприне (за исключением версий, вошедших в бунинские «Воспоминания» 1950 года, — тексты из авторских изданий остаются за пределами книги, почти полностью построенной на публикации *в прессе*). При этом для тех текстов, которые печатались неоднократно (в том числе в составе других произведений, что для публицистики Бунина весьма характерно), в комментариях даны полные «цепочки» публикаций. Во-вторых, особенность подготовки критико-публицистических текстов писателя состоит в доминировании сугубо печатных источников. Абсолютное большинство из 238 текстов, включенных в книгу, сохранилось только в своей газетной версии (и только 31 текст имеет автограф или авторизованную машинопись)¹⁴ и потребовало серьезной вычитки.¹⁵ Погрешности типографского набора зачастую исправлялись и самим Буниным, собиравшим вырезки со своими публикациями и оставлявшим на их полях корректуры или замечания, — все они учтены в издании и описаны в комментариях и вступительной статье к ним (с. 599–600).

По такой корректуре реконструирован точный вариант едва ли не главного текста бунин-

ской публицистики — речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной на одноименном вечере в Париже 16 февраля 1924 года. Оказалось, что в напечатанном в «Руле» (3 апреля 1924) тексте были пропущены выделенные тут курсивом слова: «И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием *природных богатств и отсутствием* крепостных уз?». По авторской правке на газетной вырезке, сохранившейся в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (Великобритания; РАЛ), составители тома восстановили пропуск и вместе с ним смысл вопроса, а далее привели тот исторический фон, на котором прозвучало выступление Бунина и состоялось повторное собрание 5 апреля 1924 года, отклики на это событие в эмигрантской и в советской прессе, перепечатки, сравнение с ними текста по правке на вырезке — и все это до пояснений собственно к тексту речи (с. 822–825).

Другой пример — статья «Из „Великого дурмана“», источником текста которой долгое время считалась публикация в сборнике «Скорбь земли русской» (вариант заглавия «Скорбь земли родной»; Нью-Йорк, 1920) — в настоящем издании ошибки этого набора исправлены по первопубликации в газете «Южное слово» (Одесса, 1919).

Публикация текстов Бунина сопровождается обстоятельнейшим комментарием, который заслуживает особого внимания. Помимо истории и особенностей текста, огромную часть примечаний составляет историко-культурный контекст, в котором проходили выступления Бунина в печати.

В книге даны точные *справки об изданиях*, в которых печатался Бунин: от одесской газеты «Новое слово», всего в трех или четырех номерах вышедшей весной 1919 года (там была опубликована первая после долгого перерыва — и первая в томе — статья Бунина «Не могу говорить»), до «Общего дела», в котором Бунин начал сотрудничать в сентябре 1920 года с заметки «О Горьком» (с. 634–635), от перехода к берлинскому «Рулю» в конце того же 1920 года (на фоне споров вокруг «новой тактики» П. Н. Милюкова после поражения Врангеля, с. 659–660) до истории публикаций в периодических изданиях Парижа, Нью-Йорка, Харбина, Риги, Белграда, Софии, Праги, Ревеля, Гельсингфорса и т. д.

Следующий пласт комментария образуют *исторические события*. При их описании — будь то большевистское вооруженное восстание в Москве в октябре (ноябре) 1917 года (с. 603–604), еврейские погромы во время Гражданской войны (с. 605) или переход на новое время с приходом советской власти в Одессу в апреле 1919 года (на 2 часа 25 минут вперед, с. 610) и далее десятки и десятки других — приведены выдержки из множества печатных изданий, соответствующих времени события, и это позволяет увидеть историю как живой,

¹² Подробно о принципах отбора текстов для издания см.: с. 596–597.

¹³ Эти случаи тоже исчерпывающе описаны, см., например, комментарий к статье «О писательских обязанностях» (1921, с. 674).

¹⁴ Среди этих исключений — «Автобиографическая заметка» (1915), для которой сохранилась и авторизованная машинопись, и корректура (обе с авторской правкой, см. с. 850), и не опубликованная при жизни Бунина заметка «Музыка» (1921), написанная на смерть А. А. Блока, но в столь резком тоне, что редактор «Общего дела» В. Л. Бурцев не пустил ее в печать (с. 1050).

¹⁵ Отмечены и случаи, когда редакторское вмешательство в текст Бунина доказано, но конкретные искажения неизвестны, см., например, статью «Еще об итогах», напечатанную в газете «Утро» (Нью-Йорк, 1922. 13 января) с редакторскими вольностями А. Я. Гутмана (с. 689).

драматичный, полыхающий поток. Кроме того, публикации в синхронной периодике часто служили прямыми источниками или импульсами для бунинского текста, привести их — значит включить статьи и заметки Бунина в многоголосье революционных лет, поменять оптику, объективировать писательский взгляд.¹⁶

Очевидно, что отдельной задачей был *поиск источников и цитат*, использованных Буниным в его выступлениях: от памятников древнерусской литературы до томов по истории Великой французской революции (или тех изданий, откуда Бунин почерпнул данные в них сведения), от конспектов статей Максима Горького (см., например, с. 635, 687–688) до неточных цитат из более или менее случайных публикаций на схожие темы,¹⁷ от контаминаций из разных произведений А. И. Герцена и Л. Н. Толстого до вольных переложений очерков Г. И. Успенского о крестьянской жизни (с. 628–629), экономиста С. С. Маслова об итогах первых лет советской власти (с. 682–686) и т. д.

При всем этом достойно уважения признание публикаторами пределов своих возможностей: если какой-то фрагмент публицистического текста содержит упоминание уже смытых временем конкретных штрихов или словесную «врезку» из другой публикации, найти которую из-за утратенности или недоступности газетного фонда уже невозможно, это не становится «фигурой умолчания», а ясно обозначается в комментарии. Но таких случаев всего несколько, а впервые определенных, сопоставленных, найденных только печатных (подчеркнем) импульсов для бунинских выступлений — многие десятки.

Далее, нельзя не отметить подробнейшие — и полезнейшие для современного читателя — *справки о действующих лицах* бунинской публицистики: от военачальников Первой мировой войны и деятелей европейской политики до быстро забытых журналистов, от генерала Л. Г. Корнилова (и истории его «мятежа», с. 603) и кн. Н. Н. Львова (и его статей в защиту монархических начал в 1927 году, с. 763) до революционера, а позже редактора и советского функционера Ю. М. Стеклова (Нахамкиса, 1873–1941, у Бунина он просто «какой-то Стеков-Нахамкес (так!)», с. 632) и «Абрашки-Гармониста», т. е. журналиста и поэта сатирика Василия Александровича Регинина (1883–1952), чьи мимоходом процитированные Буниным в пестрой мозаике революционных лозунгов «стишки», конечно, тоже найдены и полно-

стью приведены в комментарии к статье «Пресловутая свинья» (1920). Название этой последней статьи, одной из самых яростных в публицистике Бунина, сам он возводит к попавшему ему на глаза газетному объявлению. Дело комментаторов — указать, что а) объявление попало Бунину на глаза не в газете, а на столбе (афиша на одесской улице мая 1919 года), б) взятое в заголовок выражение пришло в его текст даже не с улицы, а из заметки «В Красноармейском театре-клубе», напечатанной в газете «Голос красноармейца» 21 мая 1919 года за подписью «А. Л.», да и то в переименованном, но точно узнаваемом виде (см. с. 640–642). В том же бунинской «Публицистики 1918–1953 гг.» (1998) этот пласт источников только начинал проступать — теперь он пройден во всей возможной (оставшейся на сегодняшний день) полноте.

Правда, тут же приходится сказать, что по сравнению с изданием 1998 года из комментариев пропали указания на советские репрессии как непосредственную причину гибели многих героев бунинской публицистики. Это вдвойне удивительно, потому что таким образом скрылась неотъемлемая часть отраженной писателем «большой истории», порождение и продолжение того мрака, в который Россия погружалась в запечатленные Буниным «окаянные дни».¹⁸

Возвращаясь к собственно литературному бытованию текстов и их авторов, надо обратить внимание на включение в комментарий предысторий публикаций Бунина, которые отражаются в его *переписке с издателями и редакторами*. Эта переписка отложились и в российских, и в зарубежных архивах, особенно в Бунинской коллекции РАЛ, которая, кажется, была насквозь просмотрена составителями «Критики и публицистики» под этим углом зрения.¹⁹

¹⁸ См., например, справку о поэте-сатирике и собирателе фольклора В. В. Князеве, из которой исчезли слова «Репрессирован, погиб в лагере» (с. 643), следующих за ним А. К. Гастеве (расстрелян в 1939 году), И. Г. Филиппенко (он не умер в 1939 году, а был расстрелян в 1937), и др. Ср.: Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. ст. О. Н. Михайлова; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998. С. 497.

¹⁹ Один из многих примеров — письмо к Бунину редактора газеты «Свободные мысли» И. М. Василевского (псевд. Не-Буква) от 21 сентября 1920 года как приглашение к публикации, которой стала статья Бунина «Суп из человеческих пальцев: Открытое письмо к редактору газеты „Таймс“» (1920; в ней был напечатан «защитающий» ответ Горького на впечатление Г. Уэллса от поездки в Россию, на что Бунин, в свою очередь, оппонировал Горькому и отказывался оправдывать ужасы «горьковской России»). С другой стороны к этому комментарию подключаются три газетные вырез-

¹⁶ См., например, целиком приведенный в комментариях очерк, вольный пересказ которого Бунин напечатал под заглавием «Красный гимн» (1920, с. 638–640, а также с. 725).

¹⁷ Например, выдержки из анонимного «Письма из Петербурга», опубликованного в «Times», перепечатанного в «Руле» и взятого Буниным в статью «Итоги» (1922, с. 681).

В сопровождение к тому приведен широчайший диапазон редакционных, исторических, географических сюжетов: от дореволюционной Москвы и С. А. Венгерова, еще в 1912 году просившего Бунина прислать сведения о его «жизни и литературной деятельности» (материалы РО ИРЛИ),²⁰ до послевоенного Нью-Йорка и М. Е. Вейнбаума — редактора «Нового русского слова», где Бунин печатался на рубеже 1940–1950-х годов (архив Йельского университета).

Для воссоздания обстоятельств, в которых Бунин работал над статьями, и для описания того, как то или иное его выступление было воспринято в эмигрантской среде, неоценимым источником является *дневник* его жены В. Н. Буниной. Это многостраничная летопись второй половины жизни писателя — еще один постоянный «спутник комментатора» всех последних публикаций бунинского наследия, и рецензируемое издание — тому яркий пример. Такой же составляющей частью комментария являются *письма к В. Н. Буниной разных лиц* с откликами на выступления Бунина, — при том что эпистолярный жены писателя никак не уступает по объему сохранившейся переписки ее мужа и только общий просмотр его требует огромных усилий.²¹

Наконец, важнейшей частью «вшитой» в издание истории являются *полемика в прессе и отклики в частной переписке*. Даже не знаешь, что ценнее: приведенные комментаторами отклики на бунинские статьи в левой печати юга России последнего этапа Гражданской войны или давно разбросанные по русской диспоре и по ниточке вытащенные из разных источников споры, вызванные выступлениями писателя в его парижские годы. Чего стоят хотя бы несколько десятков собранных по столичной и провинциальной печати отзывов на речь Бунина на юбилее «Русских ведомостей» (1913,

с. 816–818), четыре страницы убогистого шрифта откликов на лекцию «Великий дурман» (1919, с. 619–623), воссозданная «отповедь со стороны левой либеральной печати» после статьи «Чехи и эсеры» (1920, с. 653–655), изложение споров между «пессимистом» Буниным и «оптимистами» из «Смены вех» и лично Е. Д. Кусковой о будущем России к «Литературным заметкам» (1922, с. 695–701). Очевидно: обширные цитаты из редких изданий, разысканные составителями и комментаторами тома, как и фрагменты из личных писем к автору и его жене,²² оправданы и малодоступностью материала, и его несомненной ценностью не только в контексте бунинского творчества, но и для понимания общей истории первой волны русской эмиграции.

При работе над комментарием составителями были использованы материалы многих архивохранилищ: только в списке условных сокращений их 15, и можно лишь пожалеть о том, что здесь не со всеми из них рядом стоит город (для лучшего понимания географической «сетки» издания) и что полное название Рукописного отдела ИРЛИ в своей институциональной части вновь отклонилось от уставного именованья «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук», в котором, как известно, оба слова в скобках пишутся с заглавных букв.

Конечно, и после выхода этого издания сохраняется возможность обнаружения ранее неизвестных бунинских если не статей, то заметок и писем по тем или иным поводам в различные периодические издания (причем писем скорее, коллективных, чем индивидуальных). Последний тому пример — готовящаяся А. В. Бакунцевым и С. Н. Морозовым в новом, пятом выпуске сборника «Emigrantica» публикация «Обращения русской общественности к американскому народу» 1931 года, под которым среди многих других стоит и подпись Бунина. Но в целом можно сказать, что с выходом этого тома блок критико-публицистического наследия Бунина собран, добросовестнейшим образом отрефлексирован и прокомментирован. Тем самым выполнена наиболее сложная часть работы по подготовке тех томов Полного собрания сочинений и писем, которые будут посвящены Бунину — историку, документалисту, критику и мемуаристу.

ки: на одной — русский вариант статьи с правкой автора (конечно, тут же приведенной) из ГАРФ (фонд В. Л. Бурцева), на двух других — ее французский перевод из газеты «La Cause communiste» от 9 октября 1920 года, сохранившийся среди бунинских материалов в ОР ИМЛИ и РАЛ (с. 636).

²⁰ Опубл.: Бунин И. А. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века, 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1916. Т. 2. Кн. 7. С. 331–341.

²¹ См. между прочим письма к В. Н. Буниной Н. К. Кульмана и В. Н. Ладыженского с отзывами на статью Бунина «На поучение молодых писателей» (1928) в контексте полемики Бунина и Г. В. Адамовича (с. 765).

²² См., например, раскрытую на материале неопубликованной переписки Буниных с вдовой И. И. Савина Л. В. Саволайнен историю статей «Наш поэт» (1927) и «Памяти Ивана Савина» (1932), с. 752, 776–778.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-231-235

© К. А. Кумпан

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЗДНИХ ИНСТИТУЦИЙ ФОРМАЛЬНОЙ ШКОЛЫ*

Книга Валерия Отяковского «Микроистория сообщества формалистов» — детально и скрупулезно по архивным источникам реконструирует, казалось бы, достаточно периферийный для формализма и истории бытования Института Истории Искусств сюжет, а именно: историю Кабинета современной литературы при ИИИ. Кабинет был организован профессором Константином Антоновичем Шимкевичем в 1927 году, «на закате» формального метода, в эпоху полемики и уничтожения его приверженцами марксизма, на излете существования самого Института, подвергавшегося именно в трехлетие с 1927 по 1930 год систематическому разгрому. Неслучайно формалистский энтузиазм ранних работ только что принятого в ИИИ Шимкевича вызывал грустную усмешку «мэтров» (встречающуюся в их переписке): «боевые» методы описания материала уже ушли в прошлое.

Книга написана умно, живо и как-то весело и молодо. Занятым представляется уже эпиграф (с. 6), в котором использован диалог между Торопulo и Пуншевичем, героями книги Константина Вагинова «Бомбачада», того места, где они, пытаясь удержать «материальную прелесть жизни», серьезно обсуждают вопрос о необходимости «организовать общество мелочей изменяющегося быта» или «Общество собирания мелочей» (сюжет, характерный для всех романов Вагинова). Эту идею в «Бомбачаде» выдвигает Пуншевич, профессор физики и ревностный собиратель конфетных обертки. Ее подхватывает собеседник, предлагая собирать также обертки от мыла, коробки из-под папирос и т. д. Рискнем предположить, что Константин Вагинов, будучи сначала учеником Высших курсов при ИИИ (в 1923–1926 годах), а с 1927 года — членом Комитета современной литературы, мог иронически обыгрывать не только увлечение изучением литературного быта в стенах Института, но и саму собирательскую деятельность Кабинета современной литературы, где было задумано «составить Архив Комитета (черновики и корректуры литературных произведений, анкеты о литературном производстве, высказывания авторов о своих произведениях, о литературных течениях, группировках и т. д.)» (с. 35), т. е. собирательство, ориентированное не на суть (художественные тексты), а на его бытовое сопровождение («оболочки»). Можно предположить, что неслучайно фамилия собеседника созвучна фамилии ор-

ганизатора Кабинета: Пуншевич — Шимкевич (усеченная анаграмма). Напомним, что фрагменты из «Бомбачады» Вагинов читал на одном из последних литературных заседаний Комитета современной литературы ИИИ, и весьма вероятно, что прочитан был в том числе и этот диалог.

Открывается книга «Введением» (с. 9–16), где лаконично и, если позволительно так выразится, «остроумно» представлена история изучения формализма в последние годы и четко описан ракурс настоящей работы. В центре внимания исследователя «не столько теория формалистов, сколько история их сообщества», с учетом «гибкой внеорганизационной „сети“, без которой не мыслима социализация формалистов» (с. 9–10). То есть автор предлагает рассматривать формализм как сообщество, представленное не только «мэтрами», но и их «учениками». Здесь всесторонне проанализированы многочисленные подходы отечественных и западных исследователей к изучению формализма: от проблемы «литературно-бытового» поведения формалистов до «траекторий» происхождения и традиций метода. Пласт проработанных исследований поражает.

С завидной четкостью замечательным научным языком во вводной части очерчен подход к проблеме формалистского сообщества, а также лаконично и точно излагается распределение материала по главам.

Так, указано, что в первой главе реконструируется устройство Кабинета, условия его функционирования, основной круг обязанностей сотрудников. Причем этому предшествует убедительный анализ сведений о контактах формалистов с творческими институциями современной литературы. Здесь же кратко изложена история структурных изменений ИИИ по архивным документам: прежде всего по фонду ИИИ (ф. 82) и Курсов при нем (ф. 59) в ЦГАЛИ СПб., а также по грандиозному фонду Шимкевича в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 828), документы которого отложились у дочери профессора (А. К. Любберс) и были переданы в архивохранилище ее подругой А. К. Кураевой. Частично они осели в фонде самой Кураевой (в ИРЛИ), который также являет собой «важный корпус источников» (с. 76). Эти материалы до сих пор не описаны и не защищены. Потребовался фронтальный просмотр содержимого коробов, т. е. атрибуция и проработка сотен и сотен страниц; некоторые из документов (см. последний параграф третьей главы) могли бы составить многотомное собрание сочинений Шимкевича.

Во второй главе «излагаются биографии основных сотрудников». Наиболее подробные очерки посвящены Константину Шимкевичу

* Отяковский В. Микроистория сообщества формалистов: Кабинет современной литературы при ИИИ (1927–1930). Tartu: University of Tartu Press, 2024. 217 с.

и Юрию Перцовичу. А коллективный портрет сотрудников-студентов позволяет, по словам исследователя, «прочитать траекторию их судеб» в период разгрома ИИИ и формализма, т. е. отследить дальнейшие пути «существования ленинградской интеллигенции не в лице выдающихся ее представителей, а в облике ее „второго ряда“» (с. 14).

Третья глава посвящена «обзору большей части неопубликованных филологических трудов К. Шимкевича», которые автор предлагает рассматривать «в качестве рефлекса формального метода» (с. 14). Единственное определение, которое представляется не совсем удачным, — фраза на той же странице: «Отдельно стоит подчеркнуть, что пафос этой главы совершенно не связан с желанием „революционизировать архив“» Шимкевича. Что это значит? Может быть, точнее «актуализировать», «представить архив как открытие инновационного прорыва в области методологии»? Или имеется в виду что-то другое?

Итак, остановимся на этих главах подробней.

Первая глава «Институция» (с. 17–75) включает в себя два параграфа. В первом из них «Формалисты, ГИИИ, современная литература» (с. 17–35) акцентируется внимание на «дифференциальных признаках» содружества формалистов, в частности, на специфике их текстового поведения (Ян Левченко), отличного от «академизма» и приближающего научное исследование к типу литературного текста. Здесь же излагается концепция Илоны Светликовой, которая возводит формализм к межпарадигмальной стадии (в категориях Томаса Куна и Питера Стайнера), т. е. помещает его между «биографизмом» предыдущей филологической науки и грядущей социологической наукой на марксистской или герменевтической платформах. Таким образом, формалисты оказываются воистину детьми «промежутка» (с. 18). Идея промежуточного положения формализма подтверждается обширной цитатой из Ильи Клигера (с. 18), где отмечаются такие двойные противоречия формализма, как писательство и профессорство, что подвергалось ироническому автометаописанию в «Гимне формалистов»: можно вспомнить знаменитый куплет, принадлежащий Л. Я. Гинзбург: «И вот крадется словно тать, / Сквозь петербургские туманы, / Писатель лекции читать, / Профессор Т. — писать романы». И далее Отяковский отсылает к выделенным Клигером двум противоречивым маркерам, двум главным установкам формалистов: «ученые занимаются строгой „чистой наукой“, протестуя против вмешательства истории и общества, и одновременно иронизируют по поводу чистого безжизненно-го академизма» (с. 18).

В этом же параграфе исследователь напоминает и сводит воедино факты спайки формалистов с институциями современной им литературы, в частности, указание на выступления ОПОЯзовцев на вечерах в «Бродячей собаке» и «Привале Комедиантов». Одной из ос-

новных площадок для ОПОЯЗа становится Дом литераторов. Упоминаются лекции Эйхенбаума и Шкловского во «Всемирке» Горького и в ДИСке (Доме искусств), сотрудничество с Ленинградским союзом поэтов. Позже Кабинет истории художественной речи в ИИИ продемонстрировал более жесткое скрещение науки и художественного слова в границах институции, где происходит слияние эмпирической науки и лабораторной работы.

Последующая часть первой главы посвящена важнейшему отделу в структуре Института Слоvesного отделения (СЛОВО), а именно: созданному Эйхенбаумом Комитету современной литературы, энтузиастически воспринятому и формалистами-учеными, и близкими к ним литераторами (в частности, прозаиками Каверинным, Лунцем, Замятиным). Ссылаясь на «Отчет» Слоvesного отделения ИИИ 1926 года, исследователь напоминает, что уже за первые полтора года в Комитете, кроме упомянутых «серапионовцев», выступали с творческими вечерами Алексей Толстой, Илья Эренбург, Виктор Шкловский, Николай Тихонов, Максимилиан Волошин, Илья Груздев, Константин Федин, Ольга Форш и Василий Каменский, а также сами организаторы: Эйхенбаум и Тынянов.

Второй параграф этой же первой главы (с. 35–75) посвящен основной теме исследования — воссозданию деятельности Кабинета современной литературы, где в отличие от Комитета велась собирательская и библиографическая работа. Начинается рассказ со значимой цитаты из «Дневника» Чуковского, из которой явствует, какого рода литература отбиралась сотрудниками Архива Кабинета: автографы эмигрантов и попутчиков. Понятно, что они требовали особой охраны. Исследователю справедливо проводит параллель между деятельностью в Москве директора ГИМ В. Д. Бонч-Бруевича, героически спасавшего архивы дворянских имений после революции, с деятельностью в Ленинграде Кабинета в ИИИ.

Список сотрудников устанавливается по сохранившемуся в фонде Шимкевича (ИРЛИ) отдельным листочкам с перечнем лиц, а список литераторов, которым предлагалось сдать архивы, — по письмам Шимкевича в их фондах. Из обращений за границу исследователем было найдено только одно письмо — к Вяч. Иванову, которое приводится на с. 39. Видимо, переписка с поэтом была тогда еще не опасна, так как Иванов не имел к этому времени статуса эмигранта.

Опись фондообразователей Архива Кабинета, сохранившаяся в Рукописном отделе ИРЛИ, существенно дополняется Отяковским не только по письмам Шимкевича, но и самих писателей к нему, а также письмам к нему членов Кабинета с рассказом-отчетом о посещениях литераторов или коллекционеров рукописей, т. е. описанием материалов, которые удалось / предполагалось заполучить в архив Кабинета; наиболее выразительные из них приводятся в работе. Таковыми дарителями явились: Хармс

и другие обэриуты (с. 45–47), Валентин Кривич (с. 47–49), Зоргенфрей (с. 55), футуристы, эгофутуристы: Грааль-Арьельский (с. 56), Олимпос (с. 60–61), Бурлюк (на с. 66). Подробно повествуется об огромном вкладе, сделанном Владимиром Смиренским, по сути внештатным сотрудником Кабинета (с. 49–55). Список начинаний и проделанной работы воссоздается также по рукописным отчетам, обильно цитируемым в исследовании (с. 58–60). Здесь же предпринимается попытка на основе фрагментарно сохранившихся докладов Шимкевича в заседаниях Кабинета реконструировать его раннюю полемику со старшими формалистами (с. 62–63).

Кроме описания архивной деятельности, в этой главе на основании финансовых ведомостей фиксируется нищенское материальное положение сотрудников Кабинета (с. 41–42) и писатели «из бывших» и «попутчиков», которых спасли крохотные гонорары, выплачиваемые ИИИ: на с. 43–44 приводятся расценки сдаваемых в архив материалов. Здесь же кратко упомянута устроенная Кабинетом выставка к 40-летию футуризма (с. 70). В конце главы повествуется о последовательном разгроме Комитета (с. 71–72).

Вторая глава — «Биографии» (с. 76–133) начинается с «изложения канвы жизни» организатора и руководителя Кабинета современной литературы (с. 76–94). Здесь, кроме документов из фонда Шимкевича, исследователь привлекает архивные материалы из фонда ЦГИА СПб., а именно: 6-й Петербургской гимназии, которую окончил будущий профессор ИИИ, а также материалы из университетского фонда (ф. 14). Заметим одну деталь: картина обучения в университете, реконструированная Отяковским, вскрывает близкие отношения студента с профессором И. А. Шляпкиным, у которого он писал курсовую работу. При этом Шляпкин придерживался крайне правых политических взглядов и слыл антисемитом, что, вероятно, отчасти объясняет неприязненное отношение к нему формалистов. Возможно, некоторое отчуждение их от Шимкевича связано, как пишет исследователь, с его близостью в студенческие годы с этим черносотенцем (с. 79).

Далее Отяковский реконструирует биографию и начало научного пути ученого (с. 79–80). Его участие в Первой мировой войне и продвижение по службе отслеживается по послужному списку в студенческом деле, а события, связанные с тюремным заключением в 1918 году, извлечены из фонда ИЛЯЗВ^а. Последующая преподавательская деятельность Шимкевича в школах, техникумах и театральных заведениях (как до войны, так и после блокады) воссоздается по документам, вплоть до его выхода на пенсию в 1949 году.

Второй параграф второй главы посвящен реконструкции биографии сооснователя Кабинета — Юрия Саввича Пердовича (с. 94–112). Ранняя биография построена на сохранившихся в его фонде (РНБ) обширных и интереснейших мемуарах, которые обильно цитируются

в книге. Кроме того, в этой главе используются уточняющие мемуарные свидетельства Пердовича редкие документы, хранящиеся в архивах, в которые, как правило, «не ступала нога» филологов (назовем, например, ЦГАИПД СПб., фонд ИКДК — Историко-краеведческий музей г. Кировска и др.).

Третий и последний параграф этой главы посвящен сотрудникам Кабинета. Перечисляя десяток имен студентов, работавших под руководством Шимкевича и Пердовича, Отяковский указывает, что «очерки об этих людях, помимо расширения наших сведений об Институте <...> оказываются интересным срезом судеб раннесоветской интеллигенции, <...> воспитанной в условиях революции и формалистских экспериментов, но вынужденной реализовывать себя уже в сталинское время» (с. 112). В этой связи интересно сопоставление биографии рьяного атеиста Алексея Федорова, дослужившегося до заведования библиотекой Музея религии и атеизма, а затем уволенного с этого поста и канувшего в Лету, и студента Андрея Петрова, воцерковленного с детства, за что ему пришлось неоднократно пройти через аресты, но в конце концов вступить в партию и «получить индульгенцию» за свое прошлое.

Наиболее близкой к Шимкевичу была его ученица — Валентина Денемарк. Ее биография восстанавливается по переписке с профессором. После разгона ИИИ она продолжала службу на скромном поприще библиотекаря, устраиваясь в разные учреждения от библиотеки Механического хлебного комбината до библиотеки Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, которую, благодаря ее героическим усилиям, удалось спасти во время блокады.

Кабинет многим был обязан студенту Алексею Бихтеру, библиофилу и собирателю автографов, в частности, футуристических рукописных книг, благодаря усилиям которого был изрядно пополнен архив. Кроме того, Бихтер был одним из активнейших участников КИРХа у Сергея Бернштейна. В отличие от других сотрудников Кабинета, он смог работать почти по специальности, а именно: в редакции «Библиотеки поэта», где издал ряд антологий, а также в издательстве «Художественная литература», где им было подготовлено Собрание сочинений Лескова в 11 томах (1956–1958), а также отредактировано 8-томное Собрание сочинений Блока.

Заканчивается глава рассказом о трагической судьбе студентки и сотрудницы Кабинета дворянского происхождения Екатерине Унковской-Веселовской.

В конце второй главы исследователь подводит итоги, отмечая, что «при всей разности траекторий» названных студентов-сотрудников и «при всей случайности объединяющего критерия (участие в работе Кабинета) мы видим определенные закономерности» их судеб. Такими закономерностями, по мнению Отяковского, было «умение встраиваться в потоки времени» и «уврачиваться от подводных скал Большого террора и Второй мировой». В целом

можно было бы с этим согласиться, если бы все же не видеть, что, получив блестящее образование в уникальном вузе у учителей «высочайшей пробы» и ощущая себя в студенческие годы учеными и творцами, они должны были «сложить крылья», довольствуясь скромными библиотечными и музейными заработками, в лучшем случае учительствуя и читая лекции на рабфаках и в рабочих клубах.

Третья и последняя глава «Теория» (с. 134–189) посвящена подробному анализу научного пути К. А. Шимкевича. Она состоит из трех параграфов: 1. Ранние работы Константина Шимкевича (с. 133–143); 2. Акме (с. 143–173) и 3. «История русской поэзии» (с. 173–168).

Поскольку концептуальные установки Кабинета современной литературы «определялись взглядами самого Шимкевича», исследователь справедливо обращается к «реконструкции интеллектуальной траектории филолога», т. е. к анализу его трудов (с. 134), тут же оговариваясь, что работы профессора «в массе своей остались неопубликованными», а «многие из них и незавершенными».

Труды Шимкевича, подчас не только многостраничные, но и многотомные, исследователь предлагает рассматривать и как биографический материал в рамках работы Кабинета, и как «рецепцию формального метода и его трансформации» (с. 134).

Анализ научного наследия Шимкевича начинается с обзора его студенческих работ, написанных на средостении искусствovedения и словесного искусства. В качестве примера разбирается статья «Душа чистая», в которой исследуется мотив «Души Чистой» в текстах и иллюстрациях русских синодиков XVII и XVIII веков (с. 134–135). Затем рассматривается студенческое сочинение (или скорее реферат фольклористической литературы) «Отношение церкви к эротизму купальных (sic!) игрищ» (с. 135), куда введены описания собственных наблюдений игрищ на Ивану Купалу в Витебской губернии. Исследователь указывает, что в этой статье имеются ссылки на работы Веселовского и Потебни, т. е. на труды предшественников (и предмет полемики) формалистов. По ходу дела отмечается религиозная составляющая этих студенческих работ, а также сотни религиозных стихотворений самого Шимкевича. Последнее обстоятельство дает основание полагать, что будущий профессор «рассматривал возможность стать литератором» (с. 136). Двойной интерес к религии и литературе породил идею первой небольшой антологии «Русские поэты на молитве» — папка с материалами которой (от Ефрема Сирина до Юргиса Балтрушайтиса) сохранилась в собрании Кураевой.

Через несколько лет, как отмечает Отяковский, наблюдается эволюция Шимкевича в сторону теоретической мысли, причем в первом же сочинении исследователь указывает на интерес к стихотворному ритму, «оформляющемуся в строгую науку стиховедения» (доклад «Песенная рифма народного стиха»), и к писателям «второго ряда» (с. 138–139). Но при этом

некий эклектизм научной мысли скорее сближает его с пре-формалистским подходом к текстам В. Н. Перетца, у которого студент Шимкевич слушал лекции. В частности, в духе этого исследователя, по мнению Отяковского, написана неопубликованная статья Шимкевича «Портретные приемы творчества Пушкина». Убедительно анализируя близость и расхождения стиховедческих взглядов Шимкевича с идеями в работах Жирмунского «Поэзия Александра Блока» и Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха» (с. 140–142), исследователь в конце параграфа предлагает рассматривать этот доклад «как первый серьезный опус сращения символистско-петебнианской <...> эстетики синтеза искусств с морфологически-формалистским инструментарием» (с. 143).

В следующем параграфе описывается начало работы Шимкевича в ИИИ и анализируется его первый доклад в отделении СЛОВО «К вопросу о задачах поэтики», прочитанный 14 января 1923 года. При этом акцентируется внимание на близости позиций Жирмунского и Шимкевича в отличие от подхода к материалу формалистов-морфологов, стремящихся отделить поэтику от общей эстетики. Однако последующие стиховедческие штудии Шимкевича, как отмечает Отяковский, в своем «нигилистическом отношении» к понятию «содержание» и «тема» скорее восходят к ранним эпатажным выступлениям ОПОЯЗовцев.

Далее он подробно останавливается на сохранившихся ранних историко-литературных работах Шимкевича, в частности, на докладе «Лермонтов и Подолинский», которому исследователь посвятил 10 страниц книги. Во-первых, потому что это была приоритетная тема Шимкевича (его пригласили в Институт как лектора для чтения курса по Лермонтову), а во-вторых, потому что этот доклад был благожелательно принят «мэтрами» и вошел в обойму формалистических исследований о поэте (цитировался и Жирмунским, и Эйхенбаумом).

Затем в книге идет речь о пушкиноведческих штудиях Шимкевича, в том числе и об опубликованной статье «Пушкин и Некрасов», которую формалисты включили в список близких им по заданию исследований (с. 154–155); здесь же подробно разбираются другие написанные, но не опубликованные сочинения Шимкевича, в частности, его фундаментальный труд «Лирическая тема», идеи которого сопоставляются с формалистическим подходом к выдвинутому здесь понятиям (например, понятию «фрагмента»), а также рукопись полемической статьи «Жанр и его термины» (1930), направленной против тыняновского «Литературного факта» (с. 165–169). Подводя итог этой полемике, Отяковский приходит к парадоксальному выводу: Шимкевич критикует Тынянова как за отсутствие некой универсальной терминологии, так и за стремление подчинить науку современной художественной литературе, т. е. требуя более беспристрастного «академического» подхода.

В последнем параграфе этой главы повествуется о работе Шимкевича вне стен раз-

громленного ИИИ, откуда он был исключен наряду со своими старшими коллегами-формалистами. Ему удастся продолжить педагогическую деятельность в театральных училищах, и с этой работой была связана неоконченная рукопись книги «Учение о пьесе». Но в конце жизни, оказавшись вне академической литературоведческой среды, он возвращается к любимому литературному материалу, работая в военные и послевоенные годы над грандиозным начинанием — «Историей русской поэзии», занимающей несколько тысяч рукописных страниц. Выявив ряд «вечных мотивов», Шимкевич проследил их развитие, начиная с архаических фольклорных текстов до литературных произведений 1945 года. Обращение к мотивному анализу свидетельствует о том, что в конце жизни Шимкевич опирается не на метод формалистов, а возвращается к трудам Веселовского, совершает поворот к социологии, предлагая учитывать закономерности общественного развития.

Обзором этого «амбициозного и масштабного труда», который так и остался в рукописи и который, по оценке Отяковского, «является уникальным феноменом своей эпохи», завершается настоящее исследование.

Итак, перед нами работа по истории науки, проделанная на буквально бездонном архивном материале. Сам перечень архивохранилищ, которыми пользовался Отяковский, впечатляет. Поэтому не в упрек, а как «поле» для продолжения работы укажем еще на огромный архив издателя «Academia» — А. А. Кроленко (РНБ. Ф. 1120), где можно найти сведения, объясняющие, почему труды словесного отделения выпускались этим издательством довольно скудно.

Мы уверены, что молодой, талантливый и крайне добросовестный исследователь продолжит «достраивать начатое здание» и еще не раз порадует нас своими разысканиями об уникальном научном содружестве ленинградских ученых 1920-х годов прошлого века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-235-240

© А. Ю. Соловьев, © В. В. Филичева

СОВЕТСКИЕ ЧИТАТЕЛИ Л. СТЕРНА*

Работа П. Б. Бударина выросла из диссертационного исследования, завершеного в Оксфорде, но являющегося плодом кропотливых разысканий, начатых еще в первые годы обучения в Московском университете. Эта книга, по справедливому указанию автора, рассказывает об «отдельных поклонниках» Стерна («individual admirers», р. 4). Однако, на наш взгляд, не менее справедливо утверждение, что она повествует о 1920–1930-х годах — эпохе, наследие которой в современной культурной жизни России вызывает все больший интерес. А потому крайне востребованным будет перевод монографии Бударина на русский язык.

Начинать читать эту книгу можно с любой главы, несмотря на то что хронологический принцип в целом выдерживается в каждой из двух частей (посвященных соответственно изданию и распространению произведений Л. Стерна и сведений о нем в Советской России 1920–1930-х годов — и нескольким ярким читателям и интерпретаторам его произведений). «Когда на душе скверно — / Читайте Лоренса Стерна» (р. 251). Двустилие белорусского филолога, бывшего политического заключенного А. И. Федуты, закрывающее повествовательную часть

монографии, протягивает мостик между описываемой эпохой и нашим временем, и это не случайное для рецензируемой работы положение. Эпилог посвящен советским читателям Стерна второй половины XX века, особое внимание уделено его восприятию представителями культурного слоя и заключенными.

Во Введении Бурдин акцентирует внимание на том, что Стерн — «сторонник свободы личности и критик рабства» (р. 1), «самый свободный писатель всех эпох» (р. 2, формулировка Ф. Ницше) — одна из самых неподходящих фигур для сталинского периода. Сама тема «Стерн в России / на русском языке» уже не раз становилась предметом специального интереса исследователей (от В. И. Маслова до Н. Стюарта и Н. Дроздова), однако выбранный период ранее освещен не был. Предположим, что произошло это из-за кажущейся незначительности материала (которую опровергает представленная монография): в отличие от рубежа XVIII–XIX веков, применительно к этой эпохе сложно говорить о прямом влиянии Стерна на центральные произведения русской литературы. Мало сохранилось и свидетельств читательского знакомства с ним. Тем не менее исследование Бударина встраивается в определенный ряд историко-литературных трудов.

Работы подобного типа необходимы для общего исторического полотна. Так, труд Мириам Трюэль «Виктор Гюго в России и СССР» показал важность анализа непрерывной рецепции,

* *Budrin P. Laurence Sterne and his Readers in Early Soviet Russia: The Secret Order of Shandean. Oxford: Oxford University Press, 2026. XV, 277 p., ill. (Oxford Modern Languages and Literature Monographs).*

независимо от того, кажется ли тот или иной период лакуной на фоне эпох, более продуктивных для изучения восприятия зарубежного автора. В книге Будрина на «микроисторическом уровне» первых двух десятилетий после революции показано, «как произведения „самого свободного“ автора читались и оценивались во все более репрессивной среде» (р. 3).

В книге встречаются толкования хорошо известных реалий и расхожие формулировки об анализируемой эпохе. И то и другое, впрочем, свидетельствует о глубоком знакомстве автора с большим массивом исследований, которые могли быть полноценно реализованы только в последние три десятилетия, а англоязычной аудитории такой контекст просто необходим.

Кроме того, здесь мы не встретим натянутых обобщений, но только сосредоточенность на конкретных фактах. Среди них явления разного рода или, скорее, калибра: переводы, публикации, различные паратексты, такие как вступительные статьи или рецензии на эти издания, немногочисленные (но иногда влиятельные) высказывания в научных изданиях (работы В. Б. Шкловского и Л. В. Пумпянского) и совсем незаметные упоминания в частных письмах не имеющих широкой известности людей (Э. Кучерова).

Каждый из «поклонников» здесь достоин отдельного интереса к его личности, работе, «жизни и мнениям», которые создают не коллективный, но многоликий портрет читателей Стерна. Таким образом Будрину удается совместить два подхода — традиционную для отечественной компаративистики историю восприятия и репутации писателя и активно развивающееся, в основном силами зарубежных ученых-русистов, изучение чтения и читателя. Данный взгляд узаконивает и выбор материала — не только обращение к опубликованному и известному, но и активное привлечение «архивного закулисья» (р. 7). Эта книга — отдушина от работ о целых эпохах, литературных направлениях, вечных проблемах и т. п.: она повествует как будто об одном писателе и дюжине его «поклонников». Но только через эти мелочи удается взглянуть в эпоху пристально, найти подтверждение общего в частном, с его яркими нюансами. И в этом подчас больше правды, чем в широких построениях.

В качестве примера можно указать на рассуждения об особой роли М. Горького, которого всем изучающим XX век и советские книгоиздательскую политику и культуру не удается обойти стороной. Как образно формулирует Будрин, «если Шкловский был политехнологом Стерна, то Горький был его ангелом-хранителем» (р. 12). Автор не останавливается на констатации значения советского классика для включения Стерна в пантеон писателей, которые должны быть опубликованы, и, соответственно, в планы издательств, а идет дальше и пытается понять, что Стерн значил для Горького, привлекая для анализа письма, воспоминания, пометы в принадлежавшем ему экземпляре «Тристрама Шенди».

Внимания заслуживают не только миниатюры, из которых сплетается словесная картина, но и иллюстративный материал монографии. Среди 28 иллюстраций — семь рисунков Н. П. Феофилактова, готовившихся для издательства «Academia» (ранее они публиковались К. В. Сарычевой и самим автором), и другие работы художника, листы рукописных материалов Г. Г. Шпета и А. А. Франковского, наглядно представляющие работу переводчиков, а также фрагменты оформления изданий.

Будрин подробно рассказывает историю первых в России специально созданных Феофилактовым иллюстраций к произведениям Стерна, оригиналы которых исчезли при невыясненных обстоятельствах (они или выпали из папки на улице, или были оставлены в трамвае; однако есть вероятность, что художник сам уничтожил их после ареста Шпета, его друга, переводившего Стерна для издательства «Academia»). Художественная манера Феофилактова, который в 1900–1910-е годы сотрудничал с издательством «Скорпион» и журналом «Весы», проникнутая иронией и эротизмом, как нельзя более точно передает язык Стерна. Судить об этом позволяют сохранившиеся семь иллюстраций к «Сентиментальному путешествию» (по договору, к двум главным произведениям сентименталиста их должно было быть 40), выявленные автором исследования в Государственном литературном музее, а также другие работы по оформлению книг «Academia» в 1930-е годы. Несмотря на то что остается неясным, наброски это или законченные иллюстрации, они позволяют увидеть, «как некогда знаменитый художник Серебряного века взаимодействовал с повествованием Стерна в период расцвета сталинизма» (р. 66). (Отметим, что Будрин постоянно акцентирует внимание читателя на контрастах идеологических и эстетических установок.) После убедительного и подробного анализа каждой из сохранившихся иллюстраций Феофилактова Будрин заключает, что художник «сохраняет стиль, сочетающий визуальные атрибуты гравюр XVIII века с психологическим реализмом и элементами символистской эстетики» (р. 80).

Параграф об иллюстрациях Феофилактова задает тон рассмотрению художественного оформления и трех других вышедших впоследствии изданий Стерна: в серии «Библиотека „Огонька“» (1935) и двух книг в «Гослитиздате» (1935 и 1940).

При этом только «Гослитиздатом» были использованы заказанные специально для этих изданий переводы, а всего из четырех новых переводов, выполненных в XX веке, только два дошли до печати — Н. Д. Вольпин и А. А. Франковского. Работы же А. М. Аничковой и Г. Г. Шпета, для «Всемирной литературы» и «Academia» соответственно, не были завершены.

Издание во «Всемирной литературе» (1922), которое, по определению Будрина, обеспечило Стерну «легитимность существования в новой культурной реальности» (р. 44), в 1930-е годы было уже труднодоступно, так как его тираж со-

ставил всего пять тысяч экземпляров. Этим первым советским изданием Стерна стал отредактированный П. К. Губером перевод Д. В. Аверкиева 1892 года, что было обычной практикой: в горьковском издательстве часто републиковались ранее печатавшиеся переводы. Однако в данном случае, за неимением источников, остается открытым вопрос, почему выполненный специально для «Всемирной литературы», правда не проработанный с редактором, перевод Аничковой был заменен на дореволюционный.

Тот же текст был использован в следующей по времени книге — сокращенном издании «Сентиментального путешествия» в «Огоньке» (1935). Книга была издана огромным (особенно на фоне практически отсутствия альтернативы) для 1930-х годов тиражом в 50 000 экземпляров и оказалась единственной на тот момент доступной для массового читателя публикацией текста Стерна. Но сама ее структура видится катастрофической для представления наследия писателя. По утверждению Будрина, здесь и художественное оформление («потускневшая и размытая» гравюра Дж. Рейнолдса, портрет Стерна), и способ компиляции («серия разрозненных записей»; «series of disjointed entries»; р. 85) «подгоняют» текст и образ его автора по вступительной статье А. Дейча: «В соответствии с неровным и нервным восприятием мира, свойственным сентиментализму, произведение Стерна представляет собой ряд разорванных записей, в которых мы находим гамму неустойчивых настроений автора — от крайнего пессимизма и глубокой печали до мажорного оптимизма и крайнего ликования» (цит. на р. 85). Примечательно, что сокращенными оказались не только сцены, содержащие религиозные мотивы (сюжет в результате сокращения оказался «почти исключительно посвящен встречам Йорика с женщинами», р. 82), но и, скажем, эпизод с отсутствующим у Йорика паспортом и грозящим ему из-за этого заключением в Бастилию. Если в русских изданиях 1803 и 1806 годов из рассуждений героя о свободе была исключена только одна фраза, в которой можно было усмотреть критику крепостного права, то здесь путем полного отказа от большого последующего фрагмента сокращение привело к прямо противоположному толкованию сцены — Стерн превратился в защитника тюрем.

В том же 1935 году «Гослитиздат» представил новый перевод «Сентиментального путешествия» — Н. Д. Вольпин. Примечателен в этом издании не сам перевод, который, по оценке Будрина, пострадал из-за чрезмерного давления на Вольпин и личных обстоятельств жизни переводчицы, и «переход от перевода к публикации был ускорен» (р. 89), а текст статьи С. Р. Бабуха, представляющей Стерна как «космополитичного защитника социальной справедливости» (р. 90; этот образ поддерживается и составом книги — в частности, опубликованными здесь избранными письмами). С помощью различных риторических манипу-

ляций автор ограждает Стерна от обвинений в эскапизме и идеализме, привлекая для этого в том числе знакомство «английского Рабле» с Гольбахом и Дидро. А использование марксистских терминов вообще делает Стерна — новатора литературной формы, интеллектуала, вовлеченного в радикальные политические и философские споры своей эпохи — «попутчиком» промышленной революции. По ироничному замечанию Будрина, если продолжить этот метод критики, то тип «попутчика» мог бы вписаться в классификацию путешественников, предложенную Йориком (р. 95).

Здесь исследование вновь представляет книгу как единство, работающее на создание образа автора и его произведения. Иллюстрации в этом издании — автотипии гравюр XVIII века, подобранных М. Э. Голосовкер и изображающих различные социальные типы Франции данной эпохи. (Кажется, что Йорика сопровождает, по классификации Стерна-Будрина, «советский репортер», р. 95.) Иллюстрации могли бы подойти к более традиционным, чем стерновское, путешествиям по другой стране, знакомящим с ее повседневной жизнью, но для подготовленного читателя они служат фоном к оригинальности Стерна.

Выполненный Франковским для «Academia» перевод «Сентиментального путешествия» был опубликован «Гослитиздатом» в следующем издании, 1940 года, без указания на титульном листе имени переводчика (редкий случай, когда тираж не приведен в исследовании). В оформлении книги принял участие «тезка и правнук самого радикального из русских сентименталистов XVIII века» (р. 99–100) А. П. Радищев, — а к иллюстративному материалу был применен наиболее экономный подход — «*rating classic Western illustrations*» (р. 101). Здесь были использованы 48 рисунков М. Лелуара, «известного своим фотореалистичным стилем и интересом к истории костюма» (р. 101), из парижского издания 1884 года, малоудачных именно для Стерна, чьи «легковесные» образы из-за «буквальных» иллюстраций «уплотняются» и «утяжеляются» (р. 102).

Во второй части исследования — «Способы чтения» — на передний план выходит разбор как переводов, так и интерпретаций творчества Стерна.

Название главы, посвященной, вероятно, самому знаменитому советскому читателю Стерна — В. Б. Шкловскому, включает понятие «пересмотр» («*Sterne and Shklovsky, Revisited*», р. 113), которое подразумевает в равной степени новый подход к этой теме и то, что, с точки зрения Будрина, сам Шкловский производит со Стерном (прежде всего в эссе «„Тристрам Шенди“ Стерна и теория романа», 1921). Возрождая интерес к творчеству давно забытого английского писателя, актуализируя его наследие в современности, Шкловский тем самым создавал и собственную репутацию творца — того, кто может вдохнуть новую жизнь в оставленные всеми книги. Будрин утверждает даже, что в замысел входил наиболее важный

для формалиста «рекламный» (promotional) эффект. Пропаганда Стерна напрямую соотносится с декларируемым им с самой первой работы методом «воскрешения слова». И хотя высказывания Шкловского о Стерне не ограничиваются названным эссе, оно задает им тон.

В подтверждение тезиса о самосоздании Шкловского Будрин последовательно анализирует, во-первых, форму эссе (выполненного в стиле монтажа: краткие тезисы чередуются с подтверждающими их обширными цитатами); во-вторых, критические отклики на него (попутно безжалостно разбираясь с критиками); наконец, высказывания о стернианстве одного из «младоформалистов», В. А. Каверина.

Неприятие идей Шкловского современной ему критикой Будрин связывает с непониманием данных в эссе определений «уникальности» и «типичности» романа Стерна. «Тристрам Шенди» типичный роман только в том смысле, что в нем раскрываются повествовательные механизмы романного жанра. Шкловский не стремится выявить функции стерновских приемов, а лишь отражает свой опыт чтения. Вопрос о том, почему Стерн пишет таким образом, по сути, подменяется другим, важным для Шкловского (и для Будрина): как тексты, подобные «Тристраму Шенди» или «Сентиментальному путешествию», воздействуют на читателя.

Обращаясь к работе Каверина о О. И. Сенковском, Будрин выделяет в ней тезис о том, что «стернианство приобретает некоторые признаки, указывающие на несомненную связь его с возникновением литературной личности; черты эти можно определить как намерение показать не само произведение («как построенное»), а автора — строящего или разрушающего конструкцию своего произведения, так сказать, автора за работой» (цит. на р. 133–134). Исследователь полагает, что Каверин, возможно, имел здесь в виду не только Сенковского и его литературную маску — Барона Брамбеуса, но также именно Шкловского, создававшего свою литературную личность посредством обращения к текстам Стерна. Предположение косвенно подтверждается соответствующими этому взгляду особенностями изображения Некрылова (прототипом которого был Шкловский) в каверинском романе «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове».

Так от реценции Стерна Шкловским Будрин переходит к реценции Стерна *через* Шкловского. На этом подходе, ключевом в монографии, основывается следующая часть главы, где проводится сопоставление того, как Стерн и Шкловский в своих произведениях поднимали проблему границы, разделяющей литературную личность и биографическую.

Содержание главы не ограничивается сравнением. Будрин попутно дает очень интересные сами по себе образцы анализа конкретных эпизодов текста Стерна, например, сцены чтения проповеди Йорика в «Тристраме Шенди»: «В этом эпизоде пересекаются три полуавтобиографические личности: Тристрам обсужда-

ет репутацию Йорика — аллегорический образ Стерна (что, правда, может знать лишь читатель, знакомый не только с «Тристрамом Шенди». — А. С., В. Ф.), в то время как Стерн ссылается на свое реальное историческое „я“ — автора проповедей, выведенного под маской некоего плагиатора Йорика (р. 136).

Другой пример анализа референтных отношений в текстах Стерна связан с появлением имени Элизы в «Сентиментальном путешествии» (напомним, что она также является проекцией реального человека — его возлюбленной Элизабет Дрейпер). Так, она упоминается мимоходом лишь в одном из двух, в остальном идентичных, перечислений героем своих вещей: Элиза изображена на портрете, который он носит на шее, но никаких пояснений не приводится. Это и другие обращения к возлюбленной «создают эффект постоянной, скрытой страсти главного героя» и «парадоксальным образом соотносятся с основным сюжетом книги, в котором рассказывается о многочисленных встречах с женщинами» (р. 149). Будрин связывает с этим эффектным экспериментом Стерна один из ведущих мотивов повести/романа Шкловского «Зоо, или Письма не о любви»: «...любовь, казалось бы, отодвинута на задворки текста, но в то же время, выходя за пределы повествования, влияет на действия протагониста» (р. 150–151).

Стерн на диалог с возлюбленной только намекает, Шкловский высказывается более определенно; но так или иначе оба писателя разрабатывают приемы присутствия биографического «я» в своих повествованиях. Шкловский объясняет свой прием в предисловии к «Зоо», поэтому складывается впечатление, будто бы цель книги — его продемонстрировать (подобно тому, как в эссе о Стерне он являет себя-творца). Но это ложная мотивировка, причем в тексте она не одна. В конце помещен фрагмент, который принято считать «покаянным посланием во ВЦИК». Занимая «сильную», финальную позицию, оно предлагает интерпретацию всей книги как свидетельства «неспособности главного героя адаптироваться к жизни за границей» (р. 142). Но и это не может служить исчерпывающим объяснением смысла «Зоо».

В «письме во ВЦИК» Шкловский, в частности, перечисляет предметы своего гардероба, который Будрин справедливо соотносит со знаменитым багажом Йорика, включающим «пару черных шелковых брюк» («a black pair of silk breeches»): «Впустите в Россию меня и весь мой нехитрый багаж: шесть рубашек (три у меня, три в стирке), желтые сапоги, по ошибке начисленные черной ваксой, и синие старые брюки, на которых я тщетно пытался нагладить складку. И галстук, который мне подарили» (цит. на р. 156). Помимо распространенности слов Йорика как известной цитаты, в верности параллели убеждает отмеченная автором переключка со вставным эпизодом в «Тристраме Шенди», на который Шкловский ссылается в работе о Стерне — рассказом о Диего, въезжающем в Страсбург с очень похожим багажом: «В моем

гардеробе нет ничего, кроме двух рубашек — малиновых бриджей и гольфика с бахромой» (цит. на р. 155). На наш взгляд (Будрин не проговаривает этого прямо), описание Шкловского похоже на стерновское не только перечислением тех или иных вещей, но и структурно. Включение одежды в официальные отношения с властью напоминает о гипотетической передаче поклажи Йорика французскому королю в случае его смерти во Франции, а подаренный галстук, — об упоминаемом героем Стерна портрете Элизы (знак любви). Соединение «общественно-политической» и «любимой» мотивировки (приходится брать их в кавычки, имея дело с убегающими от однозначной интерпретации авторами) служит не просто отражению личности в тексте как некоего статичного набора характеристик, суммы идей, а демонстрации того, как она мыслит и чувствует, со всеми перепадами и противоречиями, с обнажением скрытых мотивов в динамике. Увоенный у Стерна даже не повествовательный прием, а взгляд на отношения между личностью и текстом Шкловский и показывает на его примере, и использует в собственном произведении. Таким образом, исследование Будрина вносит свой вклад в историю вопроса о сочетании ипотасей Шкловского — с одной стороны, критика и литературоведа, с другой — писателя, для которого филологическая работа стала формой специализации.

Завершается эта весьма увлекательная глава небольшим постскриптумом, в котором рассказывается о судьбе концепции Шкловского и об эволюции его отношения к Стерну в дальнейшем. Многие из писавших о стернианстве в 1930-е годы испытывали влияние языка, предложенного Шкловским для такого разговора, вплоть до, например, А. А. Аникста, автора статьи о Стерне 1939 года в «Литературной энциклопедии» — издании, Шкловского клеймившем. В ней использована и концепция Шкловского о «Тристраме Шенди» как «пародии, взрывающей просветительский роман изнутри», и его терминология (р. 159–160). Сам же автор «трилогии» «„Тристрам Шенди“ Стерна и теория романа», «Сентиментальное путешествие» и «Зоо» во второй половине жизни признавался, что «не dokonчил вскрытие сущности Стерна» (цит. на р. 161).

В следующей главе второго раздела, «Ученые читатели», речь идет о переводах из Стерна Г. Г. Шпета и А. А. Франковского. Оба «рассматриваются не только как переводчики, но и как историки литературы и интеллектуалы в более широком смысле» (р. 164). С точки зрения академического позитивизма, эта глава — явный центр тяжести исследования: именно в ней автор вводит большую часть разысканных им архивных материалов. У каждого из двух читателей-писателей, как явствует из монографии, был свой конек (Hobby Horse, по Тристраму): Шпет подчеркивал связь Стерна с литературой раннего Нового времени и переводил его исходя из данного положения, Франковский же стремился создать синтетический перевод,

учитывающий всю историю восприятия Стерна в России. Объединить их в одну группу невозможно. Эти подходы в книге и не сопоставляются, и не противопоставляются друг другу; это два отдельных рассказа. Остановимся на Шпете.

Несостоявшийся перевод «Тристрама Шенди» в «Academia», с научным комментарием, как особо оговаривает Будрин, был новаторским проектом как для России, так и для мира в целом. А записи, хранящиеся в архиве Шпета, представляют оригинальное видение писателя, которое разительно отличается как от привычного взгляда на «сентиментального» Стерна, так и от Стерна — радикального протофутуриста по Шкловскому.

Уже в декабре 1920 года Шпет обсуждал Стерна с П. Н. Сакулиным и М. О. Гершензоном (вскоре «побитым» речью Шкловского о Стерне на собственной публичной лекции, превратившейся в импровизированный диспут о методе; рассказ об этом событии Л. И. Лагина подробно анализируется на р. 113–115). И хотя это происходило уже после ранних высказываний Шкловского (впервые «воскресившего» Стерна в 1919 году), но в среде, далекой от формалистов, так что зарождение интереса Шпета к Стерну можно признать независимым, и довольно ранним. Сама же работа над переводом относится к 1930-м годам.

Проследившая особенности перевода Шпетом «Тристрама Шенди» на фоне предшественников, Будрин отмечает детали, которые, кажется, ранее не привлекали внимания. Так, перевод М. С. Кайсарова (1804) был ориентирован, по его мнению, на чтение вслух (что было естественно для XVIII века), поэтому переводчик «усилил „звучание“ и энергичность монолога Стерна, добавив дополнительные вопросы и повторы, при этом разрушив и фрагментировав синтаксис оригинала» (р. 171, имеются в виду длинные предложения-периоды). В противоположность этому Шпет стремился как можно точнее воспроизводить как раз синтаксические привычки Стерна, иногда в ущерб другим сторонам стиля. Будрин обнаружил в архиве Шпета поправки и предложения в этой области, сделанные Н. И. Игнатовой, но, к сожалению, неизвестно, не захотел или не успел переводчик внести их в текст до своего ареста.

Выделяются две сменявшие одна другую трактовки Шпетом общего замысла «Тристрама Шенди» и его места в истории литературы. Первая: это — «роман-пародия», подобный «Дон Кихоту», вбирающий в себя самые характерные установки литературы своей эпохи и ниспровергающий их. Как и у Шкловского, Стерн оказывается опережающим время. Вторая — принципиально новая и выраженная прежде всего в заметках Шпета к переводу (1934) — построена на изучении стерновского стиля. Использование «квазифилософского» языка роднит его с такими мастерами ученого остроумия, как Эразм Роттердамский, Рабле и Свифт. Ирония, юмор Стерна, таким образом, укорене-

ны не в настоящем, а в прошлом, в литературе раннего Нового времени. В переводе Шпета выразилось понимание Стерна как писателя, принадлежащего к юмористической традиции XVI–XVII веков, угасшей к XVIII столетию. Парадоксально, но этим обстоятельством, с точки зрения Шпета, объясняется и то, что Стерн выглядит предвосхитившим приемы скорее модернизма, чем XIX века (даже метод психоанализа). И хотя Шпет не был первым, кто обратил внимание на связь Стерна с ученым остроумием (так, на него повлияла книга Дж. Ферриара «Illustrations of Sterne: with other essays and verses» (1798), открывшая многие источники, которыми пользовался английский писатель при создании своих произведений), Будрин полагает, что эта трактовка выделяет Шпета среди современников «стерноведов».

Соглашаясь с вышесказанным, мы все же считаем, что он не так резко им противостоял по всем пунктам (тот же Шкловский проводил сравнение Стерна с Сервантесом, вырывал его из литературного окружения). Возможно, заострение исключительности Шпета — побочный эффект, появляющийся при чтении посвященных ему страниц, и он не возник бы, будь изложение эволюции взглядов русского философа на Стерна чуть более четким и последовательным.

Например, Будрин приводит слова Шпета о непрямой связи формы и содержания «Тристрама Шенди» с эволюцией английского общества в XVIII веке: скромный пастор достаточно «умен, чтобы понимать, что на поверхности <ости> жизни — знаки нового... и он уходит от него парадоксально: из самой поверхности создавая глубину (не под нею, а в ней!) — NB! И этот *жизненный прием* становится pr<in-circle>, внутр<еннею> ф<орм>-ою его остроумия. Он берет „среднее сословие“ — не только типизировавшееся, но застывшее <...> и плетет узоры, не желая заметить, что „средн<ее> сословие“ уже значит нечто иное и новое» (р. 179). Анализ конспекта Шпета дает повод Будрину предположить, что, говоря о Стерне, он имел в виду также себя и других интеллигентов 1930-х годов, сбегавших от новой реальности. Впрочем, автор высказывает эту гипотезу осторожно и тут же оговаривается, что «интеллектуальный „эскапизм“, который Шпет выявил у Стерна, не следует воспринимать просто как перенос с его собственной ситуации» (р. 182). Подчеркнем: вся «шпетовская» глава построена на материале, первооткрывателем которого является автор книги.

В следующей главе Будрин описывает философскую подоплеку переводов Франковского. Хотя его занятия Стерном и описываются как побег в башню из слоновой кости, но подчеркивается и то, что английский XVIII век — это продолжение научных интересов Франковского в области эпистемологии. Подобно тому как романы М. Пруста в XX веке сравнивали с теорией памяти и длительности А. Бергсона,

произведения Стерна сопоставляли с психологическими теориями Дж. Локка, что, безусловно, объединяет этих избранных Франковским для перевода авторов. Он стремился к созданию современного философского языка, в равной степени отличного от дореволюционного и от нового советского.

Не имея возможности в рамках жанра рецензии столь же подробно рассказать обо всех исследовательских сюжетах монографии Будрина, просто назовем других читателей Стерна, о которых идет речь чаще всего: Верцман и его единомышленник В. Гриб, С. Бабух, а также Э. Р. Кучерова. В ее интереснейших письмах к подруге Я. Sommer, отправленных между 1926 и 1936 годами, Стерн упоминается более тридцати раз, и каждый раз с глубокой любовью. Обращение Кучеровой к темам издания классиков и построения социализма оттеняет отдельные положения книги Будрина об образе публичного, официального советского Стерна. Анализируя феномен Кучеровой — молодой, образованной и увлеченно выполняющей задачи, поставленные общественным строем, а в то же время находящейся в состоянии перманентного «побега в альтернативное царство ученого юмора и литературной игры» (р. 5), Будрин ссылается на концепцию вневходимости А. Юрчака. Полагаем, что здесь это не всегда уместно: все же Юрчак работает с материалом культурных практик позднего СССР, его концепция объясняет их как тип взаимодействия субъекта и государства, и распространять ее за эти хронологические и дисциплинарные рамки следует по меньшей мере с осторожностью.

Рамочная гипотеза «эскапизма» для осмысления опыта читателей, переводчиков, толкователей Стерна также, на наш взгляд, несколько избыточна. Как подчеркивает в одном месте своей книги Будрин, по мнению самого Стерна, «слишком многие полагаются на готовые интерпретации и предубеждения, вместо того чтобы вовлекать свой разум и сердце в чтение» (р. 162). Именно к этому, второму способу стремились герои книги Будрина, к нему подводит и он сам своего читателя. Так или иначе каждый член «ордена шендианцев» в Советском союзе 1920–1930-х годов в условиях надвигающейся политической, институциональной, духовной несвободы обращался к творчеству Стерна как к островку, куда эти волны не достигали (хотя не все спаслись). Но каждого привело к нему что-то особенное, и то свое, что каждый из них вкладывал в чтение, было индивидуальным, а не общим. Стерн стал точкой пересечения судеб людей. П. Б. Будрин, вездливый, внимательный, ироничный исследователь, умеющий погрузить и в чужой, и в свой собственный читательский опыт, одинаково подробно остановился и на том, как жили и работали эти люди в свое время, и на жизни книг Л. Стерна в их памяти.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-241-242

© С. А. Дубровская

ШЕКСПИР ПО-СОВЕТСКИ: МОНОГРАФИЯ О РЕЦЕПЦИИ АНГЛИЙСКОГО ДРАМАТУРГА В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА*

Шекспироведение — одна из наиболее авторитетных и последовательно развивающихся отраслей отечественных гуманитарных наук. Зародившаяся в России еще во второй половине XVIII века и сегодня развивающаяся на стыке литературоведения, искусствоведения, культурологии, интеллектуальной истории и других дисциплин, она может заслуженно гордиться своим вкладом в мировые Shakespeare Studies.

О значительности достижений советской науки о Шекспире уже в 1930-е и 1940-е годы много говорилось и английскими, и американскими, и немецкими коллегами. Сегодня российское шекспироведение находится на новом подъеме, о чем свидетельствуют публикации последних десятилетий¹ и выход отдельных произведений Шекспира в «Литературных памятниках».² Но даже на этом фоне рецензируемая монография представляет большой интерес. В. В. Сердечная и Д. Н. Жаткин поставили своей целью дополнить малоизвестными страницами историю шекспировской рецепции в России. В центре их внимания оказался именно «советский Шекспир» — «становление обновленной его рецепции в СССР, переосмысление его наследия и его вхождение в канон мировой литературы, обязательной для советского читателя» (с. 3).

В книге намечена по-настоящему амбициозная задача — показать динамику восприятия образа Шекспира и его творчества в первой половине XX века. Время, отмеченное радикальным сломом традиционных интерпретаций, поворотом к актуализации и идеологизации великого мастера, реконструируется авторами на ос-

нове малоизвестных и труднодоступных материалов, извлеченных из фондов российских архивов. Аналитический обзор, сочетающий в себе историко-литературную, историко-культурную, театроведческую составляющие всегда рискован, особенно когда необходимо восстановление разных контекстов — от идеологического и социокультурного до психологического. Тем более что материал, с которым работают исследователи, по преимуществу персонализирован: представления читательской и зрительской аудиторий о Шекспире формируются на основании авторитетных мнений. Задействованы и менее известные источники, позволяющие говорить о том, что Шекспир не сразу занимает ведущее место в советском пантеоне классиков мировой литературы, до определенного момента оставаясь на периферии читательского, переводческого и литературоведческого интереса.

В первой главе — «Христианин-пессимист или воинствующий гуманист? Динамика трактовки шекспировского наследия в досоветской и раннесоветской критической оптике» (с. 5–20) — авторы показывают, как менялись сформировавшиеся в работах Н. К. Бокардова, И. Д. Гарусова, Н. И. Стороженко, И. Шерр и др. представления об английском «барде» и его шедеврах, в каких направлениях шло раннесоветское переосмысление творческого наследия Шекспира и каким образом понимание Шекспира-реалиста, сложившееся в начале XX века, повлияло на формирование образа Шекспира-идеолога активной жизненной позиции и политической борьбы, сторонника сильного государства и сильной единоличной власти. Свои выводы об эволюции взглядов на творчество Шекспира в профессиональной среде авторы подкрепляют анализом широкого круга источников — от трудов Н. И. Стороженко, признанного дореволюционного специалиста по всеобщей литературе, и «Очерков по истории западноевропейских литератур» П. С. Когана до лекций по «Истории западноевропейской литературы Нового времени» Ф. Шиллера, работ А. В. Луначарского и А. А. Гвоздева.

Здесь можно добавить несколько примечательных источников, оказывавшихся за пределами внимания Сердечной и Жаткина. В частности, авторы книги не до конца использовали шекспироведческий потенциал «Литературной энциклопедии». Конечно, статья о Шекспире затерялась в недрах незавершенного проекта, однако тот же Коган в статье об английской литературе не просто упоминает Шекспира, но предлагает выразительную характеристику его творчества. При этом он более определенно,

* Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Советский Шекспир: Рецепция шекспировского наследия в России в первой половине XX века: монография. М.: ФЛИНТА, 2025. 340 с.

¹ См., например: Шекспир У. Гамлет / Пер., комм. И. В. Пешкова. М., 2010; Захаров Н. В., Луков Вл. А. Гений на века: Шекспир в европейской культуре. Научная монография. М., 2012; Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М., 2016; Шекспир и культура Возрождения / Ред.-сост. И. О. Шайтанов, Е. М. Луценко. М., 2024.

² Шекспир У. 1) Пустые хлопоты любви / Изд. подг. А. Н. Горбунов, Г. М. Кружков, В. С. Макаров, Е. А. Первушина. М., 2020; 2) Ромео и Джульетта / Изд. подг. Е. М. Луценко. М., 2021; 3) Король Ричард III. М., 2023; 4) Макбет / Изд. подг. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Н. Э. Микеладзе, Е. А. Первушина. М., 2025.

чем ранее, высказывается по «шекспировскому вопросу»: «...в настоящее время с большим основанием оспаривается принадлежность ему знаменитых пьес. Тщательный анализ шекспировских трагедий и комедий заставляет предполагать, что автором их является один из аристократов елизаветинской эпохи, скрывшийся за Шекспиром».³

Еще интереснее статья И. М. Нусинова, посвященная Гамлету как одному из «вечных образов» мировой литературы. В связи с последним можно констатировать, что к концу 1920-х годов и Шекспир, и его персонажи — очевидные величины, заслуживающие пристального историко- и теоретико-литературного внимания: сочувственно цитируя мысль В. М. Фриче о Гамлете, превратившемся из «феодала-помещика» в «деклассированного интеллигента», Нусинов высказывается в духе современного ему социологического литературоведения: «Действовать ему больше не дано. Действовать значит воевать за старое феодальное могущество или за новую власть торговой буржуазии. Действовать значит властвовать или накапливать. Но вместе со своими феодальными богатствами он утерял свою власть, а к заморским торговым предприятиям, к торговому накоплению он всем своим прошлым не подготовлен. На место действия встает размышление».⁴

Одной из несомненных удач представляется вторая глава рецензируемой книги — «„Наша страна стала родиной Шекспира“: становление переводческого канона советского Шекспира в спорах 1930-х годов» (с. 21–38). Анализируя дискуссии вокруг шекспировского наследия и солидаризируясь с позиций, выраженной в статье И. Н. Лагутиной,⁵ Сердечная и Жаткин реконструируют процесс «переизобретения» Шекспира, исследуют все этапы канонизации и популяризации драматурга, который в 1930-е годы превращается в один из символов «мировой пролетарской культуры».

Авторы прослеживают историю появления переводов шекспировских пьес, рассматривают переводческие принципы А. Д. Радловой и К. И. Чуковского, М. А. Кузмина и М. Л. Лозинского, касаются обсуждения вопросов «правильности» советского переводческого освоения Шекспира. Несмотря на ограниченность объема и обилие фактического материала, ученые уделяют внимание идеологическим основаниям постепенного превращения Шекспира не просто в драматурга-реалиста, но в предтечу социалистического реализма, выявляют подоплеку споров о стратегиях и тактиках новых переводов шекспировских произведений.

При этом установка на использование прежде всего неизвестных и труднодоступных материалов имеет обратную сторону: в результате «в тени» оказываются яркие отечественные шекспироведы. Так, авторы монографии ограничились краткими характеристиками конкретных достижений С. С. Динамова, А. А. Смирнова, М. М. Морозова и выходящего в конце 1930-х годов на свой шекспироведческий путь А. А. Аникста. В связи с этим выразим сожаление, что в книге не упоминается написанная Б. С. Кагановичем биография Смирнова,⁶ получившая высокую оценку на страницах журналов «Русская литература»⁷ и «Вопросы литературы»,⁸ поскольку в ней содержится ценнейший архивный материал, позволяющий дополнить выразительными деталями картину советской рецепции Шекспира.

В целом, представленная в двух главах реконструкция выглядит убедительно, а акцент на шекспировском «буме» конца 1930-х — начала 1940-х годов, связанном с двумя шекспировскими юбилеями, более чем логичен.

В следующих шести главах книги представлены персональные траектории рецепции Шекспира в России в первой половине XX века — шекспироведческие исследования и литературно-критические статьи С. Н. Дурьиной, Ю. И. Айхенвальда, С. Д. Кржижановского, П. П. Гнедича, переводы В. Г. Шершеневича и М. А. Кузмина. Нельзя не согласиться с авторами, полагающими, что творчество каждого из перечисленных представляет собой отдельные эпизоды в процессе восприятия Шекспира в России. Кропотливая работа с архивными материалами позволила Сердечной и Жаткину предложить новое прочтение малоизвестных сюжетов истории «советского Шекспира». Особенно на этом фоне выделяется Дурьян, чье шекспироведческое наследие дополнено публикацией рукописи «„Гамлет“ на русской сцене» (с. 239–338).

В монографии дана убедительная, насыщенная новыми фактами, подкрепленная впервые вводимыми в научный оборот материалами картина отечественной рецепции Шекспира в первой половине XX века. Сделанные авторами открытия обогащают связанные с именем Шекспира страницы истории литературной, театральной и культурной жизни СССР 1920–1940-х годов.

Выразим надежду на то, что книга станет точкой отсчета для последующих изысканий, дополняющих сделанное и расширяющих хронологические рамки научных поисков до конца прошлого столетия.

³ Коган П. С. Английская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 1. Стлб. 127.

⁴ Нусинов И. Гамлет // Литературная энциклопедия. Т. 2. Стлб. 374.

⁵ Лагутина И. Н. «За подлинного Шекспира»: два советских юбилея // Вопросы литературы. 2017. № 2. С. 316–379.

⁶ Каганович Б. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб., 2018.

⁷ Баскина (Маликова) М. Э. Книга Б. С. Кагановича об А. А. Смирнове // Русская литература. 2019. № 2. С. 207–211.

⁸ Егорова Л. В. Б. Каганович. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962 // Вопросы литературы. 2019. № 5. С. 286–291.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «МОНАСТЫРЬ. МИР. РУССКОЕ СЛОВО. ПАМЯТИ ИГУМЕНА АНТОНИЯ (БОЧКОВА)»

4–5 июня 2025 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) прошла научная конференция с международным участием «Монастырь. Мир. Русское слово. Памяти игумена Антония (Бочкова)». Открывая конференцию, Е. М. Аксененко отметила, что творчество поэта, писателя, публициста игумена Антония (1803–1872) вызывает все больший интерес в научном сообществе и в церковной среде. Первое заседание было посвящено анализу его наследия в контексте литературного процесса XIX века. На втором и третьем заседаниях рассматривались вопросы монастырской и библейской тематики в творчестве и эпистолярии монашествующих и светских писателей XIX–XX веков.

С приветственным словом к участникам конференции обратился епископ Мефодий (Зинковский), ректор Свято-Тихоновского гуманитарного университета, наместник Николо-Угрешского монастыря, в котором в 2007 году была проведена первая конференция, посвященная творческой биографии игумена Антония (Бочкова). Далее А. М. Любомудров сделал экскурс в тридцатилетнюю историю проведения в Пушкинском Доме конференций по вопросам взаимосвязи светской и церковной культур.

Доклад М. А. Федотовой (Санкт-Петербург) «О стихотворных переложениях из Четьих Минеи Димитрия Ростовского: к истории духовной поэзии игумена Антония (Бочкова)» был посвящен исследованию стихотворных переложений игуменом Антонием «Жития Алексия человека Божия», «Жития Феодоры Александрийской» и «Жития святого мученика Вонифатия», источником для которых послужила «Книга житий святых» Димитрия Ростовского, и «Повести о сокровенном угождении Божиим Никите Хартулари» и «Чуда святого Николая о ковре», восходящих к древнерусскому Прологу. Опираясь на архивные материалы и переписку автора, Федотова показала, что, выбирая тексты для переложения, он останавливался на памятниках византийской агиографии с их острыми житийными сюжетами, отказываясь от текстов житий русских святых. Игумен Антоний отбирал, с одной стороны, такие жития, где грех трактуется как заблуждение и за ним следует чувство отчаянной вины и искупление, а с другой — жития блаженных

и праведников. Докладчица отметила, что автор отходил от агиографического канона и творил в контексте литературного поля своего времени, совмещая разные жанровые модели в рамках одного произведения и создавая сочинения, близкие к романтической поэме или драматическому нарративу.

И. В. Федорова (Санкт-Петербург) в докладе «Книга игумена Антония (Бочкова) „Русские поклонники в Иерусалиме“: актуальные проблемы изучения» рассказала об обнаруженной в ОР РНБ (Собр. А. А. Титова. № 625) авторской рукописи книги игумена Антония, опубликованной в 1874 году. По мнению докладчицы, рукопись является белой копией первоначального текста, впоследствии редактировавшегося автором. Федорова поддержала мнение С. Г. Исакова о том, что первое посещение игуменом Святой Земли состоялось в 1846–1847 годах, уточнила его время — с декабря 1846 года по первые числа апреля 1847 — и, опираясь на текст, показала, что второй раз автор посетил Иерусалим в 1848 году. Впечатления от этих поездок составили содержание книги «Русские поклонники в Иерусалиме». Проведенная работа позволила не только оценить корректность первого издания книги, но и обозначить проблемы ее современного изучения: время богословия, исследование истории оформления текста, его содержательного и жанрового своеобразия и соответствия традиции паломнических описаний.

В докладе Е. М. Аксененко (Санкт-Петербург) «Святоотеческий „плач“ в поэзии игумена Антония (Бочкова): освоение жанра» была рассмотрена история обращения игумена Антония к жанру плача. Уход из жизни духовного отца иеромонаха Антония старца Леонида Оптинского послужил толчком к созданию в 1852 году, после пятнадцатилетнего молчания, поэтического текста «Плач на гробе отца». Написанный в литературной традиции с элементами фольклорного плача (причитания) текст может быть отнесен, согласно рефлексии о разновидностях святоотеческих плачей (естественные, греховные, покаянные) в сочинении «О слезах» свт. Игнатия (Брянчанинова), к естественному плачу. В более позднем стихотворении «Слезы и желчь» игумен Антоний к слезам «естественным» и «покаянным» добавляет обличительную ноту («желчь»), как каплю

целобного яда. Написанное в 1864 году стихотворение «Живой плач. Антон Иванович Зиновьев» переводит освоение жанра в иную плоскость. Автор дает жизнеописание подвизавшегося тридцать шесть лет в Валаамском монастыре юродивого, с которым он встречался во время посещения острова в 1850 году. Обличая несостоятельность личного монашеского подвига и валаамской братии, игумен Антоний рисует фигуру юродивого как образец монашеского делания и называет его духовный путь истинным, *живым* плачем.

О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) в сообщении «Игумен Антоний и монах Климент: встречи в путях небесных» сопоставила монашеские судьбы игум. Антония (Бочкова) и К. Н. Леонтьева, писателя и мыслителя, в конце жизни принявшего в Оптиной пустыни тайный монашеский постриг. Докладчица рассмотрела три знаменательных точки пересечения их биографий: Оптина пустынь, Святая Гора Афон и Угрешский монастырь, отметив, что Леонтьев как бы следовал по стопам своего старшего современника, находя везде приметы его присутствия. Фетисенко выявила общность их эстетических воззрений.

О связях игумена с монастырями столичной епархии рассказал прот. Александр Берташ (Германия) в докладе «Игумен Антоний (Бочков) и монастыри Санкт-Петербургской епархии». Основываясь на свидетельствах игумена Антония, докладчик дал характеристику материального и духовного состояния обителей петербургского края, в которых пребывал игумен, как насельник и как настоятель: в 1845–1861 годах — Никольский и Успенский Староладожские и Тихвинский Богородицкий; в 1861–1862 годах — Введено-Островский; с 1862 до 1871 года — Черемнецкий Иоанно-Богословский. Берташ рассмотрел труды игумена Антония, особо остановившись на том, какое отражение нашли монастыри в его поэтическом творчестве.

В докладе «Воспоминания игум. Антония (Бочкова) о преподобном Льве Оптинском» В. В. Каширина (Москва) исследовала историю текста воспоминаний игумена Антония о своем духовном наставнике, основателе оптинского старчества прп. Льве (Наголкине). Первоначально воспоминания вошли в «Историческое описание скита св. Иоанна Предтечи» (1847), подготовленное Л. А. Кавелиным, который в 1854–1857 годах вставлял их в новой редакции в рукопись «Письма (в списках) старца иеросхимонаха Льва (Леонида) (Наголкина)», хранящуюся теперь в ОР РГБ. Существенно дополненный игуменом Антонием вариант воспоминаний вошел в подготовленное иером. Климентом (Зедергольмом) отдельное издание жизнеописания прп. Льва (1876). Таким образом воспоминания игумена Антония, написанные хорошим слогом, отличающиеся искренностью, правдивостью и отсутствием общих мест, вошли во все жизнеописания старца, а в фондах РГИА и РГБ сохранились более полные их редакции.

В сообщении «Эпитафия оптинскому иеродиакону Мефодию» М. А. Можарова (Москва) рассказала о том, как цитата из письма Л. Н. Толстого к обратившейся к нему за советом читательнице стала частью эпитафии подвизавшемуся в Оптиной пустыни в течение тридцати семи лет иеродиакону Мефодию (Скламбовскому), скончавшемуся в 1862 году. Писатель воспринял и сумел сохранить евангельский свет, исхивший от иеродиакона Мефодия, назвав его полную страданий жизнь «примером терпения с благодарением Бога за искру жизни». Эти слова были включены монахом Еразмом в составленный им в 1909 году «Список лиц, погребенных в Козельской Введенской Оптиной Пустыни, Калужской епархии, с точным обозначением надгробных надписей».

Доклад М. И. Щербаковой (Москва) «Иерусалим в духовной биографии свт. Феофана Затворника» был посвящен исследованию влияния иерусалимских впечатлений свт. Феофана, полученных в 1847–1854 годах, в бытность на Святой Земле в составе Русской духовной миссии, на его труд «Евангельская история». Последовательность главных событий в истории земного Крестного пути Иисуса Христа соотнесена автором как с временными координатами, указанными евангелистами, так и с пространственными, внимание к которым в Священном Писании у автора оказалось более острым, чем у его предшественников. Так, он приходит к убеждению, что беседа Спасителя с учениками нельзя рассматривать как двухчастную и, вчитываясь в сказание о женах-мироносицах, трижды раздельно приходивших ко Гробу, проводит параллель с житейскими ситуациями, типологию которых, как можно предположить, наблюдал на Востоке.

Инокания Аркадия (Ковина) (Санкт-Петербург) в сообщении «„Письма к новоначальной инокине“ игуменнии Таисии Леушинской и „Выбранные места из переписки с друзьями“ Н. В. Гоголя: постановка проблемы» обратила внимание на то, что в изучении «Выбранных мест» до сих пор не затрагивалась тема влияния Гоголя на русскую духовную литературу XIX–XX веков, в то время как сам факт вовлеченности церковной литературы в литературный процесс уже можно считать доказанным. Одной из ярких духовных личностей, одаренных не только аскетическими, но и литературными талантами, является игуменния Таисия (Солопова) (1841–1915). Ее биография позволяет с высокой степенью достоверности предположить знакомство с текстом «Выбранных мест из переписки с друзьями». Докладчица проследила в сочинении игуменнии Таисии «Письма к новоначальной инокине» ряд созвучий с произведением Гоголя, смысловых, композиционных и стилистических корреляций, обусловленных не только общими источниками, но, возможно, и непосредственным влиянием текста.

Доклад «О жанре „Записок“ игуменнии Таисии (Солоповой)» прот. Геннадия Беловолова (Санкт-Петербург) обозначил ряд проблем, свя-

занных с историей издания этого незавершенного произведения, опубликованного в 1916 году, уже после кончины автора, под названием «Записки игуменни Таисии» с подзаголовком «Автобиография». Анализируя меняющуюся от издания к изданию номинации («Записки», «Келейные записки», «Автобиографические записки», «Записки и письма»), докладчик отметил вмешательство в авторскую волю редакторов и издателей. Другой нерешенной до конца проблемой является менявшаяся композиция произведения (разделение на главки, их нумерация и номинации). Обращение к определению жанра, данному самой игуменией Таисией во вступлении, показало, что текст представляет собой не «автобиографические записки», а «записки», объединенные одним событием. Это «записки» «многих чудных явлений и видений», и автор определяет их цель — «принести пользу инокиням». Докладчик предложил рассмотреть восстановление авторского названия книги с номинацией «Записки игуменни Таисии».

В докладе прот. Павла Хондзинского (Москва) «Преподобный Зосима Верховский и его „Повествование“» был представлен краткий анализ мистического опыта прп. Василиска Сибирского, описанного его учеником прп. Зосимой Верховским. Своеобразие текстов заключается в том, что их терминология и концептуальное содержание оказываются ближе к спорам о «чистой любви», занимавшим религиозную мысль петербургского образованного общества в первой четверти XIX века, нежели к традиционным образцам русской монашеской письменности. Генезис этого явления на сегодняшний момент неясен, поскольку неизвестны тексты, способные служить связующим звеном между сибирскими отшельниками и столичными авторами. Тем не менее сочинения прп. Зосимы существенно расширяют наши представления о практиках и мистическом опыте православного Востока.

Е. И. Анненкова (Санкт-Петербург) в докладе «Христианские категории „труда“, „подвига“, „жаты“ в славянофильской концепции человека» отметила, что, размышляя о природе и предназначении труда, славянофилы соотносили аскетический труд с подвигом. Опираясь на статьи А. С. Хомякова, К. С. и И. С. Аксаковых, И. В. Киреевского, она вычленила виды подвижнического труда, каким его видели славянофилы: «подвиг молитвенный», «подвиг правды и братолюбия» и «подвиг смирения». На первый план авторами выносятся духовный внутренний процесс (делание себя), который далее и приводит к видимым результатам (научным, общественным, литературным). Евангельское содержание понятий «сева» и «жаты» также было использовано славянофилами, поскольку оно позволяло трактовать труд-подвиг как глубоко личный и вместе с тем рассматривать его в контексте вечности. Докладчик показала смысловую полноту размышлений славянофилов, процитировав труды Хомякова 1858 года — стихотворение «Тру-

женик», а также статью «Картина Иванова», в которой проводится сопоставление трех «аскетических натур», «монахов-художников», — А. А. Иванова, Н. В. Гоголя и И. В. Киреевского.

В докладе иером. Диомида (Кузьмина) (Брянск) «Схимонах Афанасий Захаров и его книжное рукоделие» была рассмотрена судьба схимонаха Афанасия (ученика преподобного Паисия (Величковского)), связанного на рубеже XVIII–XIX веков с тремя российскими монастырями: Флорищевой, Белобережской и Плотчанской пустынями. Докладчик рассказал об изготовлении монахами рукописей аскетических трудов святых отцов как части монастырской духовной практики в обителях. Были приведены выявленные в федеральных и региональных архивах России уточненные сведения к биографии и словесному наследию схимонаха Афанасия.

О. В. Кириченко (Москва) в своем выступлении «Женское литературное слово, посвященное монастырям. Отдельные сюжеты из XIX в.» отметил малое число женщин, художественно писавших о монастырях, подчеркнул односторонность и повторяемость тем их произведений и показал это на примере текстов О. А. Фрибес и Л. А. Чарской. Докладчик подчеркнул, что женское монашество не входило в число ценностных ориентиров для значительной части русской интеллигенции, и привел пример — факт публичного уголовного суда над игуменьей Митрофанией в 1874 году. Писательниц начали публиковать в период правления императора Александра III, но им позволялось затрагивать лишь «привычные» обществу сюжеты главной темы — неизбежности земной любви для монашествующих — или обращаться к околмонастырскому фольклору в своих произведениях.

Доклад А. М. Любомудрова (Санкт-Петербург) «„Главное — молитва и внутреннее делание...“ Вопрос о подлинном монашестве в переписке монахини Вероники (Котляревской) с иерархами русской зарубежной церкви» был основан на неизвестных архивных материалах из фонда Дома русского зарубежья. Докладчик кратко очертил судьбу бывшей актрисы, жены первого директора Пушкинского Дома, В. С. Котляревской (урожд. Врасской), принявшей монашеский постриг с именем Вероники и подвизавшейся во Франции, где она столкнулась с противостоянием двух взглядов на суть современного монашества: для одних на первом месте стояло социальное служение миру; для других (включая мон. Веронику) главным было исполнение строгих заветов исторического монашества. Поддержку своего проекта — создания общины, исполняющей эти заветы, — она встретила у архиереев русской зарубежной церкви Нафанаила (Львова) и Серафима (Иванова). В докладе были приведены цитаты из переписки, характеризующие воззрения этих архиепископов, равно как и митрополита Евлогия (Георгиевского), на ситуацию с женским монашеством за рубежом. По мысли мон. Ве-

роники, «монашество — это показатель жизненности народа. Монахи несут на себе ответственность за его нравственное состояние».

Л. В. Герашко (Санкт-Петербург) в сообщении «Один из эпизодов общения проф. К. И. Зайцева (архим. Константина) и П. М. Бицилли (по архивным материалам)», посвященном приглашению Харбинского комитета помощи русским беженцам ученому эмиграции профессору П. М. Бицилли принять участие в сборнике «День русской культуры» 1938 года, попыталась восстановить контекст, в котором создавалось письмо с припиской профессора К. И. Зайцева. Для Зайцева, будущего архимандрита Константина, историка, богослова, видного деятеля Русской Православной Церкви за рубежом, этот год ознаменовался окончательным обращением от светской деятельности к служению Церкви. Докладчица отметила возможность сопоставления историсофских концепций выдающегося ученого-гуманитария Бицилли, утверждавшего неподвластность исторического процесса наложению на него любых — как марксистской, так и христианской — схем, и архимандрита Константина, размышлявшего о судьбах человечества в строгих рамках церковного учения.

В начале доклада «Ольга Берггольц о протопопе Аввакуме и национальном характере» Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) заметила, что точкой пересечения темы конференции и творческой биографии поэтессы являются духовные поиски, свойственные в равной мере пишущему монашеству, светским писателям и литераторам — приверженцам старой веры. Прецедентное имя Аввакума было актуали-

зировано О. Ф. Берггольц в художественных и дневниковых текстах, рабочих записях и в одном публичном выступлении. Докладчица рассказала, что во время войны поэтесса читала стихотворный текст протопопа «О душе моя...». В стихотворении «Печаль войны все тяжелей, все глубже...» автор объявила себя духовной наследницей Аввакума. Личность неистового протопопа рассматривалась Берггольц в категории национальной самоидентификации («Аввакумовское — русское»). В киносценарии «Первороссияне» метафора костра устанавливает связь погибших землеробов-первороссиян с фигурой сожженного раскольника Аввакума, которого староверы почитают как священномученика. Лучшие качества протопопа поэтесса усматривала в современниках — А. А. Ахматовой и А. Т. Твардовском. Интерес поэтессы к старообрядчеству и Аввакуму — свидетельство собственных духовных поисков Берггольц.

В обсуждении докладов приняли участие С. А. Семячко, М. А. Федотова, игум. Игнатий (Молчанов), В. В. Каширина, О. В. Кириченко, Е. И. Анненкова, М. И. Щербакова и др. В заключение В. В. Каширина представила подготовленный ею сборник статей «Старица Московского Ивановского монастыря монахиня Досифея: Ивановский монастырь и Оптиная пустынь» (М., 2023).

По завершении конференции была организована экскурсия в Свято-Троицкую Сергиеву Приморскую мужскую пустынь, откуда начался монашеский путь игум. Антония.

© Е. М. Аксенько

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-246-249

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: К 70-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР ИРЛИ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН»

Отдел взаимосвязей русской и зарубежных литератур Пушкинского Дома отметил свое 70-летие международной конференцией, которая прошла с 16 по 18 июня 2025 года и была посвящена изучению русской литературы в традициях петербургской / ленинградской школы сравнительного литературоведения. Участники представили результаты своих научных изысканий по тем направлениям, которые на протяжении всей истории Отдела были в фокусе внимания его сотрудников и продолжают представлять интерес для исследователей: русской теме в мировой литературе; русской литературе и зарубежному искусству; художественному переводу и его роли в истории России; русским маршрутам в Европе и европейским

маршрутам в России; проблеме многоязычия и литературного творчества; посреднической миссии паломников, путешественников, дипломатов и эмигрантов и др. Не подводя итогов (что, казалось бы, предполагается юбилейным жанром), но скорее в рабочем порядке осмысляя круг значимых в настоящий момент проблем и вопросов и намечая траектории будущего исследовательского поиска, научный форум, созданный Отделом, органично совместил в своей программе мемориальное, актуальное и перспективное.

Конференцию открыл В. Е. Багно (Санкт-Петербург), более трех десятилетий возглавляющий Отдел взаимосвязей. Он рассказал о том, что реализованную в 1955 году идею создания

в Пушкинском Доме научного подразделения, которое бы изучало процессы взаимного ознакомления народов друг с другом, академик М. П. Алексеев вынашивал в течение многих лет. Наукой об установлении родства — между явлениями культуры, текстами, творцами, а не бесплодным механическим поиском «заимствований» и «влияний» — вот чем, по мысли ученого, должно было стать создаваемое им направление.

П. Р. Заборов (Санкт-Петербург), старейший сотрудник Отдела взаимосвязей, открыл первое, «мемориальное», заседание конференции. Выступление ученого было посвящено истории Отдела и пережитым им в ходе роста и развития трансформациям. (Не можем в этой связи не упомянуть также очерк, написанный Заборовым к 100-летию юбилею Пушкинского Дома, см.: *Заборов П. Р.* Отдел взаимосвязей русской и зарубежных литератур / Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 312–322). Британский исследователь Э. Г. Кросс, на протяжении своего долгого научного пути не раз плодотворно сотрудничавший с Отделом, прислал воспоминания о встречах, беседах и дружбе с пушкинодомцами и, прежде всего, «отцами-основателями» Отдела — М. П. Алексеевым и Ю. Д. Левиным (текст был переведен и зачитан А. В. Волковым). Затем академик А. В. Лавров (Санкт-Петербург) рассказал о том, как готовился сборник статей к 80-летию Алексеева, а Н. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург) — о последнем переводческом труде Левина — «Жизни Сэмюэла Джонсона» Дж. Босуэлла, значительная часть которого сохранилась и была включена в фундаментальное трехтомное русское издание сочинений С. Джонсона «Жизнеописания прославленных английских поэтов и критические обозрения их сочинений» (М., 2023), подготовленное Н. И. Рейнгольд и Т. А. Гуревич в серии «Литературные памятники».

Вечернее заседание было начато докладом академика С. И. Николаева (Санкт-Петербург) «Туда и обратно: необычные случаи обратного перевода в XVII–XVIII вв.», где было наглядно показано, насколько сложные и многогранные литературные взаимосвязи, насколько взаимодействие культур богаче обыденных представлений о нем. На примере трех случаев обратного перевода — с русского на польский и обратно на русский, с польского на русский и обратно на польский, с латыни на русский и обратно на латынь, — каждый из которых был мотивирован особыми причинами, Николаев продемонстрировал, что в процессе межкультурного взаимодействия один и тот же текст в разных обликах расширяет пространство своего влияния. Это пространство, по мнению докладчика, нуждается в целомом, охватывающем все этапы изучения.

Н. Л. Дмитриева (Санкт-Петербург) рассмотрела феномен «фюзитивной поэзии» («poésies fugitives»), которую назвала «сложным и неоднородным явлением». Вслед за ней Е. М. Луценко (Москва) поставила вопрос о жанровой

природе отечественных шекспировских адаптаций первой трети XIX века. Исследовательница проанализировала мелодраму А. Г. Ротчева «Ромео и Юлия» (1827), предназначенную исключительно для театральной постановки и по этой причине — только для зрителя, а не для читателя. Луценко подтвердила мысль о том, что в эпоху романтизма театральное и литературно-критическое осмысление Шекспира необходимо рассматривать отдельно.

В докладе Е. Е. Дмитриевой (Москва, Санкт-Петербург) «Что В. К. Кюхельбекер не понял у Новалиса и почему его осудил Л. Тик» был представлен развернутый комментарий к печально известному описанию Кюхельбекером его встречи с Тиком и их разговора о Новалисе, состоявшихся во время поездки Кюхельбекера по Европе в 1820–1821 годах.

Завершил первый день научного форума А. А. Карпов (Санкт-Петербург), рассматривший «Невероятные небыллицы, или Путешествие к средоточию Земли» Ф. В. Булгарина и «Сентиментальное путешествие на гору Этна» О. И. Сенковского в их отношении к основному претексту — «Путешествию Нильса Клима в подземный мир» Л. Хольберга.

Второй день работы юбилейной конференции начался онлайн-выступлением И. А. Пильщикова (США) о квантитативных аспектах жанровой эволюции на примере стиховых форм английской анакреонтики 1648–1800 годов. Докладчик убедительно показал, как, в соответствии с «компенсационным законом», сформулированным Б. И. Ярхо, тематическая и метрическая бедность английской анакреонтической оды восполнялась ее ритмическим разнообразием, а развитие этого жанра подчинялось закону Г. Вёльфлина об эволюционном чередовании открытых и закрытых форм.

А. Е. Трофимов (Санкт-Петербург) далее представил и прокомментировал автограф од И. В. Паузе, которые, как считалось ранее, посвящены победе Петра I в Гангутском сражении 1714 года. Анализ рукописи позволил исследователю не только выявить неточности, допущенные при публикации этих од В. Н. Перетцем, но и предположить необходимость более поздней датировки белового автографа. Трофимов выдвинул гипотезу о том, что в беловом автографе оды речь идет не о Гангутском, а о Гренгамском сражении, — и это позволяет датировать текст 1720 годом.

Доклад А. В. Волкова (Санкт-Петербург) «Гомер в переводе Александра Поупа: русское восприятие» осветил динамику репутации стихотворных переводов «Илиады» и «Одиссеи», выполненных знаменитым английским поэтом. В России наибольший интерес к переводу Поупа пришелся на первую четверть XIX века, эпоху создания «русского Гомера», когда велся поиск ориентиров среди европейских переводов. Однако после появления переводов Гнедича и Жуковского гомеровские поэмы в переводе Поупа перестали восприниматься в России как актуальные тексты, которые могли бы служить ориентиром для переводчиков. Тем не менее

переводы английского поэта из Гомера до сих пор остаются в орбите читательского интереса, поскольку фрагменты из них послужили эпиграфами для трех глав «Айвенго» В. Скотта.

Затем Н. И. Рейнгольд (Москва) рассмотрела некоторые подробности освоения в России наследия английского писателя, критика, лексикографа С. Джонсона. Особенно важной вехой в истории восприятия Джонсона исследовательница считает очерк («эскиз») А. В. Дружинина «Джонсон и Босвелл. Картина британских литературных нравов во второй половине восемнадцатого века» (1851–1852). Этот вольный перевод-пересказ основного содержания биографического труда Дж. Босуэлла «Жизнь Самюэля Джонсона» Рейнгольд трактуется как текст-посредник, который на десятилетия вперед задал тональность восприятия Джонсона на русской почве.

Т. О. Пономарева (Санкт-Петербург) сделала обзор переводческой работы нескольких поколений семьи Набоковых. Последним в рамках утреннего заседания прозвучал доклад М. Э. Баскиной (Маликовой) (Санкт-Петербург) «Заказ власти и метод перевода». Она представила фрагмент исследования, подготовленного для текущего проекта Отдела взаимосвязей, — очередного тома «Из истории международных связей русской литературы, 1939–1955 годы», — и посвященного формированию в эту эпоху местничиющего «советского перевода» и роли в нем И. А. Кашкина. В докладе, в частности, был проанализирован его подход к переводу романа Д. Дос Пассоса «42 параллель» (1936).

Открывая следующую серию выступлений, В. А. Лукина (Санкт-Петербург) представила подготовленный в соавторстве с В. И. Симанковым (Санкт-Петербург) доклад под названием «Тургенев, Майков и Суинберн: Еще раз об одной догадке М. П. Алексеева». Исследователи идентифицировали, к кому обращено антирусское стихотворение Суинберна «Белый царь», подтвердив правоту Алексеева, который еще в 1928 году высказал предположение, что Суинберн, указывая в авторском предисловии к сонетной паре на «дерзновенные строки, адресованные неким русским поэтом „императрице Индии“», имел в виду стихотворение Ап. Н. Майкова «The Empress of India» (Русский вестник. 1877. № 5). До сегодняшнего дня, однако, не удавалось определить английскую публикацию, по прочтении которой Суинберн пришел в совершенное неистовство. Именно это и смогли сделать докладчики (To the Empress of India («Say that in thee again the Prophet doth arise...») / [By A. Maikoff] // Macmillan's Magazine. 1877. August. P. 306; перевод, вероятно, принадлежит В. Рольстону).

Юань Мяосой (Китай) затем рассказала о восприятии молодым Лу Синем русской литературы в период его пребывания в Японии. Она отметила, что увлечение писателя русской литературой подпитывалось его интересом к жанру прозы и к тематике социальной несправедливости, а также открытостью к новому эстетическому опыту.

В сообщении И. В. Аршиновой (Санкт-Петербург) были проанализированы некоторые особенности книги Дж. К. Кенворти «Лев Толстой, его жизнь и сочинения» (1902). С. Л. Фокин (Санкт-Петербург) осветил деятельность Ж. Шиффрина и факты из истории знаменитой «Библиотеки Плевады».

Выступление К. С. Корконосенко (Санкт-Петербург) было посвящено фигуре Ф. В. Кельина (1893–1965), активного организатора переводческого процесса, автора многочисленных статей и предисловий к сочинениям испаноязычных авторов, и разбору его переводов.

В. М. Дмитриев (Грузия) обратился к малоизученной теме в творческой биографии Н. А. Оцуца — к его связям с Италией в 1920–1950-е годы. На основе писем, архивных материалов, стихов и прозы докладчиком были рассмотрены разные стороны этого присутствия, проанализированы ключевые авторские тексты, что позволило Дмитриеву убедительно представить Оцуца как посредника между русской, французской и итальянской культурами.

Программу заключительного дня работы конференции открыл С. Гардзонио (Италия) докладом «Французские стихи Ф. И. Тютчева», в котором охарактеризовал его франкоязычные поэтические тексты разных жанров — от стихов на случай до медитативной лирики. Гардзонио солидаризовался с учеными, которые полагают, что отношение поэта к использованию двух языков, русского и французского, было близко к ситуации диглоссии, что подтверждается и исключительным использованием французского языка в его политико-публицистических текстах. Докладчик полагает, что Тютчев отводил французскому языку особую роль, не только стилистическую, но и экзистенциальную, выходящую далеко за рамки простого двуязычия.

В продолжение заседания В. М. Лурье (Санкт-Петербург) выступил с сообщением «Славянофилы в дискуссиях о Жорж Санд». Затем Г. В. Стадников (Санкт-Петербург) представил доклад о месте М. Е. Салтыкова-Щедрина в истории «русского» Гейне. По мнению исследователя, Гейне был одним из тех западноевропейских писателей, кто особенно затронул духовный мир Салтыкова-Щедрина уже в ранние годы его жизни. В свою очередь, Салтыков-Щедрин внес свою лепту в историю «русского» Гейне, защитив немецкого поэта от его критиков-недоброжелателей и бездарных переводчиков-эпигонов.

О «Fragments d'un journal intime» А. Ф. Амеля и деперсонализированной литературе России и Франции подробно рассказала Е. В. Хмырова (Санкт-Петербург). Она отметила, что деперсонализированность, интроспективность, стремление к бегству от реальности в мир символического и меланхолия, запечатленные в «Отрывках задушевного дневника», не только отражают дух эпохи, но и оказываются ключевыми «симптомами» творчества декадентов и символистов.

Место очерка «Сказание о преследуемой девице» в становлении научного метода А. Н. Веселовского рассмотрела Д. С. Фарафонова (Италия). В 1866 году 28-летний Веселовский подготовил увенчавшее его трехлетнее пребывание в Италии научное издание новеллы о Королевне Дакийской, сохранившейся в тосканской рукописи XV века. Тексту публикуемой сказки он предпослал обширное предисловие на итальянском языке. Эта ранняя работа представляет собой значимую веху в становлении научного метода Веселовского: уже здесь он формулирует центральные категории того, что впоследствии примет форму мотивной теории, предвосхищая изыскания формалистов и Проппа. На примере мотива о «преследуемой девице» и его воспроизведения в разные эпохи и в разных национальных контекстах Веселовский, по мнению Фарафоновой, вскрывает глубинные, универсальные закономерности не только поэтического развития, но и становления человеческого самосознания как такового. Сравнивая свободную народную поэтическую традицию с закреплёнными, устойчивыми письменными формами «предания», Веселовский приходит к выводу о возможности исследования мифа как выражения исторической реальности на разных этапах культурного становления человечества.

Завершил работу юбилейной конференции круглый стол «Встречные течения народов, культур, людей и текстов». С сообщениями выступили А. Е. Козлов (Новосибирск), В. Е. Багно, Т. В. Мисникевич, В. В. Филичева (Санкт-Петер-

бург) и А. А. Долинин (США). В рамках круглого стола А. Б. Шишкин (Италия) также презентовал новое повременное издание с отсылающим к А. Н. Веселовскому названием «Встречные течения между Россией и Европой» / «Correnti d'incontro tra Russia ed Europa» (Вып. 1–2. Рим, 2024) и кратко охарактеризовал публикации первых двух выпусков: переписку композитора Дж. Паизиелло с графом С. Р. Воронцовым, новонайденные письма Максима Горького из Сорренто 1908 года и др. И в качестве «последствия» к насыщенному научному форуму А. Я. Ливергант и Е. Е. Дмитриева представили специальный выпуск журнала «Иностранная литература» (№ 4. 2025), посвященный Берлину как одной из мировых литературных столиц.

Международная конференция к 70-летию Отдела взаимосвязей Пушкинского Дома, как кажется, не только отметила пройденный Отделом хронологический рубеж. Она во многом стала данью признательности и благодарности сотрудникам Отдела прошлых лет, в чьих трудах формировался свойственный пушкинодомской школе подход к изучению международных связей русской литературы. И этот подход, заложенный и развитый в работах Алексева, Левина и др., не превратился в «памятник научной мысли» прошлого, но продолжает быть актуальным и востребованным учеными, в том числе далеко за пределами Пушкинского Дома, и по сей день.

© И. В. Аршинова

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-249-252

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЕ КЛАССИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ „ПЕРЕСЕЧЕНИЯ“, КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ»*

23–24 июня 2025 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Вторая Международная научная конференция «Русские классики второй половины XIX века: биографические и литературные „пересечения“, критическая рецепция и интертекстуальные связи». Исследователями из Грузии, Китая, Южной Кореи, а также из самых разных регионов России: от Санкт-Петербурга до Екатеринбурга — было прочитано более 20 докладов. Отдельные статьи, опубликованные по материалам конференции, будут представлены на странице одноименного проекта РНФ, размещенной на сайте ИРЛИ РАН: <http://pushkinskijdom.ru/proekt-rnf-24-18-00762>.

Со вступительным словом выступил председатель Оргкомитета конференции С. А. Кибальник (Санкт-Петербург).

Утреннее пленарное заседание конференции началось докладом В. А. Доманского (Санкт-Петербург) «Н. А. Некрасов и А. А. Фет: пересечение судеб и творчества», в котором он остановился на непростых личных и творческих отношениях этих двух поэтов. Некрасов одним из первых в отечественной критике уловил художественное своеобразие лирики Фета как продолжателя эстетической традиции Пушкина. В 1850-е годы они были близкими друзьями и высоко ценили творчество друг друга. Их разрыв, по мнению докладчика, объясняется различными идеологическими и эстетическими ориентациями. Творческий диалог между Некрасовым и Фетом был продемонстрирован на примере их стихотворений с одинаковым названием — «Муза».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН.

О. Б. Кафанова (Санкт-Петербург) прочитала доклад «Участие И. С. Тургенева в переводе на французский язык пьесы А. Н. Островского „Гроза“». Уже в конце 1860-х годов Тургенев признал в Островском выдающегося драматурга и стал писать своим зарубежным коллегам о необходимости популяризации его творчества за рубежом. Известны многочисленные письма Тургенева к английскому журналисту и критику В. Рольстону, который в 1868 году написал статью «The Modern Russian Drama. Ostrovsky's Plays». Позже Тургенев хлопотал о переводе на французский язык своей любимой пьесы Островского — «Гроза». Заручившись согласием ее автора на публикацию перевода, он обратился к известному переводчику Э. Дюрану. В докладе проанализирован подготовленный им французский перевод «Грозы», исправленный и выверенный Тургеневым.

В докладе С. Н. Гуськова (Санкт-Петербург) «Литературные специальности российских авторов XIX века» был представлен анализ количества, изменений и соотношения литературных «специальностей» на протяжении XIX века. Докладчик впервые продемонстрировал статистические данные о количестве «поэтов», «прозаиков», «публицистов», «критиков», «переводчиков», «мемуаристов» в различные периоды истории русской литературы. На выборке около 3000 авторов было установлено, что среди писателей 1790–1810 годов рождения доминировали «поэты» и «переводчики», а среди авторов 1830–1850 годов рождения — «публицисты» и «прозаики». Также были показаны и интерпретированы графики изменения численности разных литературных специальностей по десятилетиям XIX века и их соотношение с гендерными характеристиками.

Материалом для доклада А. В. Вдовина (Москва) «Чем классики отличаются от беллетристов? Публикационные стратегии 120 авторов рассказов о крестьянах (1772–1872)» послужили 382 художественных произведения о крестьянах 120 русских писателей. Подавляющее большинство из них были опубликованы в 1850–1870-е годы. Это прежде всего произведения Тургенева, Писемского, Льва Толстого, Григоровича, Решетникова, Суворина, Левитова, Слепцова, Даля. Были прослежены основные этапы эволюции жанра — в частности, обращение писателей к различным типам подзаголовков (повесть, рассказ, очерк, «повесть из простонародного быта») — а также индивидуальные публикационные стратегии писателей.

С. А. Кибальник (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Отзвуки романа Достоевского „Идиот“ у позднего Чехова». Он показал, что этот роман послужил одним из претекстов чеховской повести «Моя жизнь» и пьесы «Три сестры». По-видимому, Чехову хотелось написать «своего Мышкина», и именно собственные реинтерпретации этого образа он представил в Мисаиле Полознев и Николае Тузенбахе. Хотя эти чеховские герои похожи на Мышкина лишь отдаленно, они полностью со-

ответствуют творческому кредо Чехова и его отношению к Достоевскому.

С докладом «Творчество как чтение и диалог («Преступление и наказание» Достоевского и «Война и мир» Толстого)» выступил В. Н. Захаров (Москва, Петрозаводск). По мнению исследователя, этим их новаторским произведениям присущи свободная эпическая форма, открытие новых характеров, воплощение идеи автора через идеи героев как предмет изображения. Близки эти два романа и тематически: одной из общих для них является демифологизация бонапартизма.

«Н. А. Некрасов „вместе“ с Достоевским в первоначальной французской рецепции 1880-х годов» — так назывался доклад Е. Д. Гальцовой (Москва). Речь в нем шла о знаменитом некрасовском эпиграфе и лейтмотиве «Записок из подполья», который довольно иронически был воспринят авторами их первого перевода (1886) Ш. Морисом и И. Д. Гальпериным-Каминским. Тем более удивительно, что в своем переводе стихотворений Некрасова («Poésies populaires», 1888), сделанном с подстрочника Гальперина-Каминского и осуществленном под эгидой М. де Вогюэ, тот же Морис сохраняет некрасовскую патетику. По мнению исследователя, это связано с эволюцией взглядов Вогюэ и творчества самого Мориса.

Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) в докладе «Кавказский тоpos в творчестве А. П. Чехова: реалии, поэтика, диалог с предшественниками» рассмотрела способы репрезентации этого тоposa: аллюзии, реминисценции, литературные клише, полемический диалог с предшествующей, романтизирующей и деромантизирующей Кавказ традицией — в чеховской повести «Дуэль». Докладчица сопоставила литературный кавказский тоpos Чехова с его эпистолярным кавказским дискурсом. В чеховских литературно-художественных описаниях встречаются ориентальные детали и визуальные аллюзии (живопись В. В. Верещагина). Среди особенностей чеховского антропологизма Грякалова отметила ситуативность поведения человека, детерминированность его поведенческими и идеологическими (в том числе литературными) клише.

В докладе Е. А. Тахо-Годи (Москва) «„Никто не умел так роднить с собою“: Чехов в оптике Юлия Айхенвальда» в основном говорилось о периоде 1904–1906 годов. Тогда на оптику критика воздействовали разные факторы: личные, пусть и мимолетные, встречи, особое отношение к Чехову в редакции журнала «Русская мысль», где Айхенвальд в эти годы выступал как театральный критик, постановки чеховских пьес в МХТ — прежде всего премьеры «Вишневого сада», на которую критик откликнулся рецензией, — а также эстетическая установка Айхенвальда на «естественный символизм», вопреки символизму «головному», теоретическому. Позднее, в эмиграции ощущение «родства» с чеховским творчеством будет связано у критика уже не со стремлением героев

писателя к идеальному миру, как это виделось ему раньше, а с мыслью о чеховской России, навсегда утраченной «изгнанниками этого белого рая» в огне исторической катастрофы.

С. Л. Фокин (Санкт-Петербург) в докладе «Русские романисты и генеалогия декаданта в мысли Ф. Ницше» представил анализ рецепции немецким философом творчества Достоевского, Тургенева и Толстого. Следуя генетически-историческому подходу, докладчик вовлек в поле критического рассмотрения образ «идиота», понятие «русский роман», философеми «декаданс» и имя собственное «Достоевский»: они неизменно соединялись воедино, когда мысль позднего Ницше, движимая волей к «последнему знанию», обращалась к тайне Христа.

В докладе О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «Русские классики в европейском контексте на страницах писем К. А. Губастова К. Н. Леонтьеву» предметом рассмотрения стал обширный эпистолярный комплекс, который исследовательница подготовила к изданию. Это 110 писем, адресованных в 1867–1891 годах дипломатом (впоследствии еще и известным историком-генеалогом) Константином Аркадьевичем Губастовым (1845–1919) его старшему другу и тезке, писателю и мыслителю К. Н. Леонтьеву (1831–1891). Они имеют большую историческую ценность (достаточно указать на письма, посвященные предистории русско-турецкой войны), но любопытны также и в историко-литературном отношении, поскольку в них обсуждаются новые произведения не только Леонтьева, но и Тургенева (роман «Новь») и Толстого («Крейцерова соната», философские трактаты). При этом Губастов постоянно затрагивает тему рецепции русской литературы на Западе, ссылается на свои беседы с венскими книгопродавцами, отмечает появление новых переводов. Собственные суждения он подкрепляет мыслями французских критиков (Э. Шюре, П. Жане и др.) о современных тенденциях в литературе, и найденные им параллели дают интересную подсветку творчеству русских «классиков-современников».

Доклад А. С. Александрова (Санкт-Петербург) «Украсть у классика: проблемы плагиата в русской литературе конца XIX — XX в.» представлял собой развернутый историко-литературный комментарий к пародии известного критика А. А. Измайлова «Гордик и его сыновья: (Не из Мицкевича)» (1905) на «литературную» деятельность «экстраординарного плагиатора» Ивана Калистратовича Гордика. Была реконструирована история дерзкого присвоения им романов И. И. Ясинского, Г. А. Хрущева-Сокольников, а также другие реальные и потенциальные случаи «воровства» чужого текста, которые имели место в России начала XX века. На основе документов Литературного фонда, а также ряда свидетельств современников докладчиком было установлено существование двух братьев — полных тезок: добросовестного писателя-дилетанта, рано прекратившего литературную деятельность, и плагиато-

ра, присваивавшего себе, среди прочего, произведения брата.

И. А. Кравчук (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Гейнеанец у ворот тюрьмы: Лесков в заочном диалоге с современниками». Весной 1862 года «Северная пчела» опубликовала очерк Н. С. Лескова «Страстная суббота в тюрьме», его же статью «За воротами тюрьмы» и публичную полемику писателя с полицейским приставом Харламовым. Вызванный к жизни «Записками из Мертвого дома», этот своего рода «тюремный цикл» Лескова развивал повествовательную модель «Губернских очерков» Щедрина, впоследствии воспроизведенную также в очерке Н. С. Курочкина (1861). Кравчук рассмотрел жанровую специфику этого «цикла», а также особую авторскую позицию, выраженную Лесковым посредством цитат, аллюзий и особой *гейневской* иронии.

Выступление В. М. Димитриева (Грузия; Франция) «„Пережитое и передуманное“ В. И. Кельсиева в диалоге с мемуарно-исповедальной традицией русской литературы» было посвящено анализу мемуаров В. И. Кельсиева, опубликованных в 1868 году. Особое внимание докладчик уделил их связи с более ранней «Исповедью», написанной Кельсиевым в заключении, за которую Александр II даровал автору полное прощение. Было продемонстрировано превращение частной исповеди, изначально ориентированной на политический результат, в публичный мемуарный рассказ, обращенный к широкой публике. Обсуждались жанровые особенности текста, полемика с «Былым и думами» Герцена, а также реакции современников (Н. К. Михайловского, А. Н. Пышина), прочитывавших фигуру Кельсиева как любопытный психологический или даже психиатрический случай.

Доклад А. А. Петрова (Санкт-Петербург) был посвящен богородичным мотивам в «Бесах» Ф. М. Достоевского. На материале антинигилистических романов В. И. Асоченского «Асмодей нашего времени» и А. Ф. Писемского «Взбаламученное море», а также дилогии повестей В. П. Авенариуса «Бродящие силы» была выявлена распространенность в «антинигилистике» XIX века сюжетов и мотивов, связанных с Богородицей. При этом элементы библейского сюжета нередко оборачивались в ней своей противоположностью, что объясняется восприятием нигилизма как пустого и бесплодного явления, помноженным на актуальность «женского вопроса». Именно эту модель — на более высоком художественном уровне — развивал Достоевский.

М. Н. Волвенкин (Воронеж) выступил с докладом «О своеобразии творческого диалога между Львом Толстым и Тургеневым (*На материале дневниковых записей и писем писателей*)». В фокусе его внимания находился период взаимоотношений Тургенева и Толстого до их знаменитой «ссоры» 1861 года. Были проанализированы оппозиции («дилетантизм» / «специализм» в текстах Тургенева, «часть» / «целое» в текстах Толстого), которые показы-

вают расхождение писателей в понимании природы эстетических явлений и сути литературного творчества.

В докладе А. Ф. Паченко (Санкт-Петербург) «Достоевский — Толстой — Соловьев: принцип всеединства как основа религиозно-философского мировоззрения мыслителей в 1870–1880-е годы» были рассмотрены идейные «пересечения» Достоевского, Толстого и Владимира Соловьева. Писатели единодушно считали, что христианскую веру необходимо наполнить новым содержанием, которое могло бы объединить людей путем «деятельной любви». На материале их произведений и писем исследователь показал, что в основе представлений всех трех писателей лежал принцип «всеединства».

Цзинцин Хао (Санкт-Петербург; КНР) выступила с докладом «„Вечные образы“ в оценках И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого». Она предприняла попытку проследить сходство и различия в трактовке обоими писателями таких «вечных образов», как Гамлет, Фауст и Дон Кихот.

«Представление об отцовстве и конфликт поколений в романе Л. М. Леонова „Русский лес“: классическая русская проза и архетипические модели соцреализма» — так назывался доклад Чон Сохён (Санкт-Петербург). Он был посвящен тому, как на пересечении традиции классической русской прозы XIX века (Толстой, Тургенев, Достоевский) и советских социокультурных и идеологических установок в этом романе трансформировался образ отца. По мнению докладчицы, для «Русского леса» характерны также мотивы конфликта поколений, отчуждения детей от отцов, сиротства (в том числе символического) и утраты эмоциональной близости.

С. А. Ларин (Воронеж) выступил с докладом «„Новая“ хронология И. С. Никитина: „ошибки“ и „опечатки“ в повести „Дневник семинариста“». В нем речь шла о единственном прозаическом произведении Никитина, которое может считаться его своеобразным литературным завещанием. Сосредоточив внимание на поэтических текстах, которые упоминаются на первых страницах «Дневника семинариста», докладчик обосновал их появление в структуре никитинской повести.

С докладом «Тема пользы в творческом диалоге И. С. Тургенева и Н. Г. Чернышевского» выступила М. В. Михновец (Санкт-Петербург). Он был посвящен повести Тургенева «Фауст» и роману Чернышевского «Что делать?». Сопоставляя специфику хронотопа в этих произведениях, докладчица показала, что в них состоялся творческий диалог писателей о возможности сочетания «приятного» и «полезного».

В докладе А. В. Кубасова (Екатеринбург) «Актуализация А. П. Чеховым литературного опыта Льва Толстого и его художественная интерпретация» была раскрыта тематическая преемственность рассказа Чехова «Казак» и повести Толстого «Казак». Выдвинута гипотеза о генетической связи рассказа с precedentным

текстом Толстого, который воплощал в себе культурный и художественный код, связанный с образом казачества. Было показано, что Чехов не столько продолжал проблематику толстовских «Казачков», сколько модернизировал и трансформировал ее.

О. В. Спачиль (Краснодар) в докладе «„Воры“ А. П. Чехова как художественное переосмысление „Истории лейтенанта Ергунова“ И. С. Тургенева» пришла к выводу о том, что сходство мотивов, сюжетов и образов говорит не только об интертекстуальности, но и о стилизаторстве Чехова. При этом младший классик уходит от тургеневской линии к собственным художественным решениям. В тургеневском рассказе нам поведана конкретная история — Чехов же идет от истории к притче. Если у Тургенева «лишний человек» — это социально-психологический тип, то у Чехова Ергунов не просто «человек пустой, хвастун и пьяница», а маргинал, судьба которого предвосхищает социальные потрясения XX века.

В выступлении А. С. Собенникова (Санкт-Петербург) «„Мужики“, „В овраге“ А. П. Чехова и „Деревня“ И. А. Бунина в аспекте мифа о народе» была рассмотрена своего рода деконструкция традиционного мифа о страданиях, долготерпении и нравственном превосходстве народа в произведениях авторов. В них показана деревня «как она есть» (М. О. Меньшиков). Вслед за Чеховым Бунин уходит от идеологических и социологических штампов. Предметом изображения у них обоих становится жизнь крестьян в экзистенциальном аспекте.

Доклад А. Д. Семкина (Санкт-Петербург) «Юмор Чехова: рецензии и интерпретации» был посвящен эволюции комического воспроизведения действительности в творчестве писателя и, главное, типам юмора в его произведениях разных лет. Была предпринята попытка осмыслить многообразие чеховского юмора. Также анализировались многочисленные попытки сопоставления чеховской юмористики с комическим у классиков русской и мировой литературы: от Пушкина и Гоголя до Салтыкова-Щедрина и даже Марка Твена.

А. А. Соломонова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Литературно-медицинские вопросы и творческий диалог с авторами „Будильника“ и „Стрекозы“ в чеховской переписке». Она проследила восприятие писателем-врачом современного ему состояния хирургии, медицинской статистики и психиатрии.

В рамках конференции прошла презентация коллективной монографии «Биографические и литературные „пересечения“: Русские писатели и медицина (1820–2020)» (отв. ред. С. А. Кибальник и С. П. Оробий. СПб., 2024), а также книги С. А. Кибальника и А. В. Кубасова «Русские писатели второй половины XIX века: Динамика личных и творческих отношений» (СПб., 2025).

Большинство докладов вызвали оживленную дискуссию.

© С. А. Кибальник

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-253-255

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ МИЛЕНЫ ВСЕВОЛОДОВНЫ И ТАТЬЯНЫ ВСЕВОЛОДОВНЫ РОЖДЕСТВЕНСКИХ

24 сентября 2025 года в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН состоялась организованная Отделом древнерусской литературы научная конференция, посвященная двум замечательным ученым, неразрывными узами связанным с Пушкинским Домом. Открывшая конференцию заведующая Отделом С. А. Семячко отметила, что всех присутствующих в зале можно разделить на две группы: тех, кто учился у Милены Всеволодовны и Татьяны Всеволодовны, и тех, кто завидовал учившимся у сестер Рождественских. Она напомнила, что вхождение в мир русской средневековой письменной культуры для всех обучавшихся на филологическом факультете Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета начиналось с основополагающего, базового курса истории русского языка, читанного Т. В. Рождественской, и завлекательного спецкурса М. В. Рождественской, посвященного древнерусским апокрифам, а для недавних поколений студентов — и курса древнерусской литературы. Конференция в Пушкинском Доме — это подарок учеников, коллег и друзей, благодарных Татьяне Всеволодовне и Милене Всеволодовне за наставничество, научную щедрость, искренность, доброту и дружбу.

Научную программу конференции открыл доклад академика А. А. Гippiyуса (Москва) «„Троянская война“ в декорациях средневекового Новгорода (берестяные грамоты писца Феофилы)». На материале грамот XIV века, найденных в 2024 году на раскопе Неревского конца (№ 1215-1220 и № 1119), исследователем был реконструирован текст об умыкании Кондратчем, сыном Ивана, дочери некоего Дрочилы и представлен уникальный случай судебного разбирательства по делу об умычке. Вопреки сложившейся к тому времени практике, отец похищенной девушки трижды публично отказывает похитителю отдать в жены свою дочь, за чем следуют своего рода военные действия, инициатором которых становится оскорбленный похититель.

Продолжил «женскую» тему доклад А. Г. Боброва (Санкт-Петербург) «Афанасий Никитин и женщины». В первой его части докладчик указал на то, что Афанасий Никитин уделяет женской теме большое внимание: она красной нитью проходит через все этапы его путешествия вплоть до Китая. В «Хождении за три моря» описание внешнего вида женщин и взаимодействия с ними по своей откровенности не имеет аналогов в древнерусской литературе. Для Афанасия Никитина характерен торговый подход к характеристике отношений с женщинами: он многократно пишет о том, сколько

надо заплатить или сколько можно заработать в различных ситуациях. Вторая часть доклада была посвящена Марии Борисовне, жене великого князя Московского Ивана III, дочери и сестре великих князей Тверских. Хотя она не упоминается в «Хождении», есть основания предполагать ее причастность к организации путешествия Афанасия Никитина. Многие детали свидетельствуют о совместном московско-тверском характере экспедиции (присутствие среди его «товарищей» шести москвичей и шести тверичей, наличие у него грамоты Ивана III, предъявленной великокняжескому наместнику в Костроме, упоминание города Клина между Москвой и Тверью как места отправления первой Пасхи после начала путешествия и др.), а в этом случае Мария Борисовна естественным образом становится связующим звеном между Москвой и Тверью. Проявленный Афанасием Никитиным особый интерес к «зельям» (индийским специям и пряностям) коррелирует с интересами Марии Борисовны, обратившейся к «бабе» (знахарке) за содействием, пославшей ей свой пояс и в результате умершей от «смертного зелья». Анализ этнографических материалов позволил докладчику сделать вывод об отравлении княгини зашитой в пояс ртутью («живым серебром»), применявшейся и в любовной магии, и как оберег, в том числе для благополучной беременности, но и в качестве abortивного средства. Афанасий Никитин, который должен был узнать о смерти княгини еще в начале своего путешествия, не случайно столь гневно обличал индийских женщин, которые также были причастны к отравлению «зелием» своих «осподарев».

Темы соблазнения женщины касался доклад А. С. Забириной (Санкт-Петербург) «К истории мотива превращения / переодевания героя». Исследовательница коротко рассмотрела одну разновидность этого мотива — переодевание / превращение героя в женщину с целью заполучить интересующую его девушку — на материале поэмы Овидия «Метаморфозы», Жития Киприана и Иустины, Повести о Фроле Скобееве и романа С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель». Уже в этих четырех произведениях исследовательница обнаружила два варианта рассматриваемого мотива. В мифе о Вертумне и Помоне, рассказанном Овидием, и в Житии Киприана и Иустины целью превращения в женщину является убеждение героини в пользе брака, от которого она упорно отказывается. В двух других произведениях речь идет о переодевании героя с целью соблазнить девушку. Во всех случаях, кроме Жития Киприана и Иустины, история заканчива-

ется браком, в то время как агиографическая трактовка этого мотива предполагает торжество любви к Богу над любовью земной.

А. В. Духанина (Москва) прочитала доклад «„Аще гонят вас из града, бежите во ин град“: об одной месяцесловной версии биографии Стефана Пермского». Помимо Жития Стефана Пермского и летописей, которые дают материал для исторически достоверной биографии Стефана Пермского, в русской книжности встречаются и другие тексты, представляющие иные версии жизненного пути святого. Свободное обращение с историческим материалом характерно, в частности, для Святцев с летописью, распространяющихся в русской книжности с первой четверти XVII века. В таких сборниках встречаются разные виды статьи о Стефане Пермском. Одна из месяцесловных статей предлагает интересную версию об уходе Стефана из Перми от нападок язычников, противоречащую традиционной биографии святителя и сводящую на нет его апостольское служение. Эта статья основана, по-видимому, на трех летописных источниках: основной материал взят из статей о Стефане Пермском под 6904 (1396) годом одного из сводов, восходящих к Сокращенному летописному своду 1491 года, и Воскресенского списка Софийской II летописи; версия же о бегстве Стефана, оформленная при помощи евангельской цитаты «Аще гонят вас из града, бежите во ин град» (Мф. 10: 23), имеет литературным источником статью Никоновской летописи под 6891 (1383) годом об уходе митрополита Киприана из Москвы из-за конфликта с великим князем Дмитрием Донским. Такой выбор источников заставляет задуматься о месте составления этого текста и ставит вопрос о том, насколько он уникален или, напротив, характерен для того вида Святцев, в котором встречается, что требует изучения месяцесловных статей, посвященных другим святым.

Агиографическую тему продолжила Т. Н. Галашева (Санкт-Петербург) докладом «К вопросу о реликвиях Виленского креста», в котором была рассмотрена проблема происхождения муромской святыни. Исследовательница обратила внимание на неожиданность упоминания в перечне реликвий ризы Ефрема Новоторжского сразу после ризы Сергия Радонежского: этому, казалось бы, противоречит история почитания Ефрема, остававшегося на протяжении XVII века местночтимым святым. Единственный известный докладчик крест-реликварий, содержащий частицы ризы Ефрема Новоторжского (ГИМ. № 77657), относился ко времени канонизации святого и был вложен митрополитом Новгородским Александром в Антониево-Сийский монастырь в 1591 году. Виленский крест, переданный жителем Арзамаса Василием Микулиным муромскому купцу Богдану Цветнову в июле 1658 года, принадлежит другой эпохе, когда очевидны прямая связь Борисоглебской обители в Торжке с Троице-Сергиевым монастырем и косвенная связь ее с Арзамасом (см., например, монастырский Синодик — ГИМ. Собр. П. И. Щукина. № 726). Но-

вторжец по рождению, пострижник Новоторжского Борисоглебского монастыря Иоасаф (Остолопов) в этот период был сначала архимандритом Троице-Сергиева монастыря (25 апреля 1656 — 10 февраля 1667), а затем — патриархом Иоасафом II (1667–1672). В то же время архимандритом Борисоглебского монастыря (1657–1660) стал пострижник Троице-Сергиева монастыря Феодосий Арзамасец (бывший священник вотчинного монастырского села Подосенья Федор Матвеев), впоследствии — архимандрит Юрьева монастыря в Новгороде (1661 — 23 мая 1667) и Троице-Сергиева монастыря (23 мая 1667 — август 1674). Вероятно, Феодосий Арзамасец был приближенным Иоасафа, поскольку в 1667 году он вновь принял из рук Иоасафа, ставшего патриархом, сан архимандрита — уже в Троице-Сергиевом монастыре. Поэтому можно предположить, что происхождение креста с ризами Сергия Радонежского и Ефрема Новоторжского было связано именно с этим духовным центром. В Описи Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года упоминаются ризы Сергия Радонежского, части древа жезла Моисеева, «часть камня гроба Антония Римлянина», «песок гроба Макария Желтоводского», однако нет упоминаний ни о частицах гробов Гурия и Варсонофия Казанских, ни о персти Евфросинии Суздальской. Более подробное изучение почитания названных в докладе святых может пролить свет на происхождение Виленского креста.

К «женской» теме вернула слушателей М. В. Корогодина (Санкт-Петербург) докладом «„До чернил и трости достигох“: русская писца начала XVII века». Сведения о женской грамотности на Руси чрезвычайно скудны и до XVII века ограничиваются берестяными грамотами, письмами великих княгинь и княжон, женскими заказами и вкладыми книг. Наиболее ранняя известная рукопись, переписанная женщиной, относится к 1612/13 году и является списком сочинений Григория Синаита. Ее переписала мирянка Акилина, оставившая пространный колофон, в котором сообщает, что училась грамоте с детства. Часть записи выполнена цифровой тайнописью. Образованность Акилины позволяет предполагать, что она принадлежала знатному роду и переписывала книгу для себя, а не на заказ и не для вклада. В заключение докладчица отметила, что почерк профессионального писца не имеет гендерной принадлежности.

Доклад Т. И. Афанасьевой (Москва, Санкт-Петербург) «Новые источники для изучения Жития Нифонта Константианского» был посвящен двум славянским спискам Жития Нифонта, которые ранее не были известны. Их нахождение принадлежит византиноведу С. А. Иванову, который в составе авторского коллектива готовит новое издание греческого текста этого жития. Первый список из собрания Хиландарского монастыря № 472 датируется 50–60-ми годами XIV века и содержит текст первого славянского перевода в более полном виде, чем известный сейчас древнейший список Троице-

Сергиевой лавры № 35 1219 года. Последний был положен в основу вышедшего в 1928 году издания А. В. Рыстенко. При сравнении с хиландарской рукописью выясняется, что в ТСЛ № 35 отсутствуют многие главы и пассажи; видимо, троичная рукопись была существенно сокращена, тогда как сербский кодекс сохранил полный текст первого перевода. Второй список, также XIV века, из собрания Австрийской национальной библиотеки Wien, cod. slav. 42 содержит второй перевод, осуществленный в Тырновской книжной школе, до сих пор не опубликованный и не изученный. Нахождение этих двух рукописей ставит новые проблемы перед славистикой, поскольку история славянского перевода Жития Нифонта требует серьезного пересмотра и подготовки нового издания.

Завершила программу конференции Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург), которая подчеркну-

ла «инакожанровость» своего выступления, названного «Импровизация». Она начала с того, что прочитала стихотворение ленинградской школьницы Тани Рождественской, опубликованное в 1960 году. Поньрко подчеркнула, что М. В. и Т. В. Рождественские — дочери поэта, и через В. А. Рождественского осуществляется связь с миром М. А. Волошина, И. Ф. Анненского, А. А. Блока.

Выступившие с ответным словом сестры Рождественские говорили о своей семье, своих учителях, об университете и Пушкинском Доме, о среде и времени, Петербурге и Москве. С поздравительным словом к ним обратились научный руководитель Института лингвистических исследований РАН академик Н. Н. Казанский и коллеги из Отдела пушкиноведения и Рукописного отдела Пушкинского Дома.

© С. А. Семячко

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-255-260

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРЕТЬИ БОГОМОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

7–8 ноября 2025 года состоялась Международная научная конференция «Третьи Богомолдовские чтения». Конференции, посвященные памяти профессора Николая Алексеевича Богомолдова (16 декабря 1950 — 20 ноября 2020), проводятся на факультете журналистики МГУ раз в два года. Организует их кафедра литературно-художественной критики и публицистики, которой он руководил более четверти века.

В 2025 году исполнилось 75 лет со дня рождения Н. А. Богомолдова и пять лет со дня его ухода. Осмысление научного наследия ученого в контексте современной филологии стало главной темой конференции.

Соорганизатором Третьих Чтений выступил Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, и заседания первого дня прошли в конференц-зале ИМЛИ на Поварской. Второй день был полностью дистанционным.

Открыли конференцию приветствия декана факультета журналистики Е. Л. Вартановой и директора ИМЛИ РАН В. В. Полонского, а также вступительное слово куратора О. Л. Довгий.

Самыми дорогими гостями Чтений — безусловно — были жена Н. А. Богомолдова Наталья Александровна и сын ученого Александр Николаевич.

География Чтений в этом году значительно расширилась — что говорит о росте их популярности. На конференции выступили известные филологи из Москвы (МГУ, ИМЛИ РАН, НИУ ВШЭ, РГГУ, МПГУ, Литературного института, отдела «Музей Серебряного века» ГМИРЛИ, Государственного музея А. С. Пушкина, Дома

русского зарубежья, ГПИВ, ИРЯ РАН, РУДН), Санкт-Петербурга (ЕУСПБ, ИРЛИ РАН), Красноярска (КГПУ), Нижнего Новгорода (НИУ ВШЭ, НГЛУ), Петрозаводска (ПетрГУ), Самары (Самарского НИУ), Тюмени (Тюменского ВВИКУ), Израиля (Еврейского университета в Иерусалиме, Международного Института исследований Холокоста «Яд Вашем»), Китая (Совместного российско-китайского университета МГУ-ППИ), Сербии (Белградского университета) и США (университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес). Среди участников было много молодых исследователей, по большей части это ученики Богомолдова.

За два дня было заслушано 46 докладов; 10 стендовых докладов выложены на сайте ИМЛИ РАН. Все выступления были посвящены темам, связанным с научными интересами Богомолдова: русская литература эпохи модернизма и русской эмиграции; Пушкин и литература Золотого века; текстологические и эдидионные проблемы русской литературы, принципы издания русских классиков; авторская песня; научное наследие Богомолдова (сквозные имена и темы, принципы работы с текстом, педагогические методы).

Программа имела четкую структуру, но деление на секции, как и на прошлых Богомолдовских чтениях, принципиально отсутствовало: все слушали всех. Конференция проводилась в смешанном формате, что дало возможность подключиться в качестве слушателей жителям других городов РФ и зарубежных стран.

Началась конференция с теоретического блока: с двух докладов, посвященных осмыслению

научных принципов Богомолова. Символично, что их авторами были сотрудники богомоловской кафедры: авторитетный профессор и молодой исследователь.

В. И. Новиков (Москва) озаглавил свой доклад «Понятие „настоящий поэт“ в научно-эстетических системах М. В. Панова и Н. А. Богомолова». Легендарные филологи разработали в своей исследовательской практике новую аксиологическую модель, опирающуюся на идею «гамбургского счета» В. Б. Шкловского и теорию стиха Ю. Н. Тынянова. Суть этой модели — отказ от каких бы то ни было вертикальных иерархий в оценке стихотворцев и деление их по бинарному принципу на настоящих поэтов и тех, кто таковыми не являются.

В своем докладе «Н. А. Богомолов и теория литературы» К. С. Благодаров (Москва) поставил вопрос о месте теоретико-литературной проблематики в научном наследии Богомолова и отметил свойственные ученому прагматизм в отношении к теории, интерес к поэтике, недоверие к абстрактному методологизму.

Н. О. Осипова (Санкт-Петербург) в докладе «Поэтика палимпсеста в художественной системе „Поэмы без героя“ А. Ахматовой» представила новый ракурс исследования поэтической системы произведения как особого типа взаимодействия культурных текстов «по вертикали», путем их «наложения» друг на друга и создания «многослойности», «взаимопрощивания» событий, образов и смыслов. Докладчица выделила три уровня функционирования палимпсеста в «Поэме без героя»: жанрово-видовой; образный, пространственно-временной; особая форма палимпсеста связана с кинематографическими экспериментами в области монтажа.

Далее выступила Л. Н. Дмитриевская (Москва) с докладом «Внутренняя форма и содержание отсутствующего художественного образа», в котором были рассмотрены случаи, когда в литературном произведении материальное воплощение художественного образа отсутствует, однако, будучи «незримым», излучает определенное содержание, участвует в формировании подтекста, нередко вырастая до символа.

Сообщение Е. А. Закрыжевской (Москва) «Механическое и органическое время в стихах Шарля Бодлера» было посвящено концепции времени в стихах французского поэта. Исследовательница выявила особенности проявления оппозиции «механического» и «органического» времени в стихотворениях в прозе «Часы» и «Двойная комната».

В докладе С. А. Казаковой (Москва) «Заумь, звук и музыка в теории и практике литературного авангарда» речь шла об исследовании опыта русского кубофутуризма в области звука, фоносемантики и заумного речетворчества. Докладчица рассмотрела теоретические обоснования зауми в манифестах литературной группы («Поэчина общественному вкусу», декларация «Слова как такового») и представила интерпретацию конкретных образцов за-

умной поэзии в произведениях А. Е. Крученых, Велимира Хлебникова и В. В. Каменского.

Д. М. Магомедова (Москва) в докладе «Филологические работы Александра Блока: проблемы текстологии и комментирования» рассказала о задачах, стоящих перед составителями тома филологических работ Блока в Полном академическом собрании сочинений.

В выступлении Е. В. Шарыгиной (Москва) «Критерии эстетической оценки современной словесности (из практики ведения книжного клуба)» была затронута проблема критериев оценки как необходимого навыка для читателей, а также выбора современной литературы для книжных клубов.

Тема доклада Р. А. Поддубцева (Москва) «К вопросу о романых финалах: случай Д. Данилова» возникла в процессе работы над студенческими ВКР. Размышления и выводы докладчика базировались на анализе финалов в пяти романах автора.

И. В. Кочергина (Москва) в сообщении «К вопросу о сотрудничестве критика Ю. И. Айхенвальда с Госиздатом в 1922 г.» поделилась результатами архивных изысканий. Ей удалось обнаружить сведения о 27 рецензиях Айхенвальда, написанных для Госиздата в 1922 году (часть хранится в ГАРФ, часть — в РГАЛИ, некоторые опубликованы в сокращении; 6 рецензий найти не удалось).

Темой доклада Е. А. Пономаревой (Москва) «И. Н. Розанов и П. П. Филиппович. К истории взаимоотношений» стали творческие связи поэта и критика П. П. Филипповича (1891–1837) с историком литературы, профессором Московского университета и библиофилом И. Н. Розановым, а также с поэтом и критиком Ю. Н. Верховским. Многие материалы были обнаружены и введены в научный оборот автором доклада.

После обеда состоялась презентация вышедшей к самому началу конференции коллективной монографии «Вторые Богомоловские». Это новый (уже четвертый) труд, подготовленный кафедрой в память о своем многолетнем заведующем. В книге 23 главы, объединенные в два больших раздела: «Научные исследования» и «Публикации». Авторы — известные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Риги. О работе над книгой кратко рассказала ее составитель О. Л. Довгий; в обсуждении приняли участие В. И. Новиков, Е. А. Закрыжевская, С. А. Казакова, Д. П. Ивинский, Ю. Б. Орлицкий.

Второе отделение Чтений было посвящено истории русской литературы. Д. П. Ивинский (Москва) в докладе «К вопросу о датировке писем А. С. Пушкина к Каролине Собаньской» подробно рассмотрел причины отсутствия в современной пушкинистике достоверного ответа на вопрос, когда же были написаны эти письма.

От Пушкина выступающие перешли к эпохе модернизма. В совместном докладе М. В. Орловой (Москва) и Н. В. Блеуто (Румыния) «„Si l'enfant sommeille...“ О бросовском переводе „Колыбельной“ Марселины Деборд-Вальмор»

был показан историко-литературный контекст времени изданий «Колыбельной», проанализированы тексты оригинала «Dormeuse» и брюсовского перевода.

В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва, Санкт-Петербург) «Поэзия Шарля ван Лерберга в обиходе русского символизма (Бальмонт и другие)» были проанализированы переводы бельгийского символиста Ш. ван Лерберга, выполненные В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, Эллисом, Ю. А. Веселовским, в сопоставлении с новейшими переводами его произведений, сделанными М. Л. Гаспаровым и М. Д. Ясновым. Исследователь указал на особенности проявления творческой личности Лерберга в кругу русской культуры рубежа веков. Особое внимание докладчик уделил единственной книге стихов Лерберга, выпущенной Бальмонтом.

М. В. Строганов (Москва) посвятил доклад «Между „Русским богатством“ и Анной Ахматовой» творчеству А. А. Чумаченко, чьи стихи, с одной стороны, продолжают принципы поэзии И. А. Бунина, а с другой — предвосхищают тенденции «преодолевшей символизм» А. А. Ахматовой. Были рассмотрены причины, по которым творчество Чумаченко выпало из поля зрения исследователей русской поэзии рубежа XIX–XX веков.

В докладе О. Н. Купцовой (Москва) «Статья В. Э. Мейерхольда „Театр (К истории и технике)“ в контексте полемики вокруг „Книги о Новом театре“ (1908)» речь шла о реценции статьи Мейерхольда, опубликованной в «Книге о Новом театре», — сборнике статей, вышедшем в издательстве «Шиповник» в декабре 1907 года и посвященном К. С. Станиславскому (как главе или воплощению нового театра). Были проанализированы оценки статьи Эллисом, А. В. Луначарским, П. М. Пильским, А. Р. Кутелем, Ю. М. Стекловым и другими литературными и театральными критиками в контексте дискуссий о сборнике в целом.

Е. А. Коршунова (Москва) в докладе «Философия творчества в докладах о символизме периода ГАХН» рассмотрела особенности формирования эстетических ориентиров С. Н. Дурьи на основе анализа его литературно-критических статей «Бодлер в русском символизме» (1926), «Александр Добролюбов» (1926), «Пейзаж в произведениях Ф. М. Достоевского» (1926), «Об одном символе у Достоевского» (1926), «Монастырь старца Зосимы» (1928) и др. По мнению исследовательницы, взгляды Дурьи на цели и задачи искусства оформились в период увлечения символизмом, который стал не только «академией литературы», но и особым миропониманием.

Далее следовали два «библиотечных» сообщения. Л. Г. Ларионова (Москва) в докладе «Рукописные книги русских имажинистов: новые открытия» представила обзор книг, часть из которых не отражена в библиографическом списке Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина «Книжная лавка писателей и автографические издания 1919–1922 годов» (М., 1990). С момента публикации указанного источника про-

шло 35 лет, за это время в научный оборот были введены новые экземпляры автографических изданий, созданных представителями московской и петербургской ветвей имажинистской группы.

А. Б. Мокроузов (Москва) построил доклад «Библиотека С. П. Дягилева в свете новых разысканий» вокруг судьбы книжной коллекции Дягилева. Обнаруженная опись позволяет сравнить оригинальное собрание и то, что позднее стало известно как «Библиотека Дягилева–Лифаря», проданная на аукционе 1975 года.

Сообщение Е. Н. Пенской (Москва) «Коллекция военных песен И. Н. Розанова. Стратегии собирательства», как заметила докладчица, находится «на перекрестье академических штудий Н. А. Богомолова», включающих интерес к рок-музыке и бардовской песне. В докладе речь шла об аудиособирательстве Розанова, создавшего целый пласт песенной текстологии как научного направления и собравшего фактуру для проведения эмпирического анализа процессов формирования советского слушателя.

А. С. Пахомова (Санкт-Петербург) в докладе «Круг М. А. Кузмина и литература 1920–1930-х гг.» предприняла попытку реконструировать культурную общность, закрепившуюся в историографии как «круг Михаила Кузмина». На основании сетевого анализа дневников Кузмина 1920–1931 годов была представлена модель его литературного круга — как «внутреннего», значимого с точки зрения распространения кузминской поэтики и художественной практики, так и «внешнего», который можно расценивать как модель литературного Петрограда / Ленинграда описываемого периода.

Онлайн-доклад Л. Г. Пановой (СПб) «О двух типах комментария: размышления post factum комментатора пьесы Михаила Кузмина „Смерть Нерона“» открылся историей публикации статьи Богомолова «Еще раз о „Смерти Нерона“ М. Кузмина», а закончился воспоминаниями о длившемся два десятилетия научном диалоге с ученым. Докладчица поделилась соображениями о том, как выполнять комментарий тотального (монографического) типа к одному произведению, какие параметры произведения при этом стоит учесть и чем такой комментарий отличается от привычного, тоже академического.

С. Г. Коростелев (Москва) в докладе «„Everybody on Earth is a Russian“». Русская тема в романе Карла Сагана „Контакт“ (1985)» проанализировал «русскую составляющую» романа — единственного художественного произведения исследователя космоса К. Сагана (1934–1996).

Второй день Чтений был полностью дистанционным. Начался он с блока, посвященного русской литературе XVIII — начала XIX века. Открыли заседание два доклада по русскому XVIII веку. Доклад О. Л. Довгий (Москва) «Самый поверхностный способ читать сатиры Кантемира» представлял собой опыт интерпретации сатир сквозь призму поэтики заглавий, рассмотренных как своего рода синопсис всех

сатир. В поле зрения докладчицы оказались и двойные заглавия, и их грамматическая организация в соответствии с семантикой предлогов и союза (группы «НА», «К», «О», «И»).

В. Л. Коровин (Москва; КНР) выступил с докладом «Любовь в раю и изгнание из рая в русской поэзии XVIII — начала XIX века». Речь шла в основном о поэмах М. М. Хераскова «Вселенная» (1797) и С. С. Боброва «Древняя ночь вселенной» (ч. 1–2, 1807–1809), в которых отражено малораспространенное, но восходящее к древней церковно-учительной традиции предствление о моменте грехопадения Адама.

Доклад А. Д. Ивинского (Москва) «Письма М. Н. Муравьева к жене 1801–1805 гг. (по материалам ОРФ Государственного Литературного музея)» — часть проекта по публикации эпистолярного наследия Муравьева — был посвящен обсуждению 25 писем писателя к жене, которые еще не были введены в научный оборот.

Далее участники вернулись к начатой накануне пушкинской тематике. Доклад Е. О. Ларионовой (Санкт-Петербург) «Проблема корпуса „критических“ и „публицистических“ произведений Пушкина» был посвящен публикации нон-фикшн текстов в полных собраниях сочинений Пушкина. Исследовательница обозначила ряд вопросов, возникающих в связи с публикацией незавершенных и черновых, оставшихся в рукописи, «критических» и «публицистических» сочинений Пушкина. Проследив динамику научных атрибуций от собрания сочинений П. В. Анненкова до работ Н. О. Лернера и В. В. Виноградова, докладчица не признала метод Виноградова, основанный на изучении «соотношения языка и собственно литературных компонентов в конкретных произведениях», приемлемым, а проблему в целом определила как нерешимую.

К. А. Соловьев (Москва) в докладе «Художественный прием деперсонализации в стихотворении А. С. Пушкина „Пора, мой друг, пора...“» сосредоточил внимание на двух способах деперсонализации образа современника у Пушкина. Первый — «наведение фокуса» на узнаваемого человека (в «Евгении Онегине», «Графе Нулине»). Второй — «размытие фокуса», то есть введение в текст образа конкретного человека, с заменой имени на обобщенные выражения: «те», «та», «она», «друг», «мой друг».

В докладе Г. Т. Гариповой (Москва) «Фотоэкфрастическая семиотика „пушкинского текста“ в современной русской литературе» были рассмотрены несколько разнофункциональных ложных (придуманных автором фотоснимков) и прямых (настоящих исторических фотографий) фотоэкфразисов, связанных с «пушкинским текстом». В качестве материала были привлечены пушкинский фотоэкфразис А. Г. Битова («Пушкинский дом») и коррелирующий с ним пушкинский текст романа «Мобоб» Х. Исмайлова.

Далее прозвучали два сообщения, где речь шла о П. А. Вяземском. К. И. Марусяк (Москва) в докладе «Неопубликованные письма кн. В. Ф. Одоевского к М. П. Погодину и кн.

П. А. Вяземскому» представила ряд историко-литературных «сюжетов» (преимущественно 1820-х и 1860-х годов), позволивших выявить наиболее существенные сходства и различия взглядов и оценок Вяземского, Погодина и Одоевского. Она обозначила вопросы, которые на протяжении многих лет связывали всех троих: 1) отношение к Карамзину и его роли как историка и литератора; 2) понимание «древности» / «старинности»; 3) неравнозначная, но объединяющая их причастность «пушкинскому кругу».

Е. С. Петрова-Либгобер (США) в докладе «Петр Андреевич Вяземский и „еврейский вопрос“ в Российской империи» подняла тему «еврейского вопроса» в корпусе произведений и переписки П. А. Вяземского с Ал. И. Тургеневым. Посредством анализа корреспонденции и статей Вяземского в докладе была выстроена взаимосвязь между разрешением проблемы прав гражданского состояния евреев в Российской империи и восприятием Вяземского политики Александра I и Николая I, а также политических проектов декабристского движения.

В докладе Н. Н. Подосокорского (Москва) «Наполеон и вошь в романе Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“» был проанализирован концепт «вошь» в контексте наполеоновского мифа и истории Отечественной войны 1812 года. Исследователь выдвинул гипотезу, почему несостоявшийся петербургский Наполеон так сосредоточен именно на образе «вши», а также рассмотрел природу странной болезни Раскольникова, чаще всего определяемой в романе как «лихорадка». По наблюдению докладчика, «Наполеон» и «вошь» для главного героя на самом деле не антагонистичны, но образуют своего рода «людоедский симбиоз».

Последующие доклады были посвящены различным аспектам изучения русской литературы эпохи модернизма. В докладе А. А. Холикова (Москва) «„Нужно ли сейчас говорить о Некрасове?“: текстология и „тайновидение“ Д. С. Мережковского» было предпринято историко-литературное изучение работы Д. С. Мережковского «Тайна Некрасова» (1913) в аспекте модернизации отечественной классики на рубеже XIX–XX веков для уточнения представлений о моделировании писательской идентичности в сознании современников и потомков; привлечены документы из архивов, а также малоизвестные материалы дореволюционной периодики.

Доклад М. С. Руденко (Москва) «Серебряный век и век 20: методические особенности курсов истории русской литературы и литературной критики» был посвящен обоснованию необходимости дифференцирования подходов к разным курсам. В преподавании истории литературы на первый план выходит диалектика модерна и авангарда, синтез искусств, художественная стратегия жизнетворчества и (нео)мифологического мышления, писательская критика Серебряного века с ее концепцией «критика-художника». История же литературной критики после 1917 года требует изучения литературного процесса как проявления борьбы за

власть, превращения искусства в орудие пропаганды.

В докладе О. И. Шапкиной (Москва) «Сергей Поляков в гостях у Леонида Андреева (1907)» было представлено малоизвестное интервью Андреева, опубликованное в одном из осенних номеров газеты «Русское слово» за 1907 год. Этот текст, подписанный «ЭСЬ ПЭ», принадлежит перу С. А. Полякова, известного мецената, переводчика, владельца издательства «Скорпион» и журнала «Весы».

М. Ю. Эдельштейн (Израиль) посвятил доклад «Анна Минцлова в дневнике Владимира Шуфа» оккультистке, близкой к символистским кругам. По словам Богомолова, «отчетливо проследить судьбу Минцловой мы в состоянии лишь с 1899 года». Между тем докладчику удалось обнаружить документы, дающие новые факты о жизни Минцловой, в предыдущие годы входившей в другой литературно-художественный круг.

Вечернее заседание второго дня продолжилось докладами по материалам архивных разысканий. Выступление Ю. Е. Павельевой (Москва) «Стихотворный диалог К. Д. Бальмонта и И. С. Шмелева» было основано на материалах «шмелевского» фонда архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Архив ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3). Творческий диалог этих авторов в эмиграции — актуальная научная проблема. Обращение к «шмелевскому» фонду Архива ДРЗ позволяет прояснить некоторые моменты, часто остававшиеся на периферии исследовательского внимания, а также внести важные уточнения в ранее опубликованные тексты.

В докладе Е. А. Глуховской (Санкт-Петербург) «Формирование институтов посредничества в русской литературе и журналистике 1900–1910-х гг.» речь шла о «Бюро провинциальной прессы», организованном в 1907 году С. А. Соколовым для «снабжения литературным материалом прогрессивных органов провинциальной печати». Вдохновившись исследованиями Богомолова, докладчица реконструировала историю этого Бюро, выявила сотрудничавших с ним авторов и рассылаемые тексты.

Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) в сообщении «К творческой истории книги Игоря Северянина „Тост безответный“» восстановила процесс формирования книги, изучила текстологическую историю шестой книги поэм и творческое решение автора не включать в окончательный корпус книги пять стихотворений. Это решение продиктовано этическим императивом поэта и его рефлексией над ролью поэта в обществе, проходящей через все творчество, в том числе эмигрантского периода.

Материал доклада И. Н. Антанасиевич (Сербия) «„Шевроле нас доставил в Дубравку на Пиле...“: история путешествия Игоря Северянина и Василия Шульгина» позволяет по-новому взглянуть на культурный контекст русской эмиграции в Дубровнике и ее рецепцию в литературе. Докладчица рассмотрела мало-

известные эпизоды первого визита Северянина в Югославию (1933), реконструировала обстоятельство его знакомства с Шульгиным и проанализировала их совместные путешествия.

В докладе Т. А. Слеповой (Израиль) «М. Цветаева в журнале „Версты“: стратегия и репутация» было рассмотрено, насколько видимая сторона деятельности Цветаевой (участие в журнале, который публикует под одной обложкой эмигрантских и советских авторов) соответствовала ее внутреннему самоопределению. В центре внимания был корпус переписки Цветаевой и других «ближайших участников» журнала с его редакторами, что позволило скорректировать представление о роли Цветаевой в работе «Верст».

Доклад А. В. Гик (Москва) «Визуальный текст железобетонных поэм В. Каменского: анализ поэмы „Дворец С. И. Щукина“» был посвящен поэме Каменского как одному из опытов визуальной (зрительной) поэзии в русском кубофутуризме. Были проанализированы особенности композиции, языка и типографики произведения; особое внимание уделено проблеме синтеза искусств — взаимодействию слова, цвета и формы, через которое Каменский выражает идею обновления художественного восприятия.

И. Н. Арзамасцева (Москва) в докладе «Леонид Фейнберг в доме Волошина: юность художника и поэта» представила новое имя в русской поэзии Серебряного века — Леонид Корн (настоящее имя Леонид Евгеньевич Фейнберг), художник, автор воспоминаний «Три лета в доме Волошина». Материалом исследования стали его «Юношеские стихи» (1913–1915), вошедшие в самиздатовскую авторскую книгу и пока не опубликованные. Согласно выводам исследовательницы, в этих стихотворениях нашло выражение не только завершение его встреч с М. А. Волошиным, но и эволюция творческой личности — от символизма к эстетике Велимира Хлебникова, его «законам» истории, мира и искусства.

Далее предполагался блок из трех докладов, посвященных авторской песне, но прозвучали два, а доклад А. Е. Крылова из-за болезни автора пришлось перенести в разряд стендовых.

В выступлении М. А. Александровой (Нижний Новгород) «Булгаковский код пушкинианы Александра Галича» была прослежена аккумуляция разновременных булгаковских впечатлений Галича в произведениях зрелого периода. Докладчица проанализировала концептуальное значение реминисценций из булгаковской пьесы о Пушкине, романа «Мастер и Маргарита», рассматривала кодирующую функцию цитаты из ахматовской эпитафии Булгакову. Особое внимание было уделено отклику Галича на коллизии, олицетворенную Мастером: именно в пушкинском контексте Галич заново поставил вопрос о художнике, который служил истине, но не заслужил света.

Е. И. Дворцова (США) в докладе «Авторская песня на страницах „Октября“: нормализация через мнимую критику» проанализировала,

как журнал «Октябрь» в 1960-е годы реагировал на феномен авторской песни, превращая критику в инструмент идеологического контроля. На примере двух статей Юрия Андреева (1965, 1967) было показано, как под видом анализа происходило «одомашнивание» жанра — его включение в рамки советского культурного канона и установление границ допустимого.

Заключительный доклад замкнул своеобразное кольцо: как и первые выступления, он оказался посвященным теории литературы. А. Ю. Горбенко (Красноярск) в докладе «Аномалия, развивающаяся с кинематографической скоростью: дискурс „неправильности“ русской

литературы» проанализировал ключевые компоненты и динамику функционирования дискурса «неправильности» русской литературы на протяжении двух последних веков.

По окончании слушания докладов произошел заинтересованный обмен мнениями, было высказано много предложений по проведению следующих Богомоловских чтений.

Традиция проведения этих конференций и выпуска коллективных монографий по их материалам непременно должна быть продолжена.

© О. Л. Довгий

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-260-264

XXIX НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Ежегодная конференция, состоявшаяся 10 ноября 2025 года, была посвящена 170-летию со дня рождения Семена Афанасьевича Венгерова (1855–1920). Рукописный отдел Пушкинского Дома с 1933 года располагает огромным личным архивом ученого, всесторонне отражающим масштаб и многогранность его научной деятельности. Значительная дата послужила поводом, с одной стороны, подвести итоги в работе библиографической группы (ИРЛИ, Отдел новой русской литературы), направленной на введение в научный оборот библиографических материалов Венгерова, хранящихся в Рукописном отделе. С другой — участники конференции получили возможность поделиться исследованиями, в общем и целом ориентированными на широкие интересы глубоко почитаемого юбиляра, — в диапазоне от рецепции произведений Пушкина до разностороннего осмысления биографий как знаменитых представителей начала XX века (литераторов, ученых), так и малоизвестных, но примечательных личностей, вошедших в историю русской литературы в самых разнообразных ипостасях.

На первом заседании были зачитаны доклады сотрудников Рукописного отдела и других петербургских институций. Л. К. Хитрово (Санкт-Петербург) предложила вниманию аудитории доклад «К истории бытования последней романтической поэмы А. С. Пушкина „Цыганы“». Опираясь на близкие по времени документальные источники, хранящиеся в архиве Пушкинского Дома (рукописные «Записки» А. В. Маркова-Виноградского и его формулярный список), исследовательница подробно остановилась на эпизоде из личной жизни мемуариста, имевшем место в 1846 году в Черниговской губернии. В это время Марков-Виноградский, состоявший в счастливом браке с Ан-

ной Петровной Керн (фамилия по первому мужу; урожд. Полторацкая), служил заседателем уездного суда. Культ литературы и пушкинского гения волей-неволей пронизывал жизнь обитателей наследственного имения в Соснице. Случилось, что неподалеку от них расположился табор богатых калужских цыган. Как вспоминал впоследствии мемуарист, «картинность» быта и внешняя колоритность отдельных субъектов из числа этого кочевоего поселения произвела на него и его супругу неизгладимое впечатление. Вскоре произошло знакомство «со странным цыганом», назвавшимся «Алеко». В беседе с господами незнакомец то и дело подкреплял самоотожествление с образом пушкинского персонажа цитатами из «Цыган» и восторженными высказываниями о мастерстве поэта, изобразившего кочевую жизнь его народа «во всей полноте страстей и поэзии». Литературный флер этой встречи рассеялся через несколько дней, когда выяснилось, что новоявленный «Алеко» со своими поделниками по табору ограбил местных помещиков и благополучно скрылся. Это уголовное дело самым печальным образом сказалось на судьбе автора «Записок». До сих пор считалось, что Марков-Виноградский, едва получив долгожданную должность заседателя суда, по неопытности оказался замешан в каком-то темном деле и таким образом сам попал под обвинение вместе с проворовавшимися судьями своего уезда. Однако, как выяснила Хитрово, обратившись к записи в его формулярном списке, именно история знакомства с «Алеко» послужила настоящей причиной драматических последствий: он был отстранен от обязанностей заседателя соснецкого суда из-за допущенной «медлительности по уголовному делу о цыганах Волошиных и за отдачу их на поруки». Процесс закончился для романтика финансовым крахом. Так

стихийно навеванная аллюзия к пушкинской поэме обратила жизнь Марковых-Виноградских в социально-бытовую драму. Выбраться из нищеты они смогли только спустя восемь лет. Доклад раскрыл неожиданный вектор рассмотрения рецепции пушкинских сюжетов. Эпизод, помимо несомненной биографической ценности, представляет собой казус литературной инерции, под действием которой «живая жизнь» (Достоевский) получает непредсказуемое развитие ввиду как предрасположенности пострадавших Марковых-Виноградских к восприятию реальности через пушкинский код, так и стремления главы воровской шайки облагородить свой образ жизни «литературным переживанием» (термин А. Л. Зорина).

Тему взаимодействия литературы и жизни в программе Чтений продолжило сообщение Ю. М. Чихаловой (Санкт-Петербург, зачитано Е. С. Левшиной) «„Гусарский мальчик с простреленным виском“ и Иудушка Головлевы: к биографии Всеволода Князева». Предметом исследования послужила находка, сделанная автором в ходе оцифровки семейного архива М. Е. Салтыкова-Щедрина (ИРЛИ. Ф. 366). Трагическая судьба, постигшая в революционное время родовой архив Салтыковых, впервые описана в статье Е. М. Макаровой (Лит. наследство. 1934. Т. 13–14. Кн. 2. С. 445–462). Поступившие в Пушкинский Дом материалы семьи Салтыковых, образовавшие десятую опись фонда, до сих пор требуют существенных уточнений в устаревшем архивном описании, составленном в 1947 году, а также дополнительной атрибуции. По всей вероятности, вследствие названных причин вне исследовательского внимания остался эпистолярный документ, принадлежавший перу одного из примкнувших к литературной богеме начала 1910-х годов — Всеволоду Гавриловичу Князеву (1891–1913). Объективно говоря, письмо молодого гусара-поэта, отправленное 13 сентября 1910 года из московского военного госпиталя, добавляет к обстоятельствам его очень короткой жизни, на первом плане которой к этому времени уже обозначился силуэт петербургского «александрийца» Михаила Кузмина, — лишь небольшой фактический штрих. В целом его письмо к однокласснику раскрывает вполне ожидаемые, ввиду известной в наши дни драматической судьбы отправителя, черты утонченного в своих мироощущениях юноши, который сохранил добрую память о годах, проведенных в военном училище. Казалось бы, также ничего особенного нельзя было извлечь из новонайденного письма относительно личности адресата Князева — его одноклассника по тверскому кавалерийскому училищу Евграфа Васильевича Салтыкова. В переплетениях семейных связей Салтыковых этот младший родственник приходился внуком Дмитрия Евграфовича Салтыкова — родного брата писателя, печально известного тем, что основные свойства его характера были сведены в художественном образе Иудушки Головлева. Как утверждает докладчица, обратившаяся к личным документам Е. В. Сал-

тыкова, годы обучения, проведенные в кавалерийском училище, были лучшими в его биографии. Среди архивных единиц десятой описи Ф. 366 оказались письма товарищей по учебе и семейная переписка, из которых явствует, что молодой человек мечтал о военной карьере. Однако разнообразные подтверждения порочным наклонностям Салтыкова-младшего, с лихвой обнаруживающиеся в семейном архиве, объясняют, почему он так и не смог устроить свою судьбу. Собранные Чихаловой сведения раскрывают отталкивающий образ аморального вырожденца. Описания его реальных поступков невольно заставляют вспоминать о его наследственной связи с Д. Е. Салтыковым, также вызывая в памяти страницы романа «Господа Головлевы». Рассуждая о мотивах, сближавших в 1910 году очень разных по душевной организации недавних корнетов — Князева и Салтыкова, докладчица постаралась реконструировать затекшие истории их жизней, параллельно протекавших в эстетизированной культуре Северной Пальмиры и замшелом помещичьему быту «выморочного рода» (Салтыков-Щедрин). Интересно, что в сообщении представлена еще одна модель исследовательской рецепции, актуализирующая роль периферийного человека в истории литературы. Новонайденное письмо объединило двух современников, имена которых создают устойчивые коннотации с художественными произведениями, характеризующими кардинально разные ареалы культуры: Князев, благодаря поэзии Кузмина и Ахматовой, остался эмблематической фигурой в истории Серебряного века; персона Е. В. Салтыкова как носителя родового проклятия оказалась в круге литературных аллюзий, восходящих к образу Иудушки Головлева.

В докладе-презентации Н. В. Лошинской «„...яд волшебных грез“: поэт Всеволод Полянский — загадочный адресат отзыва А. А. Блока» (Санкт-Петербург) продемонстрирован исследовательский подход к биографии неизвестных лиц. Единственным документом, позволяющим выстроить корреляции между Полянским и Блоком, является сохранившийся в архиве последнего (ИРЛИ. Ф. 654) краткий отзыв, подготовленный в служебном порядке для издательства при Союзе деятелей художественной литературы в 1919 году. На основании архивных материалов первого советского десятилетия, адресных книг, печатных публикаций исследовательница собрала необходимые биографические сведения неизвестного поэта. С точки зрения установления личных данных наиболее информативными оказались сохранившиеся анкета и заявление, заполненные Полянским для Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (ИРЛИ. Ф. 291) в апреле 1925 года. Выяснилось отчество Полянского — Петрович, был установлен его год рождения — 1876, раскрыт служебный список за 1902–1906 годы и в период с 1918 по 1919 год, когда поэт выполнял обязанности помощника секретаря Совета Всероссийского союза деятелей художественной литературы; выявлен

список органов периодической печати, в которых с 1902 по 1925 год Полянский эпизодически публиковал свои стихотворения, заметки, рецензии. При обращении к некоторым печатным источникам и к фондам из других архивов докладчик удалось расширить информацию о жизни и творческой судьбе героя в последующие годы. Так, в терминологии С. А. Венгерова, биографическая «справка» существенно пополнилась благодаря, например, многолетним изданиям «Книги Памяти жертв политических репрессий», в которых оказались зафиксированными адреса проживания Полянского, сведения о его сословной принадлежности, послужном списке по морскому ведомству, а также о двух арестах и, наконец, точная дата гибели (расстрелян в тюрьме Оренбурга 26 октября 1937 года; реабилитирован в 1989 году). Историко-литературный комментарий, образовавшийся в результате проделанной работы для готовящегося к изданию десятого тома Полного собрания сочинений и писем Блока, Лошинская дополнила кратким анализом поэтических тропов лирики Полянского, ассоциированных с поэзией А. А. Фета, таким образом актуализируя систему художественных ценностей, непосредственно близкую рецензенту.

Доклад Ю. Е. Галаниной (Санкт-Петербург) «„Победа смерти“ Ф. Сологуба в контексте театральных исканий начала XX века» был сконцентрирован на истории формирования ранних драматургических принципов писателя. Подготовка спектакля «Победа смерти» в театре В. Ф. Комиссаржевской совпала с появлением на русской сцене новых веяний западноевропейского режиссерского театра, воспринятых из опубликованных на немецком языке трудов английского актера и режиссера Эдварда Георга Крага и немецкого режиссера, теоретика театра Георга Фукса. Оба новатора провозгласили ключевой фигурой в сценическом воплощении драматического произведения театрального постановщика, а его творческие задачи и профессиональные полномочия понимались как существенно более широкие по сравнению с авторскими. Еще на начальных этапах постановки пьесы Сологуб отреагировал на возникшую в театральном мире тенденцию нивелировать роль драматурга. В статье «Театр одной воли» (конец августа — начало сентября 1907 года) он заявил свое категорическое несогласие уступить авторское первенство режиссерским сценическим толкованиям. Тем не менее в процессе работы над спектаклем, следуя советам и указаниям В. Э. Мейерхольда и подчиняясь его артистической интуиции, Сологуб лично редактировал текст трагедии, приближая свое произведение к условиям сцены. Такая паллиативная уступка не помешала писателю в дальнейшем сотрудничестве с театром категорически прятать режиссерским изменениям в текстах своих пьес, утверждая единственной художественной реальностью мир, созданный собственным творческим сознанием. Уточнения Галаниной к эстетическим убеждениям Сологуба-драматурга пока-

зывают их неоднозначность, внося существенные коррективы в представления современников, зафиксированные в уникальном проекте Венгерова, задачей которого стало буквально «с натуры» собрать реценцию о литературных течениях и ведущих деятелях порубежного времени. Напомним, что в «Биографической справке» о Сологубе, написанной Ан. Н. Чеботаревской для венгеровской «Русской литературы XX века (1890–1910)» (М., 1917. Т. 2), в связи со временем постановки «Победы смерти» отмечалось: «Вовлечение в сферу театральных интересов, которым Сологуб предался, горячо отстаивая идеи „нового театра“, совпало со знакомством с В. Э. Мейерхольдом, которому Сологуб неоднократно доверял постановки своих пьес, основываясь на идейном единomyслии» (Там же. С. 12).

Материалы к биографии видного представителя филологической науки, определившегося в своем профессиональном предназначении в самом начале 1920-х годов, отчасти получили освещение в докладе П. С. Вышегородцевой и В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) «„Поэзия одна — приют моей души“: поэтическое наследие Д. Якубовича». Исследователи обратились к раннему периоду жизни пушкиниста, когда он, еще будучи студентом историко-филологического факультета Петроградского университета, с особым рвением изучал историю мировой литературы, упорно занимался иностранными языками и писал стихи. В общих чертах был дан обзор поэтических штудий и стихотворных переводов (около 600 текстов), сохранившихся в личном фонде ученого в Рукописном отделе Пушкинского Дома, были выделены тематические доминанты его юношеской поэзии и обозначены векторы предстоящего филологического становления. В частности, исследователи отметили, что, опираясь на эстетические ориентиры своего отца, революционера и поэта-народовольца Петра Филипповича Якубовича, начинающий лирик старался следовать традиции «старой школы». Вместе с тем Якубович-младший тяготел к классическим топам русской литературы Золотого века, которые в его юношеском опыте были спроецированы как на контекст послереволюционного времени, так и на обстоятельства личной жизни, вынудившие студента оставить обучение в университете и уехать из Петрограда. Именно в это время (1918–1922) был собран поэтический сборник, предназначенный для печати, но так и оставшийся неопубликованным. Поэзия молодого Якубовича, по определению докладчиков, была сколь «литературна», надо полагать, по генезису, столь и «вторична», т. е. подражательна. Как известно, в дальнейшем стихосложение для ученого оставалось непрофессиональным увлечением и выражалось в спонтанных виршах, сочиненных «на случай». Возможно, поэтическому сборнику начинающего филолога Якубовича в «Биографической справке» словаря Венгерова, если бы она была написана при жизни зрелого пушкиниста 1930-х годов, было бы придано значение миме-

тической практики, заключающей в себе потенциал научного осмысления истории и теории литературы. Однако закономерно, что вкус и опыт ученого, оставившего свою юношескую лирику в недрах личного архива, и, разумеется, время — все расставили на свои места.

Юбилейная программа Чтений была продолжена на втором заседании. В своем кратком экскурсе руководитель группы Н. А. Хохлова остановилась на истории передачи венгеровского архива из Института книговедения, охарактеризовала связь работ ученого с учрежденной по его проекту Российской книжной палатой и выделила основные направления его собирательской и биобиблиографической деятельности.

Первые два выступления имели целью описать коллекции, влившиеся в фонды музея и библиотеки Пушкинского Дома в конце 1932-го — начале 1933 года. В сообщении Л. Г. Агамалян (Санкт-Петербург) «Иконографическое собрание С. А. Венгерова в Литературном музее Пушкинского Дома» были приведены сведения о фактическом состоянии изобразительных материалов, исходя из особенностей задуманного грандиозного проекта, объединившего иконографические изображения литераторов и художественную иллюстрацию. Стремясь максимально полно учесть вселагаемые избранного предмета, Венгеров и сам в первом томе «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» (Пг., 1915) отмечал сложность каталогизации иконографии: профессиональную разнородность персон, составивших портретную галерею, а также размытость критериев создаваемой иконотеки, в основном представленной фотокопиями. Количество учетных единиц определялось приблизительно по коробкам и папкам, суммарно образовавшим 30–35 тысяч тематических групп. Большая часть из них была доставлена в Пушкинский Дом в декабре 1932 года и зарегистрирована в Книгах поступлений под общим номером КП-997, при этом указывалось лишь число «связок, коробок, папок и тому подобное». Разбор, систематизация и описание иконографической коллекции растянулось во времени. В инвентарные книги основного фонда заносились лишь предметы, имеющие музейное значение, т. е. обладающие несомненной историко-культурной или художественной ценностью. В итоге инвентарный номер получили только 4035 предметов, атрибуция части которых впоследствии была пересмотрена. Таким образом, многие из них остались за пределами главной инвентарной книги и позднее оказались причислены к разряду справочных источников, который в настоящее время образует научно-вспомогательный фонд. В июле 1933 года в музей поступила часть венгеровской коллекции, первоначально попавшая в собрание рукописных фондов Пушкинского Дома, тогда именовавшееся Архивом ИРЛИ. Предметы, зарегистрированные под общим номером КП-1033, суммарно составили 97 единиц хранения. По заключению Агамалян, сегодня в собрании

Литературного музея числится 4009 единиц хранения из собрания Венгерова. Все они распределены по фондам фотографии, оригинальной графики и гравюры.

Н. С. Беляев (Санкт-Петербург) в своем сообщении «К проблеме изучения собрания С. А. Венгерова в фонде Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы РАН» отметил, что Пушкинский Дом в конце 1932-го — начале 1933 года принял на хранение около 18 000 томов. Значительная часть этого массива состояла из книг русскоязычной художественной литературы, литературоведческих трудов и справочных изданий. На многих экземплярах сохранились дарственные надписи Венгерову как от известных писателей и ученых, так и от малозаметных деятелей литературного мира рубежа XIX–XX веков. В дальнейших перспективных планах сотрудников библиотечного фонда намечена подготовка Каталога, а затем и полного научного описания этой коллекции.

Многолетней работе группы библиографии по подготовке к изданию неопубликованной части известного биобиблиографического справочника Венгерова «Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки» в программе Чтений посвящались три доклада. Выступление Н. А. Хохловой (Санкт-Петербург) «„Предварительный список русских писателей и ученых“ С. А. Венгерова: проект, реализация, пути завершения» имело обобщающий, итоговый характер. Обозначив место «Предварительного списка...» среди библиографических трудов Венгерова, докладчица перешла к анализу главной особенности словаря — масштабу словника, отметив, что Венгеров фактически отказался от идеи отбора имен, включив все, поддающиеся библиографическому выявлению. Этот принцип, подчеркнула она, являлся выражением историко-литературной и общественной позиции, основанной на позитивистских взглядах. В русской биобиблиографической эвристике «Предварительный список...» до сих пор остается самым обширным справочником по числу зафиксированных имен, благодаря чему уже более 100 лет он сохраняет свое практическое значение и научную актуальность. Далее Хохлова раскрыла методологию составления словаря, охарактеризовала источниковую базу, рассказала об истории публикации и попытках завершения труда после смерти Венгерова. «Предварительный список...» был задуман в трех томах; первые два вышли в 1915–1918 годах. Последний остался неопубликованным, при том что его существенную часть (Павлов — Райгородский) ученый успел отредактировать: рукопись (черновая и беловая машинописи) и картотека «Предварительного списка...», доведенная до конца алфавита, хранятся в ИРЛИ. На основе этих источников путем верификации содержащихся в них фактологических данных, а также путем выявления недостающих сведений был подготовлен к печати первый выпуск третьего тома (Паас—Райгородский). Исследовательская и эдичионная

задачи заключались в том, чтобы при соблюдении норм архивной публикации предоставить релевантное современным потребностям справочное издание, содержащее достоверную, выверенную информацию. Докладчица рассказала о методике работы и ключевых редакторских решениях. В заключение она констатировала, что задача доведения «Предварительного списка...» до конца алфавита, по сравнению с ныне осуществленной, несопоставимо большого масштаба. Речь идет о введении в научный оборот алфавитного ряда от «Р» до «Я» на основе рабочей картотеки. По убеждению Хохловой, такая публикация может быть реализована исключительно в электронном виде.

Выступление Е. О. Кудиной (Санкт-Петербург) «Из опыта редакторской работы над „Предварительным списком русских писателей и ученых“ С. А. Венгерова» было сконцентрировано на специфических особенностях словаря, обусловленных преимущественно масштабом словника. На конкретных примерах докладчица проиллюстрировала редакторские решения, продиктованные такими объективными причинами, как повторяемость информации об одном и том же лице в разных справках, а также недостоверность или неточность собранных первоначально сведений. Принятая Венгеровым биографическая «программа» справки, состоящая из девяти пунктов, из-за недостатка данных оказалась не выполнена. Разрешение этой проблемы стало задачей участников проекта, которые занялись восполнением имеющихся лакун в биографических сведениях. Во многих случаях, отметила Кудина, удалось раскрыть полное имя, указать род занятий или сферу деятельности. Соответствующие биографические примечания сделаны более чем к 2000 справок. Поскольку словарь был доведен, как значится в его названии, «до наших дней», то характеристики некоторых включенных в него лиц отражали лишь начальный этап их деятельности. Поэтому решено было внести в имеющиеся справки позднейшие биографические данные, основанные на современных источниках. В результате хронологические рамки словаря оказались расширены до 1950–1970-х годов. Аудитории были предложены несколько примеров формирования целостных биографий, дополненных не только более полными, но и актуальными сведениями. Благодаря этой работе неоконченный проект Венгерова получил свое логическое завершение.

В заключительном докладе юбилейного заседания «„Предварительный список русских писателей и ученых“ С. А. Венгерова: от „писцовой книги русской словесности“ к универсальной базе знаний», прочитанном К. Н. Лемешевым (Санкт-Петербург), был представлен новый взгляд на феномен биобиблиографического труда ученого. Известно, что в 1918 году в письме, направленном в Главное управление

по архивным делам, обосновывая необходимость выделения средств на продолжение работы над «Предварительным списком...», Венгеров отмечал, что словарь отразит группировку всех упомянутых в нем лиц по специальностям и, таким образом, обеспечит «учет культурных сил сегодняшнего дня». Мысль эта, высказанная ученым еще в 1915 году в предисловии к первому тому «Предварительного списка...», а теперь призванная убедить новую власть оказать поддержку проекту, по замечанию Лемешева, вовсе не была наивной, как это может показаться по прошествии более века. В действительности работа по сбору информации о состоянии отечественной науки началась еще в 1916 году в созданной при Академии наук комиссии «Наука в России». Однако развернувшаяся под руководством академика С. Ф. Ольденбурга деятельность после Октябрьской революции столкнулась с множеством неразрешимых в условиях наступившей разрухи проблем. В обратной перспективе далеко не случайным видится извлеченный исследователем из документов СПбФ АРАН факт биографии Венгерова, подтверждающий, что именно составитель «Предварительного списка...» стал инициатором перевода комиссии «Наука в России» в структуру им же возглавляемой Российской книжной палаты. По мнению Лемешева, это обстоятельство обнаруживает продуманную стратегию ученого по реализации идеи, логически завершавшей архитектуру всех его проектов: не просто создание «универсального библиографического справочника», но, до известной степени, универсальной базы знаний по отечественным интеллектуальным ресурсам, регулярно обновлявшейся как в части биографических сведений, так и в части библиографической информации. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться: 14 сентября 1920 года Венгеров скончался; в июне 1921-го члены комиссии «Наука в России» на своем возвращении в лоно Академии наук.

Отразившаяся в изысканиях участников конференции преемственность историко-литературных методологий, известных по начинаниям таких столпов филологической науки XX века, как Венгеров, закономерным образом соседствовала с инструментарием последующих научных школ, доказывая необходимость поступательного развития научной мысли. В этом смысле венгеровский юбилей стал событием, объединившим основы фундаментальной науки и новые исследовательские тенденции.

Часть докладов, прозвучавших на Чтениях, сопровождалась демонстрацией фотокопий архивных и печатных материалов. Заседания транслировались в режиме онлайн, запись выложена на сайте ИРЛИ РАН.

© Е. Р. Обатнина

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-3-265-269

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «РУССКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КЛАССИКА В ХХІ ВЕКЕ: ТЕКСТОЛОГИЯ, КОММЕНТИРОВАНИЕ И ИЗДАНИЕ, В Т. Ч. ЦИФРОВОЕ»*

10–11 ноября 2025 года в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук прошла научная конференция с международным участием «Русская и европейская классика в ХХІ веке: текстология, комментирование и издание, в т. ч. цифровое». Эта конференция — часть осуществляемого ИМЛИ РАН проекта «Русская и европейская классика в ХХІ веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», который, обеспечивая доступ к научным комментированным изданиям классических текстов, способствует развитию цифровых гуманитарных исследований, интеграции в филологическую работу архивных материалов, текстологии и современных технологий для глубокого анализа литературного наследия. Первый одноименный круглый стол в рамках проекта состоялся в ИМЛИ РАН 21–22 ноября 2024 года.

С приветственным словом к участникам обратилась руководитель проекта Н. В. Корниенко (Москва), которая подчеркнула актуальность разработки цифровых изданий для сохранения и изучения русской и европейской классики. А. В. Протопопова (Москва) рассказала о ходе реализации проекта, обозначив ключевые достижения и перспективы.

Пленарное заседание открылось докладом Д. А. Скоринкина (Германия) «Как корпус в TEI / XML превратился в востребованную систему доставки научных данных: проект DraCor», в котором был представлен опыт создания цифровой платформы для драматических текстов, демонстрирующий переход от XML-корпуса к интерактивной системе с открытым доступом. В корпус входит более 4400 пьес на 19 языках.

Секция «Цифровое издание и комментарий: И. А. Бунин» началась докладом Е. Р. Пономарева (Москва, Санкт-Петербург) и Д. В. Зайцева (Москва) «Представление цифрового интерактивного комментария к очерку Бунина „Тень Птицы“ в существующей цифровой системе ИМЛИ: реализованные возможности и дальнейшие задачи», в котором были рассмотрены технические и методические аспекты интеграции комментария в цифровую среду. Исследователи продемонстрировали возможности разрабатываемой ИМЛИ цифровой системы.

С. Н. Морозов (Москва) в докладе «Специфика подготовки текста произведений И. А. Бу-

нина и написания комментария к ним для цифровой системы» подробно остановился на особенностях текстологической работы с бунинскими текстами. Исследователь изложил общие текстологические принципы экспонирования текста в условиях цифровой платформы, которые были реализованы бунинской группой при подготовке текстов. Традиционный подход к комментированию цифровых изданий может быть существенно дополнен за счет перекрестных ссылок, многоуровневой системы комментария, аудиовизуального сопровождения и возможности онлайн-обновления.

В докладе М. С. Щавлинского (Москва) «Возможности цифрового издания травелогов И. А. Бунина о Востоке: комментарий и текстология (на примере очерка «Зодиакальный свет»)» были проанализированы преимущества цифрового представления визуального и интерактивного комментария к восточным травелогам Бунина. Докладчик подчеркнул, что именно цифровой тип комментария позволяет показать «воздух» эпохи, снабдить справочный аппарат необходимым аудиовизуальным сопровождением и наглядно продемонстрировать маршруты реального и художественного путешествий писателя.

Е. Е. Дмитриева (Москва, Санкт-Петербург) и А. С. Шолохова (Москва) в докладе «Проблема введения черновых автографов текстов Н. В. Гоголя в цифровую систему» обсудили проблемы интеграции рукописных черновиков Гоголя в цифровую среду, включая вопросы аутентичности и представления вариантов.

Примеры использования интерактивных элементов для углубленного анализа бунинского текста были представлены Е. Р. Пономаревым (Москва, Санкт-Петербург) и М. С. Щавлинским (Москва) в докладе «Возможности цифрового интерактивного комментария к очерку Бунина „Тень птицы“». Исследователи подчеркнули, что ключевым преимуществом цифровой платформы стоит считать широкие возможности аудиовизуального комментария к академически подготовленным текстам, а также интерактивное представление текстологии.

А. В. Бакунцев и Я. И. Аров (Москва) в выступлении «Оцифрованный Бунин: критика и публицистика. Предварительные итоги и перспективы» обобщили результаты оцифровки текстов Бунина, в том числе анонимных, предложили внести в базу разрабатываемого ИМЛИ портала итог этой работы, а также указали на возможность использования (в экспериментальном формате) автономных систем по распознаванию текста (Scriptorium или Transkribus).

Роль баз данных в комментировании произведений А. Н. Толстого была рассмотрена

* Хроника подготовлена в рамках гранта Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в ХХІ веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 года).

Г. Н. Воронцовой (Москва) в докладе «Базы данных в системе цифровых комментированных изданий: на примере творчества А. Н. Толстого». Исследовательница предложила создать несколько баз данных: отсканированные первые публикации писателя в сборниках, журналах, альманахах, газетах и пр.; база данных адресатов; база данных дарственных надписей; база данных прототипов героев произведений — и подчеркнула их значение для связывания текстов с историческим контекстом. Наличие таких баз данных станет существенным подспорьем для создания научного комментария, а также самостоятельным цифровым источником, полезным для дальнейших исследований творчества Толстого.

М. В. Скороходов (Москва) в выступлении «Неизданные и незавершенные авторские сборники: возможности мультимедийного представления (на примере рукописного наследия С. А. Есенина)» рассказал о сотрудничестве поэта с издателями «Злак» и «Имажинисты» в 1910–1920-е годы и о нереализованных замыслах поэтических сборников («Телец», «Ржаные кони», «Рябиновый костер» и пр.). Основная идея доклада — продемонстрировать на примере книги «Ржаные кони», как неизданные сборники Есенина могут быть представлены в цифровой среде с учетом архивных материалов и сохранившейся верстки. Цифровая версия может стать исследовательской реконструкцией с необходимым текстологическим и реальным комментарием.

В докладе Н. И. Гусевой (Москва) «Поэтические циклы С. А. Есенина и их отражение в цифровой версии „Есенинской энциклопедии“» были рассмотрены циклы и стихотворения: «Москва кабацкая», «Персидские мотивы», «Над „Капиталом“», «Сестре Шуре», «Форма», «Любовь хулигана» и пр., — а также два незавершенных цикла «Зимний цикл» и «Стихи о которой». Исследовательница проанализировала художественный метод Есенина при формировании циклов, эволюцию его авторской воли, текстологическую правку, сохранившиеся архивные материалы (неизданные сборники, корректуру, правку и пр.) и важные биографические свидетельства. Это позволило реконструировать творческие замыслы целого ряда неопубликованных произведений. Докладчица обобщила достижения есениноведов последних лет и указала, что в рамках готовящейся цифровой версии «Есенинской энциклопедии» проблема циклов в его творчестве будет подвергнута ревизии и поставлена по-новому, а на цифровой платформе ИМЛИ произведения поэта будут представлены с точки зрения последней авторской воли.

Возможности цифрового экспонирования произведений Маяковского и Есенина были освещены Е. А. Тюриной (Москва). Исследовательница сосредоточилась на цифровом инструментарии, который позволяет учитывать и наглядно демонстрировать все варианты и редакцию художественных текстов. Она отметила, что цифровая платформа предлагает разно-

образные способы репрезентации текстов, многоуровневую систему комментария и неочевидные компаративистские интерпретации при сопоставлении разных текстов, представленных в корпусе цифровой платформы.

А. П. Зименков (Москва) в сообщении «Цифровые научные издания: новые возможности» обобщил преимущества цифровых изданий для расширения доступа к классике. Исследователь отметил актуальность цифровых изданий в современных реалиях, указал на широкий перечень существующих проектов, выполняющих схожие задачи, и подчеркнул ряд принципиальных особенностей, выгодно отличающих цифровые издания от классических печатных: доступность, интерактивность, читательская и исследовательская вариативность при работе с текстом, возможность «обновления», редактирования произведения и комментария при необходимости.

В этот же день, 10 ноября, параллельно работала секция «Проблемы комментирования античных текстов». Доклад Н. П. Гринцера (Москва) был посвящен интерпретации выражения «ἀμφιπλήξ μῆτρος τε καὶ τοῦ σοῦ πατρὸς <...> δεινότερος ἄρα» из трагедии «Царь Эдип» (ст. 417–418). Были приведены аргументы против изменения рукописного чтения ἄρα на ἀπό. Ученый предложил следующее объяснение: при сохранении рукописного чтения μῆτρος τε καὶ τοῦ σοῦ πατρὸς — это *genetivus subjectivus*, и выражение следует понимать в том смысле, что проклятье было действительно произнесено, и произнесено Эдипом, но от имени отца и матери, что и подчеркивается Тиресием.

Критический анализ традиционных подходов к изданию схолиев к комедиям Аристофана был представлен в докладе Е. Н. Бузурнюк (Москва). Исследовательница сформулировала принципы их изучения и комментирования для электронной публикации на примере схолиев к «Женщинам в народном собрании».

Влияние философско-этических идей Платона на творчество Оппиана осветила Т. Л. Александрова (Москва), проанализировав трактат «О сообразительности животных» и его отражение в поэме «О рыбной ловле». Акцент в ее сообщении был сделан не на конкретных примерах, а на общих установках, получающих дальнейшее развитие у Оппиана.

В докладе А. М. Маломуд (Москва) была проанализирована семантика глагола *βαρδάρτω* в «Theriaca» Никандра Колофонского и «Облаках» Аристофана (ст. 700–715). Это отчетливо маркированное эпическое слово, встречающееся еще у Гомера, после Никандра появляется в поэмах обоих Оппианов, и у Аристофана оно также создает ассоциацию с эпосом и высоким стилем.

Эволюцию догматических идей в византийской традиции рассмотрел А. В. Тамразов (Москва, Санкт-Петербург) в докладе «Базовая христологическая догматика Церкви Востока: от Феодора Мопсуестийского до Йоханнана бар Зоби». Было продемонстрировано, как весьма разрозненная христологическая догматика

Феодора Мопсуестийского со временем и в рамках Несторианской церкви (Церкви Востока) постепенно формализуется, уточняется в «Книге единения» Бабая Великого и обретает законченную стройную богословскую систему в «Ладной ткани» Йоханнана бар Зоби.

О. Н. Ноговицин (Москва, Санкт-Петербург) в сообщении «В начале Бог сотворил небо, а потом землю: к вопросу об оппонентах Иоанна Филопона в 4-й главе I книги „О сотворении мира“» проанализировал историко-богословский контекст IV–VI веков, риторические и грамматические конструкции трактата. Он выдвинул гипотезу о том, что анонимная полемика Филопона («Некоторые говорят, что...») направлена против учения Феодора Мопсуестийского и его последователей.

Богословские, полемические и логические аргументы Филопона в пользу шарообразности Земли проанализировал Т. А. Щукин (Москва, Санкт-Петербург). Данной теме посвящена большая часть III книги трактата «О сотворении мира» Иоанна Филопона. Исследователь констатировал, что апологетика птолемеевской картины мира стала проблематичной для христианской экзегезы только в IV веке, впервые в трудах Оригена, Василия Великого, Григория Нисского и пр. Возникшая богословская полемика и особенно резкая критика шарообразности Земли в трудах Феодора Мопсуестийского побудила Филопона предложить новую и систематическую аргументацию.

Д. А. Черноглазов (Москва, Санкт-Петербург) выступил с докладом «V книга трактата „О сотворении мира“ Иоанна Филопона: замечания об источниках». Исследователь обобщил опыт предшественников, пересказал основные интерпретационные модели произведения (с точки зрения антиохийской и экзегетической традиций), обратил внимание на проблемные для текстологии и комментария места, указал на полемический контекст трактата, а также предложил перечень источников, которые, вероятно, повлияли на сочинение Иоанна Филопона: трактат и комментарий Василия Великого, катены, комментарии Прокопия Газского к текстам Ветхого Завета, «О душе» и «История животных» Аристотеля и пр.

Сообщение А. О. Стариковой (Москва, Санкт-Петербург) называлось «Представление об Атлантическом океане и его название в трактате Иоанна Филопона „О сотворении мира“ (Philop. De orif. mund. 4, 5; 169 Reichardt)». Исследовательница проанализировала гидронимы, связанные с Атлантическим океаном в древнегреческой и латинской письменных традициях вплоть до трактатов Филопона. Она пришла к выводу, что *Ἀτλαντικός Ὠκεανός* как имя собственное по отношению к Атлантическому океану встречается впервые у Филопона.

Стеновые доклады А. В. Курбанова (Москва, Санкт-Петербург) «Реконструкция и визуализация метрических и музыкальных структур в цифровых изданиях византийских канонов» и Л. В. Спиридовой (Москва, Санкт-Петербург) «Проблемы и решения визуализации

сколий в цифровых изданиях» были высланы участникам конференции по почте.

Следующий день работы конференции открыла секция «История текста: А. П. Платонов». Первой в ней выступила Н. Ф. Паламарь (Москва) с докладом «Рукописи А. П. Платонова. Проблемы сохранения». В нем речь шла о корпусе рукописей Платонова, представляющем собой записи графитным карандашом на бумаге плохого качества (с содержанием лигнина), — со временем это вызывало необратимые химические реакции, которые привели к потере «информационного слоя». В связи с этим при их реставрации применялась новая методика, разработанная и описанная докладчицей.

Методы датировки произведений Платонова на основе архивных источников рассмотрела Н. И. Дужина (Москва). Практически все произведения Платонова не датированы, а некоторые имеют ложную датировку, в связи с чем необходимо пересмотреть датировки с учетом верной хронологии. Исследовательница описала выработанные научной группой алгоритмы датировки. Был отобран ряд документов, в которых зафиксированы сведения о работе над тем или иным произведением (личные дневники и записные книжки писателя, материалы творческих вечеров, писательские анкеты и пр.), на основании этих и других косвенных свидетельств была восстановлена правильная датировка. Отдельно была проанализирована датировка «Котлована» — май 1930 года.

Н. В. Корниенко (Москва) в докладе «Соавторы А. П. Платонова (на материале вводимых в цифровую систему текстов)» рассмотрела сотрудничество автора с Б. А. Пильняком в пьесе «Дураки на периферии» (1928) и рассказе «Че-Че-О» (1928), а также с Е. Ф. Усевичем, которая была соавтором неопубликованной книги об Островском (1938). Был учтен и «лжесоавтор» пьесы «Волшебное существо» (1944) Р. И. Фраерман. Основной акцент доклада был сделан на подготовленной первой редакции автографа рассказа «Че-Че-О»: был продемонстрирован объем продланной Платоновым и Пильняком работы.

В выступлении Е. А. Папковой (Москва) «Воспоминания об А. М. Горьком А. П. Платонова: история текста» была рассмотрена проблема выбора основного текста (по машинописям из РГАЛИ и ГИМ). Исследовательница подробно остановилась на проблеме датировки мемуаров (1937–1941), обратившись к биографическим материалам Платонова и в частности к его письму к В. Н. Лобанову от 15 мая 1941 года.

Текстологические аспекты военного очерка Платонова «Гибель немцев в Белоруссии» проанализировал Р. Е. Кlementьев (Москва). Его доклад был посвящен проблеме соавторства — автограф и машинопись очерка содержат подписи подполковника П. Милованова, военного корреспондента. Согласно мнению Кlementьева, это намеренная литературная мистификация Платонова, которая была нужна для

принятия очерка к публикации. Кроме того, в сообщении была описана текстологическая работа, выполненная при подготовке произведения к публикации на цифровой платформе.

Во второй половине дня работала секция «Архивные материалы: М. Горький. Эпистолярный». Р. А. Гоголев (Москва) в докладе «Опыт комплектования электронного архива семьи Богодуровых в контексте подготовки цифрового издания собрания сочинений М. Горького» представил подходы к формированию базы данных и результаты проделанной работы (на примере семейного архива Богодуровых), а также рассказал несколько примеров из своей архивной практики.

А. Г. Плотникова (Москва) выступила с докладом «Межархивный поиск как метод исследования: новые биографические данные об адресатах М. Горького», в котором обобщила результаты работы горьковской группы. За два года в новую систему было внесено более четырех тысяч писем Горького (10 томов) с комментариями. Докладчица рассказала о новых разысканиях, сделанных в региональных и не-профильных архивах для того, чтобы уточнить информацию о малоизвестных корреспондентах Горького (было выявлено почти 2000 персоналий).

В докладе Я. Д. Чечнева (Москва) «Горький и научное сообщество в раннесоветский период (по новым материалам ЦГА СПб)» на основе новых архивных документов была проанализирована деятельность Горького в комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) в Петрограде. Было выявлено более 180 деловых писем Горького, 11 мандатов, 1 доверенность, 1 охранный грамота. Исследователь установил ряд малоизвестных персоналий, а также продемонстрировал, как много усилий прикладывал Горький для улучшения жилищных условий петроградской интеллигенции.

С. Ж. Кенжебаева (Москва) выступила с докладом «Корреспондент Горького В. Ф. Плетнев — драматург, редактор, деятель пролеткульта (новые материалы)». На основе архивных источников (РГАЛИ, ГАРФ), творческого наследия, переписки, мемуарных и прочих биографических свидетельств современников докладчицей была реконструирована биография Плетнева и историко-литературные связи (в особенности взаимоотношения с Горьким). Результаты проделанной работы послужат материалом для статьи в горьковской энциклопедии.

Проблемы упорядочивания деловых писем Платонова рассмотрела в своем докладе М. В. Осипенко (Москва). Были освещены новые архивные находки деловой переписки Платонова (ГАВО), которые впервые введены докладчицей в научный оборот (более 500 писем). Отдельно было отмечено, что в рамках цифровой платформы проблема систематизации может быть решена разными способами, что позволит раскрыть корреспонденцию в нужном для исследователей ключе.

Эпистолярный Муравьева на основе архивных материалов ГАРФ проанализировал А. Д. Ивин-

ский (Москва). Он представил неопубликованные письма М. Н. Муравьева к отцу Н. А. Муравьеву и к своей жене Е. Ф. Муравьевой (1797) на русском и французском языках. Докладчик показал, как в письмах отразилась история чиновничьей карьеры Муравьева, семейных взаимоотношений, а также светские подробности салонной жизни.

Секция «Творческая история: Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский» была открыта докладом Н. В. Куца (Москва) «К творческой истории народного рассказа Л. Н. Толстого „Работник Емельян и пустой барабан“: замысел и его воплощение». Исследователем была подробно проанализирована история создания произведения (1886), сложности ее издания (зарубежные 1891 и 1899 годов и цензурные варианты в России 1892 и 1906 годов). Отдельное внимание было уделено авторской переработке изначального народного сюжета самарской сказки «Пустой барабан», нарративной схожести с сюжетом народной сказки «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», авторской правке в двух сохранившихся редакциях.

Рукописные варианты рассказа Толстого «Крестник» (1886) проанализировала Д. Л. Куликова (Москва). Она указала на фольклорные претексты рассказа: народные легенды из сборника А. Н. Афанасьева «Крестный отец», «Грех и покаяние», апокрифическая «Повесть о сыне крестном, како господь крестил младенца убогого человека» и народная сказка «Медведь и чурбан». На примере сохранившихся автографов было продемонстрировано, как Толстой изменял претексты и создавал свой собственный вариант фольклорного сюжета, выдержанный в рамках его личной философии «непротивления злу насилием».

Н. И. Городилова (Москва) в докладе «Из истории публикации биографического очерка „Греческий учитель Сократ“ в „Посреднике“: к проблеме датировки творческого замысла» рассказала о жизни и творчестве А. М. Калмыковой. Отдельное внимание было уделено сотрудничеству писательницы с издательством «Посредник» и совместной работе с Толстым над книгой «Греческий учитель Сократ» (1886), их взаимоотношениям и неопубликованной переписке.

Трансформацию народной легенды в толстовском рассказе «Зерно с куриное яйцо» рассмотрела Е. М. Геронимус (Москва). Она обратилась к трем сохранившимся автографам, содержащим разную степень авторской правки. Исследовательница показала, как Толстой, исходя из личных представлений об искусстве и из-за адресации произведения «народному» читателю, изменяет фольклорный оригинал.

Е. А. Андрущенко (Москва) в докладе «Гёте, Лонг и „вечные спутники“: о причинах изменения состава книги Д. С. Мережковского» проанализировала причины исключения статьи «Дафнис и Хлоя» из книги «Вечные спутники» Мережковского в 1914 году, связав это с чтением книги И. П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» и измене-

нием эстетических ориентиров Мережковского в 1913–1914 годах.

Во второй половине дня секция «Проблемы комментирования» продолжила работу. М. В. Козьменко (Москва) в докладе «Проблемы вербального и визуального комментария / иллюстрации к памфлету Леонида Андреева „Смерть Гулливера“» рассмотрел сложную аллюзивную игру в памфлете Андреева и подчеркнул, что в рамках цифрового издания произведений Андреева можно в многоуровневом комментарии продемонстрировать все визуальные источники памфлета.

А. С. Акимова (Москва) выступила с сообщением «„Персонажи в окружающей их обстановке“: образ Меншикова в цифровом издании романа А. Н. Толстого „Петр Первый“». Она проанализировала историю создания Толстым образа Меншикова, используя выписки из исторической литературы, портреты, рисунки, а также кадры из кинематографа. Это обилие источников можно удачно продемонстрировать в рамках комментария к цифровому изданию.

В докладе Е. А. Беликовой (Москва) «М. А. Волошин и А. Н. Толстой читают Анри де Ренье: к вопросу о литературных влияниях» было показано, как переводы Волошина из Анри де Ренье повлияли на создание рассказов Толстого «Соревнователь» и «Яшмовая тетрадь».

Границы комментирования в поэтических текстах (на примере творчества В. В. Маяковского) подробно рассмотрела В. Н. Терехина (Москва). Исследовательница сосредоточилась на широких возможностях визуального комментария к стихам Маяковского в рамках цифровых изданий. Было предложено включить газетно-журнальные вырезки, портреты, книжные картинки и прочие изображения, которые нередко становились отправной точкой для поэтического воображения Маяковского при создании стихов. Такой тип комментария позволит глубже продемонстрировать историю поэтических текстов и дать пользователям наглядный визуальный комментарий.

Д. В. Зайцев (Москва) в докладе «Рассказ И. А. Бунина „Над городом“: из материалов к комментарию» продемонстрировал творческую историю произведения, указал на имею-

щиеся расхождения в своде редакций и вариантов, предложил исследовательскую интерпретацию текстологических правок и обратил внимание на сложные места, к которым необходим комментарий. Несмотря на небольшой объем, текст имеет сложный автобиографический генезис, отразившийся на поэтике рассказа. Также докладчик указал на широкие возможности комментария к цифровому изданию текста.

Произведения Елпатьевского и Бунина сопоставил В. Ю. Свиридов (Москва) в сообщении «„Гектор“ С. Я. Елпатьевского и „Сны Чанга“ И. А. Бунина». Была проанализирована малоизвестная история взаимоотношений писателей в конце XIX — начале XX века. Исследователь сосредоточился на поиске «следов» влияния народнической поэтики Елпатьевского на творчество раннего Бунина. Были обнаружены неочевидные нарративные параллели и интертекстуальные связи.

В докладе М. М. Ожиговой (Москва) «М. Горький и психоанализ: новые ракурсы» был проанализирован интерес Горького к работам Н. Г. Котика о психоанализе и телепатии, а также показано влияние этих работ на трансформацию поэтики писателя.

Завершилась конференция общим обсуждением, в рамках которого были подведены промежуточные итоги проекта, продемонстрировавшие эффективность интеграции цифровых технологий в филологические исследования. Участники единодушно отметили, что цифровые научные издания открывают новые горизонты для изучения текстологии и комментирования классических произведений, обеспечивая не только сохранность культурного наследия, но и его доступность для широкой аудитории. Представленные доклады подтвердили преимущества таких платформ в решении задач аутентификации текстов, визуализации рукописных вариантов и создания многоуровневых комментариев, что способствует углублению понимания русской и европейской литературной традиции в контексте современности.

© Е. Н. Бузурнюк,
© М. С. Щавлинский

SUMMARIES

Мария Борисовна Плюханова

Университет Перуджи, Академия Амброзиана (*Италия*)

Maria Borisovna Plyukhanova

University of Perugia, Slavic Studies Section of the Ambrosian Academy (*Italy*)

ORCID: 0000-0003-1871-9147

plyukhanova@gmail.com

К СПОРАМ О ЛИТЕРАТУРНОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

TOWARDS THE DEBATE OVER THE LITERARINESS OF OLD RUSSIAN LITERATURE

В статье рассматривается ряд критических выступлений против идеи древнерусской литературы и против ее канона. Критики настаивают на неприменимости к словесным памятникам Древней Руси критериев литературности, указывая на отсутствие в восточнославянской древности культурного контекста, необходимого для нормального литературного развития, прежде всего — неосвоенности античного наследия. Адекватным считается изучение памятников книжности внутри системы книжных жанров, с учетом их практического применения в соответствующую им эпоху. В статье высказывается суждение, что особое сочетание богатств и недостатков, лакун в культуре восточных славян способствовало возникновению произведений потенциально литературных и готовило почву для будущей русской литературоцентричности. Предлагается различать текст-список как продукт книжности, в его физическом измерении (графосфера), и текст-произведение, включенный в систему традиций и языков нематериальной культуры (семиосфера). Выделяется как продуктивный структурный анализ произведений в рамках исторической поэтики, с осторожным применением данных исторических исследований книжности.

Ключевые слова: Древнерусская литература, восточнославянская книжная культура, текст в динамическом развитии, историческая поэтика, графосфера, семиосфера.

The article examines a number of critical arguments against the concept of Old Russian literature and its canon. These critiques insist on the inapplicability of literary criteria to the verbal monuments of Old Rus', pointing to the lack, in early East Slavic culture, of the cultural context necessary for the normal development of literature, and above all, the lack of assimilation of the classical (Antique) heritage. They argue that a more adequate approach is to study written monuments within the system of literary genres, taking into account their practical functions in the respective historical context. The article advances the view that the specific combination of cultural richness and deficiencies, as well as the gaps in East Slavic culture, contributed to the emergence of works that contained potential literariness and prepared the ground for the later literocentricity of Russian culture. A distinction is proposed between the text-as-copy (*spisok*) as a product of book culture in its physical dimension (the graphosphere) and the text-as-artwork, embedded in the system of traditions and languages of non-material culture (the semiosphere). Structural analysis of works within the framework of historical poetics is highlighted as a productive method, while a cautious use of data from historical studies of book culture is advocated.

Key words: Old Russian literature, East Slavic book culture, text in its dynamic development, historical poetics, graphosphere, semiosphere.

Список литературы

1. Буланин Д. М. Фрэнсис Томсон и его «ключ» к древней славянской переводной литературе // *Slověne*. 2022. Т. 11. № 1.

2. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем протопопа Аввакума // Виноградов В. В. Избр. труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. М., 1984.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 23.
5. Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002.
6. Живов В. М. История языка русской письменности. М., 2017. Т. 1–2.
7. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
8. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: Рукописные книги / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014.
9. Кайперт Г. Церковнославянский язык: круг понятий // Slověne. 2017. Т. 6. № 1.
10. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. М., 2020.
11. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. М.; Л., 1969.
12. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: [В 11 т.]. М.; Л., 1952. Т. 6, 7.
13. Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — 1-й трети XV в. М., 2009.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
15. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1.
16. Лотман Ю. М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 17 (Учен. зап. Тартуского ун-та; вып. 641).
17. Мальшев В. И. История первого издания Жития протопопа Аввакума // Русская литература. 1962. № 2.
18. Мандельштам О. О природе слова // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2.
19. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII вв.: Исследования, тексты, переводы / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992.
20. Пустозерская проза: Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Дьякон Федор. М., 1989.
21. Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
22. Тарасов О. Ю. Модерн и древние иконы: От святыни к шедевру. М., 2016.
23. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.
24. Турилов А. А. Иларион // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22.
25. Успенский Б. А. М. В. Ломоносов о соотношении церковнославянского, древнерусского и «древнего славянского» языков // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1997. Т. 3. Общее и славянское языкознание.
26. Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: Около 950–1300 гг. СПб., 2010.
27. Франклин С. Русская графосфера, 1450–1850. СПб., 2020.
28. Шевеленко И. Модернизм как архаизм: Национализм и поиски модернистской эстетики в России. М., 2017.
29. Шишкин А. Б. Велимир Хлебников на «Башне» Вяч. Иванова // Новое литературное обозрение. 1996. № 17.
30. Шишкин А. Б. Из неопубликованных поэтических трудов В. К. Тредиаковского (стихотворная «Псалтирь») // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1984. Л., 1986.
31. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Якобсон Р. О. Избр. работы. М., 1985.
32. Demin A. S. Verfahrensgrundsätze einer Fundamentalgeschichte der altrussischen Literatur // Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten deutschsowjetischen literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22. — 28. 6. 1981 / Hrsg. R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden, 1988.
33. Franklin S. The Russian Graphosphere, 1450–1850. Cambridge, 2019.
34. Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002.
35. Lotman Yuri M. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture / Transl. by Ann Shukman, introduction by Umberto Eco. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990.
36. Lotman Yuri M. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. London; New York: I. B. Tauris, 1990.
37. Marti R. Dal manoscritto alla letteratura: per una testologia del patrimonio scritto slavo, § 1.3: La «letteratura» nella Slavia ortodossa // Lo spazio letterario del Medioevo. 3. Le culture circostanti. Vol. 3. Le culture slave / A cura di M. Capaldo. Roma, 2006.
38. Naumow A. E. Se e come esiste la letteratura slavo-ecclesiastica // Studi Slavistici. 2011. Vol. 8.

39. Picchio R. *La Prefazione sull'utilità dei libri ecclesiastici* di M. V. Lomonosov come manifesto del patriottismo confessionale russo // Picchio R. *Letteratura della Slavia ortodossa*. Bari, 1991.
40. Rothe H. *Was ist «altrussische Literatur»? Wiesbaden, 2000.*
41. Seemann K.-D. *Voraussetzungen für eine wissenschaftliche Geschichtsschreibung der altrussischen Literatur* // *Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten deutsch-sowjetischen literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22.–28.6.1981* / Hrsg. R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden, 1988.
42. *Storia della civiltà letteraria russa* / A cura di M. Colucci, R. Picchio. Torino, 1997. Vol. 1.
43. Tschizewskij D. *Russische Geistesgeschichte*. Hamburg, 1959. Bd. 1. *Das heilige Rußland*. 10. bis 17. Jahrhundert; 1961. Bd. 2. *Zwischen Ost und West*. 18. bis 20. Jahrhundert.

References

1. Bulanin D. M. *Frensis Tomson i ego «kliuch» k drevnei slavianskoi perevodnoi literature* // *Slověne*. 2022. T. 11. № 1.
2. Demin A. S. *Verfahrensgrundsätze einer Fundamentalgeschichte der altrussischen Literatur* // *Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten deutsch-sowjetischen literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22. — 28. 6. 1981* / Hrsg. R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden, 1988.
3. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.*: V 30 t. L., 1981. T. 23.
4. Franklin S. *Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi: Okolo 950–1300 gg.* SPb., 2010.
5. Franklin S. *Russkaia grafosfera, 1450–1850*. SPb., 2020.
6. Franklin S. *The Russian Graphosphere, 1450–1850*. Cambridge, 2019.
7. Franklin S. *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*. Cambridge, 2002.
8. Gumbol'dt V. fon. *O razlichii stroeniia chelovecheskikh iazykov i ego vliianii na dukhovnoe razvitiie chelovechestva* // Gumbol'dt V. fon. *Izbr. trudy po iazykoznaniiu*. M., 1984.
9. Iakobson R. O. *Lingvistika i poetika* // Iakobson R. O. *Izbr. raboty*. M., 1985.
10. Kaipert G. *Tserkovnoslavianskii iazyk: krug poniatii* // *Slověne*. 2017. T. 6. № 1.
11. *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.: Rukopisnye knigi* / Otv. red. D. M. Bulanin. SPb., 2014.
12. Kurtsius E. R. *Evropeiskaia literatura i latinskoe Srednevekov'e: V 2 t.* M., 2020.
13. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury*. 2-e izd. M.; L., 1969.
14. Lomonosov M. V. *Poln. sobr. soch.*: [V 11 t.]. M.; L., 1952. T. 6, 7.
15. Loseva O. V. *Zhitia russkikh sviatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII — 1-i treti XV v. M.*, 2009.
16. Lotman Iu. M. *O semiosfere* // *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, 1984. Vyp. 17 (Uchen. zap. Tartuskogo un-ta; vyp. 641).
17. Lotman Iu. M. *O sodержanii i strukture poniatii «khudozhestvennaia literatura»* // Lotman Iu. M. *Izbr. stat'i: V 3 t.* Tallin, 1992. T. 1.
18. Lotman Iu. M. *Vnutri mysliazhchikh mirov: Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia*. M., 1996.
19. Lotman Yuri M. *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture* / Transl. by Ann Shukman, introduction by Umberto Eco. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990.
20. Lotman Yuri M. *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London; New York: I. B. Tauris, 1990.
21. Malyshev V. I. *Istoriia pervogo izdaniia Zhitia protopopa Avvakuma* // *Russkaia literatura*. 1962. № 2.
22. Mandel'shtam O. *O prirode slova* // Mandel'shtam O. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t.* M., 2010. T. 2.
23. Marti R. *Dal manoscritto alla letteratura: per una testologia del patrimonio scritto slavo, § 1.3: La «letteratura» nella Slavia ortodossa* // *Lo spazio letterario del Medioevo*. 3. *Le culture circostanti*. Vol. 3. *Le culture slave* / A cura di M. Capaldo. Roma, 2006.
24. Naumow A. E. *Se e come esiste la letteratura slavo-ecclesiastica* // *Studi Slavistici*. 2011. Vol. 8.
25. Picchio R. *La Prefazione sull'utilità dei libri ecclesiastici* di M. V. Lomonosov come manifesto del patriottismo confessionale russo // Picchio R. *Letteratura della Slavia ortodossa*. Bari, 1991.
26. Ponyrko N. V. *Epistoliarное nasledie Drevnei Rusi, XI–XIII vv.: Issledovaniia, teksty, perevody* / Otv. red. D. S. Likhachev. SPb., 1992.
27. *Pustozerskaia proza: Protopop Avvakum. Inok Epifanii. Pop Lazar'. D'iakon Fedor*. M., 1989.

28. Rothe H. Was ist «alt-russische Literatur»? Wiesbaden, 2000.
29. Seemann K.-D. Voraussetzungen für eine wissenschaftliche Geschichtsschreibung der alt-russischen Literatur // Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten deutsch-sowjetischen literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22.–28.6.1981 / Hrsg. R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden, 1988.
30. Shevelenko I. Modernizm kak arkhaizm: Natsionalizm i poiski modernistskoi estetiki v Rossii. M., 2017.
31. Shishkin A. B. Iz neopublikovannykh poeticheskikh trudov V. K. Trediakovskogo (stikhotvornaia «Psaltir'») // Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1984. L., 1986.
32. Shishkin A. B. Velimir Khlebnikov na «Bashne» Viach. Ivanova // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. № 17.
33. Storia della civiltà letteraria russa / A cura di M. Colucci, R. Picchio. Torino, 1997. Vol. 1.
34. Svodnyi katalog slaviano-russkikh knig, khraniashchikhsia v SSSR. XI–XIII vv. M., 1984.
35. Tarasov O. Iu. Modern i drevnie ikony: Ot sviatyni k shedevru. M., 2016.
36. Trubetskoi N. S. Istoriia. Kul'tura. Iazyk. M., 1995.
37. Tschizewskij D. Russische Geistesgeschichte. Hamburg, 1959. Bd. 1. Das heilige Rußland. 10. bis 17. Jahrhundert; 1961. Bd. 2. Zwischen Ost und West. 18. bis 20. Jahrhundert.
38. Turilov A. A. Ilarion // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2009. T. 22.
39. Uspenskii B. A. M. V. Lomonosov o sootnoshenii tserkovnoslavianskogo, drevnerusskogo i «drevnego slavianskogo» iazykov // Uspenskii B. A. Izbr. trudy. M., 1997. T. 3. Obshchee i slavianskoe iazykoznanie.
40. Vinogradov V. V. O zadachakh stilistiki. Nabludenii nad stilem protopopa Avvakuma // Vinogradov V. V. Izbr. trudy. O iazyke khudozhestvennoi prozy. M., 1980.
41. Zhivov V. M. Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M., 1996.
42. Zhivov V. M. Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti. M., 2017. T. 1–2.
43. Zhivov V. M. Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury. M., 2002.

Мария Наумовна Виrolainen

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Mariia Naumovna Virolainen

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0892-5556

virolainen@mail.ru

АНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА ПЕРВЫХ ЛЕТ ПОСЛЕ ССЫЛКИ (1826–1828)

A. S. PUSHKIN'S ANTHOLOGICAL LYRICS FROM THE FIRST POST-EXILE YEARS (1826–1828)

Статья посвящена антологическим стихотворениям Пушкина, написанным в первые годы после ссылки, как правило, с ориентацией на А. Шенье. Особое внимание уделено тем текстам, которые имеют репутацию внежанровых произведений либо неточные, по мнению автора статьи, жанровые определения («Воспоминание», «Портрет», «Наперсник», «Ты и вы», «To Dawe, Esq'», «Город пышный, город бедный...», «В степи мирской, печальной и безбрежной...», «Соловей и роза», «Поэт» и др.).

Ключевые слова: А. С. Пушкин, А. Шенье, антологическая лирика, древнегреческая эпиграмма, фрагмент.

This article explores Pushkin's anthological poems, written in the first years after his exile, most of them as a tribute to A. Chénier. It focuses on the texts that have a reputation of genre neutrality or, in the author's opinion, lack a proper genre definition («*Vospominanie*», «*Portret*»,

«Napersnik», «Ty i vy», «To Dawe, Esqr», «Gorod pyshnyj, gorod bednyj...», «V stepi mirskoj, pechal'noj i bezbrezhnoj...», «Solovej i roza», «Poet», etc.).

Key words: A. S. Pushkin, A. Chénier, anthological lyrics, ancient Greek epigram, fragment.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974.
2. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994.
3. Гречаная Е. П. Андрей Шенье — поэт // Шенье А. Сочинения. 1819. М., 1995 (сер. «Литературные памятники»).
4. Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001 (сер. «Материалы и исследования по истории русской культуры»; вып. 7).
5. Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики: Исследования и материалы. Межвузовский сб. Петрозаводск, 1990. Т. 1.
6. Пильщиков И. А. Лирика (Ода и кантата, элегия, эпиграмма, сатира, эпистола и героиды) // Европейский классицизм: Энциклопедический путеводитель. М., 2024.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.,] 1937–1949. Т. 3, 5, 11.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 2.
9. Пушкин в прижизненной критике: 1834–1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2008.
10. Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9.
11. Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. М., 1959.
12. Сурат И. З. Заметки о рисунках Пушкина // Сурат И. З. Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах. М., 2009.
13. Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.
14. Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2.
15. Чернышевский Н. Г. Сочинения А. С. Пушкина <...>. Издание П. В. Анненкова. СПб., 1855 // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 2.
16. Чичерин А. О стиле пушкинской лирики // В мире Пушкина: Сб. статей. М., 1974.

References

1. Chernyshevskii N. G. Sochineniia A. S. Pushkina <...>. Izdanie P. V. Annenkova. SPb., 1855 // Chernyshevskii N. G. Poln. sobr. soch.: V 15 t. M., 1949. T. 2.
2. Chicherin A. O stile pushkinskoi liriki // V mire Pushkina: Sb. statei. M., 1974.
3. Ginzburg L. Ia. O lirike. 2-e izd., dop. L., 1974.
4. Grechanaia E. P. Andrei Shen'e — poet // Shen'e A. Sochineniia. 1819. M., 1995 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
5. Grekhnev V. A. Mir pushkinskoi liriki. Nizhnii Novgorod, 1994.
6. Mal'chukova T. G. «Podrazhaniia drevnim», «Epigrammy vo vkuse drevnikh» i «Anfologicheskie epigrammy» v lirike A. S. Pushkina // Problemy istoricheskoi poetiki: Issledovaniia i materialy. Mezhevuzovskii sb. Petrozavodsk, 1990. T. 1.
7. Mazur N. N. Pushkin i «moskovskie iunoshi»: Vokrug problemy geniiia // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia. M., 2001 (ser. «Materialy i issledovaniia po istorii russkoi kul'tury»; vyp. 7).
8. Pil'shchikov I. A. Lirika (Oda i kantata, elegiia, epigramma, satira, epistola i geroida) // Evropeiskii klassitsizm: Entsiklopedicheskii putevoditel'. M., 2024.
9. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. [M.; L.,] 1937–1949. T. 3, 5, 11.
10. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. T. 2. Kn. 2.
11. Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1834–1837 / Pod obsch. red. E. O. Larionovoi. SPb., 2008.
12. Sandomirskaiia V. B. «Otryvok» v poezii Pushkina dvadtsatykh godov // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1979. T. 9.
13. Stepanov N. L. Lirika Pushkina. M., 1959.
14. Surat I. Z. Zametki o risunkakh Pushkina // Surat I. Z. Vcherashnee solntse: O Pushkine i pushkinistakh. M., 2009.
15. Tomashevskii B. V. Pisatel' i kniga: Ocherk tekstologii. 2-e izd. M., 1959.
16. Tomashevskii B. V. Strofika Pushkina // Pushkin: Issledovaniia i materialy. M.; L., 1958. T. 2.

Андрей Михайлович Ранчин

профессор Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Andrey Mikhailovich Ranchin

Professor, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-0414-5106

aranchin@mail.ru

К ВОПРОСУ О МОТИВНОЙ СТРУКТУРЕ**«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»****CONSIDERING MOTIF STRUCTURE
OF THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN**

В статье рассматривается мотивно-образная структура «Слова о полку Игореве». В «Слове» отчетливо прослеживаются, если не превалируют, бинарные оппозиции, в которых один из членов, обычно реализующий негативный мотив, представлен двумя элементами (иногда двумя парами элементов), а член, воплощающий позитивный мотив, — одним. Если оппозиции с одиночными или парными контрастными образами хорошо описываются как пример зеркальной сюжетно-композиционной симметрии, во многом определяющей построение «Слова», и не столь оригинальны, то оппозиции, построенные по модели $2 \leftrightarrow 1$, глубоко нетривиальны. В «Слове» позитивно окрашенные образы в числовом выражении являются единицами, обозначающими цельность, нераздельность. Показательно, что во фрагменте, описывающем возвращение Игоря на Русь, новгород-северский князь оказывается единственным героем «Слова»: автор не излагает, как мы могли бы ожидать, ни его свидания с женой, ни его встречи с братом, ни приема беглеца Святославом Киевским. В развязке главный герой предстает словно вступающим на киевский престол; Игорь как будто замещает киевского князя Святослава Всеволодовича. В плане содержания в концовке основной части и в заключении «Слова» Игорь представлен победителем. В плане выражения этому торжеству соответствует «единодержавие» героя, становящегося в развязке единственным героем древнерусской «повести». Эти особенности мотивно-образной структуры произведения свидетельствуют о его отличии от героического эпоса и исключают возможность фольклорного происхождения памятника.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», мотивно-образная структура, бинарные оппозиции, композиция, жанр.

The article explores the motif and imagery structure of *The Tale of Igor's Campaign*. The motif and imagery structure of *The Tale* is informed, if not dominated, by binary oppositions, where one unit, typically embodying a negative motif, is represented by two elements (sometimes two elements in pairs), while the unit containing the positive motif is represented by one. While oppositions with single or paired contrasting images look inherent as samples of mirror-image plot and composition symmetry, that largely determines the structure of *The Tale*, and are not particularly outstanding, oppositions constructed according to the $2 \leftrightarrow 1$ model are deeply unusual. In *The Tale*, the positively charged images, in numerical expression, represent motifs denoting wholeness and indivisibility. Thus, in the fragment describing Igor's return to Rus', the Prince of Novgorod-Seversk is presented as the sole hero of *The Tale*: defying our expectations, the author describes neither his meeting with his wife, nor his encounter with his brother, nor the reception of the fugitive by Svyatoslav of Kyiv. In the denouement, the protagonist seems to be ascending the Kievian throne; Igor seems to act as the substitute of the Kievian Prince Svyatoslav Vsevolodovich. In terms of the content, Igor is presented as victorious in the finale of the main part and in the conclusions of *The Tale*. In terms of the expression, this triumph is rendered through the «monocracy» of the character, who, in the denouement, becomes the sole hero of the Old Russian «tale». These features of the work's motif and imagery structure distinguish it from heroic epic poetry and exclude the possibility of its folkloric origins.

Key words: *The Tale of Igor's Campaign*, motif and imagery structure, binary oppositions, composition, genre.

Список литературы

1. Бахтин М. М. «Слово о полку Игореве» в истории эпопеи // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х гг. / Ред. тома С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготилишвили.
2. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975.
3. Боева Л. О жанре «Слова о полку Игореве» // Старобългарска литература. София, 1987. Кн. 20.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994.
5. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984 (Wiener Slawistischer Almanach. Sb. 12).
6. Гаспаров М. Л. Анализ литературного текста // Гаспаров М. Л. Собр. соч.: В 6 т. М., 2023. Т. 6. Наука и просветительство / Сост. К. М. Поливанов, А. Б. Устинов.
7. Гоготилишвили А. А. Старофранцузский героический эпос и «Слово о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Вып. 10.
8. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья: Очерки. М., 2001.
9. Девянин Ф. Н. Два подхода к семантической разметке «Слова о полку Игореве» // Литературоведческий журнал. 2025. № 3 (69).
10. Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб., 1997.
11. Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб., 1997.
12. Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1953. Т. 9.
13. Дынник В. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» // Старинная русская повесть: статьи и исследования / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941.
14. Клейн И. Доне и Стикс (пограничная река между светом и тьмой в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции): Сб. науч. статей. М., 1976.
15. Лихачев Д. С. Жанр «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2.
16. Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4.
17. Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1984. № 3.
18. Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950.
19. Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.
20. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.
21. Ранчин А. М. «Слово о полку Игореве»: Путеводитель. СПб., 2019.
22. Ржиг В. Композиция Слова о полку Игореве // Slavia. Praha, 1925. Roč. 4. Seš. 1.
23. Робинсон А. Н. «Слово о полку Игореве» и героический эпос средневековья // Вестник АН СССР. 1976. № 4.
24. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980.
25. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М., 2004.
26. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1984. Вып. 6. Т–Я и дополнения.
27. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»).
28. Соколова Л. В. Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны // Текст и традиция: Альманах. СПб., 2020. [Вып.] 8.
29. Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55.
30. Соколова Л. В. Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48.
31. Филипповский Г. Ю. Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве». 2-е изд., испр. и доп. Ярославль, 2014.
32. Филипповский Г. Ю. Современные проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2.
33. Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14.

References

1. *Bakhtin M. M.* «Slovo o polku Igoreve» v istorii epopei // Bakhtin M. M. *Sobr. soch.*: V 7 t. M., 1997. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh gg. / Red. toma S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili.
2. *Bakhtin M. M.* Problema soderzhaniia, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve // Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let.* M., 1975.
3. *Boeva L.* O zhanre «Slova o polku Igoreve» // *Starob"lgarska literatura.* Sofia, 1987. Kn. 20.
4. *Demkova N. S.* Povtory v «Slove o polku Igoreve» // Demkova N. S. *Srednevekovaia russkaia literatura. Poetika, interpretatsii, istochniki: Sb. statei.* SPb., 1997.
5. *Demkova N. S.* Problemy izucheniia «Slova o polku Igoreve» // Demkova N. S. *Srednevekovaia russkaia literatura. Poetika, interpretatsii, istochniki: Sb. statei.* SPb., 1997.
6. *Dmitriev L. A.* Glagol «kaiaiti» v «Slove o polku Igoreve» // *TODRL. L.*, 1953. T. 9.
7. *Dviniatin F. N.* Dva podkhoda k semanticheskoi razmetke «Slova o polku Igoreve» // *Literaturovedcheskii zhurnal.* 2025. № 3 (69).
8. *Dynnik V.* «Slovo o polku Igoreve» i «Pesn' o Rolande» // *Starinnaia russkaia povest': stat'i i issledovaniia* / Pod red. N. K. Gudziia. M.; L., 1941.
9. *Filippovskii G. Iu.* Sovremennye problemy izucheniia «Slova o polku Igoreve» // *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik.* 2015. № 2.
10. *Filippovskii G. Iu.* *Srednevekovaia identichnost' «Slova o polku Igoreve».* 2-e izd., ispr. i dop. Iaroslavl', 2014.
11. *Gasparov B. M.* *Literaturnye leitmotivy: Ocherki russkoi literatury XX veka.* M., 1994.
12. *Gasparov B. M.* *Poetika «Slova o polku Igoreve».* Wien, 1984 (*Wiener Slawistischer Almanach.* Sb. 12).
13. *Gasparov M. L.* *Analiz literaturnogo teksta* // Gasparov M. L. *Sobr. soch.*: V 6 t. M., 2023. T. 6. *Nauka i prosvetitel'stvo* / Sost. K. M. Polivanov, A. B. Ustinov.
14. *Gogeshvili A. A.* *Starofrantsuzskii geroicheskii epos i «Slovo o polku Igoreve»* // *Germenev-tika drevnerusskoi literatury.* M., 2000. Vyp. 10.
15. *Gorskii A. A.* «Vsego esi ispolnena zemlia Russkaia...»: Lichnosti i mental'nost' russkogo Srednevekov'ia: Ocherki. M., 2001.
16. *Iakobson R. O.* *Izuchenie «Slova o polku Igoreve» v Soedinennykh Shtatakh Ameriki* // *TODRL. L.*, 1958. T. 14.
17. *Klein I.* *Donets i Stiks (pogranichnaia reka mezhdru svetom i t'moiu v «Slove o polku Igoreve»)* // *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii): Sb. nauch. statei.* M., 1976.
18. *Likhachev D. S.* *Istoricheskii i politicheskii krugozor avtora «Slova o polku Igoreve»* // «Slovo o polku Igoreve»: Sb. issledovaniia i statei. M.; L., 1950.
19. *Likhachev D. S.* *Poetika povtoriaemosti v «Slove o polku Igoreve»* // *Russkaia literatura.* 1983. № 4.
20. *Likhachev D. S.* *Predpolozhenie o dialogicheskom stroenii «Slova o polku Igoreve»* // *Russkaia literatura.* 1984. № 3.
21. *Likhachev D. S.* *Zhanr «Slova»* // *Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»*: V 5 t. SPb., 1995. T. 2.
22. *Nikolaeva T. M.* «Slovo o polku Igoreve». *Poetika i lingvistika teksta; «Slovo o polku Igoreve» i pushkinskie teksty.* M., 1997.
23. *Propp V. Ia.* *Morfologiiia skazki.* 2-e izd. M., 1969.
24. *Ranchin A. M.* «Slovo o polku Igoreve»: *Putevoditel'.* SPb., 2019.
25. *Robinson A. N.* «Slovo o polku Igoreve» i geroicheskii epos srednevekov'ia // *Vestnik AN SSSR.* 1976. № 4.
26. *Robinson A. N.* *Literatura Drevnei Rusi v literaturnom protsesse srednevekov'ia XI–XIII vv.: Ocherki literaturno-istoricheskoi tipologii.* M., 1980.
27. *Rzhiga V.* *Kompozitsiia Slova o polku Igoreve* // *Slavia. Praha,* 1925. Roč. 4. Seš. 1.
28. *Silant'ev I. V.* *Poetika motiva.* M., 2004.
29. *Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve»* / Sost. V. L. Vinogradova. M.; L., 1984. Vyp. 6. T.–Ia i dopolneniia.
30. *Slovo o polku Igoreve* / Pod red. V. P. Adrianovoi-Peretts. M.; L., 1950 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
31. *Sokolova L. V.* *Fol'klornye traditsii i ikh interpretatsiia v Plache Iaroslavny* // *Tekst i traditsiia: Al'manakh.* SPb., 2020. [Vyp.] 8.
32. *Sokolova L. V.* *Kompozitsiia «Slova o polku Igoreve»* // *TODRL. SPb.*, 2004. T. 55.
33. *Sokolova L. V.* *Motiv zhivoi i mertvoi vody v «Slove o polku Igoreve»* // *TODRL. SPb.*, 1993. T. 48.

Татьяна Георгиевна Попова

ведущий научный сотрудник
Балтийского федерального университета им. И. Канта

Tatiana Georgievna Popova

Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University

ORCID: 0000-0002-8431-2962

lestvic@mail.ru

ЖИТИЕ ПРЕП. ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА В РЕДАКЦИИ ГЕРМАНА ТУЛУПОВА

THE VITA OF ST. JOHN CLIMACUS REVISED BY GERMAN TULUPOV

В статье анализируется текст Жития преп. Иоанна Лествичника по рукописи мартовской Четвей миней, созданной в 1630 году иноком Троице-Сергиева монастыря Германом Тулуповым. В текст Германа включены ранее не известные Минейной редакции топосы (14 фрагментов), известные этой редакции топосы сопровождаются толкованиями (7 фрагментов), в текст редакции внесены ранее не известные ей топосы и их толкования (5 фрагментов). Выявлены четыре источника редакции Германа, представляющие разные литературные традиции.

Ключевые слова: древнерусская литература, экзегеза, Миней четы, Герман Тулупов, преп. Иоанн Лествичник.

The article analyzes the text of the Vita of St. John Climacus based on the manuscript produced in 1630 by German Tulupov, a monk of the Trinity-Sergius Monastery. German's text includes previously unknown topoi of the Menaion version (14 fragments), the topoi from this version are accompanied by interpretations (7 fragments), and previously unknown topoi and their interpretations are introduced into the text of the revision (5 fragments). Four sources of German's revisions have been identified, they represent different literary traditions.

Key words: Old Russian literature, exegesis, Menaion, German Tulupov, St. John Climacus.

Список литературы

1. Алексеев В. Н., Турилов А. А. Герман // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11.
2. Дорофеева Л. Г. Житие прп. Иоанна Лествичника в русских печатных изданиях XVII–XIX веков // Губарева О. В., Дорофеева Л. Г., Попова Т. Г. Лествица в слове и образе. Иконография и агиография «Лествицы» Иоанна Синайского. Калининград, 2024.
3. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четвх Миней святого Димитрия Ростовского. Книга седьмая. Март. М., 2010.
4. Кенанов Д. Безпристрастието — път към светостта (търновският превод на второ слово от преп. Иоан Лествичник) // Търновска книжовна школа. Търново и идеята за християнския универсализъм. XII–XV век. София, 2011.
5. Кенанов Д., Гавазова Н. Небето на безмълвието. Книгата «Лествица» от св. Йоан Синайски и нейният старобългарски превод. Велико Търново, 2013.
6. Кулева Н. А. Сказание о втором обретении главы Иоанна Предтечи в истории церковно-славянской книжности // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2023. Вып. 74.
7. Пигин А. В. Житие Александра Ошевенского в редакции Тулуповской миней // ТОДРЛ. СПб., 2021. Т. 68.
8. Пигин А. В. Сочинения о св. Александре Ошевенском в рукописях из монастырей, церквей и личных библиотек Каргополья // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2019. № 2 (179).
9. Пигин А. В., Юхименко Е. М. Преподобный Александр Ошевенский: Житие, похвальные слова, молитвы: Исследование и тексты. СПб., 2023.
10. Попова Т. Г. Житие прп. Иоанна Лествичника в византийской и славяно-русской традициях (лингвотекстологический аспект) // Губарева О. В., Дорофеева Л. Г., Попова Т. Г. Лествица в слове и образе. Иконография и агиография «Лествицы» Иоанна Синайского. Калининград, 2024.
11. Попова Т. Г., Чистякова М. В. Сказания из Лествицы в древнерусском Прологе // Русская литература. 2017. № 1.
12. Ранчин А. М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49).

13. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2005.
14. Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010.
15. Шульгина Э. В. Сравнительная характеристика состава мартовских миней-четьих XVII в. и Макарьевской минеи (Предварительные итоги) // Русская книжность. Вопросы источниковедения и палеографии. Труды Государственного Исторического музея. М., 1998. Вып. 95 / Отв. ред. Т. В. Дианова.
16. Die grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij, Uspenskij spisok. 26–31 März / Великие Миней Четьи митрополита Макария, Успенский список. 26–31 марта / Hrsgb. unter der Leitung von E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko. Freiburg im Breisgau, 2001 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations. T. XLV).
17. Popova T. G. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften / Лествица Иоанна Синайского. Каталог славянских рукописей. Köln; Weimar; Wien, 2012.
18. Veder W. R. The Vita of St John Climacus in the Codex Suprasliensis // Преоткриване: Супрасльски сборник, старобългарски паметник от X век. София, 2012.
19. Τοῦ ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Σιναΐτου Κλίμαξ ὑπὸ Ἀρχιμ. Ἰγνατίου. Ὡρωπὸς Ἀττικῆς: Ἱερά Μονὴ Παρακλήτου, 1997.

References

1. Alekseev V. N., Turilov A. A. German // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2006. T. 11.
2. Die grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij, Uspenskij spisok. 26–31 März / Velikie Minei Chet'i mitropolita Makariia, Uspenskii spisok. 26–31 marta / Hrsgb. unter der Leitung von E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko. Freiburg im Breisgau, 2001 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations. T. XLV).
3. Dorofeeva L. G. Zhitie prp. Ioanna Lestvichnika v russkikh pechatnykh izdaniiax XVII–XIX vekov // Gubareva O. V., Dorofeeva L. G., Popova T. G. Lestvitsa v slove i obraze. Ikonografiia i agiografiia «Lestvitsy» Ioanna Sinaiskogo. Kaliningrad, 2024.
4. Kenanov D. Bezpristrastieto — p"t k"m svetostta (t"rnovskiit prevod na vtoro slovo ot prep. Ioan Lestvichnik) // T"rnovska knizhovna shkola. T"rnovo i ideata za khristiianskiia universaliz"m. XII–XV vek. Sofia, 2011.
5. Kenanov D., Gavazova N. Nebeto na bezm"lviето. Knigata «Lestvitsa» ot sv. Ioan Sinaiski i neiniiat starob"lgarski prevod. Veliko T"rnovo, 2013.
6. Kuleva N. A. Skazanie o vtorom obretenii glavy Ioanna Predtechi v istorii tserkovnoslavianskoi knizhnosti // Vestnik PSTGU. Ser. III. Filologiya. 2023. Vyp. 74.
7. Pigin A. V. Sochineniia o sv. Aleksandre Oshevenskom v rukopisiakh iz monastyreii, tserkvei i lichnykh bibliotek Kargopol'ia // Uchen. zap. Petrozavodskogo gos. un-ta. 2019. № 2 (179).
8. Pigin A. V. Zhitie Aleksandra Oshevenskogo v redaktsii Tulupovskoi minei // TODRL. SPb., 2021. T. 68.
9. Pigin A. V., Iukhimenko E. M. Prepodobnyi Aleksandr Oshevenskii: Zhitie, pokhval'nye slova, molitvy: Issledovanie i teksty. SPb., 2023.
10. Popova T. G. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften / Lestvitsa Ioanna Sinaiskogo. Katalog slavianskikh rukopisei. Köln; Weimar; Wien, 2012.
11. Popova T. G. Zhitie prp. Ioanna Lestvichnika v vizantiiskoi i slaviano-russkoi traditsiiax (lingvoteknologicheski aspekt) // Gubareva O. V., Dorofeeva L. G., Popova T. G. Lestvitsa v slove i obraze. Ikonografiia i agiografiia «Lestvitsy» Ioanna Sinaiskogo. Kaliningrad, 2024.
12. Popova T. G., Chistiakova M. V. Skazaniia iz Lestvitsy v drevnerusskom Prologe // Russkaia literatura. 2017. № 1.
13. Ranchin A. M. O topike v drevnerusskoi slovesnosti: k probleme razgranicheniia toposov i tsitat // Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki. 2012. № 3 (49).
14. Rudi T. R. Topika russkikh zhitii (voprosy tipologii) // Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Publikatsii. Polemika / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2005.
15. Sapozhnikova O. S. Russkii knizhnik XVII veka Sergii Shelonin. Redaktorskaia deiatel'nost'. M.; SPb., 2010.
16. Shul'gina E. V. Sravnitel'naia kharakteristika sostava martovskikh minei-chet'ikh XVII v. i Makar'evskoi minei (Predvaritel'nye itogi) // Russkaia knizhnost'. Voprosy istochnikovedeniia i paleografii. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia. M., 1998. Vyp. 95 / Отв. ред. Т. В. Дианова.
17. Veder W. R. The Vita of St John Climacus in the Codex Suprasliensis // Preotkrivane: Suprasl'ski sbornik, starob"lgarski pametnik ot X vek. Sofia, 2012.
18. Zhitia sviatykh na russkom iazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh Minei sviatogo Dimitriia Rostovskogo. Kniga sed'maia. Mart. M., 2010.
19. Τοῦ ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Σιναΐτου Κλίμαξ ὑπὸ Ἀρχιμ. Ἰγνατίου. Ὡρωπὸς Ἀττικῆς: Ἱερά Μονὴ Παρακλήτου, 1997.

Андрей Александрович Добрицын

научный сотрудник Сектора славянских языков и культур
Лозаннского университета (Швейцария)

Andrei Aleksandrovich Dobritsyn

Researcher, Sector of Slavic Languages and Cultures,
Universite de Lausanne (Switzerland)

ORCID: 0000-0001-7955-9621

andrei.dobritsyn@unil.ch

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ:
ГЛУПОСТЬ И УМ В «ГОРЕ ОТ УМА»**

**SEMANTIC GALLICISMS:
FOOLISHNESS AND WIT IN *WOE FROM WIT***

В статье рассматриваются некоторые эфемерные семантические галлицизмы в русской литературе конца XVIII — начала XIX века, преимущественно смысловые оттенки слов «ум» и «глупость» в комедии «Горе от ума». Показывается, что слово «дурак» имело значение «рогоносец» в некоторых произведениях конца XVIII — начала XIX века. Утверждается, что французские коннотации объясняют говорящую фамилию Молчалина и что слово «ум» в комедии сохраняет смысл французского «esprit» и часто употребляется в значении «остроумие». Найдены иноязычные параллели к некоторым стихам «Горя от ума».

Ключевые слова: галлицизмы, семантика, искусство беседы XVIII века, остроумие, культурные влияния, А. С. Грибоедов.

This article examines certain ephemeral semantic Gallicisms in Russian literature of the late 18th and early 19th centuries, focusing primarily on the semantic nuances of the words 'ум/wit' and 'stupidity' in the comedy *Woe from Wit*. It is demonstrated that the French connotations of these words explain the meaningful name of Molchalin and that the word 'ум' in the comedy retains the French meaning of 'esprit'. French parallels have been found for certain verses in Griboedov's comedy. Analogies with Molière's comedies are indicated.

Key words: Gallicisms, semantics, 18th-century art of conversation, wit, cultural transfer, literary influence, A. S. Griboedov.

Список литературы

1. Грибоедов А. С. Соч. в стихах / Вступ. статья В. П. Мещерякова; сост., подг. текста, прим. Д. М. Климовой. Л., 1987 (Библиотека поэта. Большая сер.).
2. Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Г. П. Макогоненко. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая сер.).
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.,] 1937. Т. 13. Переписка, 1815–1827.
4. Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998.
5. Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. / Сост., подг. текста и прим. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л., 1975 (Библиотека поэта. Большая сер.).
6. Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. А. Гоценпуда. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая сер.).
7. Rohou J., Prost B. Lectures du *Misanthrope*. Rennes, 2016.
8. Troubetzkoy W. Tchatski ou répétition // *Le Misanthrope au théâtre*. Ménandre. Molière. Griboedov / Introd. par D.-H. Pageaux. Mugron: José Fejóo, 1990.

References

1. Dmitriev I. I. Poln. sobr. stikhotvorenii / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. G. P. Makogonenko. L., 1967 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
2. Griboedov A. S. Soch. v stikhakh / Vstup. stat'ia V. P. Meshcheriakova; sost., podg. teksta, prim. D. M. Klimovoi. L., 1987 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

3. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.:* [V 16 t.]. [M.; L.,] 1937. T. 13. *Perepiska, 1815–1827.*
4. *Rak V. D. Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdaniia vtoroi poloviny XVIII ve-*
ka. SPb., 1998.
5. *Rohou J., Prost B. Lectures du Misanthrope. Rennes, 2016.*
6. *Russkaia epigrama vtoroi poloviny XVII — nachala XX v. / Sost., podg. teksta i prim.*
V. E. Vasil'eva, M. I. Gille'sona, N. G. Zakharenko. L., 1975 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
7. *Shakhovskoi A. A. Komedii. Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. A. A. Go-*
zenpuda. L., 1961 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
8. *Troubetzkoy W. Tchatski ou répétition // Le Misanthrope au théâtre. Ménandre. Molière.*
Griboïedov / Introd. par D.-H. Pageaux. Mugron: José Fejóo, 1990.

Светлана Богдановна Федотова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Bogdanovna Fedotova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8910-5033

sverdlik@yandex.ru

ЭПИГРАММА А. С. ПУШКИНА «ЛИЩИН<СКИЙ> ОКОЛЕЛ...»

PUSHKIN'S EPIGRAM, *LISHCHIN<SKY> LOST HIS LIFE...*

В статье предпринята попытка установить адресата саркастического пушкинского двустишия «Лищин<ский> околел...». С опорой на текстологический анализ автографов в тетради ПД 838 и вне ее предложена новая датировка эпиграммы — первые месяцы пребывания поэта в Царском Селе в 1831 году. Главным событием этого времени, за которым внимательно следили Пушкин и его современники, было Польское восстание. В конце мая и середине июня от холеры скончались два известных человека, имевшие непосредственное отношение к польским событиям: главнокомандующий российской армией И. И. Дибич-Забалканский и великий князь Константин Павлович. Эпиграмма, как выяснилось, написана по поводу кончины цесаревича, тесно связанного с Польшей задолго до восстания; по понятным причинам имя Константина Павловича в ней не могло быть названо.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, великий князь Константин Павлович, И. И. Дибич-Забалканский, «Лищин<ский> околел...», Польское восстание 1830–1831 годов.

The article attempts to determine the addressee of Pushkin's sarcastic distich, *Lishchin<sky> Lost His Life...* Using the textual analysis of the autographs in Notebook PD 848 and beyond, the new dating of the epigram is suggested, i. e. the early months of the poet's stay at Tsarskoye Selo in 1831. The main event of the time, closely followed by Pushkin and his contemporaries, was the Polish Uprising. Two prominent persons, closely related to the events in Poland, died of cholera in late May and mid-June: Russian Commander-in-Chief I. Dibich-Zabalkansky and Grand Duke Konstantine. Apparently, the epigram was a reflection on the death of Grand Duke, who had had close ties to Poland long before the Uprising; the reasons why his name was not mentioned are quite obvious.

Key words: A. S. Pushkin, Grand Duke Konstantin Pavlovich, I. I. Dibich-Zabalkansky, *Lishchin<sky> Lost His Life...*, Polish Uprising of 1830–1831.

Список литературы

1. Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007.
2. *Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подг. В. С. Нечаева. М., 1963*
(сер. «Литературные памятники»).
3. *Давыдов Д. Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче // Давыдов Д. Военные*
записки. М., 1982.

4. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 5 т. СПб., 2024. Т. 2, 3.
5. *Лившиц В.* Тайна пушкинской эпиграммы // Шпион: Альманах писательского и журналистского расследования. М., 1996. Вып. 8.
6. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.,] 1937–1949. Т. 3, 14.
7. Россия под надзором: Отчеты III отделения: 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006.
8. *Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838) (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10.

References

1. Aleksandr Sergeevich Pushkin: Dokumenty k biografii. 1799–1829. SPb., 2007.
2. *Davydov D.* Vospominaniia o tsesareviche Konstantine Pavloviche // Davydov D. Voennye zapiski. M., 1982.
3. Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 5 t. SPb., 2024. T. 2, 3.
4. *Livshits V.* Taina pushkinskoi epigrammy // Shpion: Al'manakh pisatel'skogo i zhurnalistskogo rassledovaniia. M., 1996. Vyp. 8.
5. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. [M.; L.,] 1937–1949. T. 3, 14.
6. Rossiia pod nadzorom: Otchety III otdeleniia: 1827–1869 / Sost. M. V. Sidorova, E. I. Shcherbakova. M., 2006.
7. *Sandomirskaiia V. B.* Rabochaia tetrad' Pushkina 1828–1833 gg. (PD № 838) (Istoriia zapolneniia) // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1982. T. 10.
8. *Viazemskii P. A.* Zapisnye knizhki (1813–1848) / Izd. podg. V. S. Nechaeva. M., 1963 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва);
старший научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University
Higher School of Economics (Moscow);
Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4048-1908

abodrova@hse.ru

К ОПИСАНИЮ СОЦИОЛИТЕРАТУРНОГО ФОНА

«ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ»:

И. А. ГОНЧАРОВ И В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

NOTES ON SOCIAL AND CULTURAL BACKGROUND OF THE SAME OLD STORY:

I. A. GONCHAROV AND V. F. ODOYEVSKY

В статье обсуждаются не отмечавшиеся прежде параллели между «Обыкновенной историей» И. А. Гончарова и фрагментом из незавершенного романа В. Ф. Одоевского «Год 4338. Петербургские письма», опубликованным в первом номере журнала «Московский наблюдатель» за 1835 год. Подробно анализируются сюжетные, мотивные, образные переклички между двумя текстами, а также реконструируются литературно-биографические обстоятельства, в которых Гончаров мог познакомиться с этим произведением Одоевского. Однако вне зависимости от статуса выявленной параллели, подобные пересечения позволяют по-новому описать значение роман-

тической прозы и журнальной полемики середины 1830-х годов для становления реалистической поэтики и проблематики критических дискуссий второй половины 1840-х годов.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, В. Ф. Одоевский, «Московский наблюдатель», поэтика русского реализма.

The article discusses the previously ignored parallels between *The Same Old Story* by I. A. Goncharov and a fragment of V. F. Odoevsky's unfinished novel *Year 4338. Letters from Petersburg* published in Issue 1 of *Moskovsky Nabliudatel* magazine in 1825. A detailed analysis of plot, motif, imagery similes between the two texts is provided, the literary and biographical circumstances of Goncharov becoming aware of Odoevsky's work are reconstructed. Irrespective of the status of the discovered parallel, the similes are instrumental for the novel description of the impact of the romantic prose and polemics in the periodicals of mid-1830s on the emergence of the realistic poetics and the problematics of critical discussions of the second half of the 1840s.

Key words: I. A. Goncharov, V. F. Odoevsky, *Moskovsky Nabliudatel*, poetics of Russian Realism.

Список литературы

1. Балакин А. Ю. О дате первого приезда И. А. Гончарова в Петербург // Русская литература. 2004. № 3.
2. Бодрова А. С. Из разысканий вокруг пушкинского «Аквилона» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. [Вып.] 5. Ч. 1.
3. Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1.
4. Вайсман М., Вдовин А., Клигер И., Основат К. Введение. «Реализм» и русская литература XIX века // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование в русском реализме: Сб. статей. М., 2020.
5. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1; Т. 9. Кн. 1; Т. 15.
6. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7.
7. Граjis П. Достоевский и романтизм. Вильнюс, 1979.
8. Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. СПб., 2021.
9. Гуськов С. Н. Как жандармы Гончарова спасли // Русская литература. 2016. № 4.
10. Денисова Э. И. Пушкинские цитаты и реминисценции в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // Науч. доклады высшей школы. Филологические науки. 1990. № 2.
11. Зыкова Г. В., Мещерина Е. Г., Вацуро В. Э. Одоевский Владимир Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4.
12. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
13. Краснощекова Е. А. Роман воспитания — Bildungsroman — на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб., 2008.
14. Макеев М. С. Николай Некрасов: поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2008.
15. Манн Ю. В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.
16. Манн Ю. В. Энтузиазм против скептицизма (На пути к диалогическому конфликту) // Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995.
17. Маркович В. М. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX в. // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52. № 3.
18. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1989. Т. 11. Кн. 1, 2.
19. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы / Подг. текста, вступ. статья и прим. Е. Ю. Хин. М., 1959.
20. Основат А. Л. «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М., 1980.
21. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994.
22. Платт Д. Б. Обыкновенная история одного читателя «Медного всадника» // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106).
23. Сахаров В. И. Комментарии // Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. / Сост. и комм. В. И. Сахарова. М., 1981. Т. 2.
24. Сахаров В. И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики: Очерки. М., 2002.
25. Сытина Ю. Н. В. Ф. Одоевский в полемике «Московского наблюдателя» с «торговым» направлением в литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17).
26. Сытина Ю. Н. Повести В. Ф. Одоевского в журнале «Московский наблюдатель»: к вопросу о роли Провидения, познания и прогресса в мировом историческом процессе // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2015. № 1 (84).

27. Федотова С. Б. «Московский наблюдатель» // Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2008. Вып. 4.
28. Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избр. работы / Сост. А. К. Жолковский, В. А. Щеглова. М., 2012.
29. Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. Chicago, 1965.
30. Kliger I. Sovereign Fictions: Poetics and Politics in the Age of Russian Realism. Chicago, 2024.
31. Lounsbury A. «I Do Beg of You, Wait, and Compare!»: Goncharov, Belinsky, and Provincial Taste // Lounsbury A. Life Is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca; London, 2019.

References

1. Balakin A. Iu. O date pervogo priezda I. A. Goncharova v Peterburg // Russkaia literatura. 2004. № 3.
2. Bodrova A. S. Iz razyskanii vokrug pushkinskogo «Akvilona» // Pushkinskie chteniia v Tartu. Tartu, 2011. [Vyp.] 5. Ch. 1.
3. Boratynskii E. A. Poln. sobr. soch. i pisem. M., 2012. T. 3. Ch. 1.
4. Denisova E. I. Pushkinskie tsitaty i reministsentsii v «Obyknovennoi istorii» I. A. Goncharova // Nauch. doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki. 1990. № 2.
5. Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
6. Fedotova S. B. «Moskovskii nabliudatel'» // Pushkin v prizhiznnoi kritike. SPb., 2008. Vyp. 4.
7. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 1997. T. 1; T. 9. Kn. 1; T. 15.
8. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1954. T. 7.
9. Grazhis P. Dostoevskii i romantizm. Vil'nius, 1979.
10. Grodetkaia A. G. Goncharov v literaturnom dome Maikovykh. 1830–1840-e gody. SPb., 2021.
11. Gus'kov S. N. Kak zhandarmy Goncharova spasli // Russkaia literatura. 2016. № 4.
12. Kliger I. Sovereign Fictions: Poetics and Politics in the Age of Russian Realism. Chicago, 2024.
13. Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb., 1997.
14. Krasnoshchekova E. A. Roman vospitaniia — Bildungsroman — na russkoi pochve: Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoi, Dostoevskii. SPb., 2008.
15. Lounsbury A. «I Do Beg of You, Wait, and Compare!»: Goncharov, Belinsky, and Provincial Taste // Lounsbury A. Life Is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca; London, 2019.
16. Makeev M. S. Nikolai Nekrasov: poet i predprinimatel'. Ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki. M., 2008.
17. Mann Iu. V. Entuziazm protiv skeptitsizma (Na puti k dialogicheskomu konfliktu) // Mann Iu. V. Dinamika russkogo romantizma. M., 1995.
18. Mann Iu. V. Filosofii i poetika «natural'noi shkoly» // Problemy tipologii russkogo realizma. M., 1969.
19. Markovich V. M. Vopros o literaturnykh napravleniiakh i postroenii istorii russkoi literatury XIX v. // Izvestiia RAN. Ser. literatury i iazyka. 1993. T. 52. № 3.
20. Nekrasov N. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. L., 1989. T. 11. Kn. 1, 2.
21. Odoevskii V. F. Povesti i rasskazy / Podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. E. Iu. Khin. M., 1959.
22. Ospovat A. L. «Kak slovo nashe otzovetsia...»: O pervom sbornike F. I. Tiutcheva. M., 1980.
23. Otradin M. V. Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb., 1994.
24. Platt D. B. Obyknovennaia istoriia odnogo chitatelia «Mednogo vsadnika» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 6 (106).
25. Sakharov V. I. Kommentarii // Odoevskii V. F. Soch.: V 2 t. / Sost. i komm. V. I. Sakharova. M., 1981. T. 2.
26. Sakharov V. I. Russkaia proza XVIII–XIX vekov. Problemy istorii i poetiki: Ocherki. M., 2002.
27. Shcheglov Iu. K. Proza. Poezii. Poetika. Izbr. raboty / Sost. A. K. Zholkovskii, V. A. Shcheglova. M., 2012.
28. Sytina Iu. N. Povesti V. F. Odoevskogo v zhurnale «Moskovskii nabliudatel'»: k voprosu o roli Provideniia, poznaniia i progressa v mirovom istoricheskom protsesse // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta. 2015. № 1 (84).
29. Sytina Iu. N. V. F. Odoevskii v polemike «Moskovskogo nabliudatel'ia» s «torgovym» napravleniem v literature // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 6 (17).

30. Vaisman M., Vdovin A., Kliger I., Ospovat K. Vvedenie. «Realizm» i russkaia literatura XIX veka // Russkii realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie v russkom realizme: Sb. statei. M., 2020.

31. Zykova G. V., Meshcherina E. G., Vatsuro V. E. Odоеvskii Vladimir Fedorovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1999. T. 4.

Ольга Леонидовна Фетисенко

ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Leonidovna Fetisenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5670-2656

betsy98@mail.ru

**«СВЯТЫЕ ГОРЫ» А. Ф. ТЮТЧЕВОЙ И Ф. И. ТЮТЧЕВА:
ТЕКСТОЛОГИЯ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

**«THE HOLY MOUNTAINS» BY A. F. TYUTCHEVA AND F. I. TYUTCHEV:
TEXTUAL CRITICISM AND BIOGRAPHICAL CONTEXT**

В поисках дополнительных материалов к творческой истории стихотворения Ф. И. Тютчева «Святые горы» (1862), которое является переработкой произведения, созданного дочерью поэта, автор статьи обращается к неизданному письму А. Ф. Тютчевой к сестре Екатерине и предлагает его комментированную публикацию (по автографу из музея-усадьбы Мураново) и перевод. Этот эпистолярный документ можно считать претекстом стихотворения дочери и отца. Впервые приводятся его ранние редакции. Историю восприятия текста дополняет эпизод, ранее не привлекавший внимания исследователей: время подготовки публикации «Святых гор» совпадает с периодом общения Тютчевых с прихожанкой описанного в этом стихотворении монастыря, писательницей Н. С. Соханской (Кохановской), посетившей в 1862 году Петербург.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, А. Ф. Тютчева, стихотворение «Святые горы», творческая история, текстология, комментарий, Кохановская (Н. С. Соханская).

Tyutchev's poem «The Holy Mountains» (1862) is a complete reworking of the lyrics composed by the poet's daughter Anna and inspired by her visit to a monastery in Ukraine. The author of the article reconstructs the history of the creation of the poem and — in search for additional data — turns to an unpublished letter from A. F. Tyutcheva to her sister Ekaterina, which can be considered as an important pretext for the poem of 1862. The article presents the previously unpublished early versions of the poem. As an interesting addition to the history of the poem, the author outlines an episode of communication between the Tyutchevs and the writer N. S. Sokhanskaya (Kokanovskaya), a parishioner of the monastery described in the poem.

Key words: F. I. Tyutchev, A. F. Tyutcheva, poem «The Holy Mountains», textual criticism, commentary, letter from A. Tyutcheva to E. Tyutcheva, Kokanovskaya (N. S. Sokhanskaya).

Список литературы

1. Аношкина В. Н. Истоки украинского мотива в творчестве Ф. И. Тютчева // Литературоведческий журнал. 2009. № 25.
2. Дедов В. Н. Святогорский Успенский монастырь в деяниях его настоятелей (по архивным документам XVII — начала XX века) // Святогорский летописец: Альманах. Свято-Успенская Святогорская лавра, 2021. Вып. 4.
3. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: В 3 кн. М., 2012. Кн. 3.
4. Святогорский патерик: В 3 т. Святогорск, 2008. Т. 2. Житие и подвиги преподобного Иоанна Затворника Святогорского.

5. Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018.
6. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Вступ. статья Т. Г. Динесман; публ. К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман при участии К. М. Азадовского, А. Л. Осповата и В. Н. Сажина; комм. Т. Г. Динесман при участии А. Л. Осповата // Лит. наследство. 1989. Т. 97. Кн. 2.
7. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2003–2004. Т. 2, 6.
8. Фетисенко О. Л. Н. С. Соханская (Кохановская) о Святогорском монастыре // Святогорский летописец: Альманах. Свято-Успенская Святогорская лавра, 2021. Вып. 4.
9. Фетисенко О. Л. Петербургские страницы жизни и творчества Кохановской (Н. С. Соханской) // Словесность и история. 2023. № 4.
10. Фетисенко О. Л. Четыре Лавры: монастырская тема в художественном, публицистическом и эпистолярном наследии Кохановской (Н. С. Соханской) // Два века русской классики. 2019. № 2.

References

1. Anoshkina V. N. Istoki ukrainskogo motiva v tvorchestve F. I. Tiutcheva // Literaturovedcheskii zhurnal. 2009. № 25.
2. Dedov V. N. Sviatogorskii Uspenskii monastyr' v deianiiakh ego nastoiatelei (po arkhivnym dokumentam XVII — nachala XX veka) // Sviatogorskii letopisets: Al'manakh. Sviato-Uspenskaia Sviatogorskaia lavra, 2021. Vyp. 4.
3. Fetisenko O. L. Chetyre Lavry: monastyr'skaia tema v khudozhestvennom, publitsisticheskom i epistol'iarnom nasledii Kokhanovskoi (N. S. Sokhanskoi) // Dva veka russkoi klassiki. 2019. № 2.
4. Fetisenko O. L. N. S. Sokhanskaia (Kokhanovskaia) o Sviatogorskom monastyre // Sviatogorskii letopisets: Al'manakh. Sviato-Uspenskaia Sviatogorskaia lavra, 2021. Vyp. 4.
5. Fetisenko O. L. Peterburgskie stranitsy zhizni i tvorchestva Kokhanovskoi (N. S. Sokhanskoi) // Slovesnost' i istoriia. 2023. № 4.
6. Letopis' zhizni i tvorchestva F. I. Tiutcheva: V 3 kn. M., 2012. Kn. 3.
7. Sem'ia Aksakovykh i N. S. Sokhanskaia (Kokhanovskaia): Perepiska (1858–1884) / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. O. L. Fetisenko. SPb., 2018.
8. Sviatogorskii paterik: V 3 t. Sviatogorsk, 2008. T. 2. Zhitie i podvigi prepodobnogo Ioanna Zatvornika Sviatogorskogo.
9. Tiutchev F. I. Poln. sobr. soch. i pis'ma: V 6 t. M., 2003–2004. T. 2, 6.
10. Tiutchev v pis'makh i dnevnikaх chlenov ego sem'i i drugikh sovremennikov / Vstup. stat'ia T. G. Dinesman; publ. K. V. Pigareva i T. G. Dinesman pri uchastii K. M. Azadovskogo, A. L. Ospovata i V. N. Sazhina; komm. T. G. Dinesman pri uchastii A. L. Ospovata // Lit. nasledstvo. 1989. T. 97. Kn. 2.

Игорь Николаевич Сухих

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Igor Nikolaevich Sukhikh

Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-5146-8733

igorlit50@mail.ru

«МИЛЕНЬКИЙ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕХОВ»

(А. П. ЧЕХОВ В ДНЕВНИКЕ Ф. Ф. ФИДЛЕРА:
ФАКТЫ, МНЕНИЯ, СЛУХИ, СПЛЕТНИ)

«LOVELY LITTLE CHEKHOV»

(A. P. CHEKHOV IN F. F. FIDLER'S DIARY:
FACTS, OPINIONS, GOSSIPS, HEARSAYS)

Статья посвящена анализу многочисленных свидетельств о писателе в дневнике известного петербургского педагога и коллекционера. Наряду с фактами, уточняющими и расширяющими петербургскую биографию Чехова, Фидлер фиксирует слухи и сплетни, опровергаемые свидетельствами других очевидцев и свидетелей. Вероятно, использовать дневник Фидлера как объективный документ без дополнительной проверки и в других случаях нецелесообразно и даже опасно.

Ключевые слова: Ф. Ф. Фидлер, А. П. Чехов, дневник, объективность, факты, сплетни.

The article discusses abundant evidence concerning the writer in the diary of the renowned St. Petersburg educator and collector. Apart from the facts that confirm and expand the St. Petersburg life story of Chekhov, Fidler recorded gossips and hearsays, disclaimed by the other eyewitnesses. It seems that using Fidler's diary as a trustworthy source without further checking is counterproductive and even unsafe.

Key words: F. F. Fidler, A. P. Chekhov, diary, objectivity, facts, gossip.

Список литературы

1. Азадовский К. М. Новое о Чехове (По материалам «Дневников» Ф. Ф. Фидлера) // Ленинградская панорама. Литературно-критический сборник. СПб., 1988.
2. Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. СПб., 2025.
3. Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.
4. Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955.
5. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 3.
6. Мелкова А. С. Под маской Фидэля // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2016. Т. 3.
7. Пастернак Б. Л. Люди и положения // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 3.
8. Рейфилд Д. Что еще мы сможем сказать о Чехове? // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания. М., 2007.
9. Руднев А. Перед иконой русской литературы // Литературная Россия. 2008. № 44.
10. Сапожков С. В. Ф. Ф. Фидлер. Из мира литераторов: Характеры и суждения // Вопросы литературы. 2009. № 4.
11. Суворин А. С. Дневник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.
12. Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Вступ. статья, сост., пер. с нем., прим., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008.
13. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т. М., 1982. Соч. Т. 13, 18. Письма. Т. 5.

References

1. Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov — kritik i zhurnalist. SPb., 2025.
2. Azadovskii K. M. Novoe o Chekhove (Po materialam «Dnevnikov» F. F. Fidera) // Leningrad-skaia panorama. Literaturno-kriticheskii sbornik. SPb., 1988.
3. Bunin I. A. Chekhov // A. P. Chekhov v vospominaniakh sovremennikov. M., 1986.
4. Chekhov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 18 t. Pis'ma: V 12 t. M., 1982. Soch. T. 13, 18. Pis'ma. T. 5.
5. Fidler F. F. Iz mira literatorov: Kharaktery i suzheniia / Vstup. stat'ia, sost., per. s nem., prim., ukazateli i podbor illiustratsii K. M. Azadovskogo. M., 2008.
6. Gitovich N. I. Letopis' zhizni i tvorchestva A. P. Chekhova. M., 1955.
7. Gor'kii M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. M., 1997. T. 3.
8. Melkova A. S. Pod maskoi Fidelia // A. P. Chekhov: pro et contra. SPb., 2016. T. 3.
9. Pasternak B. L. Liudi i polozheniia // Pasternak B. L. Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2004. T. 3.
10. Reifild D. Chto eshche my smozhem skazat' o Chekhove? // Chekhoviana. Iz veka XX v XXI. Itogi i ozhidaniia. M., 2007.
11. Rudnev A. Pered ikonoi russkoi literatury // Literaturnaia Rossiia. 2008. № 44.
12. Sapozhkov S. V. F. F. Fidler. Iz mira literatorov: Kharaktery i suzheniia // Voprosy literatury. 2009. № 4.
13. Suvorin A. S. Dnevnik. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2000.

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0500-6113

mmpavlova@gmail.com

**НЕИЗДАННЫЙ ОЧЕРК ФЕДОРА СОЛОГУБА
И АНАСТАСИИ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ «ВСТРЕЧА С РАСПУТИНЫМ»**

**AN ENCOUNTER WITH RASPUTIN: AN UNPUBLISHED ESSAY
BY FYODOR SOLOGUB AND ANASTASIA CHEBOTAREVSKAYA**

В статье предпринят анализ неизвестного очерка Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской «Встреча с Распутиным» (1916?). На основе мемуарных и исторических источников автор документирует текст, вводит его в литературно-исторический контекст, выявляет неожиданные линии пересечения с Распутиным представителей либеральной творческой интеллигенции, которая подчеркнуто дистанцировалась от одиозного «старца».

Ключевые слова: Ф. Сологуб, Ан. Чеботаревская, Г. Е. Распутин, «Русское общество для изучения еврейской жизни», Н. Л. Аронсон.

The article offers the analysis of *An Encounter with Rasputin*, a previously unknown essay by F. Sologub and An. Chebotarevskaya. Using the memoir and historical sources, the author documents the text, incorporates it into the literary and historical contexts, outlines the unexpected juxtapositions between Rasputin and the liberal artistic intellectuals that made a point of distancing themselves from the odious «*starets*».

Key words: F. Sologub, An. Chebotarevskaya, G. E. Rasputin, Russian Society for the Studies of Jewish Life, N. L. Aronson.

Список литературы

1. Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. СПб., 2025.
2. Амфитеатров А. В. Жизнь человека неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. И. Рейтблата. М., 2004. Т. 2.
3. Аронсон Л. Портрет из красного мрамора // Работница. 1968. № 4.
4. Блок и В. А. Щеголева / Сообщение Е. Ю. Литвин и С. С. Гречишкина // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3.
5. Боева Г. Н. Сологуб, Андреев и Горький в третейском суде: об одном эпизоде из истории создания Русского общества изучения еврейской жизни // Научные труды по иудаике: материалы XX Международной ежегодной конф. по иудаике. М., 2013. Т. 2.
6. Бурлюк Д. Федор Кузьмич Сологуб // Бурлюк Д. Интересные встречи / Вступ. статья, сост. и комм. Л. А. Селезнева. М., 2005.
7. Варламов А. Григорий Распутин-Новый. М., 2007.
8. Гиппиус З. Огневое (о Сологубе) // Гиппиус З. Н. Живые лица / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова. М., 1991.
9. Гофштеттер И. А. Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории (по личным воспоминаниям). М., 2017.
10. Григорий Распутин: pro et contra. Антология / Сост., вступ. статья, краткие биографические справки упоминаемых в антологии лиц С. Л. Фирсова. СПб., 2020 (сер. «Русский путь»).
11. Григорий Распутин: Сб. исторических материалов: В 4 т. / Сост. В. Крюков. М., 1997.
12. Дневник В. А. Щеголевой за 1915 г. / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. А. Дровалевой, О. А. Симоновой // Codex manuscriptus. М., 2023. Вып. 3. Документальная история русской литературы первой половины XX века.
13. Долинский М., Черток С. Ленин в красном мраморе // Москва. 1964. № 4.
14. Дюррант Д. С. Из варшавского архива Д. В. Философова // Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1998. Т. 2. № 4.

15. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год: Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры XVIII–XX веков в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома. Творческие и биографические материалы. Указатель / [Отв. ред. Т. С. Царькова, Е. П. Яковлева]. СПб., 2018.
16. Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине, 1914–1916 гг. // Российский архив. М., 1992. Т. 2–3.
17. Илиодор (Сергей Труфанов). Святой черт. Житие блудного старца Гришки Распутина. М., 1990.
18. Иоффе Г. З. [Рец. на:] Э. Радзинский. Распутин: жизнь и смерть // Отечественная история. 2002. № 3.
19. Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. // Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003.
20. Л. Н. Толстой и художники: Л. Н. Толстой об искусстве. Письма, дневники, воспоминания. М., 1990.
21. Лавров А. В. Дневники В. А. Щеголевой в собрании М. С. Лесмана // Русская литература. 2021. № 4.
22. Медоваров М. В. Национал-монархист, национал-демократ, национал-большевик Алексей Фролович Филиппов. СПб., 2021.
23. Мраморнов А. И. Ермоген // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18.
24. Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006.
25. Павлова М. М. Материалы к библиографии Ан. Н. Чеботаревской. Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии // Федор Сологуб. Разыскания и материалы: Сб. статей и публикаций / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016.
26. Переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова (1896–1918): В 2 т. / Вступ. статья Е. И. Гончаровой; сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой и О. Л. Фетисенко. СПб., 2023. Т. 2.
27. Переписка Ф. Сологуба и П. Е. Щеголева / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. Л. Соболева // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 62–111.
28. Петровская И., Сомина В. Театральный Петербург. Начало XVIII века — Октябрь 1917 года. Обзорение-путеводитель. СПб., 1994.
29. Пришвин М. М. Ранний дневник / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; комм. Я. З. Гришиной; указатель имен Т. Н. Бедняковой. СПб., 2007.
30. Радзинский Э. Распутин: Жизнь и смерть. М., 2000.
31. Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год: Издание полного текста / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Ломоносова. М., 2011.
32. Розанов В. В. О «Сибирском Страннике» // Розанов В. В. Собр. соч. / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2002. Т. 14. Возрождающийся Египет. Апокалипсическая секта. Малые произведения 1909–1914 годов.
33. Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л. Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. СПб., 1994.
34. Серков А. И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М., 2020. Т. 2.
35. Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 2005.
36. Соболев А. Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011.
37. Сологуб Ф. Публицистика Первой мировой войны / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2014.
38. Старцев В. И. М. М. Ковалевский — масон // Старцев В. И. Тайны русских масонов. СПб., 2004.
39. Терещук А. Григорий Распутин. Последний «старец» империи. СПб., 2006.
40. Тэффи. Распутин // Тэффи. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи.
41. Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999.
42. Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь: В 6 т. / Под ред. О. Э. Вольцбург и др. М., 1970. Т. 1.
43. Шлеев В. Парижский скульптор Наум Аронсон и его связи с художественной жизнью России // Евреи в культуре Русского Зарубежья. 1919–1939 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Т. 1.
44. Эткинд А. Содом и Психея. М., 1996.
45. Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. 2-е изд. М., 2013.

References

1. *Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov* — kritik i zhurnalist. SPb., 2025.
2. *Amfiteatrov A. V. Zhizn' cheloveka neudobnogo dlia sebia i dlia mnogikh* / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. A. I. Reitblata. M., 2004. T. 2.
3. *Aronson L. Portret iz krasnogo mramora* // *Rabotnitsa*. 1968. № 4.
4. *Blok i V. A. Shchegoleva* / Soobshchenie E. Iu. Litvin i S. S. Grechishkina // *Lit. nasledstvo*. 1982. T. 92. Kn. 3.
5. *Boeva G. N. Sologub, Andreev i Gor'kii v treteiskom sude: ob odnom epizode iz istorii sozdaniia Russkogo obshchestva izucheniia evreiskoi zhizni* // *Nauchnye trudy po iudaike: materialy XX Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konf. po iudaike*. M., 2013. T. 2.
6. *Burliuk D. Fedor Kuz'mich Sologub* // *Burliuk D. Interesnye vstrechi* / Vstup. stat'ia, sost. i komm. L. A. Selezneva. M., 2005.
7. *Diurrant D. S. Iz varshavskogo arkhiva D. V. Filosofova* // *Russian studies. Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury*. 1998. T. 2. № 4.
8. *Dnevnik V. A. Shchegolevoi za 1915 g.* / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. N. A. Droval'evoi, O. A. Simonovoi // *Codex manuscriptus*. M., 2023. Vyp. 3. Dokumental'naia istoriia russkoi literatury pervoi poloviny XX veka.
9. *Dolinskii M., Chertok S. Lenin v krasnom mramore* // Moskva. 1964. № 4.
10. *Etkind A. Khlyst: Sekty, literatura i revoliutsiia*. 2-e izd. M., 2013.
11. *Etkind A. Sodom i Psikheia*. M., 1996.
12. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2017 god: Khudozhniki, skul'ptory, arkhitektory, iskusstvovedy i kollektсионery XVIII–XX vekov v fondakh i kollekttsiakh Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. Tvorcheskii i biograficheskie materialy. Ukazatel'* / [Otv. red. T. S. Tsar'kova, E. P. Iakovleva]. SPb., 2018.
13. *Fedor Sologub i An. Chebotarevskaiia. Perepiska s A. A. Izmailovym* / Publ. M. M. Pavlovoi // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god*. SPb., 1999.
14. *Gippius Z. Otryvochnoe (o Sologube)* // *Gippius Z. N. Zhivye litsa* / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova. M., 1991.
15. *Gofshtetter I. A. Grigorii Rasputin kak zagadochnyi psikhologicheskii fenomen russkoi istorii (po lichnym vospominaniiam)*. M., 2017.
16. *Grigorii Rasputin: pro et contra. Antologiya* / Sost., vstup. stat'ia, kratkie biograficheskie spravki upominaemykh v antologii lits S. L. Firsova. SPb., 2020 (ser. «Russkii put'»).
17. *Grigorii Rasputin: Sb. istoricheskikh materialov: V 4 t.* / Sost. V. Kriukov. M., 1997.
18. *Iliodor (Sergei Trufanov). Sviatoi chert. Zhitie bludnogo startsa Grishki Rasputina*. M., 1990.
19. *Ioffe G. Z. [Rets. na:] E. Radzinskii. Rasputin: zhizn' i smert'* // *Otechestvennaia istoriia*. 2002. № 3.
20. *Kel'ner V. E. Izdatel'skaia deiatel'nost' S. V. Pozniera i nekotorye voprosy obshchestvennoi zhizni v Rossii v nachale XX v.* // *Kel'ner V. E. Ocherki po istorii rusko-evreiskogo knizhnogo dela vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* SPb., 2003.
21. *Khudozhniki narodov SSSR. Biobibliograficheskii slovar': V 6 t.* / Pod red. O. E. Vol'tsenburga i dr. M., 1970. T. 1.
22. *L. N. Tolstoi i khudozhniki: L. N. Tolstoi ob iskusstve. Pis'ma, dnevniki, vospominaniia*. M., 1978.
23. *Lavrov A. V. Dnevnik V. A. Shchegolevoi v sobranii M. S. Lesmana* // *Ruskaia literatura*. 2021. № 4.
24. *Medovarov M. V. Natsional-monarkhist, natsional-demokrat, natsional-bol'shevik Aleksei Frolovich Filippov*. SPb., 2021.
25. *Mramornov A. I. Ermogen* // *Pravoslavnaia entsiklopediia*. M., 2008. T. 18.
26. *Mramornov A. I. Tserkovnaia i obshchestvenno-politicheskaia deiatel'nost' episkopa Germogena (Dolganova, 1858–1918)*. Saratov, 2006.
27. *Pavlova M. M. Materialy k bibliografii An. N. Chebotarevskoi. Literaturnaia, khudozhestvennaia i teatral'naia kritika. Publitsistika. Retsenzii* // *Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy: Sb. statei i publikatsii* / Pod red. M. M. Pavlovoi. M., 2016.
28. *Perepiska F. Sologuba i P. E. Shchegoleva* / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. A. L. Soboleva // *Literaturnyi fakt*. 2026. № 1 (39). S. 62–111.
29. *Perepiska V. V. Rozanova i P. P. Pertsova (1896–1918): V 2 t.* / Vstup. stat'ia E. I. Goncharovoi; sost., podg. tekstov i komm. E. I. Goncharovoi i O. L. Fetisenko. SPb., 2023. T. 2.
30. *Petrovskaiia I., Somina V. Teatral'nyi Peterburg. Nachalo XVIII veka — Oktiabr' 1917 goda. Obozrenie-putevoditel'*. SPb., 1994.
31. *Prishvin M. M. Rannii dnevnik* / Podg. teksta L. A. Riazanovoi, Ia. Z. Grishinai; komm. Ia. Z. Grishinai; ukazatel' imen T. N. Bedniakovoi. SPb., 2007.
32. *Radzinskii E. Rasputin: Zhizn' i smert'*. M., 2000.
33. *Rozanov V. V. Mimosetnoe. 1915 god: Izdanie polnogo teksta* / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. V. Lomonosova. M., 2011.

34. *Rozanov V. V.* O «Sibirskom Strannike» // *Rozanov V. V. Sobr. soch.* / Pod red. A. N. Nikoliukina. M., 2002. T. 14. Vozrozhdaushchiisia Egipet. Apokalipsicheskaia sekta. Malye proizvedeniia 1909–1914 godov.
35. *Serkov A. I.* Rossiiskie masony. 1721–2019. Biograficheskii slovar'. Vek XX. M., 2020. T. 2.
36. *Severiukhin D. Ia., Leikind O. L.* Khudozhniki russkoi emigratsii (1917–1941). Biograficheskii slovar'. SPb., 1994.
37. *Shleev V.* Parizhskii skul'ptor Naum Aronson i ego sviazi s khudozhestvennoi zhizn'iu Rossii // *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia. 1919–1939* / Sost. M. Parkhomovskii. Ierusalim, 1992. T. 1.
38. *Simanovich A.* Rasputin i evrei. Vospominaniia lichnogo sekretaria Grigorii Rasputina. M., 2005.
39. *Sobolev A. L.* Cum scuto: Viacheslav Ivanov — uchastnik sbornika «Shchit» // *Donum homini universalis: Sbornik statei v chest' 70-letia N. V. Kotreleva.* M., 2011.
40. *Sologub F.* Publitsistika Pervoi mirovoi voyny / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // *Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voyny: politika i poetika. Issledovaniia i materialy.* M., 2014.
41. *Startsev V. I.* M. M. Kovalevskii — mason // *Startsev V. I. Tainy russkikh masonov.* SPb., 2004.
42. *Teffi.* Rasputin // *Teffi. Sobr. soch.: V 3 t.* SPb., 1999. T. 1. Proza. Stikhi. P'esy. Vospominaniia. Stat'i.
43. *Tereshchuk A.* Grigorii Rasputin. Poslednii «starets» imperii. SPb., 2006.
44. *Varlamov A.* Grigorii Rasputin-Novyi. M., 2007.
45. *Zhukovskaia V. A.* Moi vospominaniia o Grigorii Efimoviche Rasputine, 1914–1916 gg. // *Rossiiskii arkhiv.* M., 1992. T. 2–3.

Александр Сергеевич Александров

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Sergeevich Aleksandrov

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-8611-6490

aspiros.83@mail.ru

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-6430-2778

tamisquevich@yandex.ru

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ БЫТ В ПЕРЕПИСКЕ А. А. ИЗМАЙЛОВА И И. И. ЯСИНСКОГО 1918–1920 ГОДОВ

POSTREVOLUTIONARY LIVING CONDITIONS IN THE A. A. IZMAYLOV AND I. I. YASINSKY CORRESPONDENCE OF 1918–1920

В состав публикации включена переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского 1918–1920 годов, продолживших дружеское общение после Октября 1917 года, несмотря на различные позиции по отношению к власти большевиков. Данная переписка является ярким свидетельством бытовых и нравственно-психологических сложностей, переживаемых русской интеллигенцией, а также преодоления противоречий, разделивших общество на два непримиримых лагеря.

Ключевые слова: А. А. Измайлов, И. И. Ясинский, русская литература и журналистика после Октября 1917 года, эпистолярное наследие, мемуаристика.

The publication includes the 1918–1920 correspondence between A. A. Izmailov and I. I. Yasin-sky, whose friendly communication never ceased after October 1917, despite their opposite attitudes towards the Bolshevik regime. The correspondence testifies to the difficult living conditions, moral and psychological hardships of the Russian intellectuals, as well as to the overcoming of the tensions that had created a deep rift in the society.

Key words: A. A. Izmailov, I. I. Yasin-sky, Russian literature and journalism after October 1917, epistolary legacy, memoirs.

Список литературы

1. Александров А. С. А. А. Измайлов — критик и журналист. СПб., 2025.
2. Боцяновский В. Ф. Голоса эпохи: Статьи и воспоминания / Науч. ред., сост., вступ. статья А. С. Александрова. СПб., 2023.
3. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг.
4. Между двух революций: 1917 год в переписке А. А. Измайлова и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова и Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2024. № 4.
5. Мисникевич Т. В., Александров А. С. А. А. Измайлов и И. И. Ясинский: Эпистолярный диалог // Русская литература. 2023. № 2.
6. Переписка А. А. Измайлова и И. И. Ясинского: (1915–1916 гг.) / Подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: Формы взаимодействия и методология анализа: Коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М., 2021.
7. Прокурова Н. А. История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива» (по материалам архива В. А. Рышкова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009.
8. Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникевич; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010.

References

1. Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov — kritik i zhurnalist. SPb., 2025.
2. Botsianovskii V. F. Golosa epokhi: Stat'i i vospominaniia / Nauch. red., sost., vstup. stat'ia A. S. Aleksandrova. SPb., 2023.
3. Iasinskii I. I. Roman moei zhizni. Kniga vospominanii: V 2 t. / Sost. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd; vstup. stat'ia L. L. Pil'd; podg. teksta T. V. Misnikevich; komm. T. V. Misnikevich i L. L. Pil'd. M., 2010.
4. Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otsyvy sovremennikov. Bibliografiia. M., 2006. T. 1. Ch. 1. Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg.
5. Mezhdv dvukh revoliutsii: 1917 god v perepiske A. A. Izmailova i I. I. Iasinskogo / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. S. Aleksandrova i T. V. Misnikevich // Russkaia literatura. 2024. № 4.
6. Misnikevich T. V., Aleksandrov A. S. A. A. Izmailov i I. I. Iasinskii: Epistoliarnyi dialog // Russkaia literatura. 2023. № 2.
7. Perepiska A. A. Izmailova i I. I. Iasinskogo: (1915–1916 gg.) / Podg. teksta i komm. A. S. Aleksandrova // Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuu epokhu: Formy vzaimodeistvia i metodologii analiza: Kollektivnaia monografiia / Otв. red. i sost. A. A. Kholikov, pri uchastii E. I. Orlovoi. M., 2021.
8. Prozorova N. A. Istoriia izdaniia i chitatel'skoe vospriatie zhurnala «Rodnaia niva» (po materialam arkhiva V. A. Ryshkova) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody. SPb., 2009.

Джузеппина Ларокка

доцент Университета Мачераты (Италия)

Giuseppina Larocca

Associate Professor, University of Macerata (Italy)

ORCID: 0000-0003-0732-9485

giusylarocca2021@gmail.com

**ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФЛОРЕНЦИИ:
ПИСЬМА ОЛЬГИ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ К ДЖУЗЕППЕ ПРЕЦЗОЛИНИ
И БОРИСА ЯКОВЕНКО К ЭРНЕСТО КОДИНЬОЛЕ**

**CULTURAL HISTORY OF RUSSIAN FLORENCE:
LETTERS OF OL'GA RESNEVICH SIGNORELLI TO GIUSEPPE PREZZOLINI
AND OF BORIS YAKOVENKO TO ERNESTO CODIGNOLA**

Статья представляет новые материалы о русской эмиграции в Тоскане в первой половине XX века. Особое внимание уделено Ольге Ресневич-Синьорелли (1883–1973) и Борису Яковенко (1884–1949). В работе публикуются их неизданные письма к деятелям итальянской культуры. Письма Ресневич-Синьорелли к писателю Джузеппе Преццолини (сентябрь–октябрь 1918 года) отражают интеллектуальное взаимопонимание и обмен идеями. Письма Яковенко к педагогу и издателю Эрнесто Кодиньоле (1922) связаны с издательскими проектами, включая переводы романов Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: эмиграция, русская культура, русско-итальянские связи, эпистолярное наследие, перевод, О. Ресневич-Синьорели, Б. В. Яковенко.

The article offers new insights into the Russian émigré community in Tuscany in the first half of the 20th century. It focuses on Ol'ga Resnevich Signorelli (1883–1973) and Boris Yakovenko (1884–1949) and their unpublished letters addressed to prominent Italian cultural activists. The letters by Resnevich Signorelli to the writer Giuseppe Prezzolini (dated September–October 1918) attest to a relationship grounded in profound intellectual affinity and an active exchange of ideas. Yakovenko's two letters to the educator and publisher Ernesto Codignola (1922) are closely connected with a range of publishing projects, including the translation of the novels by Fyodor Dostoevsky.

Key words: Emigration, Russian Culture, Russian-Italian Relationships, Epistolary Legacy, Translation, O. Resnevich-Signorelli, B. V. Yakovenko.

Список литературы

1. Алоэ С. Достоевский в итальянской критике // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2013. Т. 20.
2. Алоэ С. Некоторые заметки о приеме Достоевского в Италии во времена Муссолини // Язык и текст. 2021. Т. 8. № 1.
3. Безродный М. В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1.
4. Бокале П. Русистика в Италии // Этнопсихоллингвистика. 2021. № 4 (7).
5. Васильева М. А. Семья Левицких и Харкевичей в истории русской диаспоры во Флоренции: по архивам Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). Salerno, 2015 (coll. «Europa orientalis»; vol. 23).
6. Гардзонио С. Евгений Ананьин — русский революционер и исследователь итальянской культуры // Res Philologica II: Филологические исследования. СПб., 2001.
7. Гардзонио С. К изучению русского зарубежья в Италии: Материалы к истории «La Russia» и «La Russia nuova» // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of W. Zalewski. Stanford, 1999 (Stanford Slavic Studies; vol. 20).
8. Гардзонио С. Флоренция в творчестве русских поэтов-эмигрантов в Италии: некоторые штрихи к теме // «Персонажи в поисках автора». Жизнь русских в Италии XX века. М., 2011.
9. Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии. Исследования и материалы. М., 2011. Кн. 1.
10. Гаретто Э. Из архива О. И. Ресневич-Синьорелли // Russian Literature. 2005. Vol. LVIII.

11. Ермичев А. А. О неокантианстве Б. В. Яковенко и его месте в русской философии // Яковенко Б. В. Мошь философии / Сост., пер., вступ. статья, комм. А. А. Ермичева. СПб., 2000.
12. Клементьев А. К. Николай Петрович Оттокар (Русский исследователь политического устройства Средневековой Европы) // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. Кн. 3.
13. Комолова Н. П. Профессор Флорентийского университета Н. П. Оттокар // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке = Emigrazione russa in Italia nel XX secolo.
14. Ларокка Дж. Борис Яковенко — переводчик драматургии Тургенева (По архивным материалам) (Часть I) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. СПб., 2024. Вып. 5.
15. Ларокка Дж. Слово искусство (и не только). Русские корреспонденты Арденго Соффи-чи // Emigrantica. М., 2024. Вып. 1.
16. Ларокка Дж. Эрнесто Кодиньола и русские в Италии. К истории отношений // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). Salerno, 2015 (coll. «Europa orientalis»; vol. 23).
17. Леонтьев Я. В., Гардзонио С. Из истории русской колонии в Риме (1912–1917) // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страда. М., 2005.
18. Нивьер А. Харкевич Адриан Ксенофонович // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. М., 2006.
19. Паклин Н. Русские в Италии. М., 1990.
20. Панкова Т. Ю. Б. В. Яковенко и журнал «Логос» // Кантовский сборник. 2013. № 1.
21. Письма Н. П. Оттокара к Вяч. Иванову / Публ. и прим. С. Гардзонио // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 3.
22. Письма Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова к Ольге Ресневич-Синьорелли / Публ. Э. Гарретто // Минувшее. Paris, 1988. Вып. 5.
23. Рицци Д. Русские художники и писатели в статьях и воспоминаниях Арденго Соффи-чи // «Персонажи в поисках автора». Жизнь русских в Италии XX века. М., 2011.
24. Рицци Д. Яковенко Борис Валентинович // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / Ред.-сост. А. д'Амелия, Д. Рицци. М., 2019.
25. Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: Переписка / Под ред. Э. Гарретто, А. д'Амелия, К. Кумпан, Д. Рицци = Archivio russo-italiano IX. Ol'ga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa: Corrispondenze / A cura di E. Garetto, A. d'Amelia, K. Kumpan, D. Rizzi. Salerno, 2012. Т. 1–2 (coll. «Europa orientalis»; vol. 19).
26. Саббатини М. Евгений Ананьин и Пьеро Гобетти: письма о России (1924–1925 гг.) // «Беспокойные музы»: К истории русско-итальянских отношений XVIII–XX вв. = Le muse inquietanti. Per una storia dei rapporti russo-italiani nei secoli XVIII–XX. Salerno, 2011 (coll. «Europa orientalis»; vol. 14/2).
27. Степанова Л. Б. В. Яковенко как переводчик: к истории первого русского издания «Эстетики» Кроче // Вопросы литературы. 2007. № 1.
28. Сульпассо Б. Кюн-Амендола Ева Оскарвна // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / Ред.-сост. А. д'Амелия, Д. Рицци. М., 2019.
29. Талалай М. Организации русских эмигрантов во Флоренции (1917–1949) // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке = Emigrazione russa in Italia nel XX secolo.
30. Талалай М. Православная церковь Рождества Христова и святителя Николая Чудотворца во Флоренции: историко-художественный путеводитель. Флоренция, 2000.
31. Штруба М. О несостоявшихся сотрудниках «Современных записок»: случай Е. А. Ананьина // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). Salerno, 2015 (coll. «Europa orientalis»; vol. 23).
32. Adamo S. Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste 1869–1945. Udine, 1998.
33. Aloe S. Dostoevskiana in Italia (1945–2012) // Su Fedor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore. Napoli, 2012.
34. Bellini D. «Kobilek» di Suffici: dalla guerra-gioco alla narrazione di una comunità // Annali d'Italianistica. 2015. Vol. 33. The Great War and The Modernist Imagination in Italy.
35. Brogioni L. Attilio Vallecchi e la sua casa editrice // Brogioni L. Le edizioni Vallecchi. Catalogo 1919–1947. Milano, 2008.
36. Cazzola P. La casa editrice «Slavia» di Torino, antesignana delle traduzioni letterarie di classici russi negli anni Venti-Trenta // La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo. Milano, 1979.
37. De Michelis C. «Guerra e pace» di Giuseppe Prezzolini // Sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte. Milano, 2012.
38. L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli / Introduzione e note di R. Vassena // Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e il suo tempo / A cura di D. Rizzi, E. Garetto. Salerno, 2010. Vol. I (coll. «Europa orientalis»; vol. 11/1).

39. Garetto E. Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevič Signorelli // *Europa Orientalis*. 1991. № 10.
40. Larocca G. Emigrazione e diffusione della cultura russa a Firenze: scritture e traduzioni // *Migrazioni ed esili nel Novecento. Prospettive tra ispanistica e russistica*. Pisa, 2022.
41. Larocca G. L'aquila bicipite e il tenero iris. Tracce russe a Firenze nel primo Novecento (1899–1939). Pisa, 2018.
42. Le edizioni Einaudi negli anni 1933–2003. Torino, 2013.
43. Marcucci G. Čechov in Italia. La duchessa d'Andria e altre traduzioni (1905–1936). Macerata, 2022.
44. Prezzolini G. Diario. 1900–1941. Milano, 1978.
45. Prezzolini G. Un cuore grande così. Testimonianze su Olga Signorelli // *La fiera letteraria*. 1974. 25 agosto.
46. Renna C. Boris Jakovenko e la cultura filosofica europea: una ricostruzione biografica // *eSamizdat*. 2004. Vol. 2. № 3.
47. Renna C. Lettere di Boris V. Jakovenko a Benedetto Croce (1912–1930) // *Russica Romana*. 2006. Vol. XIII.
48. Rizzi D. «L'amicizia non è una vana parola». Lettere di Andrea Caffi a Olga Signorelli // *Русско-итальянский архив V. Русские в Италии = Archivio russo-italiano V. Russi in Italia / A cura di A. d'Amelia, C. Diddi*. Salerno, 2009 (coll. «Europa orientalis»; vol. 9).
49. Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento // *Русско-итальянский архив VI. Ольга Синьорелли и культура ее времени = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e il suo tempo / A cura di D. Rizzi, E. Garetto*. Salerno, 2010. Vol. II (coll. «Europa orientalis»; vol. 11/2).
50. Sulpasso B. Boris Pasternak and Renato Poggioli // *Новое о Пастернаках. Материалы конференции 2015 года в Стэнфорде / Под ред. Л. Флейшмана*. М., 2017.
51. Tognotti E. La «Spagnola» in Italia. Storia dell'influenza che fece temere la fine del mondo (1918–19). 2 ed. Milano, 2015.

References

1. Adamo S. Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste 1869–1945. Udine, 1998.
2. Aloe S. Dostoevskiana in Italia (1945–2012) // *Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore*. Napoli, 2012.
3. Aloe S. Dostoevskij v ital'ianskoi kritike // *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia*. SPb., 2013. T. 20.
4. Aloe S. Nekotorye zametki o prieme Dostoevskogo v Italii vo vremena Mussolini // *Iazyk i tekst*. 2021. T. 8. № 1.
5. Bellini D. «Kobilek» di Soffici: dalla guerra-gioco alla narrazione di una comunità // *Annali d'Italianistica*. 2015. Vol. 33. The Great War and The Modernist Imagination in Italy.
6. Bezrodnyi M. V. Iz istorii russkogo neokantianstva (zhurnal «Logos» i ego redaktery) // *Litsa. Biograficheskii al'manakh*. M.; SPb., 1992. Vyp. 1.
7. Bokale P. Rusistika v Italii // *Etnopsikhologingvistika*. 2021. № 4 (7).
8. Brogioni L. Attilio Vallecchi e la sua casa editrice // *Brogioni L. Le edizioni Vallecchi. Catalogo 1919–1947*. Milano, 2008.
9. Cazzola P. La casa editrice «Slavia» di Torino, antesignana delle traduzioni letterarie di classici russi negli anni Venti-Trenta // *La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo*. Milano, 1979.
10. De Michelis C. «Guerra e pace» di Giuseppe Prezzolini // *Sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte*. Milano, 2012.
11. Ermichev A. A. O neokantianstve B. V. Iakovenko i ego meste v russkoi filosofii // *Iakovenko B. V. Moshch' filosofii / Sost., per., vstup. stat'ia, komm. A. A. Ermicheva*. SPb., 2000.
12. Gardzonio S. Evgenii Anan'in — russkii revoliutsioner i issledovatel' ital'ianskoi kul'tury // *Res Philologica II: Filologicheskie issledovaniia*. SPb., 2001.
13. Gardzonio S. Florentsiia v tvorchestve russkikh poetov-emigrantov v Italii: nekotorye shtrikhi k teme // «Personazhi v poiskakh avtora». *Zhizn' russkikh v Italii XX veka*. M., 2011.
14. Gardzonio S. K izucheniiu russkogo zarubezh'ia v Italii: Materialy k istorii «La Russia» i «La Russia nuova» // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of W. Zalewski*. Stanford, 1999 (Stanford Slavic Studies; vol. 20).
15. Gardzonio S., Sul'passo B. Oskolki russkoi Italii. Issledovaniia i materialy. M., 2011. Kn. 1.
16. Garetto E. Iz arkhiva O. I. Resnevich-Sin'orelli // *Russian Literature*. 2005. Vol. LVIII.
17. Garetto E. Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevič Signorelli // *Europa Orientalis*. 1991. № 10.
18. Klement'ev A. K. Nikolai Petrovich Ottokar (Russkii issledovatel' politicheskogo ustroistva Srednevekovoi Evropy) // *Zarubezhnaia Rossiia*. 1917–1945. SPb., 2004. Kn. 3.
19. Komolova N. P. Professor Florentiiskogo universiteta N. P. Ottokar // *Rossia i Italiia*. M., 2003. Vyp. 5. Russkaia emigratsiia v Italii v XX veke = Emigrazione russa in Italia nel XX secolo.

20. L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli / Introduzione e note di R. Vassena // Russko-ital'ianskii arkhiv VI. Ol'ga Sin'orelli i kul'tura ee vremeni = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e il suo tempo / A cura di D. Rizzi, E. Garetto. Salerno, 2010. Vol. I (coll. «Europa orientalis»; vol. 11/1).
21. Larocca G. Emigrazione e diffusione della cultura russa a Firenze: scritture e traduzioni // Migrazioni ed esili nel Novecento. Prospettive tra ispanistica e russistica. Pisa, 2022.
22. Larocca G. L'aquila bicipite e il tenero iris. Tracce russe a Firenze nel primo Novecento (1899–1939). Pisa, 2018.
23. Larokka Dzh. Boris Iakovenko — perevodchik dramaturgii Turgeneva (Po arkhivnym materialam) (Chast' I) // I. S. Turgenev. Novye issledovaniia i materialy. SPb., 2024. Vyp. 5.
24. Larokka Dzh. Ernesto Kodin'ola i russkie v Italii. K istorii otnoshenii // Russkaia emigratsiia v Italii: zhurnaly, izdaniia i arkhivy (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). Salerno, 2015 (coll. «Europa orientalis»; vol. 23).
25. Larokka Dzh. Slovo iskusstvu (i ne tol'ko). Russkie korrespondenty Ardengo Soffichi // Emigrantica. M., 2024. Vyp. 1.
26. Le edizioni Einaudi negli anni 1933–2003. Torino, 2013.
27. Leont'ev Ia. V., Gardzonio S. Iz istorii russkoi kolonii v Rime (1912–1917) // VITTORIO. Mezhdunarodnyi nauchnyi sbornik, posviashchennyi 75-letiiu Vittorio Strada. M., 2005.
28. Maruccci G. Čechov in Italia. La duchessa d'Andria e altre traduzioni (1905–1936). Macerata, 2022.
29. Niv'er A. Kharkevich Adrian Ksenofontovich // Russkie v Italii: kul'turnoe nasledie emigratsii. M., 2006.
30. Paklin N. Russkie v Italii. M., 1990.
31. Pankova T. Iu. B. V. Iakovenko i zhurnal «Logos» // Kantovskii sbornik. 2013. № 1.
32. Pis'ma N. P. Ottokara k Viach. Ivanovu / Publ. i prim. S. Gardzonio // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. M., 2006. T. 3.
33. Pis'ma N. S. Goncharovoi i M. F. Larionova k Ol'ge Resnevich-Sin'orelli / Publ. E. Garetto // Minuvshee. Paris, 1988. Vyp. 5.
34. Prezzolini G. Diario. 1900–1941. Milano, 1978.
35. Prezzolini G. Un cuore grande così. Testimonianze su Olga Signorelli // La fiera letteraria. 1974. 25 agosto.
36. Renna C. Boris Jakovenko e la cultura filosofica europea: una ricostruzione biografica // eSamizdat. 2004. Vol. 2. № 3.
37. Renna C. Lettere di Boris V. Jakovenko a Benedetto Croce (1912–1930) // Russica Romana. 2006. Vol. XIII.
38. Ritstsi D. Iakovenko Boris Valentinovich // Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediia / Red.-sost. A. d'Ameliia, D. Ritstsi. M., 2019.
39. Ritstsi D. Russkie khudozhniki i pisateli v stat'iakh i vospominaniakh Ardengo Soffichi // «Personazhi v poiskakh avtora». Zhizn' russkikh v Italii XX veka. M., 2011.
40. Rizzi D. «L'amicizia non è una vana parola». Lettere di Andrea Caffi a Olga Signorelli // Russko-ital'ianskii arkhiv VI. Ol'ga Sin'orelli i kul'tura ee vremeni = Archivio russo-italiano VI. Russi in Italia / A cura di A. d'Amelia, C. Diddi. Salerno, 2009 (coll. «Europa orientalis»; vol. 9).
41. Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento // Russko-ital'ianskii arkhiv VI. Ol'ga Sin'orelli i kul'tura ee vremeni = Archivio russo-italiano VI. Olga Signorelli e il suo tempo / A cura di D. Rizzi, E. Garetto. Salerno, 2010. Vol. II (coll. «Europa orientalis»; vol. 11/2).
42. Russko-ital'ianskii arkhiv IX. Ol'ga Resnevich-Sin'orelli i russkaia emigratsiia: Perepiska = Archivio russo-italiano IX. Ol'ga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa: Corrispondenze / A cura di E. Garetto, A. d'Amelia, K. Kumpan, D. Rizzi. Salerno, 2012. T. 1–2 (coll. «Europa orientalis»; vol. 19).
43. Sabbatini M. Evgenii Anan'in i P'ero Gobetti: pis'ma o Rossii (1924–1925 gg.) // «Bespokoinye muzy»: K istorii russko-ital'ianskikh otnoshenii XVIII–XX vv. = Le muse inquietanti. Per una storia dei rapporti russo-italiani nei secoli XVIII–XX. Salerno, 2011 (coll. «Europa orientalis»; vol. 14/2).
44. Shruba M. O nesostoiaivshikhia sotrudnikakh «Sovremennykh zapisok»: sluchai E. A. Anan'ina // Russkaia emigratsiia v Italii: zhurnaly, izdaniia i arkhivy (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). Salerno, 2015 (coll. «Europa orientalis»; vol. 23).
45. Stepanova L. B. V. Iakovenko kak perevodchik: k istorii pervogo russkogo izdaniia «Estetiki» Kroche // Voprosy literatury. 2007. № 1.
46. Sul'passo B. Kiun-Amendola Eva Oskarovna // Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX veka: entsiklopediia / Red.-sost. A. d'Ameliia, D. Ritstsi. M., 2019.
47. Sulpasso B. Boris Pasternak and Renato Poggioli // Novoe o Pasternakah. Materialy konferencii 2015 goda v Stenforde / Pod. red. L. Fleishmana. M., 2017.
48. Talalai M. Organizatsii russkikh emigrantov vo Florentsii (1917–1949) // Rossiia i Italiia. M., 2003. Vyp. 5. Russkaia emigratsiia v Italii v XX veke = Emigrazione russa in Italia nel XX secolo.

49. *Talalai M.* Pravoslavnaia tserkov' Rozhdestva Khristova i sviatitelia Nikolaia Chudotvortsia vo Florentsii: istoriko-khudozhestvennyi putevoditel'. Florentsiia, 2000.

50. *Tognotti E.* La «Spagnola» in Italia. Storia dell'influenza che fece temere la fine del mondo (1918–19). 2 ed. Milano, 2015.

51. *Vasil'eva M. A.* Sem'ia Levitskikh i Kharkevichei v istorii russkoi diaspory vo Florentsii: po arkhivam Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna // Russkaia emigratsiia v Italii: zhurnaly, izdaniia i arkhivy (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). Salerno, 2015 (coll. «Europa orientalis»; vol. 23).

Чжан Бин

профессор Гуандунского университета иностранных языков
и внешней торговли (КНР);
научный сотрудник Пекинского университета (КНР)

Zhang Bing

Professor, Guangdong University of Foreign Studies (China);
Research Fellow, Peking University (China)

ORCID: 0009-0009-1499-0897

zb0227@pku.edu.cn

Пань Чэньси

докторант Гуандунского университета иностранных языков
и внешней торговли (КНР)

Pan Chenxi

Doctoral Candidate, Guangdong University of Foreign Studies (China)

ORCID: 0009-0009-3052-6752

panchenxi0910@163.com

ПЕКИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И РАЗВИТИЕ ТОЛСТОВЕДЕНИЯ В КИТАЕ

PEKING UNIVERSITY AND THE DEVELOPMENT OF TOLSTOY STUDIES IN CHINA

Толстоведение в Китае было тесно связано с Пекинским университетом с момента его основания. В этом эссе прослеживаются истоки толстоведения в Пекинском университете и кратко описывается становление и развитие этой дисциплины со времени реформ и открытости Китая. Рассматриваются значимые исследования жизни и творчества Л. Н. Толстого, переводы его произведений на китайский язык, составление учебников и подготовка студентов в области толстоведения.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Пекинский университет, русская литература, исследования творчества Л. Н. Толстого в Китае, перевод творчества Л. Н. Толстого в Китае.

The field of Leo Tolstoy studies in China has been closely linked to Peking University since its inception. This article traces the origins of Tolstoy studies at Peking University and summarizes the emergence and development of the discipline since China's reforms and opening up from several aspects: important Tolstoy research, translation, textbook compilation, and the cultivation of Tolstoy studies talents.

Key words: L. N. Tolstoy, Peking University, Russian literature, Research of Leo Tolstoy's Works in China, Translation of Leo Tolstoy's Works in China.

Список литературы

1. Ван Цзечжи. Авторитетный труд в области изучения истории русской литературы в Китае — рецензия на «Историю русской литературы» под редакцией господина Цао Цзинхуа // Русское искусство. 2008. № 4.
2. Группа по изучению Льва Толстого при факультете русского языка Пекинского университета. Ленин о Л. Толстом // Вестник Пекинского университета. Сер. Гуманитарные науки. 1960. № 2.
3. Группа по изучению Льва Толстого при факультете русского языка Пекинского университета. О «Воскресении» // Вестник Пекинского университета. Сер. Гуманитарные науки. 1961. № 3.
4. Е Фанфан. От «Воскресения» до «Тюрьмы сердца»: современный художественный перевод и тематические вариации в романе — Исследование первого китайского перевода «Воскресения» Льва Толстого // Исследования по иностранным языкам. 2021. № 5.
5. Жэнь Гуансюань. О типах психологического анализа и их особенностях — сравнение методов у Толстого, Тургенева и Чехова // Зарубежная литература. 1988. № 3.
6. Ли Минбинь. История культурного обмена между Китаем и Россией. Введение в культурные взаимодействия Китая и России / Отв. ред. Хэ Фанчуань. Пекин, 2020.
7. Ли Минбинь. История распространения китайской литературы в России. Пекин, 2011.
8. Ли Минбинь. Китайская литература в России. Пекин, 2012.
9. Ли Минбинь. Л. Толстой: душа русской литературы. Тайбэй, 2002.
10. Ли Минбинь. Л. Толстой и усадьба Ясная Поляна. Цзинань, 2007.
11. Ли Минбинь. Художественные достижения «Войны и мира» // Зарубежная литература. 1981. № 1.
12. Ли Минбинь. Цзан Чжунлунь: Переводчик, чуждый тщеславия и карьерных устремлений // <http://www.Chinawriter.com.cn/n1/2016/0704/c404094-28523360.html>; дата обращения: 16.12.2025.
13. Ли Минбинь. Энциклопедия китайской культуры. Том по истории культурных обменов с зарубежными странами. Шанхай, 1998. Т. 10. Хроника культурных обменов Китая с Россией / СССР.
14. Ли Минбинь. Является ли Анна «сторонницей превосходства любви»? — А также о пагубной тенденции в преподавании и критике зарубежной литературы // Исследование зарубежной литературы. 1979. № 3.
15. Ло Пэн. Исследования иностранной литературы за 30 лет реформ и открытости. Обзор литературы (часть 2). Пекин, 2018. Т. II.
16. Мартин В. А. П. Русская басня // Собрание документов по новой истории Китая. Сер. 3. Вып. 32. Избранные статьи из «Пекинского научного журнала» / Отв. ред. Шэнь Юньлун. Тайбэй, 1987.
17. Сюй Чжифан. Образ Катюши Масловой в «Воскресении» // Зарубежная литература. 1981. № 1.
18. Сюй Чжифан. Художественные особенности рассказа Л. Н. Толстого «После бала» // Исследование зарубежной литературы. 1979. № 2.
19. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 2006. Т. 21.
20. У Юньбин. Лев Толстой в контексте «Движения за новую культуру» // Русское искусство. 2012. № 2.
21. Чжан Цюхуа. Чтение «Анны Карениной» // Зарубежная литература. 1981. № 1.
22. Чжан Янь, Чжао Гуйлянь. Исследование иностранной литературы за 60 лет периода Нового Китая // Исследования зарубежной художественной литературы. Пекин, 2015. Т. I. Ч. II.
23. Чжао Гуйлянь. Жизнь есть любовь: «Война и мир». Куньмин, 2002.
24. Чэнь Цзяньхуа. От «Русской басни» к басням Крылова // Китайская сравнительная литература. 1996. № 1.
25. Юэ Фэнлинь. Память о Наставнике, выступавшем в бурях времени // Юбилейный сборник к 110-летию со дня рождения Цао Цзинхуа / Отв. ред. Чжа Сюань. Пекин, 2009.

References

1. Van Tszechzhi. Avtoritetnyi trud v oblasti izuchenii istorii russkoi literatury v Kitae — retsenziia na «Istoriiu russkoi literatury» pod redaktsiei gospodina Tsao Tszinkhua // Russkoe iskusstvo. 2008. № 4.
2. Gruppa po izucheniiu L'va Tolstogo pri fakul'tete russkogo iazyka Pekinskogo universiteta. Lenin o L. Tolstom // Vestnik Pekinskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 1960. № 2.
3. Gruppa po izucheniiu L'va Tolstogo pri fakul'tete russkogo iazyka Pekinskogo universiteta. O «Voskresenii» // Vestnik Pekinskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 1961. № 3.
4. E Fanfan. Ot «Voskreseniia» do «Tiur'my serdtsa»: sovremennii khudozhestvennyi perevod i tematicheskie variatsii v romane — Issledovanie pervogo kitaiskogo perevoda «Voskreseniia» L'va Tolstogo // Issledovaniia po inostrannym iazykam. 2021. № 5.
5. Zhen' Guansuan'. O tipakh psikhologicheskogo analiza i ikh osobennostiakh — sravnenie metodov u Tolstogo, Turgeneva i Chekhova // Zarubezhnaia literatura. 1988. № 3.

6. *Li Minbin*. Istoriia kul'turnogo obmena mezhdu Kitaem i Rossiei. Vvedenie v kul'turnye vzaimodeistviia Kitaia i Rossii / Otv. red. Khe Fanchuan'. Pekin, 2020.
7. *Li Minbin*. Istoriia rasprostraneniia kitaiskoi literatury v Rossii. Pekin, 2011.
8. *Li Minbin*. Kitaiskaia literatura v Rossii. Pekin, 2012.
9. *Li Minbin*. L. Tolstoi: dusha russkoi literatury. Taibei, 2002.
10. *Li Minbin*. L. Tolstoi i usad'ba Iasnaia Poliana. Tszinan', 2007.
11. *Li Minbin*. Khudozhestvennye dostizheniia «Voiny i mira» // Zarubezhnaia literatura. 1981. № 1.
12. *Li Minbin*. Tszan Chzhunlun': Perevodchik, chuzhdyi tshcheslaviia i kar'ernykh ustremlenii // <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2016/0704/c404094-28523360.html>; data obrashcheniia: 16.12.2025.
13. *Li Minbin*. Entsiklopediia kitaiskoi kul'tury. Tom po istorii kul'turnykh obmenov s zarubezhnymi stranami. Shangkai, 1998. T. 10. Khronika kul'turnykh obmenov Kitaia s Rossiei / SSSR.
14. *Li Minbin*. Iavliaetsia li Anna «storonnitsei prevoskhodstva liubvi»? — A takzhe o pagubnoi tendentsii v prepodavanii i kritike zarubezhnoi literatury // Issledovanie zarubezhnoi literatury. 1979. № 3.
15. *Lo Pen*. Issledovaniia inostrannoi literatury za 30 let reform i otkrytosti. Obzor literatury (chast' 2). Pekin, 2018. T. II.
16. *Martin V. A. P.* Russkaia basnia // Sbranie dokumentov po novoi istorii Kitaia. Ser. 3. Vyp. 32. Izbrannye stat'i iz «Pekinskogo nauchnogo zhurnala» / Otv. red. Shen' Iun'lun. Taibei, 1987.
17. *Siui Chzhifan*. Obraz Katlushi Maslovoi v «Voskresenii» // Zarubezhnaia literatura. 1981. № 1.
18. *Siui Chzhifan*. Khudozhestvennye osobennosti rasskaza L. N. Tolstogo «Posle bala» // Issledovanie zarubezhnoi literatury. 1979. № 2.
19. *Tolstoi L. N.* Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 2006. T. 21.
20. *U Iun'bin*. Lev Tolstoi v kontekste «Dvizheniia za novuiu kul'turu» // Russkoe iskusstvo. 2012. № 2.
21. *Chzhan Tsiukhua*. Chtenie «Anny Kareninoi» // Zarubezhnaia literatura. 1981. № 1.
22. *Chzhan Ian', Chzhao Guilian*. Issledovanie inostrannoi literatury za 60 let perioda Novogo Kitaia // Issledovaniia zarubezhnoi khudozhestvennoi literatury. Pekin, 2015. T. I. Ch. II.
23. *Chzhao Guilian*. Zhizn' est' liubov': «Voia i mir». Kun'min, 2002.
24. *Chen' Tszian'khua*. Ot «Russkoi basni» k basniam Krylova // Kitaiskaia sravnitel'naia literatura. 1996. № 1.
25. *Iue Fenlin*. Pamiat' o Nastavnikhe, vystoiavshem v buriakh vremeni // Iubileinyi sbornik k 110-letiiu so dnia rozhdeniia Tsao Tszinkhua / Otv. red. Chzha Siaoian'. Pekin, 2009.

Александра Сергеевна Пахомова

старший преподаватель Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Aleksandra Sergeevna Pakhomova

Senior Lecturer, National Research University
Higher School of Economics (St.-Petersburg)

ORCID: 0000-0002-2145-754X

aleks.pakhomova@gmail.com

СЕТИ МИХАИЛА КУЗМИНА:

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ КУЗМИНСКОГО КРУГА 1920–1930-х ГОДОВ

MIKHAIL KUZMIN'S SETY AS NETWORKS:

A NETWORK ANALYSIS OF KUZMIN'S CIRCLE IN THE 1920s AND 1930s

В статье поставлен вопрос о существовании круга М. А. Кузмина как историко-культурной общности, скрепленной не столько творческими, сколько социальными связями. Для анализа этих связей использован метод моделирования сетей (создание графа). Из дневников Кузмина 1921–1927 годов были вручную выделены все встречи, которые зафиксировал автор, распределены

по таблицам и визуализированы при помощи программы Gephi. Полученные метрики и сети позволяют проанализировать тенденции зарождения кузминского круга и динамику его развития, выбрать сильные и слабые связи, выделить его «ядро» в разные годы. Полученные данные не только обновляют представления о круге Кузмина, название которого до настоящего времени использовалось описательно, но и существенно расширяют знания о неформальных центрах и невидимых процессах в ленинградской литературе 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: М. А. Кузмин, литературный круг, сетевой анализ, сеть, непреднамеренные последствия.

The article analyzes the phenomenon of *Mikhail Kuzmin's circle* as a historical and cultural community that included many literary and artistic figures: Anna Radlova and Sergey Radlov, Konstantin Vaginov, Aleksander Vvedensky and Daniil Kharms, Dmitry Mitrokhin, Benedict Livshits, Lev Rakov, etc. It suggests that Kuzmin's circle should be viewed as a community bound by artistic, rather than social ties. The method of network modeling (graph modeling) is employed in the analysis of these relationships. All the encounters were manually extracted from Kuzmin's 1921–1927 diaries, organized, and visualized using the *Gephi* software. The resulting metrics and networks were used to trace the emerging tendencies and internal dynamics of Kuzmin's circle, to identify strong and weak ties, and to determine the «core» of this community in various years. The data obtained adds to the existing understanding of Kuzmin's circle, while until now the term has been used descriptively, and expands the knowledge concerning the informal centers and covert processes in Leningrad literary life of the 1920s–1930s.

Key words: Mikhail Kuzmin, literary circle, networks analysis, networks, unintended consequences.

Список литературы

1. Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных. М., 1991.
2. Бреслер Д., Константинова К. Андрей Егунов в 1920–1930-е годы // Николев А. По ту сторону Тулы / Вступ. статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; комм. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М., 2022.
3. Бурдые П. Поле литературы / Пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45.
4. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесловие Н. А. Шматко. СПб.; М., 2001.
5. Вахтина П. Л., Громова Н. А., Позднякова Т. С. Дело Бронникова «...о контрреволюционной организации фашистских молодежных кружков и антисоветских литературных салонов» № 249–32. М., 2019.
6. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008.
7. Всеволод Петров и колесо ленинградской культуры: Каталог выставки / Сост., вступ. статья И. И. Галеева. М., 2018.
8. Кузмин М. Дневник 1917–1924: В 2 Кн. / Под общ. ред. А. С. Пахомовой; подг. текста, комм. А. С. Пахомовой, К. В. Яковлевой, Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина; вступ. статья А. С. Пахомовой. СПб., 2024. Кн. 1, 2.
9. Кузмин М. Дневник 1934 года / Сост., подг. текста и комм. Г. А. Морева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2011.
10. Кузмин М. Проза и эссеистика: В 3 т. М., 2000. Т. 3. Эссеистика. Критика / Сост., подг. текстов и комм. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак.
11. Кукулин И. В., Майофис М. Л. Анализ социальных сетей в исторической социологии культуры (на материале советской детской литературы 1954–1957 годов). М., 2017. Препринт.
12. Кукулин И. Продисциплинарные и антидисциплинарные сети в позднесоветском сообществе // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3.
13. Лавров А. В., Тименчик Р. Д. «Милые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Избр. произведения / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л., 1990.
14. Латыпов И. Непреднамеренные последствия преднамеренных действий: почему неравенство остается стабильным? // Russian Sociological Review. 2024. Vol. 23. № 3.
15. Мертон Р. К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / Пер. с англ. В. Кузьминова // Социологический журнал. 2009. № 2.
16. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева и др. М., 2006.
17. Орехов Б. В., Успенский П. Ф., Файнберг В. В. Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу» В. Ф. Ходасевича // Русская литература. 2018. № 3.
18. Орлова М. В. Валерий Брюсов и его ученики. «Дело» Надежды Львовой // Литературный факт. 2022. № 2 (24).

19. Парнис А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990.
20. Пахомова А. С. Круг Михаила Кузмина и формирование неофициальной ленинградской литературы второй половины XX века // Литературный факт. 2024. № 2 (23).
21. Пахомова А. С. Куда плыли «Марсельские матросы» в 1917 году? // Литературный факт. 2021. № 19.
22. Пахомова А. С. Непрошенный пришелец: Михаил Кузмин. От Серебряного века к неофициальной культуре. М., 2025.
23. Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине // Петров В. Н. Турдейская Манон Леско: История одной любви; Воспоминания. СПб., 2016.
24. Петров В. Н. Философские рассказы (1939–1946) / Публ. М. Э. Маликовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016.
25. Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой (к вопросу о технических проблемах комментирования) // Лесная школа. Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикиркко) Ленинградской области, 2010.
26. Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура / Пер. В. А. Бейлиса // Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. и автор предисловия В. А. Бейлис. М., 1983 (сер. «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
27. Уокер Б. Максимилиан Волошин и русский литературный кружок: Культура и выживание в эпоху революции / Пер. с англ. И. Буровой. СПб., 2022.
28. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. 5-е изд., испр. и доп. М., 1997. Т. 1.
29. Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989.
30. Шумихин С. В. Дневник Михаила Кузмина: Архивная предыстория // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990.
31. Mica A. Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible. London; New York, 2018.

References

1. Adamovich G. Moi vstrechi s Annoi Akhmatovoi // Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi / Sost. V. Ia. Vilenkin, V. A. Chernykh. M., 1991.
2. Bresler D., Konstantinova K. Andrei Egunov v 1920–1930-e gody // Nikolev A. Po tu storonu Tuly / Vstup. stat'ia D. M. Breslera i K. E. Konstantinovi; komm. A. A. Agapova, D. M. Breslera i K. E. Konstantinovi. M., 2022.
3. Burd'e P. Pole literatury / Per. s fr. M. Gronasa // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 45.
4. Burd'e P. Prakticheskii smysl / Per. s fr. A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaia, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; otv. red. per. i posleslovie N. A. Shmatko. SPb.; M., 2001.
5. Chukovskaia L. K. Zapiski ob Anne Akhmatovoi: V 3 t. 5-e izd., ispr. i dop. M., 1997. T. 1.
6. Chukovskii N. K. Literaturnye vospominaniia. M., 1989.
7. Kukulin I. Prodistsiplinarnye i antidistsiplinarnye seti v pozdnesovetskom soobshchestve // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2017. T. 16. № 3.
8. Kukulin I. V., Maiofis M. L. Analiz sotsial'nykh setei v istoricheskoi sotsiologii kul'tury (na materiale sovetskoi detskoj literatury 1954–1957 godov). M., 2017. Preprint.
9. Kuzmin M. Dnevnik 1917–1924: V 2 kn. / Pod. obshch. red. A. S. Pakhomovoi; podg. teksta, komm. A. S. Pakhomovoi, K. V. Iakovlevoi, N. A. Bogomolova, S. V. Shumikhina; vstup. stat'ia A. S. Pakhomovoi. SPb., 2024. Kn. 1, 2.
10. Kuzmin M. Dnevnik 1934 goda / Sost., podg. teksta i komm. G. A. Moreva. 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 2011.
11. Kuzmin M. Proza i esseistika: V 3 t. M., 2000. T. 3. Esseistika. Kritika / Sost., podg. tekstov i komm. E. G. Domogatskoi, E. A. Pevak.
12. Latypov I. Neprednamerennye posledstviia prednamerennykh deistvii: pochemu neravenstvo ostaetsia stabil'nym? // Russian Sociological Review. 2024. Vol. 23. № 3.
13. Lavrov A. V., Timenchik R. D. «Milye starые miry i griadushchii vek»: Shtrikhi k portretu M. Kuzmina // Kuzmin M. Izbr. proizvedeniia / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. A. Lavrova, R. Timenchika. L., 1990.
14. Merton R. K. Neprednamerennye posledstviia prednamerennogo sotsial'nogo deistviia / Per. s angl. V. Kuz'minova // Sotsiologicheskii zhurnal. 2009. № 2.
15. Merton R. K. Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura / Per. s angl. E. N. Egorovoi, Z. V. Kaganovoi, V. G. Nikolaeva i dr. M., 2006.
16. Mica A. Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible. London; New York, 2018.
17. Orekhov B. V., Uspenskii P. F., Fainberg V. V. Tsifrovye podkhody k «Kamer-fur'erskomu zhurnalu» V. F. Khodasevicha // Russkaia literatura. 2018. № 3.

18. Orlova M. V. Valerii Briusov i ego ucheniki. «Delo» Nadezhdy L'vovoi // Literaturnyi fakt. 2022. № 2 (24).
19. Pakhomova A. S. Mikhaila Kuzmina i formirovanie neofitsial'noi leningradskoi literatury vtoroi poloviny XX veka // Literaturnyi fakt. 2024. № 2 (23).
20. Pakhomova A. S. Kuda plyli «Marsel'skie matrosy» v 1917 godu? // Literaturnyi fakt. 2021. № 19.
21. Pakhomova A. S. Neproshenyi prischelets: Mikhail Kuzmin. Ot Serebriannogo veka k neofitsial'noi kul'ture. M., 2025.
22. Parnis A. E. Khlebnikov v dnevnike M. A. Kuzmina // Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura XX veka: Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maia 1990 g. L., 1990.
23. Petrov V. N. Kaliostro: Vospominaniia i razmyshleniia o M. A. Kuzmine // Petrov V. N. Turdeiskaia Manon Lesko: Istoriia odnoi liubvi; Vospominaniia. SPb., 2016.
24. Petrov Vs. N. Filosofskie rasskazy (1939–1946) / Publ. M. E. Malikovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 god. SPb., 2016.
25. Shumikhin S. V. Dnevnik Mikhaila Kuzmina: Arkhivnaia predystoriia // Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura XX veka: Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maia 1990 g. L., 1990.
26. Terner V. Ritual'nyi protsess. Struktura i antistruktura / Per. V. A. Beilisa // Terner V. Simvol i ritual / Sost. i avtor predisloviia V. A. Beilis. M., 1983 (ser. «Issledovaniia po fol'kloru i mifologii Vostoka»).
27. Timenchik R. Iz Imennogo ukazatel'ia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi (k voprosu o tekhnicheskikh problemakh kommentirovaniia) // Lesnaia shkola. Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature. Poselok Poliany (Uusikirkko) Leningradskoi oblasti, 2010.
28. Uoker B. Maksimilian Voloshin i russkii literaturnyi kruzhok: Kul'tura i vyzhivanie v epokhu revoliutsii / Per. s angl. I. Burovoi. SPb., 2022.
29. Vakhtina P. L., Gromova N. A., Pozdniakova T. S. Delo Bronnikova «...o kontrevoliutsionnoi organizatsii fashistskikh molodezhnykh kruzhkov i antisovetskikh literaturnykh salonov» № 249-32. M., 2019.
30. Volkov V. V., Kharkhordin O. V. Teoriia praktik. SPb., 2008.
31. Vsevolod Petrov i koleso leningradskoi kul'tury: Katalog vystavki / Sost., vstup. stat'ia I. I. Galeeva. M., 2018.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

О ВЛАДИМИРЕ СОСИНСКОМ, АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ И ООН: ИСТОРИЯ ОДНОЙ РЕКОМЕНДАЦИИ

VLADIMIR SOSINSKY, ALEXEY REMIZOV AND THE UN: HISTORY OF A RECOMMENDATION

В статье рассмотрена история личных и творческих отношений В. Б. Сосинского и А. М. Ремизова. Их знакомство, начавшееся в 1920-е годы, впоследствии переросло в многолетнюю дружбу, чему способствовала женитьба молодого литератора на А. Черновой. В 1930-е годы журналист и сотрудник издательств Сосинский способствовал публикации произведений Ремизова. В 1940-е годы он приступил к работе в ООН в качестве переводчика и редактора стенограмм заседаний. В статье впервые публикуется текст обнаруженной в архиве ремизовской рекомендации Сосинскому, в которой писатель подтверждал его профессиональную квалификацию и моральные качества, необходимые для работы в ООН. Спустя годы сюжет о помощи Ремизова младшему товарищу по перу отразился в тексте романа Сосинского «ООН, Восток и Запад» (1971–1975).

Давняя память о полученной некогда рекомендации парадоксальным образом отозвалась появлением оригинальной вставной миниатюры («Сна Устирсына»), в которой была скрыто стилизованная поэтика жанра литературного сна Ремизова и напрямую названо его имя.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, В. Б. Сосинский, русский авангард, жанр литературного сна, ООН.

The article discusses personal and artistic relations between V. B. Sosinsky and A. M. Remizov. They met in the 1920s, and later became close friends, especially after the young writer's marriage to A. Chernova. In the 1930s, Sosinsky, a reporter and a staff member of various publishing companies, promoted the publication of Remizov's works. In the 1940s, he began working for the UN as a translator and meeting minutes' editor. The article introduces the text of the archival Remizov recommendation, where the writer confirms Sosinsky's professional qualifications and moral standards, necessary for the employment at the UN. Years later, the story of Remizov helping his younger colleague was reflected in Sosinsky's novel *The UN, East and West* (1971–1975). Ironically, the old memories of the recommendation were reflected in the quaint miniature incorporated into the novel (*Ustirsyn's Dream*) that is a covert stylization of the poetics of Remizov's literary dreams, and where his name is mentioned directly.

Key words: A. M. Remizov, V. B. Sosinsky, Russian Vanguard, literary dream genre, the UN.

Список литературы

1. Андреев В. История одного путешествия. Повести. М., 1974.
2. Виноградов В. В. Синтаксические воззрения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языкознания (К 120-летию со времени издания «Русской грамматики» А. Х. Востокова) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1951. Т. 10. Вып. 2.
3. Грачева А. М. Теория русского лада Алексея Ремизова. Генезис. Практика. Рефлексы. СПб., 2023.
4. Кодрянская Н. Сказки / Предисловие А. Ремизова. Париж, 1950.
5. Михайловский Б. Ремизов Алексей Михайлович // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1935. Т. 9.
6. Налчаджян А. А. Ночная жизнь: личность в своих сновидениях. СПб., 2004.
7. Никандров А. В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1.
8. Резников А. Д. Ранние детские воспоминания // Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста, сопроводит. статья, аннот. имен. указатель А. М. Грачевой. СПб., 2013.
9. Ремизов А. М. Дневник мыслей: 1943–1957 / Вступ. статья А. М. Грачевой; подг. текста, комм. А. М. Грачевой, О. А. Линдеберг, А. С. Урюпиной, Л. В. Хачатурян. СПб., 2013–2025. Т. 1–6.
10. Ремизов А. Мелюзина. Брунцвиг. Париж, 1952.
11. Сосинский В. Домовой на рю Буало / Публ. и предисловие А. Сосинского // Родина. 1991. № 8.
12. Сосинский В. Рассказы и публицистика / Вступ. статья С. Б. Сосинского, сост. и прим. А. Б. Сосинского. М., 2002.
13. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.
14. Эссе Н. В. Резниковой «Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957)» / Вступ. статья, публ. текста и комм. А. М. Грачевой // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 3.

References

1. Andreev V. Istoriia odnogo putesthestviia. Povesti. M., 1974.
2. Esse N. V. Reznikovoi «Aleksii Mikhailovich Remizov (1877–1957)» / Vstup. stat'ia, publ. teksta i komm. A. M. Grachevoi // Studia Litterarum. 2025. T. 10. № 3.
3. Gracheva A. M. Teoriia russkogo lada Alekseia Remizova. Genezis. Praktika. Refleksy. SPb., 2023.
4. Kodrianskaia N. Skazki / Predislovie A. Remizova. Parizh, 1950.
5. Mikhailovskii B. Remizov Aleksei Mikhailovich // Literaturnaia entsiklopediia. V 11 t. M., 1935. T. 9.
6. Nalchadzhian A. A. Nochnaia zhizn': lichnost' v svoikh snovideniiax. SPb., 2004.
7. Nikandrov A. V. Lingvistika i politika: politicheskie motivy i tsel' «svobodnoi diskussii po voprosam iazykoznaniiia» 1950 g. // Diskurs-Pi. 2023. T. 20. № 1.
8. Remizov A. M. Dnevnik myslei: 1943–1957 / Vstup. stat'ia A. M. Grachevoi; podg. teksta, komm. A. M. Grachevoi, O. A. Lindeberg, A. S. Uriupinoi, L. V. Khachaturian. SPb., 2013–2025. T. 1–6.
9. Remizov A. Meliuzina. Bruntsvig. Parizh, 1952.

10. *Reznikov A. D. Rannie detskie vospominaniia* // Reznikova N. Ognennaia pamiat'. Vospominaniia ob Aleksee Remizove / Podg. teksta, soprovodit. stat'ia, annot. imen. ukazatel' A. M. Grachevoi. SPb., 2013.
11. *Shakhovskaia Z. V poiskakh Nabokova. Otrazheniia*. M., 1991.
12. *Sosinskii V. Domovoi na riu Bualo* / Publ. i predislovie A. Sosinskogo // Rodina. 1991. № 8.
13. *Sosinskii V. Rasskazy i publitsistika* / Vstup. stat'ia S. B. Sosinskogo, sost. i prim. A. B. Sosinskogo. M., 2002.
14. *Vinogradov V. V. Sintaksicheskie vozzreniia A. Kh. Vostokova i ikh znachenie v istorii russkogo iazykoznaniiia* (K 120-letiiu so vremeni izdaniia «Russkoi grammatiki» A. Kh. Vostokova) // Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka. 1951. T. 10. Vyp. 2.

Моника Львовна Спивак

ведущий научный сотрудник

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
старший научный сотрудник Мемориальной квартиры Андрея Белого
(филиал Государственного музея А. С. Пушкина)

Monika Lvovna Spivak

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences; Senior Researcher,
Andrei Bely Memorial Apartment (Branch of the Pushkin State Museum)

ORCID: 0000-0001-5308-9780

monika_spivak@mail.ru

«НЕПОНЯТЕН-ПОНЯТЕН, НЕВНЯТЕН, ЗАПУТАН, ЛЕГОК...»: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ И КУРЬЕЗЫ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» (1926)

«CLEAR-UNCLEAR, OBSCURE, TANGLED, LIGHTWEIGHT...»: TEXTUAL ERRORS AND ODDITIES IN ANDREI BELY'S NOVEL *MOSCOW* (1926)

Статья посвящена критическому анализу первого прижизненного издания романа Андрея Белого «Москва», выпущенного издательством «Круг» в 1926 году: «Московский чудак» — часть первая; «Москва под ударом» — часть вторая. Сверка напечатанного текста с автографом и машинописью показала, что в книгу попало большое число опечаток и ошибок, искажающих первоначальный авторский замысел, делающих текст романа непонятным и порой бессмысленным. В рамках статьи рассмотрены наиболее типичные примеры ошибок. Самая значительная группа — результат редакторского невмешательства в текст, следствие невнимательной вычитки текста. Это — опечатки, встречающиеся на всех стадиях издательского процесса, случайные «ляпы» автографа, попавшие в печать, и т. п. В отдельные группы выделены ошибки пишущей машинки и ошибки поспешной авторской правки.

Ключевые слова: Андрей Белый, роман «Москва», «Московский чудак», «Москва под ударом», текстология, авторская воля, автограф, машинопись, эдичия.

This article offers critical analysis of the first lifetime edition of Andrei Bely's novel *Moscow*, published by *Krug* in 1926: *Moscow's Eccentric*, Part One; *Moscow under Attack*, Part Two. A comparison between the printed text, the autograph and typescript revealed a host of misprints and errors in the printed version, that distorted the author's intention, rendering the text of the novel incomprehensible and sometimes meaningless. The article examines the most typical errors. The most significant group resulted from the lack of editorial vigilance, a consequence of careless proofreading. These are misprints found at all stages of the publishing process, accidental «blunders» in the autograph that got into print, etc. Typewriter errors and errors of hasty author's corrections are highlighted in separate groups.

Key words: Andrei Bely, novel *Moscow*, *Moscow's Eccentric*, *Moscow under Attack*, textual criticism, authorial intent, autograph, typescript, edition.

Список литературы

1. А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15.
2. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
3. Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988.
4. Белый А. Между двух революций / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1990.
5. Белый А. Москва под ударом / Подг. текста и прим. С. И. Пискуновой и В. М. Пискунова // Белый А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
6. Белый А. Москва: Москва под ударом. Московский чудак. Маски / Публ. С. И. Тиминой. М., 1989.
7. Белый А. Москва. М., 2020.
8. Белый А. Московский чудак; Москва под ударом. М., 2022.
9. Белый А. Петербург / Изд. подг. Л. К. Долгополов; прим. С. С. Гречишкина, Л. К. Долгополова, А. В. Лаврова. Л., 1981 (сер. «Литературные памятники»).
10. Белый А. Петербург / Изд. подг. Л. К. Долгополов; прим. С. С. Гречишкина, Л. К. Долгополова, А. В. Лаврова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004 (сер. «Литературные памятники»).
11. Белый А. Петербург. Москва: В 2 т. / Подг. текста и прим. к «Москве» Н. И. Осьмаковой. Тула, 1989.
12. Белый А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2004. Т. 3–4. Москва.
13. Белый А. Собр. соч. М., 2020. Т. 17. Несобранное. Кн. 2 / Сост. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада; подг. текста, комм. А. В. Лаврова.
14. Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, подг. текста, сост., прим. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.; М., 2006. Т. 2 (сер. «Новая библиотека поэта»).
15. Белый А., Санников Г. Переписка 1928–1933 / Сост., предисловие и комм. Д. Г. Санникова. М., 2009.
16. Бунин И. А. Дневники 1885–1953 гг. / Предисловие, подг. текста и прим. Т. М. Двинятиной, О. А. Коростелева, С. Н. Морозова // Лит. наследство. 2022. Т. 110. И. А. Бунин. Новые материалы и исследования: В 4 кн. Кн. 2.
17. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
18. Кожевникова Н. А. Роман А. Белого «Москва» и Словарь В. И. Даля // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.
19. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М., 1992.
20. Лит. наследство. 2020. Т. 112. Кн. 2. Белый А. История становления самосознающей души: В 2 т. / Подг. изд. М. П. Одесского, М. Л. Спивак, Х. Шталь. Т. 2.
21. Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964.
22. Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Р. Д. Тименчика. М., 1997.
23. Спивак М. Л. Издательская история романа Андрея Белого «Москва» и литературная «кухня» 1920-х годов // Русская литература. 2025. № 2.
24. Спивак М. Л. Последнее публичное выступление Андрея Белого (1933): тактика самоописания // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 9.
25. Спивак М. Л. Роман Андрея Белого «Москва» (1926): между авторским замыслом и издательской практикой // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 2.
26. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. М., 1959.
27. Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии // Редактор и книга: Сб. статей. М., 1962. Вып. 3.

References

1. Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska / Publ., vstup. stat'ia i komm. A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada; podg. teksta T. V. Pavlovoi, A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada. SPb., 1998.
2. A. Belyi i P. N. Zaitsev. Perepiska / Publ. Dzh. Mal'mstada // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. M.; SPb., 1994. Vyp. 15.
3. Andrei Belyi: Problemy tvorchestva. Stat'i, vspominaniia, publikatsii. M., 1988.
4. Belyi A. Mezhdv dvukh revoliutsii / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 1990.
5. Belyi A. Moskovskii chudak; Moskva pod udarom. M., 2022.
6. Belyi A. Moskva pod udarom / Podg. teksta i prim. S. I. Piskunovoi i V. M. Piskunova // Belyi A. Soch.: V 2 t. M., 1990. T. 2.
7. Belyi A. Moskva. M., 2020.
8. Belyi A. Moskva: Moskva pod udarom. Moskovskii chudak. Maski / Publ. S. I. Timinai. M., 1989.
9. Belyi A. Peterburg / Izd. podg. L. K. Dolgoplov; prim. S. S. Grechishkina, L. K. Dolgoplova, A. V. Lavrova. L., 1981 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

10. Belyi A. Petersburg / Izd. podg. L. K. Dolgopolo; prim. S. S. Grechishkina, L. K. Dolgoplova, A. V. Lavrova. 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 2004 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
11. Belyi A. Petersburg. Moskva: V 2 t. / Podg. teksta i prim. k «Moskve» N. I. Os'makovoi. Tula, 1989.
12. Belyi A. Sobr. soch. M., 2020. T. 17. Nesobrannoe. Kn. 2 / Sost. A. V. Lavrova, Dzh. Malmstada; podg. teksta, komm. A. V. Lavrova.
13. Belyi A. Sobr. soch.: V 6 t. M., 2004. T. 3–4. Moskva.
14. Belyi A. Stikhotvoreniia i poemy: V 2 t. / Vstup. stat'ia, podg. teksta, sost., prim. A. V. Lavrova, Dzh. Malmstada. SPb.; M., 2006. T. 2 (ser. «Novaia biblioteka poeta»).
15. Belyi A., Sannikov G. Peregiska 1928–1933 / Sost., predislavie i komm. D. G. Sannikova. M., 2009.
16. Bunin I. A. Dnevnik 1885–1953 gg. / Predislavie, podg. teksta i prim. T. M. Dviniatnoi, O. A. Korosteleva, S. N. Morozova // Lit. nasledstvo. 2022. T. 110. I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniia: V 4 kn. Kn. 2.
17. Eikhensbaum B. M. Osnovy tekstologii // Redaktor i kniga: Sb. statei. M., 1962. Vyp. 3.
18. Grishunin A. L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii. M., 1998.
19. Kozhevnikova N. A. Iazyk Andreia Belogo. M., 1992.
20. Kozhevnikova N. A. Roman A. Belogo «Moskva» i Slovar' V. I. Dalia // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 2.
21. Likhachev D. S. Tekstologiya. Kratkii ocherk. M.; L., 1964.
22. Lit. nasledstvo. 2020. T. 112. Kn. 2. Belyi A. Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi: V 2 t. / Podg. izd. M. P. Odesskogo, M. L. Spivak, Kh. Shtal'. T. 2.
23. Piast VI. Vstrechi / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta, komm. R. D. Timenchika. M., 1997.
24. Spivak M. L. Izdatel'skaia istoriia romana Andreia Belogo «Moskva» i literaturnaia «kukhnia» 1920-kh godov // Russkaia literatura. 2025. № 2.
25. Spivak M. L. Poslednee publichnoe vystuplenie Andreia Belogo (1933): taktika samoopisaniia // Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiya». 2025. № 9.
26. Spivak M. L. Roman Andreia Belogo «Moskva» (1926): mezhdru avtorskim zamyslom i izdatel'skoi praktiko // Studia Litterarum. 2025. T. 10. № 2.
27. Tomashevskii B. V. Pisatel' i kniga. Ocherk tekstologii. M., 1959.

Николай Александрович Гуськов

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Nikolai Aleksandrovich Gus'kov

Associate Professor, Saint Petersburg State University

ORCID: 0000-0001-6189-2709

n.guskov@spbu.ru

АФАНАСИЙ СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И ЕГО ДВОЙНИКИ: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К ПОВЕСТИ К. А. ФЕДИНА «НАРОВЧАТСКАЯ ХРОНИКА»

AFANASY S. PUSHKIN AND HIS DOUBLES: DATA FOR COMMENTARY ON K. FEDIN'S *NAROVCHAT CHRONICLE*

Статья посвящена столетию повести К. А. Федина «Наровчатская хроника», высоко оцененной в 1920-е годы, но мало изученной. Выявлены прототипы одного из персонажей, двойника А. С. Пушкина: Н. Ф. Денисюк, который выведен также в прозе А. М. Ремизова и М. А. Осоргина, Ю. Н. Тынянова, А. А. Блока и др. Этот комментарий и анализ подтекста помогают расшифровать авторский замысел и глубже понять смысл повести.

Ключевые слова: К. А. Федин, двойники Пушкина, русская литература XX века, А. М. Ремизов, М. А. Осоргин.

The article honors the centenary of K. Fedin's novella *Narovchat Chronicle*, highly valued in the 1920s, but under-researched. The article determines the prototypes for one of the characters, the double of A. Pushkin, N. Denisjuk, also featured in the fiction of A. Remizov and M. Osorgin, Yu. Tyn-

yanov, A. Blok and others. The commentary and analysis of the subtext help to decipher the author's intention and to improve the understanding of the novella.

Key words: K. Fedin, doubles of A. Pushkin, Russian literature of 20th century, A. Remizov, M. Osorgin.

Список литературы

1. Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14, 26.
3. Каверин В. А. Эпilog. М., 2006.
4. Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX в. М., 2016.
- Кн. 1.
5. Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1.
6. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень.
7. СураI. З. Мандельштам и Пушкин. М., 2009.
8. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
9. Федин К. А. Собр. соч.: В 12 т. М., 1982–1986. Т. 2, 9, 10.
10. Федин К. А. Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов / Публ. Н. К. Фединой
- и В. В. Перхина; комм. В. В. Перхина // Русская литература. 1992. № 4.
11. Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4.
12. Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2013. Т. 11.
13. Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М., 1989.
14. Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990.

References

1. Blok A. A. Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1962. T. 6.
2. Chukovskii K. I. Sobr. soch.: V 15 t. M., 2013. T. 11.
3. Chukovskii N. K. Literaturnye vospominaniia. M., 1989.
4. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1976. T. 14, 26.
5. Fedin K. A. Iz trekh petrogradskikh dnevnikov 1920–1921 godov / Publ. N. K. Fedinoi
- i V. V. Perkhina; komm. V. V. Perkhina // Russkaia literatura. 1992. № 4.
6. Fedin K. A. Sobr. soch.: V 12 t. M., 1982–1986. T. 2, 9, 10.
7. Kaverin V. A. Epilog. M., 2006.
8. Konstantin Fedin i ego sovremenniki: Iz literaturnogo nasledia XX v. M., 2016. Kn. 1.
9. Mandel'shtam O. E. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2009. T. 1.
10. Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2000. T. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren'.
11. Shklovskii V. B. Gamburskii schet. M., 1990.
12. Surat I. Z. Mandel'shtam i Pushkin. M., 2009.
13. Tsvetaeva M. I. Sobr. soch.: V 7 t. M., 1994. T. 4.
14. Tynianov Iu. N. Poetika. Istoriia literatury. Kino. M., 1977.

Татьяна Олеговна Пономарева

научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Olegovna Ponomareva

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0008-0689-876X

nabokovreadings@gmail.com

**РОМАН В. В. НАБОКОВА «ПОДВИГ»:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

**VLADIMIR NABOKOV'S GLORY:
HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL CONTEXT**

В статье рассматривается роман «Подвиг» в контексте истории Гражданской войны в России и последовавших за ней событий, а также биографии В. В. Набокова. Анализируется эволюция взглядов писателя на задачи русской эмиграции на протяжении 1920-х годов. Используются различные биографические источники, включая малоизвестные и неопубликованные.

Ключевые слова: В. В. Набоков, «Подвиг», русское зарубежье, Гражданская война.

The article focuses on the historical and biographical context of *Glory*. The evolution of Nabokov's views on the mission of the Russian emigration during the 1920s is also analyzed. Various biographical sources, including rare publications and unpublished documents, are used in the paper.

Key words: Nabokov, *Glory*, Russian émigré literature, Civil War.

Список литературы

1. Аверин Б. В. Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.
2. Набоков А. Прочтение Набокова. СПб., 2019.
3. Базанов П. Н. Братство Русской Правды: самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013.
4. Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы: Биография. СПб., 2010.
5. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы: Биография. СПб., 2001.
6. Будницкий О. В. Братство Русской Правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64).
7. Букс Н. Владимир Набоков. Русские романы. М., 2019.
8. Гессен И. В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979.
9. Данилевский А. В. Набоков-Сири в «Возобновленной тоске» Бориса Дикого // Альманах «Тредиаковский». <https://poezia.ru/trediakovsky/57>; дата обращения: 01.03.2026.
10. Долгоруков П. Д. Великая разлука. Мадрид, 1964.
11. Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб., 2019.
12. Долинин А. А. Ключ смеется последней. Набоков в споре с историзмом // Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб., 2019.
13. Ефимов М. В. О позолоченном ключе и золотом ключике (Владимир Набоков и Алексей Н. Толстой) // Набоковский сборник. 2011. № 1.
14. Искрин М. Г. Кто такой Мартын Задека? // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2.
15. Каннак Е. Берлинский «Кружок поэтов» (1928–1933) // Русский альманах / Под ред. З. Шаховской, Р. Герра, Е. Терновского. Париж, 1981.
16. Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000.
17. Мрозовски-Шоу Л., Пономарева Т. По следам Дарвина // Набоковский сборник: Материалы научной программы «Набоковские чтения» Музея В. В. Набокова. СПб., 2015.
18. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
19. Набоков В. В. Письма к Вере. М., 2018.
20. Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Подвиг» («Glory») / Пер. М. Маликовой // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. Т. 1.
21. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 2004. Т. 5.
22. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода. В 5 т. СПб., 2002. Т. 2, 3, 5.
23. Набоков В. В. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. М. Э. Маликовой. СПб., 2002.
24. Набоков В. В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя. Переписка. 1940–1971. М., 2013.
25. Набоков В. Д. Временное правительство и большевистский переворот // Набоков В. Д. До и после Временного правительства / Сост., биографический очерк и прим. Т. О. Пономаревой. СПб., 2015.
26. Набоков В. Д. Крым в 1918/19 гг. / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 1.
27. Набоковский вестник. СПб., 1999. Вып. 3.
28. Набоковы: жена и сестра / Предисловие, сост. и прим. Т. Пономаревой. СПб., 2025.
29. Николаева-Тандиль Е. О. «Братское Сердце» или полвека на чердаке: уникальная история архива Братства // Историческая экспертиза. 2024. № 4.
30. Пономарева Т. О. Об адресате стихотворения В. Набокова «К кн. С. М. Качурину» // «...И не кончается строка»: Сб. в честь М. Н. Виролайнена. СПб., 2024.
31. Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 44.
32. Ронен О. Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину» // Звезда. 1999. № 4.
33. Толстая Е. Д. Два мэтра: Алексей Толстой в прозе Набокова // Толстая Е. Д. Игра в классики. Русская проза XIX–XX веков. М., 2017.
34. Утгоф Г. «Я иду по дороге одинъ»: Из заметок о текстологии романа В. Набокова-Сирина «Подвиг» / «Glory» // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 1.

35. Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.
36. Шпраер М. Д. Бунин и Набоков. Ученичество — мастерство — соперничество. 1917–1977. М., 2023.
37. Шпраер М. Д. Бунинский бубен: Отголоски учителя в четвертом романе Набокова // Новый мир. 2019. № 4.
38. Шпраер М. Д. Интерлюдия вторая: о концовке набоковского «Подвига» // Шпраер М. Д. Набоков: темы и вариации. СПб., 2000.
39. Я/сновидения Набокова / Сост., публ. и комм. Г. Барабтарло. СПб., 2021.
40. Barton Johnson D. Vladimir Nabokov and Captain Mayne Reid // Cynos. 1993. Vol. 10. № 1. Nabokov: Autobiography, Biography and Fiction. <http://epi-revel.univ-cotedazur.fr/publication/item/477>; дата обращения: 25.04.2026.
41. Dolinin A. On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's Podvig // Slavica Revalensia. 2020. Vol. VII.
42. Field A. Nabokov: His Life in Part. London, 1977.
43. Nabokov V. Glory. New York, 1971.
44. Nicol Ch. Martin, Darwin, Malory and Pushkin: The Anglo-Russian Culture of Glory // Nabokov's World / Eds. J. Grayson, A. McMillin, P. Meyer. Basingstoke; New York, 2002. Vol. 1. The Shape of Nabokov's World.
45. Tammi P. Glory // Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V. E. Alexandrov. New York, 1994.

References

1. Averin B. V. Dar Mnemoziny. Romany Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii. SPb., 2003.
2. Babikov A. Prochtenie Nabokova. SPb., 2019.
3. Barton Johnson D. Vladimir Nabokov and Captain Mayne Reid // Cynos. 1993. Vol. 10. № 1. Nabokov: Autobiography, Biography and Fiction. <http://epi-revel.univ-cotedazur.fr/publication/item/477>; дата обращения: 25.04.2026.
4. Bazanov P. N. Bratstvo Russkoi Pravdy: samaia zagadochnaia organizatsiia Russkogo Zarubezh'ia. M., 2013.
5. Boid B. Vladimir Nabokov. Amerikanskii gody: Biografiia. SPb., 2010.
6. Boid B. Vladimir Nabokov. Russkie gody: Biografiia. SPb., 2001.
7. Budnitskii O. V. Bratstvo Russkoi Pravdy — poslednii literaturnyi proekt S. A. Sokolova-Krechetova // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 6 (64).
8. Buks N. Vladimir Nabokov. Russkie romany. M., 2019.
9. Danilevskii A. V. Nabokov-Sirin v «Vozrozhdennoi toške» Borisa Dikogo // Al'manakh «Trediakovskii». <https://poezia.ru/trediakovsky/57>; data obrashcheniia: 01.03.2026.
10. Dolgorukov P. D. Velikaia razrukh. Madrid, 1964.
11. Dolinin A. A. Istinnaiia zhizn' pisatel'ia Sirina. Raboty o Nabokove. SPb., 2019.
12. Dolinin A. A. Klio smeetsia poslednei. Nabokov v spore s istorizmom // Dolinin A. A. Istinnaiia zhizn' pisatel'ia Sirina. Raboty o Nabokove. SPb., 2019.
13. Dolinin A. On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's Podvig // Slavica Revalensia. 2020. Vol. VII.
14. Efimov M. V. O pozolochennom kliuche i zolotom kluchike (Vladimir Nabokov i Aleksei N. Tolstoi) // Nabokovskii sbornik. 2011. № 1.
15. Field A. Nabokov: His Life in Part. London, 1977.
16. Fleishman L. V tiskakh provokatsii. Operatsiia «Trest» i russkaia zarubezhnaia pechat'. M., 2003.
17. Gessen I. V. Gody izgnaniia. Zhiznennyi otchet. Parizh, 1979.
18. Ia/snovideniia Nabokova / Sost., publ. i komm. G. Barabtarlo. SPb., 2021.
19. Iskrin M. G. Kto takoi Martyn Zadeka? // Al'manakh bibliofila. M., 1975. Vyp. 2.
20. Kannak E. Berlinskii «Kruzhok poetov» (1928–1933) // Russkii al'manakh / Pod red. Z. Shakhovskoi, R. Gerra, E. Ternovskogo. Parizh, 1981.
21. Literatura fakta. Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa. M., 2000.
22. Mrozovski-Shou L., Ponomareva T. Po sledam Darvina // Nabokovskii sbornik: Materialy nauchnoi programmy «Nabokovskie chteniia» Muzeia V. V. Nabokova. SPb., 2015.
23. Nabokov V. D. Krym v 1918/19 gg. / Publ. A. S. Puchenkova // Noveishaia istoriia Rossii. 2015. № 1.
24. Nabokov V. D. Vremennoe pravitel'stvo i bol'shevistskii perevorot // Nabokov V. D. Do i posle Vremennogo pravitel'stva / Sost., biografiicheskii ocherk i prim. T. O. Ponomarevoi. SPb., 2015.
25. Nabokov V. Glory. New York, 1971.
26. Nabokov V. V. Kommentarii k romanu A. S. Pushkina «Evgenii Onegin». SPb., 1998.
27. Nabokov V. V. Pis'ma k Vere. M., 2018.
28. Nabokov V. V. Predislovie k angliiskomu perevodu romana «Podvig» («Glory») / Per. M. Malikovo // V. V. Nabokov: pro et contra. SPb., 1997. T. 1.

29. Nabokov V. V. *Sobr. soch. amerikanskogo perioda*: V 5 t. SPb., 2004. T. 5.
30. Nabokov V. V. *Sobr. soch. russkogo perioda*. V 5 t. SPb., 2002. T. 2, 3, 5.
31. Nabokov V. V. *Stikhotvoreniia* / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. M. E. Malikovoi. SPb., 2002.
32. Nabokov V. V., Uilson E. *Dorogoi Ponchik. Dorogoi Volodia. Perepiska. 1940–1971*. M., 2013.
33. Nabokovskii vestnik. SPb., 1999. Vyp. 3.
34. Nabokovy: zhena i sestra / Predislovie, sost. i prim. T. Ponomarevoi. SPb., 2025.
35. Nicol Ch. Martin, Darwin, Malory and Pushkin: The Anglo-Russian Culture of Glory // *Nabokov's World* / Eds. J. Grayson, A. McMillin, P. Meyer. Basingstoke; New York, 2002. Vol. 1. The Shape of Nabokov's World.
36. Nikolaeva-Tandil' E. O. «Bratskoe Serdtse» ili polveka na cherdake: unikal'naia istoriia arkhiva Bratstva // *Istoricheskaiia ekspertiza*. 2024. № 4.
37. Ponomareva T. O. Ob adresate stikhotvoreniia V. Nabokova «K kn. S. M. Kachurinu» // «...I ne konchaetsia stroka»: Sb. v chest' M. N. Virolainen. SPb., 2024.
38. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. M., 2016. T. 44.
39. Ronen O. Puti Shklovskogo v «Putevoditele po Berlinu» // *Zvezda*. 1999. № 4.
40. Shraer M. D. Bunin i Nabokov. Uchenichestvo — masterstvo — sopernichestvo. 1917–1977. M., 2023.
41. Shraer M. D. Buninskii buben: Otgoloski uchitelia v chetvertom romane Nabokova // *Novyi mir*. 2019. № 4.
42. Shraer M. D. Interliudiia vtoraia: o kontsovke nabokovskogo «Podviga» // Shraer M. D. *Nabokov: temy i variatsii*. SPb., 2000.
43. Tammi P. *Glory* // *Garland Companion to Vladimir Nabokov* / Ed. by V. E. Alexandrov. New York, 1994.
44. Tolstaia E. D. Dva metra: Aleksei Tolstoi v proze Nabokova // Tolstaia E. D. *Igra v klassiki. Russkaia proza XIX–XX vekov*. M., 2017.
45. Utgof G. «Ia idu po doroge odin»: Iz zametok o tekstologii romana V. Nabokova-Sirina «Podvig» / «Glory» // *Letniia shkola po russkoi literature*. 2019. T. 15. № 1.

Лев Аркадьевич Трахтенберг

профессор Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Lev Arkad'evich Trakhtenberg

Professor, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-4345-0955

lev_a_t@inbox.ru

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ СКАЗКИ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «КИСЕЛЬ»

ON A SOURCE

OF M. YE. SALTYSKOV-SHCHEDRIN'S TALE «KISSEL»

В статье показано, что одним из источников сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель» может быть стихотворение В. А. Жуковского «Овсяный кисель» (перевод идиллии И. П. Гебеля «Das Habermus»). Сигналом их соотносённости служит трансформированная цитата из стихотворения в начале сказки. Созданной в идиллии картине всеобщей связи мироздания, где человек преисполнен благодарности, Щедрин противопоставляет сатирический образ высших классов общества, чья неблагодарность разрушает естественный порядок.

Ключевые слова: русская литература XIX века, источниковедение, сказка, сатира, пародия.

The article shows that Vasily Zhukovsky's poem «Oatmeal Kissel», a translation of Johann Peter Hebel's idyll *Das Habermus*, might be one of the sources of Mikhail Saltykov-Shchedrin's tale (or,

as it is known in English, fable) «Kissel». A transformed quotation from the poem in the beginning of the tale points to the connection. In contrast with the idyllic picture of the universe as an interconnected whole with the human's place inside it gratefully accepted, Shchedrin satirises the upper social classes, whose ingratitude undermines the natural order.

Key words: Russian 19th-century literature, source study, fable, satire, parody.

Список литературы

1. Айзикова И. Примечания // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Гл. ред. А. С. Янушкевич. М., 2000. Т. 2 / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич.
2. Алякринская М. А. К жанровой интерпретации сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Кисель» // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2023. Т. 22. № 9.
3. Базанова В. И. «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1966.
4. Баскаков В. Н., Бушмин А. С. Примечания // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. / Гл. ред. С. А. Макашин. М., 1974. Т. 16. Кн. 1.
5. Баскаков В. Н., Бушмин А. С. Примечания // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки / Отв. ред. С. А. Макашин. Л., 1988 (сер. «Литературные памятники»).
6. Бухштаб В. Я. Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958.
7. Бушмин А. С. Сказки Салтыкова-Щедрина: Монография. 2-е изд. Л., 1976.
8. Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм / Отв. ред. К. Н. Григорьян. Л., 1978.
9. Вдовин А. В., Лейбов Р. Г. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века // Acta Slavica Estonica. IV. Тр. по русской и славянской филологии. Литературоведение. IX / Отв. ред. А. В. Вдовин, Р. Г. Лейбов. Т. 4. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и литературный канон XIX века. Тарту, 2013.
10. Вдовин А. В., Лейбов Р. Г., Казакова Е. Хрестоматии Российской Империи с 1805 по 1912 гг. // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. [СПб.], 2021. <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2021.9-B003&version=1.0>; дата обращения: 26.11.2025.
11. Виноцкий И. Ю. Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя» // Новое литературное обозрение. 2003. № 61.
12. Дмитриенко С. Ф. Комментарии // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. СПб., 2012.
13. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. / Гл. ред. А. С. Янушкевич. М., 2000. Т. 2 / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич.
14. Зыкова Г. В. Салтыков-Щедрин и Крылов // Русская словесность. 1996. № 5.
15. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889: Биография. М., 1989.
16. Николаева С. Ю. О литературном генезисе «сказочной трилогии» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Тенденции развития современной отечественной филологии: Материалы науч.-практич. конф. к 65-летию проф. В. В. Волкова (Тверь, 17 октября 2019 г.) / Сост. И. В. Гладилина. Тверь, 2019.
17. Петров Г. В. Салтыков // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5.
18. Поплавская И. А. Текст «времени года» и художественная философия «весеннего чувства» в творчестве В. А. Жуковского // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 388.
19. Пронин В. А. Баллада Шиллера «Порука» как объект пародии // Гетевские чтения. 2004–2006 / Отв. ред. Г. В. Якушева. М., 2007.
20. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 16. Кн. 1; Т. 17.
21. Строганова Е. Н. О сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик» // Культура и текст. 2021. № 1 (44).
22. Трофимов И. Т. Сказки Салтыкова-Щедрина: Пособие для учителей. М., 1964.

References

1. Aizikova I. Primechaniia // Zhukovskii V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. / Gl. red. A. S. Ianushkevich. M., 2000. T. 2 / Red. O. B. Lebedeva i A. S. Ianushkevich.
2. Aliakrinskaiia M. A. K zhanrovoi interpretatsii skazki M. E. Saltykova-Shchedrina «Kisel'» // Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser. Istoriia, filologiiia. 2023. T. 22. № 9.
3. Baskakov V. N., Bushmin A. S. Primechaniia // Saltykov-Shchedrin M. E. Sobr. soch.: V 20 t. / Gl. red. S. A. Makashin. M., 1974. T. 16. Kn. 1.
4. Baskakov V. N., Bushmin A. S. Primechaniia // Saltykov-Shchedrin M. E. Skazki / Otv. red. S. A. Makashin. L., 1988 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
5. Bazanova V. I. «Skazki» M. E. Saltykova-Shchedrina. M.; L., 1966.

6. *Bukhshtab B. Ia.* Skazki M. E. Saltykova-Shchedrina. L., 1958.
7. *Bushmin A. S.* Skazki Saltykova-Shchedrina: Monografiia. 2-e izd. L., 1976.
8. *Dmitrenko S. F.* Kommentarii // Saltykov-Shchedrin M. E. Skazki. SPb., 2012.
9. *Makashin S. A.* Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody. 1875–1889: Biografiia. M., 1989.
10. *Nikolaeva S. Iu.* O literaturnom genezise «skazochnoi trilogii» M. E. Saltykova-Shchedrina // Tendentsii razvitiia sovremennoi otechestvennoi filologii: Materialy nauch.-praktich. konf. k 65-letiiu prof. V. V. Volkova (Tver', 17 oktiabria 2019 g.) / Sost. I. V. Gladilina. Tver', 2019.
11. *Petrov G. V.* Saltykov // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 2007. T. 5.
12. *Poplavskaiia I. A.* Tekst «vremena goda» i khudozhestvennaia filosofia «vesennego chuvstva» v tvorchestve V. A. Zhukovskogo // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2014. № 388.
13. *Pronin V. A.* Ballada Shillera «Poruka» kak ob'ekt parodii // Getevskie chteniia. 2004–2006 / Otv. red. G. V. Iakusheva. M., 2007.
14. *Saltykov-Shchedrin M. E.* Sobr. soch.: V 20 t. M., 1965–1977. T. 16. Kn. 1; T. 17.
15. *Stroganova E. N.* O skazke M. E. Saltykova-Shchedrina «Dikii pomeschchik» // Kul'tura i tekst. 2021. № 1 (44).
16. *Trofimov I. T.* Skazki Saltykova-Shchedrina: Posobie dlia uchitelei. M., 1964.
17. *Vatsuro V. E.* Russkaia idilliia v epokhu romantizma // Russkii romantizm / Otv. red. K. N. Grigor'ian. L., 1978.
18. *Vdovin A. V., Leibov R. G.* Khrestomatiinye teksty: russkaia poeziia i shkol'naia praktika XIX veka // Acta Slavica Estonica. IV. Tr. po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. IX / Otv. red. A. V. Vdovin, R. G. Leibov. T. 4. Khrestomatiinye teksty: russkaia pedagogicheskaiia praktika i literaturnyi kanon XIX veka. Tartu, 2013.
19. *Vdovin A., Leibov R., Kazakova E.* Khrestomatii Rossiiskoi Imperii s 1805 po 1912 gg. // Repozitorii otkrytykh dannykh po russkoi literature i fol'kloru. [SPb.], 2021. <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2021.9-B003&version=1.0>; data obrashcheniia: 26.11.2025.
20. *Vinitskii I. Iu.* Poeticheskaiia semantika Zhukovskogo, ili Rassuzhdenie o vkuse i smysle «Ovsianogo kiselia» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 61.
21. *Zhukovskii V. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. / Gl. red. A. S. Ianushkevich. M., 2000. T. 2 / Red. O. B. Lebedeva i A. S. Ianushkevich.
22. *Zykova G. V.* Saltykov-Shchedrin i Krylov // Russkaia slovesnost'. 1996. № 5.

Дмитрий Вадимович Зайцев

младший научный сотрудник, аспирант Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Dmitrii Vadimovich Zaitsev

Junior Researcher, Graduate Student, A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0009-2235-4591

d_zaiczev@mail.ru

РАССКАЗ И. А. БУНИНА «НОВАЯ ДОРОГА»: ИЗ МАТЕРИАЛОВ К КОММЕНТАРИЮ

I. A. BUNIN'S SHORT STORY «THE NEW ROAD»: COMMENTARY INSIGHTS

В настоящей статье анализируется содержание, история создания и бытования раннего рассказа И. А. Бунина «Новая дорога», который представляет собой путевой очерк, осложненный лирическими отступлениями героя. На основе биографических данных и исторического контекста выдвигаются предположения о возможных топонимах, упоминаемых в рассказе, а также предпринимается попытка обозначить соотношение реального и вымышленного в творчестве писателя.

Ключевые слова: история русской литературы, текстология, научное комментирование литературного текста, И. А. Бунин, «Новая дорога».

The article delves into the content and creative history of Ivan Bunin's early short story «The New Road», which is a travelogue enhanced by the main character's lyrical digressions. Biographical data and historical context provide the insights into the possible toponyms mentioned in the story, and an attempt is made to outline the relationship between reality and fiction in the writer's works.

Key words: history of Russian literature, textual criticism, commentary on a literary text, I. A. Bunin, «The New Road».

Список литературы

1. Бунин И. А. Известные письма дореволюционного периода (1897–1901) // Москва. 2015. № 1.
2. Бунин И. А. Письма 1885–1904 / Под ред. О. Н. Михайлова. М., 2003.
3. Долгополов Л. К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века. Л., 1985.
4. Пономарев Е. Р. «Жизнь Арсеньева»: Проблемы научного издания // И. А. Бунин и его время: Контексты судьбы — история творчества / Отв. ред.-сост. Т. М. Двинятина, С. Н. Морозов. М., 2021 (сер. «Академический Бунин»; [вып.] 3).
5. Смола К. Текст Чехова и риторика знания его времени // Новое литературное обозрение. 2018. № 4.

References

1. Bunin I. A. Neizvestnye pis'ma dorevoliutsionnogo perioda (1897–1901) // Moskva. 2015. № 1.
2. Bunin I. A. Pis'ma 1885–1904 / Pod red. O. N. Mikhailova. M., 2003.
3. Dolgoplov L. K. Na rubezhe vekov. O russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka. L., 1985.
4. Ponomarev E. R. «Zhizn' Arsen'eva»: Problemy nauchnogo izdaniia // I. A. Bunin i ego vremia: Konteksty sud'by — istoriia tvorchestva / Otv. red.-sost. T. M. Dviniatina, S. N. Morozov. M., 2021 (ser. «Akademicheskii Bunin»; [vyp.] 3).
5. Smola K. Tekst Chekhova i ritorika znaniia ego vremeni // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 4.

Алла Олеговна Бурцева

преподаватель Российского государственного
гуманитарного университета

Alla Olegovna Burtseva

Lecturer, Russian State University for the Humanities

ORCID: 0000-0002-9168-6743

burtseva.ao@rggu.ru

ФЕНОМЕН И. А. КРЫЛОВА КАК ПРЕДМЕТ ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

I. A. KRYLOV'S PHENOMENON IN HUMANITARIAN SCHOLARSHIP

[Рец. на:] Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 760 с.

[Review:] Lyamina E. E., Samover N. V. Ivan Krylov — Superstar. Fenomen russkogo basnopistsa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 760 s.

Татьяна Михайловна Двинятина

ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Tatiana Mikhailovna Dvinyatina

Leading Researcher Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9772-6910

tatiana.dvinyatina@gmail.com

И. А. БУНИН — КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ**I. A. BUNIN AS CRITIC AND PUBLICIST**

[Рец. на:] *Бунин И. А. Критика и публицистика 1911–1953 годов* / Отв. ред. А. В. Бакунцев; сост. А. В. Бакунцев, С. Н. Морозов, О. А. Коростелев; предисловие, подг. текста и комм. А. В. Бакунцева, С. Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1144 с.; ил.

[Review:] *Bunin I. A. Kritika i publicistika 1911–1953 godov* / Otv. red. A. V. Bakuncev; sost. A. V. Bakuncev, S. N. Morozov, O. A. Korostelev; predislovie, podg. teksta i komm. A. V. Bakunceva, S. N. Morozova. M.: IMLI RAN, 2025. 1144 s.; il.

Ксения Андреевна Кумпан

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ksenia Andreevna Kumpan

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID 0000-0001-5975-1042

kumpan1947@gmail.com

**К ИЗУЧЕНИЮ ПОЗДНИХ ИНСТИТУЦИЙ
ФОРМАЛЬНОЙ ШКОЛЫ****STUDYING THE LATE-PERIOD INSTITUTIONS
OF THE FORMALIST SCHOOL**

[Рец. на:] *Отяковский В. С. Микроистория сообщества формалистов: Кабинет современной литературы при ГИИИ (1927–1930)*. Tartu: University of Tartu Press, 2024. 217 с.

[Review:] *Otyakovskij V. S. Mikroistoriya soobshhestva formalistov: Kabinet sovremennoj literatury pri GII (1927–1930)*. Tartu: University of Tartu Press, 2024. 217 s.

Андрей Юрьевич Соловьев

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Iurievich Solovev

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-0851-4199
an.solovjov@gmail.com

Вера Владимировна Филичева

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vera Vladimirovna Filicheva

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-2942-4846
lntfmd@rambler.ru

СОВЕТСКИЕ ЧИТАТЕЛИ Л. СТЕРНА**L. STERNE'S SOVIET READERSHIP**

[Рец. на:] *Budrin P.* Laurence Sterne and his Readers in Early Soviet Russia: The Secret Order of Shandean. Oxford: Oxford University Press, 2026. XV, 298 p., il. (Oxford Modern Languages and Literature Monographs).

[Review:] *Budrin P.* Laurence Sterne and his Readers in Early Soviet Russia: The Secret Order of Shandean. Oxford: Oxford University Press, 2026. XV, 298 p., il. (Oxford Modern Languages and Literature Monographs).

Светлана Анатольевна Дубровская

профессор кафедры русского языка как иностранного Национального
исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва

Svetlana Anatol'evna Dubrovskaja

Professor, Department of Russian as Foreign Language,
National Research Mordovia State University
ORCID: 0000-0002-5660-8977
s.dubrovskaya@bk.ru

**ШЕКСПИР ПО-СОВЕТСКИ: МОНОГРАФИЯ О РЕЦЕПЦИИ АНГЛИЙСКОГО
ДРАМАТУРГА В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА****SHAKESPEARE IN THE SOVIET STYLE: A MONOGRAPH
ON THE RECEPTION OF THE ENGLISH PLAYWRIGHT IN RUSSIA
IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY**

[Рец. на:] *Сердечная В. В., Жаткин Д. Н.* Советский Шекспир: Рецепция шекспироведческого наследия в России в первой половине XX века: монография. М.: ФЛИНТА, 2025. 340 с.

[Review:] *Serdechnaya V. V., Zhathin D. N.* Sovetskij Shekspir: Recepciya shekspirovedchesko-go naslediya v Rossii v pervoj polovine XX veka: monografiya. M.: FLINTA, 2025. 340 s.

Елена Михайловна Аксененко

младший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Mikhailovna Aksenenko

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0002-0207-7557

roirli@yandex.ru

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«МОНАСТЫРЬ. МИР. РУССКОЕ СЛОВО.
ПАМЯТИ ИГУМЕНА АНТОНИЯ (БОЧКОВА)»**

**MONASTERY. SECULAR WORLD. RUSSIAN WORD.
IN MEMORIAM HEGUMEN ANTONIY (BOCHKOV)
RESEARCH CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION**

[*Meeting Abstract*]

Ирина Владимировна Аршинова

младший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Arshinova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5947-3935

irinarvarshinova@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
К 70-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ
ЛИТЕРАТУР ИРЛИ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН»**

**TRANSNATIONALITY OF RUSSIAN LITERATURE:
HONORING THE 70TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT
OF INTERNATIONAL CONNECTIONS OF RUSSIAN LITERATURE,
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE (PUSHKINSKIJ DOM),
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INTERNATIONAL
RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Serguei Akimovich Kibalnik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5937-5339

kibalnik007@mail.ru

**ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЕ КЛАССИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ „ПЕРЕСЕЧЕНИЯ“,
КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ»**

***RUSSIAN CLASSICAL WRITERS OF THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY: «CROSSINGS» IN LIFE AND LITERATURE,
CRITICAL RECEPTION AND INTERTEXTUALITY
SECOND INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE***

[Meeting Abstract]

Светлана Алексеевна Семячко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Alekseevna Semiachko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0697-4418

svetlanasm08@mail.ru

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ
МИЛЕНЫ ВСЕВОЛОДОВНЫ И ТАТЬЯНЫ ВСЕВОЛОДОВНЫ
РОЖДЕСТВЕНСКИХ**

**RESEARCH CONFERENCE IN HONOR OF THE JUBILEE
OF MILENA AND TATIANA ROZHDESTVENSKY**

[Meeting Abstract]

Ольга Львовна Довгий

старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики
и публицистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

Olga L'vovna Dovgy

Senior Researcher, Chair of Literary and Art Criticism and Publicism, Department
of Journalism, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-3957-7857

olga-dovgy@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТРЕТЬИ БОГОМОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**THIRD BOGOMOLOV READINGS
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1823-6321

lena.eo@mail.ru

**XXIX НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА**

**29TH ACADEMIC READINGS
OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT, PUSHKIN HOUSE**

[*Meeting Abstract*]

Екатерина Николаевна Бузурнюк

научный сотрудник лаборатории комментирования античных текстов
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Ekaterina Nikolaevna Buzurniuk

Research Fellow, Laboratory for Commenting on Ancient Texts,
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow

katerinabuz@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0818-5375

Максим Станиславович Щавлинский

младший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Maksim Stanislavovich Shchavlinskii

Junior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, Moscow

ORCID: 0000-0001-5156-8999

maxim.shavlinsky@gmail.com

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«РУССКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КЛАССИКА В XXI ВЕКЕ:
ТЕКСТОЛОГИЯ, КОММЕНТИРОВАНИЕ И ИЗДАНИЕ, В Т. Ч. ЦИФРОВОЕ»**

***RUSSIAN AND EUROPEAN CLASSICS IN THE 21ST CENTURY:
TEXTOLOGY, COMMENTARY, AND PUBLISHING, INCLUDING DIGITAL
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE***

[Meeting Abstract]

Учредители:
Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru, www.pushkinskiydom.ru
ruslit@pran.ru, https://ruslitrass.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Л. Н. Киселевой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Подписано к печати 30.07.2026. Дата выхода в свет 31.08.2026.
Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 25,93. Уч.-изд. л. 32. Тираж 152 экз.
Заказ 289. Цена свободная.

18+

Издатель: ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.